КОНТИНЕНТ

134 2007 КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

№ 134

КОНТИНЕНТ

Андрей Илларионов

Августовский кризис сказался и на судьбе страны, и на моей судьбе. В частности, он познакомил меня с Путиным.

Если свежо окинуть взглядом застывшие формулы жизни, вдруг увидишь, что все несчастливые семьи похожи друг на друга, а каждая счастливая семья счастлива по-своему.

Александр Кузнецов

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ В НОМЕРЕ:

Стихи Германа Власова, Анны Саед-Шах, Игоря Старинина, Веры Тарзаевой

Повесть Славы Сергеева «Я ваш Тургенев»

Статьи и очерки Евгения Ермолина, Юрия Малецкого, Пинхаса Полонского, Ольги Седаковой, Николая Сидорова и Виктора Тополянского, Владимира Холкина. Игорь Виноградов. Открытое письмо священнику Якову Кротову

А также наш постоянный раздел

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА «КОНТИНЕНТА»

СОВМЕСТИМЫ ЛИ ХРИСТИАНСТВО И ДЕМОКРАТИЯ?

Александр Кырлежев

Константин Костюк

о.Филипп Парфенов

Алексей Юдин

о.Владимир Шмалий

Александр Верховский

КОНТИНЕНТ

Литературный, публицистический
и религиозный журнал

Выходит 4 раза в год

134

2007, № 4
октябрь — декабрь

ПАРИЖ · МОСКВА

КОНТИНЕНТ — CONTINENT

Журнал основан в 1974 году в Париже
писателем Владимиром МАКСИМОВЫМ

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 014255

Учредитель — И.И. Виноградов

Издатель:

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НЕЗАВИСИМАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "КОНТИНЕНТ"»

Адреса редакции: ул. Мясницкая, д. 22, офис 114-115
ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

ВНИМАНИЕ! Рукописи принимаются по адресу:
119121, Москва, ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

E-mail: idugina@mail.ru

Телефон редакции:
(495) 248-62-35

Internet: www.magazines.russ.ru/continent/
http://continent-rus.ru/

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются,
и в переписку по этому вопросу редакция не вступает

Материалы, присланные по электронной почте, не рассматриваются

При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент»
обязательна

Авторы несут ответственность за достоверность
приводимых ими фактов и цитат

© АНО «Независимая редакция журнала "Континент"»
© Название журнала «Континент» — В.Е. Максимов

Главный редактор
Игорь ВИНОГРАДОВ

Редакционная коллегия:

Марина АДАМОВИЧ
Василий АКСЕНОВ
Юрий АФАНАСЬЕВ
Александр БЛОК
Армандо ВАЛЬЯДАРЕС
Галина ВЕЛИКОВСКАЯ
Галина ВИШНЕВСКАЯ
Пауль ГОМА
Алла ДЕМИДОВА
Ион ДРУЦЭ
Евгений ЕРМОЛИН
Николай ЗЛОБИН
Андрей ЗУБОВ
Вячеслав ИВАНОВ
Фазиль ИСКАНДЕР
Оливье КЛЕМАН
Роберт КОНКВЕСТ
Наум КОРЖАВИН
Эдуард КУЗНЕЦОВ
Александр КЫРЛЕЖЕВ
Николаус ЛОБКОВИЦ
Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
Адам МИХНИК
Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ
Жорж НИВА
Амос ОЗ
Мишель ОКУТЮРЬЕ
Ярослав ПЕЛЕНСКИЙ
Валерий СОЙФЕР
Виктор СПАРРЕ
Юлиу ЭДЛИС
Сергей ЮРСКИЙ

Редакция:

Галина ВЕЛИКОВСКАЯ, Ирина ДУГИНА,
Евгений ЕРМОЛИН, Марина КОПЫЛОВА, Александр КЫРЛЕЖЕВ,
Сергей ЛЕБЕДЕВ, Светлана ОПАРИНА

Представители «Континента»

АВСТРИЯ
Елена ВОРОНЦОВА
Buchengasse 133/2/32
1100, WIEN, OSTERREICH
☎/fax 0043-1-607-30-23

БОЛГАРИЯ
Наталия ЕРМЕНКОВА
«Интербалканика»,
ул. Карнеги, 11
100 СОФИЯ, БОЛГАРИЯ
☎/fax (359-2) 919-87, 963-42-49

ГЕРМАНИЯ
Лев УКЕЛЬСОН
Wertachstraße 11,
86153 AUGSBURG, BRD
☎/fax (821) 41-77-08

ИЗРАИЛЬ
Юлия ЭЙДЕЛЬМАН
Hashaftim 22
64365 TEL-AVIV, ISRAEL
☎ (03) 69-67-375

КАНАДА
Ольга БУТЕНКО
1221, Boul. Rene Levesque
SILLERY QC G1S1V8, CANADA
☎/fax (418) 688-1221

ПОЛЬША
Татьяна ХОХЛОВА
U1 Belwederska 25, Rosyiski osrodek nauki i kultury
00-594 WARSZAWA, POLSKA
☎/fax (022) 849-27-30

Веслава ОЛЬБРЫХ
Fundacja «Slavica Orientalia»,
Zadanie 05/150, 05-077
WESOLA 4, POLSKA
☎ (022) 773-10-93

США
Марина АДАМОВИЧ
315 Oak Street
Garwood NJ 07027
☎ (908) 789-59-42

Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
1800 Connecticut ave., N.W.
WASHINGTON, D.C. 20009 USA
☎ (202) 986-6010,
fax (202) 667-4244

ФРАНЦИЯ
Татьяна МАКСИМОВА
5 rue Chalgin, 75116 PARIS, FRANCE
☎ (1) 45-00-67-56

Анастасия ВИНОГРАДОВА
62-bis, Avenue du general Leclerc
78230 LE PECQ, FRANCE
☎ (1) 30-61-11-24

ШВЕЙЦАРИЯ
Нелли ЗЕДГИНИДЗЕ
25 Malagnou
1208 GENEVE, SUISSE
☎/fax (22) 736-40-69

Татьяна ХОФЕР-НИКОЛАЕВА
15 Ch. de la Rochette
1202 GENEVE, SUISSE
☎ (22) 736-14-82

ЛАТВИЯ, ЛИТВА, ЭСТОНИЯ
Леон Габриэль ТАЙВАН
Raina bulv., 19
LV 1586, RIGA, LATVIA
☎ (3712) 234-145

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ «КОНТИНЕНТА»

Анна САЕД-ШАХ
Сто строк. *Стихи* 9

Слава СЕРГЕЕВ
Я ваш Тургенев. *Повесть* 13

Игорь СТАРИНИН
Я признаю ничто 53

Александр КУЗНЕЦОВ-ТУЛЯНИН
Минута ангелов. *Рассказ* 59

Герман ВЛАСОВ
Лисенок ветра метроном. *Стихи* 74

Вера ТАРЗАЕВА
Достигая точки невозврата. *Стихи* 79

РОССИЯ И МИР

Андрей ИЛЛАРИОНОВ
Слово и дело. *Беседа в редакции* 83

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ
Комментарий к событиям российской жизни
/июль — декабрь 2007 г./ 148

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Проблемы российской современности
в русской сетевой и бумажной периодике
третьего квартала 2007 г. 223

ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ

Николай СИДОРОВ, Виктор ТОПОЛЯНСКИЙ
Гимнокосмогония. *Документальная хроника военного времени* 236

РЕЛИГИЯ

Христианство и демократическая культура
Круглый стол в редакции «Континента» 291

Пинхас ПОЛОНСКИЙ
Из Монреаля не разглядишь: соотношение сионизма
и иудаизма в контексте израильской реальности 344

Юрий МАЛЕЦКИЙ
Случай Дорошенко:
опыт покаянного ответа ученому собрату 360

Основные события церковной жизни
в зеркале прессы (*сентябрь — ноябрь 2007*) 397

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Религиозная мысль
в русской периодике третьего квартала 2007 г. 404

ГНОЗИС

Ольга СЕДАКОВА
Данте: Мудрость Надежды 411

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Философская, социологическая и политологическая мысль
в русской периодике третьего квартала 2007 г. 421

ПРОЧТЕНИЕ

Владимир ХОЛКИН
Андрей Штольц: поиск понимания 435

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Евгений ЕРМОЛИН
Убитое время. Живые лица 454

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Художественная литература и критика
Третий квартал 2007 г. 471

РАЗНОЕ

Игорь ВИНОГРАДОВ
Открытое письмо священнику Якову Кротову 517

Анна САЕД-ШАХ

СТО СТРОК

Гаданье

В бедности нет порока,
только и прока нету,
будет тебе дорога,
будешь иметь монету.

Выйдешь в большие люди —
сделай большие деньги!
И получай на блюде
шапку свою по Сеньке.

...Будет чем погордиться
в долбаной деревяшке! —
Не удалось родиться,
так хоть умри в рубашке.

Эриграф

А если *счастья нет*, зачем *покой и воля*.
А если воли нет, зачем простор такой!..
Наш ангел улетел — и нас осталось двое.
И тесен наш покой.
...и ангел улетел.

Диптих

1

Ни стирать ему, ни готовить,
ни ходить по утрам растрепой,
ни сидеть за столом с гостями,
ни пилить за лишнюю рюмку,

Анна САЕД-ШАХ — родилась в Москве, окончила филологический факультет Московского областного педагогического института. Стихи публикует с 1985 г., печаталась в журналах «Дружба народов», «Новый мир», «Огонек», «Юность» и др. Автор двух поэтических сборников на русском и одного — на болгарском языках. Стихи переводились на английский, фламандский и непальский языки. Живет в Москве.

ни лечить от сердечной боли.
Ни детей ему нянчить, ни внуков.
...Хорошо любить чужого мужа! —
Ненавижу.

2

А она! Что она сумела,
кроме смерти? Зачем терпела?
Умоляла, просила, билась,
жизни малость отдав на милость, —
и ушла из последних сил.
Кто просил?

Нам теперь никто — не помеха!
будем вместе навек, для смеха
гордо глину месить свою, —
если верить, то не в раю.

Нет, не верю. Я помню, Боже,
ты ведь был заплеванным тоже,
пред толпою смешон и наг.
Ты и с нами ничуть не строже —
Как же так?

* * *

У. Рижинашвили

Грузинский поэт в Америке
умеет писать по-русски,
ему языка не жалко,
а жалко себя-дурака.
Известный почти как Берия,
когда-то он жил в империи
и в переводах Межирова
звучала его строка.
А девушки, словно сонные,
к нему простирали ноги
и от вина сухого
влажно вскрывали рты.
Америка! Что ж ты, бедная,
Бигмакная и бигбэндная,
не платишь сполна за тосты
старого тамады.

* * *

Навести марафет,
занавеситься платьем от Зайцева
и, как зайчик, по серой скакать непогоде.
...Нужно просто найти в себе силы признаться,
что силы уходят,
и остаться,
от поезда напрочь отстать,
скинуть с ног сапоги на платформе,
в теплом кресле пустить свои корни,
чтобы умные книжки читать.

Значит, минус один —
на бессовестном празднике жизни!
Значит, плюс полтора на носу
и махровый-махровый халат.
В подмосковном лесу
буду бегать с сачком и корзинкой
и вдыхать глубоко деревянных духов аромат.

Косметичка моя!
Кто под вечер тебя приголубит,
приоткроет флаконы и пудры,
и целое царство теней,
перламутрово-красной помадой погубит
чье-то сердце?
...и некуда деться
от непрожитых дней.

Письмо

В Переделкине все мельче
Сетунь, ягоды в лесах.
На земле поэтов меньше,
чем на небесах.
На земле поэтов меньше,
хорошо, хоть столько есть.
Александр Петрович Межиров,
как живется вам не здесь?
Не болят ли ваши раны
(в смысле ностальгическом)
там, за Тихим океаном
или Атлантическим,

где для легких — воздух свежий
и слеза — для глаз...
В Переделкине все реже
вспоминаем вас,
топчем тонкие листочки
и живем, как можется.
И журчит Святой источник,
и музеи множатся.

Слава СЕРГЕЕВ

Я ВАШ ТУРГЕНЕВ

Судьба либерала

Это сладкое слово свобода.
Название фильма

1

Я знаю его давно, с конца 80-х. Елки-палки, скоро будет восемнадцать лет... Возраст совершеннолетия. Почти все новые времена[1].

Сначала заочно — тогда все читали его романы. Романы были как бы фантастическими и предсказывали заговор генералов и скорый крах СССР. Что и случилось в скором времени, сильно повысив общественный интерес к автору.

Потом была еженедельная передача по телевизору, тему забыл, что-то по «культуре», которая мне нравилась. В роли ведущего он был интеллигентен, грустен, ироничен и в одной из передач сказал, что любит Хемингуэя. Я тоже любил Хемингуэя. Собственно, мы все тогда его любили. Матадор, Джейк и леди Эшли, иметь и не иметь, Гарри Морган и острова в океане...

И еще тогда, в первый раз, посмотрев эту передачу, одна знакомая вдруг сказала, что мы чем-то похожи.

— Похожи? — Я удивился. — Чем?..

— Ну так, что-то есть, я даже не пойму, что...

Было лестно, ведь я только пробовал что-то писать, а он был уже очень известен.

А потом, однажды осенью, году в 92-м, я стоял на «Маяковской» с красивой подругой своего приятеля и ел пирожки с курагой. Может, кто помнит, в тех местах, за памятником, через дорогу, у бывшего здания знаменитой либеральной газеты, где сейчас газетные киоски, когда-то были продуктовые ларьки и в одном из них продавали очень вкусные пирожки. И я, будучи студентом, часто туда заходил в обед. А он шел мимо... На нем был серый европейский плащ и модная тогда маленькая тирольская шляпа. В натуральном виде он был тоже грустен и, правда,

[1] Все персонажи вымышлены, совпадения случайны.

Слава СЕРГЕЕВ — родился в Москве. По первому образованию — геолог. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Печатался в журналах «Дружба народов», «Новое время», «НЛО», «Огонек» и др. Автор книги прозы «Места пребывания истинной интеллигенции» (лонг-лист премии «Национальный бестселлер — 2007). Постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

очень похож на какого-то героя не то Хемингуэя, не то Грэма Грина — умное, немного худое лицо с аккуратными морскими усами и стрижкой ежиком — может быть, военный, или журналист, или писатель.

А у меня в сумке лежала только что законченная статья, в которой я, честно говоря, немного ему подражая, писал: глухая дача в далеком Подмосковье, высокий забор, генеральские «волги» заговорщиков, ворохи опавшей листвы... Статья была большая, о чем в ней говорилось, я не помню, что-то об опасностях на путях молодой российской демократии.

И вот, в основном чтобы пустить пыль в глаза красивой подруге приятеля, которая мне тоже нравилась и которая его, разумеется, знала (телевизор-то смотрят все, даже красавицы), я сказал: здравствуйте. И он машинально кивнул. Потом, вдруг остановившись, спросил: вы ко мне? И тогда я, вспомнив про статью в сумке, но больше, чтобы произвести впечатление на девушку, вдруг сказал: к вам. — А, ну тогда пошли, — сказал он. И я пошел, довольный произведенным эффектом: меня проводили ошалелым взглядом...

Мы вошли в здание его редакции, которая располагалась неподалеку, поднялись по лестнице на этаж и, уже входя в кабинет, он сказал: а собственно, я не припомню, по какому вопросу?.. И когда я, запинаясь и извиняясь, объяснил, он сказал: ну, ты и нахал... И был прав.

Так мы познакомились.

Потом его газета напечатала мою заметку, причем на престижной полосе, вначале, с портретом, рядом с заметкой самого Александра Николаевича Яковлева, еще я сфотографировался в прибалтийском клетчатом шарфе, купленном по случаю. Под фотографией по его предложению поставили подпись «литератор», он пошутил: «так подписывался Ленин», и редактура была более-менее сносной, хотя заметку сделали из статьи, сократив ее раз в пять минимум... Но все равно, было здорово, это было в первый раз и в первый же раз в приличной газете, спасибо ему, — не в какой-нибудь заводской многотиражке, как начинал он и как нас учили в институте, не чувствуя приближения новых времен.

«Начинать надо с малого» — а я понимал, нет, сейчас с малого нельзя, просто ненужно, зачем, если есть большое, большее и путь туда гораздо свободнее, легче, чем раньше, и самое смешное — легче, чем к малому... Нахал, он был прав.

Да... И я стал к нему ходить, — не очень часто, примерно раз в месяц, к тому же в здании их газеты было служебное кафе, «буфет», как тогда говорили, ведь в то время в Москве почти не было мест, где можно было не выпить-закусить в кислом похмельном чаду, а взять чашку кофе или чая и посидеть с книжкой или газетой, как сейчас, а сейчас уже кажется: как так — не было? Не может быть! Никто не помнит, а всего-то чуть больше десяти лет прошло, и ну-ка спросите у длинноногой девочки-официантки или у важного посетителя ныне располагающегося в их здании модного «City-cafe», помнят ли девочка или посетитель *те времена,* — от вас с испугом или неловкой улыбкой (еще один сумасшедший!) шарахнутся: девочка тогда еще только начинала хо-

дить в школу и носила косички, а посетитель помнит, но предпочитает не вспоминать.

Когда я к нему приходил, я вам скажу честно, мне это нравилось — никому не известный мальчик из Литературного института приходит к заместителю главного редактора одной из самых известных в то время московских оппозиционных газет. Хотя почему «оппозиционных»? — тогда (1992 год) вроде бы почти правительственных... Недолгая пора, очей очарованье, когда о либерализме как официальной идеологии говорить еще не стыдились, приятна мне твоя печальная краса. Вокруг него вечно толпились какие-то шестерки из сотрудников, а поскольку он был тогда либералом, стиль отношений был свободным, все обращались к нему на «ты», даже немного грубили... О пышное природы увяданье, но я-то видел, что либерализм — либерализмом, а все остается на своих местах: он — начальник, а они — подчиненные; вот они, ростки нынешних корпоративных муравейников с их строгой иерархией солдат, рабочих, обслуживающего персонала и особо приближенных к матке топ-менеджеров, — в багрец и золото одетые леса... И тут наступал маленький миг, полминуты моего кайфа — я не имел к нему отношения, я был никем, просто знакомым, полунищим молодым писателем, заглянувшим на огонек, и его сотрудники, молодые и не очень псевдосвободные журналюги, это чувствовали и меня тихо не любили, не могли понять, кто же я, ё-мое, такой?

Один такой, уже седой, с виду интеллигентный дядечка, чем-то неуловимо похожий на правозащитника Ковалева, очень давно работавший в их газете, с ласковой улыбкой взял по его указанию мою следующую статью и мурыжил ее со все такой же ласковой улыбкой месяца три-четыре, а на мои звонки через месяц отвечал с нарастающим нетерпением: я же сказал, как только, так сразу, — и мне пришлось в конце концов сказать об этом моему покровителю, и эта седая сволочь, встретив меня в коридоре, еще и щерилась: зачем же вы жалуетесь, дорогой С., я просто немного забыл, столько дел, знаете...

Я приходил, и мы разговаривали, немного выпивали в буфете и в его большом кабинете с телевизором и кожаными креслами. Он модничал, подражал Хемингуэю, наверное, тогда все ему немного подражали, и носил в кармане дорогую фляжку White horse, прикладываясь к ней прямо за столом. И я видел, что он, как говорится, рисуется, ему было приятно это отношение старший — младший, он чувствовал себя немного учителем, а может, вспоминал свою молодость, как он ходил по Москве молодой и неприкаянный и даже не думал еще о том полузабытом ныне своем романе, который сделал его знаменитым. Еще мы много говорили о политике, но я не помню, к сожалению, точного содержания этих разговоров; помню, что я, кажется, был не очень доволен происходящим, дававшим, на мой взгляд, слишком много шансов коммунистам и вообще красным, а он говорил, что все идет более-менее нормально, все проходят через дикий капитализм и что иначе и быть не может.

— А чем ему было быть тогда недовольным? — сказала мне одна моя приятельница, которой я рассказал какие-то фрагменты нашей исто-

рии. — У него же все было хорошо тогда. Известность, хорошая работа... Печально не это. Печально, что в нашей жизни ничего не бывает «навсегда». Он был очень известен в самом конце 1980-х, и его известность прошла. А он привык к ней, и теперь ему плохо. И ему остается только надеяться, что через 15–20 лет кто-нибудь вдруг вспомнит о нем и скажет: слушайте, а помните, был такой неплохой писатель, где он?.. Или он сам опять напишет что-то хорошее или просто новое и модное...

— Он симпатичный, — сказала мне недавно другая моя подруга (почему-то среди моих знакомых им интересовались в основном женщины), — он очень милый и талантливый, он просто попал немного не в свое время: всем было не до того, не до литературы; если бы он написал свой роман года на три-четыре раньше, была бы слава. А тогда он написал, и только все пошло — переиздания, телевизор, и вдруг прежняя жизнь обвалилась в 1991 году, какая уж тут литература...

Я ему передал эти слова (а предыдущие не передал) и увидел, как он обрадовался, как ему стало приятно, доброе слово и кошке приятно, а художнику и подавно, художника-то каждый может обидеть... И он велел передать моей подруге привет, и я даже заколебался, а не познакомить ли их, но потом посовестился: мужа подруги я знал и подумал, что это будет нехорошо по отношению к нему.

И, может, зря, подруга была не дура, и ничего серьезного, разумеется, бы не было, все бы просто немного развлеклись, а мой герой немного больше поверил бы в себя. Потому что что же еще умеют женщины и для чего они вообще нужны, как не для того, чтобы внушить нам веру в свои силы? Потому что его женщины — это была вообще песня, они занимались чем угодно, только не своими мужчинами; потом он же был романтик, хемингуэй и при постоянной жене, которая, кажется, была его немного старше, попадал в длинные параллельные связи, почти гарем. А ничто так не изматывает, как в цирке говорят, «партнеров», как подобные прелести, после которых (теперь-то я сам уже немного поумнел) люди выходят, если пропустить момент и не расстаться вовремя, хотя бы через 2–3 месяца, когда расставаться совсем не хочется, выходят опустошенными и не самыми лучшими друзьями, скажем так.

Так вот, его первая подруга, то есть первая, которую я застал, была, как у Райкина, — врач. Ну не врач, это шутка, она была философ, нет, честное слово, натуральный философ и одно время даже прогремела в определенных кругах своей книгой о Льве Толстом. И, может быть, как философ она, конечно, и была ничего, но как женщина, на мой взгляд, это было нечто. Только русский писатель, к тому же либеральный русский писатель мог найти себе такую подругу и с ней изменять жене, кстати, довольно милой женщине, я как-то раз случайно видел ее. Философ тоже была замужем, причем не просто замужем, а замужем за каким-то не то академиком, не то генералом, как было положено в советские и совсем не положено в наши времена.

А наш герой вообще был старомоден, точнее, почему-то хотел таким быть: демонстративно ругал Льва Рубинштейна, Пригова и компанию,

которые тогда стали известны и популярны, позднее пожимал плечами при имени Пелевина и оставался равнодушен даже к классикам авангарда (в тот год как раз была первая большая выставка Малевича) или сделал вид, что остался равнодушен. Зато носил шейные платки a la майор Скоби[2], много слушал Иглесиаса и однажды, во время очередного обострения политической обстановки, прикрыв дверь, показал мне пистолет системы Макарова и сказал, что все время носит его с собой, *на всякий случай*. Я уважительно покивал, что я мог еще сделать, я всегда преуменьшал роль личности в истории, я считал, что если пистолет Макарова понадобится, то он уже не поможет. К тому же так поступали герои его нашумевшего романа, то есть махали пистолетом почем зря, брали на себя личную ответственность за происходящее, лично сопротивлялись злу по примеру агента 007, и я не отнесся всерьез к увиденному, — я подумал, что он, может быть, продолжает сочинять какую-нибудь, уже следующую свою историю.

Кстати, зря я преуменьшал роль личности в истории, очень зря, если бы не *личности* (не уверен, надо ли ставить здесь курсив), много чего сейчас не было бы... Это только ведь кажется, что иного было не дано. Не влезь Ельцин, например, на танк в 1991 году, пусть это трижды анекдот или пусть история совершила круг, не было бы у нашего героя ни уютного кабинета в престижной газете, ни наших разговоров о жизни в этом кабинете, ни его известного романа в пяти переизданиях, ни пистолета Макарова в кармане модного шерстяного пиджака, ни расцвеченной огнями реклам знаменитой площади за окном. И даже не сидел бы я сейчас на дачке в ближнем Подмосковье и не записывал бы всю эту историю на своем портативном компьютере модной марки, периодически поглядывая в окошко на пламенеющий у забора, как напоминание, куст калины.

И даже философ, несмотря на мужа-генерала, скорее всего не смогла бы издать в престижном издательстве свою книгу о Льве Толстом, где многажды упоминались и Бердяев, и Ильин, и Шестов, и Шмелев, и многие другие политические эмигранты. И, скорее всего, не сблизилась бы с ним (кому нужен какой-то непризнанный гений, а не модный писатель?), а он не описал бы их отношения в двух романах и десяти рассказах, один из которых я однажды слышал по радио «Свобода», что-то очень лирическое и со стрельбой. Как у него обычно, герой куда-то бежит, падает, отталкивая любимую от окна, в которое зачем-то стреляют с улицы, сам стреляет в ответ (из того самого пистолета?), опять куда-то бежит, петляет по закоулкам у знакомой «Маяковской»...

Все это немного напоминало Джона Ле Карре, его усталых шпионов, вернувшихся с холода, но слушать его голос (он сам читал) по радио зимней московской ночью, угадывая знакомых персонажей и даже обрывки наших с ним разговоров, было приятно, и я ему как-то сказал, что вот, мол, было приятно, слышал тут недавно ваш рассказ по вражескому радио.

---

[2] Герой романа Грэма Грина «Суть дела».

А он вдруг предложил, поскольку тогда все пытался мне помогать: а не хотите ли сами что-то прочитать у них, я им позвоню? И позвонил, и, перезвонив мне, буднично (хотя в 1993 году это было что-то) сказал: они свяжутся с вами завтра утром, а вы найдите какой-нибудь небольшой законченный текст и заодно заработаете — семь немецких марок минута. И я целый вечер, как идиот, что-то лихорадочно писал, пытаясь закончить, почему-то меня не удовлетворяли те тексты, с которыми я поступал в институт, а новых после поступления все не было. (Трудно, знаете ли, сочинять, когда понимаешь, что рядом сочиняют еще 150 человек как минимум...) И когда, наконец, утром, часов в 11, у меня дома раздался звонок и приятный баритон, представившись (прозвучала известная фамилия), попросил «что-то почитать» и когда я прочитал, баритон обещал перезвонить и перезвонил-таки довольно быстро и сказал, что мне надо подъехать к ним на радио, когда мне будет удобно, для пробной записи, потому что качество телефонной связи в Москве плохое, и продиктовал адрес, который я десятки раз слышал по радио и знал почти наизусть. Я пообещал и с облегчением повесил трубку, потому что вы помните: а) был недоволен текстом, сделанным накануне, б) скорее всего, просто не мог поверить и принять такое простое развоплощение многолетнего мифа.

Помните? ВЫ СЛУШАЕТЕ РАДИО «СВОБОДА»...

И я никуда не поехал ни тогда, ни позднее, и это было, в общем, концом первой серии наших отношений; так сказать, первое действие, занавес, антракт, потому что он искренне не понял, почему я не пошел и даже удивился и обиделся немного: в чем дело? Почему, я же договорился?.. А я не стал объяснять.

По-видимому, то, что я не пошел, ему не понравилось. Это было очень похоже на обычное рас...дяйство и, собственно говоря, отчасти таковым и являлось, — ведь он же не предложил мне издать полное собрание сочинений, почему было не прочитать что-то на радио? И он стал говорить: ну что же вы не пошли, ну ладно, приносите еще заметки, хотя бы в газету, — а я не приносил, причем непонятно даже почему, как-то не писалось, что ли, а может, дух противоречия... И еще я был тогда по уши в одном романе, даже в двойном романе (что я теперь такой умный по этой части), это называется треугольник, triangle — вначале интересно, потом, причем незаметно, изматывает. Но, самое главное, на все остальное, кроме этого triangle, времени не остается.

Еще у меня тогда был один приятель-армянин, очень хороший парень, из Еревана, но искусство, это, наверное, такая штука, в нем все друзья — понятие условное. Чуть позже объясню почему.

Я познакомил его с нашим героем, у армянина был готов роман, в Армении его даже каким-то чудом напечатали, и он в 1993 году носил его по московским издательствам и еще просил деньги на издание у богатых московских армян, которые его, разумеется, кормили «завтраками», потому что эти *новые богатые* (неважно, кто они, армяне, русские, грузины, евреи) устроены так, что они лучше трижды пропьют

эти несчастные 3–4 тысячи долларов, нужные на книгу, чем отдадут кому-то или куда-то. Впрочем, один относительно порядочный человек пару раз оплатил ему перелет Москва — Ереван и обратно, уже немало, но это было все; и я ему предложил попробовать издать его роман по-русски сначала в журнале и познакомил с нашим героем. А поскольку герой был, наверное, тогда настроен помогать молодежи и испытывал по этому поводу, как я уже сказал, всевозможные горьковские позывы, плюс все приезжие с юга очень душевные люди, в общем, вскоре они стали друзьями.

И известный писатель помог моему приятелю напечататься в журнале, а поскольку вещь была хорошая, то приятеля приняли там хорошо, и Н. Н. был доволен, и все говорил мне: ну а вы что же? Приносите тоже что-нибудь, хотя бы рассказы, а я все не приносил, как будто нарочно, и мне не следовало бы к нему ходить-и-ничего-не-приносить, а следовало хотя бы иногда что-то приносить или пока не ходить. Но все было так здорово, здорово с ним иногда общаться, плюс их замечательный буфет, просто какое-то парижское кафе или «Бродячая собака» в дореволюционном Санкт-Петербурге, симпатичных кафе в то время, повторяю, в Москве было не сыскать. Да и приятель, душа нараспашку, почему-то предпочитал общаться с Н. Н. при моем участии, и когда я его пару раз спрашивал: может, не стоит ходить туда с пустыми руками, старик уже несколько раз интересовался, — ереванец поднимал на меня удивленные глаза: почему? Ерунда, мы же просто общаемся как друзья.

Финальным аккордом стал незаконченный рассказ, который я таки принес ему, тоже якобы для журнала, а на самом деле просто чтобы отвязаться (сколько можно говорить «хорошо, потом»), при этом рассчитывая на авось, так как идея в моем рассказе была неплохой (что-то о простой природе любви, о чем еще я мог тогда написать), но совершенно непроработанный (времени-то не было). Рассказ, разумеется, завернули, и наш герой, по-видимому исчерпавший запас педагогических чувств, встретил меня довольно холодно и сообщил об этом: мол, вот, они сказали, что это не совсем то, что им бы хотелось, извините, и довольно быстро, сославшись на дела, распрощался со мной, а ереванец, когда я ему расстроено рассказал об этом, снова сказал свое:

— Да брось ты, мы же просто общаемся.

И хотя два года назад мой ереванский приятель неожиданно и нелепо погиб в автокатастрофе, я до сих пор на него сержусь.

2

После этого прошло лет пять, наверное... Да, ни фига себе, пять лет прошло и много воды утекло, и я как-то все не звонил ему, сначала обидевшись за рассказ, точнее, на его реакцию, а потом, как говорится, жизнь закрутила и просто не звонил и даже забыл про него немного. И, что самое странное, я только сейчас вдруг подумал об этом — я перестал случайно встречать его в городе. До того как-то само собой получалось, что мы встречались примерно раз в полгода, иногда я даже не под-

ходил к нему, просто видел издали — он был то один, то с этой своей подругой-философом, потом с другой, новой, я не знаю, чем она занималась, но, по-моему, она была гораздо симпатичнее предыдущей, нет, не будем преуменьшать и кривить душой, она была просто очень симпатичной женщиной, лет на десять, я думаю, моложе его, и это было хорошо, особенно учитывая жену. Однажды я видел их, идущих по Садовому кольцу, державшихся за руки, и я даже немного позавидовал ему: ведь это здорово, так идти в самом начале отношений, когда все еще внове и все так замечательно, и вы видите свое отражение в глазах новой подруги и готовы полгорода проехать, чтобы встретиться с ней на час...

Потом однажды он встретил меня с одной из вершин моего треугольника, потом с другой, правда оба раза это было на «Белорусской», где он жил и где живет моя мама, так что это было не совсем уж случайно, но вы представляете себе, сколько людей проходит через площадь Белорусского вокзала хотя бы за час? А потом, когда я обиделся, как отрубило, и ведь я часто, гораздо чаще, чем раньше, стал бывать на «Белорусской», там открыли неплохое кафе, с большими окнами и хорошим видом и я одно время повадился туда ходить, но мы тем не менее ни разу не встретились.

Мой роман тем временем превратился из треугольника в обычную прямую, одна из вершин отпала, после чего вся система, как это часто бывает, потеряла устойчивость и была близка к исчезновению, еще я начал печататься в журналах и даже один очень известный в перестроечные времена литературный журнал объявил мою повесть на последней странице. Еще я работал в одном очень модном издании, писавшем страшную фигню для богатых теток, но страница рекламы в этом издании, как во всех изданиях такого рода, стоила десять, что ли, тысяч у. е. или пятнадцать, неважно, важно, что эти сумасшедшие тысячи у. е. давали всем участникам процесса неплохо жить и даже немного откладывать на черный день. И когда однажды к нам в редакцию пришло приглашение на два лица на презентацию книги одной очень известной женщины-политика демократического толка, нам с сотрудницей из отдела светской хроники сказали пойти, и мы без препирательств согласились, так как дело было объявлено в ресторане «Метрополь», ни больше ни меньше, были обещаны знаменитости от искусства и политики, группа «Канарейки» и неплохой фуршет. А на дворе стоял февраль, середина нескончаемой московской зимы, с улицы в окна летел мокрый снег, и мы решили скоротать вечерок, к тому же симпатизируя демократическим взглядам вообще и женщине-политику в частности (назовем ее Ириной Х., для простоты). Коллега должна была написать об Ирине Х. небольшую заметку — как о женщине, добившейся успеха из-за своей активной жизненной позиции — чтобы богатым теткам, бизнес-вумен, топ-менеджерам и просто женам и любовницам богачей было приятно и интересно читать якобы про себе подобную, ну а демократические взгляды оставались в контексте (вот, типа, мы пишем о приличном человеке, а не о жене урки или чиновной морды) или на

нашей совести, и на самом деле никого, в общем, не интересовали, таковы законы жанра, увы.

И вот мы вылезли из редакционного авто на мокрую от снега мостовую у «Метрополя», буря мглою небо кроет, за зеркальными отреставрированными дверями которого горел яркий свет и хрустальные люстры отражались в больших зеркалах, вихри снежные крутя, и я почему-то отчетливо помню этот момент — мокрая мостовая и хрустальные люстры, это такое вечное место в нашем отечестве, тут бывали Ленин и Блок, а также Маяковский, Керенский, Сталин, Сахаров и Олеша, оно всегда было таким, какой бы режим ни был на дворе, какие бы ветры ни веяли над нами. То как зверь она завоет, то заплачет, как дитя.

И мы вошли, показав приглашение подозрительно глядевшему на нас, несмотря на редакционную иномарку, двухметровому швейцару с лицом капитана КГБ, и, спустившись в гардероб, тут же встретили знаменитого либерального адвоката, впоследствии защищавшего телевизионщиков с НТВ, и я даже поздоровался с ним, впрочем, он мне едва ответил, а молодая и аполитичная коллега громким шепотом спросила: *кто это?* На что адвокат моментально среагировал и сердито оглянулся, правда, сразу смягчившись, когда увидел перед собой молодую и симпатичную девушку, и даже улыбнулся коллеге мимолетно, и дальше мы пошли по мраморной лестнице с перилами в стиле ампир, которым суждено еще сыграть важную роль в нашем повествовании, мимо настоящего иссиня-черного негра в ливрее, кстати, чем-то похожего на Александра Сергеевича Пушкина, и подошли к звенелке-металлоискателю с охраной у дверей в какой-то зал, из которого слышалась музыка и гул голосов. И охрана, мельком взглянув на приглашения, внимательно проверила наши сумки и после моей дурацкой шутки о том, что у коллеги в сумочке револьвер, заставила нас дважды пройти через металлоискатель (несмотря на то, что я десять раз сказал, что это была шутка, а еще демократы) и только после этого пропустила нас в огромный, с колоннами зал, где происходила презентация, — повторю, если кто забыл: новой книги известной женщины-политика демократического толка, которую мы так неинтеллигентно обозначили Ириной Х. (пусть уж она нас простит, мы часто голосовали за нее в прошедшие времена).

Там мы с сотрудницей случайно разминулись, потому что она встретила знакомых из родственного издания, а я застрял у барной стойки, где метропольский бармен с презрительным взглядом (халявщики!) разливал гостям Ирины Х. бесплатную водку с соком, и у этой стойки нос к носу столкнулся с нашим героем. Вот это встреча!.. Мы обнялись.

Он удивился:

— Что вы здесь делаете?

Я улыбнулся:

— Да вот, работаю. А вы?

Я действительно не ожидал его там встретить, пустое, ненужное мероприятие — как тогда уже начали говорить, *тусовка*. Что ему там делать?

— Да вот, позвали, я пошел. Надо поддержать Иру.

Он был все такой же, почти не постарел, мне вообще кажется, что за время нашего знакомства он почти не менялся, и я увидел, что он обрадовался мне, хотя почему-то не слишком расспрашивал, как и что, в основном говорил о себе — о здоровье, литературных, газетных делах, немного кокетничал, что вот, мол, он уже старый, больной, усталый дурак, говорил, что время сейчас для молодых, говорил о романе, который писал, что вот опять его издадут и опять никто не будет читать, и зачем тогда это все. Еще мы в ту встречу много говорили о политике (шел уже 1999 год), и он, как всегда, сказал, что все будет и даже уже есть — более-менее хорошо, а я (тоже как всегда) сказал, что что же хорошего? Посмотрите, все это становится похоже на Южную Америку, на Чили или даже на Аргентину. И эта презентация, неудобно право, зачем Ирине Х. представлять свою книгу в ночном клубе, да еще в таком? Есть же всякие Дома кино, архитекторов, есть молодежные клубы, если так уж хочется быть современной... А он сказал, что это презентация, ничего особенного, законы жанра, я должен это понимать и что по-другому пока никак не получится, и это нормально, и мы, наверное, действительно были похожи, как недавно сказала мне моя жена, на эту смешную пару у Островского, Счастливцев — Несчастливцев, такой вечный русский спор, неразрешимый и, в общем, наверное, очень скучный — и старомодный к тому же.

Старомодный потому, что было подошедшие к нам две подруги из только что спевших «Канареек» (ну, не совсем к нам, конечно, — у него была тогда опять своя передача по ТВ, хоть и в воскресенье утром, но отдельная передача, поэтому, скорее всего, подошли к нему) тут же потухли. Две минуты, сначала не понимая, они слушали, о чем мы говорим, причем та, которая постарше, еще ничего, еще, как мне показалось, с сочувствием и даже улыбнулась, а молоденькая и сексуальная (я ее где-то за месяц до того как раз видел у Диброва, на тогда еще не закрытом НТВ), она еще и укусила немного, сказала, отходя, что-то типа: «А, вот вы о чем... Ну, тогда я пошла». На что он отреагировал очень хорошо, спокойно сказав ей (я-то занервничал, как же, не развлекли девушку!..): иди-иди.

И мы с ним сели за какой-то столик и взяли по пятьдесят, и еще по пятьдесят, а потом нас нашла моя коллега, которая уже сделала необходимые наброски для своей «светской жизни» и поэтому чувствовала себя в тот зимний вечер свободным художником. И мы очень неплохо посидели втроем, трепясь об искусстве, политике, журналах, и он немного кокетничал с моей коллегой, а я глазел по сторонам и на сцену, где тем временем (вы еще не забыли куда мы пришли?) рассказывали о жизни Ирины Х., о ее непростом творческом пути и выступали, сменяя друг друга: ее новый муж, клоуны, киндер-сюрприз Кириенко (название народное), ансамбль «Воскресение», писательница Мария Арбатова и дом моды Елены Макашовой, про которую, не заметив ее за соседним столиком, я довольно бестактно и громко спросил, не родственница ли она тому Макашову, генералу-путчисту, и коллега из «светской

жизни» толкнула меня под столом, а на сцену все выходили и выходили какие-то люди из бизнеса и политики, которых я не знал.

Когда он собрался домой, было уже довольно поздно, мы все были уже немного пьяные, и я вызвался его проводить. У звенелки в коридоре, где стопкой лежали презентируемые книги Ирины Х., я заколебался, взять ли мне одну или не надо, все равно ничего не напишу об этом, не смогу, все впечатление смажется этой дурацкой презентацией, а он вдруг остановился, взял меня за пуговицу и сказал с каким-то хорошим чувством: ну, я рад. Раз ты здесь, значит все более-менее в порядке. А я волновался...

Я искренне удивился: но почему? Что *здесь* такого? Он, кстати, повторяю, ни разу не спросил меня о моих литературных делах, а я из гордости-гордыни (хотя известно, что это грех) сам ему ничего не сказал.

— Что *здесь* такого? — повторил я, но он не стал меня слушать и сказал, качая головой: не выпендривайтесь, вы сами прекрасно знаете, что́. Мы прошли еще несколько шагов, и он вдруг остановился и сказал, не обращая внимания на охрану: а знаешь, сколько стоит мой костюм? 1800 долларов!.. Я удивился еще больше, раньше за ним такого не водилось, какое это имеет значение? Это же тряпки!.. Охранник (взгляда которого я боялся, все-таки *демократический вечер* — при чем тут его костюм?..) вдруг вытянулся перед ним и чуть не взял под отсутствующий козырек, чем вызвал у меня мимолетное подозрение — может быть, народу нужно, чтобы известный писатель Н. Н. ходил именно в таком костюме? Может быть, это внушает ему не гнев, а умиление? Но об этих своих мыслях я, правда, тут же забыл.

Мы остановились на давешней мраморной лестнице с перилами ампир (такие, огурцами, белые балясины внутри), причем он поднялся на несколько ступенек, а я стоял внизу и вся сцена из-за этой лестницы стала сильно напоминать что-то из русской классики, Тургенева например, и он сказал печально: идите, гуляйте. И повторил: я уже старый, мое время кончается, пора на горшок и в постель.

А я ему ответил, под парами алкоголя неожиданно перейдя на «ты» (мы ведь до сих пор на «вы»): что ты выпендриваешься, кончай строить из себя Ивана Тургенева, посещающего Московский университет, это в конце концов вредно!.. А он улыбнулся довольно и печально и сказал: а я и есть ваш Тургенев! И стал, тяжело опираясь на перила, подниматься по этой лестнице, и было непонятно, то ли ему правда уже тяжело идти, то ли он так заигрался, что сам поверил, что ему тяжело.

Ну и плюс прикалывался немного, это я тоже понимал.

Я некоторое время смотрел ему вслед, и даже забеспокоился немного, не проводить ли его до такси, а потом вернулся мимо подозрительно глядевшей на меня охраны в зал, где продолжил, впрочем, уже довольно кисло (сказывалась усталость) общее веселье, и в результате мы с коллегой слегка напились.

А где-то в финале вечера, когда Ирина Х., ее новый муж и киндерсюрприз Кириенко ушли, был еще и стриптиз — и очень, кстати, неплохой. А я еще гадал (клуб-то известен именно этим) — будет стрип-

тиз или нет? Все же книгу представляем... Сообщаю: был. И мы с коллегой отсмотрели зрелище и отбыли восвояси и, видимо, разгоряченные увиденным, вдруг стали взасос целоваться в такси, куда сели почему-то вместе, хотя нам было не по пути и хотя мы были до того знакомы по работе не один год. Но потом я опомнился и, памятуя о принципе «not love, где живешь и работаешь», вывалился где-то у «Курской», вызвав сначала недоумение, а потом сильное раздражение у коллеги, в чем убедился на следующий же день, встретив ее в редакции.

Еще помню, как я некоторое время шел по пустынному Садовому кольцу, перед тем как поймать машину, и почему-то разглядывал собственные одинокие следы (пешеходов почти не было) на припорошенном свежим снежком тротуаре и наслаждался отпечатывающейся надписью «savage»[3] на снегу. И хотя так всего лишь называлась моя модель ботинок, все равно, пусть это глупо, мне было немного приятно думать, что это я — savage. Ведь каждый норовит числить себя вне системы, смелым и свободным, а что там на самом деле — неважно. Ну и плюс выпитое... Это немного не по теме, но я помню, как в конце 90-х у меня был один знакомый, довольно преуспевающий издатель и по совместительству поэт, так однажды, уже не помню в связи с чем, мы в разговоре вспомнили философа Сковороду. И издатель-поэт тут же сказал его знаменитое, задумчиво перелистывая свой органайзер: *мир ловил меня, но не поймал.* Я еще удивился: а ты-то тут при чем?

Так он всерьез обиделся, представляете?..

Еще, когда я шел по Садовому, я думал, что да, я такой независимый savage, но при этом немного сожалел об уехавшей симпатичной сотруднице и вспоминал нашу беседу с Н. Н., и мне все казалось спьяну, что я все и всех понимаю (это бывает) и что на самом деле мы все — и уехавшая в раздражении коллега, и воображающий себя Тургеневым Н. Н., и играющий в savage я, и крепко держащая в руках штурвал своей судьбы политик Ирина Х., и симпатичная девочка, танцевавшая голой, а потом, немного смущаясь, сидевшая в баре (я видел, что она смущается, и еще удивился), — что мы все были не более чем маленькими фигурками, персонажами на сцене этого огромного зимнего города (о стране я даже думать боялся), не ослабевавшего свою хватку ни на минуту даже в этот поздний и пустынный час.

3

Что было потом, помню плохо. По-моему, я один раз случайно видел его в метро «Пушкинская» с его новой подругой, они что-то выясняли, кажется ссорились, и я не стал подходить.

Следующая встреча произошла года через два после демократического стриптиза, то есть это был уже где-то 2001 год и, как ни странно, в ЦДЛ. Как ни странно потому, что я не очень люблю туда заходить, по-моему, в этом здании призрак советского дракона все еще жив и тени

[3] Savage — дикарь (*англ.*).

пляшут по стенам. Я там оказался случайно, вместе со своим журнальным редактором, который шел на литературный вечер памяти Юрия Трифонова... Я очень люблю этого писателя, считаю его классиком, не меньше Шукшина или Довлатова, а может быть, и больше, но едва я вошел в здание, я понял, что надо уходить, появилось прямо какое-то почти физическое ощущение давления. Вот опять, зачем делать его вечер в этом «доме»? Может быть, конечно, это какая-то месть кому-то со стороны организаторов или вдовы, но к чему спустя столько лет и вообще зачем показывать хоть какое-то отношение большого писателя к этому казенному и насквозь совковому зданию? Короче, не знаю. Всех тянет во что-то советское. Кого-то тянет «за», кого-то «против», но сумма, как говорится, от этого не меняется, увы.

Ну вот, и я уже почти собрался отвалить, сославшись на дела, и попрощался с редактором, как вдруг опять почти столкнулся с нашим героем. Причем сначала я увидел издали, как он здоровается с моим редактором, а потом уже понял, что это он. Я же говорю, мы опять года два не виделись, с той презентации в «Метрополе», и я даже сначала его не узнал. Как одежда-то меняет — он был в своем обычном шерстяном пиджаке, а не в костюме за 1800 долларов. Я очень обрадовался, все-таки какое-никакое знакомое лицо в этом ужасном месте, и мы обнялись. Я спросил, как он, он сказал, что ничего, и сказал, кивая на редактора: ага, вы, я вижу, печатаетесь? Он вообще в какой-то момент стал уделять много внимания всяким внешним проявлениям, я это запоздало отметил, и это меня удивило: с чего бы вдруг? С неожиданным удовольствием кивнув (все-таки я, видно, на него обиделся за то, давнее «ваш рассказ — это не совсем то, что бы им хотелось»), я небрежно добавил: уже не в первый раз. (Потом стыдился этой реплики.)

Он искренне обиделся: а я, значит, узнаю об этом последним? Мне стало неудобно: да нет, почему... Он покачал головой: нехорошо-нехорошо. Я хотел сказать, что, мол, какого ж ты хрена ничего не спрашивал, тогда, в «Метрополе», — деликатничал, что ли, или тогда было не до «публикаций»?.. Но я же говорю: мне почему-то стало немного неудобно. Вот, подумал я, старый знакомый, немолодой уже человек, помогал мне когда-то чем мог, хорошо ко мне относился... Я даже извинился (за что?) и обещал позвонить. Он спросил: вы на вечер? Я, чтобы не объяснять ничего и не выпендриваться, сказал, что, мол, с удовольствием, но вот дела...

— Ты его знаешь? — удивленно спросил редактор, когда он отошел.

— Да, когда-то работали вместе, — соврал я.

Редактор как-то странно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Может, он подумал, что раз я знаю Н. Н., то что же он не просит за меня и я хожу по журналам с улицы и, как все, по году жду публикации, а может быть, мне показалось и он просто не понял, с чего я вдруг решил ни с того ни с сего уходить, раз пришел и тем более встретил знакомых. Я ему тоже ничего не сказал про свою нелюбовь к ЦДЛ, чтоб он не подумал, что я что-то из себя изображаю.

Месяца через полтора я позвонил нашему герою на его новую работу, в престижную деловую газету из новых. По-моему, он говорил о ней еще в «Метрополе», сейчас напомнил, даже дал карточку — звоните, нам нужны внештатники. Хотя говорить «новая» про эту газету смешно, она существует почти столько же, сколько существуют новые времена, а я все делю: новые, старые... Сейчас «новые» — это вчера, а «старые» — пять лет назад. (Не скажу, впрочем, что это хорошо.)

Неважно, я позвонил, на дворе была уже поздняя осень, октябрь или ноябрь, любимое время всех неврастеников и поэтов — и настроение у меня было соответствующее. Он был занят и сказал, что лучше всего будет, если я зайду к нему часа в два дня, сдача номера еще не начнется и он сможет свободно общаться. Вольница дома на «Маяковской» и кабинета с кожаными креслами была позади. Я, конечно, пообещал, что постараюсь, но в душе засомневался: я, блин, встаю в двенадцать, какие «два часа»? И какой смысл заходить днем — даже выпить будет нельзя, тем более если впереди «дед лайн», днем надо дела делать или на диване валяться, а не по гостям ходить. Подумал, что, наверное, опять увижу его через год.

Но через пару дней, так получилось, я оказался совсем рядом с его новой работой, просто улицу перейти. Я поехал в один мужской журнал, — с конторой, от которой я был в «Метрополе», я к тому времени расстался и искал работу и редакторша этого мужского журнала, с которой я случайно оказался знаком, позвала меня поговорить, а я сдуру согласился и поехал. Сдуру — потому, что после трех лет работы в женском журнале уже дал себе слово не сотрудничать в таких изданиях. Потому что, при всех неоспоримых плюсах (неплохие деньги, тусовки, иногда посылают за границу), в них что-то происходит такое, от чего вы теряете ощущение реальности и от этого постепенно дуреете, частично превращаясь в персонажей, о которых они пишут. Но — деньги, деньги, бляха-муха, люди гибнут за металл, и когда редакторша по телефону предложила мне четыре рабочих дня в неделю («мы не звери и понимаем творческих людей»), полный соцпакет и семь сотен зеленых, я не смог сразу отказаться и поехал. Ну и получил, за жадность.

Контора была отечественной и снимала этаж в каком-то огромном советском «ящике», точнее, — бывшем «ящике», в котором остались все прелести старого режима типа проходной с турникетом, когда-то помпезного, а ныне обшарпанного и темного вестибюля, большого лифта с чуть ли не сожженными кнопками, да плюс «новый порядок» на их этаже — абсолютно стерильное помещение с пластмассовыми компьютерными перегородками и ковролином — ни единого цветка — и какими-то надменными пидорами, которые повстречались мне в коридоре. Так сказать, новое вино в старых мехах.

Вот, a propos, преимущество женской конторы подобного типа — там все же тетки работают, пусть долбанутые на феминизме, но тетки, то есть кто-нибудь, глядишь, принесет цветочек, повесит какого-нибудь смешного мишку на компьютер или занавеску на окно, а заглядываю-

щие по делам голубые (глянец, как же без них) выглядят на этом фоне как-то даже забавно. Не подумайте, что я что-то имею против геев, это дело вкуса, просто все вместе — пластмасса, совок плюс геи — это было как-то тоскливо.

Ну вот, я приехал, мой паспорт переписали — раз внизу, наверху вторично (какой-то бритый козел в голливудской униформе) и, связавшись с редакторшей по телефону, милостиво кивнули: идите. Я прошел, редакторша вылезла из-за своей конторки, у нее отсек был побольше, чем у остальных, и располагался на возвышении, чтоб, как я понимаю, было видно, кто чем занимается в рабочее время. Тетка была, естественно, внешне страшная, но вся разодетая в какие-то супермодные тряпки, и она сначала спросила, закончил ли я Литинститут или журфак, и, когда я сказал, что ушел с третьего курса, задумчиво заметила: ну, писать-то вас научить, наверное, успели (?!), и почему-то стала мне рассказывать о прелестях работы в их бабл-гаммовой фирме и ругать-вспоминать свою когда-то вольную жизнь.

Короче, я вывалился оттуда через минут сорок в совершенно невменяемом состоянии, некоторое время шел, не разбирая дороги, просто куда глаза глядят и опомнился только в каком-то павильончике недалеко от метро, где хлопнул подряд две рюмки водки, которую закусил какой-то корейской острой морковкой на первое и светлым пивом на второе. После этого я смог различать лица, вспомнил, что неподалеку редакция Н. Н., и, не раздумывая, позвонил. Все-таки он же претендовал иногда, можно сказать, на роль старшего товарища, а мне был нужен в тот момент совет, а лучше просто несколько человеческих слов, чтобы мне перестало казаться, что теперь весь мир будет таким — с мрачными советскими вестибюлями в основании и безжизненными пластмассово-ковролиновыми офисными этажами наверху. Пока я не выпил водки, честное слово, я был близок к настоящей панике, мне казалось, что за тот год, пока я сидел за своим компьютером, проедая накопленные в дамском журнале запасы, мир неожиданно и решительно изменился.

«Как я не увидел этого и что же делать теперь?» — почти в истерике думал я.

Когда я сказал, что я рядом, он против ожидания не стал выпендриваться и нудить, как сделали бы это многие, увы, очень многие мои нынешние знакомые — что, мол, я же вам говорил, лучше до двух, что времена меняются и у нас сейчас как раз начнется сдача номера, что же вы пришли не вовремя и т. д., — он только сказал, что не сможет толком общаться, потому что сдача, а зайти я, естественно, могу и он будет очень рад. Он сказал точный адрес, а я, услышав, что меня где-то ждут, немного успокоился и медленно пошел в направлении его газеты, поглядывая по сторонам и про себя даже радуясь, что приехал в этот район Москвы, который люблю и в котором редко бываю. По пути я купил в киоске оппозиционный журнал (ныне закрыт), улыбнулся проходящей девушке (была красивая) и пару раз переспрашивал, правильно ли я иду.

Здание их газеты, завернув в нужный переулок, я нашел почти сразу, так как когда-то, еще не зная, что он там работает, проходил мимо по своим делам и видел вывеску. Я вошел во двор и, поглазев на висящий у входной двери бронзовый колокольчик — прямо как из книжки про Винни Пуха, — зашел. Этот колокольчик, просторный и как-то по-человечески отремонтированный холл с вежливой охраной, без всякой агрессии одним глазом заглянувшей ко мне в паспорт и спросившей, знаю ли я куда идти (тут я вообще растрогался), настроили меня на оптимистический лад. Я поднялся к нему на этаж и, пройдя через пару залов, где опять рядами стояли компьютеры, но народ за ними сидел какой-то нормальный, совсем не пафосный (кто-то курил на рабочем месте, кто-то дремал, а кто-то вообще раскладывал пасьянс), свернул в боковой проулочек, переспросил у какой-то полненькой, с живым интересом посмотревшей на меня девушки номер комнаты и, открыв дверь, оказался в маленьком кабинетике с горящим компьютером и книжными полками, конечно, во много раз меньшем, чем на «Маяковской», но вполне уютном. Хозяина не было. Единственным новшеством по сравнению с «Маяковкой» были стоявшие на полках две небольшие иконки. Я хотел пошутить, когда он придет, но потом передумал: что, собственно, шутить, когда я и сам в церковь хожу и образа дома поставил — и тоже на книжные полки.

— Вы С.? Он куда-то вышел, — сказала заглянувшая вслед за мной давешняя полненькая девушка. — Подождете?

Я кивнул, и она вышла.

Дальше... Я даже не помню, собственно, что было дальше. Он пришел, мы немного разговаривали, он работал за компьютером, куда-то выходил, приходила полненькая девушка, еще какие-то люди.

— Моя помощница, — сказал он. — Познакомьтесь, это Катя. Катя, это С.

— Ничего себе задик, — сказал я, когда она вышла, — она, по-моему, на вас как-то смотрит... *Как-то так.*

— Да я знаю, а что мне с этого. Ей тридцати нет, а мне шестой десяток.

— Ну и что?

— Нет, это не мой стиль, я не могу.

Я удивился:

— А что, немного взбодритесь... (Он выглядел каким-то усталым и почти сразу опять стал говорить, что он старый, усталый и что ему все надоело.)

— А чего мне взбадриваться, я и так бодр.

— Вот и хорошо, девочке тридцать; видно, что не дура и относится к вам неплохо.

— Да вы просто сумасшедший! Что мне с ней делать?

Я даже немного развеселился:

— Нет, честное слово, зря. У меня лет пять назад был короткий роман с одной девицей из вашей газеты (это правда), она была очень чувственна.

Он мельком посмотрел на меня:

— Из какого отдела?

Потом мы ходили пить кофе в редакционное кафе на этаже (мне очень там понравилось — теплый дизайн, низкие цены, какие-то неплохие картинки на стенах и цветы на столах), мы уселись за столик в углу, сотрудники, как когда-то на «Маяковской», посматривали в его сторону. Я сказал ему об этом. Он засмеялся: дело не в том, что я писатель. Здесь это всем в основном безразлично. Просто я небольшой начальник. Времена изменились, С. ...

Он закурил. Потом снова сказал:

— Надоело. Все надоело. Вы знаете, что я перестал писать?

Я удивился:

— Почему?

— Я же говорю, надоело. Ну, напишу я еще один роман, и еще, ну издадут их отдельной книгой, а дальше что? Говорить будут о других. И интервью, кстати, я тоже не даю. Я устарел, теперь другие ценности, другие люди на слуху. Вы, кстати, читали В-та?

Я пожал плечами:

— Листал. По-моему, совершенно инфантильное чтение. Если бы это написал человек в тридцать лет — было бы нормально. Но говорят, ему за сорок. Это издательство все время издает каких-то инфантов.

— А по-моему, очень хорошо. И это очень хорошее издательство. Мы с вами, как всегда, не совпадаем. А еще говорят, что мы похожи.

Я удивился — значит, он тоже это слышал?

В кафе вошел высокий, угрюмый, лысоватый человек, что-то купил в буфете, сел за свободный столик, молча, глядя перед собой, выпил кофе, заглянул в принесенный с собой журнал, вышел.

— Это Б-да, — он назвал фамилию более-менее (сейчас по-другому почти не бывает) известного писателя. — Работает в нашей газете рирайтером. Очень доволен. Вы знаете, что такое рирайтер?

— Зачем это ему?

— Как — зачем? У него сын учится за границей. Нужны регулярные деньги. Писательских гонораров на это не хватит. Пойдете к нам рирайтером?

Мы еще немного посидели. Я подумал, что хорошо, что моя дочь еще маленькая.

В кафе заходили и выходили сотрудники. Было много симпатичных женщин. Некоторые смотрели в нашу сторону. Я вспомнил о своей знакомой, немного напрягся, но ее не было. Я так и не понял, хотел бы я ее встретить или нет. Он посмотрел на часы: посидите немного, я сейчас подойду. Или сами приходите в кабинет, хорошо? Не запутаетесь?

Когда он ушел, я закурил, взял посмотреть их газету (на подоконнике лежала стопка). В разделе культуры писали о какой-то выставке в Музее фотографии, в передовой было что-то ироническое о премьер-министре. Вполне пристойно. В крайнем случае, пойду сюда, подумал я.

Попрошусь у него, не откажет же. В крайнем случае, если деньги совсем кончатся.

Когда я вернулся, он говорил с кем-то по телефону. Что-то политическое, но в прикладном плане: кто может поздравить через их газету Патриарха Алексия, ни больше ни меньше. У них есть такая рубрика — «день рождения», теперь надо найти достойного поздравителя. Я сдуру предложил Явлинского, он недовольно на меня посмотрел: вы не сможете работать в моем отделе. Вот Катя вас научит...

Какой-то выход был найден, я не помню какой. Кажется, Катя предложила позвонить Илье Глазунову, чтобы он поздравил Патриарха, но я могу ошибаться, может, это был не Глазунов.

Как обычно, мы заговорили о политике. Напоминаю, дело было приблизительно в конце 2001 года, значит, чуть больше чем через год после выборов. Он сказал, что месяц назад отправил телеграмму в Думу: он отзывает назад свой голос. Он голосовал за Неделимую Русь, а теперь разочарован и передумал. Вот, недавно отозвал назад.

Я засмеялся:

— Чем вы разочарованы?

— Я думал, что это будет центристская буржуазная партия, потратил полвыходного, специально приехав из-за них в воскресенье в город, а это оказались холуи, лижущие задницу любому начальству.

Я подумал тогда и думаю сейчас: опять выпендривается, пижонит, — но вдруг появились сомнения: а может, он правда и, главное, правильно верит, что лично от него и *для него* что-то зависит, как он проголосует и что потом будут делать те, за кого он проголосовал, и что он в связи с этим подумает... Известно же, что вера сдвигает горы, может быть, надо верить, причем не вообще, а лично для себя, что от тебя что-то зависит в этой гигантской ледяной глыбе под названием «Российская империя, эпоха упадка», причем даже не громко — смеешь выйти на площадь?! — а тихо: поехал, проголосовал и все.

Я спросил его:

— А вы где-нибудь писали, что отозвали голос?

— Нет. Наши хотели написать, но я не дал. Это мое личное дело.

— А почему вы думаете, что ваша телеграмма получена?

— Я посылал с уведомлением.

— Вы что, с обычной почты посылали?

— Ну да. Около дома. А откуда же еще?

Выпендривается, опять подумал я, играет в Европу. *Проголосовал... отозвал... с почты около дома...* Типа и почта и дом находятся где-нибудь в Провансе или под Гамбургом. И вокруг черепичные крыши, фонтаны и цветы на площадях. А сейчас какие-то сомнения: что да, конечно, выпендривается, но вместе с тем и нет, не совсем, не на сто процентов. На остаток играет (или заклинает?) таким образом «дэйствительность», как говорил Синявский. Или это из серии толстовских (или, не помню, опять же тургеневских) игр позапрошлого снега и века:

обращаться к крепостным на «вы»? *Отозвал голос... Будьте добры иметь в виду...* И кстати, кто тут крепостные — те, в Думе, или мы?

Не пойму, не знаю. Мне больше нравится метафора английского фантаста Герберта Уэллса — элои и морлоки. Помните его образ будущего в «Машине времени»? Изнеженные и утратившие способность к сопротивлению аристократы-элои становятся легкой добычей пролетариев-морлоков, подземных жителей, которых сами же и воспитали. Грустный и сильный сюжет... Становится как-то не по себе. Лучше перескажу одну забавную историю, которую он рассказал мне тогда. Сказал, что это секрет, но все-таки столько лет прошло, многое поменялось, иных уж нет, а те далече, может, уже и не секрет?.. Он рассказал эту историю, когда мы, как обычно, завелись о политике и стали спорить о нашей демократии — византийская это демократия или нет.

Как известно, в начале 2000 года весьма представительная российская делегация посетила Святую Землю. Так сказать, начало нового века, начало тысячелетия, ну и съездили. Чего не съездить? Наш герой был в составе делегации, среди других представляя ее культурную часть. И вот, как говорится, то да се, встречи с Патриархом Иерусалимским, Ясиром Арафатом, израильским руководством, посещение святых мест и прочее.

И перед церковью Рождества, одной из главных святынь христианства, произошла заминка. Церковь очень древняя, и там очень маленький вход, такой маленький, что всем посетителям приходится наклоняться перед ним. Может, когда-то это сделали специально, чтобы люди кланялись святыне, я, честно говоря, не знаю, не специалист. А руководителем их делегации, собственно, был покойный президент Ельцин, мужчина, как вы помните, весьма представительный. И он в те годы уже согнуться не мог.

Что делать? Служба протокола, шестерки из охраны и «сопровождающие лица» в панике. Неноменклатурная часть делегации тихо забавляется. И вдруг Борис Николаевич встает на колени и... проползает в этот низкий проход. Что ни говорите, а все-таки это была личность. Его можно обвинять в чем угодно, но комплексов неполноценности у него не было. Охрана сначала в шоке, потом показывает журналистам кулак: если хоть кто-нибудь этот снимок опубликует, — смотрите. Хотя от себя замечу, что не понимаю, что тут *такого*. Это же церковь, как говорится... да еще такая. Не грех и на карачках войти. Мне кажется, наоборот, надо везде показывать, как президент в церкви на коленях стоит. Для смягчения нравов и изменения мифологии. Меняем Медного всадника и переписку с Курбским на вышеупомянутые черепичные крыши.

(Лишь бы народ нас понял.)

Но самое забавное впереди.

Вместе с Ельциным в этот день был руководитель одной из братских стран СНГ, причем страны, тогда очень близкой России, и этот руководитель вроде бы на отсутствие спортивной формы не жалуется и даже играет в хоккей и футбол. И, внимание... Он, глядя на Бориса

Николаевича, правда немного поколебавшись, тоже становится на четвереньки и тоже таким образом входит в храм Рождества.

Мы посмеялись.

— А вы говорите... Османская империя!

— А что я говорю? Я это и говорю.

Когда мы собрались уходить, зашла его знакомая. Та, что я видел в метро, на Садовом и в прошлой главе. Я уже говорил, что она была очень ничего. Есть такие женщины — без возраста. И очень сексуальна. Что-то в глазах. Или это вообще свойство маленьких женщин? Он познакомил нас, и она очень мило улыбнулась. У нее была короткая стрижка, каре на французский манер.

Он вызвал такси, что-то случилось с его машиной, он сказал, что это по вине шофера, сейчас он ищет нового.

В такси я вдруг подумал, что он чем-то похож на англичанина Макьюена, я как раз читал его недавно. Талантливый, но звезд с неба не хватает. При этом лауреат ихнего «Букера». Пишет романы для университетских интеллектуалов и образованного среднего класса. Но беда нашего героя в том, что он живет не в Англии. У него слишком разумная, слишком буржуазная жизнь. Респектабельная газета, машина с шофером, раз в два года — книга, жена, постоянная любовница... И пишет для таких же. Наверное, они есть.

Ничего не выйдет, в России для искусства нужно какое-то безумие. Но он слишком умен для этого. Может быть, слишком порядочен. Лимонов, его ровесник, занимается черт-те чем, несет какую-то ахинею о революции, даже неловко, человек в возрасте, пятнадцать лет провел в эмиграции, потом вернулся, и у него снесло крышу — мотается по горячим точкам, организовал какую-то полукарикатурную партию, восхищается откровенными головорезами[4] — дешевая, кирзовая романтика, да еще с нехорошим, коричневатым душком, а пишет хорошо. Ну, не всё, разумеется, но бывает очень хорошо. И чувствует себя, по-видимому, лучше, чем он. И морально, и физически. И не один Лимонов...

С такими парнями вообще странная история. Луи Фердинанд Селин — прожил до восьмидесяти с хвостиком, Юнгер — тоже, Гамсун — тоже... Может быть, для здоровья полезно быть самовлюбленной сволочью? Может быть, надо быть холодным и не очень добрым, чтобы хорошо себя чувствовать? Впрочем, Гамсун после войны, говорят, очень страдал из-за своих... не знаю, как сказать — убеждений или заблуждений?

Шофер вдруг оглянулся:

— Ребята, вы писатели?

Его подруга засмеялась.

Он сказал:

— Вроде того.

---

[4] Напоминаем, размышления героя относятся к описываемому времени — 2001 году.

— А не знаете такого — Александр Проханов? — спросил дядька. — Мы с ним в школе учились. Я все думаю: спросить — нет...

— Я знаю, — сказал я. — Точнее, не я, я плохо — видел его один раз, одна знакомая девочка работала с его дочерью и часто бывала у них дома. Кстати, как отец он очень внимателен и нежен. Только он не писатель, а публицист.

Когда мы вышли, он сказал:

— Вы что, действительно его знаете?

4

Потом мы опять долго не виделись. После похода в мужской журнал я задумался о хлебе насущном всерьез и устроился в одну известную рекламную контору, соблазнился большим окладом. Но при этом времени не было совершенно, и следующая наша встреча произошла уже в разгар путинской «стабилизации», то есть весной 2003 года. Отшумели «телевизионные» истории, НТВ давно закрыто, ТВС, если кто помнит этот телеканал и шум вокруг него, остается работать еще пару месяцев, Ходорковского пока не посадили, но уже вовсю таскают на допросы. Впрочем, все это публицистика и исторический фон, кто сейчас помнит, когда такое было... Спросите у двадцатилетних: ну-ка, что такое ТВС? Они пожмут плечами.

Я был растерян, как, наверное, многие.

Но, собственно говоря, позвонил ему совсем за другим. Прозаический повод — нужны были деньги. Отработав у рекламщиков чуть больше года, я уволился и по старой схеме полгода жил на накопленное, а еще полгода кормился случайными заработками. Суетиться начал только тогда, когда денег не стало совсем. Решил напрямую попросить его о работе, использовать, наконец, знакомство — какие-нибудь заметки в отдел культуры, книжные рецензии, интервью, что-нибудь в этом духе. Я подумал, что если это даст хотя бы долларов триста в месяц плюс работа фриланс в бывшей конторе — будет нормально.

Когда я позвонил, он снова обрадовался, снова спросил, как дела и куда я пропал, пригласил заходить. Правда, выяснилось, что в той прежней известной оппозиционной газете он уже не работает. — Почему? — Надоело, долго объяснять. Они вообще козлы. Нельзя сидеть на двух стульях одновременно... Расскажет при встрече. А работает он в каком-то новом цветном издании на 12 полос, расположенном в центре, в старых переулках за «Комсомольской». Среди спонсоров приличные люди, Чубайс, кое-кто из СПС... Вы, наверное, видели рекламу на Садовом кольце? Я видел. Надо быть современным, а рынок сам все расставит по своим местам.

Я был рад слышать его голос, рад, что он был спокоен, мне даже хотелось, чтобы он при встрече сказал мне, как обычно, что все нормально, все утрясется, дикий капитализм, по-другому быть не может и т. д.

Редакция располагалась по новой моде — в отремонтированном особняке в старой Москве, кабинет, правда, был много хуже по сравне-

нию с прошлыми — десятиметровая комнатка почти под крышей, впрочем, уютная, да и сама редакция была тоже много меньше, чем на «Маяковской» или в деловой газете с колокольчиком. Но я подумал, что это понятно, дело новое и только начинающееся, потом раскрутятся. Тем более он сказал, что работа не бей лежачего, он у них гуру — приезжает к часу, а в семь-восемь уже свободен, все утро остается для писания, и вечером можно посидеть еще.

Разговор получился неожиданный. Начали вроде ничего, весна, погода, что нового написали, он сказал, что пишет новый большой роман, можно сказать итоговый в каком-то смысле (про обещание не писать не вспоминал), но очень быстро сползли на политику. И тут он стал говорить что-то совсем странное.

Я сначала как-то даже не понял, что.

Если кратко, то выходило, что журналист Киселевский — самовлюбленный, надутый индюк. (Не совсем согласен, но что-то в этом есть. — *Авт.*) Что Берза слишком много хочет за свои деньги. (Тоже согласен.) Что журналист Карамурзин говорит о политических репрессиях, но при этом отправляет детей учиться в Англию. (Не понял — и что?) И далее, почти без перехода: энтэвэшники сделали себе неплохой бизнес из критики. А нынешняя власть всеми силами старается установить стабильность, да только ей мешают. Далее: на Западе сидят люди, которым по большому счету плевать на Россию, и многие олигархи забыли, в какой стране они живут. (Тут по большей части тоже согласен, но с оговоркой — мы ведь тоже не очень это помним, а?)

Но в сумме я как-то даже опешил от неожиданности, настолько это отличалось от того, что он говорил два года назад и всегда. По глупости я стал ему возражать, напомнил о кабинете на «Маяковской», о ночных рассказах по радио «Свобода», о первом романе и даже чувстве исторической ответственности... И мы немножко поругались. Он обвинил меня в модных в ту пору левацких взглядах, почему-то назвал себя убежденным консерватором и в свою очередь напомнил мне, что радио «Свобода» финансируется конгрессом США.

Мы ругались долго, минут сорок, но после «конгресса США» мне стало смешно и я решил, что не имею права его судить, что он человек немолодой и наелся советско-диссидентской бедности выше крыши, а нормальной жизни было всего-то последних лет пять. Ему сильно неохота снова влезать в ту же шкуру, подумал я, и решил со всем соглашаться. Все-таки давно знакомы. Впрочем, когда он сказал, что Шендерович издевается над русским народом, я не выдержал.

— И это говорите вы?! — сказал я. — А сами-то кто?

— А я очень русский человек, — сказал он. — Я люблю деревни, бабушек у ворот, церковь. Я там чувствую себя дома. Это мое. А не эта ваша Москва.

Я пропустил «эту вашу Москву» мимо ушей и довольно зло сказал:

— Главное, чтобы бабушки вас так же любили, как и вы их. Чтоб это не было односторонним чувством.

— А это неважно, — сказал он. — Я же русский писатель, вы забываете. Мне не нужна взаимность.

Тут я спорить не стал. После бабушек разговор стал спокойнее, я как будто что-то понял, мы выпили чаю, который принесло небесно-загорелое создание лет двадцати с необыкновенно острым взором. Он рассказал мне, при каких обстоятельствах был сделан снимок его и В. Аксенова, висевший в кабинете на видном месте.

— Аксенов играл для меня отчасти ту же роль, что я сейчас играю для вас, — сказал он.

Я хотел спросить, говорил ли Аксенов, что диссиденты издеваются над русским народом, но сдержался. А вдруг говорил? И мы вышли на улицу.

Как я уже сказал, стояла чудесная московская весна, кажется, была середина апреля, было уже тепло, солнце только начало садиться и начинались замечательные весенние сумерки конца рабочего дня, когда на улицах все еще много народу и машин, но все уже не озабочены и деловиты как днем. Его теперь возила старенькая, но персональная «волга» черного цвета. Это были перемены по сравнению с прежней работой, тогда у него тоже была «волга», правда новая и своя.

Кстати, я забыл сказать, что про ту «волгу», на вопрос, почему он не купит себе иномарку, ведь это плохая машина, — он также назвал себя консерватором.

Шофер куда-то запропастился, мы остановились на тротуаре, и он закурил. Я вспомнил наш спор и, наполовину шутя, спросил: а ваш кабинет не прослушивается?

— Вам лечиться надо! — сердито сказал он. Потом добавил: — Мне плевать. Мои взгляды всем известны, я их не скрываю. Газеты *там,* — он неопределенно показал куда-то вбок рукой, — читают регулярно.

— Какие взгляды? — спросил я. — Те, что вы мне только что излагали?

— Я пишу всю правду, — сказал он — а те ошибки, о которых вы говорите, совершаются не по злой воле, а от известного, многовекового русского идиотизма и расп..дяйства.

Появился шофер, довольно симпатичный пожилой дяденька, правда, с каким-то смазанным, невыразительным лицом. Поздоровался. Пошел в гараж выводить машину. Я вспомнил, как Н. Н. ругался несколько лет назад на шофера и спросил, нашел ли он то, что искал.

— Это уже четвертый, — сказал он. — Пока я доволен. Но у него хорошая школа — это бывший горком КПСС.

— По вашей версии, — сказал он немного погодя, — мой шофер тоже должен быть *оттуда*, — он усмехнулся, — и в машине мы, естественно, разговаривать не можем, так как там тоже есть микрофон... Куда вас подвезти?

Я спросил, куда они едут, и попросил меня высадить у одной новой кофейни в центре. Мне хотелось как-то смазать, разбавить довольно невеселое ощущение, которое у меня возникло от разговора с ним. Навер-

ное, я действительно воспринимал его как старшего товарища и потому было довольно грустно и неожиданно наблюдать такие изменения. Мне хотелось приглушить это ощущение чем-нибудь современным, бодрым, вы будете смеяться, — несоветским. Еще я подумал, что если бы кто-то мне сказал еще лет пять назад, что от него будет возникать такое ощущение, то я бы посмеялся, конечно. Я не вспомнил, что я же сам хотел, чтобы он меня успокоил, сказал что-то оптимистичное, ободряющее.

Вот он и сказал. Согласно времени и месту.

Разговор в машине, несмотря на то что ни он, ни даже я, естественно, всерьез не верили в то, что шофер обязательно должен быть *оттуда* (что за бред, в конце концов!), получился какой-то странный. Мы оба напряглись и разговаривали то ли как Штирлиц с Борманом в фильме «Семнадцать мгновений весны», то ли как Балаганов и Бендер в кабинете председателя Арбатовского горисполкома. Как-то напряженно и все время имея в виду кого-то третьего, но я сейчас даже не могу понять кого. Не шофера же!.. Говорили вроде бы о книгах, но, повторяю, как-то странно. Он стал ругать издательство «По краям», обозвал их леваками (он в тот раз часто употреблял этот эпитет) и сказал, что ему не нравится Сорокин, которого они издают тоннами, причем, заметьте, не нравится *как писатель*, и все!

— А те, кто его травил (тогда как раз был свеж в памяти скандал вокруг «Голубого сала»), — идиоты, — добавил он. Но тут же сказал после паузы: — Но политики в этом ноль, если кто думает, что за травлей Сорокина стоит политика, — он тоже идиот.

А я — я не возражал ему (?!) и даже почти согласился, хотя и заметил робко, что философская-то серия у них была ничего, а? И он с этим тоже согласился.

Странный был разговор, я почему-то не напомнил ему о нашем давнем диалоге про «По краям», когда он хвалил писателя В-та и жалел, что «По краям» никогда им не заинтересуется, причем не напомнил именно из-за этой дурацкой, овладевшей нами скованности, хотя ведь какое кому нравится издательство — это совершенно безобидная вещь, а? Ну и что, что они издали Сорокина, ведь, в конце концов, все это только книги!.. Книги, не больше!.. О моей будущей работе мы почти не говорили.

На Тверской, у книжного магазина «Москва» шофер притормозил, и мы довольно прохладно расстались. Он вышел на тротуар и, простившись со мной, сел рядом с шофером. Когда машина отъехала, я обернулся и увидел, как он, размахивая руками, что-то говорит шоферу. Я понадеялся, что не обо мне. Не будет же он с каким-то шофером обсуждать старых друзей и идейные расхождения с ними!..

Я помню, что в тот вечер у меня было очень неважное настроение. Все-таки, согласитесь, от кабинета в самой либеральной газете страны до издевающегося над русским народом Шендеровича — немаленькая дистанция. Я прошелся по весенней Тверской, разглядывая нарядную вечернюю толпу, потом свернул в переулок и неожиданно зашел в из-

вестное литературное кафе на Дмитровке. Там я взял какую-то поэтическую книжку и классические ноль-пять пива. Пиво и стихи, как всегда, постепенно успокоили меня, и через какое-то время я уже довольно весело рассказывал что-то книжное молоденькой продавщице. По-моему, я говорил о способности поэта сохранять спокойствие в любой социальной ситуации. Хорошенькая была девушка.

А через пару дней он вдруг позвонил мне.

— Я написал статью. О нашем с вами разговоре. Хотите послушать? Я же вам говорил, что пишу то, что думаю.

И он прочитал мне, как у него есть давний знакомый, еще по 1990-м годам, гораздо моложе его, который недавно зашел к нему на чашку чая и жаловался на то, что ему кажется, что в стране потихоньку «холодает», — он назвал это «закручивают гайки». Далее наш герой подробно перечислял все свои возражения, а заканчивал статью словами, что его молодой знакомый, как все нервные люди, конечно, страдает от весеннего обострения, но, возможно, *и там, наверху* — здесь он даже повысил голос, тоже, как и я сейчас, выделяя свою мысль курсивом, — что-то делают *не так*, раз его молодой знакомый, человек, конечно, нервный, но в пределах нормы, как все мы (ха-ха-ха), так беспокоится.

Я было опять заспорил с ним, но потом остановился. Я подумал, что, наверное, по телефону не надо (и совершенно не удивился этой своей мысли), и, кроме того, мне нужно было куда-то спешить. Я сказал, что мы поговорим потом, и мы попрощались. Он сказал, что отложит этот номер газеты для меня.

А на следующий день, вечером, убили депутата Ю-ва. Помните, был такой демократический депутат, из бывших офицеров, начинавший еще с Ельциным у Белого дома? Вечная память.

Но представляете, совпадение!.. По телевизору было много разговоров на эту тему, и я не выдержал (дурак) и позвонил ему.

— Ну и что? — удивленно сказал он. — Ю-в запутался в каких-то коммерческих делах, депутатов в России довольно часто убивают, такие уж у нас депутаты. — Он искренне удивился моему звонку. — Перестаньте смотреть телевизор — смотрите, какая хорошая погода!..

И я, повесив трубку, подумал, что, во-первых, в конце концов может быть он и прав, и Ю-в, безалаберный, как и все интеллигенты, правда в чем-то запутался, а во-вторых, возможно, он искренне заботился обо мне — действительно, зачем смотреть телевизор в такую замечательную погоду?

5

В следующий раз я позвонил ему быстро, месяца через три, где-то в середине августа. Я собирался в Киев, а он хотел передать свои книги старому приятелю, еще весной просил меня об этом. Мы договорились встретиться у Бородинской панорамы. Была очень хорошая погода, только что кончилась летняя жара, шли дожди, город выглядел будто промы-

тым, сочная зелень после пыльного и душного июля прямо светилась на солнце. Когда я подошел, старая черная «волга» уже была припаркована у памятника Кутузову, а он нетерпеливо прохаживался неподалеку.

— Историческое место, — сказал я, подходя.

Он усмехнулся:

— Этот господин не любил либералов вроде вас...

Мы немного поговорили. Он опять выглядел усталым и чуть-чуть грустным. И я, не знаю почему, вдруг сказал: вы знаете, а ведь вы в общем-то являетесь для меня ну... не учителем, разумеется, но чем-то вроде учителя. Исполняющим обязанности. Вы сознаете свою ответственность? — Я засмеялся.

— А я не червонец, чтобы всем нравиться, — неожиданно раздраженно сказал он. — Я недавно поссорился с поэтом И-м. Знаете такого? — Я кивнул. — А мы дружили 20 лет. Он тоже вроде вас, все ожидает погромов, а сам при этом строит себе дом под Москвой. Это уже в отличие от вас. — Я удивился: а почему бы ему не строить себе дом? Какая связь? Или дома могут строить уже только «свои»?.. Он не ответил. Потом сказал, оглядывая залитый вечерним солнцем Кутузовский и шевелящиеся под легким ветерком тополя на той стороне проспекта: — С., все будет нормально, все постепенно образуется, уверяю вас. Посмотрите, какой покой разлит в воздухе!..

Я протянул ему журнал, который принес с собой. Почему-то я до сих пор считал необходимым отчитываться перед ним о своих успехах. В журнале было интервью с одним известным поэтом старшего поколения, ныне, увы, уже покойным. Поэт тоже считал, что все «будет хорошо». В отдаленной перспективе. О нынешних проблемах он говорил, как об очередном печальном анахронизме русской истории.

— А русская история вся состоит из анахронизмов, вы не обратили внимания? — опять сердито сказал наш герой.

Я вдруг подумал, а что, если сделать с ним интервью? Once more, тема: большой путь от фотографии с Аксеновым до нынешних разговоров. Я предложил ему. Он нехотя согласился: для вас я готов, но последние годы я не очень люблю это дело.

— Ну да, — сказал я, — а я тут недавно «Playboy» листал, так там кто-то с удовольствием рассказывал о том, какие марки виски предпочитает.

Он засмеялся:

— Ну, это .... попросил (следует фамилия известного журналиста) и для «Playboy» я делаю исключение.

Пижон, подумал я, шестидесятник. Все играет. «Playboy», виски, замшевые ботинки — вельветовые пиджаки, трубки, усталость... гаванских сигар не хватает. Он всю жизнь мечтал о такой жизни, с тех пор как прочел «Фиесту» и «Коллеги». Его любимый Аксенов как-то с увлечением рассказывал по телевизору, как в брежневское время из-под полы купил австралийскую дубленку из кенгуру за две тысячи советских рублей с Лениным. (Машина тогда стоила пять.) Я помню свое чувство неловкости и удивления.

И вдруг то, о чем они мечтали и писали — произошло! Именно вдруг. Ну, не совсем так, как они мечтали, но произошло. Вернувшийся из эмиграции Аксенов живет в сталинской высотке, где раньше жили только генералы КГБ и лауреаты Гос- и Ленинской премии, диссиденты и десятилетиями «непечатаемые» поэты поселяются в насквозь советском Переделкине, наш герой из всех возможных машин заводит персональную черную (!) «волгу» с шофером и живет на даче за городом (правда, не в Переделкине, на это ему хватает вкуса), книги выходят одна за другой... Интервью, экранизации в прайм-тайм, переводы, фотографии на обложках, литературные премии...

Вот оно!

Все советские мифы воплощены. Неужели опять надо не соглашаться, спорить, бороться, уходить в полуподполье, бояться? Им очень не хочется. У многих нет сил, ведь они немолодые люди, а Россия такая большая страна, на спор с которой легко потратить не одну жизнь. Оппозиция — не оппозиция... Какая разница! Потом всегда можно будет сказать, что ты *просто верил*. Но ошибался.

Бывает!

Скажите кому-нибудь о том, что Аксенов живет в сталинском замке, — удивленно пожмут плечами: ну и что? Многие москвичи знают, что квартира принадлежит его жене, дочери известного советского режиссера, действительно лауреата Ленинской и даже Сталинской премии, но не отказываться же теперь от нее — в этом доме очень хорошие квартиры! Жить тут стало снова престижно, в конце концов! Ну, а если встретишь в лифте человека, который когда-то, возможно, вел твое «дело», это даже забавно, уже не раз описывалось и пробуждает творческую фантазию. И то, что бывшие диссиденты в Переделкине живут на бывших дачах старых большевиков, в этом есть даже какая-то историческая справедливость, да? И так далее...

Разумеется, всего этого я ему не сказал, только подумал. Не стоит обижать давних знакомых, правда?

И, хотите верьте — хотите нет, но так и получилось. Я про «бывает». Смешно. Все-таки жизнь иногда выделывает удивительные фокусы.

Осенью 2003 года я уехал в Крым. Всегда так делаю в сентябре-октябре, надо немного продлить короткое московское лето. И новость об аресте известного бизнесмена Х. застала меня в маленьком поселке под Феодосией. Был уже конец октября, холодно, безлюдно, очень красиво, вокруг стояли горы, серо-фиолетовые на закате... Газеты приходили нерегулярно, к тому же до киоска было далеко идти, у хозяйки, где мы жили, несколько дней не работал телевизор. И новостей мы не знали. Но на маленьком местном рынке к моей жене вдруг подошел какой-то человек из местных и сказал: Ходорковского взяли на трапе.

Смешно, прямо литература какая-то.

— Ну и что?

— Почему-то он решил, что нам это интересно.

Ни до того, ни после с нами никто из местных (тем более о политике) особенно не общался.

В тот день я купил украинскую и русскую прессу, читал всякие комментарии, злился, а через несколько дней не удержался и написал нашему герою что-то ироническое из ближайшего интернет-кафе. Типа «ну и что вы теперь скажете?». Зачем написал? Не знаю. Может быть, нужен был собеседник.

И что вы думаете, он мне ответил именно так, как я и говорил: «А я верил, ошибся, но будем надеяться» и т. д. А? Смешно...

На следующий день я зашел в небольшую кофейню у дороги на Судак, где была открытая терраса и было видно одновременно и горы и море. Пока не стемнело, сидел за столиком и смотрел на горы, на то, как проносятся по трассе Феодосия — Ялта машины и на бегущие по морю барашки. День был ветреный. Было хорошо так сидеть, понимать, что находишься в соседней, но все же уже немного другой стране. Почему-то вспоминались какие-то эмигрантские истории. И опять Крым. «Как был при Врангеле, такой же виноватый». Шучу. Уже, слава Богу, не «виноватый». Скорее Крым Бродского. Помните? «Пустуют рестораций. Дымят ихтиозавры грязные на рейде. И прелых лавров слышен аромат...».

У хозяйки была книжка, Дмитрий Седых — это из эмигрантов первой волны, средний литератор, но хороший журналист, потом он много лет был редактором эмигрантской газеты в Америке, в его книжке был хороший рассказ о ночном бегстве из Крыма, прямо перед наступающими красными.

И то ли было такое настроение, то ли от выпитых залпом 150 граммов местного коньяка, но я на полном серьезе думал, что сюда, в Крым, уезжать из Москвы не надо. Все-таки слишком близко. И в Константинополь или в Софию, как когда-то, тоже не надо. Надо (опять) дальше.

6

Ну, «дальше» дело пошло быстрее. Где-то в ноябре я вернулся, но, увы, не в Константинополь, а в серую, предзимнюю Москву и вскоре перед Новым, 2004 годом зашел к нему.

В их газете были трудности, и он переехал из маленькой отдельной комнатки на третьем этаже в большую, общую на втором, делил ее пополам с каким-то молодым парнем из «новых энергичных». Мы немного поговорили, он плохо выглядел и снова жаловался на здоровье и плохое настроение. Я спросил, почему. Политика?

— Да вы что? — Он даже рассердился. — Это меня волнует очень мало, вы же знаете мою точку зрения. Я грущу о том, что человеческая жизнь вообще печальна и плохо кончается.

И тут мне надо было бы порасспросить его поподробнее, наверное, он реально плохо себя чувствовал, да и выглядел неважно, но я почему-то рассердился и сказал: да? совсем не волнует? все еще?

Напрасно. Во-первых, я уже сказал, он плохо выглядел, во-вторых, в комнате находился посторонний человек, хоть с виду более-менее ничего, но кто сейчас знает, и, наверное, это его сковывало. Потом в иерархии их газеты молодой человек был ему равен, иначе их бы не посадили вместе, и ему совсем не стоило при нем всерьез спорить со мной о политике и вообще о чем бы то ни было *отвлеченном*. В корпоративные правила игры такой спор уже не входил, это я сразу почувствовал.

Но он тут же разозлился и стал говорить все то же, что и раньше, только с учетом текущих тогда деталей. Что, собственно, ничего особенного не происходит, а если я про бизнесмена Х., то он м...к и сам виноват. И тут я, сдуру и будто не понимая, что в комнате посторонние, окрысился и спросил, а в чем, собственно, «виноват» Х.?

— А в том, — сказал он, — что если не платишь налоги, нечего лезть в политику.

— При чем тут это? А вы платите? — спросил я, включаясь в эту идиотскую игру.

— А я в политику не лезу, — сказал он. — И вообще, Х., возможно, готовил государственный переворот!

И мы еще немного поругались, развлекая его соседа (— Какой переворот, вы что? — А такой, обыкновенный!), а потом он примирительно (все же пока слегка неудобно говорить такие вещи) сказал, что история с Х., может быть, и некрасивая, но не страшная, и добавил, что капитализм у нас уже победил все равно, несмотря ни на кого и ни на что. Посидит Х. дальше или не посидит. И что коммунисты больше не вернутся — это главное. И что рынок все постепенно расставит по своим местам.

А я тогда подумал, что про капитализм — это еще как пойдет, бабушка, как говорится, надвое сказала, но что, наверное, он прав, все же таких вещей, как с Х., *они* дальше делать не будут, потому что *они* же понимают, что так *нельзя*, *они* же не самоубийцы, не камикадзе, правда? У них же деньги *там*, да?

Но вместо этого я сказал:

— Капитализм бывает разный. И в Канаде, и, например, в африканской стране Нигерии, где тоже говорят, нефти много, — везде капитализм. И в Пакистане и в Бразилии — там тоже капитализм. Бриллианты от Картье в магазинах Сан-Паулу и полтора миллиона официальных нищих. Между прочим, Бразилия тоже когда-то была империей, вы слышали?

Он решил, что про Бразильскую империю это шутка, и сказал, что Россия находится не в Африке и не в Латинской Америке, а в Европе и что это не Пакистан, так как у нас нет ислама. И мы завелись еще на полчаса, горячо обсуждая все это, и его сосед даже вышел в какой-то момент, видимо, утомившись и удивляясь нашему нескончаемому спору, тем более странному в контексте проблем их газеты, которые не могли не затрагивать моего друга.

Глупо все это было, еще раз говорю и я, главное, понимал, что глупо, и что «не надо» и что он уже ничего другого не скажет, потому что (см. выше, once more) уже немолодой, потому что плохое настроение и, на-

верное, самочувствие, и привык уже за эти годы хорошо жить. Квартира в Москве — дом за городом, машина с шофером — тусовки, нормальные деньги, а пример с Х. хоть и «неопасный», но перед глазами. Жена была права: Счастливцев и Несчастливцев, вот кто мы такие, русская сладкая парочка, хоть кино снимай. Только я не пойму, кто из нас — кто.

Мы оделись и сошли вниз, и он по дороге, на лестнице поговорил с каким-то мужчиной средних лет в фамильярном духе, прямо как когда-то на «Маяковской». Но было видно, что этот якобы дружеский тон — ерунда и камуфляж и то ли мужик на него напрягается, то ли уже он на мужика, потому что я не почувствовал, как на «Маяковской», что в этой сцене он — *начальство.*

— Зачем вы ушли с предыдущего места? — спросил я его, когда мы вышли на улицу. — Возвращайтесь. Я видел, как по ТВ выступал их главный редактор и прямым текстом, не пожалев времени прямого эфира, сказал, что ему жаль, что вы ушли.

Он покачал головой:

— Нет. Возвращаться нельзя.

— Почему?

— Это как с женщиной. Если вы уходите, а потом возвращаетесь, это значит, что у вас что-то не получилось. К вам так и будут относиться. Не сразу, но будут.

И я подумал, что, наверное, его жена не может ему простить его романов на стороне, женщины обычно догадываются о таких вещах, и что он, дурак, от этого мучается, вместо того чтобы либо разойтись, либо (лучше) не чувствовать никакой вины. Со всеми бывает, сплошь и рядом — и его жене было бы легче. И что еще у этого поколения при всем их благородстве и уме есть какие-то странные заморочки, как красные флажки у волков, через которые они не могут переступить, даже если это очень нужно. И кому от этого легче?

Или они опять так пижонят или выпендриваются, непонятно... Я вспомнил, как он сказал когда-то про жену: это мой крест.

— Но вас же никто не заставляет его нести? — удивился тогда я. — Дети выросли, и у них своя жизнь, а ей тоже, похоже, с вами несладко.

— Вам этого не понять, — сказал он, — вы же не христианин...

На улице он предложил меня немного подвезти, и зачем-то, как и в прошлый раз, я согласился, хотя собирался ехать совсем в другую сторону. Может быть, надеялся что-то досказать, договорить, в тот раз мне было как-то особенно грустно на него смотреть. Я сказал ему, что нам не очень по пути, но он сказал, что это ничего, он сделает крюк.

Наверное, я чувствовал какую-то дурацкую вину перед ним, потому что когда мы выходили на улицу и он снова сказал свое обычное «что же вы так редко заходите?», я же вам раза три писал по e-mail, заходите. И пообщались бы нормально (он спешил на какую-то литературную тусовку, что-то «журнально-премиальное»), и про ваши дела поговорили бы... Мне стало совестно: правда, писал, правда, редко к нему захожу.

Но в машине опять произошел какой-то странный разговор, причем я понимал, что лучше не заводить его, но меня как будто кто-то под руку толкал. Все нервы... Он мне сказал: хотите со мной в ЦДЛ? Я думаю, для вас будет полезно. Вас же этот журнал не печатает пока?

Я поблагодарил, но сказал, что мне хватает тех журналов, где меня печатают, и что мой редактор, которого он знает, уже как-то раз звал меня на подобное мероприятие, но я не пошел. Он спросил почему.

— Не люблю тусовок, — сказал я, понимая, что косвенно задеваю его. (А он, выходит, любит. Почему я не сказал ему, как когда-то, что я просто занят сегодня?)

— Тогда не жалуйтесь, что вас не замечают, — усмехнулся он. — Хотите, чтобы замечали, — тусуйтесь.

— Это неправильно, — сказал я. — Литература в результате страдает. Надо смотреть не на персону («знаю» или «не знаю»), а на тексты...

Он тогда стал долго и раздраженно говорить, что я несу какую-то инфантильную чепуху, что существуют так называемые правила игры и что «надо находиться в реальности», а если не находиться, то тогда не ждать, чтобы тебя оттуда (из этой «реальности», видимо) заметили.

Помолчав, он сказал тогда хорошую фразу, которую я запомнил: напечатали — и хорошо, и до свидания, вот этим вам и надо руководствоваться.

Я с ним сейчас согласен на все сто. Но тогда мы немного поспорили, причем довольно громко, так что даже шофер пару раз вздохнул и посмотрел на меня в зеркальце: типа, что же ты портишь человеку настроение из-за какой-то ерунды? (По-моему, это был уже другой шофер, но я не уверен.)

На Пятницкой мы застряли в пробке, и я занервничал: в полдевятого меня ждали на Цветном бульваре.

— Знаете что, — сказал он, поглядев на часы, — давайте так. Мы сейчас поедем в ЦДЛ, я не могу опаздывать, а потом, если вы точно не хотите туда идти, я попрошу Валерия Ивановича вас подбросить. По Садовому это рядом. Хорошо?

Валерий Иванович промолчал, а я, подумав, согласился. В метро нырять не хотелось.

Что самое забавное, мы продолжали спорить и спорили, даже выйдя из машины чуть заранее, и, споря, дошли по заснеженной Никитской до ЦДЛ и остановились у дверей. Прямо Бакунин и Герцен какие-то. Вероятно, проклинающий нас Валерий Иванович, как в каком-то советском фильме, тихо следовал за нами чуть позади.

Слава богу, пока мы стояли в пробке в замоскворецких переулках, основные гости «мероприятия» уже прошли, но каких-то два относительно молодых писателя (глядя на них, сразу было видно, что это *молодые писатели, идущие на литературную тусовку*, — знаете, такие характерно-напряженные лица бывают только у дебютантов) все-таки прошли торопливо мимо и довольно иронически на нас посмотрели.

И надо же было случиться, что именно в этот момент он вспомнил зав. отделом культуры своей газеты, которая, когда он ее попросил, напечатала пару моих заметок (я так и не оставил свою идею журналистского фрилансера), а потом (когда я попробовал послать ей что-то уже без его звонка), разумеется, продинамила, правда, говоря при этом обычную туфту — что ей все очень нравится и что она сейчас, вот-вот, на той неделе, или через неделю — через две, обязательно и т. д., прямо как тот седой хрен десять лет назад на «Маяковской». И в результате заметки устарели, я никуда их не отдал и вроде как потерял какие-то возможные деньги. Обычная история, короче.

И вот он вдруг вспомнил эту заведующую культурой (которая к тому моменту из их газеты уже благополучно уволилась) и сказал, что это типичный случай для меня. Мне надо было прийти, познакомиться, как-то минимально наладить с ней отношения, он пошутил: даже трахнуть ее, что ли (девушка была относительно молодая и симпатичная), если уж я хотел регулярно работать у них. А не присылать тексты просто так, по «емеле», потому что существуют все те же «правила игры», которые понимают даже студенты, это альфа и омега, и что он не мог заставить ее меня напечатать, когда она даже ни разу меня не видела. И тут, повторяю, мимо идут эти два «молодых писателя». И один, кажется, услышал его слова про «не могу заставить печатать», и бросил на меня злобно-торжествующий взгляд, и чуть ли не улыбнулся.

Я подумал, что в его разговорах о «правилах игры» и всеобщем стремлении поучаствовать в этих литературных «вечерах» и вообще встроиться в какую-нибудь табель о рангах, которых сейчас существует множество, есть что-то неистребимо советское и очень странное. Времена-то на дворе совсем другие, кому нужны сейчас эти журнальные тетеньки, и их «вечера», и даже премии, которые они распределяют?

Вообще я вам скажу, я понимаю, как происходило то, что происходило в Союзе писателей СССР в прежние времена. Дело даже не в материальных благах («дать» — «не дать») и не в страхе перед начальством («попадет» или «нет»), а в таких вот взглядиках и чудесном отношении друг к другу, которое за этими взглядиками стоит... Ну скажите, что я сделал этому проходящему типу с модным поповским хвостиком и черной бородой-эспаньолкой, он же вроде меня видит первый раз в жизни? Тем более идет такой разговор. Жалко вроде коллегу? Но нет, наоборот, пустячок, а приятно. Интересно, а у других «творцов» — художников, музыкантов, актеров — тоже так?

Короче, мы расстались с нашим героем весьма недовольные друг другом, и я даже подошел к стоявшей неподалеку машине и сказал Валерию Ивановичу, изрядно его обрадовав, что не поеду, доберусь сам. Потом, некоторое время, предупредив «Цветной бульвар», проплутал по окрестным переулкам, готовя будущий тридцатиминутный диалог на тему «ситуация в стране и современном русском искусстве» с нашим героем и парой корреспондентов не то BBC, не то французского телевидения. Кажется, французского телевидения я толком не рассмотрел.

7

— Тимошенко?! — сказал он. — Вы что, серьезно считаете ее революционеркой? Она же сидела в тюрьме за хищения!.. Чтобы при Кучме попасть в тюрьму по этой статье, надо было совершенно запредельно воровать. Неужели вы всерьез верите во всю эту оранжевую компанию? Посмотрите, что они устроили на Украине после своей победы!.. Это же смешно!..

Ну, читатель уже не удивится, если я скажу, что в следующий раз мы увиделись опять года через два с лишним. По-видимому, это был наш «период обращения», как говорят в астрономии. Я где-то читал, что раз в несколько лет планеты Солнечной системы сближаются, гравитационно и магнитно воздействуют друг на друга, и тогда время запускать спутники и проводить всякие научные исследования.

Если прошло почти два года, то можно посчитать, что мы встретились совсем недавно, где-то этим летом. Как говорится, много воды утекло. Напоминаю, что в отчетный период произошла украинская революция, я делал репортаж из революционного Киева и рассказывал ему об этом, а в частной жизни наш герой выпустил две книги, одна из которых получила престижную литературную премию и даже не одну, — он снова стал заметным и знаменитым. Моя давнишняя знакомая (из 1-й главы, помните?) оказалась права, и, может быть, поэтому наша встреча получилась на редкость симпатичной, хотя, если исходить из тематики и стилистики наших бесед, у него ничего не изменилось — он все так же ругал демократов и так же говорил, что устал.

Мы опять встретились на Кутузовском. Кто-нибудь наверняка еще пнет меня за географию наших встреч, но просто смешно — я действительно уже очень давно живу в тех краях, еще с тех пор, когда они не были такими «престижными», а наш герой регулярно проезжал по Кутузовскому в свой загородный дом. Хотя читатель может считать, что я придумал и местом встречи на что-то намекаю. Я ни на что не намекаю, так получалось ближе и легче, не подумайте, что его резиденция находилась по знаменитому Рублевскому шоссе, просто так было проще попасть на Волоколамку, где он жил, чем по демократическому и забитому машинами Ленинградскому проспекту.

И вот мы встретились в полупустом кафе (было начало недели в начале лета), солнечно, еще не очень жарко, в кафе был хороший кондиционер, я немного опоздал и, войдя, сразу увидел его у окна в светлом пиджаке и любимых круглых очках с бровями домиком над очками.

Как я уже сказал, после небольшого вступления — как дела-погода-что-вообще-поделываете, оформления заказа — аперитив, потом горячее — он сразу сообщил мне, что наше с ним дело, литература, оно между прочим, нехорошее. Почему? Потому что оно греховное и небожеское.

— Ведь мы создаем свой мир, а это может делать только Бог, — сказал он.

После небольшой паузы (переваривая информацию) я удивился:

— Разве? По-моему, мы объясняем этот...

Красиво сказал, честно говоря, повторяя высказывание моей жены, с которой совсем незадолго до нашей встречи обсуждал вопрос «зачем вообще нужна литература».

— Ну, мне сложно согласиться с вами, — сказал он, — *кто что* объясняет...

— По-моему, если уж впутывать Господа Бога в наши дела, то, надо полагать, Он радуется Красоте, разве нет?

Дальше мы быстро изложили друг другу основные аспекты давнего спора о том, является ли Красота соблазном или все же промыслом Абсолюта, и о том, насколько греховно занятие искусством. Сошлись на том, что, скорее всего, Вседержитель Саваоф все же снисходителен к нашим мелким делам.

При этом я подумал, что, возможно, бармен, до которого, скорее всего, доносился наш разговор, должен посчитать нас или ненормальными, или урками. Кто еще встречается в понедельник вечером на Кутузовском проспекте и разговаривает об Абсолюте и Красоте?

— Дело в том, — продолжил он, — что ваше понимание православия весьма отличается от моего. Я ведь и деревенский дом выбирал по принципу, чтобы в деревне была церковь. Для вас же это пустой звук, правда?

Я мог не согласиться с ним, но вместо этого шутливо заметил, что, когда соберусь покупать дом в деревне, совершенно точно буду рад, если дорога из моего дома будет вести к храму. — Ом! — сказал я в подтверждение своих слов.

— Все иронизируете... — Он покачал головой. — Зря. Это ведь серьезное дело. «Ом»... Вы еще «Аллах Акбар» скажите. Вы что, буддист?

Я сказал, что нет.

— Вот видите. А зачем говорите?

Помолчав, он заметил, что вообще ислам и православие чем-то похожи друг на друга. Ведь и та и другая религия отказываются от индивидуальности, и та и другая предназначены для масс (в отличие от католиков и протестантов, нацеленных на индивидуальность) и что России, наверное, пойдет теократическое государство на манер Саудовской Аравии или даже, скорее, Ирана.

Тут нам принесли горячее. Поскольку я опоздал, он заказал его без меня. В виде горячего подали нюрнбергские колбаски (nuernberg sausages, 380 руб., — так было написано в меню), и я не мог не заметить, что название блюда удивительно подходит к нашему разговору. Это что — специально?

Он удивился: чем подходит?

Nuernberg sausages оказались вкусными, и беседа на время смягчилась. Мы почему-то вспомнили его ранние сочинения (он в прошлом много писал о джазе), и он сказал, что сто лет уже не был ни в «Синей птице», ни в «Форте»[5]. Про «Синюю птицу» он даже не знает, существует ли она. Кажется, да. Он был на юбилее Козлова, саксофониста, пол-

[5] Известные джазовые кафе Москвы.

года назад, с тех пор нигде. И не тянет. Неинтересно. Все очень постарели, а у Козлова недавно был инфаркт, вы слышали? Я не слышал.

— Что неинтересно? Джаз?

— Все неинтересно. Концерты, кино. Культура.

— Вот тебе и на.

— Да. Вот лет через двадцать здесь будет действительно интересно.

Я хотел сказать, что мы с ним уже почти двадцать лет обсуждаем одно и то же, и все вокруг, внешне меняясь радикально, принципиально почти не меняется, но сдержался. Я решил, что это будет косвенным намеком на его возраст, а это невежливо.

Вместо этого мы немного поговорили о любви немцев к sausages и вообще мясу, затронули особенности русской кухни — все же более вегетарианской по сравнению с немецкой (грибочки, капуста, огурчики), а потом я сказал, что был на хорошей выставке — советские кинозвезды 1970-х. В новом выставочном комплексе на «Курской». Советую. Они все удивительно красивы и... печальны. Для меня это было неожиданно. Я ожидал увидеть прошлогодний снег, а увидел скромное обаяние буржуазии 1970-х годов. Может быть, потому, что там все молодые? Молодые Михалков, Гафт, Глаголева. Помните ее в «Четверг и больше никогда»? Замечательный фильм. Он покачал головой: я не люблю совка. Он не вызывает у меня ностальгии и не кажется мне прикольным, как вашему поколению. Все эти «звезды» были в партии, а про Михалковых даже говорить смешно. Но главное, что на это все у меня нет времени. На что есть? Время есть на жизнь, на любимых людей, на литературу. Все.

— Понимаете, — сказал он, глядя в окно, за которым шли две молодые девушки в красивых, обтягивающих фигуру джинсах, — я грущу о конечности жизни. У Аксенова проблемы с сердцем, ваш любимый Пригов в больнице, вы слышали? Тоже сердце. Мы все стареем, понимаете? Политика — это все ерунда, чепуха, по сравнению с этим. Жизнь конечна и плохо кончается, вот что меня печалит больше всего. Наверное, моей религиозности не хватает это принять...

— Знаете, — сказал он чуть погодя, — вы мне говорите о *похолодании* уже лет пять, да? Ну что, где ваше «похолодание», в чем оно выражается? Разве начали сажать? Кого-нибудь, кроме Ходорковского, посадили? Нет.

Я сказал, что не говорил, что начнут сажать.

— Неправда, — сказал он, — говорили. Надо было это записать тогда и с вами, тогда же, давно, поспорить на деньги. Я уже когда-то спорил, заключал пари с такими же, как вы, либералами. Правда, денег так и не получил. Это было в 1989 году. Тогда только что появилось общество «Память» и очень многие мои друзья ждали еврейских погромов. Я же сказал им, что погромов не будет, и с некоторыми поспорил на деньги.

— Но это действительно готовилось, — сказал я. — Разумеется, при участии и по заказу госорганов. По аналогии с бакинскими событиями.

Просто в последний момент не решились или передумали. Об этом же писали когда-то.

— Бред, — сказал он. — Нигде об этом не писали. Я вам как профессионал говорю. Во всяком случае, я — не читал. По вашему мнению, везде замешано KGB (он не без изящества произнес аббревиатуру по-английски). Я говорил, вам лечиться надо... Но погодите, дайте историю досказать. И вот тогда, в 1989 году, погромов ждали в мае, весной. Почему-то. И вот прошел май, прошло лето, сентябрь, октябрь, а все было тихо. И тогда я сказал моим друзьям: давайте деньги, вы проспорили. Но это же либералы, они, как и вы, сказали: а мы такого не говорили. Ты не понял. Деньги зажали. С этими господами всегда так, знаете? — Он засмеялся.

— В 2003 году вы боялись, что будут сажать, — снова повторил он, — что будут прослушивать телефоны... Ну что, ваш телефон прослушивают?

— Я этого не говорил, — сказал я. — Я говорил, что мы имеем очень нехороший тренд. Разве нет? А насчет прослушки, sorry, по-прежнему не знаю. Может быть, и да, а может, и нет. Может быть, прослушивают даже этот разговор, может, и нет. Прослушивало же ФБР Хемингуэя в 1950-х годах. И когда он об этом говорил, все тоже крутили пальцем у виска. Потом выяснилось... Наверное, нынешние дела тоже выяснятся позднее. Знаете эту старую пословицу? Параноик — это человек, который слишком хорошо знает жизнь.

— Послушайте, — сказал он. — Послушайте... Я понимаю, что у вас у всех не в порядке нервы. Но разве вы не видите, что страна начала хорошо жить? Причем не Москва (вы мне сейчас скажете, что это Москва, так все говорят). Поезжайте в Самару, поезжайте на юг России, на Урал... Даже деревня возрождается. Я живу в деревне, я это вижу. Все это началось после 2001 года, при Путине.

— Но это же нефть, — как заведенная пластинка, сказал я. — Нефть стоит 70 долларов. А в 1990-х стоила 12.

— Я не экономист, — сказал он, — и вы тоже. Пусть экономисты в «Economist» разбираются, что к чему. Я говорю только о том, что я вижу.

Потом он добавил, что нынешнее воровство начали либералы и что если бы сейчас был Ельцин, никакого Стабфонда в помине уже не было бы, его бы просто украли, и что там, где есть ГБ, там есть хотя бы относительный порядок, и повторил свою старую мысль, что американцы давят нас, где могут. Как — зачем? Затем, что они двуличны и им не нужна сильная Россия.

— Они бомбили Ирак, и это было правильно, вы согласны? — спросил он. — А почему, когда мы бомбили Чечню, они кричали «это неправильно» и говорили про военные преступления? Потому что в этих аулах жили якобы мирные люди? Чеченцы не бывают мирными, — добавил наш герой. — Почитайте Лермонтова, почитайте Толстого.

Он знаком позвал официантку. Я видел, что девушка видела его жест, но отвернулась. Фирменные московские штучки. Будь человеку хоть шестнадцать лет, родись он на двадцать лет позже социализма, он все

равно будет вести себя так, будто вы сидите в советском ресторане «Сказка», а не в современном кафе на одном из центральных проспектов города. И главное, будет на вас сердиться за то, что вы за столиком, а он — у стойки. Что вы хотите, красный цвет не зря так популярен у нас.

Он разозлился.

— Что за хамство? Кого они набрали?!

— Ну как же, — сказал я. — Вы же сами говорите, что все хорошо. Вот пример. Новое поколение. Путин на майках. В кармане Nokia. Чат-х.ят, эсэмэс-кэпээсэс. Но оно вас и меня не любит. Зачем вы ей сказали, что просили «Святой источник», а не «Vitel», когда она принесла «Vitel»? Зачем приехали сюда на хорошей машине? Зачем говорите непонятные слова и носите очки, в конце концов? Вот результат. Надо было хотя бы улыбаться.

— Кому улыбаться? — сказал он. — Обслуге?.. Вы что, с ума сошли?

— А что?

— Вы положительно псих, С., — сказал наш герой. — Обслуга не существует. Я ее не вижу. Это же *пролы,* понимаете? Пролы!.. Они не должны думать. Мне плевать на ее ощущения. Если бы не лень, я бы завтра же связался с их хозяином... Наши дураки. Вот Запад в этом смысле создал гениальное общество. Закормил их до одури и сделал машинами.

— Большой вопрос, машинами ли... Еще Бодрийар ломал над этим голову, — сумничал я. — И западные политики, заметьте, избегают социальной демагогии и уважают политкорректность. Вы что забыли? А то liberte, fraternite... Будете относиться к ним так — получите баррикады.

Мы еще некоторое время поговорили на эту тему, но я обратил внимание на его кольцо. По-моему, он носил его все эти годы, большой перстень с чем-то серебряным в виде печатки. Я вспомнил, что я часто собирался спросить его, что это, но каждый раз разговор уходил. Ходорковский оказывался важнее.

— Что это у вас? — спросил я.

— Это монета, — сказал он. — Я вам не рассказывал эту историю? Римский талант с галеона. Я купил его когда-то, еще в советские годы, в Коктебеле. Тогда там у знающих людей можно было недорого купить подобные вещи. Я купил, а потом меня напечатали в «Юности». Вдруг. До этого повесть лежала года четыре... С тех пор ношу как амулет.

Дома я заглянул в словарь. Оказалось, что этот самый talant — монета, но слово не римское, а греческое, корень «талантливого человека», «дарования» и так далее, но одновременно и деньги, и мера весов в античные времена, 20 кг серебра, что ли. Причем в этимологическом словаре было написано, что в просторечии «талант» и «судьба», «рок» — в русском языке одно и то же и что слово «талантливый» появилось в России только году в 1830-м, при Пушкине. Мне почудилось, что это опять какая-то литература, и я записал эту байку. Подумал, что какой-нибудь психолог раскрутил бы эту ассоциацию будь здоров. Что Н. Н. носит свой дар на пальце, а когда снимает его, превращается в совер-

шенно другого человека, преуспевающего журналиста например. Я попытался вспомнить, видел ли я этот перстень, когда приходил к нему в редакцию деловой газеты, но точно вспомнить не смог.

Я отошел позвонить и, вернувшись, вдруг увидел, что он сидит босиком. Под столом аккуратно стояла пара дорогих кожаных ботинок.

— Ноги отекают, — сказал он, перехватив мой взгляд. — Как только где-то обнаруживается стол, снимаю.

— Вы же за городом живете, — сказал я. — Ходите каждый день босиком. Хотя бы по полчаса. Говорят, полезно. Сухая трава, зарядка для ног.

Он махнул рукой:

— Не буду я ничего делать... Никогда не делал и сейчас не буду. Вы, видимо, общаетесь не со мной, а с каким-то другим человеком, иначе никогда бы не предложили мне это. Мне 62 года, С., начинать сейчас заниматься зарядкой смешно. Вот ваши пидоры в этих модных кофейнях, которые вы так любите посещать, пусть они и занимаются зарядкой...

Он посмотрел на часы: пошли? Попросил счет. Мне стало тревожно и грустно, и я подумал, что, пожалуй, его кокетство на тему «я больной и старый» постепенно становится правдой, увы. Мне захотелось както помочь ему, что-то сделать для него, но я подумал, что, если предложить, он еще и обидится, пожалуй.

Машина на этот раз была тоже черной, черный «мерин», как сейчас говорят, с новомодными круглыми глазами. Шофер, по-моему, был тот же, что и два года назад, — Валерий Иванович. Мне показалось, что Валерий Иванович смотрит на меня с бóльшим уважением, чем обычно, и я немного удивился этому. С чего бы? Может быть, он помнит, как я его отпустил тогда, у ЦДЛ? Не ожидал этого? Или наш герой рассказал ему о моих недавних успехах? (Незадолго до нашей встречи у меня вышла книга.) Я вспомнил, что Н. Н. говорил о пролах, и отказался от дальнейших размышлений на эту тему. Хотя, возможно, шофер — это уже не прол, в заключение подумал я. Если следовать этой линии размышлений, постоянный шофер — это «дядька» из «Капитанской дочки» или даже Максим Максимыч вышеупомянутого Лермонтова. Ну, не совсем Максим Максимыч, но без десяти минут... Я запоздало вспомнил, что у моего деда когда-то тоже был личный шофер, который иногда возил нас по всяким бытовым надобностям: на вокзал, по врачам или в гости.

И то ли под влиянием выпитого, то ли от езды на хорошей машине ваш покорный слуга неожиданно пришел в неплохое расположение духа. Я подумал, что это что-то новое в практике наших встреч за последние годы, и удивился. И самое главное, ведь Н. Н. не говорил ничего нового, все то же и те же — начнешь записывать, станет грустно, это — мягко говоря, а говоря по-честному — обалдеешь от любой сентенции, одни «не бывающие мирными чеченцы» чего стоят, но вот, пожалуйста. Домой не хотелось, я попросил меня высадить у нового торгового центра на Дорогомиловской и, попрощавшись, пообещав созвониться с нашим героем, зашел внутрь.

Я сел за столиком в кафе у эскалатора, заказал кофе и стал смотреть на бесшумно ходящие вверх-вниз по этажам прозрачные лифты. Я вспомнил тоскливую площадь-пустырь у Киевского вокзала, на месте которой возвели этот центр, и подумал, что его могли бы все же построить в стиле окружающих зданий, а не втыкать, как морковку в грядку, не обращая внимания ни на кого и ни на что; и подумал, что все-таки за время нашего знакомства произошло много разных изменений и если теперь попытаться все это сломать или свести на нет, страна просто исчезнет, как говорят механики — сорвется резьба. Я подумал, что это плохое утешение, про резьбу, но все же лучше, чем ничего.

За соседним столиком симпатичная молодая женщина рассказывала подруге, как ее в подъезде пытались взять в понятые. Какая-то дурацкая бытовая история. Стали звонить в дверь, она по рассеянности открыла, собака выскочила на площадку и прижала милиционера к стенке. «А он испугался, просит: уберите, пожалуйста, собаку, я собак боюсь», — она смеется и, увидев, что я смотрю на нее, поправляет волосы.

Как быть счастливым? — думаю я. Он прав, политика — это ерунда, он не прав, что все нормально, но так или иначе все образуется, не может не образоваться, не должно, этот торговый центр и стеклянные лифты рано или поздно вытеснят или сделают другими «новости» государственных телеканалов и все, что с ними связано. А вот про... счастье, про то, что он постарел, а я, как это ни не хочется признавать, стал взрослым человеком, политэкономия молчит... Еще я подумал, что он невольно все-таки стал в чем-то моим учителем. Хотя бы от противного, он учит меня тому, чего делать не надо, а вот что надо — не говорит, как ни бейся. Я даже засмеялся этой мысли, и подруги за соседним столиком посмотрели на меня с интересом.

— Это я сам с собой, — сказал я. Они переглянулись и прыснули.

Девочка-официантка принесла за мой столик декоративную свечку в стеклянном сосуде, похожем на протянутую ладонь. Огонек красиво отражался на стенках и качался под ветром из больших кондиционеров при входе в торговый центр. Я заказал еще кофе и один средний scotch, прямо как герои его любимого Грэма Грина. Мужчина за столиком в углу развернул газету. «Григорий Явлинский считает, что на будущих выборах главным противником Яблока станет СПС», — прочитал я заголовок. Ну и как оставаться либералом в таких условиях? Вспомнил, как недавно слышал по радио, что день рождения известной правозащитницы Людмилы Алексеевой, прошедшей через советские лагеря, праздновали в ресторане гостиницы «Космос», пафосном месте, где в прежние времена тусовались лишь иностранцы, ГБ и валютные проститутки. Еще раз подумал, что, конечно, многое изменилось за последние двадцать лет, он прав, но некоторые изменения носят такой странный, двусмысленный характер, что трудно удержаться от удивленной или иронической улыбки. (Или просто грустно пожать плечами.)

С другой стороны, где известному человеку праздновать свой день рождения, по-прежнему на кухне, что ли?..

Рядом с Явлинским было помещено большое цветное фото из Рангуна: маленькие, черноволосые полицейские в хаки, в касках и со щитами дубинками разгоняют демонстрацию буддийских монахов и студентов. Я отхлебнул свой scotch, посмотрел на ряды разноцветных бутылок в баре. Подумал, что все это точно напоминает Грина или Хемингуэя. Я только не мог понять, с кем мне себя ассоциировать — с иностранным журналистом, тихим приезжим, влюбленным в местную красавицу; владельцем небольшого отеля в стране третьего мира, где недавно произошел военный переворот; добровольцем, вернувшимся в Париж или Америку из Испании, или все это давно устарело и я просто московский мальчик, неожиданно для окружающих и себя самого в 2000-е годы ставший писателем?

Интересно, мог бы быть такой персонаж у Грина? И кто тогда он на этих ролях?

Молодая женщина за соседним столиком уже совершенно отчетливо улыбнулась.

Публикуемая ниже поэтическая подборка имеет особый характер. Стихи эти принесли в редакцию друзья автора. О самом Игоре Всеволодовиче Старинине известно очень немногое. Он родился в Москве 16 декабря 1937 г.; отец — лингвист, мать — поэт-переводчик. Закончил один курс Института восточных языков и четыре курса Литературного института. Работал рабочим в экспедициях (Средняя Азия), корректором при ВИНИТИ (Москва), полотером. Жил с родителями в Москве на улице Машкова. Отец умер в 1971-м, мать — в 1982 г. Пил, в конце 1980-х остался без жилья, периодами жил у друзей и у родственников. Пропал без вести в Москве в конце 1998 г.

Стихи Игоря Старинина никогда не печатались. Нам показалось, что они должны быть опубликованы, дойти до читателя, оставить хотя бы маленький собственный след. Стихи этого заслуживают. И невольно получилось так, что первая подборка поэта пришлась как раз к его семидесятилетию.

Игорь СТАРИНИН

Я ПРИЗНАЮ́ НИЧТО

* * *

Взглянешь: чуть видна,
До того тонка,
Легкая стена
Дома паука.

Всякому свое,
А паук таков:
В воздухе жилье
Выстроил из слов.

В воздухе дворцы
Очень ли прочны?
— Ветры им страшны,
Вещи им страшны.

Берегись, паук,
Трепещи, паук,
Защитись, паук!
— Не взыщи, паук.

Ветер налетит,
Разорвется сеть.
Выпуская нить,
Пауку лететь.

Будет полный крах,
Будет смертный страх,
Все в единый мах
Обратится в прах.

Но коль где-нибудь
Малость места есть,
— Тут ему и путь,
Тут ему и честь.

Хлопотлив паук,
Деловит паук,
Терпелив паук,
Ядовит паук.

Ветер ли метет
Тополиный пух,
— Все слова плетет
Из себя паук.

Снег ли нанесло
От ненастных вьюг,
— Паутину слов
Все плетет паук.

Лишь бы в тех сетях,
Истовых, тугих,
Удержать себя,
Задержать других.

Удалой успех,
Роковой недуг
— Плесть слова из всех
Радостей и мук.

Срамоту и честь,
Клевету и лесть,
— Все что ни на есть
В паутину вплесть.

Кто тут виноват,
— Участь такова:
Из всего — слова,
Из себя — слова.

Весь во власти слов,
Только тем и жив,
Обожатель снов,
Пожиратель лжи.

А в конце концов
Ждет судьбы каблук.
В паутине слов
Погибай, паук.

Но уверен он,
Что не выше слов
Мировой закон:
Голод и любовь.

Твой последний стон
СЛОВО, а не звук.
Это твой закон,
С ним умрешь, паук.

1961

* * *

Я не спорю с тобой, философ
Я давно не спорю ни с кем
Слишком много общих вопросов
Слишком много спорных систем

Пусть не прав ты — я не злораден
Мне к ошибкам не привыкать
И не так я к истине жаден
Чтобы всюду ее искать

* * *

Душа! К чему ценой безбожною
Платить по жизненным счетам.
Хочу, покинув к черту прошлое,
Скупое *нет* сказав мечтам,

Легко, бездумно и бестрепетно
Скользить по жизненной стезе,
Доверившись жаре безветренной
И освежающей грозе.

Рассыпан смех, и слезы пролиты.
Но сердце снова ворожит
О будущем. О, будьте прокляты,
Навязчивые миражи!

1957

Баллада

Речь ни о чем. Тому примеров сотни:
Одно ничто другому предпочтем...
Я признаю ничто и тем охотней
Веду свою балладу ни о чем.
Быть может, я предметом увлечен:
Ничто — предмет достаточно бесплотный,
Чтоб быть ничем. И я не огорчен.

Что есть ничто — предмет бесплотных споров.
А что — не есть, нам ведомо ли то?
Покуда есть в пороховницах порох,
Лишь нечто мы находим в разговорах.
— «Все, что не нечто». — Значит, все — ничто?
Боюсь, что мне не избежать повтора.
Не то, не то. Не то, не то, не то.

Философ прав, сказав: ничто не вечно,
А нечто будет царствовать всегда.
Философ прав, — по-своему, конечно.
Еще бы, что с ним было бы, когда
Из ничего — вдруг родилось бы нечто.
Ничто не может принести вреда.

Мое ничто, я не хочу иного,
Пустое, всеобъемлющее слово,
Ты рождено беспочвенной мечтой.
Связь найдена. Прощай, мое ничто!

* * *

Прошла, — и в пору усмехаться, —
Иная честь, иная часть.
И так тоскливо опускаться,
И так естественно упасть.

Я пью. — Ну, значит, так и надо.
Что делать, — я ведь не аскет, —
И что там внешняя досада
Приговоренному к тоске.

И день — сплошное наказанье,
И ночь ничем не лучше дня.
В оранжереи подсознанья
Ведет бессонница меня.

И в неком смутном озаренье
Готов себя увидеть я
Тогда — до миросотворенья,
Там — в пустоте небытия.

...И обступает мгла сырая,
И меркнет сумеречный свет.
О, этот ад, подобье рая,
В котором только — неба нет.

* * *

Оглянусь на юность —
И отплюнусь.
Посмотрю на зрелость —
Ох, приелось!
Что ж осталось? —
Неужели старость!..
— И куда бы деться...
— Кабы в детство...

* * *

Верно, оттого, что лунный свет
Серебрит тумана пелену,
Никому из нас покоя нет
И собака воет на луну.

Хорошо бы вместе с ней завыть
В песьей шерсти, мокрой от росы...
(*Не окончено*)

* * *

Научился сам себя обманывать,
Зло любить и не любить добра, —
Только знаю: где-нибудь, когда-нибудь,
Может быть, у смертного одра,
Нежно, как умеют только женщины,
Мне откинув волосы со лба,
Улыбнется грустно и застенчиво
Милая насмешница — судьба.

1958

* * *

Мне, доверчивому и грешному,
Исходившему тьму дорог,
Мне, отверженному и нежному,
— Да поможет мне Бог.

И тебе, хмельному и ветренному,
Тварь пустившему на порог,
Так внезапно и подло преданному,
— Да поможет тебе Бог.

И ему, иуде и каину,
В сердце свившему змей клубок,
Самым поздним грозным раскаяньем
— Да поможет ему Бог.

Нам, кто гонится за химерою,
Нам, кто смехом скрывает вздох,
Нам, кто в Бога совсем не верует,
— Да поможет нам Бог.

Вам, простым и непритязательным,
— День ваш труден, а сон глубок, —
Мастерам и честным искателям,
— Да поможет вам Бог.

Им, самими собой обобранным,
У которых не мир — мирок,
Им, кто слова не стоит доброго,
— Да поможет им Бог.

Всем, чья жизнь вконец исковеркана,
Всем слепым и сбившимся с ног,
Всем, о ком помолиться некому,
— Да поможет — всем — Бог!..

МИНУТА АНГЕЛОВ

Рассказ

Если вытряхнуть из души надсаженно-суровое бормотание авторитетов и свежо окинуть взглядом застывшие формулы жизни, вдруг увидишь, скажем, такое: все несчастливые семьи похожи друг на друга, каждая счастливая семья счастлива по-своему.

Все семейные несчастья укладываются в три расхожих сюжета. Счастье же пестрит многообразием. Бывает счастье, как нудная тихая песня над текучей ночной рекой. И живут люди, другого не желают. Бывает же счастье двух толстеющих краснощеких хрюшек, корыта которых всегда переполнены снедью и хлев у них богат и светел, и это счастье, счастье, признанное, окруженное завистью и вздохами. Но бывает счастье переменчивое, как медовая брага: пьянит, сластит, веселит и вдруг дурит, озлобляет, опрокидывает. Знал я семейную пару, находящую наслаждение в психопатической надорванности, в истерике, из которой они способны были к мгновенным смещениям в истовое любование друг другом, в умильные слезы, во всепрощение, в нежность такой глубины, которую никогда не постичь счастливчикам, самодовольно прозябающим в ровном мещанско-усыпляющем благоденствии.

Но есть особое счастье — как тайный дар, мало кому понятное, уединенное, ускользающее от внешнего, наносного, равнодушием обходящее мишуру быта, показуху, безразличное к тому, «что скажут люди».

История супругов Епишевых открылась мне в том явлении, которое я назвал бы маленькой человеческой катастрофой. Той самой маленькой человеческой катастрофой, отсветом апокалипсиса, обрамляющим каждую человеческую жизнь.

Лет двадцать с лишним назад моя двоюродная сестра Жанна, старшая меня на десять лет, вышла замуж, и Епишевы — Вера Ивановна и Евгений Васильевич — стали ее свекровью и свекром. В то время я был подростком и, конечно, мне вовсе были неинтересны такие старые и далекие родственники. Им было уже что-то около шестидесяти, что по меркам четырнадцатилетнего — старость глубокая. И только четверть века спустя, как-то в начале апреля, в воскресенье, когда я еще только проснулся, только успел одеться в домашнее... Все началось в тот момент, когда Жанна позвонила мне.

Александр КУЗНЕЦОВ-ТУЛЯНИН родился в 1963 г. в Туле. Окончил факультет журналистики МГУ. Работает в редакции газеты «Тульские известия». Проза печаталась в «Дружбе народов», «Москве», «Новом мире», «Октябре» и других журналах. Постоянный автор «Континента». Живет в Туле.

— Саша, не занят сегодня в обед?.. Если не трудно, поможешь? Пожалуйста. — Голос ее, стремительный, даже больше тараторящий, сразу дорисовывал в моем воображении худощавое, истерично-подвижное лицо с немного выпученными, будто чем испуганными глазами. И, как всегда, разговор с ней напрягал с первых секунд, наводил небольшую панику в только что пробудившемся размягченном разуме.

— Что случилось?

— Стариков перевозим. Назначили на два часа дня, куча сумок, а у нас лифт не работает, уже полгода стоит... Только вниз отнести. И никого мужчин. Все в разъездах... Поможешь?

— Ой, даже не знаю... постараюсь, — замямлил я, как-то сразу не сообразив перечить ей, к тому же не имея такой привычки — без оснований отказывать близким в помощи. — В два часа?.. Если надо — конечно... — Мысленно я уже ломал свой единственный выходной: рушились грандиозные бытовые планы — от ремонта подтекающего крана до безмятежного валяния на диване с книжицей.

— Мой-то опять... — продолжала она с нарастающими эмоциями. — Поцапались, а он демонстративно так оделся, схватил свои удочки и за дверь. Как специально, именно сегодня, а мне его стариками заниматься...

— Ну да? — продолжал мямлить я. Этот слив отрицательных эмоций — с самого-то утра — в мою еще сонливую душу ничего хорошего не сулил. Другим ухом я с тоской прислушивался к звукам с кухни: жена собирала завтрак, и, кажется, я уловил прикосновения (конечно, только почудилось) ее мягких губ к чашечке с кофе.

— Его родители... Саш, ну ты подумай, какой!.. Просто хамло...

— Жануль, я обязательно приеду. В два часа?

— Что?.. Да, в два часа... И разбил вазочку. Фарфоровую. Махнул лапой, когда уходил. Сам же подарил на восьмое...

— Жануль, извини, в дверь позвонили...

— Да, конечно...

— В два часа?

— Да-да...

— Обязательно буду... — Я поспешно положил трубку.

«Неугомонные...» — подумал я. Жанне скоро пятьдесят. Муж ее, Володя, года на два старше. Когда-то люди в пятьдесят становились мудрыми стариками. А сегодня мы несемся вскачь, так что сбиваемся со счета. Володя — молодящийся мужичок-трудовичок с душевными порывами мелкого народного мошенника (увильнуть от кондуктора в троллейбусе, провести скрытый электрический провод на даче)... Мужчинка, как зовет его Жанна, «мой мужчинка»... «Мужчинка должен зарабатывать денежки — все для дома, для семьи...» Любитель пива и «левых заныров» под видом рыбалки. Сама Жанна — вечная дюймовочка, Жанночка, Жануля, шустрая крашеная брюнеточка, разрывающаяся между работой медсестрой в поликлинике, обязанностью быть хорошей домохозяйкой и щекочущим душу желанием «все еще нравиться»: два раза в неделю полуторачасовые спортивные пляски в дешевом клу-

бе, острые глаза с сумасшедшинкой, острый носик, минимум косметики, молодежная укороченная курточка, водолазка с воротничком, чтобы прикрыть шейку, и уже как-то вовсе неприличные голубоватые бриджи, облегающие худобу.

Впрочем, я быстро забыл о разговоре, занялся домашними делами: для начала был отправлен женой по магазинам за продуктами, потом и кран отремонтировал и даже почистил аквариум, как вдруг, уже во втором часу спохватился, быстро переоделся: джинсы, свитер, любимая, уже немного потертая и обмявшаяся коричневая кожанка, полуспортивные туфли. Вспомнил прихватить зонт.

Шел холодный дождь только что обнажившегося апреля, готовый вот-вот загустеть в снежное крошево. Улица полна мокрых колыхающихся зонтов. Я повернул к остановке, заставленной киосками и обвешанной рекламными щитами.

Маршрутка пришла почти сразу, я сел в полупустой салон напротив дамы лет тридцати с немного полным, нежным лицом, которое она с безотчетной кокетливостью тут же чуть отвернула от меня, в четверть, мгновенно вписываясь в тот свой наиболее привлекательный образ, который женщины где-то как-то постигают и следуют ему, вовсе не отдавая себе отчета. Трудно было не посматривать на нее, будто украдкой, на ее миловидное лицо, которое тут же обретало едва уловимую надменность, стоило только моему взгляду скользнуть по нему... В памяти моей вдруг проступили черты Веры Ивановны, свекрови Жанны, — не старухи, которую я несколько раз видел в последний год, и даже не той уже пенсионного возраста женщины, уже очень полной, отяжелевшей, которую я помнил еще мальчишкой и про которую родственники с ее половины, мужчины и женщины постарше, знавшие ее молодой, говорили без намека на зависть, как люди говорят о чем-то им недоступном: наша красавица. А той, которую я и не знал никогда молодой, но видел на фотографиях, как-то невольно совмещая ее старость с молодым ушедшим образом.

На больших семейных застольях по разным поводам сходились часто, так что все эти празднования, да и тризны, в моей памяти были смешаны в одно скучное, однообразное шумное действо, почти всегда с одним и тем же набором блюд и тазиков с салатами, шаблоном суконных тостов, нудными обильными разговорами на несколько любимых тем и до болезненности надоевшим, заезженным «донским казаком» и в конец залютевшим, достигшим каких-то антарктических отрицаний «морозом».

Но зато на таких застольях собирались люди с разных сторон и люди разные — от посудомойки и сторожа до научных работников. Всякая социальная мишура утрачивала смысл еще за порогом. Так что каждый вдруг обнаруживал себя не то что равным среди равных, а даже некой узловой точкой — самого себя — в замысловатой бесконечной паутине родства. Если вникать, то оказывалось, что эта паутина опутывала весь город и тянула нити за пределы города — расползалась по стране и даже еще дальше, за самые дальние кордоны.

На таких застольях из глубин шкафов и выплывали старые семейные фотоальбомы, те самые, с темно-серыми или грязно-зелеными картонными страницами с прорезями для фотографий, демонстрация которых сопровождалась подробными комментариями влюбленных в прошлое стариков. Вот тогда и можно было воочию убедиться, как крупная тучная старуха, беспомощно расползшаяся на стуле, начинает светиться изнутри, и тогда тусклые глаза ее становятся особенными, обретают некую внимательность, проницательность, которых ты не подозревал в ней, а тут вдруг обнаружил, что она замечает всех вас — тем своим тайным взглядом, который в общем-то уже давным-давно не нужен старухе. Молодость и старость аморфно перемешивались в ней, и там, в старухе, когда-то растаяла, растворилась шикарная женщина, высокая, с чуть покатыми плечами, красиво, по-рафаэлевски пропорционально полнеющая, с белыми уложенными волосами, неспешная, не спешащая распылиться на мелочи, как это торопливо на бегу делают многие нынешние дамочки.

Со своим мужем они были совершенно разные люди. Вера Ивановна — рассуждающая дама — все-таки учитель литературы и русского с сорокалетним стажем. Евгений Васильевич — совсем простой человек, гравер с оружейного завода, молчун, который если и говорил о чем-то, то исключительно о мелком бытовом ремонте или о металлообработке. Но что удивительно, они были редкого типа супруги, связанные в единый узел жизни, которых в народе называют неразлучниками. Они не то что никогда не выходили из дома порознь, кроме как на работу, у них и мысли не было такой, что где-то можно находиться друг без друга. Они, сцепившись «под ручку», вместе шли в магазин, гуляли по парку или отправлялись в театр (отголоски юности страстной театралки), где Евгений Васильевич сидел, совершенно ничего не понимая, не глядя на сцену, а просто сидел рядом со своей восторженной спутницей — и в этом были заключены все смыслы минуты — сидеть рядом с ней, опустив глаза и держа ее за руку.

Если кто-то из них ложился в больницу, то второй поселялся там же, дневал там все свободное от работы время, а если удавалось, то и ночевал в больнице, спал на стульях. Или вот они шли в гости, но и в гостях ухитрялись все время находиться рядышком — не то что сидеть рядышком, а как-то нежно проникаться друг другом. Со стороны, особенно для человека несведущего, эта пожилая пара смотрелась даже немного комично.

В разговорах за столом участвовала только Вера Ивановна. Ее голос, хорошо поставленный, глубинный, учительский, звучал за двоих. На любой вопрос, обращенный к Евгению Васильевичу, она отвечала запросто, и всеми это воспринималось как должное. И пела она за двоих, громко и ладно выводя все того же «казака».

Евгений же Васильевич почти всегда молчал, и только когда выпивали, выдавал что-нибудь необременительное: «Ну, будем...» Иногда все-таки позволял себе вмешаться в разговор — если что-то сильно цепляло. Поднимал могучую костистую голову и негромко говорил:

— Там резьба на пять.
— Да как же! Я помню, — возражали ему. — На шесть.
— На пять, — повторял он и вновь потуплял взгляд.

Он сидел полуобернувшись к Вере Ивановне, прижавшись к ее полному боку своей тяжелой сухой рабочей арматурой и украдкой положив крупную волосатую ладонь на ее полное запястье. Она специально для него клала свою руку себе на колено — чтобы он вот так, почти неотступно держался за нее и чувствовал ее тепло. Он притаивался, крупный, сухощавый, плечистый, ссутулившийся, низко нагнувший крупную, коротко стриженную, белую голову. Родственникам за долгие годы надоело даже подтрунивать над ними. Но я слышал, как однажды кто-то пошутил, что Евгений Васильевич и курить бросил, чтобы не отлучаться от нее надолго — не выходить на кухню или балкон, куда периодически, разминая сигаретки, отправлялось большинство мужчин. И ведь всплыло: еще в молодости, в пору ухаживаний, она обмолвилась: «Как от тебя табаком воняет». Он тут же достал пачку папирос, смял, выбросил в урну и никогда с тех пор не курил.

Было же такое впечатление, что этот стареющий мужчина не то что боялся потерять свою спутницу, а, скорее, сам боялся потеряться, вот как ребенок боится потеряться в толпе и тащится хвостиком, уцепившись за мамину ручку. Этакий хвостик под метр девяносто... Хотя в самой Вере Ивановне было все-таки больше не материнского, было в ней что-то от нежной заботливой барыни, за которой неотступно следовал всецело преданный ей стареющий паж.

Но понятно, что все это — все, что мы видели со стороны, — было лишь малой частью, невинной оберткой их уединения. А что лежало под спудом, какие там выстраивались дворцы и замки, какие тропические острова возвышались над океаном и какие райские кущи трепетали под теплыми ветрами — все это было скрыто от пронырливых глаз окружающих.

И так они шли через толпу жизни, сплетясь во что-то единое, мало понятное суетливым обывателям, пока не стали увядать в старческой немощи, пока не настали времена, когда каждый новый день им приходилось уже не проживать, а мучительно одолевать. И тогда их дети, сын Владимир и дочь Серафима, сами уже немолодые семейные люди, сами уже почти дед и бабка, решили взять стариков на поруки. С помощью немудреных операций, связанных с приватизацией, перепродажами и доплатами, ради которых обе семьи влезли в тяжелые долги, две скромные однокомнатные квартирки в «хрущевках» и комната с подселением превратились в две двухкомнатные квартиры, которым сопутствовало немного странное, отдающее сарказмом определение: улучшенной планировки. Слова, мало подходящие к железобетонным хавырам, насквозь продуваемым, шумным до вскрытия самых интимных подробностей соседской жизни, с журчащей канализацией у тебя в спальне, возле изголовья, за тонкой перегородкой.

В первый год раздельного благополучного житья Володя и Жанна взяли к себе маму. Надо отдать им должное, ведь их дочери к тому вре-

мени исполнилось восемнадцать и девочке пришлось скитаться по квартире: она пыталась жить в комнате с бабушкой, но, ошалев от ее храпов, стонов и прочих нелицеприятных слабостей возраста, перебралась в зал к родителям, а когда ее и там изводили: — «Гаси лампу, нам рано вставать», — могла уйти с раскладушкой на кухню.

Люди, конечно, отвыкли от тесноты «уплотненок» и коммуналок, но я не берусь судить, плохо это или хорошо.

На другом конце города, у старшей сестры Володи — Серафимы с мужем Николаем поселили отца. У Серафимы и Николая было двое почти взрослых детей.

А через год Веру Ивановну перевезли к Серафиме и Николаю, старика — к Володе и Жанне.

И так каждую весну стал происходить обмен пленными.

Прошло несколько лет. И вот я поднимался на четвертый этаж в прокуренном, замызганном, испохабленном настенными надписями подъезде. Встретила меня Жанна.

— Санек, проходи. — Черный накрученный барашек возник перед глазами и тут же юркнул назад, в полутьму квартиры. Встреча вполне по-свойски.

Я сразу увидел старуху в коридоре, отодвинутую вглубь, с прохода, сидящую низко и массивно, освещенную сбоку слабым дневным светом из кухни. Я прошел.

— Вера Иванна, — голос мой был достаточно бодрый — как и всегда, чтобы создавать вокруг себя атмосферу непринужденности. По крайней мере, так мне всегда думалось. — Я вас приветствую.

И она заговорила не то чтобы с участием, а с заготовленной обязательностью теми словами, в которые никто никогда не вникает.

— Здравствуй, Саша, как твои дела? — Она толком даже не разглядела меня. Да, наверное, и не могла бы разглядеть полуслепыми глазами.

Появилось еще существо — одна из Жанниных кошек, маленькая, черная, гладкая. Быстро подбежала ко мне, плавно обернулась вокруг ног и пошла прочь. Я знал, что у сестры живут две кошки и кот, в воздухе чувствовался соответствующий стойкий запашок — несмотря на титанические заботы хозяйки.

Жанна вернулась в коридор, догадалась включить свет.

— Представляешь, сидит здесь два часа, оделась и сидит ждет. — Быстро повернулась к свекрови, пригнулась к ее лицу совсем близко со своим раздражением: — Мама, пошли бы посидели в комнате, только мешаетесь, никто вас здесь не забудет... — И опять — ладная, шустрая, переменчивая, в развороте преображающаяся в улыбку: — Санек, не стой, как памятник, проходи. — И вновь убежала.

— Вот так, все время мешаемся, — ворчливо сказала старуха. — Ничего, скоро пробьет час, тогда отдохнете...

— Мама, не болтайте ерунду, — донеслось с кухни.

— Отчего же ерунда? Или я не знаю... — Она кисло улыбнулась. — Я, Жанночка, знаю очень много и много что видела. И знаю, как быва-

ет. Когда одной ногой... — Она не договаривала того, чего, видимо, инстинктивно боялась договаривать. — Сама ждешь — не сегодня, так завтра...

— Мама, хватит! Об одном и том же, об одном и том же... Сами же говорите: Господь терпел...

— И нам велел, — быстро договорила за нее старуха и улыбнулась.

Она сидела на чем-то низком — на маленькой табуретке или на чем-то еще, но этого предмета под ней не было видно, и казалось, что она толсто, массивно, обвиснув животом и тем огромным, что было когда-то грудью — ее тучность не могла скрыть никакая одежда — старая растянутая кофта-балахон, какие-то выглядывающие из-за ворота белые теплые поддевки, широченный светлый плащ, — казалось, она сидит вполуприсядку, держит себя на воздухе, выставив из-под длинной кофты и юбки толстые колени в теплых чулках. Все, что она говорила — и это чувствовалось в ней, — было привычной игрой, словами поверхностными, на зрителя произносимыми. Кто знает, что у нее было в душе? Мне же всегда было интересно, как старики, эти пришельцы в мире молодых, воспринимают жизнь и смерть. И постоянно ли, ежеминутно ли, старуха думала о смерти? Или она вовсе не верила в налетающую на нее космическую бездну, как не верят в нее и молодые?

— Саша — чаю, Саша? — позвала Жанна.

Я пожал плечами, прошел на кухню с некоторым облегчением, сел на табурет возле стола.

Черная кошечка опять огладила мои ноги, села напротив и стала внимательно смотреть на меня — наверное, ждала вкусненького. Вторая кошка, как-то беспорядочно, по-деревенски пушистая, серая, даже глазом не повела в мою сторону — возлегала на табурете, на маленьком плетеном коврике, возле мойки.

Из кухни старуху было видно сбоку. А за ней, за ее массивной фигурой — темное отражение, вторая ее половина в большом зеркале. И отсюда стало заметно ее усердное желание не сдаваться: она старалась держать толстую спину прямо. Но спина гнулась, толстая шея слабела, непокрытая голова с редкими, совсем белыми, зачесанными на затылок и собранными в узел волосами — Жаннины старания — начинала мелко трястись и склоняться. Тогда старуха передергивала плечами, тяжело вздыхала и выпрямлялась сколько могла. Щурилась в мою сторону.

— Как вы живете, Саша, как Лия, дети?

— Все хорошо, Вера Иванна, — отвечал я. — Работаем, учимся, не болеем. — Что еще было ответить?

— А какие же сейчас цены... Кусаются, — продолжала она.

— Кусаются... — Я опять пожал плечами и подумал: сейчас что-нибудь о погоде, а потом тупик разговора, кризис тем. Очень трудно найти общий язык тем, кто обитает по разным сторонам времени.

— Что же там, весна, наконец?

— Весна, Вера Ивановна.

— А ведь зимы совсем не было...

— Не было... Говорят, лет через двадцать климат будет, как в Краснодарском крае.

— Глупости говорят, поверь мне, — уверенно кивнула она. Двадцать лет для нее были уже вечностью.

Жанна поставила передо мной огромный бокал с густыми красными цветами на боках, следом появилась нарезанная колбаска на тонком блюдце, на другом — ломтики хлеба, а заодно конфеты, печенье, сахар...

— Ну куда ты, куда? — Понятно было, что есть я не буду, хотя бы потому, что не хотел... И чай — проформа гостеприимства... если мне удастся намочить губы этим кипятком... Но когда Жанна отвлеклась, я все же взял кусочек колбаски и украдкой подкинул кошке, но эта бестия только обнюхала подачку и опять уставилась на меня сонливыми глазками, и мне пришлось поднять колбаску с пола и положить в мисочку возле мойки с остатками какой-то кошачьей снеди.

— Да не будут они, — впрочем равнодушно сказала Жанна.

— Когда же приедут, уже опаздывают? — громко спросила Вера Ивановна.

— Никто ничего не опаздывает, мама, было условлено на два часа.

Жанна присела рядом, положив локотки на стол и опершись подбородком на ладошки. Что-то вроде демонстрации отдыха — она и сидела не спокойно, а ерзая, на нервном взводе. Видно было, что ее не хватает на все (синие круги под глазами от хронического недосыпания и самоистязания голодом) и какой обузой лежали на ней тысячи мелочей жизни, по большей части для жизни вовсе ненужные. А тут еще бабка с дедом! Вал ее забот — это даже не авгиевы конюшни, это муравьиное нашествие, бесконечная «бытовка» и бесконечный «шоппинг», от которых современные женщины, неустанно строящие будущее, имеющее однако особенность ускользать из их судорожно хватающих стареющих рук, сходят с ума. Жанна, на свою беду, ничего этого не понимала, изо дня в день слепо повторяя одни и те же действия, произнося одни и те же слова, и только временами инстинктивно раздражаясь, психуя.. Вдруг проговорилась тихо, почти одними губами:

— Господи, с дедом — не сравнить — легче, сядет и весь день сидит. А Вера как начнет разглагольствовать... Думаешь: ну бы тебя в задницу... Так и хочется подойти и треснуть тряпкой...

Но я-то знал, что эта ее сердитость — вовсе не ее натура, а, скорее, уж раз заведенная игра, некая чудноватая роль, изображение деловитости, хозяйственности, того, что у такой состарившейся девчонки, которую никто отродясь не думал воспринимать всерьез, призвано подменять солидность. Сквозь этот неврастенический ветер то и дело веяло теплом жалостливости, и тогда становилась видна та настоящая маленькая девочка, про которую старики рассказывали, что ее трепетное отношение к живому, к жизни вообще, было гиперболизировано до болезненности. В детстве ее родители — моя родная тетка с мужем — могли после гуляния извлечь из кармана ее пальтишка полудохлого лягушонка или вообще клубок дождевых червей, «спасенных» из ледяной осенней лужи.

Больные голуби были ее проблемой всю жизнь. Я был уверен, что в лоджии, в большой клетке, которую она мне не раз показывала, и теперь выхаживается какой-нибудь облезлый подранок. Да еще кошки, вернее, две кошки и кот — трехногий (на этот раз он не вышел поприветствовать гостя). Его, издыхающего, вероятно, покалеченного мальчишками, Жанна подобрала на помойке, а потом еще носила к ветеринару, где за хорошенькую сумму ему ампутировали раздробленную лапу и сделали массу других полезных и бесполезных примочек. Но только я не думаю, что она сострадала маленьким бессловесным животным тварям больше, чем людям, — та же жалостливость, порой изливающаяся самыми искренними слезами, и та же вычурная строгость, иногда срывающаяся в истерический крик — но ведь тоже своеобразный способ выражать заботливость. Наверное, не очень идеальная медсестра.

— Мама, а все-таки будете чаю?

— Нет, Жанночка, спасибо, я ведь недавно ела... — И через минуту: — Ты не забыла положить мою синюю кофточку?

— Не забыла... Эту кофточку за целый год я на вас ни разу не видела.

— Да? — немного растерялась старуха, но тут же сосредоточилась, пытаясь что-то вспомнить, и вдруг улыбнулась. — Это моя любимая кофточка.

И опять все замолчали. Старуха же потупилась, занемела в полудреме, так что забывала держать спину прямо, скисла, ослабела, казалось, спала. Но она все-таки думала о чем-то, потому что опять распрямилась.

— Саша, я тебя вот что хотела спросить... — На мгновение замерла, словно сомневаясь, не напрасно ли заговорила.

— О чем, Вера Ивановна?

— Я особенно *тебя* хотела спросить... Не замечал ты, что время теперь идет в два раза быстрей?

— Ну вот, опять началось, — громким шепотом сказала Жанна.

— Не знаю, — отозвался я, едва сдерживая улыбку, — может быть...

— У всех стариков время в два раза быстрей идет, — громко сказала Жанна, уже знающая тему разговора, и, чуть отклонившись корпусом назад, чтобы старуха не видела ее в дверном проеме, показательно покрутила пальцем возле виска, жестом объясняя мне, в чем дело.

— А я про себя молчу... — Вера Ивановна грозно хмыкнула. — Мое-то времечко идет не в два раза быстрей, а летит, как камень. Ты, Жанночка, посмотри на себя, да на своих, да на других... Все вы чего-то делаете, а сделать не успеваете, бежите, а никуда не прибегаете...

— Ну и? — сказал я соглашающимся тоном.

— Старая песня, мама, — сердито вставила Жанна. И по этой сердитости можно было угадать, что свекровь и правда порой доводила ее поучениями.

— Время идет быстрее, потому что сейчас оно сатанинское. Время сатаны. Уже сто лет время сатаны. — Старуха замолчала, переживая значительность собственных слов, и вновь заговорила: — А будет еще

сто лет, и еще сто. И всего шесть раз по сто лет, шесть раз по десятку и шесть раз по году..

Я же старался сохранить вполне серьезный вид, к тому же меня разобрало любопытство: какой каши могло быть намешано в этой старой голове?

— Вполне согласен. Может быть, — сказал я и спросил с деланным сомнением: — Но в чем же соль?

— В том, что в такое время ничего хорошего быть не может. А раз так, Господь сделал время в два раза короче, чтобы люди успели в два раза меньше грехов совершить. А подожди, и еще в два раза короче сделает, а потом и еще короче, чтобы люди только одно какое-то зло могли друг другу сделать...

— Все может быть. — Я почувствовал, что теперь не смог сдержать улыбку..

— За последние полгода совсем сбрендила, — сказала Жанна, да и не так тихо, чтобы скрываться от свекрови. — Начиталась чепухи. Носят тут... распространители... — Это последнее «распространители» было выдавлено с особым ядом. — Им только дорогу покажи.

Она резко поднялась, стремительно прошла в коридор и — мимо старухи в комнату, вынесла оттуда большую клеенчатую сумку в клеточку.

— Скоро приедут. Серафима вызвала такси, — уже остывая, проговорила она, задумалась на секунду. — Бабушку спускаем вниз, деда поднимаем. Потом вещи. Господи, как без лифта...

— Может быть, я и сбрендила, — пробурчала старуха, впрочем, без особой обиды. — Да это мое дело. Кусать я еще никого не укусила.

— Ой, мама, да ради бога...

Я тоже поднялся помочь. И старуха сначала водрузила на голову высокую, наверное норковую, но уже изрядно поношенную похожую на папаху шапку, долго сосредоточенно поправляла волосы, толстыми искривленными пальцами подпихивая их под шапку, потом взяла костыль, прислоненный к стене, поставила перед собой, вцепившись в него обеими руками и подобравшись в готовности к подъему. Больше она не сказала ни слова и смотрела перед собой, на дверь, кажется, напряженно вслушиваясь, не раздастся с лестничной площадки каких-нибудь звуков. Я же не придал значения ее напряжению и не понял сразу, *что* ее так тяготит.

Позвонил мобильник Жанны. Она несколько секунд слушала, кивала согласно, наконец ответила:

— Хорошо. Да, все... Выходим... — И уже к нам: — На Горького завернули. Быстренько, быстренько...

Вера Ивановна стала с широкой амплитудой раскачиваться, качнулась массивно вперед, потом еще раз и чуть приподнялась над табуретом, но тут же плюхнулась назад. И опять начала раскачиваться. Я подхватил ее под руку, но меньше помог, а больше, наверное, размял эту ее рыхлую руку. Она со стоном поднялась, сунула костыль под мышку и некоторое время стояла, не двигаясь, напряженно глядя на дверь и только

чуть пошатываясь. Наконец, пошла — сильно, массивно, притирая меня к стене. Вышли на лестничную площадку. Она опять остановилась. Даже несколько пройденных метров были для нее тяжелы.

Жанна вынесла следом одну из сумок с вещами, поставила на пол, видимо, с мыслью, что вещи понесу я, а сама хотела взять свекровь под руку, но та молча отстранила ее тылом ладони, в этом коротком и немного грубоватом движении выражая обиду. Но все-таки отдала ей костыль, чтобы освободить правую руку и взяться за перила.

Жанна фыркнула, ничего не сказала, взяла сумку и ушла вперед, изогнувшись набок от тяжести, поволакивая эту большую сумку по ступеням и держа костыль наперевес во второй руке. Мы пошли следом — Вера Ивановна, ухватившись в перила и осторожно занося над каждой новой ступенью сначала левую ногу, немного зависая, а потом решительно отдаваясь грузному короткому падению, потом подтаскивая правую, и я, придерживая ее под руку, с другой стороны.

С каждым шагом раздавался отчетливый неприятный скрип, похожий на скрип старого дерева. Я не знал, что это, думал, так неестественно поскрипывают теплые стоптанные сапоги старухи. Но она, задыхаясь, сказала:

— Вот, Сашок, как скрипят, слышишь?

— Слышу.

— А знаешь, что скрипит?... Колени скрипят.

— Колени? — удивился я. Мне не могло прийти в голову, что живые человеческие суставы могут издавать такой мерзкий мертвый звук.

Жанна дожидалась в конце пролета. Мы поравнялись с ней, она пошла дальше, но старуха хрипло спросила:

— Где же они?

И тут же опять зазвонил мобильник. Идиотская бодрящая мелодия, чем-то похожая на звон кастрюль.

— Да вот, наверно... — сказала Жанна. — Ой, домофон.

Не отвечая на звонок, поспешно, едва не спотыкаясь, со спины похожая на нескладную девочку-подростка, потащилась с сумкой вниз, уже просто волоча ее по ступеням.

— Пойдем, Саша... — подхватилась Вера Ивановна. Я вдруг почувствовал, как она дрожит, все ее тело исходило мелкой дрожью... и эта испарина на лице и суетливый взгляд. Ее волнение передалось мне, так что у меня самого стало ухать сердце.

Не успели мы пройти нескольких ступеней, как дверь внизу грохнула, там послышались голоса. Старуха замерла и, кажется, не дышала несколько секунд, прикрыв глаза и прислушиваясь. Наконец вдохнула, шумно, сипло, с прорывающимся невольным стоном, и опять двинулась. Большое непослушное тело ее ходило ходуном, и на эти амплитуды, на суетливость энергии тратилось куда больше, чем на движение. Астма душила ее, но Вера Ивановна не сдавалась, мы одолели еще один пролет.

Снизу послышались быстрые шаги — я увидел голову Жанны, она заглядывала наверх, выворачивая аккуратную головку в кудряшках. Губы

улыбались — осадок от только что произошедшей встречи внизу. Она остановилась, не поднимаясь к нам.

— Ну?.. — сказала без упрека, чтобы просто знали. — Там таксист вреднющий... Будет ждать.

— Я уж спешу... — с выдохом простонала Вера Ивановна...

На повороте я мельком увидел руку — там, внизу, на два или три пролета ниже, — желто-пегую, ухватившуюся в перила, и часть черного рукава.

Вера Ивановна стояла, не решаясь двинуться.

— Щас... — просипела она. Но идти не могла, задыхалась, губы ее посинели, и вся она грузно ослабела, навалилась на перила. Я боялся отпустить ее.

— Может, какую таблетку, Вера Иванна?

— Щас, Сашок... Помолчим...

И так мы стояли с минуту, пока она пыталась прийти в себя. Снизу уже поднимались — мы видели некоторое время со спины и немного сверху старика и Серафиму. Жанны не было — наверное, торговалась с таксистом.

Старик шел мосласто и шарнирно, с каждым шагом немного сгибаясь в поясе и медленно вздымая на ступени то одну, то другую ногу. Высокий, на голову с лишком выше дочери, которая поддерживала его под руку, как и я Веру Ивановну.. Серафима быстро оглянулась на нас через плечо, явив теплую улыбку на сухоньком лице. Совсем не похожая на мать, но почти копия отца — только маленькая и не такая старая.

На старике было длинное темное пальто и молодежная напяленная до самых щек вязаная черная шапочка с надписью «Nike». Досталась ему, вероятно, от внука.

— А вот и мы, — протянула Серафима приветливо. Старик тоже полуобернулся сколько мог, показывая длинное, немощно обвислое лицо с уставшим открытым ртом и глазами, которые, как я знал по рассказам Жанны, после неудачной операции почти ничего не видели. Странные, ничего не впитывающие и ничего не отражающие глаза — с мутными расплывшимися пятнами вместо зрачков. Но, кроме того, этот человек к старости стал еще и туг на ухо. Его мир захлопнулся в собственной скорлупе.

— Женя... — сипло выдавила Вера Ивановна. А я знал, что он ее вряд ли услышал и вряд ли увидел — только смутное пятно на тускло-сером фоне. Но по тому, как они потянулись друг к другу, я понял, что этот человек вырвался из своего мрака.

— Вера...

— Женя, как ты?

— Вера...

Мы даже не кивнули с Серафимой друг другу — просто потому, что возникла небольшая сумятица. Старуха развернулась, ненароком отпихнув меня, Серафима осталась ступенью ниже отца. А старики тут же схватили друг друга за руки. Старик с мелкой поспешностью принялся похлопывать-поглаживать своей большой мосластой пегой рукой сна-

чала плечо Веры Ивановны, потом голову, спихивая набок ее шапку. Старуха даже не потянулась поправлять. Я поспешил помочь, но как-то неудобно нахлобучил шапку ей на самый лоб. Вера Ивановна будто ничего этого не заметила.

— Как вы там, Женя?.. Серафима, как вы там? — Она беспокойно с мелькающей сумасшедшинкой в широко раскрытых глазах таращилась по сторонам, но, кажется, никого и ничего не видела и ничего толком не понимала.

— У меня все хорошо, — проговорил старик ровным громким голосом, старательно выговаривая каждое слово. Наверное, он долго обдумывал заранее, как скажет именно эти важные слова. А может быть, дочь надоумила его сказать так, чтобы не волновать мать. И ничего больше им не пришло на ум. Я даже вообразил себе, как, уже выгружаясь из такси, Серафима громко, почти криком, на самое ухо поучала его:

— Скажи матери, что все хорошо, чтобы не волновалась...

— И слава богу, — закивала старуха, наконец немного успокаиваясь, немного сосредоточиваясь.

В это время снизу поднялась Жанна, и опять груженая, опять с большой сумкой — наверное, вещи отца. Лицо ее раскраснелось, она почти хныкала. Но было и что-то довлеющее в этой маленькой неугомонной женщине, то, что было выше и непреклоннее чьих-то мелких желаний. Мы поняли, что все мы на площадке, все четверо, ждали ее появления. Все те пятнадцать или двадцать секунд, которые она поднималась, неся вещи свекра. Она заговорила тихо и отчаянно:

— Что же вы стоите... Одно просто мучение... Там такси, сейчас таких «бабок» насчитает...

— Как вы?! Не болеешь?!. Береги уши!.. — быстро закричала Вера Ивановна.

— Вера... — опять громко односложно проговорил старик, наверное, все-таки почти не слыша ее.

— Пора, пора, — испуганно встряла в разговор Серафима. — Такси... Потом как-нибудь наговоритесь.

Это «потом как-нибудь...», видимо проговариваемое, мелькающее в обещаниях свезти стариков вместе — хотя бы на Новый год или на какой-то еще праздник, но так — за суетой и тихой незначительностью-нетребовательностью самих стариков — ни разу не выполненное, теперь прозвучало совсем нелепо, от него повеяло даже чем-то нехорошим, провальным.

— Пора, пора, — в голос ей повторила Жанна.

Можно было вообразить, что головы Серафимы и Жанны работали теперь в режиме счетных машинок.

— Да, да, — растерянно согласилась Вера Ивановна и уже куда громче крикнула ему: — Такси!

— Что, Вера?

— Такси! Такси! — стала членораздельно, громко повторять она. Неловко потянулась к нему, толстая, старая, задыхающаяся, обхватывая

его худую шею и наклоняя к себе, пытаясь дотянуться губами до его уха. Он наконец закивал, давая понять, что услышал.

Но они так и не попытались оторвать рук друг от друга, она крепко держала его под локти — вцепившись в мятые рукава старого черного драпового пальто. И он крепко держал ее за плечи. Они вовсе не отдавали себе отчета. Старик смотрел прямо, над ее головой своими большими и совсем мутными глазами. Но он, наверное, видел в эту минуту куда больше и богаче того, что видели мы в разбитой жизнью старой развалине, которая вовсе не плакала, чего мы подспудно ждали теперь от нее, и, по всему, пока не собиралась плакать, а в тяжелом судорожном оцепенении сама летела сейчас сквозь неведомые нам пространства.

— Ну уже пора, пора... — так же тихо, нерешительно проговорила Жанна, берясь за руку свекрови. — У него что ни минута — червонец.

— Да-да, — лепетала Вера Ивановна.

— Вера... — опять проговорил старик.

Теперь и Серафима присоединилась, потянула в свою сторону отца. Но старики держались так крепко, что женщинам не хватило сил растащить их. Да и было как-то неловко применять теперь силу.

— Что же вы такое! Папа! Мама! — у Жанны, по всему, начиналась истерика, — Серафима, ты держи руки отцу, а я маму возьму. Саша! Помоги же.

Кое-как отцепили правую руку старика от Веры Ивановны. Потом отвели руки Веры Ивановны.

— Что ж это такое!...

Наконец мы окончательно оторвали их друг от друга.

— Женя, береги уши! — с надрывом проговорила Вера Ивановна. — Проси Жанну, чтобы делала компресс... Она хорошо делает компресс.

Их повели каждого в свою сторону. Я подхватил сумку старика, быстро отнес наверх, и пока поднимался, еще слышал их голоса — громкие, взволнованные, отчаянные. А потом спустился и помог Жанне довести вниз свекровь. Но я уже не мог смотреть старухе в лицо.

Не помню, как мы преодолели оставшиеся лестничные пролеты. Но хорошо запомнил собственное провальное опустошение в те минуты — странное ощущение тотальной человеческой беспомощности перед жизнью.

Мы усадили Веру Ивановну на переднее сиденье «жигуленка», рядом с недовольно фыркающим водилой, подхватили из багажника оставшиеся пакеты с вещами старика, пошли наверх, а потом еще спускались с сумками Веры Ивановны. И во время этой спешной, задыхающейся ходьбы Жанна, которую вдруг пробрало слезами, сопливясь, рассказывала:

— Целыми днями сидит на кухне, у окошка... Говорю ей: мама, идите на балкон, подышите воздухом или сядьте смотреть телевизор, а она на кухне, не развернешься, теснотища... Еле выгонишь... А я все думала: чего она тут, ко мне, что ли, поближе, чтобы не быть одной?.. Так она все время там сидит... А потом догадалась: с того окна видно ту часть города, где дом Серафимы, где дед живет. А в другой-то раз, когда оче-

редь деда у нас жить, он же, он же — не видит, не слышит ни черта — он там же, на том же стуле у окошка!.. Но ведь, Саша... ведь ни я, ни Володька — не говорили... И не думали об этом, что там-то и там-то находится тот дом... Как же они так-то, чуют, что ли, направление? Как же они так угадывают?..

— Я не знаю, Жан... — пожимал я плечами. — Наверное, это никак нельзя объяснить...

Потом мы расстались. А через пару лет история эта опять всколыхнулась в памяти — когда стариков уже не было на свете... Умерли же они совсем не так, как умирают в красивых сказках влюбленные, — а в сказках романтический привкус обретает даже смерть, — не в один день, хотя оба дожили, по нашим меркам, до глубокой старости. Умер сначала Евгений Васильевич. А его королева пережила своего верного пажа почти на полтора года. Но, может быть, она и не заметила этого временного отрезка? Всего каких-то полтора года, ужатых до полета камня в пропасть.

Я думаю, что родственники их, дети и внуки, в сущности все хорошие, добрые и честные люди, все-таки вздохнули с тайным облегчением — искренне, хотя, конечно, не менее искренне, чем пускали на поминках слезы. Так уж текуч и двойствен человек.

А я так и не смог решить, что же открылось моему взору тогда, в ту короткую минуту на лестничной площадке — что за жизнь, в какие рамки уложенная, и что я увидел тогда в стариках? Не счастье ли это? Несчастье ли?

Я продолжаю раскручивать круги своего бытия, пытаясь увидеть там, впереди, собственную минуту, когда и ко мне на крыльях, может быть, спустится с небес ангел, и я думаю, не окажется ли та минута главной в моей жизни, и как бы не прозевать ее, успеть подготовиться, успеть впитать в себя ее величие.

ЛИСЕНОК ВЕТРА МЕТРОНОМ

* * *

Стоишь на летнем сквозняке,
в дверях и небо молодое,
и держишь книжицу в руке
Светланы Кековой. В строке —
плач иволги и козодоя
высокий щебет. Здесь и там
согласье редкое. Однажды
угомонится гул и гам,
и под ватагу детских гамм
влетит журавликом бумажным
догадка ветхой простоты:
живи, спасайся понемногу,
расти детей, люби цветы
и, убоявшись наготы,
покрой главу, ревнуя к Богу, —
не обещай, что будешь весь
в отеческих ладонях взвешен, —
но отметай юдоли лесть,
и приноси, как смирну, весть
сирени, яблони, черешен.

* * *

Зачем же ласточки старались...
А. Цветков

Из осени плодов — один физалис
оранжевый маячит на окне.
Глотаю кофе, прогоняю зависть,
блуждаю в стихотворной мишуре.

Весь город виден с птичьего полета,
как на ладони — только за окном.
Октябрьскую листьев позолоту
дождь прячет под недорогим сукном.

Герман ВЛАСОВ — родился в 1966 г. в Москве. Окончил филологический факультет МГУ, работает переводчиком, автор трех поэтических сборников, стихи также публиковались в коллективных сборниках и периодической печати. Живет в Москве.

Холщовой тишиной затянут город,
в тумане влажном стынут этажи.
Как приговор, осенний день недолог,
в нем больше не безумствуют стрижи.

Не видно чаек белоснежных пятен,
скупого цвета небо и река,
и голуби над кровлей голубятен
по нитке не уходят в облака.

* * *

Тут не до жиру, быть бы живым,
застынуть оловом в строю.
Так равнодушным пассажиром
проедешь станцию свою,
минуешь вещий чет и нечет,
изнанку жизни и фасад,
и ангелов немое вече,
где гроздья белые висят.
А дальше лестницей витою,
туда, где вакуум и тишь,
и вспыхнувшею пустотою,
как лампочка, перегоришь.

* * *

божись лисенок большеротый
мой самый лучший домовой
опять на месяца зевоту
рожок настраиваешь свой

и прогоняешь вон из дудки
ленивых муравьев тоски
и выдуваешь незабудки
снежинки на мои виски

и ты ушастый ты услышишь
не только музыку окрест
в ней ветер греется о крыши
и тишину из окон ест

но многое что ветер гонит
в неумолкающий закат
я буду тих и непреклонен
пройти чистилище и ад

пока твой ад не обветшает
и сам себя не растворит
пока твой ветер не узнает
о ком сегодня говорит

и сам себя переполняя
не обернется в рыжий гром
зародыш большеротый рая
лисенок ветра метроном

* * *

Переулками дремучими
в гиблом этом октябре
ветры вьюгу намяучили,
затянули небо тучами.
Слабому, земному мне
стали снег бросать пригоршнями,
убеждая: высоко
это горнее, негоршее
убежало молоко.
И оно-то рощу сделало
светлою и неживой.
Но боюсь я света белого
у себя над головой.

* * *

Химия, не свойственная школе,
кладка человеческой души,
за которой на зеленой воле
хищные двоятся камыши.
Бабочки, очкарики-стрекозы,
многорукий шмель-экклезиаст
и, конечно, вдумчивые розы,
ласточки и радуга анфас.
Сколько может чудо это длиться?
Вечность остается до звонка,
до переворота ли страницы,
ничегонеделанья, пока
не толкнут под локоть, не разбудят,
именем чужим не назовут,
не вернут опять в тетрадку буден,
имя обозначив и маршрут.

* * *

Памяти А.С.

на сорок копеек лефортовский рай
слепое в груди колотье
и хочешь на верхней шарманке играй
а хочешь попробуй ее
пойти заложить в росспиртрест литиздат
ходить барчуком по земле
но серые гуси за запад летят
без нужной звезды на крыле
неясные тени кончается век
машина а следом за ней
другая где черный сидит человек
без слов и наружных огней
за что не понятно но видимо есть
за что перенес тебя рок
на пир всеблагих где тимпаны и жесть
и прыгает птица нырок

* * *

Я с августом горячим расстаюсь,
под тяжестью его к земле тянусь.
Подобно яблоне, все горестней и ниже,
к сырой земле я наклоняюсь ближе.
С земли я вижу: зарево, гроза,
войны миндалевидные глаза,
не нужный больше мел, пенал, обложки
и крестик в окровавленной ладошке.
А так хотелось пестро и легко
из губ живых живое молоко
пить бабочкой. Но больше не надеюсь.
Смотрите, вот спеленутый младенец:
глаза закрыты, сердце взаперти.
Идет по небу. Вам не по пути.

* * *

бамбуком протыкая наст
скользить чуть обжигая нёбо
чтобы ушла перевелась
привычка к дому как хвороба

с природой беличьей вничью
сыграть в орлянку сном и духом
по пересохшему ручью
катить размахивать треухом

набрать морозного питья
среди зеленых сонных сосен
на кромке самой забытья
сгоревшего в глухую осень

остыть перегореть забыть
все городские перебранки
и чистить лыжи и курить
на занесенном полустанке

где поезд снова не идет
и пассажир по лыжной моде
носком ботинка колет лед
и улыбается природе

* * *

На выселках памятных где-то,
в провинции пыльной, глухой
счастливое дачное лето
кончается длинной рекой.
Всего десять дней на задворках,
а некуда больше спешить:
настой на рябине и корках,
брусники болотная нить,
да ветреный треск парусины,
широкая влага и синь.
А в горле обида Цусимы,
на сердце тревожна Полынь.
Да что же за родина наша,
терпенья удел, не ума.
И нам уготовлена чаша
большая, как Волга сама.
А ты, сладкозвучно вещая,
историк, охотник и врач,
несешь ее, тост превращая
в Исава растерянный плач,
волнуешься, словно ребенок,
о длинной негордой стране,
и тычешься носом спросонок,
и шепчешь проклятия мне.

ДОСТИГАЯ ТОЧКИ НЕВОЗВРАТА

* * *

Когда я умру, когда я умру,
и веткой не дрогнет сосна на юру,
ворона не вскрикнет,
калитка не скрипнет,
когда я умру.
Надежды так мало,
чтоб что-то совпало.
Но что-то нечаянно все ж совпадет.
Земля станет пухом,
и тьма станет пухом,
и мысль ни-за-чем напоследок придет,
что можно сродниться, не ведая духом.

* * *

Ни свет, ни мгла — вот сумерек значенье.
Шар голубой торопится куда-то
в преданья область, времени смещенье,
вдруг достигая точки невозврата.
Ночь впереди, что коридором длинным
мир поведет к какой-то цели дальней.
И брызжет с неба соком ломтик дынный,
нас подкрепляя на пути скитаний.

* * *

То, что казалось откровеньем
в ночи, при ярком свете дня
лишенным начисто значенья,
увы, предстало для меня.

Вера ТАРЗАЕВА — родилась в 1945 г. в поселке Нахабино Московской области. Окончила филологический факультет МГУ. Переводчик с английского, французского, немецкого языков, редактор. Печаталась в отдельных изданиях и антологиях, а также в Интернете. Отдельными книгами в ее переводе опубликованы сонеты Шекспира (1997) и «Избранные стихотворения» Эдны Сент-Винсент Миллей (2006). Живет в Москве.

Душа с подобным поворотом
всю жизнь сражается негласно,
но за прекрасным Дон Кихотом,
как тень, плетется Санчо Панса.

Венеция

И не тесно в этой тесноте.
И не душно в духоте и зное.

А. Ахматова

Быть может, венецейской девы
Канцоной нежной слух пленя,
Отец грядущий сквозь напевы
Уже предчувствует меня?

А. Блок

Бродила я по венецийской хмари,
просторы синя моря бороздила.
Передо мною небеса и храмы
неведомая сила возносила.

И плеск воды, и первозданность тени,
и блеск усталых звезд с лица вселенной —
все это было — в первом приближенье —
превыше слов, судьбы людской нетленней.

Темнели фрески. Сыпались фронтоны.
Булыжник становился артефактом.
Но строк литых торжественные звоны
вливались в слух — загадочней, чем фатум,
божественнее темной литургии,
молитвенней лагун зеленых плеска.

И волны в память врезались тугие
Поэзии — владычицы небесной.

Здесь

Здесь все не слава Богу, Бог не в фарте.
Здесь на поверку все — одна беда.
Поищешь здесь — и не найдешь на карте
герои-города.

Все — как всегда. Ничтожество, величье
себя роняют в прах.
От красноречья до косноязычья —
какой-то шаг.

Но в лицах есть какой-то тихий праздник,
справляемый не наяву.
Сподобил же Всевышний, угораздил
здесь мять траву.

* * *

Иль нас уронила судьба-повитуха?
Опять заваруха, житуха, пруруха.
Опять обещанья небесного рая
над самым обрывом, у самого края.

Одно упованье: в потертом треухе
мальчонка стоит у околицы мира.
Он звезды считает. Он видит за круги.
Стоит на своем. И не знает кумира.

Лебедь

На островке, что легкой тенью
гладь водоема бороздит,
она какую уж неделю,
недвижима, одна сидит.

Пусть мил-дружок крыла не кажет,
она исполнила обет.
И странно: вдруг не суть как важен
любви и верности предмет.

И сердце так: страстям воздавши,
приспит себе как благодать
привычку ничего не жаждать,
на отпущенье уповать.

* * *

Переезды, перевалы.
Было все — как не бывало...
Жизнь почти что миновала —
пепелище от привала,
долг мой неоплатный.
Собираться снова надо —
скоро в путь обратный.

Самоэпитафия

Вот и мое — в ряду — надгробье.
Есть что-то в смерти,
что до смерти
узнать хотелось поподробней.

СЛОВО И ДЕЛО

Беседа с президентом Института экономического анализа Андреем ИЛЛАРИОНОВЫМ

От редакции

Намерение взять интервью у Андрея Николаевича Илларионова впервые возникло у редакции «Континента» еще в те времена, когда членом редколлегии журнала была безвременно ушедшая от нас в 2003 году Лариса Ивановна Пияшева — известный экономист, автор знаменитой в свое время статьи «Где пышнее пироги», которая была напечатана в 1987 году в журнале «Новый мир» и стала одной из первых, если не первой работой, положившей начало широкой дискуссии о необходимости в стране либеральной реформы. Уже тогда Л. И. Пияшева неизменно отзывалась об А. Н. Илларионове с высочайшим уважением и теплотой — и не только потому, что он принадлежал к той же, что и она, школе экономического либерализма (это не мешало им, однако, порою и спорить друг с другом). Главное, она уже и тогда, в 90-е годы, считала его прежде всего по-настоящему выдающимся экономистом, одним из самых глубоких и крупных экономических умов современной России. Конечно, мы в

Андрей ИЛЛАРИОНОВ — родился в 1961 г. в Сестрорецке, пригороде Ленинграда. Окончил экономический факультет и аспирантуру ЛГУ, кандидат экономических наук. В 1983–1990 гг. — ассистент кафедры международных экономических отношений ЛГУ. В 1990–1992 гг. — старший научный сотрудник и заведующий сектором Проблемной научно-исследовательской лаборатории региональных экономических исследований Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. В 1992–1993 гг. — первый заместитель директора Рабочего центра экономических реформ при правительстве РФ (РЦЭР). В 1993–1994 гг. — глава Группы анализа и планирования при премьер-министре России В. С. Черномырдине (советник премьер-министра). В 2000–2005 гг. — советник президента России по экономическим вопросам, личный представитель президента России (шерпа) в Группе восьми. С 1994 г. — директор, с 2000 г. — президент Института экономического анализа в Москве. С октября 2006 г. — старший научный сотрудник Института Катона в Вашингтоне. Живет в Москве и Вашингтоне.

редакции не были специалистами в экономике, но даже по тем выступлениям и публикациям тогдашнего А. Н. Илларионова, которые были известны и достаточно внятны и нам, не специалистам, мы вполне понимали, как она права. И естественно, что уже тогда — и особенно после дефолта 1998 года, который, кстати, был предсказан именно и только А. Н. Илларионовым, — у редакции возникло твердое намерение непременно связаться с ним и попросить рассказать читателям «Континента» о своих взглядах на настоящее и будущее российской экономики.

Но грянувшая катастрофа 1998 года слишком тяжело отразилась на журнале, заставив редакцию на неопределенный срок отодвинуть многие свои планы и заняться прежде всего спасением журнала. Эти самоотверженные усилия и немногих оставшихся членов редакции, и большинства авторов, работавших для «Континента» весь этот период на одном благородном энтузиазме, без всякого вознаграждения, заняли почти три года. Именно столько понадобилось журналу, чтобы снова встать на ноги. Но к этому времени А. Н. Илларионов стал уже, как известно, экономическим советником нового президента России. И этот факт опять отодвинул наши планы на интервью с ним в область неопределенного будущего — мы (не без оснований, я думаю) полагали, что новое положение А. Н. Илларионова будет слишком его сковывать и мы вряд ли получим интервью той откровенности и той полноты, на которое рассчитывали. А после того как в 2005 году из-за несогласия с проводившейся политикой А. Н. Илларионов подал в отставку с поста советника президента России, его нарасхват и не по разу стали приглашать для интервью и выступлений во все хоть и немногие оставшиеся независимыми, но куда более тиражные СМИ. И мы решили, что опять нужно дать пройти некоторому времени, чтобы поток этой информации — совершенно необходимой и очень актуальной, но все же связанной прежде всего с мотивацией данного конкретного поступка (поступка, надо заметить, мужественного и этим поразившего многих), — более или менее исчерпал себя. И освободил место и возможность для той более содержательно широкой и проблемно объемной беседы, на которую мы и рассчитывали.

И вот в конце прошлого года это время настало. И, связавшись с А. Н. Илларионовым, мы не только получили его согласие на интервью для «Континента», но согласие на интервью именно в том формате, в каком нам и хотелось его получить. Мы можем только еще раз поблагодарить А. Н. Илларионова за то, что он отдал нам для этого интервью столько времени, — беседа с ним, в которой кроме меня со стороны «Континента» приняла участие ответственный секретарь журнала Ирина Владимировна Дугина, заняла не один полный вечер.

Но зато в результате мы можем предложить теперь нашему читателю чрезвычайно содержательный и необычайно интересный, на наш взгляд, текст, к тому же объемом около десяти авторских листов, что для жанра интервью — случай совершенно небывалый.

Мы разбили этот текст на две части и представляем в этом номере только первую из них. Разделяя единый текст на две части, мы нарушаем обыч-

ное правило «Континента», но пойти на этот шаг нас побудил в данном случае не только и не столько сам объем этой публикации (а никакое сокращение тут мы не считаем возможными). Разделение материала обусловлено прежде всего тем, что при всем естественном своем единстве, две его половины жанрово и тематически достаточно самостоятельны.

Дело в том, что нам с самого начала очень хотелось, чтобы наш собеседник рассказал нам не только о том, что связано с его недавним уходом из советников президента, но обстоятельно и подробно поделился своим концептуальным видением и пониманием прежде всего того, что происходило в России и с Россией вообще на протяжении последних двадцати лет — начиная с так называемой перестройки. И нам очень хотелось, чтобы рассказ Андрея Илларионова включил в себя и его личный человеческий опыт прохождения через это время. Именно так, как увидит читатель, мы и постарались построить всю беседу — начиная с первого вопроса и поддерживая заданный нами параметр последующими.

Андрей Николаевич поначалу не слишком охотно отзывался на наши постоянные и настойчивые попытки не выпускать его из личной, биографической колеи. Но очень скоро, как нам кажется, почувствовал и понял, что в таком алгоритме беседы есть свой большой и содержательно очень важный резон. И, не поддаваясь уже соблазнам ненужной и вредной в данном случае излишней скромности, стал подробно, обстоятельно и, что нас порадовало, очень откровенно и даже увлеченно припоминать, как именно, с какими неожиданными сюрпризами и вторжениями проходила история этих лет через его собственную, личную судьбу, — рассказ тем более любопытный и увлекательный, что многое из того, что происходило, происходило в интерьерах зданий на Старой площади (где до 1991 года располагался ЦК КПСС, а в 1991–1993 годах — Российское правительство), затем российского Белого дома и, наконец, Кремля.

Так сложилась первая часть публикуемого текста, биографическая канва которой и подвигла нас озаглавить ее ***«Антисоветчик»*** — тем ласково-шутливым прозвищем, которым, как рассказал нам Андрей Николаевич, друзья именовали его в школе.

Для второй же части, основное содержание которой составили ответы нашего собеседника на вопросы более общего, концептуального характера, связанные с нынешней ситуацией в России, с ее историей и с перспективами ее развития, А. Н. Илларионов предложил название ***«Столетняя война»,*** смысл которого читатель поймет, когда познакомится со всем текстом интервью.

Вторая часть беседы с А. Н. Илларионовым будет опубликована в 135-м номере «Континента».

Игорь Виноградов

Встреча

— Андрей Николаевич, у нас очень много вопросов, на которые мы хотели бы услышать Ваши ответы, — и о том, что сейчас происходит с Россией, и о ее возможном будущем. Но нам хотелось бы подойти к этой теме, попросив Вас предварительно сделать экскурс в то недавнее прошлое России, из которого и выросло это ее настоящее. Как Вы видите стержневой рисунок и смысл того, что происходило с Россией в течение последних двадцати лет — начиная с перестройки? Вы ведь непосредственно участвовали во многих исторических событиях, определивших наполнение этого периода. И, может быть, именно так удобнее всего для Вас и подойти к рассказу о нем — через себя, через свою собственную судьбу? Это было бы ведь вдвойне интересно — и как анализ ученого-экономиста, и как свидетельство живого человека, непосредственно пропустившего через свою жизнь и свое сердце все то, что теперь подвергается холодному анализу специалиста. Это наше общее начальное пожелание, наш общий вопрос. Конкретно же первый вопрос хотелось бы задать вот какой: а как вообще случилось, что Вас повлекло в экономику и вынесло потом в бурный поток ее непосредственно-политической реализации? Что — с самого начала сознательной жизни эта область манила Вас? Почему?..

— Прежде всего я должен признаться, что к встрече с Вами, с журналом «Континент», я шел, наверное, три десятилетия. По крайней мере еще в середине 1970-х годов время от времени я слушал по радио (читать тогда, естественно, было невозможно) то, что публиковалось на страницах «Континента», узнал тогда имена В. Максимова, В. Аксенова, В. Некрасова, И. Бродского. По какому радио слушал? Конечно же, не по «Маяку» — по Би-би-си, по «Голосу Америки», по «Свободе». Как говорили когда-то, «есть обычай на Руси — ночью слушать Би-би-си». Да, многое сегодня возвращается на круги своя...

Теперь — к Вашим вопросам.

Сколько я ни пытался избежать встречи с мемуарным жанром, но, видимо, пора такая уже подходит.

Начало

Началось все, конечно, с родителей.

Родителям мы обязаны жизнью. Родителям мы во многом обязаны знакомством с миром, взглядами на жизнь, жизненными правилами. Своим родителям я обязан очень многим. Без них меня не только бы не было. Без них я не стал бы тем, кем стал. Мне очень повезло с родителями. Родителям я обязан в том числе и ранним знакомством с «Континентом». Думаю, что отец мой был бы рад, если бы узнал, что наша встреча с Вами все-таки состоялась.

Что касается выбора жизненного пути, то вообще-то я довольно долго готовился стать географом, собирался поступать на географический факультет

университета. Но когда мне было 15 лет, случилась одна история, которая довольно сильно повлияла на мою дальнейшую жизнь.

В городке, где я рос, сносили старые деревянные дома. И мальчишки, естественно, направлялись на приключения в эти развалины. В одной старой усадьбе я нашел вузовский учебник. Это был первый советский учебник по политэкономии, «сталинский», госполитиздатовский, издания 1952 года. Вряд ли кого-нибудь из моих сверстников такая книжка могла заинтересовать. Но меня заинтересовала, и я почти всю ее прочитал еще в десятом классе. Не скажу, что я со всем там согласился, более того, многого я там не понял. Но мне очень захотелось понять. В общем, за несколько недель до сдачи документов в вуз я немало удивил свою семью, сказав, что буду поступать не на географический факультет, а на экономический. Вот так начался мой путь к экономике...

Школа

Первое же занимательное событие, вовлекшее меня в сферу общественно-политической жизни, произошло со мной, когда я учился в десятом классе. По случаю принятия новой Конституции СССР в конце 1977 года был объявлен конкурс школьных работ по обществоведению. Сначала он проходил на уровне школ, потом лучшие работы должны были попасть на районный, городской, республиканский и, в конце концов, на союзный уровень. Организаторами конкурса было предложено двадцать пять или тридцать тем, по которым рекомендовалось писать работы. В списке превалировали темы типа «Советская Конституция — новый шаг в строительстве развитого социализма», «Советский народ — единая межнациональная общность», «Л. И. Брежнев — гениальный продолжатель дела В. И. Ленина» и т. п. В общем, понятно, какие это были темы.

Однако в названии списка была допущена незаметная, но, как потом оказалось, весьма серьезная ошибка — он был назван «рекомендованным». Иными словами, юное поколение, не овладевшее еще взрослым языком вторых смыслов, вполне могло предположить возможность выбора свободной темы. Хуже того — на уточняющий вопрос моя учительница обществоведения, Раиса Моисеевна Пустельник, достаточно безответственно подтвердила такую возможность. А это была уже вторая ошибка!

Как бы то ни было, к необходимому сроку работу свою я сдал. И принялся ожидать (поскольку старался при написании) приглашения на следующий тур, а также, возможно, каких-то призов, грамот, — в общем, публичного признания... Надо сказать, что в конце концов я дождался его. Правда, не совсем того, на которое рассчитывал.

Как выяснилось позднее, моя работа породила сразу несколько проблем. Первая состояла в том, что она не была посвящена ни новой советской Конституции, ни развитому социализму, ни коммунистическим вождям — она была посвящена фашизму. И так и называлась — «Фашизм». Вторая проблема заключалась в том, что в подзаголовке работы стояло: «Пять источников и пять составных частей фашизма». А поскольку все школьники в СССР изучали (и чуть ли не наизусть выучивали) статью В. И. Ленина

«Три источника и три составные части марксизма», то возникновение соответствующего ассоциативного ряда у образованных по-советски читателей было обеспечено. Третья проблема обнаружилась в том, что работа не была написана от руки — как у других конкурсантов. Она была напечатана на пишущей машинке. Это сейчас преподаватели предпочитают, чтобы курсовые и дипломные работы их учеников печатались на компьютере. А тогда — тогда было совсем другое время. Более того, в работе я формулировал вопрос, который, по мнению некоторых ее будущих читателей, задавать было нельзя: почему германский фашизм оказался столь популярным у немцев? Наконец, в меру своих сил я пытался ответить на него.

Получив работу и ознакомившись с ее содержанием, моя учительница обществоведения, ничего мне не сказав, действительно отправила мою работу в район — но, правда, не в райотдел народного образования (РОНО), а райотдел Комитета государственной безопасности. Не знаю, что там произошло на самом деле, но по информации, которую я потом получил, в КГБ посмотрели мою работу и, надо отдать им должное, сказали моей бдительной учительнице что-то вроде «не занимайтесь ерундой!». Однако надо отдать должное и моей Раисе Моисеевне: она на этом не успокоилась и пошла в райком партии. Там то ли членом, то ли руководителем совета старых большевиков состоял бывший директор нашей школы Николай Иванович Соболев — человек очень серьезной закалки, хорошо известный в нашем районе как «сталинист». Соскучившись, очевидно, по делам бурной юности, Николай Иванович принялся за расследование моего дела с инициативой, энергией и огоньком.

Расследование велось всерьез, с участием ряда сотрудников райкома (я узнал об этом уже постфактум и, думаю, далеко не всё). Был нанесен визит в районную библиотеку и изучен мой формуляр: какие книги я беру и что читаю. Были сделаны запросы в парткомы организаций, где работали мои родители, — для получения сведений о том, как они ведут себя, что говорят и какие мысли имеют. В конце концов, меня вызвали к завучу школы, где меня уже ждал Николай Иванович. Допрос он устроил с пристрастием (завуч предусмотрительно вышла): «Андрей, я понимаю, ты такой способный... Я хочу тебе добра. Почему ты ссылаешься на “Литературную газету”, а не на “Правду”? С кем ты общаешься? Кто тебя надоумил?.. А где ты взял пишущую машинку? Сколько экземпляров напечатал? Кому давал читать работу? Кто еще знает о ее существовании? Не вел ли кто-нибудь с тобой антисоветских разговоров? Тут, знаешь, недавно открыли тайник с антисоветской литературой... Ты знаешь, кто ее спрятал? Ты читал ее?» И так далее в таком же духе. Словом, началось знакомство со сторонами взрослой жизни, про которую на уроках не рассказывали...

— Понятно, что на районный тур конкурса, не говоря уже о городском, республиканском и прочих, Вы уже не попали...

— Разумеется, работа уже больше никуда не пошла. Ее прочитали лишь несколько одноклассников. Но история эта оказалась для меня важной. Бывают вещи, которые, как раньше писали, «проходят красной нитью через всю жизнь».

Университеты

Слава богу, никаких практических последствий ни для меня, ни для моих родителей история эта не имела, — очевидно, времена уже были не те. Я нормально закончил школу (правда, несмотря на все пятерки в аттестате, золотой медали все же не получил), поступил на экономический факультет Ленинградского университета. Но история со школьной работой застряла у меня в голове — чувство, что со мной поступили несправедливо, не проходило. Не буду скрывать, мне хотелось получить и реабилитацию и сатисфакцию. Думал я и о том, чтобы вернуться в один прекрасный день в свою школу, повидаться со своей преподавательницей обществоведения и скромно познакомить ее с признанием, полученным уже в другом месте. Кроме того, в той школьной работе далеко не на все вопросы, важные для меня уже тогда, я смог ответить. А они продолжали меня занимать. И в университете я стал уже на другом уровне заниматься изучением фашизма, фашистской экономики, идеологии, организации общества, стал регулярно писать курсовые работы по германской экономике. Пятый курс я завершил написанием диплома на тему «Военно-государственный монополистический капитализм фашистской Германии».

Когда о своих намерениях я впервые сообщил своему профессору и будущему моему научному руководителю Андрею Андреевичу Демину, он, как мне показалось, несколько напрягся. Но, надо отдать ему должное, в течение всех лет моего обучения и студентом и затем аспирантом он прикрывал меня своим авторитетом. Диплом я защитил у него на пятерку. А несколькими годами позже написал у него же кандидатскую диссертацию, тема которой в переводе на общепонятный язык звучала примерно так: «Государственные финансы развитых капиталистических стран в XX веке».

Защита ее оказалась довольно бурной. Выступавшие на заседании члены ученого совета отмечали, что это самая большая кандидатская диссертация на их памяти — вместо традиционных 120–150 было представлено около пятисот страниц в двух томах. Второй том содержал большое количество статистических таблиц — была проведена значительная работа по анализу государственных финансов примерно сорока развитых стран за почти весь XX век. Стены аудитории я увешал графиками государственных расходов, вычерченными на миллиметровке. К моему удивлению, реакция на весь этот труд оказалась не совсем такой, на какую я надеялся. Хорошо запомнились слова моего научного оппонента доктора экономических наук, профессора Юрия Васильевича Пашкуса: «Это не марксизм. Это сильная работа, и именно поэтому ее не надо утверждать». Год на дворе стоял 1987-й. Из двенадцати членов Ученого совета восемь проголосовали «за», четверо — «против». Если бы был еще один голос «против», защита не состоялась бы. Возможно, именно поэтому союзный ВАК в Москве еще почти целый год рассматривал мои документы, прежде чем окончательно утвердить результаты голосования.

— И в наших библиотеках Вы могли тогда найти литературу по Вашей теме?

— Смотря какую литературу. Конечно, какой-то части научной литературы в открытом доступе тогда не было — она лежала в спецхране. Это отдельная история — как аспиранты и научные сотрудники того времени доставали необходимые им книги и статьи, как работали с ними. Но часть литературы — пропагандистской и даже не очень пропагандистской, а чисто исторической — была совершенно доступна. Фашизм считался политическим и идеологическим врагом, его позволялось изучать и разоблачать. Однако любой непредвзятый исследователь, начинавший хоть сколько-нибудь серьезно знакомиться с фашизмом, не мог не провести совершенно очевидных параллелей с коммунизмом. И вот тогда надо было (и это уже было делом доблести и геройства) постараться написать текст таким образом, чтобы, не жертвуя объективностью анализа и не теряя совести хотя бы перед самим собой, при неизбежном возникновении опасных параллелей все же не дать повод политическим обвинениям.

— Я помню, как в конце 60-х годов цензура специально ввела применительно к деятельности тогдашнего «Нового мира» понятие «неконтролируемый подтекст». Применение этой формулы не требовало никаких мотивировок и давало право на запрет материала без всяких объяснений. Именно так была «зарублена» публикация в журнале «Преступника номер один» Д. Мельникова и Л. Черной. Правда, позднее эта работа вышла отдельным изданием, но тогда, в 69—70-м, в «Новом мире» она так и не появилась.

— Это, кстати, одна из тех книг о Гитлере, с которыми я тогда много работал. Очень полезная книга...

— И этой своей диссертацией Вы поставили, наконец, точку на теме, начатой когда-то Вашей школьной работой?

— Как сказать. Видимо, не случайно я вспомнил о школьной работе про фашизм. Похоже, эта тема действительно «красной нитью» проходит через мою жизнь. Прошло уже тридцать лет, и вот сейчас в публичных выступлениях мне приходится проводить сравнения между тем режимом и этим — нынешним «нашизмом», рассказывать, что у них общее, а что — различное... Так что судьба, видимо, не случайно придумала этот сюжет и, видимо, не случайно распорядилась так, чтобы Вы попросили меня об этом вспомнить.

— Ну если у Вас в судьбе все так закольцовано, Вы, видимо, все-таки встретились в конце концов со своей учительницей обществоведения. Удалось доказать ей свою правоту?

— Да, это хороший вопрос, потому что история эта закончилась так, как нарочно не придумаешь. Когда я уже и диплом получил, и диссертацию защитил, и пришел вместе с другими выпускниками на очередной юбилей школы, я, естественно, спросил, могу ли я повидать мою любимую Раису

Моисеевну Пустельник, сделавшую донос в свое время на меня и моих родителей в КГБ и райком партии. Но мои учителя огорчили меня, сказав, что Раиса Моисеевна уже несколько лет как уехала в Америку, что уехала она в конце 80-х и живет в Нью-Йорке, что до сих пор переписывается с коллегами и не может нахвалиться на Штаты. Пишет, что получила там хорошее социальное пособие, что вылечила зубы, что укрепила здоровье и чувствует себя на двадцать лет моложе, что даже немного путешествует по Штатам и миру. Пишет она совершенно счастливые письма своим коллегам и знакомым, которые остались здесь, о том, как здорово, что она уехала в Америку, что там совершенно другое питание, что она просто летает там. Вернуться? Нет, не собирается, там она совершенно счастлива. Такое вот любопытное завершение сюжета...

— Да, сюжет действительно закольцованный. А как «закольцевалась» Ваша судьба после защиты диссертации?

— После защиты я стал работать ассистентом на кафедре международных экономических отношений ЛГУ. Работа была хорошая, но в интеллектуальном плане было тоскливо — не с кем было обсуждать то, что хотелось обсуждать. Экономический факультет, который я окончил и где работал (наряду с историческим и философским факультетами ЛГУ), был, что называется, «кузницей кадров» Ленинградского обкома партии. Люди там были неплохие, но в политическом и идеологическом плане очень, скажем так, по-советски корректные — обсуждать реальные проблемы страны там было не с кем. Я лихорадочно пытался найти хоть кого-то, с кем можно было бы говорить на интересовавшие меня темы.

Перестройка

И тут мне еще раз сильно повезло — в 1986 году я познакомился с двумя моими сверстниками, недавними выпускниками Финансово-экономического института Борисом Львиным и Андреем Прокофьевым. Общение с ними сильно повлияло на мою жизнь. Тогда времена уже становились другими, наступали перестроечные годы, начиналось общественное движение, становились открытыми разнообразные дискуссии... При Ленинградском дворце молодежи Борис и Андрей создали общественно-политический дискуссионный клуб «Синтез», ставший одним из самых лучших моих университетов. Мне повезло оказаться на одном из первых заседаний этого клуба, затем я стал его членом и, в конце концов, даже вроде как одним из его соорганизаторов.

В «Синтезе» делались доклады и проводились их обсуждения по экономике, истории, по тому, что сейчас называется «политическая теория». Уровень и докладов и обсуждений был очень высоким — по крайней мере, ни в Ленинграде, ни в Москве того времени мне не приходилось участвовать в обсуждениях такого уровня. А в «Синтезе» я встретил хороших ребят, молодых, умных, талантливых. Круг общения с интересными людьми постоянно расширялся. Причем настолько, что в 1990 году по приглашению

одного из них — Сергея Александровича Васильева — я перешел из университета в Финансово-экономический институт, с кафедры международных экономических отношений в лабораторию региональных исследований.

— ***Это было повышение? Карьерный рост?***

По тогдашним (и, наверняка, не только по тогдашним) временам шаг этот мог выглядеть совершенно необъяснимым. В статусном рейтинге Ленинградский университет был гораздо выше Финансово-экономического института, международные экономические отношения несопоставимы с региональными исследованиями внутри России, основной преподавательский состав несравним с сотрудниками вспомогательной исследовательской лаборатории. В тогдашней иерархии новое место было существенно менее почетным, по деньгам тоже никакого выигрыша не было. Иными словами, с обыденной точки зрения добровольный выбор падения на несколько статусных порядков выглядел, конечно, совершенно нелепым. Но все перевешивали два «небольших фактора»: во-первых, лабораторию возглавлял один из талантливейших российских экономистов Сергей Васильев и, во-вторых, ее сотрудники профессионально занимались анализом реальных экономических процессов, а затем и подготовкой грядущих экономических реформ. Дело в том, что к тому времени лаборатория уже несколько лет служила одним из опорных пунктов московско-ленинградского кружка экономистов.

Истоки

Я познакомился с членами этого кружка в 1986–1987 годах. Но сама группа в зачаточном виде существовала как минимум с 1979 года. У кружка было два корня — ленинградский и московский.

В Москве группа начала формироваласъ на основе отдела Института системных исследований, в котором тогда работали четыре молодых сотрудника — Егор Гайдар, Петр Авен, Олег Ананьин и Вячеслав Широнин. Был и пятый человек, но в силу, насколько мне известно, личного конфликта этот пятый был вычеркнут из списков группы и, как мы теперь видим, и из «списков истории». Позже к этой четверке стали присоединяться и другие москвичи.

Петербургский кружок возник — по крайней мере, согласно сложившемуся апокрифу — в 1979 году на «картошке» (была такая практика — направлять студентов с молодыми преподавателями и аспирантами на сельхозработы). И вот, как повествует легенда, где-то на картофельной борозде под Ленинградом осенью 1979 года встретились трое молодых людей — тогдашних сотрудников Инженерно-экономического института им. Пальмиро Тольятти — Григорий Глазков, Юрий Ярмагаев и Анатолий Чубайс. Встретились — и заспорили они о том, как совершенствовать хозяйственный механизм социалистической экономики. И вопрос был не праздным, и повод был неслучайным.

Только что был опубликован важнейший для экономистов того времени документ — Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о

совершенствовании хозяйственного механизма. Естественно, страна в лице шахтеров и ткачих единодушно его поддержала. Экономисты официальные тоже в долгу не остались. А вот экономисты неофициальные попытались разобраться, что бы это значило. Постепенно круг обсуждавших эту и смежные проблемы расширялся, и, вернувшись с картошки, участники этого кружка влились в Клуб молодых ученых Ленинградского инженерно-экономического института, чуть позже его и возглавив. Пусть небольшой, но все же административный ресурс дал возможность проводить семинары, устраивать конференции, выпускать сборники. Главное направление исследований в течение длительного времени оставалось прежним — как улучшить хозяйственный механизм социализма.

Ленинградская часть кружка постепенно расширялась — в том числе за счет Сергея Васильева, Бориса Львина, Андрея Прокофьева, Михаила Дмитриева из Ленинградского финансово-экономического института, Сергея Игнатьева из Торгового института, Петра Филиппова и других экономистов. Это был круг людей, говоривших не на жаргоне марксистско-ленинских политэкономов, а на профессиональном экономическом языке.

Установление контакта между московской и ленинградской частями будущего кружка произошло благодаря Григорию Юрьевичу Глазкову. В 1982 году он поехал в аспирантуру в Москву, в Институт экономики АН СССР. Кроме того, у него было такое «партийное задание» — найти в Москве людей, думающих на те же темы, в том же ключе, эволюция взглядов и представлений которых была близка к тому, что происходило и в ленинградской группе. Обойдя в Москве и исследовательские, и академические институты, он убедился, что практически единственной группой, находившейся в том же процессе поиска, является группа Гайдара. Контакт был установлен. Через год в командировку в Москву поехал Чубайс, который встретился с Гайдаром. У обоих сразу же возник контакт, переросший и в сотрудничество, и в дружбу, продолжающиеся до настоящего времени.

С этого времени начались регулярные — вначале раз в год, потом дважды и даже чаще — совместные семинары московской и ленинградской групп. На них читались и обсуждались доклады по экономической ситуации и экономической политике, способствовавшие постепенному интеллектуальному, профессиональному и человеческому сближению между двумя частями этого кружка. К тому времени, как в нем появился я, это был уже достаточно сплоченный коллектив, имевший, по крайней мере, некую общность в понимании проблем и подходов к тому, как с этими проблемами иметь дело.

Семинары кружка поочередно проводились то на ленинградской территории, то на московской. Круг участников постепенно расширялся. В середине 1980-х годов были установлены контакты с экономическими социологами из Новосибирска — Симоном Кордонским и Сергеем Павленко. Однако, к немалому разочарованию участников кружка, расширение круга единомышленников, несмотря на интенсивные попытки, происходило медленно и найти кого бы то ни было в других городах фактически не удалось.

Летом 1986 года состоялась легендарная конференция в «Змеинке» — пансионате ЛФЭИ «Змеиная горка» на Карельском перешейке. В ее рамках получил своеобразное оформление и определенный статус семинар мос-

ковско-ленинградского кружка по вопросам реформирования социалистической экономики. К тому времени я уже был знаком с некоторыми участниками этого семинара, хотя на самой «Змеинке» не был. Клуб «Синтез», про который я уже говорил, был по сути молодежной секцией московско-ленинградского кружка экономистов. Весной 1987 года я стал членом и «взрослого» кружка.

С перехода в лабораторию региональных исследований ЛФЭИ у меня начался новый этап жизни. Анализ экономической ситуации стал дополняться выработкой предложений для экономической политики, разработкой экономических реформ. В 1990 году вместе с коллегами я принимал участие в подготовке концепции Ленинградской зоны свободного предпринимательства — по заказу Анатолия Чубайса, ставшего тогда заместителем председателя исполкома.

После провала путча в августе 1991 года в ноябре 91-го было сформировано новое правительство. В нем пост вице-премьера, ответственного за экономические реформы, получил Егор Гайдар, один из руководителей нашего кружка. Тогда была объявлена своего рода «всеобщая мобилизация» в исполнительную власть всех, кто хоть что-то понимал в современной экономике, кто был в состоянии внести содержательный вклад в разработку экономической политики. К этой работе были привлечены и многие из экономистов, входивших в наш кружок, некоторые из них заняли заметные позиции в исполнительной власти.

К этому времени я, правда, находился не в Москве и даже не в Петербурге — я был в Англии. В 1991 году в Ленинграде впервые прошел конкурс Британского совета (того самого, отделения которого в Петербурге и Екатеринбурге сейчас закрыли) на право получения образования в Британии. В течение многих лет, как и миллионы моих сограждан, я был вынужден заниматься насквозь идеологизированной марксистской политической экономией, имевшей слабое отношение к реальной экономике. Как и многие молодые люди в нашей стране, я болезненно переживал отсутствие классического образования, мечтал учиться в нормальном западном университете. Поэтому в конкурсе Британского совета я участвовал с энтузиазмом и надеждой. И, победив в нем, в числе первых десяти счастливчиков в сентябре 1991 года поехал учиться в Британию, в Бирмингемский университет.

1992-й

Но учиться в Англии, к сожалению, я смог недолго. В самом начале 1992 года меня все-таки «призвали» в исполнительную власть. Темным, пронзительно холодным вечером 8 января я прилетел в Москву. Намерения были четкие — через месяц-два вернуться учиться, тем более что Британский совет в порядке исключения продлил мне возможность обучения еще на год. Однако в апреле 1992 года меня пригласили на пост заместителя директора Рабочего центра экономических реформ при Правительстве РФ. Это была новая структура, мозговой центр, призванный подсказывать правительству, что надо делать, а чего — не надо. Когда наступил сентябрь 92-го и надо

было вновь уезжать в Англию, я, понимая, что в России происходят исторические события, решил остаться еще на год. Так что моя мечта получить нормальное образование в западном университете, видимо, так и останется мечтой.

— Ее заменила «проза жизни» — Вам пришлось войти во власть... Ну и какова она показалась Вам на вкус, эта проза?

— Очень разной. Это ведь тоже очень непростая история. Точнее, истории.

Гайдар

Про начало экономических реформ сказано и написано немало. Я не буду повторять, что в целом хорошо известно. Скажу только, что заслуги Гайдара в запуске рыночного механизма, ликвидации угрозы реального голода в стране, восстановлении минимальной работоспособности практически парализованного госаппарата в 1992 году трудно переоценить. В то же время никто не сделал для дискредитации либерализма в идеологии и на практике больше, чем Гайдар.

— Разъясните, пожалуйста, Вашу точку зрения.

— Вклад Егора Гайдара в современную жизнь России огромен. Он сделал две главные вещи: легализовал рыночные отношения в стране и минимум на поколение уничтожил политическую и общественную поддержку либералов и демократов. Повторю еще раз: для дискредитации либерализма никто не сделал больше, чем Егор Гайдар вместе со своим коллегой, товарищем и другом Анатолием Чубайсом.

Мне не очень просто говорить о них обоих, поскольку в течение многих лет мы были близкими коллегами, товарищами, друзьями. В то же время в течение долгих лет по многим вопросам у нас шла порой очень жесткая непубличная дискуссия. Многократно обращался я к ним с просьбами, предложениями, призывами не делать, с моей точки зрения, ошибочных, недопустимых шагов. Многократно обращался я к ним с призывами признать сделанные ошибки — чтобы и с себя грех снять, и других предупредить, и самим не повторять содеянного. Но, увы, ни тот, ни другой не оказались в состоянии ни отказаться от неверных действий, ни провести честный разговор со своими сторонниками, коллегами, с самими собой.

Более того, против меня, как и против очень многих приличных людей, некоторых из которых сегодня уже нет — Галины Старовойтовой, Сергея Юшенкова, — неоднократно развертывались грязные кампании. Может быть, я слишком долго, недопустимо долго молчал. Сохранять публичное молчание и сегодня означало бы покрывать ошибки, приведшие, как мы теперь видим, к преступлениям. И против отдельных людей, и против сторонников либерализма и демократии в нашей стране, и против всей страны. Люди должны знать, как мы пришли к сегодняшнему дню и кто какой вклад внес в наше «сегодня».

От времени Советского Союза Гайдар унаследовал весьма разбалансированную финансовую систему. Во второй половине 1980-х годов бюджетный дефицит вырос с примерно 2% ВВП в 1985 году до 8% в 1990 году. В 1991 году он, очевидно, вырос до 12 % ВВП. Говорю «очевидно», потому что официальные цифры назвать невозможно, так как окончательные обороты по государственным финансам 1991 года так и не были проведены. Не были проведены они по распоряжению Гайдара, бывшего тогда вице-премьером и министром финансов России. Поэтому, строго говоря, мы так и не знаем, как закончился Советский Союз в финансовом отношении. Все, что есть сегодня, — это оценки. Более или менее точные, но — оценки. И, видимо, теперь мы уже никогда и не узнаем, какими были по официальной отчетности доходы и расходы СССР в последний год его существования.

Задача, какая стояла бы перед любым правительством, оказавшимся в ситуации бюджетного кризиса, была очевидной — сократить бюджетный дефицит, добиться финансовой и макроэкономической стабилизации. Задача эта в течение нескольких лет до ноября 1991 года многократно обсуждалась на семинарах нашего экономического кружка. На эту тему было подготовлено немало докладов, написаны статьи, некоторые из них были опубликованы в журнале «Коммунист», редактором экономического отдела которого был Егор Гайдар. В отличие от Г. Явлинского, Е. Гайдар постоянно говорил о необходимости достижения финансовой стабилизации.

И вот он становится министром финансов страны, вице-премьером, а затем де-факто руководителем Правительства России. Что происходит с бюджетным дефицитом? В 1992 году он вырастает почти до 32% ВВП. Тридцать два процента ВВП — цифра немыслимая для государственных финансов мирного времени. В истории, похоже, нет других примеров, когда в мирных условиях наблюдался бы бюджетный дефицит такого размера. Удельный вес государственных расходов в ВВП, даже при Н. Рыжкове и В. Павлове находившийся на уровне 52 — 55%, в 1992 году при Гайдаре подпрыгнул до 71% ВВП. При одновременном падении государственных доходов до 39% ВВП образовалась гигантская дыра бюджетного дефицита, профинансировать которую никаким иным образом, кроме печатного станка, было невозможно.

Поэтому неизбежными стали указания правительства Центральному банку кредитовать и Российское правительство, и правительства государств рублевой зоны. ЦБ находился тогда в подчинении правительства, и решение об эмиссии необеспеченных денег принимало именно правительство. Темпы прироста денежной массы достигли 25% в месяц уже в июне 1992 года — еще до прихода в Центробанк Виктора Геращенко. Придя в банк, Геращенко, правда, поддержал такую политику. Но объективности ради надо признать: начал ее все-таки не он — начал ее Гайдар. И за катастрофическую финансовую дестабилизацию 1992 года, увы, ответственность несет тоже Гайдар и гайдаровское правительство.

Если денежная масса растет на 25% ежемесячно, то неизбежным результатом становится и 25%-я инфляция. Временной лаг между денежной эмиссией и инфляцией в России 1992 года составлял четыре месяца. Поэтому с уровня в чуть более 8% в августе инфляция поднялась до почти 12% в

сентябре 1992 года и 23% в октябре. В последующие четыре месяца она устойчиво держалась на уровне 25% в месяц. В таких условиях правительства не выживают. В свое время Джон Мейнард Кейнс точно подметил, что *инфляция— одно из самых эффективных средств по свержению правительств.* На примере России 1992 года это правило было убедительно продемонстрировано еще раз.

Инфляционная волна, созданная усилиями Гайдара, смыла и его, и его правительство. 14 декабря 1992 года Б. Ельцин чуть ли не со слезами на глазах был вынужден отправить Гайдара в отставку и предложить Съезду народных депутатов В. Черномырдина. Съезд поддержал Черномырдина на «ура».

Развязав в 1992 году инфляцию, Гайдар, по сути, подписал себе политический приговор. Увы, не только себе. Инфляция, смывшая его правительство, — это, конечно же, плата и за политическую и за человеческую слабость.

Черномырдин

Четырнадцатого декабря 1992 года президент Ельцин отправил Гайдара в отставку. Со словами «*нам нужен рынок, а не базар*» пришел Черномырдин. Первым его экономическим решением стало регулирование цен на продовольствие. С Черномырдиным аппарат правительства наводнили граждане в серых костюмах, с серыми лицами, с серыми взглядами. Атмосфера в правительстве изменилась радикально. В общем, мне стало ясно, что надо было не оставаться в Москве, а ехать учиться. И я вновь начал готовиться к продолжению образования.

Но тут как на грех заболел Сергей Александрович Васильев, руководивший Рабочим центром экономических реформ, и в течение нескольких недель обязанности руководителя центра пали на меня. А Черномырдин в это время стал знакомиться с доставшимся ему хозяйством, с правительственным аппаратом, с людьми, оставшимися ему от предшественника. Так мы с ним и познакомились. Дело в том, что в гайдаровском правительстве статус руководителя Рабочего центра был достаточно высоким. Он по должности приглашался на заседания правительства и участвовал во многих совещаниях по отдельным вопросам.

Одно из таких совещаний проходило в конце 1992 года на государственной даче в Волынском (соседняя с дачей Сталина в Кунцеве). Собралось человек пятнадцать; из тех, кого помню, были Е. Ясин, Я. Уринсон, И. Липсиц, А. Чубайс, С. Колесников, Н. Масленников. Черномырдин спрашивал мнения участников совещания об экономической ситуации, и каждый в течение 5—10 минут говорил о своем — о том, что нужно и чего не надо делать. Совещание запомнилось беспрецедентной по резкости атакой Чубайса на Игоря Липсица, приглашенного Ясиным. Из-за разных взглядов на приватизацию Чубайс потребовал изгнания Липсица с заседания и недопущения его в дальнейшем на любые правительственные совещания. Черномырдин был зримо шокирован нападками, но, верный своему бюрократическому чутью, поддаваться на давление сразу не стал. На том обсуждении Липсиц остался, но в дальнейшем ни на совещаниях, ни в правительстве его я больше не видел.

Из всех присутствовавших я был самым юным и по возрасту и по административному положению, а в очереди на комментарии, кажется, предпоследним. Когда дело дошло до меня, я сказал, что главная вещь сейчас — инфляция, переходящая в стадию гиперинфляции. Если ее не остановить, то она сметет любое правительство — так же, как уже смела правительство Гайдара. Надо сказать, что ни одна из затронутых тем не заинтересовала Черномырдина так, как тема инфляции и гиперинфляции. Делая вид, что позабыл обо всех остальных, он принялся расспрашивать меня о том, что происходит с инфляцией и откуда она берется. Заметив, что́ именно интересует нового премьера, и другие участники совещания стали вставлять свои комментарии. Черномырдин выслушивал их молча и чуть ли не демонстративно затем от них отворачивался, продолжая свои расспросы. Так мы с ним и проговорили, наверное, с полчаса в присутствии остальных...

— Ну и как прореагировали на это остальные?

— Понятно, что большого восторга у моих старших товарищей это не вызвало. Конкуренция за внимание нового премьера — вещь вполне обычная: каждый старается показать себя с лучшей стороны и оказаться (показаться) наиболее нужным. Естественно, в любой бюрократической структуре во время смены начальства люди боятся, что могут быть «выметены» «новой метлой». Для себя я все уже решил — из правительства ухожу, делать мне здесь больше нечего, поеду продолжать учиться. Демонстрировать Черномырдину особенный пиетет мне тоже не было никакого смысла. Я думал: Васильева сейчас нет, надо выполнить свой товарищеский долг, а вернется Васильев из больницы — сдам ему дела и спокойно уеду в Англию. И поэтому говорил то, что считал нужным, вел себя, наверное, несколько более свободно, чем позволял известный Черномырдину советский бюрократический этикет.

Эффект от этого оказался тем не менее неожиданным. Когда совещание закончилось, Черномырдин всех отпустил, а меня попросил остаться — чуть ли не как в популярном фильме (*«А вас, Штирлиц, я попрошу остаться!»*). Вдвоем с ним мы проговорили, наверное, еще час, если не больше. За окном уже точно было за полночь. Но в тот момент ему явно хотелось поговорить, и мы говорили на разные темы — и экономические, и неэкономические. Потом я еще несколько раз встречался с ним на разных совещаниях, отношения в общем сложились довольно приличные, по бюрократическим меркам это был своего рода honeymoon, медовый месяц его ко мне интереса.

— Всего лишь месяц?..

— Естественно, такое не могло продолжаться бесконечно: аппаратная конкуренция — вещь малосимпатичная и далеко не сентиментальная. Пришедшие с Черномырдиным серые граждане месяца через полтора-два начали весьма эффективно душить наш Рабочий центр, бюрократических способов для этого есть миллионы. Поскольку у меня установился некоторый личный контакт с премьером, я несколько раз пытался воспользоваться

этой возможностью для спасения организации. Увы, ни одна из попыток успехом не увенчалась — в приемной сообщали, что Черномырдину все передано, но тот не демонстрировал никакого желания встречаться. В общем, через некоторое время стало ясно, что дело здесь не в интригах помощников, а в позиции самого премьера.

Ну что уж тут поделаешь? Так я еще раз получил неоспоримое подтверждение, что был прав в своем решении и что действительно пора ехать учиться. Васильев, слава богу, вернулся из больницы, и мне уже не надо было замещать его на бесконечных и быстро становившихся маловразумительными совещаниях.

— И что же — уехали?

— Нет, не получилось. Видимо, это тоже какой-то символ в моей жизни — стремление к классическому образованию, которое так, наверное, никогда и не осуществится. После первого и неполного года обучения в Бирмингеме я вот уже шестнадцать лет в Москве. Как раз тогда, когда я собрался опять поехать в Англию, произошло новое событие в моей жизни...

Референдум

Двадцать пятого апреля 1993 года был проведен знаменитый референдум о доверии Ельцину и депутатам. Тот самый — «ДА-ДА-НЕТ-ДА». *Доверяете ли Вы Президенту Б. Н. Ельцину? Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации с 1992 года? Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации? Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?*

Надежд на то, что результаты голосования будут именно такими, как агитировали власти, и народ проголосует «ДА-ДА-НЕТ-ДА», было немного. Накануне референдума среди реформаторской публики были надежды, что Ельцина народ все-таки поддержит. Однако относительно популярности проводившейся экономической политики больших иллюзий не было. Вопросы были сформулированы в основном хасбулатовским Верховным Советом. Референдум проходил через 15 с лишним месяцев после либерализации цен, в среднем за это время темпы инфляции держались на уровне 20% в месяц, накануне референдума они мало чем отличались от предыдущих месяцев. «Шоковая терапия», «мальчики в розовых штанишках», падение производства, нищенские зарплаты, которые к тому же часто и не выплачивались — такой была экономическая ситуация в апреле 1993 года. Политических чудес в таких обстоятельств не бывает. В общем ожидание было, что, поддержав Ельцина лично, народ все же скажет дружное и решительное «НЕТ» проводимой им экономической политике.

Каково же было наше удивление утром 26 апреля, когда выяснилось, что результаты голосования все же оказались именно такими: «ДА-ДА-НЕТ-ДА»! За Ельцина проголосовало почти 59% участников референдума, за экономи-

ческую политику — 53%. Превышение числа тех, кто проголосовал по этому пункту «ЗА», над числом тех, кто проголосовал «ПРОТИВ», было наименьшим среди всех вопросов, на которые был получен ответ «ДА» (за переизбрание депутатов проголосовало больше 67%). Тем не менее это было большинство! Кстати говоря, в отличие от сегодняшнего дня тогда не возникало сомнений в честности подсчета голосов. Поскольку власть в стране не была сконцентрирована в одних руках, а распределялась между президентом и Съездом народных депутатов, реальная возможность контроля над результатами референдума у депутатов была явно не меньше, чем у тогдашнего Ельцина. И тем не менее результаты референдума оказались вот такими.

Только-только о них объявили по радио (Интернета тогда еще не было), только-только мы с коллегами начали обсуждать, что бы это могло означать, — с момента объявления прошло, возможно, только минут двадцать — тридцать, как у меня зазвонил телефон: «Андрей Николаевич, вас немедленно вызывает Черномырдин». Я говорю: «Почему меня? Руководитель центра — Васильев, наверное, Васильева надо?» — «Нет, — говорят, — вас». И я отправился к Черномырдину.

В отличие от всех прежних безуспешных попыток попасть к премьеру, в этот раз никаких проблем с проходом не было, никаких задержек — сразу же зовут к нему в кабинет. У него кто-то был. Буквально после двух-трех каких-то незначащих фраз он меня спрашивает о документе, который я безуспешно пытался ему доложить еще пару месяцев назад. Я пытаюсь ему что-то пояснить, что, мол, он был недоступен. А он мне с ходу: «Как? Это я для вас недоступен?! Вы же мой советник, руководитель Группы анализа и планирования при председателе правительства!» Я опешил: «Какой-такой советник? Какая Группа анализа? Я вообще впервые об этом слышу».

Дальше разыгрывается такая замечательная театральная сценка. Черномырдин: «Как?! Как это вы не знаете? Вы давно назначены! Петелин!» Входит начальник секретариата Петелин. Черномырдин ему: «Петелин, где распоряжение на Илларионова?» Понятное дело, никакого распоряжения нет, но Петелин, человек бывалый, хорошей такой бюрократической закалки, сразу же смекнул, куда клонит шеф, и говорит: «Да-да, давно уже все сделано!» — «Ну давай его сюда!» Петелин исчезает за дверью, но бумагу, естественно, не несет — ее ж готовить надо.

Вот так без моего согласия 26 апреля 1993 года я был назначен руководителем Группы анализа и планирования при Правительстве России, советником Черномырдина. Такая вот получилась история. Были, как известно, дети лейтенанта Шмидта. А теперь вот появилось дитя референдума 25 апреля 1993 года...

— Понятно. Так закончилась история с Вашими попытками отправиться в Бирмингем. Вместо этого Вы стали советником Черномырдина. И какие же плоды принес этот новый виток Вашего вхождения во власть?

— Ясно, что ни большого понимания со стороны премьера, ни значительного желания следовать моим советам, ни существенной поддержки с его стороны не было. Просто по результатам референдума Черномырдину

надо было сделать какой-то заметный жест. Тогда много говорили, что Черномырдин — фигура временная, переходная, на три месяца — и все, а дальше опять вернется Гайдар. Да и результаты референдума, казалось, убедительно говорили за немедленное возвращение Гайдара. Но Черномырдин, будучи человеком бюрократически опытным, решил обойтись малой кровью, откупиться малой ценой. Вместо возвращения Гайдара на премьерское кресло, вместо назначения какого-нибудь реформаторски настроенного человека на вице-премьерский или министерский пост он назначил себе советника, по определению самостоятельных решений не принимающего. На тот момент он решил, что обыграл Ельцина.

«Ульяновское чудо»

Первые три месяца работы с премьером оказались относительно нормальными. В мае 93-го Черномырдин вернулся из поездки в Ульяновск с сильными впечатлениями и решительными намерениями. Тогда Ульяновская область оставалась заповедником почти нетронутого коммунизма. Региональная власть была в руках местных партийцев, руководителем области оставался бывший первый секретарь обкома КПСС Ю. Горячев. Поскольку цены на продукты там сохранялись регулируемыми и, следовательно, заниженными, у соседей было огромное желание отовариваться именно в Ульяновске. Естественным следствием этого ценового регулирования стало установление милицейских кордонов на дорогах. На шоссе, на железнодорожном транспорте, на пристанях дежурила милиция, ГАИ, проверяли, что везут люди. Естественно, на все продукты с регулируемыми ценами были установлены карточки...

Черномырдину очень понравилось у Горячева и, вернувшись из Ульяновска сильно вдохновленным, он сказал мне: «Готовьте постановление о социальном регулировании. Будем во всей стране делать так же, как в Ульяновске». Тогда я предложил: «Давайте я съезжу посмотрю, как там все устроено, и тогда уж будем смотреть, как распространять, так сказать, ульяновский эксперимент». Он согласился: «Хорошо». И я поехал изучать «ульяновское чудо».

Мне было важно, чтобы там я оказался не один, чтобы со мной поехал кто-то еще, достаточно авторитетный для Черномырдина. С немалым трудом я уговорил Евгения Григорьевича Ясина. Об этом — специальная история, но в другой раз. Как бы то ни было, полетели мы вместе в Ульяновск.

Впечатления, конечно, незабываемые... Встреча местными властями важных персон из Москвы — отдельный рассказ: кормежки, выпивки, приглашения поехать туда, сюда, посмотреть то, посмотреть это... В общем, история, ждущая современных Гоголей и Щедриных. По прилете в аэропорт: «Вы устали — вот тут зал VIP, давайте зайдем, поедим. Вы же проголодались» (перелет до Ульяновска занимает часа полтора — стало быть, завтрак в Москве, завтрак на борту самолета). Я говорю: «Да не проголодались мы. Хочу на улицу пойти, посмотреть». — «Что вы, что вы, ни в коем случае!»

Приехали в областную администрацию, там нас встречают еще радушнее: «Вы устали с дороги, проголодались, надо пообедать. Вот тут рыбка,

балычки, икорка». Надо заметить, все продукты в администрации — без карточек. И тут уже стало ясно, что это не тактика — это стратегия. Поездка-то однодневная, то есть прилетаешь утром, а вечером летишь обратно. Понятно, что у тебя не остается главного — времени: твое время в буквальном смысле попросту *съедается*.

В общем, только часа через три после прилета с немалым трудом нам удалось заняться делами. Провели совещание, «сняли показания» с сотрудников администрации, расспросили, что и как они тут делают. И картина того, что они там вытворяли, стала совершенно очевидной. Я после этого говорю: «Хорошо, я пойду город посмотрю». — «Нет, говорят, сейчас надо поесть». Тут, признаться, мне чуть было не стало плохо. Я стал уже вырываться, они меня — удерживать. Я за моральной поддержкой к Ясину: «Евгений Григорьевич! Пойдемте в город!» А он мне: «Неудобно, люди приглашают, давайте немножко посидим, поедим». Время летит лихорадочно, я понимаю, что нужны решительные меры и говорю: «Ладно, вы тут ешьте, а я пошел». И — ушел.

Конечно, от преследования оторваться мне не удалось, но тем не менее по нескольким магазинам Ульяновска пройти все же смог. Посмотрел, как у них снабжение продуктами организовано. Смотрю: сахара нет, вместо сахара — конфеты-подушечки, кажется, граммов по 400 на человека в месяц выдают. Посмотрел на колбасу, — господи, о такой колбасе я уже не то что стал забывать, я такой, наверное, никогда в жизни не видел — это была вареная колбаса с зелеными кругами внутри... И она лежала в центральном, самом престижном, магазине Ульяновска, ее продавали по карточкам, и жители за нее бились! Когда я увидел все это своими глазами... все же рассказывай не рассказывай, а пока сам не увидишь, не поймешь... Колбаса с зелеными кругами — это сильное зрелище. В Москве в это время уже постепенно наступало колбасно-сырное изобилие, а тут...

Тут решил я гражданок в магазине спросить, мол, как они к карточкам относятся. А они только начинают мне отвечать: «Ой, мила-а-й! Это ж такая ж...», — как взгляд их скользит мне за спину, — а там размещаются четверо молодцев из местной администрации с та-а-акими убедительными выражениями на физиономиях... Тут мои бабушки тон враз меняют и продолжают таким хорошо поставленным голосом: «Ой, у нас все хорошо, у нас все очень-очень хорошо». Ну, собственно говоря, все тут стало ясно...

Уже на вылете в аэропорту ко мне подходит начальник ульяновского авиаотряда и передает письмо для Черномырдина с просьбой посодействовать в приобретении четырех самолетов. Я говорю: «Подождите секундочку, есть традиционная схема запроса средств из бюджета. Есть стандартная процедура — обращайтесь в министерство, там рассмотрят, при чем тут я? Я не имею к этому никакого отношения». — «Не-не-не, вы только передайте Виктору Степановичу». В общем, отказываюсь я, отказываюсь, начальник отряда настаивает, пилот команды на вылет не получает, самолет не взлетает, люди в самолете сидят, ждут. В общем, взял я это письмо, но думаю: Черномырдин такими мелочами заниматься точно не будет — даст команду в аппарат передать, а там и похоронят.

Когда прилетел, доложил Черномырдину обо всем, что, с моей точки зрения, надо бы сделать относительно «ульяновского эксперимента». Сказал

что-то типа: если он, Черномырдин хочет совершить политический суицид, то вернее способ трудно найти — сделать во всей стране так, как в Ульяновске. (Написал я и соответствующий доклад. А кроме того, сделал несколько публикаций про «ульяновский эксперимент» и «ульяновское чудо».) Черномырдин слушал меня, страшно морщился, кривился, но распространять «передовой ульяновский опыт» все же не стал. В итоге идея о распространении в 1993 году на всю страну продуктовых карточек потихонечку умерла.

Заканчивая доклад премьеру, я сказал: «Мне очень неудобно, глупость какая-то... Но тут вручили письмо по самолетам для вас... Я вам сейчас говорю об этом, но, конечно же, не вам этими проблемами заниматься, это ж не та процедура. Я оставлю письмо в аппарате». И пошел было к двери. А Черномырдин тут внезапно и говорит: «Постой-постой, письмо-то давай сюда». Я был просто убит. Как я корил потом себя — вот, совсем наивный, ну просто ребенок! Месяца полтора спустя увидел в официальной рассылке распоряжение правительства о выделении бюджетных средств на эти самые самолеты...

— Андрей Николаевич, но ведь даже и для тех времен это было уже не так удивительно. Хотя факт, конечно, интересный.

— Да, немало было интересного. Так, кстати, и прояснилась серьезность намерений премьера по борьбе с инфляцией.

Ответный удар

В июле 1993-го случилась денежная реформа, организованная руководителем Центрального банка В. В. Геращенко.

Денежная реформа июля 1993 года по обмену старых купюр на купюры нового образца стала одним из мощных экономических и политических ударов по новой власти. Естественно, она не была согласована ни с министром финансов Федоровым, ни с премьером Черномырдиным, ни с президентом Ельциным. Она и не могла быть с ними согласована, поскольку во многом была против них и направлена. Геращенко готовил свою диверсию втайне и совершил ее самостоятельно, прекрасно понимая ее возможные последствия. Это был своего рода «их» ответ на победу Ельцина на апрельском референдуме.

Кроме чисто политических, у Геращенко были и иные резоны для срочного проведения денежной реформы. Дело в том, что, когда в 1993 году Центробанк приступил к постепенной замене старых банкнот на новые, анализ данных по эмиссии новых купюр и изъятию старых показал, что количество официально изъятых из оборота купюр превысило количество официально эмитированных денег на сумму, эквивалентную по господствовавшему тогда валютному курсу сумме примерно в два миллиарда долларов.

Представьте себе: начиная с 1 января 61-го года, т. е. с начала эмиссии денежных купюр предшествующего образца, ежедневно фиксируется статистика эмиссии наличности — за все 1960-е, 1970-е, 1980-е годы... — повторяю: ежедневно, вплоть до 25 июля 1993 года. Выпускаются новые купюры, изымаются ветхие — все аккуратно подсчитывается. И вот, когда

начинается изъятие из оборота всех купюр, выпущенных за 32 года, вдруг выясняется, что их *уже* изъято на два миллиарда долларов больше, чем их было официально эмитировано! И при этом далеко еще не все купюры изъяты, их еще немало в обороте и в России и в странах рублевой зоны.

То есть это означает, что происходила теневая эмиссия банкнот, не зафиксированная официальной статистикой Центрального банка. Как они были распределены, кому переданы — об этом можно только догадываться. Еще раз говорю: это чистые деньги, тут даже приватизации нефтяного или газового фонтанов не надо! Это самые настоящие, не фальшивые, реальные деньги, и на эти деньги можно купить все, что угодно, — дачи, землю, предприятия, заводы, ту же самую нефть, золото. Их можно вложить во что угодно, можно обменять на доллары, можно положить в банки здесь и за рубежом. Их можно инвестировать в политику. Два миллиарда долларов... По уровню тех цен — это огромные деньги: весь российский ВВП в предшествовавшем 1992 году составлял около девяноста миллиардов долларов. Два процента от национального ВВП — это лишь только то, что успели оценить. А сколько еще не успели, так и осталось неизвестным...

Когда в июне 1993 года Геращенко был приглашен в Верховный Совет для отчета, второй, кажется, вопрос, заданный ему кем-то из депутатов, так и прозвучал: «Как это у вас получается, что из наличного оборота изъято купюр больше, чем официально было эмитировано Центробанком?» Геращенко то ли закашлялся, то ли засморкался, то ли пот со лба платочком стал вытирать. Обсуждение его выступления только начиналось, и ожидалось, что депутаты зададут Геращенко десятка два или три вопросов. Но Руслан Имранович Хасбулатов, умнейший, надо сказать, человек, тут же все понял и немедленно заявил: «Спасибо большое, Виктор Владимирович, садитесь на место, мы заканчиваем обсуждение».

— И что — никто и не пикнул?..

— Да нет — обсуждение, понятно, не состоялось. А Центральный банк совершенно случайно, конечно, с этого момента статистику о банкнотах, изъятых из оборота, перестал публиковать. С тех пор ЦБ больше уже никогда не публиковал этих данных.

Центробанк под руководством Геращенко активно участвовал в финансировании рублевой зоны, то есть в безвозмездной передаче средств дружественным режимам за пределами России. Размеры субсидирования в наличной и безналичной форме Узбекистану, Таджикистану, Туркменистану, Казахстану, Азербайджану составляли совершенно фантастические цифры — до 20–30% ВВП этих стран. Нельзя исключить, что часть этих средств, возможно даже бóльшая, возвратилась в Россию. Правда, уже как частные средства и уже «правильным» людям. Масштаб операций, осуществлявшихся тогда, по-видимому, не имеет аналогов даже в фантастической истории нашей страны.

— Ну как ж?! У нас уже светлейший Меншиков воровал — дальше некуда.

— Да что Вы! Меншиков по сравнению с ними — просто ребенок! Во времена Меншикова все казенные расходы не превышали и 5% ВВП. И Меншиков мог присвоить себе вряд ли больше сотой доли от казенных расходов — то есть просто крохи по нынешним масштабам. А в наше время хищения приобрели совсем другой размах... Только в 1992 году и только так называемые *кредиты* странам рублевой зоны составили 8% ВВП. А это чистое, ну просто незамутненное присвоение национального богатства. Куда уж тут Меншикову!

Моя попытка объяснить Черномырдину, к каким катастрофическим последствиям ведет денежная реформа для страны и лично для него, успехом не увенчалась. Пообещав мне «решить проблему» Геращенко, Черномырдин ничего делать не стал. У него были свои соображения...

Геращенко

Денежную реформу Виктор Владимирович Геращенко сделал не по неведению. Высококлассный сотрудник спецслужб с более чем сорокалетним стажем, он сыграл исключительную роль в истории нашей страны. После начала карьеры в Госбанке СССР и Внешторгбанке СССР в течение трех лет он был руководителем Московского народного банка в Лондоне. Затем пять лет — руководителем Московского народного банка в Бейруте. После двухлетнего перерыва в Москве он был отправлен на Дальний Восток — руководителем управления Московского народного банка в Сингапуре. Можно представить, чем занимались и что финансировали совзагранбанки в то время...

По возвращении в Москву Геращенко быстро поднялся по ступенькам руководства Внешэкономбанка СССР, а затем возглавил Госбанк СССР. На этом посту он стал организатором и исполнителем денежной реформы 1991 года, лишь по традиции (и явной ошибке) именуемой «павловской». Просто В. С. Павлов, будучи, очевидно, менее опытным, чем Геращенко, слишком много говорил о ней, в то время как истинный организатор крупнейшей позднесоветской экономической аферы остался в тени. Наконец, исчезновение в 1991 году валютных резервов Госбанка СССР тоже вряд ли могло произойти без участия его руководителя. Вместе с ликвидацией СССР был ликвидирован и Госбанк СССР, а Геращенко ушел в негосударственный сектор. Однако оставался он там недолго.

В июне 1992 года встал вопрос о замене руководителя Банка России Матюхина, который, как считал тогда Гайдар, не соответствовал новым требованиям. Казалось, кадровое решение было предрешено. Очевидным кандидатом выглядел Борис Федоров — молодой, грамотный, энергичный экономист, имевший, несмотря на свой возраст, серьезный практический и политический опыт. Он рано стал союзником Б. Ельцина, в первом Российском правительстве 1990 года был министром финансов, а затем, в 1991—1992 годах, работал российским представителем в Европейском банке реконструкции и развития. Федоров не скрывал своей заинтересованности в том, чтобы стать руководителем Центробанка.

Описать масштабы шока от указа Ельцина, тем не менее назначившего председателем Центробанка России Виктора Геращенко, я не берусь. Это

примерно то же самое, как если бы руководителем бундесбанка в 1946 году был бы назначен Яльмар Шахт, бывший президентом рейхсбанка при Гитлере. Как выяснилось, Ельцин инициативы по назначению Геращенко не проявлял (что в общем-то было вполне ожидаемо), все полномочия по кадровым вопросам в экономической сфере он отдал Гайдару. Именно по рекомендации Гайдара на ключевой пост по осуществлению денежной и финансовой политики — руководителя национального банка — был назначен не Борис Федоров, а Виктор Геращенко — убежденный коммунист, сотрудник спецслужб с солидным стажем, организатор денежной реформы 1991 года, один из ключевых авторов советской экономической катастрофы 91-го — начала 92-го года, один из авторов банкротства СССР, Внешэкономбанка СССР, исчезновения советских валютных резервов.

На новом старом посту Виктор Геращенко не стал терять времени. Получив вновь в руки такой мощный и эффективный ресурс, как Центральный банк, он сделал все возможное для того, чтобы поддержать развязанную правительством Гайдара инфляцию. В отличие от Гайдара, он, очевидно, лучше помнил слова Дж. М. Кейнса о том, что инфляция — самое эффективное средство по свержению правительства. И пользовался он этим инструментом, надо сказать, весьма умело.

Темпы прироста денежной массы, достигшие в июне 1992 года 25% в месяц, в течение четырех последующих месяцев уже не опускались ниже этого уровня. Но темпы инфляции были еще относительно невысокими — в июле они составили около 8%. Тогда в августе 1992 года Геращенко произвел долговой взаимозачет, неожиданно поддержанный Чубайсом, в результате которого в экономику влилась огромная сумма денег. Вследствие всего этого с сентября 1992 года ежемесячные темпы инфляции вышли на уровень 25% в месяц и в последующие восемь месяцев уже не опускались ниже 20%. Развязанная правительством Гайдара и поддержанная Геращенко инфляционная волна смела и самого Гайдара, и его правительство.

— А имело ли смысл спасать такое правительство?

— Гайдаровское правительство было далеким от совершенства, количество совершенных им ошибок было велико. Тем не менее в нем было немало людей, включая и самого Гайдара, кто не только понимал необходимость реформ, но и пытался их проводить. В отличие от тех, кто был уволен или ушел сам, А.Чубайс в правительстве остался.

Поддерживая инфляцию и подрывая политический ресурс гайдаровского правительства, Геращенко работал все же ради достижения своей главной цели — свержения Ельцина. Для Геращенко, его друзей и коллег Ельцин был абсолютным врагом. Они ненавидели Ельцина за все, что тот успел сделать, — за победу над КПСС, за «развал» СССР, за отлучение от власти спецслужб. Этой своей искренней, глубокой, всеохватывающей ненависти Геращенко никогда не скрывал, работая против Ельцина тщательно, неустанно и вдохновенно. (Должен сказать, забегая вперед, что после смерти Ельцина в апреле 2007 года Геращенко, как мне кажется, как-то потерял кураж.)

А потом наступил октябрь 93-го года. Ельцин выпустил указ 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», прекращающий деятельность Верховного Совета и Съезда народных депутатов. Но Геращенко успел все же поучаствовать в финансировании оппозиции: свежеотпечатанная наличность на нескольких грузовиках успела доехать до Белого дома и была роздана белодомовским формированиям.

Федоров

Когда Геращенко проводил денежную реформу, министром финансов был Борис Григорьевич Федоров. Финансовая стабилизация — борьба за снижение инфляции была одной из главных тем 1993 года. Роль Федорова в приближении финансовой стабилизации в стране трудно переоценить. За первые полгода 1993 года он смог сделать невероятно много — сокращение государственных расходов, снижение субсидий, уменьшение масштабов коррупции, повышение процентной ставки. И тут — денежная реформа! Это был такой удар по всему, что им делалось! Причем с практически нескрываемым расчетом на соответствующие политические последствия.

В день объявления денежной реформы Федорова не было в Москве — он был в отпуске. Узнав о реформе, он гнал машину несколько сот миль до ближайшего аэропорта, чтобы первым же самолетом прилететь в Москву. Прилетев, он тут же созвал пресс-конференцию, которую при небывалом стечении журналистов начал с простой и емкой фразы: «Виновным в денежной реформе является только и исключительно Виктор Владимирович Геращенко! — Потом подождал немного и продолжил: — Для тех, кто не услышал, повторяю еще раз: Виктор Владимирович Геращенко! — Выждал паузу и еще раз: — Для тех, кто не расслышал или не понял, повторяю *еще* раз: Виктор Владимирович Геращенко!»

За тот год, что Борис Федоров был министром финансов, против него работали практически все — Геращенко, отраслевые министры, Черномырдин, Верховный Совет; фактически не было большой поддержки и со стороны Ельцина. С возвращением в правительство на пост первого вице-премьера в сентябре 1993 года против Федорова начал работать и Гайдар. То, что Федорову удалось сделать, вообще-то немыслимо не только для одного человека, но и для правительства, пользующегося значительной политической поддержкой. Но он смог это сделать практически в одиночку.

После октябрьских событий — штурма и расстрела Белого дома — политическая ситуация значительно изменилась. Борис Федоров смог использовать ее, и в октябре — декабре 1993 года ему удалось продолжить радикальное сокращение бюджетных субсидий и ликвидацию излишних государственных расходов. За 1993 год Федоров сделал совершенно невероятную вещь: сократив государственные расходы на 22% ВВП за один год, он практически полностью ликвидировал чудовищный развал государственных финансов, спровоцированный крахом СССР в 1991 году и усугубленный Гайдаром в 1992 году. Бюджетный дефицит был сокращен до 10% ВВП, выйдя, таким образом, на догайдаровский и даже допавловский уровень.

Темпы денежной эмиссии стали медленно снижаться, а за ними — с постепенно увеличивавшимся лагом — и темпы инфляции. В декабре 1993 года инфляция упала до 13%. После январского скачка в 18% в феврале 2004 года она опустилась до 11% в месяц. В течение почти всего следующего года она уже не выходили за десятипроцентную отметку. Но для Федорова это было уже поздно — он смог увидеть плоды трудов своих только со стороны — 20 января 2004 года он был вынужден уйти в отставку.

Дело в том, что в декабре 1993-го прошли выборы в Государственную думу, на которых с огромным перевесом победила ЛДПР Жириновского. На «встрече нового политического года», транслировавшегося по телевидению, прозвучали ставшие знаменитыми слова: «*Россия, ты одурела*». Воспользовавшись новой политической ситуацией, Черномырдин развернул полномасштабное бюрократическое наступление: 5 января 2004 года в отставку ушел Гайдар, 20 января — Федоров, 8 февраля в отставку ушел и я.

Геращенко остался в Центробанке еще на 9 месяцев — чтобы успеть нанести еще один удар по Ельцину, организовав не без помощи А. Чубайса «черный вторник» 11 октября 1994 года — падение за одну торговую сессию курса рубля более чем на 30%. Однако, похоже, запас терпения Ельцина к тому времени иссяк, защищать Геращенко в правительстве было больше некому, и Геращенко был уволен из Центробанка. Однако, как показали дальнейшие события, история его борьбы против Ельцина на этом не закончилась.

Отставка

Восьмого февраля 1994 года я ушел из правительства. За предыдущие полгода мы с Виктором Степановичем Черномырдиным встречались всего трижды — сразу же после денежной реформы 26 июля 1993 года, в ночь перед штурмом Белого дома с 3 на 4 октября 1993 года, в ночь после парламентских выборов 13 декабря 1993 года. Только в кризисных ситуациях у премьера обнаруживались время и желание общаться со своим советником. В мирной, спокойной ситуации времени у него для этого не было.

Как-то раз мне надо было срочно обсудить с ним какой-то вопрос по экономической политике. Неоднократные мои попытки получить аудиенцию наталкивались на глухую стену сопротивления сотрудников приемной. Тогда, не полностью исключая обычные бюрократические интриги, я решил поставить эксперимент — дай, думаю, подожду встречи непосредственно в приемной. Дай, думаю, проверим, сколько времени советнику премьера нужно подождать в приемной, чтобы встретиться со своим непосредственным начальником для обсуждения срочного вопроса. Я рассуждал так: во-первых, если я буду сидеть в приемной, Черномырдину не смогут не сообщить, кто его ждет; во-вторых, он сам может выйти в приемную и увидеть меня. А увидев, не сможет не спросить, в чем причина моего появления здесь. Узнав же, в чем причина, он не сможет отказаться от обсуждения проблемы.

И каким же наивным я продолжал оставаться после почти двух лет работы в бюрократическом аппарате! В приемной я провел около пяти часов.

Тысячу раз говорил себе: все, больше не могу, надо уходить, оставаться в приемной и видеть все, что там происходит, совершенно невозможно. Но внутренний голос все же твердил: давай все-таки эксперимент доведем до конца. В кабинет входили и из него выходили десятки человек — большинство людей мне незнакомых, то есть это были и не министры, не сотрудники аппарата правительства. Многие явно выглядели приезжими. Заносили свертки, коробки, какие-то пакеты. Несколько раз выходил Черномырдин. Увидев меня, сказал только: «Потом». И вправду — мои дела (то есть вопросы экономической политики) были в тот момент для премьера гораздо менее срочными и несопоставимо менее важными.

В тот момент к премьеру приехала группа товарищей с Ижевского оружейного завода и привезла Черномырдину большую коллекцию охотничьего и спортивного оружия. Для осмотра и отбора приглянувшихся экземпляров Черномырдин проследовал в соседнюю комнату, и часа два оттуда раздавались шум, хохот, звон посуды... В общем, в тот раз встреча с премьером так и не состоялась. Не состоялась она ни на следующий день, ни в последующие недели и месяцы. Государственные дела, очевидно, не пускали.

— Но три-то раза он Вас все-таки принял?..

— Да, и каждая из трех встреч, происходивших в кризисные моменты российской истории, памятна по-особому. Каждая из них давала новые подтверждения тому, что события, происходящие в политической и экономической жизни страны, мы оцениваем весьма по-разному. Порой обмен мнениями между нами был достаточно эмоциональным. На каждой из этих встреч речь заходила в том числе и о Геращенко, и о его бесценном вкладе в дестабилизацию положения в стране. И каждый раз было видно, что вот именно это Черномырдина совершенно не интересует.

В общем, делать в правительстве Черномырдина мне было нечего. Никакого спроса на советы не было. Никакого интереса в проведении разумной экономической политики не было. Тягомотное состояние стало быстро проясняться после декабрьских парламентских выборов, на которых наибольшее количество голосов получила ЛДПР (23%). Хотя «Выбор России» во главе с действовавшими в правительстве вице-премьерами и министрами Гайдаром, Федоровым, Чубайсом (15% голосов), ПРЕС во главе с Шахраем (4%) и другие центристские партии набирали достаточное количество голосов для того, чтобы сформировать проправительственную коалицию в парламенте с большинством голосов, Черномырдину это явно было не нужно. Резко отмежевавшись от коллег по кабинету, Черномырдин заявил сразу же: «Кто у нас там победил? Жириновский? Вот с ним и будем работать».

Под бюрократическим давлением 5 января 1994 года с поста первого вице-премьера ушел Гайдар, 20 января — с поста вице-премьера и министра финансов — Федоров. 6 февраля подал заявление об отставке и я. Виктор Степанович решил сделать мне на память что-нибудь приятное, и через два дня в моей трудовой книжке появилась запись: «*Уволен за нарушение трудовой дисциплины*».

Институт

Надо было решать, что делать дальше. В принципе больших сомнений не было: надо ехать учиться. И я вновь стал собираться в Англию. Но учебный год начинается в сентябре, и приходилось ждать еще больше полугода. Было обидно за потерянное время. Были пропущены уже три года — 1991, 1992, 1993-й. Я решил больше времени не терять и начал оформлять документы на 1994 год.

Но тут появился Джеффри Сакс. Сакс был профессором Гарварда и весьма активным консультантом по проведению экономических реформ во многих странах мира — от Боливии до Польши. В декабре 1991 года наряду с четырьмя другими зарубежными экономистами он в течение часа встречался с Б. Ельциным, что позволило ему впоследствии в течение ряда лет утверждать, что он является советником российского президента.

Сакс со своими студентами и аспирантами оказал существенную помощь в экономическом образовании российских чиновников на раннем этапе проведения реформ. Одной из организаций, созданных с его помощью для анализа текущей ситуации и подготовки экономических решений, была Группа макроэкономического и финансового анализа, работавшая при Минфине. После ухода Б. Федорова из правительства группа потеряла заказчика, сотрудники начали ее покидать. Сакс, бывший научным координатором группы, предложил мне ее возглавить.

Я подумал и ответил: «Группу при Минфине возглавлять не буду. Надо создавать институт. Независимый институт, который будет заниматься экономическим анализом. Сотрудники, работающие в группе, могут прийти в него». Он подумал и говорит: «Интересно». В общем, с помощью Сакса, существенно помогшего в организации и получении первых денег, в июле 1994 года был создан Институт экономического анализа. Мы начали работать, сделали несколько неплохих публикаций.

Через год Саксу не понравилось направление научных исследований, и он решил заменить директора института на другого человека — Михаила Дмитриева, приглашенного мною ранее на пост моего заместителя. Сакс поставил условие: раз он обеспечил финансирование, значит, он и будет командовать. Михаил проявил в этом деле большую заинтересованность и активность. Так как по Уставу назначение директора находится в ведении наблюдательного совета института, я ответил: «Как решит наблюдательный совет, так и будет». Сакс стал шантажировать: «Если не будет назначен Дмитриев, фонд Форда потребует возвращения денег». — «На каком основании?», — спрашиваю. «А потому что я так считаю правильным». И действительно, фонд Форда написал мне, что я должен уйти с поста, иначе они заберут деньги. Тут же они прислали и своего представителя — наблюдать за процессом.

На внеочередное заседание собрался наблюдательный совет института. Накануне Чубайс, бывший также членом наблюдательного совета, разослал всем коллегам письмо, в котором заявил, что политика ликвидации бюджетного дефицита, рекомендуемая мной, является коммунистической и фашистской. Коллеги ознакомились с ситуацией. Поинтересовались, что я собира-

юсь делать. Я сказал, что полагаю важным, чтобы институт продолжал работать, чтобы институт был российским, что к пожеланиям наших зарубежных коллег отношусь хорошо, к шантажу — плохо. Проголосовали по кадровому вопросу. За исключением Чубайса коллеги единодушно проголосовали за сохранение на посту прежнего директора.

Фонд Форда потребовал возвращения выделенного на два года гранта. Институт вернул ему все неиспользованные к тому времени деньги. Возвращенных денег было немногим меньше миллиона долларов. Так прекратились наши отношения с Саксом и фондом Форда. Когда это произошло, сотрудники фонда Форда были в шоке — ни в истории этого фонда, ни в истории других подобного рода фондов не было случая, чтобы организация, получившая деньги, по каким бы то ни было причинам возвращала их обратно.

А дальше началась наша самостоятельная жизнь. Честно говоря, она была очень непростой. С деньгами было трудно. В течение какого-то времени институт жил на мои собственные средства. Через некоторое время у меня закончились мои деньги, и месяца два или три мы жили вообще без денег, на одном доверии: я прошу — люди делают.

— Это какой год — 95-й?

— Это был уже 1996 год. В какой-то момент сотрудники стали говорить: «Мы тебя уважаем, работать интересно, но семьи кормить тоже надо»... Я попросил еще месяц подождать. К этому времени удалось найти деньги, сначала — небольшие, потом — побольше. Через какое-то время финансирование более или менее нормализовалось. Потом постепенно выплатили людям задолженность по зарплате...

Основной работой института были комментарии по текущей экономической политике. Выпустили три книги. В 1997–1998 годах институт стал практически единственным публичным голосом в России, предупреждавшим страну о неизбежности валютного кризиса. Развязка наступила в августе 1998 года.

В августе 1998-го

До 10 часов утра 17 августа 1998 года, когда на экранах российских телевизоров со словами «об изменении границ валютного коридора» появились премьер-министр Сергей Кириенко и глава Центрального банка Сергей Дубинин, слова «девальвация» официальные комментаторы старались избегать. Но поскольку страна была тогда еще достаточно демократической, некоторые граждане все же позволяли себе такую смелость.

То, что Россия не избежит финансового кризиса, стало ясно осенью 1997 года. Развитие валютных кризисов в азиатских странах показало, что в России есть похожие условия, но, кроме того, есть и кое-что еще, чего в азиатских странах не было. За зиму 1997–1998 года ситуация заметно ухудшилась. Процентные ставки по обслуживанию государственного долга постоянно росли, достигая совершенно невероятных величин — 50–60% годовых при 10% инфляции. Реальная ставка в 40% годовых — может ли быть

аргумент, более убедительно свидетельствующий о тяжелом нездоровье финансов? Однако для тех, кто занимался инсайдерской игрой с государственными облигациями с гарантированной ставкой получения дохода, такая ситуация была просто сказочной.

Двадцать третьего марта 1998 года Б. Ельцин отправил в отставку правительство Черномырдина и предложил на пост премьера Сергея Кириенко. Ему рекомендовали меня в качестве кандидата в экономические советники, и в тот же день мы встретились в Белом доме.

В качестве первого шага на посту премьера я предложил Кириенко девальвировать рубль. «Рубль будет девальвирован, — говорил ему я, — рано или поздно. И это бесспорно. Что подлежит обсуждению — сроки, когда он будет девальвирован. И масштабы. Если девальвацию отложить, то она все равно состоится. Но только глубина ее будет больше. А политические последствия — серьезнее. Сергей Владиленович, — убеждал я, — у вас сейчас есть исторический шанс. Если вы девальвируете рубль сразу, как станете премьером, аккуратно и без паники, то вы не только спасете страну, но и не несете политической ответственности за это. Все же понимают, что в создании нынешней экономической ситуации, при которой девальвация стала неизбежной, виноваты не вы, а политика предыдущего кабинета. Девальвация никоим образом не бросает тени лично на вас — вы лишь разгребаете завалы, оставленные вашим предшественником. Но если вы не проведете девальвацию немедленно и отложите ее, если вы ее проведете хотя бы через полгода, то это несомненно будет уже ваша вина, и в качестве платы за нее в отставку уйдете и вы и ваше правительство. Если вы не хотите быть сметены грядущим кризисом, делайте девальвацию немедленно». Мы разговаривали с Кириенко примерно час, и, казалось, он явно стал проникаться пониманием ситуации.

Тут приехали Гайдар с Чубайсом и, прямо скажем, сильно не обрадовались, увидав меня. Они потребовали разговора с Кириенко наедине. Цель их разговора была очевидной, да и подтверждения долго ждать не пришлось: Кириенко так и не решился на контролируемую девальвацию. Его советником я тоже не стал.

— Что же такое наговорили они премьеру?

— Не знаю, но думаю, они объясняли Кириенко, что никакой девальвации проводить не надо, что ее не будет, что необходимые средства для стабилизации финансовой ситуации будут получены в МВФ. Как известно, многое потом так и получилось. Правда, не все. После утверждения Кириенко премьером и в результате олигархического лоббирования Чубайс был назначен специальным полномочным представителем Российского правительства по переговорам с международными организациями. В конце июня 1998 года он действительно договорился со Стенли Фишером, первым заместителем МВФ, о получении кредитного пакета размером в 24 млрд долларов.

Первые 4,8 млрд долларов поступили в Россию в начале июля 1998 года. Как выяснилось, впервые за всю историю взаимоотношений МВФ с Россией (да и, кажется, с большинством других стран-реципиентов) эти сред-

ства были переданы не в Минфин, а в Центральный банк. Спросите — какая разница?

— ***Спросим...***

— Большая. Партнерами МВФ являются правительства, представителями которых являются министерства финансов. Центральные банки не являются представителями национальных правительств, они имеют специальный статус, по закону независимы от национальных правительств, не обязаны выполнять правительственные поручения и не несут ответственности по правительственным обязательствам. Таким образом, представитель Российского правительства договорился о передаче со стороны МВФ средств Центробанку, строго говоря, перед Российским правительством не отвечающему. Причем это было сделано в разгар финансового кризиса, когда у Российского правительства не хватало средств для обслуживания своего собственного долга! Спрашивается: для кого и на кого работал этот полномочный представитель Российского правительства?

Ситуация становится еще более невероятной, когда выясняется, что полученные средства Центробанк под руководством Дубинина не использовал для интервенций на валютном рынке, чтобы сдерживать атаки на рубль. Спрашивается: а на что же пошли средства? Оказывается, государственные средства (средства МВФ, полученные путем увеличения российского государственного долга) были розданы некоторым крупным российским банкам для того, чтобы закрыть провалы в их балансах. Иными словами, за счет средств российского государства Чубайс с Дубининым просубсидировали самых «слабых» и «нищих» в России — своих друзей-олигархов.

Из первого транша в 4,8 млрд долларов именно такой оказалась судьба 3,8 млрд. В конечном счете попал в Минфин лишь один, последний, миллиард долларов — да и то только в августе. И произошло это вовсе не потому, что спохватилось Российское правительство. Нет, спохватился Стенли Фишер, сорванный из своего отпуска где-то на Карибах, прилетевший в начале августа в пустую Москву и буквально в ультимативном порядке потребовавший передачи этого миллиарда от Центробанка в Минфин. Спохватился Джордж Сорос, опубликовавший в «Файненшел Таймс» статью, в которой только что не кричал, что Россия летит в тартарары и ее надо спасать, формируя дополнительный кредитный пакет, на первых порах хотя бы в размере еще 15 млрд долларов. О России в том августе беспокоились лишь Джордж Сорос и Стенли Фишер. Именно они бросились разыскивать российское руководство в августе 1998 года.

Но это было непросто. Чубайс в это время отдыхал, кажется, в Ирландии, Гайдара в Москве не было, министра финансов Задорнова к решениям не допускали. Дубинин сопротивлялся изо всех сил, пытаясь не отдавать Минфину МВФовский миллиард.

Мои призывы к Кириенко провести контролируемую девальвацию были связаны прежде всего с тем, чтобы минимизировать ее неизбежный экономический ущерб для людей. Но не только с этим. Кроме этого, я имел в виду и минимизацию ожидавшегося политического ущерба. В том числе пу-

тем спасения правительства. Надо прямо сказать, правительство Кириенко было малокомпетентным. Однако последствия смены этого правительства в результате девальвации могли быть неприятными не только для членов правительства.

Что в принципе могло произойти в условиях неконтролируемой девальвации национальной валюты, только что продемонстрировал пример Индонезии, в которой обвал рупии сопровождался падением в мае 1998 года правительства и свержением президента Сухарто. В Джакарте начались нападения на предпринимателей, банки, магазины, рестораны; пошли грабежи, поджоги и, наконец, резня, в которой погибло более трех тысяч человек. О том, что могло произойти в России в случае повторения в какой-либо степени индонезийского сценария, не хотелось даже думать. То, что судьба правительства и руководства Центробанка предрешена, было совершенно ясно. Честно говоря, и большого сочувствия они не вызывали. Серьезные опасения вызывали последствия возможного свержения Ельцина.

За пять лет октябрьские события 1993 года не забылись, красно-коричневый реванш в случае неизбежного политического кризиса обещал стране хорошую кровавую баню. А по известному российскому опыту, на трех тысячах жертв, как в Джакарте, могли и не остановиться. Тут уж никому бы мало не показалось. И кто какую роль играл или не играл — большого значения уже не имело бы.

— Да уж, тогда бы и Вас не обошли: а ты-то куда глядел? Почему страну не спас?

— В те весенние и летние месяцы я безуспешно пытался убедить в необходимости срочных действий и правительство и сотрудников МВФ. Не раз обсуждал проблему со Стенли Фишером, одним из авторов концепции финансовой стабилизации с помощью фиксации валютного курса, одного из вдохновителей политики «валютного коридора» в России в 1995–1998 годах, приведшей к краху 17 августа. Попытки в течение четырех лет объяснить порочность политики «валютного коридора», поддерживавшейся фондом, оказались тщетными.

В начале июня 1998 года, оказавшись на семинаре в Киеве, организованном Мировым банком, пытался убедить в принятии срочных мер Джона Одлинга-Сми, руководителя Второго Европейского департамента МВФ, занимавшегося Россией. Если не считать Фишера, Одлинг-Сми был фактически главным человеком МВФ по России, формировавшим и формулировавшим позицию фонда относительно нашей страны. В споре о возможной девальвации наши позиции оказались противоположными. Я говорю: «У нас будет девальвация». Одлинг: «Нет, девальвации не будет». Я снова: «Джон, будет девальвация». Он: «Нет, не будет». Я ему тогда: «Давайте поспорим. Я не могу назвать точной даты, но до конца 1998 года кризис точно произойдет. Причем чем дольше он откладывается, тем более глубоким будет». Мы поспорили — на ящик коньяка. После кризиса Джон сделал вид, что спора не было.

А вот Стенли Фишер свою ошибку постарался исправить. В апреле следующего, 1999 года, выступая на весеннем заседании членов совета дирек-

торов МВФ, он мягко признал непригодность своей собственной концепции, МВФ снял соответствующий пункт из пакета своих рекомендаций и больше к нему не возвращался.

Я продолжал говорить, что девальвация неизбежна. И возникало такое странное ощущение: пытаешься что-то сделать, объяснить властям предержащим, как спасти страну, как спасти даже правительство это, и — ничего, никакого результата. Правда, недели через две после того, как меня попросили рассказать о кризисе в президентской администрации, один из знакомых банкиров сказал мне: «А вы знаете, что сделали такой-то, такой-то и такой-то? — и называет фамилии участников той встречи со мной в администрации. — Они, — говорит, — все свои рублевые сбережения перевели в доллары». Вот как! То есть и стране и мне они говорили, что девальвации не будет, что они не допустят ее. А сами, лично, в это же самое время к ней очень хорошо готовились!

— То есть на всякий случай они к Вам все-таки прислушались?

— Получается, что да. Для себя! Гайдар, помнится, тоже просил меня: только журналистам об этом не говори! Но как только я узнал, что эти деятели по-тихому свои средства в доллары переводят, сказал: «Нет! Вот теперь я точно буду говорить об этом как можно громче и везде, где только возможно, — чтобы услышало как можно больше людей!»

— Вы говорите, что Гайдар просил Вас не говорить журналистам об угрозе дефолта?..

— История была такой. Это было 25 июня 1998 года на заседании клуба «Взаимодействие». Клуб «Взаимодействие» был создан Гайдаром и Чубайсом в 1992 году для развития отношений между реформаторским правительством и российской бизнес-элитой, журналистами, аналитиками. Его членами было немало очень достойных людей, президентом-организатором был Михаил Матыцин. Клуб регулярно — примерно раз в месяц — проводил встречи с кем-то из представителей власти. Поскольку летом 1998 года в воздухе явно носилось ощущение чего-то надвигающегося (правда, про катастрофу не говорили), то на заседание клуба был приглашен Гайдар, чтобы рассказать правду о том, что происходит, и дать ответ на вопрос, будет ли кризис или нет. На заседании был аншлаг — пришло, наверное, человек 150 — сливки либеральной общественности, бизнеса, журналистики.

Гайдар выступал в течение минут сорока, сказав примерно следующее: да, ситуация не совсем простая, но кризиса не будет. Мы все держим под контролем, инфляция снижается, вот сейчас Чубайс съездил в МВФ, получил большой кредит, так что все в порядке, не беспокойтесь. Переживем. Трудно было не поверить Гайдару. Не то чтобы полностью исчезли все сомнения, но уровень напряженности стал постепенно снижаться.

Вторым в прениях слово дали мне. Хотя по регламенту надо было задавать вопрос, вместо него я сделал небольшое собственное выступление — такой содоклад минут на пятнадцать — двадцать. Я сказал, что слова Гай-

дара не соответствуют действительности. Ни один из факторов, названных им и якобы препятствующих кризису, не работает. Зато работают другие факторы, о которых он ничего не сказал. Кредиты МВФ не помогут, в лучшем случае оттянут начало кризиса, но увеличат его масштаб. Будет кризис. Будет девальвация рубля. Хотя точные сроки предсказать невозможно, но кризис произойдет до конца 1998 года. Если, говорю, девальвацию проводить в июле, то курс рубля упадет раза в два с половиной — рублей до 15 за доллар (в июне курс был чуть больше 6 рублей за доллар). Если оттягивать девальвацию, то курс может упасть вчетверо — до 24–25 рублей за доллар. В то время как экономические последствия девальвации будут обещающими — возрастет экспорт, улучшится платежный баланс, возрастет занятость, упадет безработица, начнется экономический рост, политические ее последствия могут оказаться очень тяжелыми. Гайдар не стал дожидаться завершения моего выступления, собрал свои бумаги и ушел.

На следующий день, 26 июня, у меня была встреча в отеле «Балчуг». У моего визави зазвонил мобильный телефон (у меня мобильного телефона тогда не было, он был еще достаточно редкой и весьма дорогой вещью. По крайней мере, для меня). Такое бывает, наверное, в фильмах, подумалось мне, потому что оказалось, что по телефону моего собеседника спрашивали меня. Как? Каким образом? Кто узнал, с кем я встречаюсь? И где нашли номер телефона? Ничего особенного не придумав, я взял трубку. В трубке я услышал голос Гайдара: «Андрей, ты знаешь, я тебя мало о чем просил. У меня к тебе есть просьба». Я сказал: «Да, я слушаю тебя» — «Я тебя прошу: все, что ты рассказывал вчера на клубе, не говори, пожалуйста, журналистам». Я был потрясен: «Почему?» — «Ну, знаешь, бывают вещи, которые говорить публично нельзя». Я говорю: «Я таких вещей не знаю». Он повторяет: «Ты знаешь, я тебя мало о чем просил. А сейчас я действительно прошу: не говори, пожалуйста, ничего об этом журналистам». Тогда я ему сказал: «Знаешь, Егор, я не могу выполнить твою просьбу. Я считаю, что то, что происходит сейчас в экономике и финансах, не просто важно, а чрезвычайно важно, жизненно важно. Для всей страны. И я просто обязан об этом говорить. Это первое, почему я не могу выполнить твою просьбу. А второе — твоя просьба запоздала. Я уже рассказал все это журналистам».

Это было сущей правдой, потому что утром того же дня у меня прошла пресс-конференция, на которой я довольно подробно рассказывал о природе надвигающегося кризиса, о его механизме, о сроках и возможных масштабах девальвации. Поскольку заседание клуба было закрытым, то, по сути, я повторял свое выступление на клубе. О том, что утром прошла пресс-конференция, Гайдар не знал. Тогда он сказал: «А-а, ну тогда ладно».

На следующий день в газетах был короткий рассказ о моем прогнозе с детальными комментариями со стороны представителей власти, что никакой девальвации не будет.

В начале июля я оказался на встрече Чубайса с «его командой». Там собралось человек тридцать-сорок, относившихся к его группе, обсуждали текущую экономическую и политическую ситуацию. Дошла очередь до меня, я говорю Чубайсу: «Слушай, какие бы ни были отношения лично между нами, но кризис, который предстоит, сметет всех. Он сметет всех — и тебя

тоже. И если кого вешать будут, то тебя не забудут. Если о стране не хочешь позаботиться, о себе подумай». Он выслушал и ответил мне примерно вот так: «Сейчас мы («команда». — *А. И.*) как никогда сильны. У нас — более половины правительства. Мы полностью держим страну в своих руках. И те, кто говорит о всяких кризисах и девальвациях, несут полную чушь». Я тогда сказал что-то примерно такое: «Гляжу я на вас и изумляюсь: пройдет всего лишь несколько недель или несколько месяцев, и ни вас здесь, ни вашей половины правительства не будет — ни в правительстве, а, возможно, и нигде». Ну, они там посмеялись, похихикали и разошлись...

Июль 1998 года проходил в таких вот интересных дискуссиях. А 2 августа председатель Центробанка Дубинин собрал в Белом доме пресс-конференцию для российских и иностранных журналистов по поводу ситуации на рынках. Слова «кризис» старались избегать, но ставки по госдолгу уже подскочили до астрономических 160%, каждый новый выпуск ГКО сопровождался горячими обсуждениями — сможет ли правительство профинансировать его обслуживание или нет?

Поскольку память об азиатском кризисе была свежей, пресса волновались: будет ли в России продолжение — или не будет? На конференцию пришло свыше трехсот человек. В большом зале для встреч с журналистами на Краснопресненской набережной выступил Дубинин, сказавший, что все в порядке, ситуация под контролем и никакого кризиса не будет. Кто-то из журналистов спросил его: «А как же, вот Илларионов говорит, что будет девальвация». И тогда Дубинин ответил: «Господин Илларионов лжет. Он нарочно пытается обрушить рубль для того, чтобы его жена, работающая в инвестиционном банке, смогла заработать на падении российской валюты на Чикагской бирже. Он нарочно валит рубль, чтоб заработать на этом».

Позже Ирина Ясина рассказала мне, что решение оклеветать меня было принято накануне той пресс-конференции на совещании руководства Центробанка четырьмя людьми: Дубининым, тогда председателем Центробанка, Алексашенко, первым заместителем руководителя ЦБ, самой Ириной Ясиной, работавшей тогда начальником департамента по работе с прессой и пресс-секретарем Центрального банка, и Денисом Киселевым, руководителем департамента по работе с крупнейшими банками. Семь лет спустя Ясина, единственная из четверки, попросила у меня за это прощения...

То, о чем на пресс-конференции сказал Дубинин, я узнал на следующий день. Тут же сделал заявление, что подаю на господина Дубинина в суд за клевету и нанесение ущерба деловой репутации. Конечно, понадобилось некоторое время, чтобы собрать все материалы, публикации, получить аудио- и видеозаписи. За две недели все материалы были собраны, я договорился с адвокатом и собрался в понедельник подавать заявление в суд. Наступивший понедельник оказался 17 августа 1998 года. В 10 часов утра Дубинин с Кириенко появились на телеэкранах и сообщили об изменении курсовой политики, об отмене обслуживания государственного долга, о запрете на свободу капитальных операций. Иными словами, получалась не только девальвация. К ней прибавились и дефолт, и введение контроля на движение капитала.

— А разве они сами не понимали, что будет девальвация? Почему они не хотели с Вами соглашаться? Или они просто выигрывали время, чтобы соблюсти свои интересы?

— Кто-то понимал. Кто-то не понимал. Кто-то выполнял поручения. Но как бы то ни было, ни один из них даже не пытался подумать о стране, о людях. О своих интересах — другое дело.

— Но говорят, что умные люди все-таки постарались тогда от ГКО поскорее избавиться. Почему же этого не сделали банки?

— Если говорить о тогдашних банкирах, то уровень их некомпетентности был удивительным. Если бы они понимали хотя бы половину того, что им говорили, результаты для них были бы совсем другими, вряд ли бы так пострадали крупнейшие банки. Это же поразительный факт — из 6–7 крупнейших банков лета 1998 года волна кризиса смыла всех, кроме Альфа-банка. И причина проста — единственным человеком, который не поверил тогда Дубинину, Кириенко, Гайдару, Чубайсу, был Авен, президент Альфа-банка. Авен, кстати, был на том историческом заседании клуба «Взаимодействие». Из крупнейших российских банков Альфа-банк оказался единственным, кто летом 1998 года не только перестал покупать новые выпуски ГКО, но и постарался большую часть своего пакета ГКО продать, а вырученные средства поместить в доллары.

Кому верили банкиры? Вот этой компании — Дубинину, Чубайсу, Гайдару, Кириенко, убедившим Ельцина дать свое знаменитое опровержение девальвации в Великом Новгороде. Когда он садился в самолет, его спросили: будет ли кризис? «Нет, — ответил Ельцин, — кризиса не будет. Все решено. Никакой девальвации не будет». Это было в пятницу 14 августа, а в понедельник 17-го на экранах появились Дубинин и Кириенко... Эта компания обманула всех: и либеральную общественность, и бизнес, и Ельцина, и всех граждан страны.

— Что ж, выходит, Ваш прогноз блестяще подтвердился...

— Это так. Но никакого триумфального настроения 17 августа у меня не было. У меня было чувство огромной опустошенности. Невероятное чувство сожаления. Я вспоминал свой разговор с Кириенко в самый первый его день появления в Белом доме 23 марта. Тогда он предложил мне работать у него советником, и я согласился — но лишь с единственным условием: если советы мои будут приниматься. Как известно, после приезда Гайдара с Чубайсом вопрос решился сам собой и больше уже не поднимался. И я думал, конечно, о том, что сейчас произойдет в стране и со страной.

А через пять дней сбылся и мой политический прогноз: 22 августа 1998 года Ельцин уволил и Кириенко и Дубинина. После нескольких недель безуспешных попыток снова отдать пост премьера Черномырдину Ельцин был вынужден назначить премьером Примакова, а Геращенко в третий раз занял пост руководителя Центрального банка. Опытные сотруд-

ники спецслужб заняли оба ключевых поста в стране. Незанятым оставался только пост президента. Вклад моих коллег Гайдара и Чубайса в полученный результат переоценить было невозможно.

Деятельностью Дубинина и его друзей заинтересовалась Генеральная прокуратура. Выяснилось, что некоторые сотрудники Центрального банка, включая и Дубинина и Алексашенко, активно участвовали и в покупках ГКО и в валютных операциях на Чикагской бирже. В общем, выяснилось, что Дубинин был неплохо информирован о том, о чем говорил журналистам 2 августа.

В общем, когда у меня были подготовлены документы, чтобы подавать в суд иск о защите чести, достоинства и деловой репутации, прокуратурой уже было заведено уголовное дело на Дубинина, и ему вместе с его коллегами грозили вполне реальные уголовные сроки. И хотя эти люди объективно много чего заслуживали, я решил тогда в суд не подавать. Крови Дубинина я не хотел и просто оставил это дело.

Как часто бывает, ни один хороший поступок не остается безнаказанным. Четыре года спустя в Бостоне на инвестиционном форуме Дубинин, уже оправившийся от прежних страхов и вдохновленный работой вице-президента в чубайсовском РАО ЕЭС, в очередной раз принялся за свое любимое дело — клевету. Горбатого, как известно, только могила исправит...

В каком-то смысле этих четверых, наверное, можно было понять. В самом деле, налицо было драматическое противостояние: с одной стороны, миллиарды долларов и власть — правительство, Центральный банк, Министерство финансов, администрация президента, сам президент, Международный валютный фонд, — и все говорят одно: девальвации не будет. С другой — один человек, директор какого-то маленького института, который упрямо повторяет: нет, девальвация будет! И кому тут прикажете верить?

Удивительно, но после краха 17 августа все-таки обнаружилось немало людей, не забывших, кто что и когда говорил. И потом еще в течение нескольких лет незнакомые люди подходили ко мне на улице, жали руку и говорили: «Спасибо, благодаря вам я спас свои 7 тысяч долларов...» Или: «Я спас свой бизнес...» Или: «Хорошо, что я вам поверил...»

Путин

Августовский кризис сказался и на судьбе страны, и на моей судьбе. В частности, он познакомил меня с Путиным. Первая моя встреча с ним произошла 9 августа 1998 года, в день, когда Путин был назначен руководителем ФСБ.

В тот день я в очередной раз пытался убедить финансовое руководство страны в принятии срочных мер по предотвращению кризиса. Вначале около часа говорил с первым заместителем министра финансов Алексеем Кудриным. Затем вместе с ним отправились к министру финансов Михаилу Задорнову. Повторилась схема, многократно проявившаяся на прежних встречах. Я говорил о том, что кризис неизбежен, о том, почему он неизбежен, и о том, что, с моей точки зрения, надо делать. Мой собеседник вначале говорил, что этого не может быть. Затем соглашался, что что-то в этом есть.

Наконец, завершалась встреча практически полным согласием. С Задорновым эта схема в очередной раз повторилась: вначале он советовал не говорить ерунды, потом начал сомневаться, в конце согласился: «Да, может быть» — и спросил, сколько времени осталось до кризиса.

По завершении встречи с Задорновым вместе с Кудриным мы вышли из кабинета в большую приемную, где задержались буквально на минуту-другую. В этот момент в комнату вошел невысокого роста весьма неприметного вида гражданин в немного странном костюме светло-салатного цвета. Когда он появился, Кудрин и еще кто-то, кто был в приемной, стали энергично поздравлять его с его новым назначением. Человек был мне незнаком, но через некоторое время по характеру реплик стало ясно, что это Владимир Путин, которого утром того же дня Ельцин назначил директором ФСБ. Раньше я его никогда не видел. С Кудриным они работали вместе лет пять в петербургской мэрии: Кудрин был заместителем Собчака по экономике и финансам, Путин — по административным и внешним делам.

Меня попросили еще раз — уже для Путина — поведать свои соображения по поводу наступающего кризиса, и я в течение трех или четырех минут опять повторил то, что уже многократно говорил. Путин на это ничего не сказал, не задал ни одного вопроса, вообще никак не прореагировал. На этом мы и расстались.

Второй раз мы встретились 28 февраля 2000 года. За полгода до этого Путина назначили премьером. Началась вторая война в Чечне. В атмосфере сильно запахло серым. Ощущение проводимой спецоперации становилось все явственнее. Но потом стали появляться некоторые обнадеживающие нотки.

В ноябре 1999 года появился Центр стратегических разработок под руководством заместителя Госкомитета по имуществу Германа Грефа, демонстрировавшего свои особые связи с Путиным. Поскольку к этому времени Путин уже был практически гарантированным наследником Ельцина, работа с ЦСР становилась весьма престижной. ЦСР занялся обсуждением практически всех сколько-нибудь значимых вопросов национальной повестки дня. Делал он это, надо отдать должное, на весьма приличном уровне. Эксперты в любых областях считали за честь быть приглашенными на семинары в Александр-хаусе, где размещался ЦСР. На эти семинары Греф стал регулярно звать и меня. Поначалу я отреагировал на эту работу с энтузиазмом. Однако быстро выяснились принципиальные различия с Грефом, откровенно поддерживавшим экспертов, ориентировавшихся на Гайдара и Чубайса. Такая деятельность была неинтересной, и я почти перестал участвовать в работе ЦСР.

Двадцать восьмого февраля 2000 года у меня на работе зазвонил телефон, и человек, позвонивший мне, сказал, что со мной хочет встретиться Путин. К тому времени Путин был уже исполняющим обязанности президента. Тогда ходили слухи, что он ищет советника по экономическим вопросам, что на этот пост рассматриваются разные кандидатуры, в частности Е. Ясин. Меня, честно говоря, это не сильно интересовало. Во-первых, я уже был сыт по горло как работой советника, так и вообще работой в госаппарате. А, во-вторых, в институте мы развернули очень интересную исследовательскую программу, работы над которой хватило бы на несколько лет.

И вот звонит этот человек и говорит, что Путин хочет со мной встретиться. «Когда?» — спрашиваю. «Сегодня», — отвечает. Ну ладно, сегодня так сегодня. Приехали мы в Ново-Огарево, встретились с Путиным. Он спрашивает: «Вы знаете — впереди президентские выборы. Результаты, конечно, никто предсказать не может. Но, если допустить, что удастся победить, какими, на ваш взгляд, должны быть мои первые решения?» Честно говоря, мне понравилась его сдержанность, отсутствие шапкозакидательства. Вместо ответа я его спросил: «А вы чего сами хотите?» Стали мы с ним говорить и проговорили по разным вопросам в общей сложности, наверное, часа три.

Вскоре после начала разговора подходит к нему офицер и передает бумагу. Путин пробежал ее глазами и провозглашает торжествующе: «Только что взяли Шатой! Раскатали их там!» Я не выдержал и сказал то, что думаю по поводу Чечни и по поводу чеченской войны. Что считаю войну неправильной, незаконной, разрушительной, что то, что там делается, является преступлением. Что Чечня должна стать независимой от России, а Россия — от Чечни. Что войной такие вопросы все равно не решишь. Что Чечня все равно уйдет из России, но жертвы уже никогда не вернешь. Я, наверное, не открою большой тайны, если скажу, что у Путина по этому вопросу были и есть другие взгляды. По поводу Чечни и чеченской войны мы спорили больше часа. Глаза Путина стали жесткими, в голосе зазвенел металл, в нем стала чувствоваться ненависть. Терять мне было нечего — я продолжал свое. И тогда Путин вдруг оборвал разговор: «Так, все — больше на эту тему не говорим».

Вернулись к экономике. Время было уже позднее, стали собираться домой. Уже когда надевали куртки, Путин говорит: «Ну что, завтра встречаемся?» Такого поворота я совсем не ожидал и говорю: «Нет, завтра не получится». Он несколько так изумленно: «Почему?» Я отвечаю: «Завтра я не могу».

— Андрей Николаевич, но ведь с властью так не разговаривают...

— Да, вообще с властью так не разговаривают. Особенно в нашей стране. Власть не любит слова «нет». И не хочет его знать. К тому же так не разговаривают с президентами. А в том, что Путин станет президентом, и станет им надолго, ни у кого сомнений не было. И вот без пяти минут президент предлагает встретиться еще раз, а я ему говорю: «Нет». Он спрашивает: «Как — нет?!» И тогда я говорю: «Хорошо, тогда я вам сам скажу, пока другие еще не успели рассказать. У меня завтра особый день, который я обещал провести вместе с женой. Завтра — 29 февраля, это годовщина ее приезда в Россию. Так получилось, что она приехала сюда 29 февраля 1992 года. Поскольку год — високосный, то отметить это событие можно только раз в четыре года. Поэтому, извините, эту дату я пропустить не могу, я обещал жене, что этот день мы проводим вместе. А чтоб уж завершить эту тему, скажу: моя жена — американка, гражданка США». Путин на это ничего не сказал, только зрачки его, как мне показалось, немного расширились. А так он виду не подал. На этом наша встреча закончилась, мы пожали друг другу руки и расстались.

По поводу дальнейшего развития событий у меня никаких иллюзий не было. Я был совершенно спокоен — было ясно, что больше встреч не будет,

такие шансы выпадают раз в жизни. Во-первых, взять и наплевать на приглашение фактически будущего президента. Во-вторых, мы же в России живем — не где-нибудь. Президент — сотрудник КГБ, бывший ли, нынешний — какая разница. А у меня жена — гражданка другой страны, причем не Украины и не Финляндии даже, на худой конец, а США... Ну что ж, мы ж понимаем ситуацию — не вчера родились. Ну и взгляды по чеченскому вопросу тоже, очевидно, не способствуют продолжению контактов.

Поэтому с супругой мы замечательно отметили годовщину ее приезда в Россию, причем отметили на «Седьмом небе» в Останкино, где я до этого ни разу не был. А на следующий день на работе я уже совершенно забыл про позавчерашнюю историю. И вот часа в 4 вечера звонит у меня телефон, и тот же человек, что звонил в прошлый раз, говорит, что Путин спрашивает, могу ли я встретиться с ним сегодня.

Честно говоря, такого поворота я совершенно не ожидал. Новых годовщин на тот вечер у меня не планировалось. Поэтому сказал, что могу. Мы встретились и в тот вечер, и на следующий день, и еще через пару дней. И далее пошло. Говорили на разные темы, в основном, конечно, об экономике. В какой-то момент он говорит: «Я хотел бы пригласить вас на пост моего советника». Я говорю: «Спасибо за доверие, но у меня другая работа, я не пойду». Он говорит: «А так встречаться мы можем?» — «Встречаться — пожалуйста».

Советник

Разговоры по поводу необходимой политики, по поводу экономических реформ у нас продолжались. Путин вникал и в новую проблематику, и в необычную для него терминологию. Накануне восьмого марта он поехал в Иваново и выступил там перед женщинами, с праздником их поздравил. Но как-то по-особому. Показывают его встречи по телевизору — я не вполне верю своим ушам: Путин ткачихам рассказывает про экономическую свободу, про либеральную экономическую политику, про ответственность. Видно, что наши беседы даром не прошли. Но — ткачихам! Но на 8 Марта!

В президентской администрации — некоторое замешательство, таких текстов про свободу ему там явно никто не писал. Народ там к словам начальника очень чуткий, начали соображать, откуда такие веяния занесло. А поскольку в стране тех, кто про либерализм публично говорит, в общем немного, то вычислили меня грамотные люди довольно быстро. Начинают звонить, приглашать, спрашивать, что такое экономическая свобода, как об этом надо писать, как говорить, что еще можно упомянуть. Так я начал консультировать коллег в администрации.

Путин стал меня приглашать в поездки с собой по стране в рамках предвыборной кампании. Было любопытно. Вел он себя прилично — не торопился высказываться, слушал, записывал, знакомился с людьми.

Двадцать шестого марта 2000 года Путин был избран президентом. Через несколько дней, кажется это было 30 марта, Путин пригласил меня на экономическое совещание в Белый дом. Совещание происходило в кабинете премьера. Надо отдать Путину должное: он был скрупулезен, бю-

рократических правил не нарушал и президентским кабинетом в Белом доме, даже будучи уже избранным, но еще не приведенным к присяге, не пользовался. В кабинете премьера собралось семь человек: исполняющий обязанности президента Путин, исполняющий обязанности премьера Касьянов, исполняющий обязанности руководителя аппарата правительства Козак, исполняющий обязанности руководителя администрации президента Волошин, исполняющий обязанности министра финансов Кудрин, руководитель ЦСР Греф и я.

Обсуждали, какую экономическую политику проводить. Путин дал слово Грефу, Греф рассказал про работу над программой, которую уже начинали называть «программой Грефа». Потом Путин дал слово мне. Я рассказывал про то, в чем с Грефом согласен, в чем — нет. Когда прошел, наверное, уже час обсуждения, Путин вдруг спохватился и говорит: «Да, коллеги, я тут не объяснил, кто у нас — кто, потому что мы все тут уже не раз встречались. Только Андрей Николаевич у нас появился впервые. Я хочу сказать, что Андрей Николаевич будет моим экономическим советником».

И вот так, очевидно, наступает момент истины. Дело в том, что предложение стать советником он мне делал, но согласия-то я не давал. С другой стороны, опровергать его, приглашающего меня на такой пост, да еще на глазах у его коллег — дело совершенно неслыханное. Но и промолчать совершенно невозможно. Во-первых, потому что это не так. И в принципе этого уже достаточно. А, во-вторых, потому что во власть я совсем не рвался. Поэтому очень осторожно, тщательно стараясь подбирать приличествующие такой ситуации и как можно более аккуратные слова, медленно проговариваю: «Уважаемый Владимир Владимирович, я очень признателен вам за ваше приглашение на это совещание, за то, что вы предоставили мне возможность высказать свое мнение, за ваше предложение стать вашим советником. Однако, к большому сожалению, такого решения я пока еще не принял. Приношу свои извинения». Повисла тишина...

Описать выражения лиц участников совещания я не берусь. Сказать, что ситуация дико неудобная, — ничего не сказать. Она совершенно неприемлема в бюрократической культуре. Одно дело — отказать руководителю на частной встрече. Другое — на глазах у его коллег и подчиненных, да еще в такой форме. В общем, в очередной раз я подумал, что это последнее совещание, на которое меня пригласили. Но я ошибся.

В Москве продолжались экономические дискуссии — в ЦСР, в правительстве, в администрации. Так получилось, что главным оппонентом у меня все время оказывался Греф. Почти по каждому вопросу у нас обнаруживались разногласия. Очередное обсуждение экономической программы нового президента было запланировано на 11 апреля в первом корпусе Кремля, в президентской библиотеке, в замечательном круглом зале. Совещание было задумано как решающее по определению пути, каким предстоит идти стране. Греф, чувствуя, что ему не удается полностью убедить Путина в своей правоте, потребовал, чтобы на это совещание были приглашены и другие участники подготовки правительственной программы, способные оказать поддержку своему руководителю. Путин был против: «Зачем тебе все эти люди, если ты сам все будешь рассказывать?»

Но Грефу все же удалось уломать службу протокола, и он все же привел с собой пять человек. И вот с одной стороны сидят в качестве рефери: Путин, Волошин, Касьянов, Кудрин, Козак. Напротив них — Герман Греф и еще человек пять, среди которых Евгений Гавриленков, Олег Вьюгин, Михаил Дмитриев, а также я. Путин дал слово Грефу. Тот выступил, а затем попросил заслушать его экспертов: «А сейчас за мной продолжат специалисты, которые разрабатывали соответствующие разделы». И передает слово, кажется, Гавриленкову. Тут Путин говорит: «Нет, сейчас будет Андрей Николаевич». Греф начал спорить: «Ну, хоть Михаила Дмитриева заслушайте». Дмитриев начал говорить. Но Путин отрезал: «Я сказал: нет!» И приглашенные эксперты так и просидели все совещание молча. Путин дал слово мне, после чего сказал, что ему все понятно, и совещание закончилось.

И вот когда после совещания мы выходили из библиотеки, Путин спрашивает меня, не надумал ли я чего-нибудь новенького относительно его предложения. То есть в очередной, третий, раз делает предложение стать его советником. К этому времени я понял, что предложение его действительно является серьезным и продуманным. Мы общаемся с ним уже полтора месяца; я регулярно участвую в обсуждении вопросов экономической политики, формально не занимая никаких постов; Путин явно демонстрирует и искреннюю заинтересованность, и определенное расположение. Более того, я понимаю, что четвертого приглашения уже точно не будет. И, кроме того, ситуация объективно складывается исторически уникальной — видно невооруженным глазом, что власти серьезно настроены делать реформы. И тогда я говорю: «Хорошо, я согласен. Только у меня есть три условия. Если они будут выполнены, тогда я принимаю ваше предложение. А если они выполняться не будут, то не обессудьте — я уйду». Он говорит: «Хорошо» — и дает распоряжение Волошину готовить указ.

Так, на следующий день, 12 апреля 2000 года, в День космонавтики, и состоялось мое назначение. Первое назначение после избрания Путина президентом. Оно вызвало и известный шок, и некоторую эйфорию: взгляды мои в стране были уже достаточно известными. Когда на пост советника президента назначают человека с нескрываемой либеральной позицией, то это, конечно, не может не восприниматься совершенно особенно. Тем более что, несмотря на всякие разговоры про реформы, существовали все же большие опасения, какую политику может проводить сотрудник спецслужб, ставший президентом. В тот же день, 12 апреля, я улетал в Белоруссию на конференцию. В Шереметьево при вылете меня атаковали журналисты с вопросами о том, что произошло и как это понимать. Через два дня по возвращении ситуация повторилась.

Так началась моя работа в качестве советника президента.

— Андрей Николаевич, а почему же Вы так настойчиво отказывались от предложения Путина?

— Поначалу — даже встречаясь с Путиным — я не собирался работать во власти. Больших иллюзий по поводу происходившего в стране осенью 1999 года у меня не было. Конечно, деталей я не знал — большой ясности

со взрывами домов тогда не было. Хотя, не буду скрывать, подозрения по поводу того, что на самом деле произошло, были с самого начала. По поводу чеченской войны ясности было гораздо больше. Я считал невозможным помогать людям, ведущим эту войну. Недаром практически первой темой, с какой начались разговоры с Путиным 28 февраля 2000 года, была тема чеченской войны.

С другой стороны, понятно, что работа во власти давала уникальную возможность по осуществлению назревших, перезревших, многократно обещанных, но так и не осуществленных в течение 1990-х годов реформ, прекращению десятилетнего экономического кризиса, восстановлению экономического роста. И вот эта власть, новая власть, собирается теперь осуществлять те самые реформы, о необходимости которых так много говорилось в течение 15 лет, о которых я сам говорил в течение полутора десятилетий. И именно теперь, когда предоставляется возможность что-то сделать, складывать ручки и уходить в сторону? Не буду скрывать — решение идти в советники давалось мне непросто.

Кроме того, в то время я разделял теорию, согласно которой экономический рост, повышение уровня экономического развития страны способствуют укреплению либеральных и демократических институтов. Поэтому получалось, что, работая на экономический рост, в конечном счете работаешь и на развитие и укрепление и современного общества, и современного государства в своей стране.

Наконец, непосредственное общение с Путиным показывало, что с ним можно работать, что он действительно заинтересован в проведении разумной экономической политики. Ну а что касается других сторон... — идеальных людей, как известно, в природе не бывает. Да и кто без греха — пусть первый бросит камень...

— А о каких условиях шла речь, когда Вы принимали назначение? Это были какие-то политические условия?

— Нет, условия были такими. Первое — я нахожусь в советниках до тех пор, пока выполняется программа по осуществлению либеральных реформ, моя программа. Конечно, я хорошо понимал, что реальная политика не обходится без компромиссов, отклонения неизбежны. Тем не менее, если выдерживается в целом либеральный курс, то можно работать. Второе условие — в любое время дня и ночи у меня должен быть доступ к президенту. Если я считаю нужным с ним встретиться или переговорить, то такая связь мне должна быть обеспечена всегда. И третье — у меня не будет никаких ограничений на поездки внутри страны и за рубеж. Если я работаю советником президента России, значит, у меня должен быть открыт доступ к любым данным, к любому знанию, к любой информации, какую я могу и должен получать отовсюду, из всех возможных источников. Советник — это не простой чиновник, это специальный чиновник, часто даже не чиновник. Советник президента — это не соглашатель с президентом, не поддакиватель ему и не безропотный исполнитель любых его поручений. Советник — это в какой-то степени и аналитик и ученый, для которого неотъемлемым ус-

ловием деятельности является общение с коллегами, в том числе и с зарубежными — на конференциях, семинарах, встречах.

Когда через несколько лет стало ясно, что условия контракта не выполняются, то вопроса уходить — не уходить не было. И я ушел. Причем к концу 2005 года дело было уже не только в том, что либеральная экономическая программа не проводится, не только в том, что возникли проблемы с «доступом к телу», не только в том, что мелкая административная шушера начала бюрократическую войну по поводу того, что я должен или не должен делать, что могу или не могу говорить, куда могу или должен ездить. Главной проблемой было то, во что стала превращаться страна, при полной невозможности противодействия этому из президентской администрации. Единственный остававшийся ресурс — слово — становился все более ограниченным. С лета 2004 года меня занесли в черный список двух главных государственных телеканалов. Забавно, да, — советник президента, которому запрещено выступать на государственном телевидении?

Но даже выступления, какими бы критическими они ни были, уже фактически ничего не меняли. Более того, они начинали посылать ложный сигнал обществу: если на критику нет никакой реакции, а власть продолжает делать то, что делала, то возникают вопросы: а, может быть, это такая договоренность у них во власти, такое разделение труда между добрым и злым полицейскими, может быть, это такая игра у них? По сути дела, получалось довольно циничное использование моего положения и моего имени.

Одно дело — критиковать власть и добиваться того, чтобы она менялась, пусть не во всем, пусть не всегда, пусть медленно, но менялась — в лучшую сторону. Тогда, как бы ни было трудно, во власти можно оставаться. Если же, находясь во власти, критикуешь ее, пытаешься добиться изменений, а ситуация лишь ухудшается, то вопрос встает ребром — надо либо замолчать и «получать удовольствие» от пребывания во власти, либо уходить. Пока была возможность хоть каким-то образом влиять на то, что происходит в стране, пока сохранялся пусть ничтожный, но шанс для помощи людям, в том числе даже и не непосредственно по экономическим вопросам, можно было оставаться. Когда таких возможностей не стало, то оставаться во власти, изображая из себя важную фигуру и решая свои личные вопросы, — это занятие не для меня.

Шерпа

В бюрократической жизни критически важно иметь ресурс, с помощью которого можно что-то делать, проводить решения, осуществлять политику. Размер бюрократического ресурса зависит от должности, статуса, близости к начальнику. Политику можно проводить самому или с помощью соратников, союзников, коллег. У советника по определению нет прямого управленческого ресурса. Его успех в бюрократической жизни зависит от того, будет ли кто-нибудь осуществлять его предложения, и если будет, то кто́ именно. Если же статус у него есть, но нет бюрократического ресурса, то можно готовить какие угодно интересные советы, делать какие угодно важные предложения, но гарантий осуществления таких советов и предложений нет.

Позиция советника является весьма весомой, но в ней есть свое «но». В административно-бюрократическом плане она значима лишь в той степени, в какой у советника де-факто складываются персональные отношения с тем, кому он советует. В силу сложившихся обстоятельств мой статус, особенно во время первого президентского срока Путина, был достаточно высоким. Ключевые решения по экономическим вопросам принимались с участием членов так называемого экономического совещания. В него входили 6–7 человек — президент, премьер, руководитель администрации, министр финансов, министр экономики, советник по экономическим вопросам и иногда руководитель Центрального банка.

В отличие от своих коллег, советник был единственным членом этого круга, не имевшим непосредственного управленческого ресурса. У министра финансов есть Министерство финансов, у министра экономики есть свое министерство, у руководителя Центрального банка есть Центральный банк, у руководителя администрации есть администрация, у председателя правительства есть правительство, у президента есть всё. У советника, кроме девушек-секретарей в офисе и двух помощников, других ресурсов не было.

В мае 2000 года этот недостаток был частично восполнен назначением меня на должность шерпы, т. е. личного представителя президента в «Большой семерке», клубной организации наиболее развитых и богатых стран планеты. Позиция шерпы была бюрократически уже вполне весомой, поскольку предусматривала исполнение координирующих функций по отношению к министерствам, ведомствам, службам, организациям исполнительной власти в их деятельности по отношению к «семерке».

Россия тогда не являлась полноценным членом этого клуба, в течение предшествовавшего десятилетия никак не желавшего превращаться в «Большую восьмерку». Она находилась на своеобразном «приставном стуле», а встречи клуба проводились по схеме «семь плюс один». Иными словами, в течение полутора-двух суток проходила традиционная встреча представителей семи государств, и лишь на заключительное мероприятие (на ужин или на обед) приглашался представитель Российской Федерации.

Это правило работало во всех семерочно-восьмерочных структурах — на встречах министров финансов, министров иностранных дел, других министров, их заместителей, специалистов, помощников и т. д. Естественно, оно распространялось и на шерпов. Шерпы семи стран встречались, совещались, обсуждали содержательные вопросы и лишь на самое последнее мероприятие программы приглашали своего коллегу — российского шерпу. И вот тогда заслушивался доклад российского представителя о том, что происходит в России, ему задавались вопросы по российской ситуации, уточнялись детали. После чего российского представителя вежливо благодарили, и на этом работа уважаемого клуба по схеме «семь плюс один» завершалась.

Взаимоотношения в клубе лидеров государств были того же плана — вначале происходила содержательная работа «семерки», готовилось и принималось большинство важнейших документов. На заключительный прием пищи приглашался российский президент, коллеги заслушивали его информацию по состоянию реформ в стране, задавали вопросы, и встреча торжественно завершалась. По такой схеме происходили встречи «семер-

ки» с Борисом Ельциным. Эта же процедура была распространена и на Владимира Путина. Так прошла и первая встреча клуба с участием Путина на Окинаве в Японии в июле 2000 года. Участия в совместном обсуждении общих для «семерки» проблем представители России не принимали.

Став шерпой и познакомившись с этой ситуацией на деле, я определил для себя, что продолжение сидения на том «приставном стуле», на котором Россия находилась в течение десяти предшествующих лет, является делом неприемлемым и совершенно нетерпимым. Решил, что стране надо получать полноправное членство в «восьмерке».

Причин для этого было несколько. Во-первых, в 1990-е годы было невероятно стыдно наблюдать, как очередной российский представитель, возвращаясь с международной встречи, рассказывает отечественным журналистам о том, что «вот теперь, наконец, мы полностью вошли в "восьмерку"». Знакомство же с мировой прессой никаких иллюзией не оставляло — слова российского представителя были дешевой пропагандой для внутреннего потребления, за рубежом все без исключения продолжали называть клуб «семеркой» — G7 (Group of Seven). Во-вторых, я считал, что участие в работе клуба на условиях «приставного стула» было унизительно и для нашей страны. В-третьих, был уверен, что по многим содержательным вопросам, обсуждаемым «семеркой», Россия способна внести содержательный вклад. В-четвертых, расценивал полноценное участие в работе «восьмерки» как дополнительный прорыв «железного занавеса», унаследованного от прежней эпохи, как ликвидацию многолетней международной изоляции России, как обучение работе российских представителей и специалистов в рамках международного общежития.

Наконец, был еще один набор соображений. Дело в том, что успех перехода в 1990-е годы целого ряда посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы от централизованной экономики и политического авторитаризма к рыночной экономике и демократии многими наблюдателями объяснялся в том числе и участием этих стран в таких мобилизующих процедурах, как потенциальное членство в Европейском союзе и НАТО. То есть обе эти организации выступали для этих стран в качестве своеобразного маяка, на который следовало ориентироваться, в качестве важных институциональных образцов высокоразвитых западных стран, к стандартам которых следовало приближаться.

В начале переходного периода в России дискуссия о возможности присоединения России к Европейскому союзу и НАТО шла постоянно. В 1990-е годы вопрос этот обсуждался регулярно. Правда, понятно было, что, учитывая дистанцию России от этих организаций по всем возможным параметрам, это не вопрос ближайшего времени, не завтрашнего и не послезавтрашнего дня. Но в разумной перспективе — через 15–20 лет — полномасштабное членство России в обеих организациях воспринималось совершенно естественным.

Однако к концу 1990-х годов стало ясно, что институциональное отставание России от европейских стран оказалось гораздо больше, чем ее экономическое отставание, гораздо серьезнее, чем это представлялось в начале десятилетия. В то же время скорость сокращения этого институционального

отставания от Запада оказывалась гораздо ниже, чем хотелось. А по некоторым направлениям заметного сокращения институционального отставания не наблюдалось вовсе. Поэтому представлялось, что членство России в международных организациях западного мира могло бы быть весьма полезным и для сокращения российского отставания, и для облегчения процесса наших перемен. К концу 1990-х годов стало совершенно ясно, что по целому ряду причин полноценное членство ни в Евросоюзе, ни в НАТО России не грозит ни в ближайшем, ни даже, возможно, в весьма отдаленном будущем.

Поэтому в списке наиболее важных организаций западного мира, в принципе способных включить Россию в свой состав и, следовательно, оказать позитивное воздействие на институциональную эволюцию самой России, остались лишь ВТО, ОЭСР, МЭА, политическая «семерка» и финансовая «семерка». Считая членство России в этих организациях чрезвычайно важным для развития нашей страны, своеобразным мобилизующим и дисциплинирующим фактором для российских властей, рассматривая процедуры и правила, принятые в этих организациях, в качестве определенных маяков-ориентиров, я принялся за работу.

Подготовленный мной соответствующий доклад по этому поводу был принят, взят на вооружение и начал осуществляться. Поскольку масштаб предстоящей работы был значительным, обязанности разделили. За вступление в ВТО взялся министр экономики, создавший для этого специальный департамент и назначивший полномочного представителя в рамках многосторонних торговых переговоров. Работу по продвижению к членству страны в финансовой «восьмерке» взял в свои руки министр финансов. Вступление в МЭА было поручено Министерству энергетики. Членство в ОЭСР было решено сделать совместным делом для министерств экономики и финансов. Наконец, членство в политической «восьмерке» стало делом шерпы.

Помимо общего плана интеграции России в мировое сообщество, мною был подготовлен отдельный план по вступлению страны в «восьмерку» и обеспечению полномасштабного членства в ней. После первых встреч с коллегами-шерпами мною был проведен анализ наших слабых мест. Выяснилось, что можно сделать, что нельзя, что допустимо, что недопустимо, что нужно делать обязательно. Был составлен план, и в течение двух лет его осуществление стало одним из важнейших приоритетов в моей работе. Ее самая трудная часть оказалась не вне страны, а внутри — обеспечивать приближение российской исполнительной власти к критериям, стандартам, принципам «восьмерки». За два года межведомственной команде, с которой я работал, удалось выполнить практически всю программу, за исключением нескольких мелочей.

Российское присутствие в «восьмерке» расширялось практически с каждым шагом: от одного ужина — к совместной программе на полдня. Затем перешли к программе на целый день, то есть один день «семерка» заседала сама по себе, другой день — вместе с Россией. Затем перешли к практически полной совместной программе, за исключением одного эксклюзивного заседания в рамках «семерки». И, наконец, в июне 2002 года в курортном канадском городке Кананаскисе произошел переход к полному формату участия России в «восьмерке».

Когда после краткого совещания в ограниченном формате к лидерам «семерки» присоединился Владимир Путин, премьер-министр Канады Жан Кретьен выступил почти как в фильме: «Мы тут посовещались, и я уполномочен сделать вам, господин президент, официальное предложение стать полноправным членом "восьмерки". Если у вас нет возражений, то в дальнейшем наша работа будет проходить в полном формате». Путин возражать не стал. Встреча в Кананаскисе стала последней, проведенной не в полном формате.

Следует обратить внимание на разницу между политической «восьмеркой» и финансовой «семеркой». Членами политического клуба являются политические лидеры государств — президенты и премьер-министры. Полномочными членами финансовой «семерки» являются министры финансов и часто — по договоренности с минфинами — руководители центральных банков. Политическим лидерам помогают шерпы. Министрам финансов помогают финансовые сушерпы. Повестка дня обсуждений в политическом и финансовом клубах существенно различается. Есть некоторые различия и в процедурах. Финансовая «семерка» не является подразделением или департаментом политического клуба, это отдельная организация. Политические лидеры могут попросить членов финансового клуба рассмотреть тот или иной вопрос, и члены финансового клуба, как правило, уважительно отвечают политическим лидерам. Но, строго говоря, не обязаны. Политические лидеры не могут заставить финансистов принять то или иное решение, в особенности они не могут заставить их изменить членство своего финансового клуба.

Различия между двумя организациями заметны по различиям между документами, принимаемыми в рамках политического клуба «восьмерки» — например, политическими лидерами (президентами, премьерами) или министрами иностранных дел, — и документами, принимаемыми в рамках финансового клуба — финансовыми представителями (министрами финансов и руководителями центральных банков).

Для превращения финансовой «семерки» в «восьмерку» была составлена развернутая программа мер и в финансово-экономической области. Однако решения в этой сфере принимает не шерпа, а министр финансов. В 2000–2002 годах мои предложения им не были восприняты. Позже — в рамках подготовки к саммиту в Санкт-Петербурге в июле 2006 года — бóльшая часть моих предложений была реализована, в том числе и тогда, когда я ушел из администрации. Однако время было упущено, политическая ситуация изменилась, и отношение к России в мире стало уже другим. Россия так и не стала полномочным членом финансового клуба.

В последние годы финансовая «семерка» стала регулярно приглашать на свои встречи представителей Китая, Индии, Бразилии, Южной Африки, некоторых других стран. На некоторые заседания их приглашают вместе с российскими представителями, так что теперь получается уже немного другая организация — G13. Судя по тому, что экономический и финансовый потенциалы Китая и Индии, уже сейчас значительно превышающие российский, продолжают расти гораздо быстрее, чем наш, не исключено, что исторический шанс вхождения России в финансовый клуб развитых государств и превращение «семерки» в «восьмерку» с участием России упущен навсегда. Россия имеет все шансы стать полномочным членом других органи-

заций — «Группы тринадцати», «двадцатки», но это ужс не «восьмерка», это другие организации.

Оглядываясь на прошедшие за восемь лет события, можно подвести промежуточные итоги. Россия стала членом политической «восьмерки» в июне 2002 года. К 2008 году Россия по-прежнему не является полномочным членом ни ВТО, ни ОЭСР, ни МЭА, ни финансовой «восьмерки».

«Голландская болезнь»

Работа шерпой была важным, но все же лишь одним из направлений моей деятельности. Главным же делом была подготовка и аналитическое сопровождение тех решений, которые принимала исполнительная власть по экономическим вопросам. Таких вопросов было много, и обо всех говорить, конечно, невозможно. Из самых крупных — это, конечно, формирование макроэкономической политики.

Одним из ее центральных вопросов с самого начала стала «голландская болезнь» и противодействие ей. В конце апреля 2000 года, практически сразу же после назначения на должность советника, я вынес на обсуждение коллег предложения по мерам противодействия «голландской болезни» — сдерживанию государственных расходов, формированию стабилизационного фонда, опережающей выплате государственного долга. Для их обсуждения Путин созвал экономическое совещание — это было уже после его инаугурации и вступления в должность 7 мая 2000 года. Когда на совещании, на котором были Путин, Касьянов, Волошин, Кудрин, Греф, Козак, я впервые стал говорить о «голландской болезни» и тех вызовах, которые она ставит перед страной, меня никто не понял.

— Объясните, пожалуйста, и нам, непосвященным, о каких угрозах идет речь.

— «Голландской болезнью» называется существенное изменение макроэкономических пропорций, вызываемое массированным притоком иностранной валюты в страну в силу резкого изменения (повышения) уровня цен на товары ее традиционного экспорта. В российском случае такими товарами являются прежде всего нефть и газ. Повышение цен на них приводит к тому, что при сохраняющихся (или незначительно растущих) объемах их физического экспорта в страну начинает притекать огромное количество валюты, полученной от их продажи, обусловленное повышением цен. Приобретение иностранной валюты Центральным банком за рубли увеличивает объем рублевой денежной массы, которая, в свою очередь, приводит к повышению инфляции и росту реального курса национальной валюты. Иными словами, внутренние цены и зарплаты в долларовом измерении быстро возрастают, что делает издержки производства в стране более высокими, а продукцию национальной экономики — менее конкурентоспособной или же совсем неконкурентоспособной как внутри страны, так и за рубежом.

— Надо же, а ведь, казалось бы, от повышения цен на нефть и газ Россия должна только богатеть...

— Увы, неизбежным результатом «голландской болезни» становится общее замедление темпов роста экономики по сравнению с ее потенциалом. Если «голландская болезнь» не лечится, если она становится запущенной, то другие отрасли (кроме отраслей, вовлеченных в производство товаров, цены на которые заметно возросли) становятся неконкурентоспособными. Такие отрасли или не растут, или снижают объемы производства, или же увеличивают их, но темпами более низкими, чем их потенциальные темпы роста. Поскольку уровень национальных и отраслевых издержек становится неприемлемо высоким, многие предприятия становятся банкротами. Структура экономики приобретает уродливо гипертрофированную форму с искажением в пользу, например, энергетики. Сворачивание производства в других — обрабатывающих — отраслях приводит к сокращению в них занятости, росту безработицы, увеличению давления на государство в целях получения прямого или косвенного социального вспомоществования. А это, с одной стороны, приводит к росту нагрузки на бюджет, с другой — разрушает трудовые навыки, деловую этику, общественную мораль.

Болезнь впервые была описана детально на примере Голландии, на североморском шельфе которой в 1960–1970-е годы началась масштабная эксплуатация месторождений газа. В течение довольно короткого времени доходы от его экспорта привели к развитию перечисленных выше симптомов.

— И что же делать?

— Из описанных и достаточно хорошо известных мировой экономической науке фактов следует ряд выводов, фактически предопределяющих программу действий. Делать нужно вот что.

Во-первых, не допускать роста государственных расходов, соответствующего росту ВВП. Иными словами, государственные расходы в реальном измерении не должны расти не только быстрее ВВП, но даже наравне с ВВП, — надо сокращать удельный вес государственных расходов в ВВП. Во-вторых, надо увеличивать бюджетный профицит (положительную разницу между государственными доходами и государственными расходами). В-третьих, получаемые дополнительные средства следует накапливать в специальном (стабилизационном) фонде, находящемся за пределами обычного государственного бюджета. В-четвертых, средства такого фонда нельзя использовать внутри страны, так как в противном случае они вносят дополнительный вклад в инфляцию.

Следовательно, перед властями возникает непростая дилемма. С одной стороны, стране приходится нелегко, когда не хватает свободных финансовых ресурсов. С другой — когда их приходит слишком много, то использовать их внутри страны оказывается слишком опасным — и для инвестиций и для социальной поддержки. То есть, конечно, использовать их можно, но только использование этих средств внутри страны не только не решает национальных проблем, но и усугубляет их. Поэтому использовать такие средства можно только за пределами страны.

— Но на что же, спрашивается, их можно использовать за пределами страны?

— Прежде всего на погашение государственного внешнего долга. Российский внешний долг состоит из двух частей — советского, унаследованного от СССР, и российского, накопленного в 1990-е годы, — как в результате реструктуризации советского долга, так и в результате получения новых кредитов, в том числе от МВФ, Мирового банка, частных банков. После кризиса 1998 года государственный внешний долг достиг величины 156 млрд долларов, а отношение внешнего долга к ВВП в 1999 году достигло 77 % от валового внутреннего продукта России. Так что в данном случае — не было бы счастья, да несчастье помогло — появление дополнительных средств компенсировалось уже наличием того, на что тратить эти средства было можно и нужно — на погашение внешнего долга.

Поэтому программа лечения «голландской болезни» состояла из нескольких важнейших элементов: увеличение бюджетного профицита за счет относительного сокращения государственных расходов, создание стабилизационного фонда, в котором должны были накапливаться дополнительные средства, использование средств стабилизационного фонда на погашение внешнего долга, причем не только в согласованные сроки, но и досрочно. Это был особенно важный элемент программы, поскольку в 1990-е годы российские правительства не погашали госдолг, не оплачивали его, а реструктурировали, то есть получали новые кредиты. Накопленные же проценты «капитализировались» — то есть переоформлялись в основное тело долга. Естественно, такие операции реструктуризации были небесплатными — и российский государственный долг возрастал еще и за счет платы за реструктуризацию.

Процесс реструктуризации государственного долга был увлекательным, он оброс бойкими посредниками, консультантами, советниками, юристами, переговоры по реструктуризации долга были, естественно, непубличными и, следовательно, невероятно лакомыми для участников со всех сторон. А российский государственный долг тем временем продолжал расти. Проценты увеличивались, и Россия, как показали наши расчеты, на одних только процентах и платах за реструктуризацию в 1990-е годы заплатила около 100 млрд долларов, то есть сумму, превышавшую все новые российские заимствования того времени, вместе взятые. Иными словами, получалось так, что небогатая страна, не становившаяся, мягко скажем, более богатой, вынуждена была платить вовне больше, чем она получала из-за рубежа, причем в результате этих операций ее долг только увеличивался. Этот порочный круг надо было разорвать. Став советником президента, я попытался воспользоваться своим новым положением, чтобы покончить с такой практикой. Но не тут-то было!

Спор по поводу российских внешних заимствований начался, конечно же, не в 2000 году. В течение всех 1990-х годов мне приходилось регулярно выступать против увеличения внешнего долга. Однако силы были неравны — у независимого аналитика не так много веса по сравнению с проводящими политику властями. Одним из главных идеологов и авторов наращивания государственного долга в те годы выступал Чубайс, занимавший в 1990-е годы ключевые посты в российском руководстве, — первого вице-премьера, министра финансов, руководителя президентской админи-

страции, специального представителя Российского правительства по переговорам с международными финансовыми организациями. В те времена в обиход вошла полушутка о медали «За взятие кредита». За время действия любимого детища Чубайса — «валютного коридора» — государственный внешний долг России вырос на 33 млрд долларов. До конца 1998 года он вырос бы еще минимум на 20 млрд долларов, если бы не августовский кризис, освободивший страну и от этого неизбежного дополнительного бремени, и — временно — от услуг Чубайса.

Став советником, я попытался убедить своих коллег в том, что политику увеличения государственного долга необходимо прекратить, а также в необходимости выплаты, в том числе и досрочной, внешнего долга. В качестве аргументов я приводил и макроэкономическую логику, и бюджетные расчеты, и моральные принципы, пытался показать, насколько выиграет страна, если начнет выплачивать долги прямо сейчас. Но тогда меня никто не поддержал. Позиция правительства (и Касьянова, и Кудрина, и Грефа) тогда была единой: такие предложения — нонсенс. Более того, правильный подход должен быть прямо противоположным — платить не надо, наоборот, рациональное поведение — отказ от платежей. Весь 2000 год прошел в тщетных попытках убедить коллег изменить правительственную политику.

Один из острых кризисов по этому поводу развернулся во время подготовки к саммиту «семерки» на Окинаве в июле 2000 года. Касьянов, бывший в 1999 году министром финансов и успешно проведший тогда переговоры с Лондонским клубом кредиторов по поводу сокращения российской задолженности, попытался повторить свой успех в переговорах с Парижским клубом кредиторов в 2000 году. Он говорил о том, что разрушенная экономическим кризисом Россия платить по своему долгу не может, и требовал сокращения российской задолженности по аналогии с Лондонским клубом.

С моей точки зрения, позиция Касьянова была слабой — и по экономическим аргументам и по политическим обстоятельствам. Парижский клуб — не Лондонский. Официальные кредиторы, правительства, — это не частные банки, у них другие правила по учету кредитов. Парижский клуб пошел на снижение абсолютной задолженности только по отношению к самым бедным странам мира, отягощенным огромной внешней задолженностью (так называемым HIPC — heavily indebted poor countries). Ни по одному критерию, применявшемуся в этом случае, Россия и близко не приближалась к странам HIPC. Даже в самые тяжелые экономические времена Россия и беднейшие страны относились к разным мирам. Более того, прежде чем привести хоть к какому-то результату, переговоры относительно снижения задолженности стран HIPC заняли почти два десятилетия.

За короткое время изменилась ситуация и в России. К лету 2000 года вместо больного, часто отсутствовавшего на работе Б. Ельцина в Кремле появился молодой, энергичный В. Путин. На смену неустойчивым, часто сменяемым правительствам пришло правительство, твердо поддержанное Госдумой. На смену экономическому кризису пришел впечатляющий экономический рост, к лету 2000 года завершавший уже второй свой год. Кроме того, пошли вверх цены на нефть, существенно облегчив бюджетную ситуацию. В 2000 году дефицит бюджета сменился профицитом. Валютные

резервы страны, составлявшие в августе 1998 года 6,5 млрд долларов, к июлю 2000 года почти утроились, достигнув 17,5 млрд долларов. По мере продвижения экономических реформ, осуществленных и объявленных, экономическая ситуация в России обещала только улучшаться. Ни одно из этих событий не оставалось незамеченным нашими партнерами. В этих условиях требовать списания российского государственного долга означало, прямо скажем, требовать невозможного.

Наконец, одностороннее и необоснованное требование пересмотра своих обязательств находилось в кричащем противоречии с правилами поведения в цивилизованном сообществе. И оно уж точно было несовместимо с интеграцией страны в систему международных организаций, включая «семерку-восьмерку». Такие действия прямо подрывали возможность достижения страной ее стратегических целей.

Экономический рост

В 2000 году экономическая ситуация в России уже радикально отличалась от ситуации 1998–1999 годов, когда Россия находилась в состоянии тяжелого кризиса. В стране уже в течение двух лет шел впечатляющий экономический роста.

— Это из-за нефти?

— Экономический рост начался еще до начала повышения цен на нефть. В среднем в 1990-е годы цена барреля экспортной российской нефти составляла около 17 долларов. К августу 1998 года она снизилась до 10 долларов за баррель. В начале 1999 года она упала до 7,5–8 долларов. Весной 1999 года цена нефти пошла вверх, преодолев в апреле 11-долларовый рубеж. В сентябре 1999 года она уже превысила 18 долларов, а с ноября 1999-го уже не опускалась ниже 20 долларов.

Экономический же рост в России начался не в 2000 году, когда президентом стал Путин (или когда у него появился советник по экономике). Он начался и не в 1999 году, когда цена на нефть пошла вверх. Настоящий, реальный, устойчивый, или, как говорят на экономическом жаргоне, genuine, экономический рост в России начался в октябре 1998 года. Одним из важнейших факторов, обеспечившим начало экономического роста, стала девальвация рубля.

Напомню, что произошло именно то, что наш институт, Институт экономического анализа, предсказывал весной–летом 1998 года, выступая за отказ от политики «валютного коридора». Тогда наш институт выпустил несколько оперативных бюллетеней, специально посвященных проблеме валютного кризиса и детально обсуждавших неизбежную девальвацию. В отличие от наших оппонентов в правительстве и Центральном банке, в отличие от Гайдара и Чубайса, утверждавших, что девальвация валюты приведет к инфляции и гиперинфляции, к разрушению той эфемерной финансовой стабилизации, которая якобы была достигнута к лету 1998 года, мы утверждали другое.

Мы говорили, что динамика валютного курса и темпы инфляции, хотя и связаны между собой, но не столь прямо. Если нет массированной денежной эмиссии, то не будет и инфляции, хотя снижение валютного курса (девальвация) возможно. Более того, такое снижение курса рубля приведет к увеличению торгового баланса, снижению импорта, росту экспорта, прекращению экономического спада, началу экономического роста, увеличению занятости, повышению зарплат. На самом деле больших открытий тут мы не делали, мы лишь воспроизводили описание механизма действия экономических законов, известных в течение длительного времени и единых для всех экономик. То, о чем говорили мы, хорошо знает любой экономист среднего уровня подготовки, знакомый с основами денежной экономики. Помнится, наша позиция тогда подверглась осмеянию.

А в октябре 1998 года, сразу же после девальвации рубля, в России началось именно то, что было хорошо известно экономистам, то, что было детально описано в учебниках, и то, что предсказывалось в наших бюллетенях. Девальвация рубля произошла, а массированной денежной эмиссии не случилось. За это надо отдать должное правительству Евгения Примакова и новому (старому) председателю Центрального банка Виктору Геращенко.

— ***Как — Геращенко?!.***

— Да, Геращенко. С ним произошло удивительное превращение. Из активного сторонника и организатора денежной эмиссии и инфляции образца 1992–1994 годов в 1998–1999 годах он превратился в некое подобие монетаристского ястреба. Никакой излишней денежной эмиссии, умеренность, аккуратность, сдержанность — вот ведущие принципы политики, проводившейся им теперь.

Причину невероятной метаморфозы, случившейся с Геращенко, следует, видимо, искать в изменении политической обстановки в стране. Одно дело — работать председателем ЦБ при враждебном для него правительстве Гайдара, при президенте Ельцине, бывшем для него воплощением абсолютного зла. И совсем другое дело — работать председателем ЦБ бок о бок с Примаковым, своим многолетним коллегой по спецслужбам. В 1998 году было ясно, что Ельцину на своем посту оставалось уже немного времени и, следовательно, сообществу спецслужб необходимо было после его ухода обеспечить передачу высшей государственной власти в правильные руки. Примаков тогда рассматривался в качестве наиболее успешной кандидатуры Корпорации с высокими шансами быть избранным президентом России. Следовательно, экономическая и политическая поддержка правительства Евгения Примакова для Виктора Геращенко становилась делом чести, доблести и геройства.

Как бы то ни было, новое (старое) руководство ЦБ в лице Геращенко в этот раз отличалось удивительной приверженностью монетаристским принципам, а правительство Примакова — проведением адекватной экономической политики. Контраст в поведении Геращенко в 1998–1999 годах по сравнению с его же действиями в 1992–1994 годах был таким, что провалились все прогнозы, сделанные Гайдаром, Чубайсом, Улюкаевым сразу же после назначения Примакова и Геращенко в сентябре 1998 года. Тогда

они предсказывали к концу 1998 года и гиперинфляцию и падение валютного курса до 50 рублей за доллар. Ничего подобного в стране, как известно, не произошло.

Массированной денежной эмиссии Геращенко осуществлять не стал, и инфляция после вспышки в августе — сентябре достаточно быстро пошла вниз. Не случилось и падения курса рубля. После падения его до 20 рублей за доллар к декабрю 1998 года и 24 рублей к лету 1999-го — то есть примерно до того уровня, что наш институт предсказывал летом 1998 года, изменения валютного курса стали незначительными. Курс доллара преодолел 30-рублевую отметку лишь в декабре 2001 года и приблизился к 32 рублям за доллар год спустя. После этого под натиском растущих валютных поступлений он двинулся в обратном направлении, что и продолжает делать вплоть до сего дня.

В силу значительной девальвации рубля с октября 1998 года в России начался экономический рост. Причем следует обратить внимание на то, что наилучшие показатели экономического роста в России отмечались в течение года — с ноября 1998 года по август 1999 года. Тогда темпы роста ВВП оказались самыми высокими как минимум за последнюю треть века. Темпы прироста промышленного производства в среднегодовом исчислении тогда устойчиво держались выше 12%, в течение одного зимнего квартала — с декабря 1998 года по февраль 1999 года — они превысили даже 20%. Темпы прироста продукции обрабатывающих отраслей в течение полугода составляли 25%, машиностроения — 30–40%, легкой промышленности в течение года — 40–50%, производства электрооборудования — 50–60%. Это был по-настоящему экономический бум. Реальный бум. Бум на уровне азиатских «тигров» (Гонконга, Сингапура, Кореи, Тайваня). Бум, происходивший в условиях отчасти сходной с проводившейся в них экономической политики — бюджетной, денежной, валютной.

Подчеркиваю, блестящий экономический рост в России начался еще до моего прихода в администрацию. И до избрания президентом Владимира Путина. Более того, любопытно, что именно с августа 1999 года, с того времени, когда Путин был назначен премьер-министром России, темпы экономического роста заметно пошли на спад. Понятно, что само такое назначение вряд ли могло иметь столь оперативное воздействие на темпы экономического роста. Но факт остается фактом.

Если кто-то и что-то заслуживает признания за эти впечатляющие результаты, то это политика, проводившаяся, мягко говоря, розовым, если не сказать красным, правительством Е. Примакова с Ю. Маслюковым в качестве первого вице-премьера, М. Задорновым в качестве министра финансов, а также с В. Геращенко в качестве руководителя Центрального банка. Конечно, можно сказать, что они оказались счастливыми баловнями судьбы, не вполне понимавшими ни того, что происходит в экономике, ни того, что надо делать. Но, мне кажется, это не вполне справедливо. По крайней мере испортить, остановить, прекратить можно было какой угодно экономический бум. И советчиков, как это сделать, было немало. Да, в общем, и взгляды самих руководителей больших надежд не оставляли. Но — не остановили, не прекратили и не испортили!

Лица, оказывающиеся на руководящих постах, играют исключительно важную роль. В российском случае — в особенности. Политический характер проводившейся экономической политики впечатляет. Еще в середине 1990-х годов, наблюдая за цикличностью экономической политики в других странах с переходной экономикой, я допускал вариант развития, в соответствии с которым восстановление экономического роста происходит во время нахождения во власти как раз левых политиков. Однако, честно говоря, не предполагал такого радикального поворота, таких впечатляющих изменений за столь короткий срок. Удивительно, каких результатов удается добиваться, если граждане, в том числе и во власти, работают на себя, на свою политическую силу, на свою организацию, на свою власть. Когда они знают, для чего и для кого они действуют, то работают, как говорится, не за страх, а за совесть. И совсем другое дело — если они оказываются в ситуации борьбы против власти, являющейся для них чужой, если приходится работать против чужой политической силы, против чужой власти. Тогда кризисы и катастрофы практически гарантированы. Жертвой такой борьбы становится национальная экономика и, естественно, граждане страны.

Одним из наиболее важных наблюдений для меня тогда стало осознание того, что грамотная экономическая политика в принципе может проводиться и в нашей стране. Причем она может проводиться и коммунистами и представителями спецслужб, — если, конечно, им это будет надо. И де-факто именно такая политика проводилась в течение девяти месяцев — с сентября 1998-го по май 1999 года. Именно она способствовала получению наилучших, наиболее впечатляющих экономических результатов. Во многом именно потому я говорил, что по качеству экономической политики правительство Примакова оказалось гораздо более либеральным, чем правительства Гайдара, Черномырдина с Чубайсом, Кириенко. Насколько можно было видеть, самому Примакову лично слышать это было неприятно, он как будто ежился каждый раз, когда это слышал. Конечно, в части *либерала*, не в части похвалы. Сам он никогда такого термина не использовал, свою политику такой не признавал. Но и возражать — тоже, кажется, никогда не возражал.

Долг чести

С октября 1998 года в России начался устойчивый экономический рост. Он продолжался последний квартал 1998 года, весь 1999 год, весь 2000 год. К лету 2000 года за плечами страны оказалось более полутора лет бурного экономического роста. Настоящего бума. А с весны 1999 года в экономическую копилку начинает добавляться фактор роста цен на нефть. В таких условиях настаивать на списании внешнего долга было совершенно нелепо. Это примерно так же, как прийти в бар, позвякивая монетами в кармане, заказать пива, выпить его, а потом отказаться платить за выпитое.

Тем не менее Касьянов продолжал настаивать. В дополнение к разнообразным действиям в бюрократическом поле он вышел и в публичное пространство. Российские власти начали весьма агрессивную пропагандистскую кампанию, а за день до саммита на Окинаве Касьянов опубликовал в «Файненшел Таймс» свою статью с требованием к «семерке» списать часть рос-

сийского долга. Соответствующие рекомендации он, естественно, накануне дал и Путину.

«Семерка» тоже не дремала и готовилась дать отпор зарвавшемуся парвеню. По шерповским каналам было передано, что если только Путин на встрече с лидерами семи стран заикнется о списании долга, то ему быстро и в очень доходчивой форме пояснят правила поведения в эксклюзивном клубе.

Когда на саммите на Окинаве Путину было предоставлено слово, он спокойно и довольно подробно рассказал о том, что его администрация уже сделала и что собирается сделать в экономической сфере, какие реформы уже проведены, какие намечены. Слушатели ждали, когда Путин станет говорить про внешний долг. Мне показалось даже, что у некоторых участников встречи как будто бы даже начали сжиматься кулаки и они даже как-то немного подались вперед, принимая что-то вроде боевой стойки и готовясь к словесному удару. Путин закончил свое выступление, про внешний долг не проронив ни слова. Как будто эта тема его совершенно не интересовала. Как будто внешнего долга у России вообще не было.

Когда он закончил, в зале повисла тишина. Через некоторое время председательствовавший на встрече премьер-министр Японии Е. Мори недоуменно спросил: «И это все?» Путин пожал плечами. Опять воцарилась тишина. Лидеры «семерки» недоуменно и как-то даже немного разочарованно стали рассматривать Путина. Через несколько секунд Мори снова спрашивает: «Вы закончили ваше выступление?» Путин говорит: «Да». Опять пауза. Лидеры «семерки» смотрят на Путина, переглядываются, явно не понимая, что происходит. Наконец, в третий раз: «Я вас правильно понимаю, что вы завершили ваше выступление и вы ничего больше не хотите сообщить нам дополнительно?» — говорит Мори с ударением на «больше» и «дополнительно» и так пристально-пристально всматривается в Путина. Надо сказать, что и все остальные прямо впились глазами в Путина. А тот сидит совершенно невозмутимо и снова плечами пожимает: «Да нет, говорит, ничего». После этого Мори помолчал, медленно повернулся и так раздумчиво говорит: «Ну что ж, давайте переходить к следующему вопросу».

Так удалось избежать крайне неприятной ситуации, непродуктивной склоки и одновременно заложить фундамент будущего решения «семерки» в Кананаскисе.

Но проблема внешнего долга, естественно, никуда не делась. Поскольку она уже была вынесена в публичное пространство, то осенью 2000 года общественность была подробно проинформирована о концепции противодействия «голландской болезни» — я дал пресс-конференцию, ряд интервью, комментарии по отдельным аспектам этой проблемы. В журнале «Эксперт» была опубликована моя колонка «Долг чести». Чуть позже в журнале «Вопросы экономики» вышли статьи «Экономическая политика в условиях открытой экономики со значительным сырьевым сектором» и «Платить или не платить?».

Многие комментарии на мои выступления были однотипными: они в основном сводились к выражению недоумения различной степени эмоциональности. Предложения о выплате долга вообще, а к тому же и о выплате долга с опережением сроков казались тогда настолько невероятными, на-

столько странными и абсурдными, что некоторые авторы выражали сомнение в интеллектуальной и психической адекватности президентского советника: «Это же надо додуматься до того, чтобы бедная страна платила внешние долги, да еще и досрочно! Только ненормального на посту экономического советника президента нам и не хватало!»

Справедливости ради надо сказать, что не все отклики были такого рода. Помню, был развернутый комментарий на Полит. ру *«Андрей Илларионов: мировая рента, внешние долги и экономический рост — власти не сумели сложить этот пазл»,* порадовавший зрелостью авторов, к которым, как я узнал позже, относился и Кирилл Рогов.

Осенью 2000-го — зимой 2000/01 года ситуация заметно обострилась. Касьянов, не добившийся успехов на переговорах с Парижским клубом, пошел на весьма рискованную игру — на фактический шантаж кредиторов с односторонним — со стороны России — прекращением платежей. Это привело к эскалации угроз и обвинений с обеих сторон. С 1 января 2001 года Российская Федерация официально отказалась от обслуживания и выплаты внешнего долга. Касьянов официально заявил, что РФ сделать этого сейчас не может, потому что — цитирую близко к тексту: *в нескольких регионах страны случились большие морозы, где-то полопались трубы. Поэтому Россия не может позволить себе в таких условиях роскоши выплаты долга и прекращает платежи по Парижскому клубу.*

Шантаж со стороны Российского правительства был не только грубым и бездарным по форме, но и безосновательным по сути и, конечно, совершенно бесперспективным. В западных правительствах тоже экономические сводки читали, причем неплохо читали. Оснований для списания долга в той макроэкономической ситуации не было никаких. Кроме того, по правилам Парижского клуба списание долга вообще юридически невозможно. И наши западные коллеги неоднократно нас предупреждали, что в случае отказа России от выплаты внешнего долга страны-кредиторы вынуждены будут предпринять соответствующие действия, связанные с выходом России за пределы цивилизованного круга народов. И заплатить все равно придется. Иными словами, хозяева пивбара совместно с другими его завсегдатаями хорошенько проучат наглеца, отказывающегося платить, после чего он, утираясь, конечно, заплатит за свою кружку. А вот в бар его больше уже не пустят.

Тем не менее заявление о прекращении платежей в начале января 2001 года премьером Касьяновым было сделано. Министр финансов Кудрин также подтвердил, что Россия платить не будет. И 1 января Россия прекратила платежи. На Западе начались интенсивные консультации по поводу того, что делать с Россией. В начале января прошло несколько совещаний, в том числе на уровне финансовых шерп «семерки». Было принято решение: если по истечении нескольких недель Россия не возобновит платежи по внешнему долгу, то она превращает себя в изгоя международного финансового сообщества и исключается из работы клуба даже в формате «семерка плюс один». Если будет недостаточно, последуют и другие санкции.

Оснований полагать, что «семерка» блефует, не было. Опять я пытался убедить моих коллег пересмотреть свою позицию, чтобы не доводить дело до внешнеполитической катастрофы. Увы, мои усилия не увенчались успехом —

правительство решило самостоятельно и в инициативном порядке затопить свой «Титаник». 17 января финансовый сушерпа Германии и первый заместитель министра финансов Германии Кох-Везер по поручению своих коллег выступил на страницах «Файненшел Таймс Дойчланд» с публичным предупреждением о готовящихся санкциях в отношении России.

Я узнал об этой статье после того, как вернулся с пресс-конференции по вопросам долговой политики в агентстве Интерфакс. Позицию Российского правительства я, скажем мягко, раскритиковал. Центральными стали три тезиса: «Платить можно. Платить нужно. Платить выгодно». В конце добавил, что позиция Российского правительства об отказе от обслуживания внешних долгов подобна мелкому хулиганству — обрыванию телефонных трубок в будках и отправлению естественных нужд в подъездах.

Надо сказать, что народу на пресс-конференции было много, и такое заявление и по сути и по некоторой недипломатичности формулировок, конечно, имело соответствующее воздействие. Не буду скрывать, средствам массовой информации и у нас и за рубежом некоторые образы понравились, и они не преминули широко их воспроизвести. Однако каким бы ни было внимание СМИ, какими бы ни были мои заявления, это была лишь позиция одного человека — пусть и советника президента. Позиция правительства осталась неизменной.

— Какой прекрасный повод обвинить Вас в продажности и заявить, что Вы вражеский шпион!

— Так оно, в общем, и получилось. На следующий день газеты заполнились разнообразными комментариями, включая, естественно, и констатациями того, как высоко в российскую власть пробрались агенты ЦРУ.

Еще через день президент собрал чрезвычайное экономическое совещание по обсуждению долговой политики. На совещании первое слово было предоставлено Касьянову. Он начал споро — обвинил меня в предательстве, в измене, в работе на западные спецслужбы, в разоблачении секретных правительственных планов, в нанесении удара в спину правительству, напомнил присутствовавшим о гражданстве моей жены, продемонстрировал знакомство с весьма специальной информацией о допуске к секретным материалам. В конце он потребовал от всех и прежде всего от Путина прекратить предоставление мне каких-либо официальных документов: предоставлять информацию изменнику недопустимо!

Совещание шло примерно два часа, и выступавшие в разной, но уже более мягкой, форме поддержали Касьянова. Изменнические шаги советника президента были дружно осуждены. Чуть позже я узнал, что накануне Путин разговаривал с Гайдаром и Гайдар якобы сказал, что в общем и целом мое поведение недопустимо: надо выдерживать единую политику власти. Когда очередь дошла до меня и я попытался начать говорить, Путин меня прервал: «Андрей Николаевич, а вам говорить уже не надо. Вы уже все сказали»...

Совещание продолжалось. Президент внимательно слушал. Когда все выступили, Путин сказал: «Хорошо. Все понятно. Теперь я объявляю решение: Россия возобновляет выплаты по внешнему долгу». Никакой аргумен-

тации ни «за», ни «против» он не привел, просто сказал: «Решение принято, выполняйте». Касьянов стал малиновым, для него это было как гром среди ясного неба, он не мог такого даже представить и попытался возражать. Но Путин обрезал: «Дискуссия закончена. Решение принято».

Официальных публичных заявлений по итогам совещания никто не сделал. Лишь через несколько дней было выпущено специальное заявление Министерства финансов о том, что Россия возобновляет выплаты по внешнему долгу. Но ни у нас, ни на Западе его поначалу всерьез не приняли. Заявление об отказе платежей было сделано на одном уровне — премьером, а заявление о возобновлении платежей было другого уровня — Министерства финансов. К тому же и сам министр финансов молчал, заявление было подписано лишь министерской пресс-службой. Так что обстановка сохранялась напряженной.

В конце января российская делегация отправилась в Давос на Всемирный экономический форум. На сессии, посвященной России, огромное количество вопросов было посвящено именно этой теме: все считали, что Россия по-прежнему упорствует. Министр финансов Кудрин детально и подробно объяснял, что не надо беспокоиться, что Россия возобновит платежи, надо лишь уточнить бюджетную роспись. Я сидел рядом и не возражал. Участники сессии, кажется, так до конца и не поверили.

Тем не менее к началу апреля 2001 года задолженность по обслуживанию российского внешнего долга, накопленная с начала года, Минфином была полностью ликвидирована, и Россия вернулась в нормальный график платежей.

— А что со стабилизационным фондом?

— Борьба за создание стабилизационного фонда заняла еще несколько лет. Поначалу против него возражали все. Потом ситуация стала понемногу меняться. Примерно через год Кудрин согласился, что, пожалуй, это действительно правильно. Через два года в своем послании президент заявил о разделении бюджета на две части. После этого в качестве прототипа стабфонда был создан резервный фонд. Одновременно Минфин заказал Институту экономических проблем переходного периода (институту Егора Гайдара) подготовить законодательство о формировании этого фонда.

С начала 2004 года резервный фонд был преобразован в стабилизационный фонд, основные принципы которого были сформулированы весной 2000 года. С тех пор стабилизационный фонд представляет собой один из центральных элементов современной макроэкономической политики Российского правительства. Строго говоря, уже трех российских правительств — Касьянова, Фрадкова и Зубкова.

Любопытно, что сам Касьянов, выступая в начале 2007 года с одной из своих предвыборных речей, долго перечислял, что делается российскими властями неверно. А затем назвал то, что делается правильно, — сохранение стабилизационного фонда и погашение внешнего долга...

Что касается внешнего долга, то мое предложение о досрочном его погашении тоже было через некоторое время принято на вооружение и затем

активно исполнялось. Россия перестала брать новые кредиты, довольно быстро расплатилась с МВФ и затем приступила к погашению долга перед членами Парижского клуба. Общие размеры государственного внешнего долга были сокращены радикально: если на конец 1999 года он составлял 77% ВВП, то на конец 2007 года — уже менее 4% ВВП. К 2008 году основная часть внешнего долга, как унаследованного с советских времен, так и полученная в российские годы, уже погашена. Таким образом, оказалось практически выполненным еще одно мое предсказание — о том, что внешний долг можно полностью выплатить в течение 8 лет. В 2000 году такие слова многими воспринимались как бред.

Как видите, у нас уже не первый раз получается своеобразное закольцовывание — возвращение через годы к темам, которые появлялись раньше. Что делать — с течением времени нормальные люди корректируют свои позиции, а то и меняют их на противоположные. Так было с моей учительницей обществоведения. Так произошло позже и на совершенно другом — правительственном — уровне. И теперь российские правительства гордятся и работой стабилизационного фонда, и погашением внешнего долга. Не пропустил удачной возможности промолчать и Чубайс, только что расхваливший Кудрина за создание и отстаивание стабилизационного фонда и, очевидно, полагающий, что его требования трехлетней давности о выделении средств стабфонда для РАО ЕЭС уже забыты.

Забавно видеть, как авторы книжонки «Враги Путина» (меня туда тоже включили) расхваливают работу стабфонда. Смешно видеть «нашистов», носящихся по Москве с листовками, призывающими громить врагов Путина, и называющих в тех же листовках в числе заслуг и саммит «восьмерки», проведенный в Петербурге в 2006 году, и погашение внешнего долга.

Как известно, в России ни одно хорошее дело не остается безнаказанным.

Удвоение ВВП

Главным направлением моей работы было формирование макроэкономической политики. Какой? Оптимальной для сохранения, поддержания и ускорения приличных темпов экономического роста. Экономический рост — это одна из наиболее дорогих мне тем. В течение почти двух десятилетий до прихода в администрацию я занимался проблемами экономического роста. Придя же в администрацию, постарался воплотить в практической деятельности хотя бы часть своих теоретических наработок.

Проведенные исследования показали, что одним из ключевых (хотя и не единственным) факторов экономического роста являются так называемые *размеры государства*. Под этим термином в экономической науке понимается не величина территории страны, не численность ее населения, не параметры иных государственных символов — дворца правителя, главной имперской крепости, танковой или броненосной армады на полигонах и морях. *Размеры государства* в экономическом смысле — это удельный вес государственных расходов в национальной экономике, в ВВП. Причем для большей части стран мира (с населением более 1 миллиона человек) в

последние десятилетия характерна четко выраженная отрицательная связь между *размерами государства* и темпами экономического роста. Иными словами, большие *размеры государства* — высокий удельный вес государственных расходов в ВВП — препятствуют экономическому росту. Существует так называемая кривая экономического роста, весьма похожая на известную кривую Лаффера, с помощью которой можно определить оптимальные *размеры государства* для стран с разной численностью населения, находящихся на разных уровнях экономического развития.

Соответствующий анализ показал, что оптимальными *размерами государства* для современной России является полоса значений в пределах 15–20% ВВП. Именно при таком уровне государственных расходов в ВВП достижимы, при прочих равных условиях, максимальные темпы роста российской экономики. *Размеры государства* в 38% ВВП являются критическими — при превышении этого уровня экономический рост в стране становится невозможным. При более значительных *размерах государства* часто начинается экономический спад.

В 1992 году, во время деятельности правительства Гайдара, удельный вес государственных расходов в ВВП был увеличен до 72 % ВВП. Неудивительно, что страна погрузилась в жесточайший экономический кризис, более жестокий даже по сравнению с последними годами существования советского режима. Российский ВВП тогда упал на 14,5%. Будучи министром финансов и вице-премьером Борис Федоров сумел в 1993 году сократить размеры Российского *государства* до 45% ВВП. Экономический спад продолжился, но темпы его снизились до 8,7%. В 1994 году, избавившись от Федорова, Черномырдин увеличил государственные расходы до 48% ВВП. Темпы экономического спада возросли, и российский ВВП рухнул еще на 13%.

В 1995–1998 годах *размеры государства* удерживались на уровне около 42% ВВП. Экономический спад продолжался, но темпы его были уже меньше — около 3% в среднем в год. Августовский кризис 1998 года оказался одним из наиболее радикальных экономических хирургов, лишив власть свободных финансовых ресурсов и не позволивших правительству Примакова тратить более 35% национальных экономических ресурсов. Как известно, именно тогда и начался современный экономический рост в России.

Понимая, что устойчивый экономический рост возможен только в условиях разумной государственной нагрузки на экономику, на посту советника я старался добиться институционального закрепления изменения *размеров государства*, достигнутого в поставгустовские полтора года. Для начала были сформулированы целевые ориентиры экономической политики на первый и второй четырехлетние периоды президентства Путина. Наметившееся отступление — удельный вес государственных расходов по итогам 1999 года поднялся до 37% ВВП (по данным, имевшимся на то время) — означало неизбежное возвращение к экономической стагнации в лучшем случае, к возобновлению экономического спада — в худшем. Поэтому задачей номер один в экономической политике стало сокращение *размеров государства*.

Хотя оптимальным (с точки зрения максимизации экономического роста) значением удельного веса государственных расходов в националь-

ной экономике оказалась величина в 17% ВВП, было ясно, что в обозримом будущем достижение ее маловероятно. Цифра в 20–22% ВВП выглядела более реалистичной. Именно она и была выдвинута в качестве ориентира для достижения в течение 10–15-летней перспективы. В качестве ближайшей цели была поставлена задача сокращения *размеров государства* до 30% ВВП к 2004 году с дальнейшим их сокращением до 25% ВВП к 2008 году. Под эти целевые ориентиры была разработана всеобъемлющая программа реорганизации не только государственного бюджета, но всей бюджетной системы страны.

Сейчас я оставляю в стороне нашу долгую и малопродуктивную дискуссию с представителями экономических властей, начавшуюся еще во времена Центра стратегических разработок. И Греф, и Касьянов практически по всем вопросам экономической политики выступали против. Кудрин демонстрировал симпатию к некоторым идеям, но поначалу действовал иначе. Если в 2000 году госрасходы были еще на уровне 32% ВВП, то в 2001-м они поднялись уже до 34%, а в 2002-м — до 38% ВВП. Темпы прироста ВВП, достигавшие в 2000 году 10%, в 2001-м упали до 5,1%, а в 2002-м — до 4,7%.

Постепенно проникаясь идеями сокращения *размеров государства* и чувствуя заметное замедление экономического роста, Кудрин решился реализовать свой административно-бюрократический потенциал и инициировал создание в 2002 году специальной правительственной комиссии по уточнению государственных обязательств и сокращению государственных расходов. Наряду с сотнями специалистов из всех министерств и ведомств в этой работе участвовал и я. Должен сказать, что это была, пожалуй, наиболее значительная, наиболее продуманная и наиболее подготовленная реформа российских государственных финансов за последние два десятилетия.

Во многом опираясь на теоретическую базу, выдвинутую мной, и на практическую работу, осуществлявшуюся под руководством Кудрина, Путин в своем послании Федеральному собранию 2003 года выдвинул лозунг удвоения ВВП — удвоение экономических ресурсов на душу населения за десятилетие. 25 июня 2003 года на пресс-конференции в Александр-хаусе я познакомил общественность с материалами своего доклада «Как удвоить ВВП? Первый шаг к российскому экономическому чуду».

На лозунг удвоения экономического потенциала страны откликнулись и профессиональные экономисты, и руководители ведомств, и губернаторы. Как часто бывает в России, лозунг стал приобретать черты кампании. Из разных мест стали доноситься рапорты о том, как там все удваивается. Отчасти кампания, отчасти лозунг, отчасти содержательная программа подверглись и критике — в частности, со стороны заместителя директора гайдаровского института Владимира Мау. Тем не менее идея ускоренного экономического роста, российского экономического чуда, оказалась все же весьма популярной. Настолько, что была полностью воспроизведена в президентском послании следующего, 2004 года.

Реализация программы уменьшения *размеров государства* стала приносить свои результаты. Уже в 2003 году *размеры государства* были сокращены до 35% ВВП. Далее сокращение продолжилось: в 2004 году государственные расходы были снижены до 32,1% ВВП, в 2005 году — до 31,6%, в

2006-м — до 31,3% ВВП. В 2007 году их удельный вес в ВВП составил около 33% ВВП. Результатом чувствительного снижения государственной нагрузки на экономику стало заметное ускорение экономического роста и его выход на траекторию около 7% ежегодно в 2003–2007 годах. Вне всякого сомнения, российскому экономическому росту очень помогли и продолжают помогать сильно возросшие мировые цены на энергоносители. Но и вклад снижения государственной нагрузки является тоже весомым.

К сформулированному в 2000 году целевому ориентиру *размеров государства* на 2004 год — 30% ВВП — российские власти так и не пришли, но тем не менее существенно приблизились. Причем забавно, что максимальное приближение — около 31% ВВП — было достигнуто тогда, когда я уже ушел из администрации — в 2006 году. Платой за верность курсу (только в этой части, естественно) стал приличный экономический рост. Конечно, он мог быть и гораздо выше, темпы роста в России могли быть и двузначными, реализуй власти сформулированную в 2000 году программу полностью. Но даже то, что было сделано, дает основания испытывать известное удовлетворение.

Из всего того, что было сделано мною на посту советника президента, более всего, наверное, я горжусь именно этим. Это ведь весьма нечастая ситуация, когда экономист оказывается в государственной власти, причем в положении, когда он действительно может либо принимать существенные решения, либо влиять на их принятие. И тем большая редкость, если он может реализовать программу действий, базируясь на результатах собственных исследований. Еще реже случаются ситуации, когда в итоге получаются предсказанные результаты. И уж совсем почти невероятным выглядит продолжение той же самой политики после ухода ее автора из власти, соблюдение ее принципов теми же людьми, кто теперь публично возражает, критикует ее автора и даже называет его своим врагом. Причем независимо от всего этого результаты политики остаются теми же — устойчивый рост национальной экономики.

— А что относится к госрасходам?

— Очень многое. Расходы на оборону, образование, медицину, погашение внешнего долга, административные расходы, социальные расходы. Принципиальный вопрос экономического развития: кто тратит деньги — частник или государство? Если государство, то надо понимать, что в большинстве случаев оно тратит их менее эффективно, чем частник.

— И те самые льготы, которые подверглись монетизации, — это тоже государственные расходы?

— Это тоже государственные расходы. Я считал тогда и считаю сейчас, что в том виде и в тех размерах, в каких они существовали, наши социальные расходы были абсолютно неподъемными и непосильными для страны. То, что их надо было сокращать, — вне всякого сомнения. Другой вопрос — *как* сокращать. Ситуация, в которой значительная часть социальных

расходов достается людям зажиточным, а не бедным, нелепа. Она не только экономически неэффективна, она социально несправедлива. С другой стороны, я считаю, что лучший способ получения денег — их зарабатывание. Нет большего экономического вреда, наносимого бедным людям, чем не давать им возможности самим зарабатывать деньги, глушить их предприимчивость и инициативу раздачей государственных субсидий.

Социальные расходы были и, кстати, остаются весьма неэффективными и коррупционногенными. Причем размеры воровства в социальной сфере явно не меньше, а возможно, и больше, чем во многих других сферах. Такую ситуацию сохранять было нельзя. Другое дело, что сокращать любые расходы, а особенно социальные, нельзя чисто командным методом. Любое изменение устойчивого, повторяющегося поведения весьма чувствительно, болезненно. Такие изменения не могут быть осуществлены без детальных, долгих, часто очень трудных обсуждений и согласований со всеми заинтересованными лицами — от общественности до политических партий в парламенте. Как это делать, каким образом — очень важная и очень интересная тема. Но — другая.

Чтобы завершить тему «удвоения», позволю обратить Ваше внимание на итоговые результаты развития экономики страны за последние 9 лет. Со времени августовского кризиса 1998 году душевой ВВП в России вырос на 89%. В случае если экономический рост в 2008 году будет не ниже 5,5% (что весьма вероятно), то увеличение этого показателя за 10 лет составит 100%. Или удвоение за десятилетие. То есть произойдет то, что было выдвинуто в 2003 году в качестве лозунга, подкреплено теоретическими расчетами и поддержано практическими действиями. Вот так у нас получилось и еще одно любопытное «кольцевание».

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ

КОММЕНТАРИЙ К СОБЫТИЯМ РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ*

(июль — декабрь 2007 г.)

07.07.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок с человечинкой» и я, Виктор Шендерович. Человечинка, уже по традиции, позже, а пока — несколько сюжетов минувшей недели...

Первый сюжет, как вы понимаете, спортивный. Ну что сказать? Гватемала — она Гватемала и есть! В ночь на четверг довольно неприятным образом завершилась предвыборная сочинская эпопея. А именно — мы победили. Теперь начнется настоящая головная боль с позорищем. Теперь нам предстоит узнать на самом деле: каким образом полтора десятка тысяч зрителей попадут на сочинские склоны при одной-единственной узкой дороге? Когда этот вопрос нашим чиновникам задали в свое время члены отборочной комиссии, им было обещано строительство метро. В природоохранной зоне... Ну экологи с самого начала были в восторге от этой олимпийской затеи, но теперь сказка, похоже, станет былью. Готовьте пирамидон.

Но главное тут, конечно, психологический эффект, точнее сказать, психиатрический. В ближайшие годы российский народ будет переведен в режим ожидания сочинской Олимпиады и погружен в состояние, которое наука

* О формате «Комментария» Виктора Шендеровича см. в предисловии к выпуску в № 118. Готовя «Комментарий» для этого номера, редакция решила, однако, отступить от обычного своего правила и включить в выпуск тексты передач В. Шендеровича на радио «Эхо Москвы» не только, как обычно, за предыдущий квартал (с пропуском летнего отпускного периода), но и за октябрь–декабрь 2007 года. Это объясняется тем, что центральной темой передач В. Шендеровича в течение всего второго полугодия была, естественно, тема предстоявших выборов в Госдуму (которые состоялись 2 декабря), и нам хотелось, чтобы читатель мог получить единое и целостное представление о том, как она освещалась В. Шендеровичем — не только до, но и после выборов. Для этого, правда, объем материала (вдвое больший, чем обычно) пришлось подвергнуть и несколько большему, чем обычно, сокращению, но центральная тема «Комментария» от этого, надеемся, не пострадала.

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ — родился в 1958 г. в Москве. Окончил Институт культуры и аспирантуру Щукинского театрального училища по специальности «педагог по сценическому движению». Работал на ТВ (программы «Куклы», «Итого», «Бесплатный сыр»). Автор книг «Семечки», «Московский пейзаж», «Антология сатиры и юмора», «"Здесь было НТВ" и другие истории», «Шендевры» и др. Живет в Москве.

определяет как «психомоторное возбуждение с элементами эйфории» — помяните мое слово, через пять лет ни на что, кроме грядущего праздника спорта, население уже и реагировать не будет. Оно, собственно, и до Гватемалы особо не реагировало, а теперь кора головного мозга зарастет этой трын-травой окончательно!

Но вернемся к главному — к деньгам. Есть же, в конце концов, первоочередные траты, на которые средства у страны найдутся всегда... В отличие от всякой ерунды, которую россияне позволить себе не могут. Сравним, пожалуй.

Тридцать миллионов долларов потрачено на рекламу Сочи как столицы зимней Олимпиады 2014 года. По данным «Новой газеты», почти такая же сумма требуется на то, чтобы сделать пересадку костного мозга всем российским детям, страдающим лейкозами, и в выделении этой суммы правительством недавно было отказано. Как заявил представитель Минэкономразвития, выделение этих средств могло бы стимулировать инфляцию.

Вот такой экономический парадокс, граждане! Тридцать миллионов долларов, выделенных на борьбу с лейкемией у детей, могут стимулировать в России инфляцию — в отличие от тридцати миллионов долларов, выделенных на рекламу зимних игр в Сочи. Да здравствует наше образованное правительство, тонко чувствующее разницу и понимающее приоритеты. А как же дети? — спросите вы. Тысяча пятьсот детей в год, ждущих операции по пересадке костного мозга... Да пропади они пропадом, смело отвечу я от имени родного правительства. Главное — престиж страны! Льда в Гватемалу завезти сотню тонн — и Плющенко поверху пустить, чтобы все сознание потеряли. А как же демографический нацпроект? — спросите вы. Да все нормально, не парьтесь, отвечу я от имени родного правительства. Попиарился президент на демографии, теперь начнет пиариться на Олимпиаде — все путем! А дети, больные лейкозом, только отвлекают население от процесса единения. Не будем о грустном.

И еще немного о наших финансовых приоритетах, вызывающих уважение. Да что там уважение — восторг!

Бюджетный комитет Госдумы одобрил проект сметы расходов на содержание Госдумы на 2008 год. Как сообщает газета «КоммерсантЪ», работа нижней палаты парламента в следующем году обойдется налогоплательщикам из расчета почти в миллион рублей в месяц на одного депутата, а общая сумма расходов превысит пять миллиардов рублей. В среднем один парламентарий (вместе с помощниками и аппаратом) за три года «подорожал» для госказны на 65%.

Вот — не устаю гордиться Родиной! Безошибочно отличает элиту страны от всякой швали вроде учителей и врачей. У этих бедолаг зарплаты и были-то с гулькин нос, и растут по случаю нефтяной халявы — дай бог, чтобы со скоростью инфляции... А тут — за три года на 65%.

Теперь — один дивный сюжет с Лубянки: Лубянка на этой неделе снова заговорила. Как по другому поводу сказано в пьесе Шварца, «молчите, принцесса, вы так невинны, что можете сказать страшные вещи»...

Федеральная служба безопасности России предъявила официальное обвинение Борису Березовскому по ст. 278 — «заговор с целью захвата власти». Статья предусматривает наказание в виде лишения свободы до двадцати лет.

Я, признаться, как это услышал, — сильно удивился. Ну, думаю, есть еще порох в пороховницах, отчаянной смелости ребята эти чекисты! Потому что заговор с участием Березовского с целью захвата власти, между нами говоря, закончился блестящим успехом в 2000 году. Мы же прекрасно все помним, не так ли? Бориса Абрамовича при новом президенте Примакове нарезали бы ломтиками на мелкие и крупные статьи Уголовного кодекса, заодно с Пал Палычем, Татьяной Борисовной и прочими обитателями Семьи... И вот он почесал в умной своей голове — и началось! Взрывы домов с рязанским сахаром от Патрушева, ваххабиты как по заказу, вторая чеченская, Сергей Доренко с рентгеновскими снимками примаковского бедра, генпрокурор Устинов на подхвате и, наконец, всенародное голосование за никому не известного еще полгода назад персонажа — 110% «за» в последние два часа подсчета, привет от Вешнякова... Короче: чистая статья 278, заговор с целью захвата власти, до двадцати лет лишения свободы. Всем, по алфавиту. Молодцы чекисты, лучше поздно чем никогда! — решил я, прочтя сообщение ИТАР-ТАСС. Но, присмотревшись, обнаружил, что речь в нынешнем обвинении Березовскому идет вовсе не о девяносто девятом годе, не о грязи и крови того предвыборного года, а возбудило чекистов до такой невозможной степени давешнее интервью Бориса Абрамовича газете «Гардиан», где Борис Абрамович, продолжая по старой памяти играть в Гудвина великого и ужасного, расписывал мировой общественности свои галлюцинации по свержению старого корешка Владимира Владимировича... Ну это совсем другое дело — в эту игру им играть еще не переиграть! Ты догоняешь, я убегаю... Главное — не вспоминать про девяносто девятый и двухтысячный.

А теперь мы в прямом эфире. Я сразу начну с писем. Вот письмо от Ирины: *Даст ли новый закон об экстремизме повод для расширения полномочий власти считать каждого второго врагом Кремля?* Я думаю, не повод, а легальную основу для произвола, безусловно, даст. Расширительное толкование экстремизма позволит в принципе посадить, ну, не каждого второго, но очень многих, включая, например, половину журналистов «Эха Москвы». В этом законопроекте — еще не закон, слава богу — среди новых составов преступления я обнаружил формулировку о «заведомо ложном обвинении должностных лиц в экстремизме». Вот язык проговаривает замечательно, потому что для тех, кто постарше, словосочетание «заведомо ложное» очень памятно. Это вынырнуло из старой уголовной статьи «О заведомо ложных измышлениях насчет советской власти». Как мы знаем, впоследствии выяснилось, что эти «заведомо ложные измышления» были чистой правдой, но к тому времени эти люди гноились уже в лагерях многие годы. А еще в упомянутом Ириной законопроекте Госдума сохранила за правоохранительными ведомствами «право прослушивать телефоны подозреваемых в терроризме без санкции суда». Я не знаю, являюсь ли подозреваемым в терроризме, но в моей трубке до всякого законопроекта много лет назад еще щелкало регулярно. Теперь все это будет делаться в соответствии с законом, видимо. Терроризм от этого, я думаю, пострадает несильно, а вот то, что теперь государство может сидеть по пояс в замочной скважине у любого из нас — это точно. У Салтыкова-Щедрина в «Современной идиллии» полицмейстер фантазировал, как хорошо было бы в

околотке иметь копию ключей от квартир обывателей, чтобы полицейский в любой момент мог войти для проверки благонадежности. Вот мечты помаленьку сбываются. О заведомо ложных измышлениях, об экстремизме властей свеженькое сообщение: прокуратура Москвы не усмотрела нарушения закона в действиях милиции 14 апреля во время разгона «Марша несогласных». Ну кто бы сомневался, как говорится. Если бы Иван Грозный в Казани-Новгороде спросил мнение бояр, то тоже оказалось бы, что он там был в рамках закона.

У нас звонок, послушаем. Здравствуйте.

СЛУШАТЕЛЬ: *Добрый вечер. Александр меня зовут. Знаете, от чего тошно? Тошно от того, что, я думаю, не более одного-двух-трех процентов населения страны адекватно реагирует на то, что вы говорите, остальным — все по кайфу. Не думают люди просто, вот в чем беда-то, иначе все было бы по-другому.*

В. ШЕНДЕРОВИЧ: Дело не в процентах. Дело в том, чтобы давать возможность вообще обсуждать. Я не думаю, что те мысли, которые я высказываю, доступны максимум трем процентам населения. Должен сказать, когда были программы «Куклы», «Итого», то процент был чуть ли не в 10 раз выше иногда. Смотрели, слушали, и большая часть как-то разделяла. Значит, речь идет не о дефективности этих идей, не о том, что эти идеи не пользуются поддержкой, а о том, чтобы получить возможность об этих идеях рассуждать в эфире. Не только в эфире «Эха Москвы», а, скажем, на Первом канале... Я вот как раз на Первом канале давеча посмотрел ток-шоу, которое называлось «Должна ли Россия стать лидером борьбы за справедливое мироустройство». Это сильное впечатление, давно не смотрел Первый канал, но тут заставил себя. Спущенный с цепи Леонтьев, постоянный крик, истерика, затыкание рта оппонентам и, разумеется, победа в дискуссии. И две трети аудитории, молодой аудитории, высказались за то, что Россия должна стать лидером борьбы за справедливое мироустройство. Это вот, Александр, как раз к вопросу о том, к чему приводит фактическое отсутствие дискуссии, вот такой многолетний монолог власти. Он приводит к тому, что две трети разделяют это мажорное самоощущение. Совершенно поразительно — по всем социальным рейтингам мы по соседству с Венесуэлой, Нигерией. Умирающие дети — о чем я уже говорил в этой программе — нет денег на их лечение, чудовищное социальное расслоение, в 10 раз выше, чем в Нидерландах и в Дании. Нигерийский уровень коррупции. Вот только Нигерия не претендует на духовность. А мы страшно собой довольны, снова готовы учить человечество. Кстати, мы уже учили человечество, если кто забыл, была такая страна Советский Союз — форпост прогресса, оплот мира и социализма... На минувшей неделе BBC показало съемки, была обнаружена очередная тайная тюрьма советских времен с замурованными заживо людьми. Когда мы говорим об афганской войне, о том, что 13 000 погибло, мы говорим о своих ребятах, советских. Афганцев мы там пришили миллион. У нас большой опыт борьбы за справедливое мироустройство!

Ну бог с ним, с Советским Союзом. На этой неделе Европейский суд по правам человека признал Россию виновной в похищении и убийстве бывшего спикера парламента чеченской республики Ичкерия Руслана Али-

хаджиева. Вне зависимости от его заслуг, — как спикера Ичкерии и бывшего полевого командира, — суда никакого не было, ему надели мешок на голову, увезли в неизвестном направлении в наручниках и убили. Потом генерал Манилов и замгенпрокурора Бирюков долго врали, не совпадая в показаниях. Теперь есть обвинительный приговор России, мы 45 000 евро заплатим. Мы с вами, между прочим, заплатим за Бирюкова, за Манилова, за них всех. А тем временем в эфире Первого канала мы озабочены тем, что нам не дают справедливое мироустройство осуществить. Знаете, мне по этому поводу кажется, что человек, не способный принять душ, не должен претендовать на руководящее кресло в Институте гигиены.

Я отошел немножко от темы борьбы с экстремизмом. На этой неделе задержали, наконец, скинхеда Марцинкевича, самого известного московского скинхеда по прозвищу Тесак. Он много лет открыто носил свастику, торговал в Интернете съемками избиения кавказцев, нес прилюдно уголовную нацистскую ересь. В феврале он сделал это при большом количестве свидетелей в клубе «Билингва». Прокуратуре потребовалось полгода, чтобы решиться на его задержание. Вот напомню, что с Каспаровым на Пушкинской площади как-то разобрались в минуту. Тесака — полгода думали, брать или не брать. А он просто — «хайль, Гитлер» и все дела. Брали Тесака, по данным Интерфакса: сотрудники центра «Т», отряд милиции особого назначения МВД «Рысь», сотрудники управления по борьбе с организованной преступностью, сотрудники ФСБ. Вот вся эта дивизия брала Тесака. Слушайте, нужен один участковый милиционер, который придет по месту жительства, поманит пальчиком и уведет его в отделение милиции, больше не нужно. Не надо из Тесака делать национального героя. А дальше уже начался вообще грех, потому что, взяв Тесака, к нему по традиции не пустили адвоката и не кормили несколько дней. Понимаете, фашист в Освенциме — это, конечно, сильная картинка, но государство, называющее себя демократическим, которое ведет себя при этом по-фашистски, оно признается в том, что фашист победил. В данном случае Тесак, с которым государство начало вести себя по-фашистски, он победил. Вынужден констатировать этот занимательный факт.

Еще два письма. Кривицкий Антон, программист: *Не кажется ли вам, что запуганный Гайдар и осужденные вами в последней передаче Караулов и Соловьев просто делают максимально дозволенное на сегодня? Не такие уж они наивные, чтоб верить в сказку о добром царе и злых боярах. В советские времена Щекочихин и Ваксберг тоже критиковали отдельные недостатки, и всем было понятно, и никто их не осуждал.*

Антон, дилемма не новая, так сказать, Джордано Бруно и Галилей. Я не думаю только, что это имеет отношение к Караулову и Соловьеву. Да, можно делать все возможное в рамках системы, можно пытаться улучшить систему. В 70-х — если вы постарше, то помните, выбор приличного человека был между диссидентством и попытками очеловечить систему в рамках самой системы. Известно, что нельзя требовать от людей героизма, поэтому я с уважением отношусь к тем, кто пытался что-то делать в рамках системы. Отличие сегодняшнего времени от 70-х в том, что сегодня есть возможность не допустить обратного сваливания в ту систему, в андроповское царство. Надо пытаться, по-моему, по крайней мере, делать именно это. В любом слу-

чае, параллель между Щекочихиным и Карауловым-Соловьевым я оставляю на вашей совести. По-моему, это — совершенно немыслимая параллель, одно к другому просто не имеет никакого отношения. Разные составы души...

Очень много вопросов про Сочи. Мнения в диапазоне от гордости за страну, радости от того, что у россиян «появился общий повод для радости», и до того, что «ВВП опять сотворил очередную жирную кормушку для свиты, да и для себя, любимого». Мне кажется, что есть очень важный момент, который нельзя упускать. Речь даже не о воровстве, это дело очевидное и понятное. Но мне кажется трогательная, искренняя радость наша и членов российской делегации, тоже вполне искренняя, о том, что они в какой-то момент стали вдруг нормальными людьми, что в этот момент у них была радость за выигрыш России, а не пиление бабок. Это замечательно. Редкий случай. Но эта вся искренняя радость не должна от нас заслонять политическую часть произошедшего. Кто постарше помнит, как искренне радовались московской Олимпиаде. Я сам сидел на трибунах, радовался. Вот теперь, по здравом размышлении, я считаю, что бойкот той Олимпиады был делом правильным. Потому что нельзя проводить Олимпиаду в стране, которая ведет оккупационную войну. И при всей жесткости этого сравнительного ряда, я скажу: вспомним миллионы искренних немцев, которые искренне радовались берлинской Олимпиаде 36-го года. Это тоже был замечательный праздник спорта, Джесси Оуэнс, всякое такое... Участие в этой Олимпиаде было ошибкой демократических европейских стран и Америки. Нельзя проводить Олимпиаду в стране, где работают концлагеря. Ну, кажется, это понятно. И сколько бы ни говорили, что спорт вне политики... Ничего не вне политики. Олимпиада — мощнейшее пиаровское оружие, его надо давать не во всякие руки. Возвращаясь в Сочи, я не знаю, какой будет наша страна к 2014 году, тут может все сойтись, и очень славно. Но вот той России, которая есть сейчас, давать Олимпиаду, по моему личному мнению, не следовало. Не следует давать Олимпиаду стране, где убивают оппозиционных журналистов и сползают вниз в рейтинге всех гражданских свобод. Это плохой знак и дурной тон.

Счастья вам!

14.07.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок с человечинкой» и я, Виктор Шендерович. Сначала, как всегда, несколько кусочков минувшей недели, а уж разговоры потом.

Начнем с новостей спорта. Вот, понимаете ли: раньше у нас в стране были знаменитые «невыездные», теперь появилась каста знаменитых «невъездных» — Кобзон, Тарпищев... О последнем и речь: гадкие американцы пустили его на матч Кубка Федерации только в последний момент.

«Никто из представителей США никогда не сталкивался с подобными проблемами, — заявил Шамиль Тарпищев, комментируя первоначальный отказ в выдаче американской визы. — Представляете, какая поднялась бы шумиха за океаном, если бы, например, вдруг не получил бы российскую визу капитан сборной США Джон Макинрой?»

О да! Но тут я должен прямо заметить Шамилю Анвяровичу, что в аналогичном случае шумиха за океаном поднялась бы гораздо раньше. А имен-

но: если бы Джон Макинрой годы напролет дружил с тамошними криминальными авторитетами, имел с ними общий бизнес и был бы замечен в рэкете, он бы не тренировал сборную, а сидел в тюрьме, — и ни умение отличать бэкхенд от форхэнда, ни знакомство с людьми из администрации Белого дома ни капельки бы ему не помогло... Такая бессердечная страна! Но Макинрой живет себе, как живет, а вот у Тарпищева — давние проблемы с белоглавым орланом. Сам Шамиль Анвярович, комментируя их, только плечами пожимает: дурные американцы, верят газетным сплетням...

Сплетни действительно отвратительные! И самое отвратительное в них то, что многие подтверждаются документально, включая роль Тарпищева в восхождении «алюминиевых королей» братьев Черных (вокруг которых, надо сказать, крови еще больше, чем алюминия); включая совсем уж нехорошую историю вокруг Национального фонда спорта, — тоже с трупом, как раз бывшего главы фонда (успевшего напоследок рассказать, как Тарпищев насылал на него братков из измайловско-гольяновской ОПГ, выбивая сто миллионов долларов на предвыборную кампанию Ельцина)... Но что рэкет! Вокруг этой милой компании — братьев Черных, Тайванчика, Тарпищева, трио Коржаков–Барсуков–Сосковец... — не осталось в те годы, кажется, ни одной незанятой статьи Уголовного кодекса. Выбирай на любой вкус — от фальшивых чеченских авизо до наркоторговли... И все это, надо заметить, как-то ну совершенно не интересует российское правосудие. То есть заинтересовало в свое время, но совсем ненадолго: до первого окрика. А теперь и вовсе забыли — хотя одних нерасследованных трупов там, повторяю, с десяток... Ну, тут уж ничего не поделать, очень занятое у нас правосудие! — не поднимая головы, добывает в Англии Закаева... Срочный заказ... Остальное подождет!

Ну а с визой все решилось, в конце концов, благополучно: не желая чересчур раздражать Россию в свете совместной жизни на одном шарике с Ахмажинежадом, Штаты выдали в последний момент Тарпищеву одноразовую въездную визу. Теперь остается с ними поквитаться через Чакветадзе, и все будет хорошо!

Высокий уровень правосудия в России, о котором шла речь в предыдущем сюжете, давно заметен всем невооруженным людям невооруженным глазом, — поэтому при первой открывшейся возможности люди начали валом валить за справедливостью в Страсбург. И вот уже там каждое пятое дело — из России, и надо заметить, почти все они заканчиваются в пользу истцов, то есть не в пользу Российской Федерации. Нехорошо получается... С этим, конечно, давно надо было что-то делать, и вот один умный человек наконец придумал, что именно!

Глава Конституционного суда России Валерий Зорькин предложил изменить порядок обращения в Европейский суд по правам человека, обязав заявителей пройти перед этим еще одну инстанцию — Верховный суд Российской Федерации. Без этого Зорькин считает возможности российского правосудия не исчерпанными. «В Страсбург идет огромный вал жалоб, — заявил он в интервью агентству «Интерфакс». — При этом отсекается вершина пирамиды судебной власти в нашей стране».

Вал жалоб в Страсбург можно сократить двумя способами — либо попробовать укоренить в России что-то похожее на европейское правосудие,

либо оставить правосудие как есть азиатским и перекрыть жалобщикам путь в Европу. Надо ли говорить, поклонником какой концепции выступил г-н Зорькин? Правильно! Пускай теперь матери «Норд-Оста», матери Беслана, и просто никому не известные матери запытанных насмерть чеченцев... — после всех тверских, басманных и мещанских судов дадут еще пару кругов по Поварской улице, вокруг вершины этой нашей египетской судебной пирамиды, Верховного суда! Дадим людям исчерпать возможности российского правосудия! Мы же знаем, как остро реагирует Верховный суд на униженных и оскорбленных, на каждое нарушение закона... Мы же знаем, не правда ли? Страсбург, видимо, тоже в курсе — оттого и не спешит согласиться на нагловатое зорькинское предложение. А впрочем, Зорькину это и не главное — главное, вышел человек из уголка, где сидел тихой мышкой, напомнил о себе, сказал слово в струю, отметился заботой о начальстве! Мы все надеемся, что начальство это заметило и оценит...

Еще раз добрый вечер, мы в прямом эфире. Но перед тем как дать звонки — немножко в продолжение этой страсбургской проблемы, потому что ее разные российские инстанции решают по-разному; так сказать, в соответствии с профилем. Так вот, в Страсбурге уже дюжина обвинительных приговоров только по Чечне и по трем делам истцы, родственники погибших, не дожили до решения суда. Подробнее об этом можете посмотреть статью Александра Черкасова на сайте ej.ru., он работник «Мемориала» и очень подробно про это пишет. Вот самый выразительный случай: Зура Бетиева вместе с семьей была расстреляна в своем доме в станице Калиновская, это произошло в особо охраняемой зоне рядом с российской военной базой. Убийцы говорили по-русски — и прежде, чем ее застрелить, проверили документы. Возвращаясь к предыдущему сюжету: если бы Зура Бетиева перед подачей иска в Страсбург пошла сначала в Верховный суд, как предлагал Зорькин, она и ее близкие, включая младенца, были бы расстреляны федералами, наверное, чуть позже... Вот в этом можно увидеть единственную пользу от предложения судьи Зорькина.

Кстати, в Страсбурге до конца этого месяца, видимо, будет новый приговор. Речь идет о зачистке в селении Новые Алды, это февраль 2000 года, питерский ОМОН... Там было убито более 50 человек. (Это все по поводу неисчерпанных возможностей российского правосудия, которые так взволновали Зорькина). Так вот, следователю прокуратуры, который приезжал в Питер, отказались выдать фотографии всех бойцов ОМОНа, участвовавших в зачистке. Среди тех фотографий, которые следователю удалось добыть, свидетели опознали одного человека как убийцу и мародера. Вот с тех пор именно этого бойца питерского ОМОНа никто не видел — прячем его, понимаете? Как прячем и Ульмана с командой убийц. Так что «привет» вам, господин Зорькин, со всеми вашими «неисчерпанными возможностями российского правосудия». А всего — это официальные данные, которые как раз на этой неделе были опубликованы — за две войны чеченских пропало без вести в Чечне 4300 человек. Около полутора тысяч — за первую, и больше 2800 — с 2000 года. Тут нелишне напомнить, что как раз в феврале 2000-го наш главнокомандующий объявил вторую чеченскую войну законченной; Чечню полностью взяли под контроль федераль-

ные силы. 2800 пропавших чеченцев с тех пор — это уже «привет» не Зорькину, а гаранту.

Смежная тема: Генпрокуратура заявила, что за последние годы Великобритания стала «одной из самых любимых стран, где можно скрываться от ответственности за преступления, совершенные на территории России». Учитывая поведение России в деле об убийстве Литвиненко, можно констатировать, что это раздался крик «держи вора»...

Насчет взаимоотношения Генпрокуратуры с английским правосудием я вам сейчас расскажу одну историю поучительную, которую вам, видимо, забыли рассказать по Первому и Второму каналам телевидения. Это касается дела Закаева. Так вот, при рассмотрении в районном лондонском суде выяснилось, что 10 из 10 эпизодов, предъявленных Закаеву, сфальсифицированы, понимаете? Не «не доказаны», а сфальсифицированы. Один эпизод — вообще чудо чудное. Наши там говорили (Генпрокуратура), что Закаев убил двух православных священников. На процессе в Лондоне выяснилось, что, во-первых, не Закаев, а во-вторых, не убил. Привезли одного из расстрелянных — он оказался жив — сама прокуратура наша привезла его в лондонский суд, и священник этот выступил на стороне Закаева, заявив, что этого человека видит в первый раз и претензий к нему не имеет. И так, как в том анекдоте, десять раз, понимаете? Вот вам и все злокозненное английское правосудие. Я думаю, Генпрокуратура, давно развращенная российской практикой, привыкла вот так «по-басманному» работать в одной упряжке с судьей — и полностью дисквалифицировалась. Я уж не говорю о Закаеве — ничего не могут доказать, даже когда есть что доказывать. Вот сейчас (кстати, это очень интересно) за Березовского взялась Бразилия. Вот посмотрим-посравним.

Ну, и напоследок виньеточка.

Зампред ЦК КПРФ Иван Мельников назвал фигуры, которые станут «символами» избирательной кампании коммунистов на декабрьских выборах — это Фидель Кастро, Уго Чавес и Александр Лукашенко. По мнению Мельникова, в сознании избирателя эти люди неразрывно связываются только с КПРФ и «своей успешной практической деятельностью доказывают состоятельность нашей политической и экономической платформы».

Да-а... Еще Высоцкий предупреждал: «Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков!» Кубе, Венесуэле и Белоруссии в этом смысле повезло на всю голову — вожаки нашлись. Состоятельность их экономической и политической платформы иллюстрируют перелатанные вусмерть «бьюики» пятидесятых годов на улицах Гаваны — с тех пор, как проклятые капиталисты бежали с острова Свободы, других средств передвижения туда так никто и не завез. Эта же печальная машина времени начала работать в Белоруссии и Венесуэле — и дайте срок, выдаст на-гора тот же кубинский результат — с повальной нищетой и толпами малолетних проституток, готовых осчастливить иностранца за пять вражеских долларов. Но что правда, то правда: недостаток экономики с лихвой восполняется харизмой лидеров: настоящие буйные! Тут предвыборный интерес КПРФ можно понять — грех не попользоваться напоследок Фиделем Кастро! Не Зюганова же с Купцовым на растяжки вешать — эдак от коммунистов последний электорат сбежит, от тоски...

Счастья вам!

08.09.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок с человечинкой» и я, Виктор Шендерович. Человечинка, по традиции, позже, а для начала — сюжеты минувшей недели... Их абрис, впрочем, можно было нарисовать заранее: наступил сезон выборов! Чай, мы не первый год замужем — правила этого жанра выучили наизусть. Ну, обо всем по порядку...

Как обещало, не обманывая, явилось солнце наше утром рано в Кремль, 2 сентября — и подписало указ о назначении выборов в Государственную думу. Дата выборов (2 декабря) была известна заранее, но указы и законы вступают в силу только после публикации, а как раз публикации наутро и не случилось. И все партии двое суток простояли на низком старте с затекшей, поднятой кверху задницей, ожидая появления указа в печати. Впрочем, в такой позе стояли, конечно, не все партии, а все, кроме одной. Вы угадали ее имя, не правда ли?

По информации газеты «Ведомости», задержка публикации Указа президента о назначении выборов в Государственную думу была связана с защитой интересов партии «Единая Россия». В случае публикации президентского Указа в минувший понедельник «единороссы» просто не успевали бы вовремя сдать в Центризбирком необходимые документы, отмечает газета.

Ну да. Съезд-то свой они назначили на 2 октября, позабыв, что уже 3-го закрывается окошко в ЦИКе... Чистая глупость, короче. Что бы тут сделала другая партия? Выгнала ответственного за проваленный участок работы — и перенесла съезд на пораньше. Но ведь — траты, хлопоты... Зачем, когда в Кремле все свои, и можно, ничего не меняя в графике, просто сдвинуть на пару дней начало предвыборной кампании? Помните, как в старом фильме «Игрушка» (с Ришаром) — хам-начальник, севши далеко от праздничного стола, не придвигает к нему стул, а подвигает к себе стол? Вот у нас — тот самый случай. В странах позатейливее за один этот хамский номер правящую партию съели бы вместе с правящим президентом, но у нас барометр давно прибит к нулю и стесняться некого. Поэтому в Кремле попросту отбоярились «техническими причинами». Видать, принтер у них сломался, два дня чинили... В общем, поздравляю вас с началом предвыборной кампании — с равными возможностями для участников, хе-хе.

Впрочем, правила приличия никогда особо не смущали обитателей наших политических тропиков. Агитация за «Единую Россию», в сущности, никогда и не прекращалась, а ближе к выборам начала приобретать такие формы, что хоть стой, хоть падай. Особенно внутри самой партии, откуда в преддверии восьмого года начали на всякий случай помаленьку тикать налево, в конкурирующие организации.

Как сообщает газета «Новые известия», губернатор Орловской области Егор Строев, выступая на политсовете регионального отделения партии «Единая Россия», предупредил чиновников: «Бежать можно только в двух направлениях: или в "Единую Россию", или в места не столь отдаленные. Другой дороги нет».

Слова господина Строева — не пустой звук для ушей его партийных товарищей. Перед глазами партийных товарищей — судьба пары местных чиновников с не той политической ориентацией, ныне проводящих досуг

на допросах в прокуратуре... Умница, Егор Семенович! Рептилия вы наша бессмертная, практически без изменений пережившая политическую эволюцию страны... Я ж говорю: тропики! Что обком КПСС, что региональное отделение «Единой России»... Знай лежи себе, глаза наружу, притворяясь куском дерева. Одно слово: Орел!

К теме выборов. Много вопросов про Митрофанова, который перебежал от Жириновского к Миронову. *Это залп по ЛДПР из кремлевских башен?* Это слишком сложная трактовка простого события. Я не думаю, что в этот раз решено обойтись без Жириновского. Поговаривали, в общем, давно. И рывок Митрофанова наружу — это просто симптоматика политическая. Та самая симптоматика, про которую замечательный поэт Гандлевский по другому поводу, правда, сказал в свое время, что «бактерии не ошибаются». Просто изменилась питательная среда, теперь питаться можно в другом месте, в другой партии, — ну, теперь Митрофанов в другой партии. Ответный ход Жириновского носит, кстати, вполне привычный клоунский характер. Он, если знаете, предъявил расписку, в которой Митрофанов обязуется выплатить в партийную кассу два миллиона евро. Тут самое смешное, что Владимир Вольфович заверил общественность, что это были личные деньги Митрофанова, которые он не воровал. Откуда у этого беззаветного борца с властью и коррупцией завелись личные два миллиона евро, не уточняется. Вот малозаметное сообщение прошедшей недели: Иван Новицкий из СПС, депутат Мосгордумы, уже в «Единой России». В «Справедливой России» рядом с Митрофановым будет работать Хованская из «Яблока». Мотивы перехода в партию власти у Хованской и Митрофанова, конечно, различны, потому что Хованская — экономист, а Митрофанов — это Митрофанов. Но общей картины это не меняет. Просто в России нет политических партий, ведущих между собою политическую борьбу. И довольно давно нет. Есть многочисленная номенклатура, которая хочет оставаться номенклатурой. И знаете, как на шоссе с многополосным движением, все эти господа перестраиваются вправо или влево, но лишь только для того, чтобы прорваться вперед. Вся их «правизна» или «левизна» только в этом. Кремль в этой метафоре исполняет роль мента, который тормозит или пропускает вас вперед по своему вкусу и интересу. Может отобрать права, может взять деньгами. Так, по интересам.

И вот еще — отдельный штрих в картине недели. Сообщение о том, что в Кремле принято решение выбросить из предвыборных списков «Справедливой России» двух наиболее сильных кандидатов. Оказывается, они заказали социологию, и выяснилось, что «Справедливая Россия» может набрать гораздо больше голосов, чем «Единая». В общем, если это политическая конкуренция, то я Папа Римский.

Счастья вам!

15.09.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок с человечинкой» и я, Виктор Шендерович. Человечинка, уже по традиции, позже, а пока — несколько сюжетов минувшей недели, начиная с главного.

Поздравляю: у нас радость! В России успешно испытана самая мощная в мире вакуумная бомба. Как мы без этого жили — теперь и ума не при-

ложу... Незаменимая вещь в хозяйстве! Вес — за десять тонн, мощность в четыре раза больше, чем у аналогичной американской дуры, а по площади поражения превосходит ихнюю аж в двадцать раз. Что, по словам представителя Минобороны, «позволило снизить требования к точности»! То есть американцы, при помощи спутниковой системы координат, захундячат своим изделием тютелька в тютельку, а наши захундячат куда бог пошлет. Главное теперь — попасть в правильный континент, а шиздец будет тот же самый, только уже везде. Человек из Минобороны обрадовал россиян, что так гораздо дешевле. Кстати! Вы, может, поинтересуетесь: почем эта бомба? Не поинтересуетесь? Ну и правильно, все равно вам никто не скажет. Да и — миллиард туда, миллиард сюда... в наших-то нефтяных эмиратах... Не будем мелочиться! Не в деньгах счастье: «почем?» — бог с ним, но вы, может, хотите узнать: зачем? Так, из чистого любопытства. Потому что если эта кузькина мать с доставкой на дом уже висит в закромах Родины, возле карты мира, — волей-неволей хочется пофантазировать. Оно нам вообще к какому месту, это изделие? Для политики сдерживания? Так с головой хватало того, что насовали по шахтам еще при Брежневе! И тут выясняются подробности. Оказывается, ядерное оружие запрещено, а этого вакуумного идиота можно пристроить к делу, не нарушая конвенций!

Выступая в эфире Первого канала, заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил России генерал-полковник Александр Рукшин заявил, что новая вакуумная бомба по своей эффективности и возможностям соизмерима с ядерным боеприпасом, но при этом, по сравнению с ним, «абсолютно не загрязняет окружающую среду».

Понимаете? Практически Гринпис. Но вернемся к вопросу у карты мира: зачем? То есть куда? Куда гвоздануть этим разрешенным боеприпасом? Может, по Страсбургу, чтобы закрыть вопрос с правами человека? Или сначала по Тбилиси, в порядке двусторонних отношений? Лондон тоже неплохой город... Какие вообще мысли на этот счет в Генштабе? Зачем-то ведь они ее изготовили, эту десятитонную дрянь? Но пока мы фантазируем, на вопрос уже ответил, в том же интервью Первому каналу, тот же генерал-полковник.

Как заявил генерал-полковник Александр Рукшин, «новый боезаряд обеспечит нам возможность дать реализацию безопасности государства и в то же время противостоять международному терроризму в любой обстановке и в любом регионе».

Генеральский стиль — Флобер окочурится! «Обеспечить возможность дать реализацию безопасности». Но главное, конечно, содержание: вакуумная бомба против международного терроризма. «В любой обстановке» и, заметьте, «в любом регионе»! Это свежая мысль. Раньше-то как раз террористы обнаруживались в тот момент, когда где-нибудь что-нибудь взрывалось. Но теперь пояс шахида — вне конкуренции! Надо подсказать Израилю, а то они там, дурачки, отстреливают бандитов по одному... А всего и делов: бросить одно такое изделие на сектор Газа — и никакого «Хамаса». Правда, еще пол-Израиля волной снесет, ну так — война с террором! А покамест израильтяне телятся, можно попробовать на Ингушетии — там и обстановочка уже подходящая, и простора побольше, и все свои. Из артил-

лерии по жилым домам мы прямой наводкой уже били, но хайтек — совсем другое дело, не правда ли? М-да... Вакуум, я вам скажу — страшная сила, особенно когда он в голове.

Теперь — отчасти в продолжение армейской темы. На минувшей неделе члены Общественной палаты посетили Североморск... Любимый барин приехал — Никита Михалков да с Леонидом Якубовичем впридачу... Чистая благодать! Походили они на крейсере, посмотрели стрельбы, в общем, поиграли немного в войнушку, имеют право. Одному после Венеции развеяться надо, другой все буквы по сто тысяч раз перебрал, — тем более пора на воздух... Короче: гражданский контроль над армией! Напоследок Михалков обобщил текущий исторический отрезок.

Никита Михалков: «Самое главное, что происходит сейчас... Как бы возрождается наше уважение к самим себе, наше понимание значимости российского флота и армии. Понимаете, не столько как образ нападения или защиты, это образ жизни. Для России армия и флот это был образ жизни».

Да... В других странах армия — необходимость, и налогоплательщики скидываются понемногу на это дело, как вы тратите деньги на дверной замок и слесаря. Но у нас — шалишь! У нас дверной замок — национальная идея, и дежурство с берданкой у «глазка» — образ жизни. Живем в обнимку с берданкой и повышаем самоуважение... Никого там давно нет, с той стороны глазка, соседи на двадцати языках молятся, чтобы мы сами, газа надышавшись, не полезли наружу... А мы все сторожим дверь, и драим замок, и мордуем собственных детей, возрождая уважение к самим себе. Образ жизни!

Теперь еще о нашем образе жизни — несколько слов прозой. Образ-то жизни привычный, да проза выходит иногда довольно тяжелая...

Автомобиль сопровождения, обеспечивавший прохождение кортежа председателя Верховного суда России Вячеслава Лебедева, в понедельник утром столкнулся с «жигулями» на Калужском шоссе. В результате аварии пассажир «жигулей» погиб; водитель, женщина, находится в тяжелом состоянии. По словам источника в правоохранительных органах, «четверка» неожиданно выскочила навстречу кортежу Лебедева, и милицейский «мерседес» был вынужден пойти на столкновение, «приняв удар на себя».

Милый источник в правоохранительных органах забыл уточнить, что «жигули», неожиданно, видите ли, выскочившие навстречу кортежу, ехали с нормальной скоростью по своей полосе и были раздавлены кортежем главы Верховного суда, с ним самим в середке, несшимся по «встречке» со скоростью около 150 км/час. Выразительная получилась метафора правосудия в России, не правда ли? Метафора со смертельным исходом, и далеко не первая такая...

Итак, новая вакуумная бомба, старая симуляция гражданского контроля над армией, несгибаемое правосудие, несущееся по встречной полосе... Я ничего не забыл из важных событий недели? Да, пожалуй, ничего. А если вы насчет Фрадкова–Зубкова — так это у нас идет по разряду потехи. Вы же видели этот сеанс психиатрии: сначала Фрадков пересказал Путину мысли Путина об отставке правительства, потом Путин рассказал Фрадкову об успехах кабинета Фрадкова... Россияне к таким сеансам давно привыкли, это у нас восьмой год вместо Кашпировского... А что через пару

часов Путин вынул из рукава и поставил вторым человеком в государстве дядечку, о котором россияне и слыхом не слыхивали, — так это нам тоже не в новость: самого Путина-то кто знал летом 99-го? Это где-нибудь в европах население охренело бы от такой наглости, а потом встало на дыбы и понесло бы власть по кочкам, а у нас — русская народная тишь да гладь: барину виднее! Тоже, так сказать, образ жизни...

Ну вот, и снова добрый вечер! Мы в прямом эфире. Явление Зубкова с новой силой возбудило интерес граждан к кооперативу «Озеро» — я имею в виду письма, которые пришли на наш сайт. Ирина спрашивает: *Все ли пять человек, фамилии которых обещал назвать Путин, будут из этого кооператива?* Другая Ирина, садовод, просит подробнее рассказать про этот кооператив: *Как он стал кузницей кадров? Все ли члены товарищества вошли в новое политбюро или кто-то, по-прежнему, груши околачивает?* Я не знаю, Ирина, может, в пайщики этого кооператива затесался какой-нибудь застенчивый человек со старыми представлениями о приличиях. Но, судя по тенденции, все они в данный момент околачивают самые доходные груши нашей Родины. И околачивают очень успешно. Говоря словами нашего президента, «молотят, как швейцарские часы».

Виктор из Санкт-Петербурга спрашивает в связи со всем этим: *Не кажется ли вам, что Путин просто глумится над всеми своими коллегами и над нами тоже? Может, ему просто нравится всех вокруг пальца обводить? Мне вообще кажется, что этот Зубков все равно не станет президентом.* Это самонадеянное заявление с вашей стороны, Виктор. Может, и не станет, а может, и станет. Замечательно то, что от нас это практически не зависит. За семь лет россияне расслабились до такой степени, что — может Зубков, а может Пупков — я ж не знаю фамилий всех членов кооператива «Озеро»... Может, еще и Пупков будет президентом! А насчет того, что глумится — ну, а чего ж ему над нами не глумиться, мы вполне этого заслуживаем. Это свободных граждан уважают, а над холопами глумятся. Это нормально. Раз мы позволяем такое делать безнаказанно, и рейтинг растет, — значит надо над нами глумиться. Кстати, одна из форм глумления: на третий день Путин вдруг вспомнил, что нужно придумать какую-нибудь все-таки более или менее уважительную причину для отставки правительства, помимо пресловутой собственной «свободы рук» — и придумал. Оказывается, дело в том, что министры «сбавили обороты». Это в пятницу было сказано, после отставки в среду. До этого работали хорошо, а тут сбавили. А Путин, стало быть, озабочен исключительно эффективностью руководства. О чем и вспомнил в пятницу, на третий день... Глумится, конечно...

Дмитрий Петров, политолог, пишет: *Нельзя ли напрячь В. В. Путина выставить не одну, а две кандидатуры: Россия от этого бы только выиграла.* Дмитрий, если вы знаете какой-нибудь способ напрячь Путина, немедленно расскажите! А пока что я хочу вам по секрету сообщить, что Путин вообще не должен выставлять никаких кандидатур — ни одну, ни две, ни пять. Путин должен доработать свой второй срок и уйти из Кремля на все четыре стороны. А мы должны выбрать себе следующего президента — в процессе равных и честных выборов, предусмотренных Конституцией. Вот от этого Россия точно выиграла бы.

Инженер-нефтяник Константин ябедничает мне, что *«Единая Россия» прямо назвала Виктора Зубкова будущим президентом. Вице-спикер Морозов заявил: «Мы все хотим, чтобы это был Виктор Алексеевич Зубков». Это простой подхалимаж, или «андроиды» действительно что-то знают?* Константин, я думаю, что андроиды не могут ничего знать. Андроиды поступают в соответствии с инструкцией по пользованию. В инструкции у них записано: одобрение действий президента. Андроиды попроще — просто одобряют, андроиды посложнее — пытаются угадать. Вот и все.

Дмитрий Ходарев спрашивает: *Что такого, на ваш взгляд, должен узнать наш народ о ВВП, чтобы в одночасье отвратиться от него? Или ВВП божественен во всяком своем проявлении?* ВВП абсолютно божественен при наличии Первого, Второго и всех остальных федеральных телеканалов. Насчет одночасья, Дмитрий, я не уверен, но при наличии свободной электронной прессы он перестает быть божественным на второй день, а на двадцать второй народ начинает собираться вокруг Кремля с вилами. Потому что за восемь лет накопилось довольно много тем для подробного рассказа — от финансовых историй до истории штурма бесланской школы. Именно поэтому в обозримом будущем у нас и не будет свободной электронной прессы.

Спрашивает доцент Илья Ихтеев: *Не напомнило ли вам выступление Зубкова в Думе отчет комсорга на перевыборном собрании?* Ему вторит учитель информатики Николай Горелов: *Не отдает ли это брежневскими временами?* Ну как это может не отдавать брежневскими временами? Вообще, кандидатура Зубкова... тут все впереди, человек еще будет раскрываться в своем новом качестве. То же, что мы пока о нем знаем... все-таки биография что-то говорит о человеке... Все мы помним, как хорошо было с продовольствием в середине 80-х годов. Жители Ленинградской области тоже помнят, как хорошо было с едой под Ленинградом в середине 80-х. Теперь мы знаем, что этим руководил Виктор Алексеевич Зубков. Так что его организационные возможности, широту, так сказать, этого менеджмента мы себе более или менее представляем. Тут был вопрос, с чем связан этот взлет. Взлет, как и у всех в последние годы, связан только исключительно со знакомством, с участием в кооперативе «Озеро» — больше ни с чем кадровые взлеты в последнее время, ближе к выборам, уже не связаны. Так что, конечно, ничего другого (кроме «совка») это напоминать не может. Хотя теоретически хочу сказать, что, конечно, люди способны к эволюции. И всякое бывает на белом свете. Мы знали двух крупных деятелей Коммунистической партии Советского Союза, которые разнесли в клочки и вдрибадан совместными усилиями советскую власть. По крайней мере — помогли это сделать. Так что всякое бывает, посмотрим. Но пока, похоже, что это человек сугубо системный, и все его достоинства сугубо системные, причем система называется «совок». Вот это пока совершенно очевидно. Есть звонок. Алло, вы в эфире!

СЛУШАТЕЛЬ: *Здравствуйте, я хотел бы задать вопрос по поводу фильма Майкла Мура «9/11 (по) Фаренгейту».*

В. ШЕНДЕРОВИЧ: В чем вопрос? Смотрел ли я его? Смотрел куски. Я не поклонник таланта Мура, хотя он человек провокативный. Безусловно, талантливый, но я не поклонник этого таланта. Вот так странно: я здесь на стороне администрации. Не потому, что это американская администрация,

а потому, что мне кажется, что там имеет место некое не всегда доказуемое хамство. Мне это не очень близко по интонации, но нам тут важнее другое: каков бы ни был Майкл Мур, но его фильм «9/11 по Фаренгейту» был показан на 40 миллионов американцев по центральному каналу американского телевидения, как бы мы сказали, за два дня до выборов. Америка посмотрела эту антибушевскую агитку и проголосовала так, как проголосовала. Вот это, мне кажется, гораздо важнее, чем обсуждение собственно художественных достоинств фильма Майкла Мура.

СЛУШАТЕЛЬ: *Виктор Анатольевич, здравствуйте! Меня зовут Даниил, я из Казани вам звоню. Как вы считаете, как быстро кончится в России это желание власти быть самостоятельной?*

В. ШЕНДЕРОВИЧ: Поточнее, пожалуйста: в чем она несамостоятельная?

СЛУШАТЕЛЬ: *Нет, когда кончится желание власти быть самостоятельной?*

В. ШЕНДЕРОВИЧ: А, понятно. Мы об этом только что говорили. Это желание никогда не кончится. Это желание — быть самостоятельной от электората, быть независимой от народа — это нормальное желание всякого Царя горы, который взобрался на гору. Как у Жванецкого было сказано: чего больше всего хочется, когда взобрался наверх? — плюнуть вниз. Это абсолютно нормальное желание. Другое дело, что некоторые механизмы демократические, простите за выражение, ограничивают проявление этих желаний. Нет возможности плюнуть вниз у Ангелы Меркель, у Саркози, у Брауна. У них нет такой возможности — просто плюнуть вниз на свой электорат, потому что они немедленно перестанут быть действующими главами государств — очень быстро, по отработанным демократическим технологиям. Но на этом должен настаивать народ, — если, повторяю, он народ, а не стадо. Он должен на этом настаивать, он должен говорить: мы так не согласны. Когда народ внятно говорит начальству, что он с чем-то не согласен, начальству деваться некуда. Это мы проходили, это все другие страны — ну, не все, Северная Корея, может быть, еще не проходила, — но десятки, сотни стран это проходили: как только навстречу начальству выходят граждане в достаточно большом количестве (не 300 человек, и даже не 3000, а 300 тысяч!), власть немедленно смиряет свои плевательные рефлексы и начинает разговаривать... Помните, как Горбачев разговаривал с народом? Брежнев так не разговаривал с народом, Суслов так не разговаривал, Андропов не разговаривал. Другая ситуация возникла! Мы сейчас не говорим о личных достоинствах Михаила Сергеевича, его отличиях от Андропова, — изменилась ситуация. Выяснилось, что нет ресурса удержать народ никаким ОМОНом, никаким КГБ, когда народ действительно осознает свой интерес. До тех пор, пока мы не осознаем, в достаточно большом количестве, этот интерес, они будут благополучно плевать, — и я их очень хорошо понимаю! Знаете, деградируют и человек, и власть. Была потрясающая когда-то статья (я не помню, к сожалению, где) про приличного англичанина, который приехал сюда. Он тут завел конезавод, потом что-то случилось — разорился / не разорился — одним словом, он оставил лошадей привязанных и уехал. Лошади умерли. Англичанин в России мог себе позволить это сделать. В Англии этот же человек этого бы не сделал. Мы

его развратили, как ни грустно это звучит, потому что в Англии он знал, что после этого он точно сядет в тюрьму (я так думаю, я не знаю английских законов) или будет оштрафован на огромную сумму... Но, по крайней мере, речи не будет идти о том, чтобы ему кто-то руку подал. А у нас — почему нет?! Мы знаем истории, как сюда приезжают милые, тихие протестантские женатые люди — и как довольно быстро они переходят на здешние правила обращения с местными женщинами. Потому что можно! Потому что там нельзя, а здесь — можно! Это чистая аналогия с любой властью: если здесь можно, то они будут это делать. Есть люди с персональными представлениями о приличиях. Но если мы говорим о власти, то это скорее исключение, чем правило.

Перейдем снова к письмам. Спрашивает Сергей: *Может, пойти на выборы и сделать недействительным — испортить — бюллетень?* Я еще раз говорю: я ж не настаиваю на своем выборе не ходить на выборы! Можно и так. Испортить бюллетень — это совершенно осмысленное и (подчеркиваю) законное демократическое действие: в ответ на исчезновение графы «против всех» забрать свой бюллетень, исключив возможность фальсификации, по крайней мере, собственным бюллетенем. Мне кажется, это нормально.

Еще есть звонок. Алло, добрый вечер!

СЛУШАТЕЛЬ: *Добрый вечер! Александр, Томск. Вот такое предложение: интересно было бы на следующей неделе видеть рейтинги политиков от «Левада-центра», посмотреть, фигурирует ли там Зубков в качестве будущего президента и, таким образом, оценить степень влияния нашего любимого президента на абсолютно неизвестного человека. То есть оценить силу его пальца. Вот он ткнул — и насколько процентов поднимается с нуля рейтинг человека.*

В. ШЕНДЕРОВИЧ: Это забавная идея. Я думаю, что «Левада-центр» и другие социологи не преминут этим воспользоваться. Это очень правильная идея. Я думаю, что на ощупь мы знаем ответ на этот вопрос, потому что там, где такой тычок пальцем вызвал бы, повторяю, некоторый взрыв общественного возмущения, там, где это было бы воспринято как хамство и как вызов общественным порядкам, — в таких странах это было бы и невозможно. А то, что Путин позволил себе это сделать, и не в первый раз (история с Фрадковым такая же; кстати, история с Путиным была ровно такая же: никто его близко не знал — 2% россиян знало к тому моменту о существовании Путина; это был даже не рейтинг поддержки, а просто процент знающих о его существовании), — так что у нас это делать можно. И, стало быть, они будут это делать. Хотя чистота эксперимента здесь, конечно, наличествует, и было бы забавно проверить. Но мы уже видели на примере политической элиты, которая вчера еще не упоминала о существовании Зубкова, — а тут выясняется: и «Единая Россия», и вице-спикер Морозов просто страшно мечтали, чтобы он был будущим президентом России. Просто на второй день выяснилось, что они все время об этом думали. Еще один звонок. Алло!

СЛУШАТЕЛЬ: *Здравствуйте! Виктор, Москва. Скажите, пожалуйста, кто сказал, что у Путина есть народный рейтинг? Например, насколько я знаю, у Путина этот рейтинг составляет всего 3% — это самое большее!*

В. ШЕНДЕРОВИЧ: А каким образом вы это выяснили? Вы опросили 100 человек?

СЛУШАТЕЛЬ: *Нет, я был 2 месяца назад на сайте mail.ru, и там знаменитый Миронов придумал такую вещь (помните, он говорил, что Путина надо на третий срок) — он устроил опрос. Обычно первые места занимают опросы по автомобилям. А этот опрос занял самое первое место: за 4 часа проголосовало...*

В. ШЕНДЕРОВИЧ: Понятно. Простите, что я вас прерываю, просто маловато времени. Сайты показательны, но относительно показательны. Я уже говорил об этом, и тут рассуждение такое: если рассматривать рейтинг политика как одноразовый замер (вот как градусник электронный: сунули под мышку, через 10 секунд вынули — а там показана температура), то сейчас такая температура, сейчас такой рейтинг. Это справедливо. Но этот рейтинг, я уже говорил, не имеет никакого отношения собственно к социологии, потому что этот рейтинг составлен в заведомо неравных условиях: градусник натерт — и он показывает эту температуру. Если не натирать градусник, если предоставить Владимиру Владимировичу и его оппонентам равные возможности, чтобы Владимир Владимирович, как он это умеет, как умеют Добродеев, Леонтьев, Первый, Второй каналы, Пушков, чтобы они рассказывали о Каспарове, Ходорковском и прочих врагах России, и по этим же каналам рассказывались бы некоторые факты и свидетельства о жизни Владимира Владимировича и питерской элиты... Вот если бы после этого полугодового равного присутствия в эфире замерить рейтинги, тогда мы бы получили реальный рейтинг политика. А до тех пор можно говорить только о натертом градуснике: да, он натерт до такой температуры, в эту секунду он натерт до температуры вот такой — там 70% по «Леваде» или по ВЦИОМу... Это не имеет никакого отношения к реальности, я думаю.

К разговору о рейтингах, к разговору о политике высокой... Не хотелось бы пропускать один сюжет: тема любопытная и очень поучительная. Когда власть начинает расправляться с оппозицией, с прессой, превращает парламент в казарму, публика относится к этому не то чтобы с пониманием, но в общем отстраненно. Ну, НТВ задавили, Ходорковский, «Марш несогласных» — ну, и ладно. Но штука в том, что через какое-то время этот хамский каток власти непременно докатывается до обычного человека. Это азбука! Это прописные истины! Но каждый раз люди должны это проходить на себе. Азбука была гитлеровская, которая воплотилась в блестящем афоризме: когда пришли за гомосексуалистами, я молчал, потому что я не гомосексуалист; когда пришли за коммунистами, я молчал, потому что я не коммунист, и т.д., и, когда пришли за мной, некому было защитить меня. Докатывается до обычного, самого нормального человека. Так вот, на этой неделе сообщение: в Сочи уже начался отъем у граждан недвижимости, начинается снос многоэтажек — прокуратура вдруг обнаружила, что они «не отвечают требованиям безопасности и построены с нарушением законов». Все понимают, что это связано с тем, что резко взлетели цены на площадь в Сочи, и что там будут заколачивать страшные бабки на олимпийском «буме». И вот уже готовится закон: «в случае принятия поправок, власти смогут изымать недвижимость у граждан “для федеральных нужд” в упрощенном порядке». И оспорить решение в суде будет невозможно! То есть где-то решат, что для федеральных нужд надо снести ваш дом, и его

снесут. Вот рядышком с домом, где я жил в Сокольниках, уже пытались такое сделать: пока сносили детскую площадку, гаражи... Но и дом стоит на хорошем месте! Отчего бы его не снести, и мадам Батуриной не построить там что-нибудь за большие деньги. И если этот закон пройдет (а есть ли у нас какие-нибудь сомнения, что он может не пройти? — ведь все же в доле), ваш дом могут снести, и вам даже нельзя будет пойти в суд. В Сочи уже сносят. Так вот: понимают ли люди, что они за восемь лет своими руками молча отдали все инструменты защиты, какие только были: независимый суд, честный парламент, свободную прессу, общественные движения. Это все отдано своими руками. И оказалось вдруг, что — не НТВ, не Ходорковский, не Гусинский и не Каспаров, — а у тебя самого возьмут и снесут дом, потом дадут где-нибудь халупу на отшибе и скажут, что так и было. Бери и скажи спасибо. А если нет — напустят бандитов. А у тебя даже суда нет никакого под рукой. Чем быстрее мы наладим эту причинно-следственную связь у себя в головах, тем быстрее они перестанут вести себя настолько по-хамски. То есть они будут вести себя по-хамски, но все-таки не настолько.

Еще один сюжет я хотел бы быстренько рассказать. Был у нас тут такой Лебедев — не Вячеслав Михайлович, глава Верховного суда, а банкир Александр Лебедев. Тихий такой господин, в прошлом из внешней разведки, но несколько лет назад прорезалась в нем активная гражданская позиция. Борец с коррупцией, гроза Лужкова, один из лидеров партии «Справедливая Россия»... И вот на прошлой неделе выяснилось, что имени Лебедева нет в московском списке партии, где его очень, надо сказать, ждали вместе с финансированием. И очень скоро насчет исчезновения Лебедева из списка появилось простое объяснение. Совсем такое простое. Говорят, банкиру Лебедеву позвонил президент Путин. По крайней мере, это утверждают несколько вполне информированных источников. И пересказывают они недлинный разговор этих бывших коллег слово в слово. Рассказывают, что Путин сказал Лебедеву: вы знаете, что Лужков — гарантия стабильности в Москве? У вас же есть свой банк, сказал Путин, может быть, вам лучше заняться своим банком? Так, с многоточием сказал... мол, вы займетесь своим банком — или нам заняться? И все. И нет политика Лебедева, борца с коррупцией, грозы Лужкова, одного из лидеров партии «Справедливая Россия». Не то, чтобы я скорбел об этой персональной утрате, но — неплохо у нас устроена политика, правда?

Счастья вам!

22.09.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Отныне сырок будет без «человечинки»; обычный такой сырок, какой вы ели три года... Специи те же, и кусочки привычного размера. Тут ближе к выборам потекли по конвейеру такие молочные реки — только успевай плавить и заворачивать! Ну, обо всем по порядку. А начнем мы, пожалуй, с русской философии. Ни с Ильина, ни с Бердяева, ни со Льва Шестова, а с такой... специфической русской школы.

Нет, ей-богу: если бы лидеров Евразийского движения не было, их надо было бы выдумать: уж больно хорошо формулируют. Которые во власти, те

так не умеют. То ли темперамента не хватает, то ли стесняются, то ли пресс-служба тормозит, кладет на эти череп и кости какой-никакой макияж... А евразийцы — как выйдут в чисто поле, как рот откроют — только успевай конспектировать! Впрочем, давеча дело было не в чистом поле, а в газете «Известия», на пресс-конференции на тему «Преемник. Преемственность. Империя». Сами «Известия» постеснялись подробно изложить услышанное — «Газпром» все-таки, белые воротнички, дезодоранты, а тут попер такой запах... Запах до мировой общественности донес корреспондент немецкого журнала «Фокус».

«Противников путинского курса больше нет, а если и есть, то это психически больные и их нужно отправить на диспансеризацию, — заявил лидер московского Евразийского движения Александр Дугин. — Путин — везде, Путин — всё, Путин абсолютен, Путин незаменим».

Низкий вам поклон, господин Дугин, от имени всех подлежащих диспансеризации! Кстати, после упеченной недавно в мурманскую психушку правозащитницы Ларисы Арап ваши слова, при всем желании, невозможно считать метафорой. Ваши единомышленники сделали это практикой — впрочем, вполне скромной по сравнению с вашими планами на будущее России... Итак, уход Путина обернется для России катастрофой (это я Дугина пересказываю), и необходимо обеспечить преемственность и его быстрое возвращение к власти! Тут наш философ обратился к фигуре нового премьера — и нашел у него массу достоинств: преклонный возраст, несамостоятельность и полную неспособность вести внешнюю политику. То есть буквально все данные для того, чтобы стать президентом России... на денек-другой, а потом по просьбе товарищей попроситься на пенсию. Тут из кустов вынесут этот наш не успевший запылиться белый рояль — и начнется третий концерт для гэбухи с оркестром. Ну, и слава богу! А то я все думал: что же это за «план Путина», о котором как о победе России сообщают нам предвыборные перетяжки «единороссов»? Теперь, кажется, понятно. Хороший план! Правда, под шапкой Мономаха Зубков может внезапно помолодеть и разрезвиться — такие случаи тоже бывали в истории: одного девяностолетнего папу Римского ровно для того и выбрали, чтобы он поскорее помер. А он потом похоронил пол-Ватикана... Ну, да ладно, вернемся к нашим баранам, в конференц-зал газеты «Известия». Там и кроме Дугина было кому поговорить...

«Россия никогда не принимала европейские ценности, европейское право, — заявил главный редактор телеканала «Evrazia.tv» Дмитрий Ефремов. — В отличие от них мы готовы пожертвовать своими детьми, своими женами ради какой-то высокой цели, именно это позволило нам построить такие города, как Петербург, проложить железную дорогу через Сибирь».

Я не в курсе, полагается ли главным евразийским телередакторам знать «Медного всадника» — и говóрят ли что-нибудь стойкому сердцу г-на Ефремова слова «ужо тебе», но по ихней евразийской логике, как минимум, чтобы дать родиться Путину, стоило выстилать костями Финский залив. Впрочем, Петербург — действительно особая история, а вот вечная наша готовность жертвовать своими детьми и женами ради какого-нибудь, прости господи, нацпроекта — это ежедневность. Я, правда, знаю страны, где и

железные дороги есть получше сибирских, и дети с женами целы, но нам ведь так скучно — правда, господа евразийцы? Да! Давайте жертвовать детьми, так гораздо торжественнее, будет чем гордиться... Кстати, г-н Ефремов, у вас свои дети есть? Сколько? Не пожертвуете парочку для нужд империи? Или своих неохота? Ну, действительно, зачем же своих, вы же идеолог; идеологи у нас на вес золота! А на мясо мы, как всегда, пустим электорат...

Впрочем, вернемся еще раз в конференц-зал «Известий», чтобы не пропустить главное. Потому что империя империей, а прозвучал там тезис и гораздо интереснее.

Выступая на пресс-конференции на тему «Преемник. Преемственность. Империя», журналист Михаил Леонтьев заявил: «Эта власть пришла навсегда. Пускай кричат, что она кровавая, что все они жулики. Это неважно. Важно понимать, что люди, которые пришли, взяли власть навсегда».

Какое все-таки счастье — иметь дело с искренним человеком! Стало быть, неважно, что власть состоит из кровавого жулья (заметьте, не я это сказал). По Михаилу Леонтьеву, этот тезис даже не требует опровержения. Важно, что эти люди «взяли власть навсегда»... Прекрасно! Остается только уточнить сроки этого «навсегда». Я думаю: это пока они все не вымрут на рабочем месте, как Политбюро ЦК КПСС. Или пока им не помогут помереть товарищи по руководящему звену, как это было принято в первом, втором и Третьем Риме. Или если это мерзкое «навсегда» однажды не прекратит народ, объевшийся лжи и крови. Был, помню, в Румынии один «гений Карпат» — расстреляли без суда и следствия... Так, или примерно так, кончается любое «навсегда». А вот которые приходят не навсегда, а на время, и не со съехавшей крышей, а просто поработать по специальности, — те потом благополучно доживают свою жизнь, и заканчивают ее не у стенки, и не в Нюрнберге, и не в Гааге, и народы мира потом не выстраиваются в очередь плюнуть на их могилы... Но кому я это все говорю? Продолжай, евразиец, дуй до горы, не стесняйся! И ты, милый питерский мальчик Кай, не отвлекайся, продолжай, по анекдоту, складывать слово «вечность» — из четырех нехитрых русских букв, начиная с буквы «ж»...

Теперь заглянем в прокурорские кабинеты, где уже неделю идет честное расследование «дела кортежа» главы Верховного суда, насмерть снесшего на «встречке» рядовые «жигули». Расследование-то идет, но, в сущности, не очень понятно, зачем... То есть как раз понятно.

По данным СМИ, так называемое «дело кортежа» главы Верховного суда не продвигается из-за трудностей со свидетелями, хотя в день аварии в качестве свидетелей аварии фигурировали несколько десятков человек.

Я, признаться, вообще не понимаю постановки вопроса. Что значит «трудности со свидетелями»? Какие вообще могут быть свидетели в случае с «мигалкой» и федеральными номерами? Не надо баловать население. Так ведь и привыкнуть недолго.... Нет, во всем должна быть последовательность! Если сын министра обороны может насмерть сбивать женщин на пешеходном переходе, — почему бы кортежу главы Верховного суда не раздавить «жигули»? А то обидно получается! Это же ущемление прав третьей власти! Нет, я считаю: если «мигалка» или родственник мигалки, то съешьте свой Уголовный кодекс и не вякайте!

И напоследок — крик радости от первого явления публике нового премьер-министра. Все отметили единодушие, с которым Виктор Алексеевич был утвержден в прошлую пятницу в Государственной думе, но главного-то не заметили! А он же там речь произнес, программную! Слушайте, чего готово сделать для народа правительство Зубкова, загибайте пальцы! Значит, так: развитие сельского хозяйства, подъем оборонно-промышленного комплекса, поддержание роста занятости населения, улучшение сферы образования, улучшение сферы здравоохранения, развитие инноваций, более рациональное использование природных ресурсов и решение демографической проблемы! Плюс, конечно, борьба с коррупцией (ну, это как всегда). У вас пальцы не кончились? Торчит еще парочка? Тогда вот вам до кучи забота о ветеранах и надежные социальные гарантии — и можно перекурить и оправиться. И оправившись, с облегчением вспомнить, что такая программа у нас уже была — году эдак в семьдесят пятом. Помните? Программа мира и социализма. Сиськи-масиськи.

Счастья вам!

29.09.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну что же, неделька вышла самая что ни на есть обычная — все по плану!

В понедельник стартовал совместный проект Белого дома и Центрального телевидения по вживлению в головы россиян положительного образа Виктора Алексеевича Зубкова. Как уже не говорится, процесс пошел! Сначала Зубков успешно обратился по бумажке к премьер-министру Армении — и россияне убедились, что Виктор Алексеевич умеет читать. Народ еще не пришел в себя от счастливого шока, а его уже ждала постановка пьесы с длинным названием «Селекторное совещание по вопросам подготовки регионов к отопительному сезону». Сей полнометражный телеспектакль был показан во вторник в прайм-тайм по всем телеканалам. Критики оценили крепкую, хотя и нехитрую драматургию этого представления и отметили достоверность, с которой Зубков изображал из себя премьер-министра. То есть прямо как настоящий! Хмурил брови, выговаривал губернаторам... Как говорил Станиславский: верю! Впрочем, как оказалось, все это только начало: в среду телевизионный театр переехал в Пензу — и дал уличное представление в другом проверенном советском жанре: встреча с народом. Тут уж самые тупые россияне поняли: Зубков — это всерьез!

Премьер-министр Виктор Зубков, находясь в Пензе в своей первой рабочей поездке, вместе с губернатором Василием Бочкаревым посетил магазин, где купил три коробки конфет и две шоколадки. Как сообщают СМИ, шоколадки были тут же подарены находившейся рядом пенсионерке Татьяне Белюсевой, а коробки конфет привезены в детский сад. В детском саду премьер Зубков взял на руки девочку Вику и объяснил ей, что конфеты принесены в садик «от дяди Вити и дяди Васи».

Милая девочка Вика! Ты, небось, так и не поняла, почему вместо того, чтобы положить спатеньки, вокруг тебя забегали вдруг с перекошенными лицами педагоги и заведующая, и куда-то повели, и всучили тебя какому-то

тебе неизвестному дядьке. Не спрашивай меня, Вика, какого рожна этот неизвестный дядька приперся в садик и зачем таскал тебя сонную на руках и обещал конфеты на радость толпе других дяденек и тетенек с диктофонами и блокнотами... Вырастешь — поймешь сама. А пока просто запомни: это твоя Родина, и здесь так принято. Главное назначение маленьких детей на Родине — пригодиться для пиара начальству, их тут для того и рожают; возьмет начальник местное дите на руки, подержит, конфет даст, а иной еще и в животик поцелует, гумберт эдакий... Тут всем и счастье. Спи, девочка Вика! Авось забудешь и дядю Витю, и дядю Васю... В отличие от пенсионерки Белюсевой, отоваренной под горячую руку шоколадками. Та пенсионерка обещала их не есть, а хранить на память о встрече. Правильная бабушка, сечет фишку. Раздача сладостей со времен Ходынки — привилегия государя, не правда ли? Так что не исключено, что та шоколадка — Зубкову на счастье.

Теперь — после этой федеральной поэзии — немного региональной прозы...

Главные редакторы и журналисты одиннадцати саратовских СМИ обратились к президенту России Владимиру Путину с открытым письмом, в котором призвали его отреагировать на сложившуюся в регионе ситуацию со свободой слова. Авторы послания указывают на создание «государственной карательной системы, направленной на удушение всякого критического выступления по отношению к "Единой России"».

Ах, молодость, молодость... Помню, обращались и мы к президенту по случаю убийства НТВ... Хорошо, должно быть, смотрелись мы в тот день: группа голландцев, пришедшая к Филиппу Второму пожаловаться на зверства герцога Альбы... Ах, как он смотрел на нас, этот Второй... И рад бы нам помочь, но, увы — не работает телефонная связь с герцогом! Никак не может дозвониться генеральному прокурору. И вообще, при чем тут глава государства? У нас же в Конституции записана полная независимость карательных органов герцога Альбы от короля Филиппа! Филипп — он со всей душой к голландцам, свободной прессе и другим правам человека, а на местах действительно случаются перегибы... Герцог жжет, как сказали бы в ЖЖ... В общем, вы обратились по адресу, дорогие саратовские коллеги! Вот сейчас Путин бросит все свои дела и пойдет защищать вас от «единороссов»... Засекайте время!

Ну, стало быть, все на мази. Жизнь в стране налажена и течет себе. Премьер раздает пенсионерам шоколадки, Патриарх благословляет спикера, президент, закатавши под асфальт свободную прессу, рекламирует желтую... Видели у дороги щит с цитатой из Путина? Еду, говорит, на работу, читаю «Комсомольскую правду»... Да уж не Голсуорси! В общем, все одно к одному складывается в картину мира — несколько причудливую для иностранных наблюдателей, а для своих вполне уютную и привычную. Вот, например, выяснилось, что развешанные по Москве билборды «Политзавода» (дочернего филиала «Молодой гвардии Единой России») — оплачены из городского бюджета; тихонько эдак прошли там по статье «молодежный парламентаризм». Шестьдесят один миллион рублей ушел на цыпочках мимо кассы... А в Свердловской области выделили 25 миллионов рублей на рекламу нацпроектов; милое дело! Да только на каждом щите, как говорилось у Гоголя, нечувстви-

тельным образом образовался логотип все той же «Единой России»... Что бы сказали тут французы или, не к ночи будь помянуты, англичане? Ну вот если бы весь Лондон на казенные деньги оказался завешен рекламой лейбористов? Я полагаю, они бы сказали: fuck — и не только сказали, но и сделали бы это с лейбористами, даже не дожидаясь выборов. Как плохо быть лейбористом в Лондоне и как приятно быть «единороссом» в Москве, Свердловской области и прочих краях нашей небрезгливой Родины! Продолжаем гулять по буфету, дорогие «медведи», главное — не тормозить, все свои!

В продолжение темы — о том, как непросто быть начальником там, где не додумались объявить «управляемую демократию» по дороге к полному порядку (вроде того, который в Мьянме), а живут в обычной демократии с реальным разделением властей.

По информации газеты «Вашингтон пост», руководство американских телекомпаний NBC и CBS отказало администрации Белого дома в просьбе предоставить эфир Госсекретарю США Кондолизе Райс в воскресных информационно-аналитических программах. По информации газеты, руководство телекомпаний мотивировало отказ недостаточным авторитетом Госсекретаря США в вопросе войны с Ираком, бывшем темой этих программ.

Х-хе! То есть — представляете? — звонят в Останкино из Кремля и говорят: надо дать сегодня прайм-тайм Сергею Иванову — ну, чтобы он там на всю страну крыло пощупал и про шасси порассуждал... А телевизионное начальство хором им отвечает: пропади он пропадом, ваш Иванов, надоел хуже горькой редьки, не дадим мы ему эфира, с таким лицом в прайм-тайм вообще не ходят... Вешают они свои трубки — и продолжают руководить российским телевидением. Представили? Ну, у вас и фантазия.

А теперь — реальность. И что же мы видим в этой реальности? Мы видим там цинизм и полное неуважение к личности: Гарри Каспаров назвал Рамзана Кадырова «бандитом». С чего вдруг? Рамзан — прекрасный семьянин, щедрый меценат, и вообще человек, «который своими делами вселяет в людей позитивную энергию и веру в безоблачное, светлое будущее» (конец цитаты не из Гарри Каспарова). А тут вдруг — «бандит». Ну, гордые сыны Кавказа в лице кадыровских депутатов немедленно обиделись за этот свой неиссякающий источник позитивной энергии и пошли в суд. Но, идя в суд, не забыли предупредить Каспарова и по понятиям.

Уполномоченный по правам человека в Чечне Нурди Нухажиев заявил, что Гарри Каспаров, помимо законных мер, может быть наказан и с помощью «других мер, которые допускает Кавказ».

Неплохо сказано для уполномоченного по правам человека, не правда ли? Причем, надо заметить, этот Нухажиев знает, что говорит. Вот вам свежая история с его участием, бросающая заодно ясный свет и на источник тамошней «позитивной энергии», г-на Кадырова. Пару недель назад неизвестные в камуфляже похитили в Чечне Вагапа Тутакова — в прошлом представителя масхадовского парламента в Страсбурге. То есть что значит «похитили»? Просто среди бела дня, на глазах у брата, подошли вооруженные люди, велели сесть в машину и увезли по трассе Ростов — Баку в сторону Гудермеса. Через пару недель Тутакова вернули: точно так же, среди

бела дня, высадили из машины у офиса уполномоченного по правам человека. Типа такой юмор. И знаете, куда первым делом пошел освобожденный Тутаков? В милицию, ловить похитителей? Ни-ни. Он попросился на прием к этому уполномоченному по правам человека. Зачем? Может быть, рассказать о том, как его били и чего требовали? Ни-ни. Он попросился на прием к уполномоченному Нухаджиеву, чтобы «выразить поддержку деятельности Рамзана Кадырова, который своими делами вселяет в людей позитивную энергию и веру в безоблачное, светлое будущее». Ой! Я ж забыл вам сказать, что цитата — из похищенного! Как раз на той встрече он это и сказал. А потом «озвучил ряд интересных инвестиционных предложений». Понимаете, как просветлило бывшего масхадовского депутата общение с неизвестными в камуфляже? Сразу и Кадырова полюбил, и денег давать готов. А вы говорите: Кадыров бандит. То есть это не вы говорите, это Каспаров говорит. Мы-то с вами понимаем, что Кадыров просто обладает даром убеждения. Вселяет в людей позитивную энергию...

И напоследок вернемся к главной теме недели — началу работы нового правительства. И послушаем один душераздирающий человеческий крик, донесшийся из прошлого. Прошлого правительства, я имею в виду.

Комментируя итоги своей работы, бывший министр здравоохранения и социального развития Михаил Зурабов посетовал на отсутствие реальной политической поддержки во время своей работы: «Нельзя меня одного оставлять на ристалище, — заявил Зурабов, — а всем стоять вокруг и смотреть, как я уворачиваюсь от града камней».

О Зурабов! О одинокий бесстрашный воин на поле здравоохранения и социального развития! Многие годы пытался он увернуться от финансирования, но никак не мог, и огромные бюджетные миллионы летели прямо в фирмы, возглавляемые его женой! И вот, как говорится в американском кино, мы теряем его... Он уходит в разряд преданий и легенд, и русские бабушки, скрежеща зубными протезами, еще долго будут рассказывать внукам, что бы они сделали с Зурабовым, если бы случайно встретили его. Но кто ж пустит бабушку на Рублево-Успенское шоссе?

Счастья вам!

06.10.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Вот уже случилась неделька так неделька! Только успевай вертеть головой да записывать! Какие повороты сюжета! Какие типажи! А телевидение? Что за прелесть эти сказки, как писал еще Пушкин... Ладно, давайте по порядку.

Ну что? Профессионалы нас предупреждали... Попытка уследить за наперстками заведомо обречена, потому что рука быстрее глаза! Мы знали, что нас обдурят, но когда и каким именно образом? Уже много лет именно это было сладчайшим предметом для политологических фантазий. И вот наконец — пара быстрых движений руками, и выясняется, что мы опять не угадали, под каким наперстком шарик! А тот лох по соседству, который только что пихал нас локтем в бок и многозначительно тыкал пальцем в пустой наперсток, был, оказывается, вовсе не лох, а ихний же

подельник-политолог, состоящий «в доле»... Итак: Владимир Владимирович Путин, который еще вчера валял с нами равноудаленного ваньку, в одночасье возглавил предвыборный список «Единой России»! Последнее движение руками над наперстками было столь стремительным, что застало врасплох даже соратников. Бедный физик Чуров, тут же пойманный журналистами, не смог даже сказать, не противоречит ли произошедшее Конституции, но, конечно, очень скоро выяснилось, что — не противоречит. Идти на выборы никому не заказано — запрещено только использовать должностное положение для привлечения избирателей! Но ведь президент этого делать и не будет, не правда ли? Его ж по телевизору круглые сутки показывают просто так, а не как президента! Если посреди всеобщего уродства обнаружился вдруг такой симпатичный мужчина, отчего ж не показать по всем каналам, как он пиарит «Единую Россию»... В общем, никакого нарушения закона! Как всегда. Пока страна протирала глаза, пытаясь понять, что это было, последовало второе стремительное движение руками над наперсточным ящиком.

Партия «Единая Россия» объявила о планах создания в 2008 году партийного правительства. «Единороссы» предложили возглавить это правительство Владимиру Путину. Как отмечают СМИ, президент воспринял предложение благосклонно.

Какая приятная благосклонность — и какая похвальная скорость принятия решений! То есть следует понимать так, что это была импровизация. Грызлова озарило, Путин на лету схватил блестящую мысль и тут же с нею согласился. Да, именно так и было! А не то чтобы они там заранее сговорились поставить законодательство на уши. Впрочем, дело не в законодательстве, а в нравственной высоте президента! Ведь Владимир Владимирович не просто согласился, а выдвинул два высокоморальных условия своего будущего премьерства — и только если вся страна сможет им соответствовать, он, так и быть, переедет в Белый дом по окончании президентства. А иначе — ни-ни! Слушайте же внимательно эти два условия.

Согласившись возглавить в 2008 году партийное правительство, президент Путин заметил, что для этого нужны по крайней мере две составляющие: во-первых, «Единая Россия» должна «победить на предстоящих выборах, и победить в честной борьбе», а во-вторых, «президентом страны должен быть избран порядочный, дееспособный и эффективный человек».

Ой, боюсь, шансов у нас немного; не видать нам Путина-премьера, как Ван Гогу своих ушей! Во-первых, согласитесь, у «Единой России» нет никакой возможности победить в честной борьбе — после путинского прихода в список у нее не будет даже возможности изобразить минимальное приличие. Этот паровоз набрал такой ход по нашей избирательной тундре, что тормозить на семафорах не удастся, и кто не спрятался, того прошу считать Анной Карениной. Что же касается «порядочности» будущего президента России, то при списке Зубков–Грызлов–Иванов эта задача вообще не имеет решения. Но вернемся на съезд, где подводили итоги путинской эпохи! Сам же Путин и подводил.

ПУТИН: Казалось, что никогда уже не избавиться нам от могущественной олигархии, власть которой основывалась на коррупции, насилии и ин-

формационном шантаже. Нам многое удалось сделать, чтобы очистить высшие эшелоны государственной власти от нелегитимного влияния, но еще многое предстоит сделать, как мы уже сегодня говорили, для борьбы с коррупцией.

«Многое предстоит сделать для борьбы с коррупцией»... Ну, еще бы не многое, если за время борьбы Путина с коррупцией ее уровень вырос в разы, как и благосостояние его соратников! Да, кстати: как обстоят дела с могущественной олигархией? Есть ли какие-нибудь успехи в этой области помимо того, что отобранное у евреев взяли себе чекисты? Как обстоят дела в стране с насилием? С информационным шантажом? Подробнее бы с этого места... Но подробностей не последовало: наш президент умеет сказать, но не сказать он умеет гораздо лучше... Да и — зачем былое ворошить? Заглянем-ка лучше в светлое будущее. Кстати, оно вам ничего не напоминает? Слово имеет ткачиха Лакшина.

ТКАЧИХА ЛАКШИНА: Уважаемый Владимир Владимирович! Уважаемый Борис Вячеславович! Уважаемый съезд! <...> Сама я работаю ткачихой на ткацком комбинате города Родники Ивановской области <...> Годы вашего президентства, уважаемый Владимир Владимирович, стали для очень многих временем перемен к лучшему... Мы понимаем, что вы уважаете закон, но закон, по моему мнению, можно и переменить, это дело техники (аплодисменты)... И новый закон будут уважать так же, как и теперь. Я вижу на этом съезде так много больших начальников и просто умных людей... Я обращаюсь ко всем вам: давайте вместе что-то придумаем, чтобы Владимир Владимирович Путин оставался нашим президентом и после 2008 года!

«И вот стою я перед вами, простая русская баба...» Ах, сколько таких блаженных ткачих хранит моя память! И сколько их еще повылезает на трибуны новых партийных съездов! Прямые потомки пушкинских персонажей, терших глаза луком и мазавших щеки слюнями, они давно научились всхлипывать вполне искренне... Дарвинизм, братцы! — закрепление полезного навыка. «Давайте вместе что-нибудь придумаем...» — попросила ткачиха Лакшина. Слово народа — закон, и умные люди тут же придумали, как сделать так, чтобы Владимир Владимирович остался, и ему ничего не оставалось, как согласиться. Не огорчать же ткачиху Лакшину!

ПУТИН: ...я с благодарностью принимаю ваше предложение возглавить список «Единой России». (Аплодисменты, переходящие в овации — секунд тридцать-сорок.)

И в завершение темы — дивный номенклатурный штрих. Заполучив Владимира Владимировича первым номером в предвыборную тройку, «единороссы» быстро смекнули, что разбавлять эту царскую водку негоже, и отослали Грызлова с Шойгу, от греха подальше, в региональные списки, оставив в федеральном одного Путина! Теперь он там сияет един в трех лицах, поигрывая святым духом... Знаете, я бы все-таки Сергея Кужугетовича далеко от Москвы не отсылал, потому что ситуация чрезвычайная...

Ну да ладно, что мы все про «единороссов» и Путина... Плечом к плечу с партией и президентом трудятся журналисты государственных каналов. Продолжает свой нелегкий творческий путь Аркадий Мамонтов, автор классического фильма о шпионах-правозащитниках. Показавши россиянам зве-

риный оскал Людмилы Алексеевой, Мамонтов немного отдохнул, собрался с силами и на прошлой неделе рассказал, наконец, всю, без утайки, правду о российской оппозиции. Как специально нанятые бабушки подкупают ОМОН конфетами, как лидеры «несогласных» бросают людей под милицейские дубинки, а сами, по примеру боевиков в Чечне, снимают это на телекамеру, чтобы отчитаться перед зарубежными спонсорами. Пошел мороз по коже? Погодите, вы еще самого страшного не знаете!

ИЗ ФИЛЬМА МАМОНТОВА: Еще один революционер — Гарри Каспаров. В узких кругах его называют «командировочный». Он вернулся из Америки, как некогда его коллега, Лев Троцкий...

Аркадий Мамонтов отличался умом еще во времена НТВ, а многолетняя руководящая работа на государственном канале отточила его аргументацию уже до полного блеска. Каспаров, значит, прибыл в Россию из Америки, и Троцкий — из Америки... И вот уже репутация Троцкого зловещей тучей накрывает гроссмейстера... Железная логика! Путин бывал в Ростове, и Чикатило бывал в Ростове... Вам страшно? Мне — очень. Но вернемся к фильму Мамонтова. Там еще много правды народу рассказано...

ИЗ ФИЛЬМА МАМОНТОВА: Нам стало известно, что если вы хотите попасть на работу, например, на радио «Свобода» или в штаб к Каспарову, самой лучшей рекомендацией для вас будет фотография или видео, сделанные на марше (несогласных — *В.Ш*). ***Еще лучше, если на снимке омоновец бьет вас дубинкой...***

Вот настоящее журналистское расследование! Чистую правду нарыл Аркаша! А то взять хоть меня — ведь четвертый год, как последний сукин сын, работаю на радио «Свобода»! Сначала хотел пролезть туда на таланте, но мне сказали: порядка не знаешь? Неси фотографии избиения! А ОМОН в те годы людей еще не бил. Пришлось договориться со знакомым ментом — он мне в глаз двинул, фотограф — щелк, так я и трудоустроился. Теперь деньги лопатой гребу, продаю Родину раз в неделю... Кабы не Мамонтов, никто бы и не узнал истории моего успеха.

Итак: западные гранты, предатель Каспаров, подрывное радио «Свобода» и подлые бабушки, разлагающие неподкупный ОМОН... Не связывается ли все это в один зловещий клубок? О-о, еще как связывается! Послушаем Мамонтова, насладимся напоследок масштабом мысли:

К великой радости Запада, в последние несколько лет одна за другой вспыхивают «бархатные» революции в Восточной Европе и на просторах бывшего СССР. Сербия, Грузия, Украина, Киргизия... Следующая цель — Москва!

Революции «вспыхивают», это чистая правда! Что-то с противопожарной безопасностью, наверное... В Лондоне отчего-то не вспыхивает, в Риме с Парижем — в пределах нормы, в Норвегии — вообще благодать, а как Кучма или Милошевич — так буза, а как Каримов — так вообще из бронетехники по людям стреляют... Отчего это? Нет ли тут каких версий, кроме козней Запада? У меня есть одна, совсем простенькая. Мне кажется, что революции происходят, когда власть забуревает и не хочет уходить; когда окопалась, забаррикадировалась и хамит своему народу. Тут уж — с Западом, без Запада, оранжевая, бархатная, розовая, буддийская, а рано или по-

здно вспыхнет непременно! Можно, конечно, не дожидаться, пока вспыхнет, а попробовать (в порядке противопожарной профилактики) проверенные средства: свободную прессу, независимый суд, честные выборы. Но это ж какая радость Западу будет! А мы ж лучше сдохнем, но Западу радости не доставим. Задохнемся, а окно не откроем. Так что — вперед, Аркадий! Путин forever! Следующая станция — Мьянма.

В Мьянме теперь все совсем просто — отрубили мобильную связь и Интернет и начали восстанавливать порядок... Ну, как военные это умеют. Пли! — и сразу стопроцентный рейтинг. А у нас еще полумеры, еще стесняемся немного...

Проведение международного форума памяти Анны Политковской, который должен был открыться в минувшую пятницу в Нижнем Новгороде, сорвано из-за ряда возникших в последний момент проблем, пишет газета «Ъ». В частности, счета фонда-организатора оказались внесены в черный список Росфинмониторинга, а в гостинице, где должны были остановиться гости форума, по утверждению администрации, «затопило номера».

Да, видать, все прогнило окончательно... Я про ЖКХ говорю. Помню, приезжаю я в Апатиты с выступлением — тут же на месте выступления прорывает трубу. Приезжает в Ростов Каспаров, труба на месте собрания — р-раз, и тоже по шву! Теперь вот в Нижнем Новгороде, по случаю форума памяти Политковской... Такое ощущение, что власти возят за нами по стране одну и ту же трубу. А вот включение правозащитных организаций в черный список Росфинмониторинга — это уже новация! Поздравляю! Правильно! Я, собственно, давно подозревал, что именно нижегородские правозащитники и есть главные отмывщики денег в России! Именно они, а не полтора десятка крупнейших российских банков, которыми в настоящее время занимаются правоохранительные органы. Австрийские, разумеется, правоохранительные органы, не пугайтесь... По делу банка «Райффейзен»... Может, слышали? А не слышали, так и не надо! Главное — с Политковской справились и с форумом ее памяти тоже разобрались... Порядок!

Теперь коротко — новости настоящей политической жизни. Плюньте в глаза тому, кто скажет, что у нас ее нет! Есть, но такая... специфическая, по Черчиллю. Схватка бульдогов под ковром. И вот, кажись, на минувшей неделе снова кого-то выбросили из-под ковра... В Домодедово, прямо на трапе самолета, после небольшой свары сотрудниками ФСБ был задержан генерал из Федеральной службы наркоконтроля. Официально: за незаконное прослушивание телефонных разговоров. Они бы еще сказали — за то, что зубы не почистил... В общем, Сечин и Черкесов, с переменным успехом грызшие друг другу горло уже три года, снова склубились насмерть. И эксперты, почесывая в затылках, приходят потихоньку к выводу, что овации на съезде «единороссов» в адрес вечнозеленого Путина никого, кроме рыдающих от счастья ткачих, не убедили: к весне 2008 года силовики готовятся всерьез. Пересменок — ключевое время, и у кого в начале марта, хоть на часок, окажется в руках этот золотой ключик, тот и получит весь театр Карабаса с газовым вентилем за кулисами. А конкурента запрет по случаю в чулан — лет на десять, как у них принято... Короче, борьба с преступностью разворачивается не на шутку...

Член думской фракции «Единая Россия», бывший коммунист Владимир Семаго призвал фракцию «Справедливая Россия» к самороспуску и вступлению в ряды «единороссов»: сегодня, когда лидером «Единой России» является президент, «Справедливая Россия» должна просто быть в той же самой колонне.

Ну да. Раз царь пришел в грызловскую лавочку, мироновскую можно закрывать. А выбрал бы мироновскую — можно было бы закрывать грызловскую! Мы ж не в Англии, чтобы партии ориентировались на своих избирателей. При чем тут вообще избиратели! Царь кивнет — будем изображать оппозицию, царь бровь приподымет — самораспустимся и вольемся... А уж с правилами приличия — это вообще не к нам...

И совсем напоследок — новости культуры.

Первая пьеса о Путине «Каникулы президента» принята к постановке сразу в трех театрах страны и поступит в продажу в день рождения главы государства. По сюжету пьесы, во время рабочего облета таежных территорий отказывает двигатель президентского вертолета и он совершает вынужденную посадку в сибирской тайге. После чего президент со свойственной ему решимостью и смекалкой выдерживает все испытания, которых хватило бы на несколько десятков смельчаков.

Очень своевременная пьеса! И, несомненно, талантливая — иначе с чего бы три театра наперегонки схватились за ее постановку? Кстати, почему только три? Быстрее надо разворачиваться лицом к новым временам, дорогие театральные деятели! Хорош уже «Чайку» по очереди лудить. Вот вам — реалистичный сюжет, крепкая драматургия! Рабочий облет таежных территорий — это ведь как раз то, чего остро не хватает в рабочем графике президента! А уж об отказе двигателя в этих условиях можно только мечтать... Впрочем, не волнуйтесь: поразив тайгу смекалкой, наш гарант возвращается в Кремль и снова приступает к руководству страной. Авторы называют этот финал счастливым. Ну, в общем... кому как.

Счастья вам!

13.10.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Неделька получилась знатная, праздничная, с перехлестами, — а впрочем, и не без текущего идиотизма ... Ну, обо всем по порядку.

Как все мы знаем (из прессы), президент России человек скромный и каждый раз очень смущается, когда мы всей страной празднуем его день рождения. Но ничего не может поделать президент с разгулявшимся российским народом, который уже много лет только и ждет седьмое октября, чтобы выразить свою благодарность матери-природе. Ведь бог знает что могло родиться в этот день, а родилось такое, что просто распирает от счастья! В последний раз похожим образом народ распирало по случаю юбилеев Леонида Ильича. С тех пор, надо сказать, дни рождения главы государства проходили гораздо незаметнее. И то сказать: Горбачев, Ельцин... Разве можно сравнить этих незначительных в историческом плане людей с орлом нашим, доном Владимиром Владимировичем? Насчет того, что Путин орел — авторство не мое, а движения «Наши». Это они скандировали давеча посреди

Москвы, заставляя вспомнить вопрос про аналогичную птицу из «Поднятой целины»: «когда ж она сымется и улетит от нас к едрене фене?». Тот вопрос датируется началом тридцатых, когда тоже начинали вовсю праздновать дни рождения одного рябого благодетеля... Разве что заздравных молебнов имениннику в те годы не заказывали, а в остальном все очень похоже: и подарки от трудовых коллективов, и личные инициативы отдельных заполошных... Традиция, однако! Шахтерская лошадь, ходящая вслепую кругами, тоже может считать себя хранительницей традиций. С днем рождения вас, дорогой Владимир Владимирович, отец физкультурников!

После победы в финальном матче на первенство Европы по баскетболу капитан женской сборной России Мария Степанова заявила, что этой победой команда поздравляет с 55-летием президента России Владимира Путина.

Бедные испанские баскетболистки! Они бросали по кольцу просто так, не держа в уме грядущий юбилей короля Хуана Карлоса — и вот результат... Ну что же, поехали, загибайте пальцы! Баскетболистки поздравляют Путина европейским золотом, губернатор Россель — досрочной сдачей нового терминала; там же, в Екатеринбурге, установили среди города четырехметровую поздравительную открытку и наладили торговлю наборами для вышивания любимого лица крестиком. Челябинские рестораны в этот день угощали посетителей шашлыками «Вертикаль власти»... А кто у нас на вертикаль-то насажен? А как обычно: бараны. Кстати, вернемся к нашим баранам. И просто баранам, и просто «Нашим»... Они сшили президенту двухсотметровое одеялко и устроили в Москве небольшой праздник юности. СМИ сообщили о десяти тысячах активистов, приехавших из двадцати регионов России... То есть что значит «приехавших»? Автобусами свезли бедолаг на точку, выстроили под дождем в колонны, раздали флаги и велели махать. Свезенные помахали-помахали, промокли, как цуцики, проголодались и захотели домой, — да только кто ж тебя отпустит до конца мероприятия! Стой и празднуй! Короче, вы поняли: молодость за Путина! С днем рождения.

Адекватное празднование президентского юбилея продолжилось в Кремле, во время вручения государственных наград. Особо отличился митрополит Вятский и Слободской Хрисанф, точно расставивший местные акценты.

БАТЮШКА: Я благодарю Бога, что столь высокую награду я получил из рук человека, который спас Россию от гибели.

В восемьсот двенадцатом году, как мы помним, спасителей у России, было трое, на выбор: Барклай, зима иль русский Бог. Зимой двухтысячного явно обошлись без Бога: он, видать, отвернулся, чтобы не видеть подробностей восстановления конституционного строя в Грозном; вместо Барклая у России в это время был Шаманов, а вместо Раевских — Будановы, так что Господь знал, что делал, когда отворачивался... Но сейчас речь не об этом, а вот как раз о спасителе России. Главную осанну ему, прямо из телевизора, спел Никита Михалков. Это будет надолго, сядьте поудобнее...

МИХАЛКОВ: В канун 2000 года в Кремль пришел абсолютно новый человек. <...> Что же это было за время? Это было время растерянности, это было время лихих разбойников, почуявших добычу, это было время почти полного обнищания людей, когда исчезли накопления.

Чистый Кашпировский! Как даст установку, так сразу все забываешь, сидишь, глазами лупаешь, раскачиваешься в такт... Попробуем, однако, прийти в сознание.

Итак, по пунктам. «Почти полное обнищание людей» случилось ни в каком ни в двухтысячном, а еще в позднем «совке», при втором варианте гимна (не будем вспоминать фамилию бессменного автора слов). И хлебамолока в стране не было, и ничего, кроме денег с Ильичом, страна не производила, не так ли? А к двухтысячному году Россия уже вполне пришла в себя после чекистов, коммунистов и даже дефолта, и реформы заработали помаленьку, и нефть вверх поперла еще при Примакове... Не так ли? А «лихие разбойники, почуявшие добычу», — это, конечно, дивный поэтический образ (усиленный в монологе Михалкова словом «гешефт», чтобы ни у кого не было сомнений, какой национальности были эти лихие разбойники), — вот только ничего при Путине не случилось плохого ни с Абрамовичем, ни с Дерипаской, ни с Сосковцом (помните такого?); евреи, не евреи — все до сих пор «в полном шоколаде» лихие разбойники 90-х, включая самого Владимира Владимировича, славно торговавшего редкоземельными металлами под мышкой у Собчака... Все «в шоколаде», кроме тех, кто встал поперек дороги у чекистов, «почуявших добычу».

Ну, хорошо; слушаем михалковскую осанну дальше... Осторожно, сейчас будет лирическая часть.

МИХАЛКОВ: Трагедия «Курска» стала определенной чертой. Это стало испытанием для всей страны, и в первую очередь, конечно, для тех, кто имел непосредственное отношение к этой ужасной беде. Как выдержать это? Как это перенести? Как включить свое существо, свое сердце, свою душу, как взять на себя ответственность за это?

Поэт Никита Сергеевич, истинный поэт! «Включить свое сердце, свою душу...» Да выключатель сломался! Ах, г-н Михалков, взять на себя ответственность за «Курск» тяжело, это правда. Поэтому, наверное, и спрятался на три дня доблестный Владимир Владимирович в августе 2000-го. Спрятался и трое суток врал стране через парализованную от страха пресс-службу ВМФ, и совместным враньем они погубили оставшихся в живых подводников... Но кто припомнит это президенту, кроме вдов, названных им за это «шлюхами, нанятыми по десять долларов»? Никто не припомнит, — по крайней мере, в программе «Вести». Ну да ладно. Стало быть, про душу и сердце юбиляра послушали — теперь послушаем про международный авторитет. То есть про то, как бесстрашный Путин вставил Западу свечу — в Мюнхене, во время своей знаменитой речи!

МИХАЛКОВ: И я видел зал, я видел людей, которые думают так же, но страшно сказать, я чувствовал потные ладошки, я видел людей, которые первый раз услышали, когда им сказали: вы вор...

В пересказе Михалкова нам явлен суровый русский ангел, который, спустившись среди Европы, выжег огнем это гнездо разврата. Интересная восточная версия... Альтернативную западную изложила газета «Лос-Анджелес Таймс» в статье с характерным названием «Вошь, которая зарычала». Полезно бывает сверить ощущения... А насчет потных ладошек при слове «вор», брошенном в лицо, — тут все впереди не только у Запада ...

МИХАЛКОВ: Мне он вдруг сказал такую фразу, он говорит: смотри, ну вот я был, вообще, кто я? И почему я оказываюсь здесь? Почему я оказываюсь здесь? Для чего я оказываюсь здесь? Ну неужели для того, чтобы доесть то, что не доели другие?..

Михалков не рассказал нам, как же решил для себя Владимир Владимирович этот важнейший вопрос: доедать или не доедать? И главное, как в итоге ответил он себе на вопрос: «кто я?» Вообще, приятно, когда такие вопросы возникают у человека, внезапно обнаружившего себя во главе ядерной державы... Может быть, перед тем, как начинать ковырять камешки из шапки Мономаха, стоило походить к психоаналитикам? А впрочем, не наше это собачье дело, наше собачье дело — радоваться, что России привалило такое счастье, Владимир Владимирович...

Некоторые подробности того, каким именно образом Путин спасал Россию, вспоминали на прошлой неделе в Страсбурге. История там довольно типичная...

В январе 2000-го, в Грозном, в процессе восстановления конституционного строя, солдаты грузили на БТРы имущество из брошенных чеченских домов. По-французски профессия эта называется мародер, а по-нашему — солдат-освободитель. И вот значит, освобождали они... чеченские жилища от мебели... вдруг видят: стоят неподалеку три местные женщины и смотрят. Это, согласитесь, было совершенно бестактно со стороны женщин — стоять и смотреть, как солдаты выносят вещи. Что сделали освободители, вы уже догадываетесь... Женщинам завязали глаза и повели их расстреливать; и расстреляли, и сожгли... Но в одну, по имени Хееди Махаури, попали не насмерть (видимо, торопились поскорее обратно к вещам), — и она, изменница Родины, выжила и добралась до Страсбурга. Она бы, может, и не добралась до Страсбурга, если бы об этом случае не написала Анна Политковская. (Когда расстреливали Политковскую, то уже не промахнулись.) А Хееди Махаури, по дороге к Страсбургу, смешная такая, пыталась найти правосудие на подведомственной Путину территории, но вы ж понимаете... Наша Фемида — дама с чувством юмора. Говорит ей: а чем докажете, что мебель на БТРы грузили федералы, а не бандиты? И долго еще потом (в трех инстанциях) смеялась наша Фемида в лицо недостреленной Махаури. А вот в Страсбурге судьи оказались совсем без юмора — и обязали Российскую Федерацию выплатить потерпевшей 50 тысяч евро морального ущерба. Хорошо еще, что те две другие женщины не выжили, правда? А то бы пришлось Российской Федерации платить еще сто тысяч... Впрочем, я уж говорил: деньги в стране есть, общества нет... Так что можем себе позволить!

Ну этим, в Страсбурге, только дай испортить день рождения нашему главнокомандующему, который, как вы помните, спас Россию... вот вышеописанным способом... и потом еще многими другими способами (впрочем, тоже не без мародерства)... Но ничего у Запада не получилось! Президент по-прежнему в отличном настроении — и россияне из числа не расстрелянных почти в полном составе просят не бросать их на произвол демократии...

По данным Аналитического центра Юрия Левады, около трети россиян считают лишним ограничение количества президентских сроков. Почти две трети поддерживают идею назначения Владимира Путина премьер-мини-

стром. Как третий вариант фактического «неухода» Путина от власти рассматривается и временная передача президентства Виктору Зубкову. По данным «Левада-центра», в случае участия Зубкова в президентских выборах за него в настоящий момент готовы проголосовать двадцать процентов россиян.

Виктор Алексеевич Зубков — человек исключительных достоинств, но три недели назад о его существовании не знал никто, кроме Сердюкова. Ну, может, еще полусотне граждан, озабоченных финансовым мониторингом, икалось при звуках этого имени, а остальным обитателям бескрайних просторов нашей Родины, от немецкого Кенигсберга до японского Шикотана, дела не было до Виктора Алексеевича — даже не ведали, как выглядит сие чудо менеджмента! Но именем Путина благословился, брови на министров разок насупил, детей конфетами покормил — и вот тебе, как с куста, 20% рейтинга... Ах, какая удачная страна Россия! Не для жизни внутри — для руководства снаружи.

Ну стать в России президентом, имея в распоряжении Центральное телевидение и Центральный же избирком, — фигня вопрос! Труднее с ценами на продукты — растут, сволочи, быстрее рейтинга! А Зубков же по специальности директор совхоза! То есть, как руководить людями, его учили, а экономике — фигушки. Но, слава богу, есть в России по-настоящему образованные товарищи!

Спикер российской Госдумы Борис Грызлов обвинил сетевые компании в росте цен на продукты питания. «Это фактически элементы сговора, причем сговора компаний-перекупщиков, так называемых сетевых компаний», — заявил Грызлов.

О, от Грызлова не спрячешься! Не мозг, а сканер. Все насквозь видит спикер! Именно! Сговор «сетевиков»! Ай, молодца! И Антимонопольная служба назавтра же нашла сговор в девяти регионах. Экономисты от этой начальственной бойкости разом схватились за голову и весь анальгин в стране выпили, — ну и пускай себе! И не будем мы слушать их умничанье про рост спроса на зерновые в Юго-Восточной Азии и прочие туманные материи! Мало ли что они там понимают! Экономистов у нас пара тысяч, а возбужденного электората, битого лицом о ценник, — сто миллионов человек; им перед выборами от имени партии-защитницы объяснить про сговор богатеев-«сетевиков» — это ж хлебом не корми!

А вот литературные новинки. В минувший вторник, во время встречи с нашим президентом, президент Франции Николя Саркози неосторожно обмолвился о том, что, мол, хочет понять Россию. Ну это он обратился по адресу! Путин, не сходя с места, тут же своими словами пересказал г-ну Саркози стишок из хрестоматии, насчет того, что с мозгами сюда соваться — время терять... «В Россию, — сказал Путин, — нужно просто верить». Просто нужно, понимаете? Силовой вариант Тютчева вышел у нашего президента. И правильно! Федор Иванович-то служил по дипломатической части, вот и писал уклончиво: «можно», мол, верить... А был бы он из Третьего отделения, как наш нынешний, написал бы прямо: нужно верить в Россию — просто нужно, и все! А не будешь верить, мы тебе, шаромыжнику, газ отключим, замерзнете все к чертям собачьим, как в двенадцатом году... Так что ты давай, брат Саркози, раз уж мы на «ты» перешли, быстро начинай верить в Россию!

Время пошло. Вот такой урок литературы получился — для скорейшего понимания России...

Но вернемся напоследок к столбовой теме недели — спасению России. Кто ее спас персонально, вы уже знаете, но есть и целая корпорация, которой россияне должны целовать ноги. Россияне бы и поцеловали ей ноги, если ли бы не затейливая поза, в которой они оказались благодаря этой корпорации. Позу с большой художественной силой описал давеча глава Госнаркоконтроля Виктор Черкесов.

«Страна в начале 90-х годов пережила полномасштабную катастрофу, — пишет Черкесов в своей статье, опубликованной в газете «КоммерсантЪ». — Падая в бездну, постсоветское общество уцепилось за "чекистский" крюк. И повисло на нем».

Забредая в метафорические дебри, видный чекист Черкесов, должно быть, имел в виду альпинистов, но увы... Сорвавшегося альпиниста может спасти страховочная веревка, пристегнутый «карабин»... А на крюке висят туши в мясной лавке. В общем, метафора неожиданно удалась. Но не будем придираться к обиженному Фебом Виктору Васильевичу (в конце концов, с литературой он имел дело только во время обысков). Не будем комментировать и новую свару рыцарей щита и меча, и страшные хрипы, доносящиеся из окон лубянского замка... Вглядимся в главный тезис статьи. Что хотел сказать Виктор Черкесов — и кому? Ну Путину, конечно, — пожаловаться на клеветников-конкурентов, — а еще? А еще он сказал нам всем: руки прочь от чекистов! Исчезновение «чекистского крюка» приведет «к распаду всей общественной конструкции», и мы как страна «исчезнем с карты мира»! Ужас-ужас. И как это весь мир живет без чекистов, ума не приложу. Какие-то другие общественные конструкции благополучно держат на себе жизнь огромных государств, и никто не висит на крюках... А у нас на груди версаче, а в душе феодализм... И не феодализм даже — просто ацтеки какие-то! Ну, конечно, если этот «орден меченосцев» от вентиля оттеснить, — это ж солнце не взойдет!

Счастья вам!

20.10.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Главное событие минувшей недели было довольно громоздким и длилось три с лишним часа, но поэт Вадим Жук легко уложил произошедшее в две компактные строчки: «Телепостановочка, // В главной роли — Вовочка...»

В преддверие прямой линии президента, зная его щепетильную приверженность Закону, мы, признаться, очень волновались за Владимира Владимировича: как-то сумеет он три часа маячить в телевизоре в виде президента — и ничем не выдать в себе лидера «Единой России»? Но зря мы волновались.

Глава ЦИК РФ Владимир Чуров не обнаружил в «прямой линии» с президентом признаков предвыборной агитации. «То, что я успел посмотреть, не вызвало у меня никаких возражений», — приводит слова Чурова агентство РИА «Новости».

Что именно успел посмотреть г-н Чуров, я не знаю, но никакой агитации в «прямой линии», разумеется, не было — это я говорю вам как человек, отсмотревший этот балаган от звонка до звонка! Никакой агитации

вообще! А слова Путина о том, что он дал согласие возглавить предвыборный список «Единой России» в стремлении «сохранить дееспособность парламента после ухода с поста главы государства» — это не агитация. Это так... ну, поделился человек с россиянами своей тревогой за парламентаризм... не вечно же ему держать в себе эту боль? Просто с «Единой Россией» во главе с Путиным парламент будет дееспособным, а без «Единой России» во главе с Путиным — не будет дееспособным, и никакой тут агитации! Ну, в общем, прсехали <...>

Еще немного о политической злобе дня. А вся она умещается в большой знак вопроса напротив 2 марта. На этот прямой вопрос немецкого журналиста Путин ответил в понедельник нечто эдакое... ну как он умеет... про новую политическую конфигурацию... с соблюдением не только духа, но и буквы Российской Конституции... с учетом мнения российского избирателя, который должен решить, «кто и в какой части, и в каком объеме» может принять участие... В общем, «все мозги разбил на части, все извилины заплел, и канатчиковы власти колют нам второй укол». Немецкий журналист про канатчикову дачу был не в курсе — и просто стоял, разинув рот, потому что так и не понял, ответил Путин на его вопрос или еще нет. А наш президент уже привычным жестом повернул оглобли и с разгону наехал на туманный Альбион.

ПУТИН: Посмотрите, как строится политическая жизнь других стран. У ваших соседей в Великобритании — один премьер-министр ушел, другой пришел. Произошла смена первого лица исполнительной власти без всяких выборов <...>

И созданы явно условия для того, чтобы сохранить власть у партии, которая в данном случае у власти находится. Есть и другие примеры подобного рода...

Какие именно условия созданы в Англии, чтобы оставить у власти правящую партию, Путин миру не рассказал, но осадок остался, и всю неделю я метался во сне, в страшной тревоге за судьбу английской демократии. Поочередно снилась мне то английская прокуратура, давящая тюремными сроками всех противников премьер-министра Брауна, то запрет представителям консервативной партии появляться на Би-би-си... Потом, уже в холодном поту, привиделось мне, что главой английского избиркома сделали бородатого английского физика, личного приятеля главы исполнительной власти — и оный физик отказал консерваторам в регистрации... В общем, обычные предвыборные британские ужасы, собака Баскервилей на марше... Потом я проснулся, отдышался, попил валерьяночки, пришел в себя и успокоился совершенно... В конце концов, что нам эта английская Гекуба! Главное, чтобы в России все было спокойно, правда? А это дело в надежных руках. Как минимум, из путинских слов мы поняли: как в Англии у нас не будет!

Теперь новости думской избирательный кампании. Списки доверенных лиц «Единой России» были официально поданы в Центризбирком в минувший вторник. Дело вроде бытовое, процедура скучноватая, но пришедшие позекать журналисты внакладе не остались: без аттракциона не обошлось.

«Мы должны умолять Владимира Владимировича остаться еще на один срок, — заявил журналистам дрессировщик тигров Аскольд Запашный. —

Такого руководителя Бог не каждый год будет дарить стране. Мы не хотим, чтобы наши дети были брошены».

Бог Борис Абрамович, подаривший стране Путина, в настоящее время прячется от своего сероглазого подарка в Лондоне — и больше России действительно ничего не подарит, разве что в результате конфискации. Но и подаренного хватит нам с лихвой — боюсь, что этот глава семьи тут еще надолго и детей не бросит, Беслан тому примером... Однако ж не будем о грустном — насладимся лучше размахом предвыборной кампании «единороссов»: семьсот с лишком доверенных лиц, и каких лиц! Лучшие люди собрались! Помимо специалиста по тиграм Аскольда Запашного там уйма специалистов и по дрессировке электората — от бессменного участника всех политических кампаний Льва Лещенко до новейшего Федора Бондарчука, крепче «Девятой роты» вошедшего в головы россиян рекламным слоганом «А теперь — кататься!». В некотором смысле, это можно считать не только рекламой РОСНО, но и девизом всей нашей элиты. С РОСНО-то еще бабушка надвое сказала, а вот пока ты при Путине — ты застрахован по-настоящему! Монолитная Дума следующего созыва только формируется в умелых руках работников кремлевской администрации, а нынешние депутаты покамест напрягают последние интеллектуальные силы и бросают остатки серого вещества на алтарь Родины.

И напоследок насладимся свежей социологией.

Согласно результатам опроса, проведенного Аналитическим центром Юрия Левады, 30% россиян считают Центральное разведывательное управление США террористической организацией. При этом 38% россиян высказались за то, чтобы продолжать сотрудничество с Ираном в ядерной сфере.

За сухими цифрами этого опроса таится и сидит, посверкивая глазками, загадочная русская душа. Виден тут и большой народный мозг, старым грецким орехом свернувшийся в крепкой советской голове... Именно! Именно ЦРУ и есть главный мировой террорист, это еще Кукрыниксы рисовали! А Махмуд Ахмадинежад, напротив, душка и хочет нашего атома чисто для нужд народного хозяйства. Физикой интересуется человек, грех не помочь... Если бог даст, а лучше сказать: иншалла, — будет нам этот мирный атом!

Счастья вам!

03.11.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. На минувшей неделе в России происходило то, что и должно происходить в России за месяц до выборов — вполне, так сказать, предсказуемые гадости.

Начнем со столбовой темы последних нескольких лет. Ибо как минимум с начала второго президентского срока начались разговоры о третьем сроке. Уж Путин сам сто пятнадцать раз русским языком сказал: не хочу, не буду, не буду, не хочу! — а все никак тема не закроется. С чего бы это? Обычно благодетель наш один раз чего-нибудь тихо скажет, и все в обмороке. А тут — говорит-говорит, а подчиненные все буянят, все требуют третьего срока. Такие смелые — это что-то!

«В стране идут стихийные митинги и обращения с тем, чтобы Владимир Путин остался и дальше на своем посту», — заявил глава верхней палаты Сергей Миронов. Комментируя заявление спикера, газета «КоммерсантЪ» приводит многочисленные свидетельства того, что эти акции организованы местными администрациями. В Кремле, однако, утверждают, что все это — «инициатива снизу», пишет газета.

Ну, разумеется, снизу, откуда ж еще взяться стихийному митингу в поддержку власти? Не сверху же. О, этому нас учить не надо — помнят рукито! Ах, как за отгул мы давали отпор израильской военщине! Земля дрожала. Потом еще за два отгула поддерживали решения очередного Пленума, потом еще за пару-тройку выходных клеймили Солженицына и махали флажками Чаушеску — а там, глядишь, и рабочая неделя закончилась, можно взять на грудь и забыться до понедельника. Да что говорить! Стихийный митинг — наш народный промысел! А уж за третий путинский срок мы от Твери до Камчатки встанем всей артелью! А уж в Ачхой-Мартане — мухой полетим на митинг! Ну примерьте на себя этот счастливый случай: живете вы в Ачхой-Мартане (не дай бог) или, скажем, учитесь в Грозном, и приходит вам, по месту учебы, письмо от Рамзана Кадырова с просьбой обеспечить явку на митинг в поддержку третьего срока Путина, — ну пока он не скормил весь ваш студенческий коллектив своему домашнему льву... И вот уже автобус стоит возле университета. И вот уже вас ноги сами несут в сторону того автобуса, не правда ли?

Ну то-то. А уже когда по всей стране пошла такая волна стихийных митингов, начальство не может не прислушаться к голосу народа! Ну оно и прислушалось.

Спикер Совета Федерации Сергей Миронов заявил, что существует легитимный механизм для того, чтобы действующий глава государства остался на своем посту на третий срок, передает «Интерфакс». Осуществление этого способа Миронов не назвал, но сказал, что «лично серьезно работает над этим».

Со времен борьбы за выхухоля спикер Миронов пользуется заслуженной репутацией интеллектуала, и кажется, настал час напрячь этот интеллект на всю катушку, потому что вообще-то дело тухлое... В Конституции, вот беда, черным по белому записано ограничение в два срока, и, стало быть, либо третий срок, либо легитимность. Но если сам Миронов «лично» и «серьезно» начал искать легитимный механизм, то это, конечно, меняет дело. Где-то тут лежал механизм, вы не видели? Калды-малды... выходи, механизм! Не выходит. Пока. Но мы в Миронова верим, тем более что он же у нас не один колдует! Вот адвокат Астахов тоже давеча пообещал народу: «Мы, юристы, что-нибудь придумаем». Калды-малды... Давайте, ребяты, старайтесь. Не найдем, так придумаем, а живыми не сдадимся.

Но забудем на время о весенних перспективах — у нас же на носу зимние радости! Набирает ход думская предвыборная кампания, и подробности ея радуют глаз. Хотя в целом, конечно, без особенных новаций...

«Единая Россия» вновь отказалась от участия в предвыборных дебатах. Освободившееся рекламное время будет потрачено на демонстрацию агитационных роликов. «Мы выбираем прямой разговор с избирате-

лем», — заявил руководитель центрального исполкома партии Андрей Воробьев.

Ну да, зачем единороссам дебаты? Отродясь были не нужны, а уж теперь, когда первым, вторым и третьим номером в списке сияет Сам... — о чем тут говорить? И с кем говорить? Целый Путин, солнце наше незакатное, легким мановением руки двигающий историю, — вдруг сядет в кадр, без Кати с Сережей, один-одинешенек, со злым чужим дядей? А там ведь небось и вопросы заранее не отобраны... Это ж страшное может случиться! Хорошо еще, если Миронов напротив сядет, — а если Жириновский? А Владимир-то Вольфович съест наше солнышко в прямом эфире живьем, как та чуковская крокодила, — самое обидное, не со зла съест, а случайно походя и проглотит, если, конечно, раньше не умрет от ужаса в гримерной. Я уж не говорю про партайгеноссе Грызлова, которого в прямом эфире не съест только ленивый и очень тупой... (Причем такого тупого еще надо найти.) Нет, чур нас — никаких дебатов! К черту конкуренцию, пускай американцы хрипнут в диалогах! А наш жанр — монолог. Бла-бла-бла по Первом каналу, бла-бла-бла по второму, и еще много, много раз бла-бла-бла по всем остальным каналам... «Прямой разговор с избирателем». Так победим.

Да и помимо общефедерального бла-бла-бла — какой смысл ступать на шаткие дискуссионные досочки, когда в твоих руках целый ящик простых и надежных инструментов? Ну вот, например.

В Красногвардейском районе Петербурга избирателей принуждают брать открепительные удостоверения и передавать их в районную администрацию: в октябре руководителям бюджетных учреждений в сфере культуры были направлены соответствующие официальные письма.

Ну и правильно. Шатун-бюджетник зимой опасен — может с голодухи задрать бюллетень вместе с тем «единороссом». Нет уж, пускай сосет лапу по месту прописки, а в районной администрации знают, как проголосовать правильно! Остается только заранее получить стопку открепительных и переписать фамилии тех, кто не захотел вслепую отдавать свой голос администрации. Да не просто так указать фамилию, а с письменным указанием причины отказа! (Это я цитирую распоряжение главы районной администрации г-жи Щербаковой.) Здорово! Партия «Яблоко», чуждая этому административному блеску, требует теперь привлечь сию Щербакову к уголовной ответственности. Скучные люди. Да не к ответственности ее надо, а к ордену! Она ж испытатель, амундсен практически, она ж открывает новые горизонты управляемой демократии! Ну, отморозилась немного на административном ветру, кто спорит, но направление-то мысли — правильное!

«Единороссы», седьмой год рулящие матушкой-Россией, давно и крепко зарекомендовали себя на всевозможных направлениях, но главнейшее из их качеств, конечно, скромность. Вот, например...

На минувшей неделе они фактически отказались пустить на выборы в Россию наблюдателей из ОБСЕ! Казалось бы — такой удачный случай: чуть ли не десятикратный отрыв от ближайших конкурентов, народ и партия едины, рейтинг Путина растет, как цена за баррель... Дайте же международным на-

блюдателям подробно рассмотреть все это торжество добра, дайте миру шанс насладиться честной победой администрации! Так бы небось и поступила любая администрация в мире, — но Путин оказался человеком застенчивым до болезненности. И вокруг него — такая вдруг скромность обнаружилась!.. Ну не хотят они, чтобы международные наблюдатели зафиксировали их честную победу! Не любят оваций... Быть знаменитым некрасиво, не это поднимает ввысь... Конечно, не это, а тихий сбор открепительных талонов, десятикратно засиженный телевизор, накачка явки, планы, спущенные в местные администрации — и тихое, непереводимое на языки народов мира, русское слово «вброс»... Нет, не надо пускать сюда наблюдателей, мы уж как-нибудь сами.

О том, как именно мы — сами, валом валят (и будут валить еще месяц) ежедневные вести с необъятных просторов нашей Родины. Про Петербург вы уже слышали, а вот симпатичная история из Уфы...

Минздрав Башкирии в октябре разослал руководителям лечебных учреждений письмо о проведении в республике акции «Поддержим Президента!». К письму прилагался план обязательных мероприятий, в том числе: проведение профилактических осмотров, измерение артериального давления, выездной прием граждан специалистами Минздрава и торжественная выписка новорожденных.

О да! Какой смысл мерить башкирам артериальное давление, если от этого не прибудет рейтинга Путину? И что вообще понимают про давление люди, не работавшие в местной администрации перед выборами? Нижнее «семьдесят» — это цифра, спущенная из Кремля! А если Кремль велит, будет и верхнее сто десять! Жалко, восход солнца нельзя пристегнуть к росту рейтинга. Хотя, если дело пойдет такими темпами, скоро будем, как ацтеки, приносить утреннюю жертву администрации... Тут еще знаете что интересно? Женщина, приславшая мне вот это письмо (с рассказом о том, как в Башкирии, под видом медицинских мероприятий, пиарят президента), — закончила письмо извинением, что вынуждена подписаться вымышленным именем «Эльвира». Если я ничего не путаю, прятаться бы тут надо (от прокуратуры) Минздраву Башкирии, партии «Единая Россия» и ее, прости господи, лидеру, пиарящемуся поперек закона на каждом перекрестке. А прячется Эльвира... И пишет мне, как Юстас Алексу.

Еще пара слов о способах поддержки президента. Их в достатке и сбоку от лечения башкир.

Сел я тут давеча обедать, достал баночку консервированных баклажанов, крышечку ей крутить начал, пригляделся — чуть дуба не дал. На крышечке, братцы мои, написано английскими буквами слово PUTIN, причем буква T посередке представляет собою меч, а шишечка на рукоятке меча — в виде шапки Мономаха. Ну и, как полагается, двуглавый орел глядит с того баклажана в обе стороны, как живой... Не скажу, что аппетита у меня прибавилось, но на одну мысль в голове стало больше. Мысль такая: ох, и не фига ж себе! Это теперь баклажанов без Путина не поесть. Усердие, ребяты, вещь хорошая — главное, не дойти сгоряча с пиаром до туалетной бумаги, неловко может получиться...

Но бог с ним, наконец, с пиаром, — поглядим, что с экономикой? Все неплохо.

Темпы роста цен на продовольствие в России за последние десять дней снизились в два раза, заявил в минувшую пятницу вице-премьер, министр финансов Алексей Кудрин.

Что из слов Кудрина уяснило себе население, не знаю, но слух охотно цепляется за слова о «снижении в два раза». А уж цены снизились или рост цен — это подробности! Главное — явно что-то хорошее произошло. Стоило что-то десять рублей, а стало стоить двадцать — это 100% роста, а стоило двадцать, а стало тридцать — это 50%. Есть двукратное снижение темпов роста! А когда вместо сорока рублей это же самое станет стоить пятьдесят, снижение темпов роста станет четырехкратным, соображаете? Замучаемся благодарить...

Пока мы чесали головы, обдумывая кудринскую арифметику, партия и правительство не дремали и в неусыпной заботе своей добавили к базовой части пенсии триста рублей! Аж по десятке в день докинули, при пачке молока, подорожавшей до двадцатки! Тут бы населению разрыдаться от благодарности, но неблагодарное население слезы, в целом, придержало.

Как свидетельствуют данные опроса Аналитического центра Юрия Левады, повышение пенсий с благодарностью восприняли лишь 11% жителей страны, «с удовлетворением» — 18%. 20% не обратили на эту новость особого внимания, 25% опрошенных восприняло такое повышение как насмешку, а 36% назвали заявление Путина и правительства рекламным ходом в рамках предвыборной кампании.

Собственно, многие и до этого опроса тревожились: как скажется на благосостоянии народа повышение цен на продукты? То есть хрен с ним, с благосостоянием, но не подорвет ли это общественный оптимизм? Не расстроит ли тех, кто денно и нощно поднимает Россию с колен? Не выбьет ли из колеи начальство? Но нет, не выбило! Про народ не скажу, а начальство продолжает жить на широкую ногу...

Но не будем заканчивать на мрачной ноте. Вот вам напоследок одна мирная традиционная тема!

В предстоящие шесть лет будет сделано то, что не сделано за последние 40–50 лет, и в 2013 году россияне будут ездить по нормальным дорогам. Об этом в телепрограмме «Времена» на Первом канале заявил руководитель Федерального дорожного агентства Олег Белозеров.

У России, как известно, две беды. И дороги там, по присказке, на втором месте... Я думаю, сквозь призму этой присказки и стоит посмотреть на заявление главы Росавтодора. Этот оптимизм, хлещущий через край, — кажется, он больше говорит о состоянии дел с первой бедой, нежели о будущем наших дорог.

Счастья вам!

10.11.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну что ж, неделька выдалась симпатичная — ничего принципиально нового, но зато много подробностей насчет принципиально старого... Будущее проясняется помаленьку. Ну, обо всем по порядку.

А начнем с социологии.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) работает под полным контролем Администрации президента, утверждает журнал «The New Times». По информации журнала, представители администрации являются заказчикам не только самих исследований, но и их результатов.

Профессия, господа! Вот, казалось бы, лежит на траве мячик; вы его пнете, я пну — ну он и поскачет куда-то, дурак дураком... А Бэкхем его пнет — полетит дурак кожаный в нужную точку, да по такой траектории, что только рот откроешь. Вот, казалось бы, опрос общественного мнения... Вы зададите вопрос, я задам вопрос — люди ответят как бог им на душу положит, и сложится в результате объективная, то есть по преимуществу печальная картинка... Нужно ли это великой России, поднимающейся с колен после интоксикации паленой водкой и Первым каналом? Вот то-то. А уж администрации президента перед выборами, — точно не нужно, в гробу там видели объективную картинку. Там показатели нужны, по-ка-за-те-ли! Чтобы у народа к декабрю мозги заранее просели. Тут нужен социолог специального назначения, эдакий шельмец бэкхем, который так закрутит вопрос, что ответ сам полетит в правильное место. Ну, типа: «Оппозиция — это святые с крылышками или они существуют на подачки Запада?» Вот вам и общественное мнение! Теперь быстро это везде опубликовать — и начать колотить оппозицию по башке. А ВЦИОМУ заказать новый опрос: «Вы за Путина — или ненавидите Россию?»

В распоряжении журнала «The New Times» оказалась схема финансовой деятельности ВЦИОМа, из которой следует, что, являясь государственным предприятием, ВЦИОМ выводит деньги в иностранные офшоры, а также использует «черные» и «серые» схемы уклонения от налогов. «Нам платят за лояльность возможностью воровать», — прокомментировал эту ситуацию высокопоставленный сотрудник организации.

Вообще-то государство страшно борется с этим злом, уклонением от налогов. Вы помните лицо Путина, когда он доходит до этой темы? О-о... Такое лицо детям показывать нельзя, — да что дети, взрослые заиками становятся! Ослепительной чистоты господин, блеском аж глаза выедает. Пощады не жди. Недавно, за уход от налогов в девяносто четвертом году, посадил на восемь лет Ходорковского. Мало ли что олигарх! Президент сказал: перед законом все равны! Хотя как раз в девяносто четвертом году такого закона и не было. А сейчас как раз есть. Но в случае с ВЦИОМом — видать, как-то случайно отвернулись органы налоговой полиции... и беспощадный президент как-то отвлекся. Видать, медитировал над собственным рейтингом, из того же ВЦИОМа полученным. Ну а там, как выясняется, — кипрские офшоры, вирджинские офшоры, подставные фирмы по Москве и Подмосковью... В общем, увод казенных денежек наладился круглосуточный. Но, между нами, мальчиками, говоря: бэкхем — вообще удовольствие недешевое! Что ж он, бесплатно тебе будет перед выборами мячики в нужную точку закручивать? Вот то-то.

Иногда карта идет в масть. Только-только узнав славные подробности работы ВЦИОМа, я наткнулся в Интернете на историю, замечательную во многих отношениях. Аспирант-социолог Андрей делится в своем ЖЖ ощуще-

ниями от текущей социологии. Третий год, говорит, со своими студентами провожу опросы для одной из крупнейших в России социологических служб. Какой, говорит, сказать не могу. Боюсь, что меня вычислят. Работаю в пяти регионах, но регионы, говорит, тоже назвать не могу, вычислят сразу. Так вот: Андрей заметил, что данные, полученные его группой, сильно отличаются от отчетов, которые потом появляются в печати. Любознательный Андрей позвонил коллегам, работающим в других регионах — оказалось, у них та же фигня: ну не совпадают в их фирме итоговые рейтинги с исходными материалами! Как говорят в бухгалтериях, «цифра не бьется». Причем не на процент-другой там не совпадает, а в разы. Вы лучше сядьте, чтобы ноги не подкосились.

По сведениям анонимного источника, реальный рейтинг «Единой России» на начало октября составлял 38–40%, а не 55–60%, как было опубликовано. Данные по КПРФ, напротив, были существенно занижены: по данным источника, в период опроса рейтинг коммунистов составлял около 20%. Данные по партиям «Яблоко» и СПС, по сведениям источника, занижаются в разы: рейтинг «Яблока» на начало октября был 5,5%, а у СПС — 7%; и в том, и в другом случае наблюдается рост. Реальная цифра по ЛДПР — 8%, по партии «Справедливой России» — 4%. Приведены данные исследований по тринадцати регионам России.

В прошлой программе я рассказывал вам о женщине из Башкирии, которая, сообщая мне о гнусностях местной власти, подписалась вымышленным именем Эльвира. Не знаю, насколько и этот Андрей на самом деле Андрей, но заканчивает он свою запись дивным признанием: «Пишу из интернет-кафе. Отвечать на комментарии не буду. Если вычислят, я даже боюсь предположить, что будет». Слушайте, россияне, давайте все перейдем на нелегальное положение, а? Кроме гаранта с братками, запугавшими население до мокрых штанов, — айда все в подполье! Поголовно, с детьми и тещами, все сто сорок миллионов. И там, в подполье, будем переписываться по Интернету.

Ну, если с социологией понятно, продолжим описание текущих предвыборных радостей... Тут, за три недели до часа «икс», уже полным-полна коробочка! «Справедливая Россия» пытается снять с выборов КПРФ, КПРФ — «Справедливую Россию» и, до кучи, ЛДПР — за то, что Жириновский в тамбовском телеэфире обозвал члена ЦК, депутата Плетневу немкой, причем сделал это еще до начала разрешенной агитации. Ну и Кремль добавляет в этот букет посильный аромат...

Спецназ МВД арестовал всю предвыборную печатную продукцию Союза правых сил. В течение одного дня по всей стране были арестованы агитационные материалы в количестве более 14 млн экземпляров. Как сообщил Борис Немцов, «спецоперация» проходила одновременно в Москве, Перми, Хабаровске, Чите, Екатеринбурге и еще в десятке городов. Кроме того, тиражи заблокированы в типографиях Ярославля, Тамбова, Вологды, Костромы, Иваново, Липецка, Воронежа и Волгограда. При этом, как заявил Борис Немцов, не было составлено никаких протоколов и не дано никаких объяснений.

Вот интересно, ну какие еще нужны объяснения руководству СПС? Кажись, все вам объяснили еще на берегу: Путина не критиковать! Так, вообще, про либеральные ценности — пожалуйста, про коррупцию вообще —

на здоровье, а Путина не трогать! А вы из узды вылезли и в даль светлую поскакали... Рыжкова к себе позвали зачем-то... Вы бы еще Каспарова позвали, а потом удивлялись: чего это у вас тиражи арестовывают? У «Яблока» же не арестовывают! Даже по телевизору показали недавно Григория Алексеевича. Ей-богу! Стоит Григорий Алексеевич, правильные слова говорит... про Путина — ни-ни... А «несогласных» он давно уж маргиналами обозвал. То есть вменяемый человек — такого можно смело запускать в Думу, пускай сидит там с краешку, на радость Страсбургу. А вы, нарушители конвенции, вместо предвыборной агитации получайте спецназ! То есть не «вместо», а именно что в качестве предвыборной агитации! А будете упорствовать — Сурков вообще Барщевского от пыли оботрет и вместо вас на правый фланг запустит, и завтра же ВЦИОМ покажет Барщевскому 10%. Короче, думайте, господа: либо плохое про Путина говорить — и жить со спецназом, либо про Путина плохого не говорить — и жить с Грызловым. М-да... Как говорится, при всем богатстве выбора другой альтернативы нет.

Теперь — внимание, важное сообщение. Мы промеж собой, всем народом, давно договорились, что происходящее до второго декабря будем называть словом «выборы». Ну так, условно. Типа как бы. Надо же каким-то приличным словом назвать текущий процесс оставления власти у власти. Но давеча выяснилось, что мы еще не вполне твердо представляем себе, в чем именно участвуем...

«Закон — это живой организм и он может меняться по воле народа, — заявил в интервью газете «Ъ» адвокат Астахов. — Президент дал свое согласие, возглавив список "Единой России". Он готов быть и дальше лидером, а мы 2 декабря идем на референдум в его поддержку».

Вы, конечно, можете сказать, что это ничего не значит — не Сурков же сказал про референдум, не Чуров... Мало ли что может насвистеть адвокат Астахов! Но адвокат Астахов, господа, просто так не свистит. Он свистит по нотам. Через такой отвязанный ротик свистится то, что неловко свистануть из Кремля. Свистнут — и прислушаются: проверка электората на вшивость. Стало быть, нынче у нас вот какая вошь завелась: не выборы, мол, впереди, а референдум в поддержку Путина! Спасибо, хоть известили заранее... М-да... Пропал подъезд! «Единой России», чтобы ей, голубушке, попросторнее расположиться в парламенте, накачали бы процентов шестьдесят, и хорош, но референдум по поддержке Путина — другое дело! Концепция изменилась, и за процент меньше семидесяти глав местной администрации просто кастрируют. Так что ВЦИОМу надо заранее подналечь, чтобы психологически подготовить население к грядущим рекордам.

Но свист о референдуме — это цветочки. Ягодки оказались гораздо сочнее.

Партия «Единая Россия» планирует созвать так называемый первый гражданский собор российской нации для принятия так называемого пакта гражданского единства. Об этом говорилось в документе, размещенном на официальном сайте партии. По мнению автора документа, координатора «Единой России» по национальной политике Абдул-Хакима Султыгова, принятие пакта станет гражданской присягой представителей всех уровней власти, политических партий и других институтов гражданского общества национальному лидеру.

Повисевши несколько дней на официальном сайте, текст Султыгова был оттуда удален. Свистнули через дурной ротик, поглядели, поняли, что хватанули лишку — и спрятали до лучших времен. А текст был серьезный: почти двадцать тысяч знаков, большая кастрюля идеологического супа! Бестрепетной рукой накрошено туда было, по ихнему обыкновению, Рузвельта с де Голлем, Черчилля и Грызлова с Гегелем. Нормальный человеческий желудок переварить это, конечно, не может, но продегустировать не мешает — уж больно выразительно было свистнуто...

Стало быть, «присяга представителей всех институтов гражданского общества национальному лидеру»... Как бы перевести суть этого дивного предложения на языки мира? Из уважения к Путину переведем сразу на немецкий — и сразу обратно, чтобы не мучиться. «Один народ, одна партия, один фюрер». Как вам идея? Мне — нравится! Айда приносить присягу фюреру, россияне! — благо и текст готов с тридцать четвертого года, не надо напрягать спичрайтеров. «Я клянусь перед господом богом этой священной присягой, что буду безропотно подчиняться...» Ну и далее по тексту. Имя собственное только заменить и название государства. Еще бог будет немножко другой, не католический, но это уже мелочи. Бог другой, зато черт, уверяю вас, тот же самый!

Особую выразительность идее начать присягать национальному лидеру придает биография ее автора. По пути в руководящие «единороссы» вышеназванный Абдул-Хаким прошел славный трудовой путь, вершиной которого по справедливости следует считать пост советника Шамиля Басаева. Было это всего десять лет назад, и член ичкерийского правительства Султыгов был, надо заметить, горячим сторонником шариатского суда, о чем имеются подробные свидетельства. Помните публичные расстрелы на чеченских площадях, своевременно показанные по Первому и второму каналам к началу второй чеченской? Вот Абдул-Хаким, да хранит аллах гибкость его идеологии, и старался тогда во славу шариата... Теперь зовет нас припасть к стопам Путина. Впрочем, если приглядеться к этой эволюции внимательнее, следует признать, что взгляды Абдул-Хакима не изменились. Ибо какая разница, под каким соусом хозяйничать и творить беззаконие: по приговорам шариатского суда или по присяге, данной вслепую лидеру нации? Подробности все это, подробности... А территория завоевана безо всякого Басаева, и уж побольше ичкерийской.

Счастья вам!

17.11.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну неделька выдалась — всем неделькам неделька... Впрочем, вы небось сами все видели.

Плач номенклатурной Ярославны об уходящем Путине мы слышим не первый год. Вот как заступило это наше все на второй срок, так сразу со всех сторон, довольно организованно, заголосили о сроке третьем... То на Кавказе завоют, то с Приморья запричитают... И вот на минувшей неделе собрались страдальцы в единый молебен в Твери. Но это было в четверг, а еще до того успели пасть в ноги на Урале.

Как передает Интерфакс, в минувший вторник депутаты Свердловской областной думы приняли обращение, в котором просят Владимира Путина сохранить за собой роль национального лидера и продолжить активное участие в политической жизни России.

Загадка! Просят, стало быть, уральцы Владимира Владимировича «сохранить за собой роль национального лидера», но каким образом сей фокус произвести, не уточняют. Разгадка кроется в процессе редактуры текста: имелся первоначально и альтернативный вариант, подготовленный оппозиционными депутатами. Оппозиция на Урале обнаружилась тихая, законопослушная... И просили они любимого президента не то чтобы пройти в Гаагу всем кооперативом, — а всего лишь не нарушать Конституцию, не ходить на третий срок. Повторяя при этом, как заведенные, мантру о «роли национального лидера». Но законопослушный вариант — не прошел!

Стало быть, вот как: «да» и «нет» не говорить, черного и белого не называть — о третьем сроке ни слова и ни слова о его невозможности! Хотя сам Путин сто восемнадцать раз, битыми словами, для совсем тупых, сказал: не будет третьего срока, не бу-дет! Но что-то понимает челядь поверх слов, что-то такое ловит верхним чутьем... Март уж близко, и по всему видать, тревожно «национальному лидеру» без твердого статуса. Понимает, умница: кучерявые титулы «отца нации» — вещица эфемерная: сегодня есть, завтра нет. Без телефона прямой связи с ФСБ, МВД и прокуратурой — улетает все это легким облачком за пару месяцев. И Милошевич был национальным лидером, и Пиночет. Главное: третий срок организовать — как два пальца об асфальт, но это уже привет от Лукашенко. И прощай, Запад, и западные счета прощай, в которых, поди, второе десятилетие копятся лучшие воспоминания о Родине... В общем, уже и март на горизонте, а твердого решения, видать, нет.

Вот и в Твери дрессированные эти во главе с адвокатом Астаховым — так и ходили котами вокруг горячего молока... С одной стороны — «верность конституционным принципам», а с другой...

АСТАХОВ: Человек нам на голосование всенародное положил все свои заслуги, всю свою репутацию, весь свой авторитет и все, что он сделал за восемь лет. Он сказал: я вам доверяю самим сделать выбор! Придите и решите. И мы можем решить этот вопрос. Мы должны прийти и сказать единственное слово: до-ве-ря-ем! Доверяем?

ДЕЛЕГАТЫ: Да-а...

Странно. Перед вами президент что-нибудь клал? Передо мной, слава богу, нет. И ничего мне не говорил насчет необходимости выбора... А Астахову и этим дрессированным, которых свезли в Тверь звать хором Путина, как дедушку Мороза, — им он, значит, что-то такое говорил. И что-то перед ними клал... Ну как минимум перед Астаховым было положено. М-да... Раньше я не понимал старого американского анекдота про адвоката и собаку... Знаете? У вашей машины отказали тормоза, а впереди — собака и адвокат. Кого давить? Ответ: адвоката, потому что собаку жалко. Ох ты, славный наш адвокатский корпус — Астахов, Кучерена, Барщевский, Мирзоев!.. Жаль, что я не за рулем. Впрочем, я отвлекся: вернемся в Тверь! Итак: еще раз то же самое, медленно...

АСТАХОВ: Он сказал: я вам доверяю самим сделать выбор! Придите и решите. И мы можем решить этот вопрос....

«Он сказал: я вам доверяю сделать выбор!» Присмотримся к местоимению «он» и спросим себя: с какого такого бодуна он доверяет или не доверяет нам сделать выбор? Я, видать, приотстал от жизни, но до сих пор мне казалось, что выбор мы сделаем 2 марта, в соответствии с Конституцией и Путина не спросясь, причем как раз фамилии «Путин» в бюллетене не будет. Вот это он обещал точно и многократно! Нешто врал? И кто эти загадочные «мы», готовые решить вопрос о будущей власти в стране поперек Конституции? К кому это, через Астахова, как господь через Моисея, обращается наш светлейший с вопросом о доверии? Кто эти люди, которые хором разговаривают от моего имени и делают вид, что они народ? Откуда взялись в Твери эти семьсот делегатов из 80 регионов, притом что самим «запутинцам» без году неделя? О-о, этот бином Ньютона нам известен давно...

Как рассказала газета «Ъ» со ссылкой на источник в одной из местных администраций, официальное приглашение на учредительный съезд движения «За Путина», написанное от лица руководителя тверской организации, было прикреплено к письму, пришедшему из Кремля.

Ну, в общем, кто бы сомневался: наш сероглазый король в очередной раз организовал себе ликующий народ самолично! Из тех же кремлевских закромов был оплачены и орграсходы; оттуда же, надо полагать, приехали в Тверь и три КамАЗа с подписями в поддержку Путина... Астахов сказал: тридцать миллионов подписей! Видать, лично лазил по КамАЗам с арифмометром. Журналисты были бы рады помочь в точном подсчете, но их на съезд не пустили — только обслугу с госканалов! Картина Репина: спецнарод зовет на царство спецгосударя в обстановке секретности.

Вторая моя песня посвящена отважным людям, которые ничего не боятся: руководителям центральных телеканалов — Константину Эрнсту, Олегу Добродееву, Владимиру Кулистикову... А также главе Центризбиркома Владимиру Чурову, который совсем ничего не боится! Вот, казалось бы, выборы. Казалось бы, какое твое дело? — исполняй закон и живи себе. Но беспокойные сердца четырех забились в унисон в тревоге за Родину, и они решили: пропадай закон, а Родина живи! А Родина у нас кто? Правильно. Вот он и живи, а закон — пропади пропадом...

Центр экстремальной журналистики опубликовал результаты мониторинга ведущих телеканалов. Как отмечают СМИ, сравнительная картина соотношения времени, уделяемого освещению деятельности «Единой России» и других партий, ярко демонстрирует неравенство условий, в которых проходит предвыборная кампания.

Ну, равенство условий — вообще не наш путь. Народ, в языке которого, в процессе построения коммунизма, явилось на свет слово «распределитель» (в его неэлектрическом значении) — такой народ давно знает цену разговорам о равенстве!

Короче, чтобы не утомлять вас процентами: о президенте и его партии телевизор говорит вчетверо больше, чем обо всех остальных партиях, вместе взятых. Причем то, что он говорит об остальных, лучше бы и не говорил, потому что это по преимуществу гадости. Отважные люди руководители

телеканалов, ничего не боятся! А Чуров вообще кремень. Сердце Бонивура! Его ж потом пытать будут враги. Специально приедут из Страсбурга и ну рвать ногти прямо на диаграмме мониторинга, спрашивая: Чуров, ты знал, что это называется «злоупотребление должностными полномочиями», статья 285 УК РФ? И ноготь ему прочь. А-а-а! Тебе кто велел делать вид, что не видишь нарушений? И другой ноготь — р-раз! А-а-а!.. И обезумевшего, бородой по диаграмме, поволокут на очную ставку. А там, спина к спине связанные, уже сидят Эрнст и Добродеев, а поперек них Кулистиков приторочен... Ужас-ужас. Но ничего не боятся доблестные защитники России! То есть не России, а — кто у нас теперь вместо России? Во-во.

Ну а президенту стесняться вообще не приходится. Во вторник в Красноярске, единый в двух лицах, Путин-президент рассказывал народу о Путине — главе списка «единороссов»... Доводы обнаружились поразительной силы, а откровенность — ну просто обезоруживает!

«В "Единой России" нет пока устойчивой идеологии, принципов, за которые подавляющее большинство членов этой партии готовы бороться, — заявил Владимир Путин, выступая в Красноярске. — Но тем не менее она близка к власти. А к таким структурам, как правило, стараются примазаться всякие проходимцы, и частично им это удается. Цель для этих людей — не благо народа, а личное обогащение <...> Возникает вопрос, зачем я возглавил список "Единой России". Да потому, что лучше у нас все равно ничего нет».

Согласитесь, это была гениальная агитация за ЕдРо! Даже не хочется спорить; хочется только цитировать и пересказывать своими словами... Стало быть, на восьмом году руководства страной в «Единой России» нет устойчивой идеологии, а есть близость к власти и кучка беспринципных проходимцев, обуреваемых жаждой личного обогащения. Ну такую партию Путин просто обязан был возглавить!

Теперь — кадровая политика. Я всегда говорил: это наше сильное место!

По сообщениям СМИ, генерал-лейтенант Владимир Шаманов назначен начальником Главного управления боевой подготовки и службы войск Вооруженных сил России.

О-о! Вы еще не забыли это имя? Вы помните эту квалификацию? Он у нас Басаева ловил... Окружал, блокировал, наносил непоправимый ущерб... После каждой шамановской операции Басаев терял по две-три ноги, но все не попадался. Зато регулярно попадались Шаманову мирные жители — в Шаами-Юрте, Алхан-Юрте, Катыр-Юрте... Общий счет трупов пошел на сотни; с недавних пор на этот счет даже имеется парочка приговоров (разумеется, Страсбургского суда; ближе правосудия не держим-с...). Было в этих приговорах и про генерала Шаманова, лично ответственного за массовые убийства. Рекомендовалось Российской Федерации привлечь этого зондер-командующего к уголовной ответственности. Но Страсбург России не указ — и вот, поруководивший на ать-два Ульяновской областью, генерал возвращен в лоно Вооруженных сил! Будет, стало быть, обучать личный состав ведению боевых действий. Я бы на месте оставшихся в живых уже начинал прятаться...

Ну и (лыко в строку) раз уж мы вспомнили о генерале, не могу не порадовать вас его свежим интервью в «Московских новостях»... Чтобы вы представляли масштабы этого интеллекта попредметнее.

Комментируя положение на Кавказе, генерал Шаманов, в частности, заявил, что тревожная обстановка в этом регионе связана с предстоящей предвыборной борьбой в США. «Прибавьте сюда нестабильную обстановку в Польше и на Украине — все это тоже отразится на обстановке на юге России».

Если бы я был волшебником, я бы залез в голову генерала Шаманова и походил там с фонариком, чтобы уяснить, какими узелками Клинтон, Обама, Ющенко и братья Качинские вдруг связались в этой сумеречной голове с убийствами в Ингушетии. Но я не Гарри Поттер и осторожно обхожу стороной это интеллектуальное чудо.

И напоследок вернемся к главной теме, к думским выборам. По мере приближения «часа икс» мощь агитации нарастает, и мозги агитаторов перегреваются иногда так, что и снежок не помогает...

Недавние пожары и другие природные катаклизмы в странах Запада вызваны капиталистическим путем развития этих стран, заявил лидер российских коммунистов Геннадий Зюганов. Он назвал примером для подражания Китай и Вьетнам и выразил уверенность, что в России победят социалистические принципы, провозглашенные еще Иисусом Христом в Нагорной проповеди.

О! Ильич, Христос и Хо Ши Мин в одном флаконе! Кого послабее такой дезодорант сшибет с ног, но нам — в самый раз! Ой, чую: потянется на этот сладковатый запах левый электорат — прямо в теплые руки доброго дедушки-язычника Геннадия Андреевича, усилием воли вызывающего пожары в странах развитого капитализма...

Счастья вам!

24.11.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну я так понимаю, что до марта нам скучно не будет. Что ни неделька, то какая-нибудь непредвиденная радость. На минувшей — заиграла новыми красками избирательная компания. Ну не то чтобы уж совсем новыми — в целом-то уголовщина все та же, просто открылись симпатичные подробности! Многообещающий свежачок-с... Ну, обо всем по порядку.

Вот есть же еще в Отечестве неблагодарные люди! Я — про студентов Коломенского пединститута, которые, вместо того чтобы гордиться участием в плане Путина, начали вдруг жаловаться...

На протяжении последних трех лет студентов Коломенского пединститута заставляли принимать участие в массовых митингах и демонстрациях прокремлевских молодежных движений. Об этом говорится в анонимном письме, появившемся в LiveJournal на минувшей неделе. Так, в митинге в поддержку «Единой России» 16 ноября были вынуждены принять участие две тысячи студентов института. «Мы обращались и в СМИ, и в правоохранительные органы, но вывозы так и не прекратились», — цитирует одного из студентов сайт «Каспаров.ru».

«Вывозы не прекратились». Напоминает, признаться, жалобу кормовой свеклы на уборочную кампанию. Не можем больше молчать, пишет свекла.

Вывозят! Набьют автобусы, ногами утрамбуют и везут на пункт сдачи — везут свободных граждан свободной страны... Ах, дорогие анонимные студенты, каждый несчастен по-своему! Вот вы жалуетесь на своих «преподов» — мол, шантажируют вас неприятностями на сессии... А преподаватели сами вздыхают и закатывают глаза вверх. Им же был спущен план из Министерства образования: доставить на митинг в поддержку Путина столько-то добровольных студентов, — а то, мол, урежем финансирование... А возьми ты за жабры министра образования, он закатит глаза на куратора в Администрации президента, а уж тот куратор возведет очи на такие высоты, где птицы в обморок падают... Там уж вообще ничего живого не обитает, одна государственная необходимость остановить ход истории на Владимире Владимировиче Путине! В честь чего студентов, по образу и подобию свеклы, и вывозят автобусами на добровольную поддержку. Короче, вся страна при деле.

Поголовная добровольно-принудительная поддержка президента иногда играет с ним и его присными злые шутки. Всю минувшую неделю по Интернету гуляло дивное официальное письмо за подписью главы кемеровских единороссов, в котором оный господин якобы шантажировал «Сибирскую угольную компанию», требуя денег на кампанию избирательную, а в случае отказа грозил наябедничать на угольщиков губернатору Тулееву и в Кремль. В общем, чистая уголовщина! И что смешно, — все в эту историю поверили... Даже почему-то не засомневались! Видать, исторический контекст располагает. Пару суток все это в Интернете провисело на радость почтенной публике, а потом обе стороны хором историю опровергли. Не было, говорят, никакого письма, и никто ни у кого денег не вымогал. Но художественной правды сюжета разъяснение почему-то не поколебало... В общем, получилось как в том анекдоте: ложки нашлись, но осадок остался...

Ну те, которые не понимают государственной необходимости остановить ход истории на Владимире Владимировиче, пускай пеняют на себя! Союз правых сил, вероломно напав на «Единую Россию», добрался и до главного медведя. План Путина, сказали, это путь в тупик! Прямо из телевизора сказали, ужас... И мало того: потребовали снять Путина с выборов за многочисленные нарушения! Как будто на бога солнца Ра могут распространяться наши египетские законы... Ну тут и началось.

Союз правых сил стал в последние две недели главным объектом нападок со стороны государственных телеканалов, отмечает газета «Ъ». В новостях регулярно появляются сюжеты и комментарии, дискредитирующие эту партию. В главных итоговых программах Первого и второго каналов СПС был неоднократно обвинен в грязных технологиях, обмане, подкупе и предательстве.

Ну предатели — это не новость, но вот когда на Первом канале, в самый прайм-тайм, СПС сравнили с сектой свидетелей Иеговы, — тут-то я понял, что прожил жизнь не зря!

Дело в том, что — это ж я придумал «секту Иеговы» для предвыборных сливов! В сценке, посвященной «черному пиару» еще доренковских времен. Мне тогда казалось: я пошутил... И вот, спустя восемь лет — нате вам, на

полном серьезе, в итоговом выпуске Первого канала! Кстати, я не в претензии: раз Родине пригодилось, так и на здоровье! У меня там еще было про родство с Чикатило и совращение малолетних — пользуйтесь! Впрочем, собственным креативом избирателей тоже побаловали. В Перми, Самаре и Оренбурге от имени СПС распространяли фальшивые дисконтные карты; в Москве глубокой ночью звонили избирателям на мобильные телефоны — тоже от имени СПС, разумеется... Из творческих удач избиркома отметим снятие из эфира ролика СПС (как сказано в официальном документе — до представления письменного согласия лиц, чье изображение использовано в ролике). А там, кроме Никиты Белых, — только академик Сахаров! Вот к Сахарову за письменным разрешением и послали, умницы... А уж аресты тиражей, обрушение сайтов и физическое давление на Немцова — это такая обыденность, что и не о чем говорить. Понимать должны были в СПС, на что идут, когда заявляли, что план Путина — это путь в тупик... А Немцов пускай скажет спасибо, что обливают сгущенкой, а не полонием.

Ну и Путина тоже можно понять. Он же не Саркози какой-нибудь, чтобы участвовать в выборах на равных условиях с соперниками! Он этого отродясь не делал и не собирается; и что это вообще за новости — критиковать Путина из телевизора? Когда на носу дембель с неясными последствиями, и нервы ни к черту... Короче: видать, достали гаранта Немцов и К°! И вот в среду, в тронной речи перед «запутинцами», свезенными, по коломенской технологии, в Лужники (типа «гражданское общество») — Владимир Владимирович задал правым настоящего жару! Стенограмма этой кары небесной дает ясное представление о приоритетах. Про коммунистов там четыре строчки, а про либералов аж тридцать четыре! Как говорила Сова из «Винни-Пуха»: «Я не посчиталась с расходом графита!» Ну а технология дискуссии проверенная: отобрать у оппонента микрофон, приватизировать триколор, объявить себя Родиной, а всех, кто против тебя, — «сборищем популистов, парализованным коррупцией и демагогией». Это я цитирую. Теперь — понаслаждайтесь вживую.

ПУТИН: Им нужно слабое, больное государство. Им нужно дезорганизованное и дезориентированное общество, разделенное общество — чтобы за его спиной обделывать свои делишки, чтобы получать коврижки за наш с вами счет. И, к сожалению, находятся еще внутри страны те, кто «шакалит» у иностранных посольств, иностранных дипломатических представительств, рассчитывает на поддержку иностранных фондов и правительств, а не на поддержку своего собственного народа...

Когда хаваешь такую идеологическую тюрю, главное — глотать ее смаху, не держать долго во рту, а то стошнит. Но — рискнем все же разобраться во вкусовых ощущениях! Итак. Стало быть, те, кто получает гранты на Западе, не рассчитывают на поддержку собственного народа. Вопрос: а кто их пустит к собственному народу? Ответ: да никто. А зачем? Объявлять ежедневно из телевизора предателями России, а через семь лет замерить рейтинг и констатировать отсутствие народной поддержки. Вторая ложка путинской тюри — про противников государства, погрязших в «делишках и коврижках» («за наш с вами счет»). Ну раз уж гарант сам упомянул о счетах — заметим, что у него и у тех, к кому он обращался в Лужниках,

счета-то разные. И не сравнить ли благосостояние членов какого-нибудь комитета солдатских матерей с теми бюджетными коврижками, которые перепали самому гаранту — ну, скажем, в процессе раздела ЮКОСа? Будем меряться «коврижками», Владимир Владимирович? Нет? Ну вот и славно. Нет, лично-то я полагаю, что гарант живет на зарплату, а у солдатских матерей зарыто по офшорам несколько миллиардов, но, кажется, так думают не все.

Рассказав о правой оппозиции, мечтающей о коврижках, гарант еще наддал драматизма и взял верхнее до! Ария называлась — «Отечество в опасности». Я вам скажу, Родина-мать с лицом Путина — это зрелище не для слабонервных... Итак: кто же они, враги России?

ПУТИН: ...кто еще каких-то десять лет назад контролировал ключевые позиции и в Федеральном собрании, и в Правительстве. Это те, кто в 90-е годы, занимая высокие должности, действовал в ущерб обществу и государству, обслуживая интересы олигархических структур и разбазаривая национальное достояние. <...> Это те, кто из года в год принимал несбалансированные, безответственные абсолютно бюджеты, обернувшиеся, в конце концов, дефолтом, обвалом, многократным падением жизненного уровня граждан нашей страны...

Тут самое время заметить, что десять лет назад сам Владимир Владимирович вовсю трудился на самой верхушке федеральной власти — но, видать, ранний склероз выбил память об этом из предвыборной головы — вместе с памятью о назначении собственным полпредом в Приволжском округе творца дефолта, Сергея Кириенко. Приятная вещь склероз! Знай болтай себе. Главное — поэмоциональнее, чтобы никто не успел ничего сопоставить.

ПУТИН: Они хотят взять реванш, вернуться во власть, в сферы влияния. И постепенно реставрировать олигархический режим, основанный на коррупции и лжи.

Услышав про олигархический реванш, я испугался уже не на шутку. За олигархов. Стало быть, сейчас они, бедолаги, выброшены из власти, из сфер влияния! То-то я гляжу: на Дерипаске лица нет, у Потанина проблемы, Абрамович в бегах... Или не в бегах? Кстати, чегой-то он не в бегах? Не участвовал в коррупции и лжи? Или участвовал, но на правильной стороне? И кто это там пасся в конце девяностых неподалеку от Абрамовича, — лицом похожий на будущего гаранта? Ась? Ну ладно, кто старое помянет... Говорите, Владимир Владимирович, говорите... До 2 марта вам надо успеть выговориться.

Счастья вам!

01.12.2007

Здравствуйте! В эфире «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Последняя программа перед днем исторического голосования за будущего лидера нации дает нам счастливую возможность обозреть напоследок предвыборные просторы. Начинаем обозревать.

Выборы только завтра, но такой счастливый случай — победитель известен, и даже результат более или менее тоже... По крайней мере, еще в

минувший четверг по Интернету пошли гулять листовки, которые, как наябедничал один блоггер, уже вовсю печатаются в одной типографии. Листовочка — первый сорт, машина времени! Из нее я узнал, что 2 декабря Россия выбрала себе нового национального лидера в лице одного известного господина, чей до боли знакомый портрет занимает пол-листовки. Причем эта победа одержана им «с сокрушительным результатом». Психически здоровому человеку, узнавшему в четверг результаты воскресных выборов, действительно есть повод сокрушаться. Далее машина времени выдает планы неких врагов сразу после выборов захватить площади и здания, спровоцировать беспорядки и отобрать их победу. Поскольку листовка отпечатана движением «Наши» и, стало быть, предназначена для тупых, тут же нарисована картинка, чтобы тупым было понятно, кто враги. Нарисован толстый дядя Сэм, сидящий на мешках с деньгами, а на мешках, для совсем тупых, написаны фамилии «Лимонов» и «Каспаров»... Но это все детали. Главное: завтра у нас, оказывается, состоятся не выборы в Госдуму, а инициация национального лидера. Интересно, Чуров в курсе?

Поскольку результаты уже имеются — стало быть, осталась чистая формальность! Но, конечно, мелочей в таких вопросах не бывает. На самотек голосование никто не пустит, народу такое дело доверять нельзя! Народ, дурак, проголосует, как бог на душу положит, а то и вообще не придет, забьет на явку, сорвет мероприятие... Поэтому пастухи, умело пощелкивая бичами, начали заблаговременно загонять электорат в нужном направлении. Чтобы не заблудилась колхозная Зорька, а, нагуляв бока на останкинской ботве, сама пошла, позванивая колокольчиком, к правильной доилке. Еще за месяц до выборов по стране развернулась работа с населением, а ближе к делу электорат начал помаленьку покряхтывать в загончиках...

В СМИ и Интернете публикуются многочисленные свидетельства давления на избирателей, которых заставляют брать открепительные талоны и голосовать не по месту жительства, а по месту работы или воинской службы, под контролем администрации.

А что вы хотели! Всенародная задача — оставить власть у власти — требует напряжения всех сил. Ну с армией все понятно: построят во фрунт, скомандуют к урне бегом — и в рыло зазевавшимся... Но и на гражданке рычаги имеются. Как говорила героиня Мордюковой: «Не будут брать — отключим газ!» Газ — полбеды, граждане! Могут отключить и зрение... В Саратове, в офтальмологической клинике, на пациентов не заводят истории болезни, пока они не принесут открепительные удостоверения! Об этом наябедничал в Интернете один блоггер. «Врачей, — пишет он, — тоже заставляют принести открепительные и в выходной день прийти по месту работы для голосования. В противном случае угрожают увольнением». Вслед за этим ябеда прямо называет партию, за которую предписано проголосовать саратовским врачам. Но Чуров на посту, и из уважения к закону я вам эту партию не назову. А сами вы в жисть не догадаетесь. Кстати, что же Чуров, обещавший сбрить свою бороду, если будут нарушаться законы? Должен был бы уже обскоблить физиономию до самого черепа... Не беспокойтесь. Он должен, но не может, ему борода нужна по службе — как старику Хоттабычу. Следите за руками — завтра Чуров начнет выдергивать

из нее волоски и обеспечивать правильные проценты... Все остальные волшебники из администрации тоже стараются, как могут.

Глава одной из столичных управ на встрече с руководителями предприятий поставил задачу: усилить агитацию и добиться 75-процентного голосования за (гудок, перекрывающий название партии). ***Во встрече участвовал депутат Мосгордумы от*** (гудок, перекрывающий название партии). ***Явку бюджетных предприятий обещали проконтролировать. Обо всем этом, на условиях анонимности, рассказал директор одного столичного предприятия.***

Как вы догадываетесь, звук (гудок) означает сегодня не какое-нибудь неприличное слово, а название какой-нибудь... ну, этой, произносить которое в день перед выборами мы не имеем права. Закон — это святое! Короче, вот эта самая (гудок) все перед выборами «закрышевала», а главное — обеспечила процессу интимность. В том смысле, что никаких наблюдателей ОБСЕ на выборах не наблюдается! Кстати, что это они вдруг — ездили-ездили и перестали? Ну, конечно, Россия в разы урезала число наблюдателей и не выдала им вовремя въездные визы, но истинная причина неприезда, конечно, не в этом! А в чем же? А вот слушайте.

Президент Путин прокомментировал отказ ОБСЕ прислать своих наблюдателей на выборы в Госдуму. «По имеющимся у нас сведениям, в очередной раз сделано это по рекомендации Госдепа США», — заявил он. По словам Путина, отказ посылать наблюдателей в Россию преследует цель «делегитимизировать выборы» в Госдуму. Однако «этой цели они не добьются», — подчеркнул президент.

О, этот Госдеп США! О, эти щупальца, протянувшиеся к нам из карикатур Бориса Ефимова... И знаете, что здесь самое интересное? Самое интересное (и печальное) — то, что наш президент, кажется, на самом деле так думает! То есть я у него в извилинах со свечкой не стоял, но кажется, личный опыт нашего солнца говорит, что миром снаружи можно управлять вручную. А бедная исландка, глава ОБСЕ, даже понять не может: каким концом вылез тут у Путина Госдеп США? Ну что взять с островитянки... А насчет легитимности выборов нам беспокоиться и вправду нечего. Приехали наблюдатели, не приехали — пустое это! Владимир Владимирович Путин сам себе легитимность! Махнет из кремлевской бойницы белым платочком — вот тебе и легитимность. Махнет черным — всех казнить. И при чем тут вообще ОБСЕ?..

Вослед за нашим президентом Европу успокоил и наш премьер-министр.

Как передает корреспондент агентства «Росбалт», Виктор Зубков, комментируя ситуацию в России накануне выборов, в частности, сказал: «У нас обстановка в России — спокойная, и выборы пройдут спокойно, вы можете спокойно к этому относиться».

«Спокойствие, только спокойствие!» — как говорило предыдущее привидение с моторчиком, летавшее, правда, над собеседниками не за казенный счет.

Теперь несколько слов о «несогласных». Про этих ужасных людей уже было сказано из телевизора много слов правды. Ну, вы помните: хотят крови и хаоса, не любят Россию, за доллар маму продадут... По праву очевидца хочу добавить в эту кассу свои пять копеек. Я убежден, что лидеры «несог-

ласных» и прочие дем. активисты состоят в контакте с нечистой силой! Вот, например, история...

К давешнему митингу в Москве с Лубянки пригнали потихоньку грузовик с «глушилкой». Поставили за домами в Орликовом переулке, все чин чинарем. Вдруг откуда ни возьмись — этот красавец-демократ с группой папарацци! Здорово, говорит, орлы, бойцы невидимого фронта! Орел, который был за рулем, сразу лицом на руль упал — и лежит, боится инкогнито. Демократ — к кузову, а там уже остальные бойцы невидимого фронта лежат патриотическими задницами кверху, лицами вниз... Дьявол этот (в обличии демократа) говорит: ребята, вы чего, я ж просто так пришел, поагитировать за (гудок)... Голосуйте, говорит, за (гудок)! Орлы в ответ маски на лица натянули и лежат, как парализованные. Потом дьявол этот на митинг ушел, бойцов отпустило, врубили они свою глушилку, — у «несогласных» аж барабанные перепонки выдавило...

Или вот еще странность: митинг-то был разрешенный, и милиции вокруг стояло несчетно (у меня полдня потом от генеральских штанов красными полосочками в глазах рябило), — и вот, значит, милиции несчетно, а с глушилкой в соседнем переулке ничего сделать не могут! Прямо на моих глазах парализовало группу генералов — стоят, и ни с места! Я думаю, это Каспаров так на милиционеров действует. Возле Каспарова у милиционеров начинаются провалы в памяти, переходящие в массовые галлюцинации. После апрельского «Марша несогласных» несчастный свидетель старшина Иванов не смог отличить Пушкинскую площадь от Триумфальной. Каспарова за это оштрафовали, но он не унялся, и на сей раз группа ментов-свидетелей перепутала вообще все: время задержания, численность людей, номера домов... Догаллюцинировались до того, что Каспаров нес флаг этой... ну, в общем, которая Каспарову нужна как корове седло. Бедный спикер Совета Федерации Миронов по этому поводу чуть, небось, валерьянки не опился. Так мало того: шахматист требовал рассекретить фамилию милиционера, который составлял этот дурацкий протокол — хотел, подлец, опозорить на весь мир офицера, потерявшего здоровье в неравной борьбе с реальностью! За все эти издевательства над сотрудниками МВД судья Сазонова дала Гарри Каспарову пять суток ареста. Она, видать, тоже приболела головой, но ближе Страсбурга это не лечится.

А вот к «Маршу несогласных» в Питере правоохранительные органы подготовились заранее.

За спиной радикальной оппозиции в Петербурге стоят члены тамбовской преступной группировки. Об этом на прошлой неделе заявили в ГУВД Петербурга. Как сообщил «Интерфаксу» источник в правоохранительных органах, при обыске у бандитов обнаружены документы, связанные с организацией и финансированием «маршей несогласных».

Все течет, все изменяется... Вообще-то глава тамбовских, ныне заключенный Кумарин, был соседом по даче не у Каспарова, а как раз у Путина... И в прессе довольно много писалось о связи тамбовской ОПГ не с Каспаровым, а именно с Путиным (правда, неприятности по этому поводу случились почему-то не у Путина, а как раз у прессы). Но вот, стало быть, какой поворот сюжета: тамбовские, оказывается, идейные! Занимались рэкетом и

разбоями, чтобы финансировать «несогласных»! Причем как у них, тамбовских, заведено — вели на этот счет подробную письменную бухгалтерию... Как зачем? Чтоб было что обнаружить при обыске!

Итак, Каспарова и К° финансирует преступный мир. Но не он же один, кто еще? Ну, ясно кто.

Опальный олигарх Борис Березовский вновь заявил на минувшей неделе, что финансирует некое оппозиционное подполье в России. На пресс-конференции в Лондоне Березовский сказал, что его главная цель — подготовить массовые акции для свержения президента Владимира Путина.

Человек, регулярно напоминающий миру о своем руководстве подпольем, — это, конечно, чудо чудное! Вот все-таки интересно: на кого работает эта фаня каплан, собирающая пресс-конференцию, чтобы объявить о своем очередном выезде на завод Михельсона? Какие версии, граждане? У меня есть одна, — в память о старой дружбе Владимира Владимировича и Бориса Абрамовича. Сдается мне, что эта дружба не прошла окончательно...

Ну, покуда Березовский устраивает свои ежедневные хеллоуины на Альбионе, его питерский «подберезовик», войдя во вкус, организует ужастики по-настоящему. И служивый путинский народ разминается, ностальгируя по настоящим чекистским временам. Во время налета УБОПа на офис Каспарова (я бы назвал это обыском, если бы ворвавшиеся предъявили хоть какие-нибудь документы), — так вот, в ту пятницу один из налетчиков прямо заявил оппозиционерам, что раньше таких, как они, просто расстреливали: «приходили в кожаных плащах, доставали револьвер и расстреливали на месте» (цитата из работника правоохранительных органов). Ну а покамест — расстрел не расстрел, а после «Марша несогласных» ОМОН, избив одного «несогласного» до потери сознания, не позволил войти в здание суда врачам «скорой»... Впрочем, в Москве, конечно, по-настоящему еще не развернуться: иностранные корреспонденты шляются, и своих недодушенных парочка, и адвокаты еще не все взяли фамилию Астахов... А вот в Ингушетии — о-о, в этом райском краю власть может себе позволить гулять без стеснения!

О да. Ворвались в гостиницу, избили журналистов РЕН-ТВ и правозащитника Олега Орлова, надели им мешки на голову, выволокли, запихнули в машину и повезли расстреливать. Потом оказалось — пошутили. Просто оставили раздетых ночью на морозе за два часа от ближайшего жилья... А не надо потому что освещать митинг оппозиции! На Первый-второй канал рассчитайсь — и сиди тихо целенький... А уж правозащитник Орлов вообще провокатор! Зачем было выходить из президентского совета да еще дверью хлопать? И вот, вместо того чтобы шакалить при Путине, шакалит теперь у иностранных посольств, а потом на эти западные гранты ездит по Кавказу, мешается под ногами у Кадырова с Зязиковым, не дает пацанам развернуться во всю длину. Да как же не избить такого мерзавца? Избили, разумеется, заодно с журналистами — и тут же взяли расследование под личный контроль президента Ингушетии. Ну тут Зязикова можно понять... По информации источника в ингушском МВД, над журналистами и правозащитником глумились люди из личной зязиковской охраны, и без личного контроля Зязикова преступников запросто поймают...

Взяв под контроль республиканскую уголовщину, трудолюбивая ингушская власть нашла время и силы, чтобы помочь в становлении редакционной политики канала РЕН-ТВ.

Парламент Ингушетии выступил с заявлением, посвященным инциденту, произошедшему с журналистами. Большая часть заявления посвящена, однако, критике редакционной политики телекомпании РЕН-ТВ. «Нам не понятна логика госпожи Максимовской, направляющей в Ингушетию на освещение попытки проведения несанкционированного митинга две группы журналистов», — сказано в заявлении.

Да, провинилась Максимовская перед ингушскими депутатами! Надо работать над собой, Марианна, надо совершенствоваться в профессии, чтобы быть понятнее депутатскому корпусу республики...

Но вернемся к текущему торжеству законности. Оно уже просто не знает границ! Стремление к идеалу дошло помаленьку до правил уличного движения. В прошлую субботу, во время «Марша несогласных», на одного видного демократа налетел ОМОН, сбил его с ног и поволок в кутузку. Многие сгоряча подумали, что это власть с глузду съехала и бесится, но потом ГУВД Петербурга официально все разъяснил: оказывается, этот «несогласный» был таким образом задержан за переход улицы на желтый свет! Забота о пешеходах прорезалась в ОМОНе, понимаете? Не могли видеть, как человек рискует собой, засунули его от греха подальше в кутузку... А давеча там же, в Питере, Владимира Буковского задержали за переход улицы в неположенном месте!.. Менты хотели отвести Буковского в отделение, но Буковский клал с прибором еще на их дедушек — и в отделение не пошел... Однако ж насчет перехода улицы я вам скажу: Пиночет-то был порешительнее наших! Представляете: возвращается в Чили Корвалан, а хунта его выслеживает — и ну штрафовать за курение в неположенном месте!

Счастья вам!

08.12.2007

Здравствуйте! В эфире — программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну что же, 2 декабря прошло, можно перекурить и оправиться, а потом, на холодке, подвести некоторые промежуточные итоги. С холодка, пожалуй, и начнем...

Как было замечено одним арапом, бывают странные сближения. А бывают такие, в которых странного нет, зато много символического. А уж знак это божий или просто законы мировой гармонии — решайте сами. Короче: аккурат 2 декабря, в день всенародного сами знаете чего, над немаленькой частью России началась полярная ночь. Очень вовремя действительно.

Но бог с ним, с нашим Заполярьем. Поглядим на вопрос шире! Итак, 2 декабря на всенародном референдуме народу страны было предложено выбрать себе будущее, твердо связав его с именем нынешнего лидера. Этот неброский человек, простой полковник, всего за несколько лет поднял страну с колен; он взбодрил миллионы малограмотных людей; он вернул в руки государства ключевые отрасли экономики, он наказал коррупционеров и изгнал из эфира оппозицию. Предатели родины, шакалившие у западных посольств, преданы обструкции — и горька будет их судьба! Сурово обой-

дется народ с теми, кто захочет встать на пути у возрождения страны! Сегодня они еще мечтают о реванше, но полковник начеку! Проруководив два срока, которыми ограничила его полномочия Конституция страны, полковник мог бы уйти на заслуженный отдых, — но как оставить в беде Родину, чья надежда только на него?! Можно ли допустить, чтобы формальные соображения перевесили чувство долга и ответственность за страну, окруженную врагами? Нет и еще раз нет! Поэтому 2 декабря народу было предложено проголосовать за внесение изменений в конституцию Венесуэлы! А вы думали, я о какой стране говорю? О Венесуэле, разумеется. И вот, представьте себе, народ указал главе государства на дверь — в сроки, предусмотренные Конституцией. Не разрешили венесуэльцы менять Основной закон! Ну что взять? — темный народ, индейцы практически! Да и полковник какой-то ненастоящий. Нет, ей-богу: иметь в руках войска и телевидение — и не организовать правильной цифры на референдуме! Детский сад какой-то... То ли дело наш полковник — и то ли дело мы, родина Белки и Стрелки! Хоть в космос, хоть в задницу — куда пошлет родная администрация, туда — в любой момент и добровольно! Потому что со времен как минимум Ивана Грозного знаем: лучше добровольно... А про Венесуэлу теперь даже не говорите мне, — недоразумение это, а не Венесуэла! Настоящий каракас — это здесь!

Ну а теперь — подробнее про ход и итоги давешнего российского голосования. Сначала про итоги. В отличие от подопытных венесуэльцев, россияне голосовали всего лишь за состав Госдумы пятого созыва. Ну это даже комментировать неловко — новая гастроль заводской самодеятельности по сельским клубам... Одна радость: Вольфыча оставили в репертуаре, а то мы уж волновались за старого клоуна — умрет без публики! В общем, не в Думе было дело 2 декабря... А в чем было дело, народу тут же объяснили.

ГРЫЗЛОВ: Выборы в Государственную думу практически были референдумом в поддержку курса нашего президента, в поддержку курса Владимира Путина. Мы можем сказать, что Владимир Путин одержал победу в первом туре.

Ну, разумеется, это был референдум за Владимира Путина! А то бы — с какого перепугу возникли эти стахановские нормы голосования? Зачем «Единой России» 63%, когда в прошлый раз было 36% — и хватило выше крыши? Нет, тут не про ЕдРо речь, — опера называется «Жизнь за царя»! Март на носу, братцы, конец срока подкрадывается, страшнее поляка! За зиму-матушку надо успеть нагнать государю такой народной поддержки, чтобы у солнца нашего другого выхода не было, только остаться! Или, если уж нельзя остаться, то хоть возле трона как-нибудь перекантоваться до следующего раза — руками в скипетр вцепившись, а зубами в провод спецсвязи, чтобы боевые товарищи, за пересменок, не успели сдать с потрохами... А то: «национальный лидер», «национальный лидер», — а как начнут рассказывать по телевизору биографию с подробностями, костей не соберешь... В останкинской игле — Кащеева смерть! Короче: что в марте делать, в точности еще не решили, но народной поддержки надули на всякий случай цельный дирижабель. И висят теперь на веревочке эти 63%, невесть откуда взявшиеся. Хотя откуда взявшиеся, это как раз известно!

Газета «Ъ» опубликовала перечень нарушений, зафиксированных в день голосования. Это — вброс бюллетеней; подкуп избирателей; голосование по открепительным удостоверениям больших групп граждан, организованно перемещающихся с участка на участок; недопуск наблюдателей на участок и к подсчету голосов; агитация на участках, нарушение тайны голосования, а также массовое внесение в списки избирателей умерших граждан.

Ну «мертвые души» служат в России живым пройдохам, считай, по традиции: гоголевские Степан Пробка и плотник Михеев исправно голосуют за Путина с двухтысячного года! Портретами нашего фараона-самоделки на избирательном участке Россию тоже не удивишь, как и угрозами увольнения бюджетников за неверное голосование. Сообщению о том, что в психиатрическом отделении пациентов лечат дружным утренним голосованием за Путина, пускай удивляются в Страсбурге. А мы уже давно привыкли к тому, что на Кавказе и в психдиспансерах Путин побеждает со стопроцентным результатом. Но вот отпечатанная официальным образом угроза штрафа в три тысячи рублей за неприход на выборы, рассылавшаяся избирателям в Уфе — это уже, пожалуй, свежачок-с! Кстати, об Уфе. Именно там недавно завершился один старый сюжет, ставящий красивую виньетку над главой о честных выборах в России при Путине.

Так вот: четыре года назад в Башкирии во время выборов президента республики, произошел удивительный случай: оппозиция накрыла президента с поличным! В рахимовской типографии, в ночь перед первым туром, допечатывали избирательные бюллетени. Оппозиция вызвала милиционеров, но раньше приехали пожарные, потому что из окон типографии уже валил густой дым: там пытались сжечь отпечатанные бюллетени. Но все не сгорело, и два центнера вещдоков достались стражам порядка. Потом был суд, на котором бледный директор типографии, г-н Валиев, показал, что делал все это по личной инициативе — ну, захотелось человеку на досуге допечатать избирательные бюллетени, с кем не бывает! Судья пожурила директора типографии и немножечко его оштрафовала за такое хобби. А башкирский президент к тому времени уже слетал к российскому президенту, и поделился с Путиным своей бедой... а может, не только бедой... В общем, чем-то отец башкир с Путиным поделился — и по возвращении уверенно победил во втором туре! А московские оперативники, специально прилетавшие брать отца башкир за жабры, тихонько растворились в пространстве... Дело прошлое, и я бы не шевелил эту золу, но — как вы думаете, кто сейчас работает директором президентской типографии в Уфе? Вот именно! Тот же самый г-н Валиев! Осужденный преступник, любитель допечатывать в ночь перед выборами избирательные бюллетени. Снова на боевом посту! Так какие у нас, говорите, были показатели 2 декабря по «Единой России» в Башкирии? Восемьдесят три процента? Отлично!

А мир наблюдал за этими нашими выборами выпученными глазами. Один осторожный финн тактично объяснил происходящее «национальной спецификой», и тут возразить нечего. Аборигены, когда ели Кука, тоже делали это в рамках национальной специфики... Остальные европейцы выразились про чуровский аттракцион гораздо определеннее, и с ответом за нами не заржавело. МИД тут же сказал нечто, в переводе с дипломатического на

русский означающее «сам дурак», а незатейливый г-н Путин попросту посоветовал Западу не совать в наши дела свой сопливый нос, чем немедленно укрепил репутацию России как оплота духовности. Замучаются пыль глотать, правильно я говорю? Отрежем, чтобы не выросло! О, мы еще много слов знаем... И говорить их теперь можно смело — изоляция России не грозит!

В ходе встречи с главой ЦИК Чуровым, председатель Центризбиркома Белоруссии Лидия Ермошина высоко оценила организацию парламентских выборов в России. В свою очередь, Владимир Чуров отметил, что в Западной Европе много теряют из-за того, что лишены возможности общения с Ермошиной, поскольку ей закрыт въезд в страны Евросоюза.

О да. Не судьба Западу увидеть Ермошину! Париж пятый год в трауре. Ну ничего, зато мы спразднуем это единение сердец: Чуров и Ермошина, два голубка пара!

Ну, стало быть, пожизненный батька наши выборы признал, от сердца отлегло... Кто же еще? А еще признала нас группа довольно средних азиатов от имени СНГ и наблюдатели от Шанхайской организации сотрудничества! Зам. тамошнего генсека, китаец, отметил, правда, что у нас имели место «незначительные технические неполадки». По мне от таких слов аж мурашки поползли. У китайских товарищей — свой аршин: случай на площади Тяньаньмэнь, когда по людям танками ездили, прошел у них, помнится, по разряду мелких инцидентов, — и что в Поднебесной может считаться «техническими неполадками», даже фантазировать неохота... В общем, поддержку мирового сообщества мы получили сполна! Средняя Азия, китайцы и Лукашенко. Да еще Саркози сгоряча поздравил Россию с честными выборами — французы уже неделю возят его за это лицом по своему вертикальному триколору, приводят дебютанта в чувство...

Но вернемся на Родину. По Родине уже неделю летит песня о референдуме, о россиянах, выбравших курс Путина... Петь эту песню будут еще месяца три минимум, и дай им всем бог здоровья и кобзоньего голоса! Тут главное — невзначай не перейти с вокала на арифметику. Потому что арифметика получилась сомнительная... Даже чуровская, официальная, со всеми ее башкирскими типографиями, воинскими частями, откреп-бригадами и энтузиастами из администраций, голосующими карусельным образом... — даже эта арифметика не очень тянет на всенародную поддержку.

По официальным данным, в поддержку Путина на минувших выборах проголосовало меньше 42% от списочного состава избирателей. СМИ отмечают, что это на пять миллионов человек меньше, чем проголосовало за него же на последних президентских выборах.

Это что ж такое, граждане? Вы почему не оправдываете оказанного вам высокого доверия? Из-за вас президент с лица спал, нервы ни к черту, с русского языка на блатной перешел окончательно; Лубянка ночей не спит, Останкино охрипло осанну петь, безымянные герои из администрации замучились вбрасывать бюллетени, Чуров, прямо говоря, свободой рискует, — а вам лень прийти и поставить крестик в нужном месте? Ну раз так, пеняйте на себя...

По информации газеты «Новые известия», в Ульяновске местные чиновники потребовали от руководства вузов предоставить списки неголосо-

вавших студентов. В свою очередь, представители городской администрации сообщили изданию, что в понедельник их «обзвонили и спросили, за кого они отдали свой голос».

Вот! — управляемая демократия, все при деле! Городская администрация контролирует студентов, кто-то сверху — городскую администрацию, на тех звонящих тоже, поди, имеется какой-нибудь контролер... А Сечин небось контролировал Путина. А то ведь отвернешься, — «кинет», чисто по привычке... Лучше присмотреть. В общем, все за всеми проследили, и настала пора оргвыводов!

Губернатор Астраханской области Александр Жилкин выразил удивление и разочарование результатами выборов по Астрахани, где процент проголосовавших за «Единую Россию» оказался одним из самых низких в стране. Губернатор пообещал «чуть снизить темп, который мы взяли в переустройстве города», а также «изменить вектор политики», чтобы «отдать дань уважения тем людям, которые на деле являются соратниками».

Перевожу писанное на губернаторском сайте на русский разговорный. Стало быть, жители Астрахани не смогли доказать губернатору Жилкину, что являются ему соратниками! Они его разочаровали! А раз так, то пропади они пропадом, и пускай живут в той разрухе, в которой живут сейчас; хрен им, а не финансирование... Ай, молодца, Жилкин! В обычных странах (которые можно понять умом) губернатор, провалившийся на партийных выборах в своем собственном регионе, получив крепкого пендаля, падает народу в ноги и обещает исправиться. В России же губернатор-«единорос» делает народу выговор за неправильное голосование — и объявляет об урезании сметы, в назидание провинившемуся электорату! Народ же, получив выговор от начальства, чешет репу и продолжает кочумать...

Теперь ненадолго отвлечемся от прошедших выборов и скажем несколько слов о богатом и правдивом юноше Олеге Шварцмане, авторе незабвенного интервью газете «КоммерсантЪ». Россияне уже учат этот текст наизусть, как «Мороз и солнце». В самом деле, чудо что за текст!

А поведал нам г-н Шварцман про организацию, созданную при администрации Путина для того, чтобы «Ходорковских всяких наклонять, нагибать и мучить»; про чекистов и членов их семей, владеющих офшорами на три миллиарда; про Сечина, промышляющего рэкетом и рейдерством; про шестьсот тысяч бывших силовиков, привлеченных к этому процессу, потому что все равно они «ни х.. не делают и ищут, где бы денег заработать»...

Собственно, по большому счету — ничего нового, кроме того, что все это было сказано под диктофон, а потом еще и завизировано. Впридачу ко всему этот бойкий кремлевский юноша, финансист рэкетиров и идеолог рейдеров, оказался членом политсовета партии «Гражданская сила». Вот там какие, оказывается, залежи, за Барщевским... После выхода интервью немедленно началась вторая часть мармизонского балета, содержание которой полностью умещается в пословицу «Я не я, и лошадь не моя». Все сказанное и заверенное Шварцман опроверг, сильно волнуясь, при этом прямо из радио шел запах горелого мяса от включенного паяльника...

Да! Вы, может быть, спросите: а что же Генеральная прокуратура? А ничего. Как, совсем ничего? Совсем. Ну вот ни капельки не заинтересова-

лась она содержанием интервью! Самое время ослепнуть. Вместе мучили Ходорковского; рэкет общий, да и офшоры, поди, по соседству с кремлевскими... Короче, жизнь удалась. Шварцмана только жалко, но, может, еще обойдется, авось не убьют юношу, а только подрежут немножко язык...

Но вернемся к выборам. Вот, например, Андрей Луговой. Он у нас теперь — парламентарий, лицо страны... А еще недавно работал охранником у беглого уголовника, врага России. Понимаете? Охранником — у уголовника... И вдруг — раз! — депутат Государственной думы пятого созыва. Будет теперь гонять чаи на Охотном ряду. М-да... Нет, ей-богу, за всех говорить не буду (не Михалков), а от себя скажу: хочется все-таки надеяться, что на самом деле Луговой — наемный киллер! Это бы придало фигуре Андрея Константиновича хоть какой-то значительности. А то совсем ерунда получается...

И напоследок еще раз о главном: о прошедшем 2 декабря сеансе всенародной поддержки Путина путем подлога и шантажа. Россияне вышли из этой истории несколько озадаченными, но уж начальство повредилось на всю голову! Восемьдесят процентов за ЕдРо, девяносто, девяносто пять!.. Девяносто девять и четыре десятых у Кадырова! Казалось бы, дальше некуда! Ан нет: посреди отдельно взятой Мордовии зафигачили с перепугу 109%, еле потом сбили эту температуру... Пришлось Чурову занижать результаты «Единой России» по республике, — представляете, какой стресс испытал человек?

Счастья вам!

15.12.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну неделька получилась знатная, — впрочем, до весны скучать нам вообще не придется... Интриг еще остался полный сундук, но один узелок давеча, кажется, развязался. Ну, обо всем по порядку.

Да! На что-то им уже надо было решаться: своим ходом этот плот въехал бы во 2 марта так, что щепок бы не собрали. И решились они на Медведева.

Итак: Медведев! Ну, во-первых, отдельное спасибо за то, что не Иванов с Зубковым... Получилось, как в старом еврейском анекдоте, по принципу «купи козла». Когда уберешь козла, жизнь действительно становится на некоторое время прекрасной, а тут сразу двух вывели за рога из помещения. Один, ветеран колхозного движения, ставши премьером, первым делом бросился вставлять зубы механизаторам; другой вообще, как рот не откроет, оттуда какая-нибудь дрянь лезет... Нет, не то чтобы россияне не проголосовали за Иванова или Зубкова — проголосовали бы и за Чикатило, если б его рекомендовал лично Владимир Владимирович... Просто на этих двоих Путин не решился оставить... — нет, не Россию (матушка и не таких переживала), — а вот кабинетик свой насиженный оставить не решился. Стремно! Зубков — кадр советский, крученый-перекрученый; Иванов вообще родом из гэбухи, и хотя, будучи министром обороны, он так и не научился отличать соединения от подразделений, но как съесть отвернувшегося на секундочку товарища по работе, его учить не надо. А Медведев вроде травоядный, с военными не контактировал, рта без команды не раскрывал... Правда, Брежнев, до того как съел Хрущева и закусил Подгорным, тоже, говорят,

был травоядным, — но деваться Путину было некуда, сроки поджимали. Впрочем, перед тем как пускать Медведева в Кремль, Путин ему что-нибудь, в профилактических целях, я думаю, прищемит... на случай личных фантазий Дмитрия Анатольевича о власти. В общем, нас ждут веселые времена. Ну а теперь — хроника все этой клоунады чуть подробнее.

В минувший понедельник «Единая Россия», «Справедливая Россия», Аграрная партия и партия «Гражданская сила» заявили о выдвижении Дмитрия Медведева в качестве единого кандидата на пост президента Российской Федерации. Как отмечает «Интерфакс», во время встречи с лидерами четырех партий в Кремле Путин полностью поддержал кандидатуру Медведева.

Вот, значит, как было дело! А мы все: Путин, Путин... А Путин тут, оказывается, дело десятое. Тут главное — Грызлов и Барщевский! Встретились вечерком, на выходные, Грызлов и Барщевский... Они теперь вечера проводят вместе в сильном волнении за судьбу России. Только сели, начали волноваться — глядь, идет Миронов-спикер с аграрием Плотниковым под мышкой. И по лицам тоже видать: волнуются за Россию! Стали они волноваться вчетвером, и после второй не помню кого вдруг осенило: а не выдвинуть ли нам в президенты Медведева? Какого Медведева? — спрашивают остальные. Ну такого... который главный по рождаемости. А давай, говорят! И ну звонить президенту. Вова, говорит Грызлов, мы завтра к тебе подскочим, есть дело на сто рублей. Тот говорит: какое дело, не томите! Грызлов ему: это не телефонный разговор. Готовь закусь. И вот в понедельник всей кодлой — к Вове. Вова выслушал, говорит: это какой Медведев? Ну такой, отвечают, который по рождаемости. Ах, этот? Путин пожал плечами: ну, хорошо, говорит, давайте, почему нет?

Так Медведев стал будущим президентом России...

Да-да, именно так все и было! Инициатива четырех партий, конечно! А назавтра Медведев появился в телевизоре самолично и заговорил с россиянами не своим голосом. Голос, как заметили многие, был совершенно путинский и повадки тоже. Сеанс звукоподражания прошел настолько успешно, что социологи тут же зафиксировали скачок медведевского рейтинга. Впрочем, основные рекорды тут впереди, а покамест кукушечка, получив конституционное наследство от петушка, первым делом пообещала всем этим с ним же и поделиться...

МЕДВЕДЕВ: Выражая готовность баллотироваться на должность президента России, обращаюсь к нему с просьбой дать принципиальное согласие возглавить Правительство России после избрания нового президента нашей страны.

Если это кадровое предложение рассматривать как «откат», то следует признать, что размер «отката» вполне соответствует нынешним понятиям о нормах. Это тебе не два касьяновских процента: Медведеву пошла шапка Мономаха, а Путину откатились полномочия премьера! Да не нынешнее голое место имени Фрадкова–Зубкова, а — расширенные полномочия, с «вертушками» в силовые министерства, это уж к гадалке не ходи... Конечно, весь этот прилюдный распил будущих полномочий немножко отдает клиникой, но не будем придираться к формальностям; лучше, как учил Козьма Прутков, позырим в корень, в самый что ни на есть корешок...

А в корешке от всех этих хлопот странный привкус обнаруживается... Ведь Путин у нас кто? Нет, неизвестно, кто он был восемь лет назад, а с осени девяносто девятого он у нас — национальный лидер! Не верите — читайте Маркова, конспектируйте Суркова! Я вот конспектировал и точно вам говорю: Путин — это наш Черчилль с де Голлем и Рузвельт с Махатмой Ганди. А уж любовь народа такая, что овацию остановить невозможно! Если рейтинг не притормозить, за сто зашкаливает! При таких раскладах, кажется, уходи себе на волю и рассылай народу энциклики, как Папа Римский... И вдруг выясняется, что эта глыба, этот матерый человечище, этот черчилль, махатма наша ненаглядная боится на один день остаться без «вертушки», на секунду из влажной ладошки контроль над аппаратом выпустить не хочет... Первым делом новым клеем к старой власти приклеился! Еще не ушел, а уже местечко себе надыбал, договорился по-тихому. Бедненький наш, де голленький...

Но оставим на время мышиные спецоперации под кремлевскими ковриками — и не без опаски повернемся к Кремлю задом, а к России передом. Как там, на бескрайних просторах? А по-прежнему. То есть ровным счетом ничего не изменилось по случаю появления преемника: как все шло себе, так и идет. В Махачкале расстреляли члена Верховного суда республики; в Москве друг Путина по дешевке купил газету «Известия»; в Пулково жену и дочку Каспарова не пустили в самолет, вылетающий в Лондон; в Ставрополе, в баре, прошел конкурс на раздевание, по итогам которого шесть студенток-финалисток были госпитализированы с тяжелой алкогольной интоксикацией — каждая выпила не менее бутылки водки на голодный желудок... Бар назывался «Европа»! В общем, нормальная европейская жизнь... В Подмосковье наша европейская цивилизация тоже гуляла вовсю.

Автобусы с активистами «Другой России», направлявшимися из Москвы в Серпухов на похороны убитого активиста «Другой России», 22-летнего нацбола Юрия Червочкина, были дважды задержаны сотрудниками ДПС. Как заявил задержанным сотрудник Управления по борьбе с организованной преступностью, это было сделано в рамках проходящей в Подмосковье антитеррористической операции «Автобус».

Вы поняли? Антитеррористическая операция «Автобус»! Страсть как хочется мне узнать ее результаты и, главное, масштаб операции. Не ограничилось ли дело борьбы с терроризмом мелкой пакостью против людей, ехавших на похороны? Кстати: собирается ли УБОП расследовать убийство Юрия Червочкина? Я это к тому говорю, что погибшему многократно угрожали именно сотрудники милиции, и есть настойчивые данные о том, что убивали Червочкина именно бойцы УБОПа. Не поэтому ли следствие за три недели не удосужилось обзвонить свидетелей? Не поэтому? А тогда почему? Ну да ладно, слишком много вопросов; не будем нарушать покой Генеральной прокуратуры! А подмосковному УБОПу — мои поздравления с успешным завершением антитеррористической операции по проверке московской прописки у едущих на похороны в Серпухов. Не зря мы вас кормим, соколики! Хорошо работаете!

Теперь несколько слов про обороноспособность. Спустя месяц после очередных терактов в Осетии и Невинномысске, — как всегда, вовремя подоспела новая федеральная статистика, прекрасная собой.

Выступая перед журналистами, главнокомандующий Внутренними войсками МВД генерал армии Рогожкин сообщил, что в настоящее время на территории Северного Кавказа находятся до 700 боевиков, которые перемещаются из одной республики в другую.

Знаете, что хорошо? Хорошо, что водка дешевая и память населению отшибает. Но от имени непьющих, в особенности «Путинку», хочу осторожно напомнить одну цифру. Шесть с половиной лет назад, в мае 2001-го, Генштаб доложил нам о полном уничтожении боевиков. Сопротивление в ту пору продолжали «разрозненные группки по 2–3 человека»... Эти разрозненные группки вскоре передали нам привет в «Норд-Осте» и Беслане, и это не прошло бесследно для силовиков, и особенно руководства ФСБ, которое в разы увеличило себе финансирование и до живота обвешалось орденами и медалями. И вот теперь, почти через восемь лет после полной победы над чеченскими террористами, из статистического тумана выходят «700 боевиков, перемещающихся из одной республики в другую»... На колу мочало, начинай сначала! Причем скажите еще спасибо, что генерал армии Рогожкин не посчитал бандитов, которые не перемещаются, а руководят теперь Чечней на законных основаниях.

А теперь с тревогой оглядимся вокруг. Что-то неладное творится в мире. Самые крепкие союзники вдруг засбоили. Пару недель назад Чавес не совладал с референдумом, а на минувшей неделе — вообще черт-те что! В Иране бывший президент страны, Моххамад Хатами, выступил с острой критикой действий нынешнего президента страны, — причем не на кухне выступил, а в университете, среди сотен студентов, посреди Тегерана! И что же? Ректор до сих пор не уволен, студенты не отчислены, и к Хатами наутро не пришла налоговая полиция... Слабину дает Ахмадинежад, плохо кончит! То ли дело мы. Каспаров, помню, тоже захотел однажды выступить в столичном университете — так пожарная инспекция просто закрыла аудиторию, и все дела! Плохо поставлено дело в Иране с противопожарной безопасностью. А давеча тот же Каспаров пытался провести в Москве собрание инициативной группы по своему выдвижению в президенты. Так ни одна собака не сдала ему помещение в аренду! Потому что всякая собака в Москве понимает политику Путина, да благословит его аллах вместо Ахмадинежада, так и не научившегося управляться с оппозицией...

И напоследок, как всегда, виньеточка — засушенный цветочек в память о былом... Уже неделю по Москве красуются новые рекламные щиты — там, значит, привычный медведик под триколором, а рядом слова «Спасибо за поддержку» и подпись — «Единая Россия». Это они, стало быть, имеют в виду, что 2 декабря мы их поддержали... Интересный поворот сюжета! Они, значит, били нас по балде Останкинской телебашней, брали за горло, размазывали по асфальту и центнерами вбрасывали фальшивые бюллетени. А теперь эдак тепло, по-домашнему, благодарят. Мне, признаться, это кажется лишним. Не надо возвращаться с букетиком тюльпанов к жертве группового изнасилования. Навалились всей кодлой, взяли, что хотели, — так хоть не показывайтесь лишний раз на глаза!

Счастья вам!

22.12.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну что же: очередная неделя аккуратно заполнила все клеточки своего кроссворда — по преимуществу, конечно, по вертикали. Уж такой у нас нынче кроссворд, что почти любое слово получается — по вертикали! Ну, обо всем по порядку, а начнем прямо с праздника. Нет, погодите вы с шампанским — еще не Новый год!

Отчетный праздник наступил на нашей улице очень кстати: 90-летие ВЧК, удачно склеенное с прошедшим 130-летием Дзержинского... Это немцы все никак не соберутся отпраздновать юбилей гестапо (стесняются, дурачки); вот и день рождения Гиммлера опять прошел у них необмытый... А уж мы погуляем так погуляем! Праздничный концерт в прямом эфире по каналу «Россия»; гимн, Медведев крупным планом, Путин по пояс в трибуне... А текст — полвека долой! Кстати, если вы ждали к девяностолетию первого террора каких-то рефлексий, то пойдите и охолоните! Ни тени! Рыцари без страха и упрека; гордость нации! Горячее сердце, чистые руки, холодные ноги... Нет, вру — холодные ноги были у штабелей трупов — на Соловках, в Перми, Колыме и прочем родимом освенциме, размером с десять Германий, а у чекистов холодной всегда была — голова! Ноль по Кельвину. М-да... Но вернемся к празднику. Тут все было с большим вкусом. После Хворостовского на разогреве, чекистам спели Патриция Каас и группа «Скорпионз». Видать, у нас с финансированием дело обстоит лучше, чем у них со вкусом. Но самое верхнее до — еще до концерта, на открытии соответствующей выставки, взял директор музея Отечественной войны Александр Заборовский: «Органы ВЧК, — сказал, — всегда демонстрировали нравственную чистоту, и мне отрадно, что ФСБ является славным преемником этой организации». Золотые ваши слова, г-н Заборовский! Особенно насчет нравственной высоты. Высота такая — аж дух захватывает. Железный Феликс, правда, не дожил до дележа нефтянки, но в остальном — как начали оттягиваться в восемнадцатом, так до сих пор не затормозим.

Свой юбилей чекисты отметили очередной победой над врагами России! На сей раз враг маскировался под симпатичную молодую особу по имени Наташа Морарь. Усыпив бдительность милиции, эта Морарь, будучи гражданкой Молдавии, проникла в самое сердце России и, получив вид на жительство, начала терроризировать администрацию своей журналистикой... Администрация терпела-терпела, да и не вытерпела. Чемодан — вокзал — Овидий!

На минувшей неделе приказом центрального аппарата ФСБ корреспонденту журнала «The New Times» Наталье Морарь был запрещен въезд в Россию — как было официально объявлено, на основании ст. 28 Федерального закона «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ».

Плюньте в глаза тому, кто обвинит Россию в негостеприимстве! Нам люди нужны. Была бы Морарь проституткой, — разве ж мы бы ее выгнали? Да ни в коем разе! Плати «ментам» и работай на здоровье! Молдаване — не грузины, мы против ничего не имеем... Штукатурь, вкалывай за бесценок на стройках жены старика Батурина — святое дело! Но злостная Наташа Морарь вместо всего этого закончила исподтишка соцфак МГУ, пошла в журналистику и давай писать про «черные предвыборные кассы»

Кремля, про коррупцию на Лубянке... Ну юбиляры, доблестные рыцари щита и меча, и приняли меры! Тут действительно выбор небольшой: либо выкинуть прочь всех, кто про это пишет, либо тикать отсюда самим. Потому что когда слух о чекистских кренделях дойдет до населения по-настоящему, — за шею краном начнут поднимать уже не каменного юбиляра Дзержинского, а кого-нибудь поменьше ростом и не из поляков... Короче, избавили Россию от Наташи Морарь! И заметьте — в полном соответствии с законом! Там же, в этой 28-й статье, русским языком сказано: въезд в страну иностранному гражданину не разрешается, если «это необходимо... в целях защиты здоровья населения». А населению знать про коррупцию в Кремле — ужасно вредно для здоровья! Некоторые (как Юрий Щекочихин) вообще погибли, когда пытались узнать про это дело подробнее. Так что Наташе Морарь, считай, повезло! Всего лишь вытурили из страны.

Знаковой коррупционной темы не миновало и интервью Путина журналу «Time», данное по случаю признания его Человеком года. Человек года в очередной раз промыл Западу глаза борной кислотой.

Отвечая на слова корреспондента журнала «Time» о том, что некоторые весьма приближенные к Путину люди обогатились за счет коррупции, российский президент предложил ему написать заявление в Министерство иностранных дел Российской Федерации или в прокуратуру. Путин заверил, что реакция будет «быстрой, просто незамедлительной, и в рамках действующего в России законодательства».

На случай, если журналист «Time» раскатал губу и уже приступил к письменному описанию всего, что ему известно о коррупции возле Путина, хочу мягко предупредить коллегу... Кажется, он не вполне точно понял, что имел в виду российский президент, говоря о незамедлительной реакции МИДа и прокуратуры. Дорогой г-н Игнейшес! Вас просто вышлют из России, как выслали Наталью Морарь, которая таки написала о коррупции — с именами и фактами. Глазом не успеете моргнуть, а уже будете лететь на родную Вашингтонщину — быстро, незамедлительно и, заметьте, в рамках действующего в России законодательства!

Кстати! То есть не то чтобы кстати... Но как раз на прошлой неделе, пока Путин надраивал нимб в беседе в корреспондентом «Time», в прессе продолжали появляться довольно подробные отчеты о том, как решается нынче проблема социального обеспечения работников кремлевской администрации.

По данным немецкой «Ди Вельт», российский президент сегодня контролирует состояние размером в 40 миллиардов долларов. Как отмечают СМИ, Путин хотел бы уйти в бизнес, но из-за конфликта между «кремлевскими кланами» вынужден остаться премьером, чтобы контролировать ситуацию. «У Путина просто нет иного выбора, кроме как оставаться у власти как можно дольше».

Вы не слышали такой фамилии — Тимченко? Тим-чен-ко. Нет? Не расстраивайтесь, ее почти никто не слышал. В недалеком прошлом — мелкий торговец нефтью, сосед по даче угадайте кого. И вот угадайте, отчего за годы президентства этого... угадайте кого... у Тимченко образовалось 20 миллиардов долларов? И еще угадайте: с кем Тимченко этими миллиардами де-

лится? Ага, с налоговой инспекцией!.. Угадали. Ах, как это, наверное, приятно — дружить потихонечку с этими тимченками-ковальчуками-рейманами и между пересчетами откаченного зычно пугать край непуганых идиотов олигархическим реваншем! Одно действительно плохо: не отойти от рычагов власти! Там, на рычагах власти, отпечатки пальцев, наследивших в бизнесе...

Впрочем, все это покамест вилами по воде писано; тихому миллиардеру Тимченко и его соседу Володе в настоящее время ничего не грозит, и вся законность у нас сосредоточена в настоящее время в районе Читинского СИЗО. Во избежание, так сказать, олигархического реванша.

Михаилу Ходорковскому отказано в условно-досрочном освобождении. Как сообщил директор Федеральной службы исполнения наказаний Юрий Калинин, причиной отказа стали неоднократные нарушения Ходорковским правил поведения в местах лишения свободы.

О! Я помню все нарушения Ходорковского, из-за которых он теперь не может выйти на свободу. Хранение в тумбочке двух лимонов! Найденные там же, в тумбочке, при другом обыске, бумаги (которые предусмотрительно передала ему для ознакомления сама администрация колонии)! Оставление рабочего места (осуществленное в соответствии с инструкцией). И, наконец, самое ужасное — недержание рук за спиной. Четыре года держал руки за спиной — и вдруг, за десять дней до половины срока, дающего право на условно-досрочное освобождение, вдруг взял и не удержал... Ну, администрация, в полном соответствии с законом, и влепила ему выговор. Мерзавцы! Я имею в виду адвокатов, которые теперь пытаются оспорить в суде это торжество законности.

Если интересы человека расходятся с интересами режима (в широком смысле слова), то за два лимона в тумбочке сидеть ему еще четыре года. Но не все так мрачно! Ведь не у всех же фамилия Ходорковский! У некоторых, наоборот, фамилия Абрамович, и с некоторых же пор жизнь постоянно поворачивается к таким людям светлой стороной. Почувствуйте разницу!

Ну а на межконтинентальном направлении человечество в прошлую субботу обрадовал начальник Генштаба Вооруженных сил РФ.

Пуск американской противоракеты в Польше может спровоцировать ответный удар российских межконтинентальных баллистических ракет, заявил генерал армии Юрий Балуевский на пресс-конференции в РИА «Новости». «Это именно тот технический аспект, который может повлиять на военную стабильность в мире».

Опа! Ну, население, ховайся по подвалам, а лучше сразу ползи на кладбище! Мы-то раньше думали: решение об ответном ядерном ударе принимает президент России! На основе стремительного и точного доклада снизу! А оказывается — эту радость нам может устроить компутер, перепутавший летящую болванку с массированным ядерным ударом. А в ядерном чемоданчике у Путина тогда — что? Гантели для поддержания формы? Пиво на вечер? А рыбу он раскладывает на соглашении об обмене информацией о несанкционированных пусках? На фига эта волокита, если в ответ на противоиранскую болванку вся наша ядерная мощь сорвется из шахт и полетит за океан?.. Ох, напугал генерал Балуевский, ужас-ужас!

Вот только американцы почему-то не напугались: как разворачивали свое ПРО, так и разворачивают. Кстати, как вы думаете, почему они не напугались? На этот счет есть такая версия, что слух об идиотизме американцев сильно преувеличен. Они твердо знают, что генерал сморозил ересь; знают, и зачем он ее сморозил... А сморозил он ее для нас с вами, дорогие россияне! Чтобы мы не отвлекались и, сидя в своей интеллектуальной песочнице, продолжали пускать слюни и играться в вечную нашу цацку-страшилку — американскую военщину, ведущую мир к ядерной катастрофе. Как ни крути, это наше дебиловатое развлечение расстроить американцев не может — мы ж не их бюджет на эту песочницу тратим, правда? Ну вот...

Но вернемся в мирную жизнь. То есть мирная-то она мирная, но в преддверии президентских выборов номенклатурные окопы роются в авральном предвоенном режиме.

В аппарате президента России начата работа по коррекции федерального законодательства в пользу усиления полномочий председателя правительства, сообщает издание «Аргументы недели». Речь, в частности, идет об усложнении процедуры отстранения премьера — и упрощении механизма импичмента президента. Кроме того, предполагается передать главе правительства контроль над силовыми ведомствами и прямое управление госкорпорациями.

Это Путин так от нас уходит, вы поняли... Ну, собственно, кто бы сомневался. Семнадцать лет дружбы с Медведевым видны тут в каждой букве — глубокое взаимное доверие... Высокие, высокие отношения! Заранее, значит, переложить параграфы таким образом, чтобы президент Путина снять не мог, а Путин президента — в любой момент. И чтобы еще ФСБ с армией были под Путиным, и «Газпром» чтобы в кармане... А еще неплохо было бы Путину стать владычицей морскою, а Кремль чтобы был у него на посылках... Как вы считаете?

А теперь заглянем в Конституционный суд, где на минувшей неделе решался вопрос о возможности участия Буковского в выборах президента России. Ну глагол «решался» тут, конечно, не вполне к месту: решен-то вопрос был давно и уж как-нибудь не Зорькиным; вся интрига состояла в формулировке отказа! Вредный представитель Буковского спрашивал Конституционный суд: не противоречит ли Конституции норма закона о запрете на участие в выборах человека с двойным гражданством? Нет ли в таком запрете «умаления прав», запрещенного Основным законом? Все ждали от зорькинских умельцев какой-нибудь тонкой закорюки и гадали, из какого именно черепа выползет к Буковскому юридическая змея. Но умельцы не стали изводить мозг на всякую ерунду — и просто отказали в рассмотрении жалобы, заявивши, что «в норме закона нет правовой неопределенности». Получился диалог, полный ума и света. Людей спросили: справедливо ли, что этого нельзя? А они ответили: а вот нельзя, и все! Не уверен, что для этого стоило собирать в одном месте девятнадцать светил юриспруденции и натягивать на них мантии с шапочками. Хватило бы прапорщика на входе.

Счастья вам!

29.12.2007

Здравствуйте! В эфире последняя в этом году программа «Плавленый сырок» и я, последний в этом году Виктор Шендерович. По традиции, напоследок мы пошерстим по сусекам и подведем итоги года. Всего не успеем — так что только о самом главном! А самым главным в минувшем году было — вот это. *(Звуки оваций.)*

Это — съезд «Единой России», 1 октября. Путин только что дал согласие возглавить их предвыборный список, и у них истерика. Это я не запись кольцом пустил, — это они еще аплодируют. Стоя... Нет, вы послушайте, послушайте... Привыкайте помаленьку, кто отвык.

Конечно, такая тяжелая форма наступает не сразу. Разгонялась Россия издалека, уже много лет. Владимиром Красное Солнышко эту внезапную радость назвали, едва только радость вылезла на свет божий из номенклатурной щелки, — вот за восемь лет и доехали до скандирования стоя. Дело нехитрое. Ну номенклатура, положим, имеет свой процент с каждого хлопка, но простые россияне, нафаршированные до макушки останкинскими лучами счастья, выдают теперь психиатрические результаты в массовом порядке и вполне бескорыстно, как вот эта дама во время традиционной «прямой линии» президента.

ЖУРНАЛИСТКА. *Здравствуйте! Представьтесь, пожалуйста.*

РОССИЯНКА. *Я не буду с вами разговаривать, а только с президентом.*

ЖУРНАЛИСТКА. *Владимир Владимирович вас слушает.*

ПУТИН. *Слушаю вас. Добрый день.*

РОССИЯНКА. *Это вы?*

ПУТИН. *Я.*

РОССИЯНКА. *Это правда вы?*

ПУТИН. *Правда.*

РОССИЯНКА. *А раньше тоже были вы?*

ПУТИН. *И я был раньше.*

РОССИЯНКА. *Господи! Спасибо вам большое! За все огромное спасибо! (Короткие гудки.)*

Но вовсе наплевать слюною на Конституцию в Кремле не решились: третьего срока, видать, не будет. Несколько лет ходили котами вокруг этой миски с молочком, но так и не лакнули. Не то чтобы россияне были препятствием — россияне давно уж в ногах лежат, а кто не лежит, тому ОМОН лечь поможет... Но Запад, дьявол его дери! Нет, Запад на многое глаза прижмурит, потому что зимой в Европе холодно, а газок-то у нас... Но тупой третий срок — это перебор, большой перебор и прямая дорога к Луке! И будешь, как Лука, фараонить внутри, а наружу — ни-ни. А хочется как раз снаружи, тем более что там столько всего накоплено, такие нолики на счетах, такая недвижимость... Вот и начало наше сероглазое счастье вертеться ужом и сызнова двигать мартовские наперстки.

И в должный час обнаружился под наперстком — Медведев...

Впрочем, об этом у нас речь уже шла — и совсем недавно. Поэтому не буду повторяться, а напомню только, что, назвав имя преемника, Путин первым делом откатил себе пост премьер-министра и хлопотать насчет расширенных полномочий и контроля над силовиками. На один день бо-

ится остаться без «вертушки», на секунду из влажной ладошки контроль над аппаратом выпустить не хочет... Бедненький наш, де голленький...

Но прочь иронию! После ужасных, нестабильных, преступных, лихих девяностых народ, слава те господи, выбрал себе наконец достойную власть! Просто несказанно повезло с персоналом! Один лучше другого, и все как на подбор чекисты из Питера, а чекисты у нас с конца двадцатых — главные носители нравственной чистоты. Аж нацисты приезжали поучиться. И вот они (не нацисты, а чекисты) подняли Россию с колен и повели ее, болезную, под локотки в даль светлую. От народа теперь, в сущности, требуется только одно: не мешать! Перебирай тихонько ногами и кочумай в ожидании Третьего Рима... В целом народ с задачей справляется, ножками перебирает и благодарит. Но есть еще, конечно, и враги — куда ж без врагов? И пока постаревший питерский мальчик Кай складывал для себя слово «вечность», Снежная лубянская королева обеспечивала вокруг тишину, чтобы мальчика ничто не отвлекало.

Новые обвинения были предъявлены в уходящем году Михаилу Ходорковскому и Платону Лебедеву. Обвиняемым грозит теперь до пятнадцати лет тюремного заключения. Общая сумма вменяемых хищений — около 25 млрд долларов. Адвокат Ходорковского Карина Москаленко назвала это «безумием».

Ну, конечно, похитить из семнадцатимиллиардного ЮКОСа 25 миллиардов долларов — это ноу-хау, и все-таки обвинения Генпрокуратуры — не безумие! Безумием со стороны Генпрокурора было бы не понять намеков из Кремля, а для тех, которые в Кремле, безумием было бы позволить Ходорковскому выйти на свободу. Старое-то дело вот-вот пойдет в Страсбург... А в Страсбурге нашу Фемиду начнут возить басманным лицом по европейской конституции — и что ж тогда, выпускать Михаила Борисовича под телекамеры, перед выборами? Короче, для кремлевского спокойствия новый срок — что блендамед для зубов: специалисты рекомендуют! Признано целесообразным зашить человека в читинский мешок насовсем... А вы говорите: безумие... «Я так нормален, что сам удивляюсь», — как говорил один шварцевский персонаж, большая сволочь, между прочим.

Ну с остальными, которые еще не за Путина, разговор теперь тоже недлинный.

Противников путинского курса больше нет, а если и есть, то это психически больные и их нужно отправить на диспансеризацию, заявил лидер московского Евразийского движения Александр Дугин.

Низкий поклон господину Дугину от имени всех подлежащих диспансеризации! Кстати, после упеченной в мурманскую психушку правозащитницы Ларисы Арап эти слова, при всем желании, уже нельзя считать метафорой. Но психушка — это только для разогрева... Перед весенними «маршами несогласных» неплохо развил тему заместитель председателя Комитета по безопасности Госдумы Сергей Абельцев. Вот уж кто психически здоровый.

ДЕПУТАТ АБЕЛЬЦЕВ: Выходит просто шобла, триста-четыреста человек, и начинает диктовать всей России, бл... Ведь в Москве же очень много бешеных собак. И выпустить на эту толпу, бл...!

Видимо, с отловом бешеных собак у правительства возникли проблемы, и на «несогласных» спустили стаю омоновцев. Радиопьеса, перехваченная в тот день в эфире на милицейской частоте, называлась «Они защищали Москву».

МУЖСКИЕ ГОЛОСА: «Алтай» — «Дунай-2»... «Волга-4, Волга-4!», «Брянск-3»... «Казбек-2»... «Ангара» — «Алтаю»... На связи «Брянск-3», «Марий Эл»! «Пенза», «Белгород» на связи... Внимание, «Оренбург»! Давай двадцать человек Нижнего Новгорода сюда бегом <...> Значит, давай еще людей! Зачистку сделать, бл... У меня со стороны Триумфальной подошли 50 человек ориентировочно. Каспаров среди них. Задерживайте, задерживайте их. Как поняли? Задерживайте всех, всех <...> Касьянова отбили, он отправился по Страстному бульвару вниз <...> Как Касьянов там ушел? Кто его там упустил, ребята? — Отбили его! <...> Первый батальон, бл... на Тверской площади! Резерв! Вместо Попова, кто там идиот еб..ый? <...> Почему не зачищаешь вот это пятачок? — Зачищаю, все! Зачищаю! — Давай, давай, давай! Зачищай! — Евсиков! — На приеме! — Марголин, первый батальон! <...> Ну, бл..., тянетесь долго! Козлы! Бегом, бл.., все! — Воронин! Увози, увози задержанных! Поехали! Поехали! Поехали!..

Итак, 14 апреля девять тысяч омоновцев, свезенных со всей России, успешно отметелили группу пожилых интеллигентов, раскроили голову японскому журналисту и арестовали чемпиона мира по шахматам. Отстояли Москву! И это еще были семечки по сравнению с тем, что ОМОН сделал на следующий день в Петербурге. Очнувшись и охолонув после этого праздника дубинки, российское начальство набрало в рот воды, а потом с перепугу понесло полную несуразицу. Такие вот стеснительные оказались... А не надо стесняться! Надо назвать вещи своими именами, и всем полегчает! А имя этому — хунта. Славная, простая в употреблении штука! Хунта — прямые и понятные правила жизни: вот власть, ее никто не выбирает, потому что она уже есть; хочешь жить с ней в ладу — живи, не хочешь — не живи! Вот тебе вместо выборов полиция, вот тебе вместо закона полиция, вот тебе вместо собраний полиция. А демократические виньетки к этому идут, как к хаки бабочка. Заехать в рыло оппозиции, и лучше ногой, а другой ногой, уже не таясь, по Страсбургу, — вот и полегчает... Сдерживаться вредно для здоровья, это любой врач подтвердит.

Кстати, о Страсбурге. Там, в этом международном суде, в отчетном году окончательно потеряли совесть! Чуть ли не каждый день пытаются подорвать благосостояние Российской Федерации. В феврале заставили Федерацию выплатить детские пособия семи воронежским матерям — по три тысячи евро каждой! Ну куда это годится... Ну, не платит тебе Родина детских пособий, ну показывает тебе администрация вместо денег средний палец, ну отфутболивают тебя суды от понтия к пилату... А ты люби Родину так! Корми детей программой патриотического воспитания — на нее сотни миллионов выделены и уже распилены; гордись Родиной, воронежская мать! А они — в международный суд... Ну, воронежцы ладно, это хоть единичный случай был, а чеченцы совсем обнаглели — повадились ходить в Страсбург толпами и требовать компенсации за пытки и убийства. А мы их там, слава

богу, наколотили своей вертикалью тысячами... Недавно Россию обязали выплатить одной такой недостреленной в процессе мародерства 50 тысяч евро морального ущерба. Хорошо еще двоих ее подруг той зимой расстреляли совсем. А то бы пришлось Российской Федерации платить еще сто тысяч... Впрочем, деньги в стране есть, и измором нас не возьмешь. При таких ценах на баррель — можем себе позволить и расстрелы!

Ну а в настоящее время в Чечне царит стабильность. 99,4% проголосовало в республике за «Единую Россию» на последних демократических свободных выборах, про которые мы больше ничего не скажем, потому что о мертвом — либо хорошо, либо ничего. 99,4%! Ближе Северной Кореи таких цифр не найдешь. А теперь — внимание, вопрос! В чем состоит типовая мечта счастливого жителя Северной Кореи? Правильно, перебраться в Южную. Туда, где нет любимого лидера нации, за которого он только что, весь в холодном поту, совершенно свободно проголосовал. То же самое и с Чечней, на землю которой при Рамзане Кадырове спустилось окончательное благоденствие.

По данным ООН, во втором полугодии уходящего года число заявлений на предоставление убежища в Польше возросло на 70% главным образом за счет граждан Российской Федерации. Основной поток беженцев составляют жители Чечни и Ингушетии.

Да, Ингушетия — как я мог забыть. В этом райском краю осталась только одна проблема — правозащитники! Ну еще ошметки журналистики... Не дают Зязикову с нукерами счастливить народ! Но интересы народа прежде всего, — поэтому журналистам РЕН-ТВ и правозащитнику Орлову ночью просто надели мешки на голову, выволокли из гостиницы и повезли расстреливать. На первый раз, для шутки, просто оставили раздетых ночью на морозе за два часа от ближайшего жилья... А не надо потому что освещать митинг оппозиции! На Первый-второй канал рассчитайсь — и сиди тихо целенький... А правозащитник Орлов вообще провокатор! Зачем было после убийства Политковской выходить из президентского совета да еще дверью хлопать? И вот, вместо того чтобы шакалить при Путине, шакалит теперь у иностранных посольств, а потом на эти западные гранты ездит по Кавказу, мешается под ногами у Кадырова с Зязиковым, не дает пацанам развернуться во всю длину. Как же не избить такого мерзавца? <...>

Итак, беспредел в армии, избиения журналистов, полууголовная милиция, цепные суды... Нет ли тут какой-нибудь точки приложения сил для членов Общественной палаты? Есть такая точка! Они ее нашли...

Член Общественной палаты адвокат Анатолий Кучерена предложил создать организацию, которая займется мониторингом свободы слова и соблюдения прав человека на Западе.

Во! Правильно. У них же негров линчуют... или уже не линчуют? Неважно, что-нибудь надыбаем. Зря я, что ли, извел детство на борьбу за свободу Анжелы Дэвис! А Леонард Пелтиер? О-о, щас мы им отольем прав человека из своих запасов, они там мигом про Ходорковского забудут! А то много себе позволяют... Впрочем, у нас и помимо Кучерены есть кому ответить американосам!

Депутаты Государственной думы выразили возмущение положениями доклада Госдепартамента США, касающимися ситуации с соблюдением прав человека в России. Председатель комитета по международным делам Константин Косачев заявил, что не узнал в докладе страну, в которой живет.

Он не узнал страну, в которой живет... А вы в какой стране живете, Константин? Одним бы глазком поглядеть. Ах, это, наверное, дивная страна! В этой стране, ограниченной с севера депутатским залом «Шереметьево», а с юга VIP-залом во Внуково, живут несколько тысяч VIP-граждан — солидные люди с удавшейся судьбой. Иногда между горячим и десертом они вспоминают о России; после стакана виски и сигары им начинает казаться, что вот эта страна (в которой они живут) и есть Россия... В минуты этого лингвистического недоразумения они страшно обижаются на доклады Госдепа США и прочий Страсбург, и их можно понять. Вы попробуйте сами проехать с Охотного ряда, на БМВ с затененными стеклами и мигалкой, на ужин в закрытый клуб, сядьте в это кресло, закажите что-нибудь легкое... на пару минимальных зарплат... выкурите сигару — и сами почувствуете, какими нелепыми покажутся вам все эти разговоры об убийствах журналистов, о зверствах на Кавказе, о беспределе силовиков... Какой беспредел? — вот же он, этот силовик, сидит рядом, с такой же сигарой и вискарем, нормальный мужик, всегда можно договориться... Нет, не узнает Константин Косачев своей страны в докладе Госдепа США, — вот как хотите: не узнает!

Ну с идеологическими врагами понятно — они все на Западе. А кто у нас идеологически близкие? Ну снаружи, ясное дело, Лукашенко с Каримовым — кроме них и еще пары таких же пожизненных, никто уже наши выборы и за выборы не признает... А внутри России союзников у Кремля полная горница, и царят в той горнице традиционные ценности! Традиционные — в широком смысле слова, от «охотнорядства» до комсомола... Иногда удается совместить.

В молодежном движении «Наши», при поддержке Русской православной церкви, создается так называемый православный корпус. По замыслу «Наших», (цитирую) «воцерковленные комиссары, имеющие педагогически-богословское образование», будут вести уроки православия в школах. По сообщениям СМИ, корпус возглавит Борис Якеменко, брат руководителя Госкомитета по делам молодежи, бывшего лидера «Наших» Василия Якеменко.

«Воцерковленный комиссар» — это по-нашему, и все мы надеемся, что переход от устава ВЛКСМ к Евангелию дастся братьям Якеменко без больших потерь для психики. Лично я в них верю. Полагаю: пилить финансирование, преломив бюджетные хлеба, будет, с божьей помощью, брат Василий, а брат Борис будет получать отмашку, что Христос воскрес, прямо со Старой площади. Так оно надежнее. А уж когда его хунвейбины пойдут крестным ходом по школам, тут-то настоящее православие и начнется! И, я думаю, в этом случае можно обойтись без Евангелия: просто, по примеру родного президента, нацепить крестик (на память о том, как распинали) — и вперед, на укрепление духовности!

Ну, и напоследок — несколько слов о нашей традиционной забаве: борьбе с этой... ну как же ее... ну вы поняли.

Указ об образовании нового органа по борьбе с коррупцией подписал в феврале уходящего года президент России Владимир Путин. Название органа — «межведомственная рабочая группа для подготовки предложений по борьбе с коррупцией». Группу возглавил помощник президента Виктор Иванов.

Ну, слава богу, жизнь продолжается... Осень — зима — весна... Путин борется с коррупцией, а она растет. Он еще поборется, а она еще наверх. Путин ее каленым железом в президентском послании, а она еще выше... Путин ее за горло на встрече с силовиками, а она, падла, прям зашкаливает! Причем прямо там, в силовых органах, и зашкаливает... И у самого президента, пока боролся с коррупцией, как раз сорок миллиардов долларов подконтрольных сами собой образовались... Но не тот человек наш гарант, чтобы сдаваться! — себя не щадит; в премьеры пошел, чтобы, значит, не оставить коррупцию без присмотра... М-да. Счастья вам — и давайте напоследок похлопаем все вместе, в знак всенародной благодарности за то, что папа нас, маленьких, не бросит! Значит, встали... Встали, говорю, все! И вас тоже касается. Вот так. И в ладоши, все вместе, с делегатами съезда — три, четыре!..

Долгие звуки овации со съезда «Единой России».

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

в русской сетевой и бумажной периодике
третьего квартала 2007 г.

Мы продолжаем знакомить читателей с актуальными публицистическими выступлениями, находя их в журналах и в Рунете. В этом обзоре предлагается изложение наиболее примечательных публикаций с сайтов ***apn.ru, gazeta.ru, polit.ru, rian.ru, russ.ru*** *и др., а также статей в бумажной прессе.*

Общество

О новом, путинском поколении молодежи, выросшем в эпоху гламура и стабильности, пишет апологет режима **Тимофей Шевяков** (**«Суверенные лагеря поколения "В"»**: Русский журнал, 24 июля). *Последние годы путинской эпохи* ознаменованы возрождением советской традиции летних лагерей для политически активной молодежи. Это и лагерь в Форосе — любимое детище политолога Сергея Маркова, и лагерь движения «НАШИ» на Селигере, и лагеря «Местных» в Московской области. В лагерях, гимнически пишет автор, *закладываются основы командной работы, умения работать с людьми, умения руководить — все это необходимо нынешней молодежи.* Шевяков даже уверен, что *суверенные лагеря лояльной молодежи стали, по сути, современным политическим аналогом аристотелевской школы*, а *со временем дадут российской политической жизни не меньший импульс, чем Ликей — греческой философии. В лагерях набирает силу новое поколение — поколение «В». Поколение выбора.* Аналогичные же *лагеря нелояльных движений*, утверждает автор, *не ориентированы на формирование молодой политической элиты, они направлены в первую очередь на рекрутирование «мяса» в свои ряды и на сохранение себя в информационном поле в предвыборный год.* Шевяков понимает «силовые структуры», с их *вполне предсказуемым желанием прикрыть* антипутинские *пародии на вооруженные формирования.* Он вспоминает и убитого в Питере антифашиста Т. Качараву и довольно бесцеремонно связывает его гибель с гибелью активиста-эколога в результате бандитского нападения на экологический лагерь: *Месседж левого фланга мелкой политической шелупони носит, скажем так, черты агрессивной пассивности — посмотрите, как мы безропотно жертвуем собой! Наиболее показателен в этом плане эпизод с лагерем экологов под Ангарском, где жертвы оказались вполне реальными. Но взамен признания своей полной некомпетентности в проведении подобных мероприятий и обеспечении безопасности организаторы подняли труп с переломанным, как у крысы, хребтом вместо знамени — и очередной мертвый левак заменил на этом посту изрядно поднадоевший труп Качаравы.*

Иначе смотрит на новую молодежь **Андрей Колесников** в статье **«Дети "путинского большинства"»** (Газета.Ru, 21 августа). Он считает *крупнейшей*

ментальной катастрофой XXI века тот факт, что *российская молодежь, сидевшая на игле кремлевской пропаганды и кокаине голубого экрана все неполные восемь последних лет, восприняла идеалы антизападничества и сталинизма, стала носителем фантомной боли нации по утраченной империи.* Целое поколение стало жертвой этой чужой игры. Хорошенький вообще получился продукт ментальной семилетки — лагеря неистовых, несгибаемых конформистов. Социологами были опрошены 1800 россиян в возрасте от 16 до 29 лет. 54% этих людей полагают, что Сталин принес больше пользы, чем вреда. 63% не нюхавших совка утверждают, что развал СССР был главной геополитической катастрофой XX века. Конечно же, они не любят Америку: 64% считают США врагом. Что будет делать это поколение со столь странными идеалами и дикими представлениями о собственной истории спустя 10–15 лет, когда наиболее конформистски настроенные и карьерноориентированные представители нынешнего молодняка составят основу управленческой номенклатуры? Углеводородный туман и газовая пелена к тому времени рассеются, россияне целыми поколениями станут выходить на пенсию, а дети нынешних сторонников Сталина будут томиться в узких дворах-колодцах в просветах между образцами «точечной застройки» семи тучных лет. Игра в «Зарницу» и ненависть к инородцам — не лучшая основа для выживания в конкурентной постиндустриальной среде. Целая генерация до срока постаревших детей составит «соль» неконкурентоспособной нации. Поколение отсутствующих ценностей, фиктивной истории, без нравственного чувства и традиций национального покаяния окажется несчастным, а главное — неработоспособным. Со здоровым цинизмом отцов можно было выжить в любую эпоху перемен. А эти, с их тупым конформизмом, не выдержат столкновений с постуглеводородной реальностью.

Он же в статье **«Между "Челюскиным" и "Курском"»** (Газета.Ru, 14 августа) рассуждает о состоянии общества по поводу годовщины гибели подлодки «Курск»: *Главный урок: уже никакая катастрофа и в самом деле не может стать общенациональной. В российском социуме умер и отвалился какой-то специальный орган, отвечающий за то, что описывается выспренними словами типа «совесть», «покаяние», «соучастие».* После «Курска» и «Норд-Оста» нация нуждалась в возможности общей дискуссии. О тех самых понятиях, кажущихся неприлично абстрактными: национальной совести, национальном стыде, национальном покаянии. Об устройстве мозгов и устройстве власти, при которой все это стало в принципе возможным. О вранье и скрытых фактах. О неспособности помочь ближнему. Об импотентности государства. Наказанием за отсутствие «фид-бэка» — обратной связи, национальной дискуссии, да хоть даже диалогов пикейных жилетов — стал спустя еще два года Беслан. *У нас*, продолжает Колесников, *бесчестная элита. Вороватая, глуповатая, коррумпированная, замаливающая грешки у официальной церкви, превратившая закон в то самое дышло, которое «куда повернешь, туда и вышло». У нас пассивное население, презирающее выборы, представительную власть и вообще заботящееся исключительно или о выживании, или об улучшении своего благосостояния. А чего бы мы хотели в государстве и обществе, которые живут во вранье, не грустят о своих мертвецах?*

Страна с отшибленной памятью. Страна, которая не знает и не хочет знать правду. Страна, которая не разговаривает сама с собой, не рефлексирует, не хочет «дойти до самой сути». Это то ли цена «Курска», «Норд-Оста», Беслана, то ли последствия этих событий. Страна не хочет смотреться в зеркало и разглядывать фотографии бесланской трагедии.

О разделении общества на победителей и проигравших и праве последних на бунт говорит **Олег Аронсон** в статье **«Время штрейкбрехеров»** («Индекс/Досье на цензуру», 26/2007). Ударными темпами выведен новый тип человека. Г-н Павловский назвал его «победители». Он опознается моментально по тематическому бэкграунду («ужасы ельцинской демократии», критика «несогласных» за то, что у них нет «позитива», радость от растущего бюджета страны и величины стабилизационного фонда). Аронсон приводит примеры: новой подвластной элиты: *Вот одна молодая писательница (Анастасия Чеховская) в «Известиях» с восторгом рассказывает о том, как была на встрече с Путиным, как она рада госзаказу, чтобы воспитывать и образовывать население, учить его «чувствам добрым». При этом она ничтоже сумняшеся называет этих людей люмпенами, мутировавшими от масскульта, почти откровенно заявляя, что «молодые» (такие, как она) — новая элита. Вот современные художники. Госзаказ им еще не поступил, но они уже стараются найти того, кого нужно обслуживать <...> Вот юзеры интернетовского «Живого Журнала», которые ни в партиях не состоят, ни на митинги не ходят, но которые с удивительной активностью высказываются в поддержку практически любых государственных инициатив, клянут то грузин, то эстонцев, то пенсионеров, не желающих продавать свои подмосковные участки.* Имеет место, по Аронсону, конкурс вакансий на место под солнцем. Лишь самые циничные оказываются у власти или на телеэкране, другие же осваивают практику «естественного цинизма» (обучение не видеть ни боль, ни унижение, ни попрание свобод) в ожидании призыва на самую захудалую «бюрократическую» должность, где все эти навыки наместника императора проявятся с должным рвением. Размышляя о механизмах отбора, Аронсон утверждает, что тут работает принцип исключения: если ты не лоялен государственной власти, то рано или поздно ты будешь проигравшим. Надо быть обслуживающим персоналом (власти или природных ресурсов), иначе о тебе и не вспомнят. Победители строят «сильное государство». Они в лучшем (и крайне редком) случае искренние энтузиасты, но в принципе — расчетливые прагматики. А вот проигравшие, пишет Аронсон, не нужны. Они планомерно подвергаются геноциду. Создается ощущение, что власть ждет естественного исчезновения целых слоев населения. Сначала — люмпенов. Затем пенсионеров. Затем тех, кто продолжает их зачем-то лечить. Затем тех, кто (видимо, проявляя свою «пассивность») продолжает работать в маленьких городках и деревнях за нищенскую зарплату. Затем тех, кто что-то помнит. И наконец, тех, кто не хочет вступать в ликующие ряды победителей. Аронсон идет дальше и легитимирует бунт, рассуждая об его преимуществах над демократической процедурой. Посредством бунта сама жизнь фальсифицирует политику, указывая на ее ложные притязания. Здесь сталкиваются разные этики. Первая — корпоративная этика нужности, полезности и надежности. Вторая — этика общности, ко-

торая заключается в том, чтобы быть вместе с теми, с кем ты не можешь разделить свои вкусы, свои взгляды, свои идеалы, но быть вместе с ними, порой совершенно другими, лишь потому, что готов разделить с ними общность в опыте несправедливости. Именно этика общности, не записанная ни на каких скрижалях, является постоянно вытесняемым неполитическим истоком идеи демократии. Ее нельзя устранить полностью, но политикой выработано множество инструментов ее забвения. Однако? забыв ее, всегда будешь глух к насилию, которое творится рядом, а порой и твоими руками. ...Уместно отметить, что в последнее время регулярно заводится речь об акциях прямого действия как альтернативе современной системности. Одни выступают буревестниками, другие робкими пи́нгвинами. Но скоро ли грянет буря и грянет ли вообще, никто не знает.

Система

Александр Аузан в статье **«Самодержавие крепостных: современные границы и возможности преодоления»** («Индекс/Досье на цензуру», 26/2007) рассуждает о том, что в России существует так называемая «проблема колеи» — проблема исторической инерции. В нашей истории сформировалась устойчивая пара: самодержавие и крепостничество. И в XXI веке мы видим возрождение не только самодержавия, но и крепостничества. *Что такое, например, современные российские Вооруженные силы? Крепостническое хозяйство, где можно в аренду сдать соседнему помещику рабочую силу, где распространено отходничество... Крепостничество существует и еще в одном, очень не маленьком секторе — это эксплуатация труда гастарбайтеров.* А рядом живет давняя историческая традиция — самодержавие. Она поддерживает современный властный произвол. Далее Аузан анализирует практику власти и социальные тенденции, приходя к выводу, что сложилась авторитарная система. Авторитарный режим как бы говорит: живи в своих нишах, ругай президента с друзьями, даже в кафе, пожалуйста, но не лезь в политическую сферу. Иначе — столкнешься с ограничениями и возможными репрессиями. По его мнению, наш авторитаризм взял на себя слишком широкую сферу контроля и с ней не справляется. Потеряна обратная связь, падает эффективность управления... Первый президентский период Путина был гораздо результативнее, чем второй. Денег во второй период было больше, но проходили прежде всего изменения, связанные с сокращением прав, а экономические и социальные реформы практически провалились. 2004 год — банковский кризис, спровоцированный властью. 2005-й — монетизационный. 2006-й — кризис на алкогольном рынке. Власть, у которой нет системы сдержек и противовесов и нет обратной связи, — не только неэффективна, она обречена. *Обратная связь состоит не в том, чтобы получить письмо, которое ты сам себе и послал. Это и есть проблема действующего президента: когда он пытается выглянуть из кремлевского окна, то видит Путина. Из какого окна не посмотрит — всюду Путин.* По мнению Аузана, авторитаризм можно менять. По неведомому адресу он шлет мессидж: надо поощрять все изменения, направленные на повышение конкуренции внутри государственных структур: от политической

конкуренции с оппозицией до альтернативных способов принятия судебных решений. Именно это и будет в конечном итоге приводить к тому, что начнут ценить репутацию. Ведь власти предержащие не в силу воспитания ценят репутацию, а в силу того, что иначе возникает стратегическая угроза потери положения, дохода, статуса...

Андрей Солдатов и **Ирина Бороган** в статье **«Мутация органов безопасности»** («Индекс/Досье на цензуру», 26/2007) анализируют проявления происходящего с 1998 года «ренессанса госбезопасности». В структурном отношении это проявилось в доминировании ФСБ среди силовых ведомств. ФСБ возвращает себе функцию политического контроля после того, как указом президента Б. Ельцина 6 июля 1998 года было создано Управление конституционной безопасности ФСБ. Одновременно защиту Конституции совместили с борьбой с терроризмом: Управление конституционной безопасности включили в состав Департамента по борьбе с терроризмом. Так были созданы предпосылки последующих обвинений в терроризме тех же нацболов. В 1999 году в составе Департамента по борьбе с терроризмом (после реформы 2004 года департамент был переименован в службу) возникло Управление борьбы с терроризмом и политическим экстремизмом. Самые любопытные метаморфозы пришлись на долю Московского управления ФСБ. Именно благодаря столичному статусу ему отвели роль форпоста в борьбе с инакомыслием. В 2002 году в УФСБ появилась так называемая Служба БТ (то есть борьбы с терроризмом) и совершенно новая структура — СЗОКС и БПЭ (Служба защиты основ конституционного строя и борьбы с политическим экстремизмом). Примечательно, что впервые в истории российских спецслужб борьба с политическим экстремизмом была отделена от антитеррора, причем первая была по важности уравнена со второй. Авторы статьи анализируют также другие выражения расширения зоны влияния ФСБ: выход за пределы страны, усиление прав особистов в армии. ФСБ даже взяла под контроль общество «Динамо», которое в советские времена приходилось делить с МВД. Ныне центр, где придумываются и разрабатываются предложения по реформированию спецслужб, переместился в сами спецслужбы. Реформы сопровождались кампанией активного и систематического мифотворчества, рассчитанного как на население, так и на элиту. Кампанию по созданию современного мифа вокруг ФСБ можно условно разбить как минимум на три части: закрытие архивов, что позволяет не задаваться ненужными вопросами, создание инструментов мифотворчества (фильмы, телесериалы, книжные серии и т.п.) и сами мифы о сотрудниках органов госбезопасности: миф об экономических талантах чекистов и главный миф — чекисты как новое дворянство, которое определит будущее России.

Гарри Каспаров в статье **«Дон Путин»** («The Wall Street Journal», Каспаров.Ru, 26 июля) предлагает американскому читателю для понимания путинского режима читать Марио Пьюзо. *Начинать можно смело с трилогии «Крестный отец»*... В сегодняшней России есть и элементы «государства-корпорации» по Муссолини, и признаки типичной латиноамериканской хунты, и детали псевдодемократической машины, запущенной некогда в Мексике Партией институциональной революции. Но гораздо более точ-

ное представление о власти Путина складывается у того, кто внимательно прочел Пьюзо: *жесткая иерархия, вымогательство, запугивание, кодекс секретности и, самое важное, возможность получать крупный и стабильный доход. Иными словами — мафия.* Каспаров уличает эту власть в отсутствии святынь: в цивилизованном мире *человеческой жизнью не торгуют на столе, за которым обсуждают бизнес и дипломатию. Но Путин считает, что в этой игре можно все. Косово, противоракетный «щит», трубопроводные контракты, иранская ядерная программа и демократические права — все это лишь игральные карты. <...> Мафия портит все, к чему прикасается. Кое-кому уже кажется допустимым торговля правами человека. Кремль не просто не меняет собственных стандартов — он уже навязывает их всему остальному миру.* Далее автор предостерегает западных лидеров и компании: они своим присутствием придают режиму *видимость легитимности — и сами становятся соучастниками его преступлений. Когда цены на энергоносители столь высоки, соблазн продаться Кремлю, по сути, превращается в «предложение от которого вы не можете отказаться». Так, Герхард Шредер не устоял перед искушением: он согласился «делать бизнес» с господином Путиным на его условиях, и вот результат — «протолкнув» сделку о строительстве трубопровода по дну Балтийского моря, он, после ухода с поста канцлера, получил тепленькое местечко в «Газпроме». Мафия никому ничего не дает— она только берет. Путин осознал, что, имея дело с Европой и Америкой, он всегда может обменять пустые обещания реформ на живые деньги. И может статься, что и Лугового в один прекрасный день «выставят на продажу».*

Илья Переседов в статье **«Конец эпохи Путина»** (Грани.Ру, 21 сентября) задается вопросом: какой эпоха Путина останется в истории и памяти жителей России? Если уж у нас есть традиция увязывать этапы прошлого с именами политических лидеров, то чем могут запечатлеться последние восемь лет? Ответ он дает такой: *Если оставить за скобками амплуа сильного администратора и шарм, импонирующий подросткам и домохозяйкам, то дел, за которые можно было бы помнить Владимира Владимировича, както в общем-то и нет. «Эпоха Путина» запечатлеется в истории чеченской войной, страшными терактами, бездарной монетизацией, разгромом «ЮКОСа», конфликтами с ближними соседями, скучным телевидением и топорным антиамериканизмом. Таланта выдающегося администратора и созидательной активности за всем этим нет. <...> В копилке президента есть, несомненно, одно достижение: за прошедшие годы его имя превратилось в национальный брэнд, как водка, матрешка, икра и медведь с балалайкой. Главное наследство эпохи Путина — водка «Путинка». Это не случайно: вся тяжесть экономических реформ нынешнего режима, вся чехарда его политических пертурбаций держатся на одной опоре — уверенности Путина и Ко в возможности произвольно определять, что граждане страны увидят по государственным телеканалам в текущий день и на следующий. Или не увидят. Так что Путин если чего и гарант, так это однообразия сетки телевещания.* Переседов выговаривает: *Время его правления — это раздолье временщиков, рай для моложавых старперов. Кобзон, Церетели, замшелые управленцы на местах — всем им очень нравится чувствовать себя востребованными и современными, попутно самозабвенно вещая от имени доброй дедов-*

ской старины. <...> Поэтому само появление Путина у власти видится не началом новой эры, а финальным этапом разложения преставившегося от врожденных болезней красного дракона. При этом сам Владимир Владимирович волею судеб или по складу характера, несомненно, тяготеет к европейскому образу жизни. Однако личных симпатий недостаточно для реальных реформ. Петр прорубил России окно в Европу, Путин закрыл страну на евроремонт. Гимн его правления — не революционный стук топоров на верфях, а едкое жужжание дрелей. Закрыть потолок пластиком, натянуть на панельные стены виниловые обои и смотреть в корейском телевизоре «Бригаду» или похождения участкового Анискина — вот общественный эталон счастья путинской эпохи.

Оппозиция

Виталий Камышев в статье **«Доживет ли Российская Федерация до 2014 года?»** (АПН, 17 и 23 июля) пишет о нарастании сепаратизма в России. Формируются настроения. Возникают движения. Автор начинает с анализа сибирского сепаратизма, наследующего областникам Щапову, Потанину и Ядринцеву. Камышев показывает, как по конкретным поводам нарастает «антиколониальный» пафос и антимосковская риторика в Иркутске. Договорились уже и до того, что «Сибирь как колония России имеет право на самоопределение вплоть до отделения» (М. Кулехов). По данным социологических опросов, проведенных в Иркутске и Братске иркутским рейтинговым агентством «Кто есть кто», за автономию Сибири выступают около 60% опрошенных, за ее государственную независимость — около 25%. На вопрос «кем вы себя считаете» 80% ответили — «сибиряком», и лишь 12% — «русским». Далее Камышев напоминает об уральском, приморском, балтийском сепаратизме. В середине 1990-х сепаратистские порывы лидеров российских регионов поутихли — на фоне полыхавшей на Северном Кавказе войны их проблемы казались незначительными. К тому же разногласия между регионами и центром регулировались вошедшими тогда в практику двусторонними договорами. Периодически особые требования выставлял Татарстан, выступавший в качестве «первого среди равных», но эта ситуация воспринималась как «нормальное» выторговывание местными элитами преференций. Положение дел стало меняться после 2003 года, в начале второго президентского срока Путина. Он сперва прекратил практику двусторонних договоров, а затем — заменил выборы глав регионов их назначением. На региональных выборах 2004–2005 годов результаты партии власти — «Единой России», а также лояльной Кремлю ЛДПР постоянно снижались, а успеха под флагом местного патриотизма стали добиваться региональные блоки, зачастую жестко критиковавшие политику центра. Вскоре по инициативе Кремля создание местных политических блоков было запрещено законом. Тем не менее общественно-политические организации «регионалистского» толка существуют во многих регионах. На что же рассчитывают сторонники независимости российских регионов? Возможно ли на деле их «одиночное плавание»? По Камышеву, регионы Сибири и Дальнего Востока вполне могут самостоятельно экспортировать в Китай ресурсы

(газ, уголь, руду, лес) и алюминий, импортируя оттуда товары народного потребления (и не только привычные дешевые «шмотки», но и электронику, автомобили). Экономически это вполне возможно, и Сибирь с Дальним Востоком будут в этом случае жить намного лучше. Зачем, собственно, Сибири тогда Москва? Билеты из Сибири и Дальнего Востока до Москвы нередко стоят больше месячной зарплаты даже зажиточного по местным меркам шахтера или рыбака. А главное — все меньше духовных и культурных «скреп» между регионами и центром. В стране отсутствует полноценная политическая жизнь. Что остается? Только налоги, которые сибиряк или дальневосточник платит проклинаемой им «Москве» — при том, что в столице собственной страны он чувствует себя чужим. «Это не мое государство» — так можно сформулировать самоощущение жителя Благовещенска, Тайшета, Вологды. По Камышеву, риск развала «путинской» России — как любой слишком жесткой системы — остается достаточно высоким.

Владимир Голышев в статье **«Лыжная мазь»** (Каспаров.Ru, 17 июля) возвращается к мысли о неизбежности эмиграции для *развитой и активной части образованного класса* России, абсолютизируя пример Андрея Илларионова, уехавшего в США. Когда страна деградирует, едва ли не единственная эффективная личная стратегия для «лишнего человека» — покинуть стремительно деградирующую страну (ради себя или «ради будущего своих детей» — как кому больше нравится). *Весь тошнотворный путинский «псевдосовок» с бесконечными надоями/удоями и Рамзаном Кадыровым, ментовско-чекистский беспредел, удушение любых форм частной инициативы, безумно коррупционные порядки на всех уровнях — все это (вплоть до средневекового запрета на ввоз биоматериалов) недвусмысленный намек: «Россия — не ваша страна! Вам — капризным умникам — тут нечего делать!* Пока люди выжидают, но *летаргия мгновенно улетучивается, когда человек лишается имущества, попадает под коррупционно-судебно-силовой пресс или когда мясо его сына застревает в шестернях армейского механизма. Никакая агитация ему в этот момент не нужна. Потому что он и так все знал. Теперь ему просто незачем продолжать себя обманывать.* Далее Голышев советует не откладывать решение, поскольку нынешний момент — самый подходящий для сравнительно гладкого перетока в любую страну мира. Есть шанс стать актуальными на беспрецедентно выгодных условиях. Этим шансом готовы сегодня воспользоваться лишь немногие (преимущественно политически ангажированная интеллигенция). Прочим *не надо забывать, что сегодня единственная альтернатива отъезду (не считая банального вымирания) — одичание.* А на Западе русские активно консолидируются и стремятся найти себе там достойное место, сохраняя национальную идентичность. И у многих это получается. Есть русские фракции в парламентах некоторых европейских стран и в ПАСЕ. Если численность русских европейцев удвоится — у нас есть все основания претендовать на роль одной из самых влиятельных мировых диаспор. Прежде рассеянье, говорит Голышев, *было только вынужденным и переживалось крайне тяжело. Между тем, если подойти к этому вопросу спокойно — без «русских берез», «малинового звона» и прочих сентиментальных соплей — станет очевидно, что в сложившихся условиях это — едва ли не единственный способ сохранить рус-*

скую цивилизацию. В диаспорах на Западе лучшая часть русского народа окажется в оптимальных условиях для формирования новой современной конкурентоспособной русской нации — законной наследницы интеллектуальных, культурных, технических достижений русской цивилизации. В общем, *необходимо сделать над собой усилие и признать, что территория исторической России не является высшей ценностью, а иллюзия ее сохранения — не самоцель. Если город обречен, надо выходить из него под барабанный бой, с развернутыми знаменами, а не кормить своими телами песьеголовых оккупантов.*

А **Петр Романов («Интеллигенция... Господь не создал ничего лишнего»**: РИАН, 27 августа) осторожно защищает права мыслящего меньшинства на существование в России. Шлифует, так сказать, нравы. Прежде и его, делится Романов сокровенным, *сильно раздражал извечный утопизм русской интеллигенции,* но сейчас различил *совершенно необычный для России перекос: неожиданно образовался переизбыток практичных людей и явный недобор людей непрактичных. Тех, что думают не о сиюминутной личной выгоде, а о разнообразнейших глупостях мироздания вроде бессмертия души или о том, почему деревья качаются. Или, того хуже, отчего нашему человеку живется паршиво при всех режимах.* Для русской интеллигенции наступило сложнейшее время: с одной стороны, надо научиться *«технике жизни и труда у западного человека»,* а с другой, *не потерять себя в обществе потребления, жвачки и попсы, не превратится на западный манер в нечто «бескрылое, духовно ползучее и ограниченное».* Пройти по лезвию бритвы получается у немногих. *Можно назвать это внутренней эмиграцией, не суть важно, главное, что на скромной интеллигентской кухне и поднимаются обычно дрожжи будущей реальной оппозиции власти. Так и сегодня.* Посыл Романова двояк. Либо власть свой курс серьезно скорректирует, а успокоенная интеллигенция умиротворенно переключится на пирожки с капустой, либо тесто опять убежит. *И, уверяю вас, опять мало никому не покажется. Кстати, самые отчаянные и непрактичные утописты уже бурлят изо всех сил: даешь Град Божий в России уже завтра к 9.00! Прока от этого, естественно, мало, разве что пар выпустят, а гениальный шахматист останется в людской памяти, как бездарный политик.* Так витийствует Романов, разводя руками: *Как в подобной ситуации нащупать твердую почву под ногами, не знаю.* Однако *ничего лишнего Господь не создал. Так что не трогайте интеллигента, он России еще пригодится.* Может быть, какой-нибудь мордоворот в штатском к Романову даже и прислушается.

На сайте Всероссийского гражданского конгресса (civitas.ru) 1 октября опубликовано обращение **Михаила Ходорковского «Мораль и справедливость»**. Бывший глава нефтяной компании «ЮКОС», находящийся в следственном изоляторе в Чите, впервые с февраля 2007 года выступил с публичным заявлением. Это его комментарий к дискуссии, состоявшейся 10 июля в рамках «Ходорковских чтений», проводимых обществом «Мемориал», институтом «Общественный договор» и фондом «Информатика для демократии». Ходорковский пишет: *Проблема сегодняшней российской либеральной общественности в том, что главный аргумент за либеральные ценности лежит в плоскости Веры: «человек рожден со стремлением к свободе и счастью», а*

русские либералы — не верующие по историческим причинам, не воспринимают аргумент Веры всерьез. Он приходит к такому выводу: *Если мы хотим что-то изменить в родной стране, то нужен если не миф, то правда, «красивая как миф». И по-другому нельзя. Такой миф (а может, правда) изложен в Библии (как это ни противно чьим-то взглядам). Суть его: аморально жить плохо. Почему плохо? Можно привести сто доводов «за» и «сто» доводов «против». Это вопрос Веры. Мы верим, что «возлюби ближнего своего, как самого себя...» — путь к внутреннему согласию с собой. Жить же по-другому можно, но неправильно. Апелляция к морали сегодня последнее, что у нас осталось. Она же первое. С нее надо было начинать. Это самый сильный и самый важный аргумент против дикого децильного коэффициента, против несправедливого суда, против профицитного бюджета при сотнях тысяч бездомных детей, при отсутствии лекарств. Это единственный неубиенный аргумент против террора и революции как средства решения политических проблем и против затыкания ртов всяким «несогласным».* В заключение, извиняясь за «излишне высокий стиль», Ходорковский пишет: *Либо сила, либо мораль. Построение общества через «силу» мы уже проходили <...> Если мы еще раз пойдем к «общему счастью» через силу — мы погибнем как общество, как народ, окончательно уничтожив сами себя, свою культуру, свою человеческую суть. Поэтому надо говорить о морали, как бы ни было это трудно и высокопарно, надо добиться, чтобы любой шаг, любой поступок сверялся с представлениями о должном. И совсем нельзя соглашаться, что возможен компромисс. Можно сделать неправильно, но нельзя этого не стыдиться. Убежден, только повернув общественное сознание от оправдания «вульгарного прагматизма», только убедив людей, что они, в глубине души, не просто хотят жить по совести, а не могут быть счастливы, живя по-другому, возможно заложить тот фундамент, на котором вырастет демократическое правовое государство, наша Россия.*

История. Фигуры

Политолог **Борис Вишневский** в статье **«Первый и последний»** («Санкт-Петербургские ведомости»: http://www.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10244175@SV_Articles) размышляет о первом и последнем мэре Санкт-Петербурга Анатолии Собчаке по поводу его 70-летия. Собчак — самый известный из питерских политиков постсоветской эпохи. Его «уровень публичности» зашкаливал с весны 1989 года, когда он стал одним из героев только что появившейся политической сцены, и до лета 1996 года, когда он проиграл губернаторские выборы в Петербурге и, по сути, с этой сцены сошел. Он стал одним из символов последнего десятилетия XX века. Вишневский уличает Собчака в непоследовательности, в недемократизме, в авторитарных замашках. Он был блестящим оратором, талантливым человеком и умным собеседником. Но за его эффектным словом редко таилось какое-нибудь дело, а менторский тон и привычка высмеивать, не щадя самолюбия собеседника, не только врагов, но и соратников, оставили его в политическом одиночестве. Он был политиком, которому верили, которым восхищались и за которого голосовали сотни тысяч людей — в их глазах он олицетворял и демократи-

ческие идеи, и правовое государство, и надежды на лучшее будущее. Но он был и одним из тех, благодаря кому эти идеи были дискредитированы, государство не построено, а надежды не оправдались. Анатолий Собчак был лучшим трибуном оппозиции на съезде народных депутатов весной 1989 года. Он умел грамотно сформулировать свою мысль, облечь ее в безупречную юридическую форму, дать мгновенный и язвительный отпор оппоненту. Надо ли удивляться, что для миллионов людей он стал одним из символов демократии? С экрана телевизора не чувствовалось разницы между его словом и делом. Однако хроническое расхождение первого и второго было одной из самых характерных черт Собчака. На словах было одно, а на деле нередко прямо противоположное. Это началось в союзном парламенте, где Собчак страстно боролся против закрепления в Конституции руководящей роли КПСС. Но дошло до дела — и весной 1990 года на съезде народных депутатов стали обсуждать вопрос о введении поста президента СССР. Тогда большинство Межрегиональной депутатской группы выступили за избрание президента прямым голосованием и против совмещения поста президента и Генерального секретаря ЦК. И вдруг Анатолий Собчак выступил против своих товарищей из МДГ, убедив зал в необходимости избрания президента прямо на съезде и в целесообразности «совмещения» двух высших постов... Когда Собчак стал председателем Ленсовета, а затем и мэром, расхождение стало усиливаться на глазах. На словах он неустанно призывал к торжеству Закона и верховенству права. Но на деле он заявлял, что «плохие», на его взгляд, законы выполнять не будет, и издал в 1991—1993 годах более двухсот распоряжений, которые были отменены как незаконные. И при этом проиграл все судебные процессы, в которых пытался оспорить отмену этих решений. На словах Анатолий Александрович был убежденным сторонником демократии. Но на деле он неизменно выступал за усиление своей личной власти: за свое право принимать единоличные и бесконтрольные решения, за «развязывание рук» чиновникам и за отстранение депутатов от влияния на исполнительную власть. И именно Анатолий Собчак в декабре 1993 года добился принятия указа президента Бориса Ельцина о разгоне Ленсовета, который ограничивал «всевластие» мэра. На словах Анатолий Александрович был ярым антикоммунистом, не упускавшим ни одной возможности для того, чтобы заклеймить компартию и ее функционеров. Но на деле он, став мэром, назначил на целый ряд важных руководящих постов бывших первых и вторых секретарей райкомов партии, а затем выступил категорически против запрета на профессии для бывшей партийной номенклатуры. Все, кто общался с ним постоянно (а не встречался лишь на приемах или конгрессах), хорошо знали о его нетерпимости к чужому мнению, о большевистской привычке высмеивать оппонентов, переходя на личности, вместо спора по существу... Вишневский далее подробно развенчивает и мифы о том, что именно Собчаку город обязан спасением от путча ГКЧП и возвращением ему исторического имени. Консолидировав власть осенью 1993 года, когда был распущен Ленсовет, Собчак, через два с половиной года потерпел поражение на губернаторских выборах. Главным виновником этого стал он сам. На выборах ему припомнили все: и заявления о том, что Петербург должен стать городом богатых, и советы тем, кто не

может справиться с трудностями, уезжать в города попроще, и призывы к сокращению перечня горожан, имеющих право на льготные лекарства, и противодействие принятию законов, увеличивающих расходы на социальные программы, и бесконтрольную раздачу займов и безвозвратных ссуд, и бесчисленные зарубежные поездки, и заботу об улучшении своих жилищных условий, и раздачу квартир чиновникам на фоне намертво остановленной городской очереди... Он совершил множество ошибок — но он стал одним из немногих политиков в России, который на самом деле понес за них политическую ответственность.

Об идеях и методе крупнейшего отечественного ученого размышляет в статье **«Социология Юрия Левады» Лев Гудков** (ПОЛИТ.РУ, 13 сентября). Автор начинает с констатации: работы Левады остаются без внимания. Его статьи и книги почти не цитируются, не входят в учебные курсы по социологии или культурологии, а значит — не обращаются в качестве значимых теоретических и концептуальных конструкций, образцов анализа или интерпретации социальной реальности. Причину тому Гудков видит в позиции Левады — лишенной всяких сантиментов и иллюзий. Принять ее трудно, нестерпимо... А итожит Гудков следующими соображениями. В свете анализа Левады российская модель или версия «человеческих» последствий догоняющей модернизации может получить гораздо большее теоретическое значение, нежели просто один из многих примеров социетальной неудачи. Левада показал, что крах тоталитарной системы советского типа не является основанием для суждений о предопределенности перехода к современному обществу и завершения процессов модернизации. Сам тоталитарный режим был лишь одной из версий модификации «вертикально» организованного общества («власть» как «осевой» или конституирующий общество институт) и блокировкой модернизационного развития или контрмодернизацией. Большевики, идеологически провозглашая необходимость модернизации общества и обличая старый порядок как архаический, нелегитимный в силу неспособности обеспечить форсированное развитие страны, в действительности создали лишь еще более жесткую, репрессивную и примитивную по своему устройству социальную систему, оказавшуюся неспособной к развитию, социально-функциональной дифференциации. Но точно так же конец этой системы не означает изменения структуры общества, а лишь реконфигурацию его составляющих. *Надежда на спасительную руку государства не покидает людей, не умеющих найти силы в самих себе.* Переход общества от «возбужденного» к обычному, повседневному состоянию сопровождается переоценкой и символических значений социального действия, и его прагматики. В «героические времена» общественных переломов массовые надежды вспыхивают и трансформируются по законам мифологии, лидеры идеализируются, оппоненты демонизируются до образов чудовищ и заклятых врагов и т. п., в период рутинизации идет обратный процесс заземления и деидеализации. *Расставание общества (как и отдельного человека) со своими иллюзиями, как показывают исторический опыт и современные наблюдения, простым не бывает. Так, расставание общества (прежде всего, его интеллектуально-политизированной элиты) с иллюзиями коммунизма заняло десятилетия, происходило в несколько этапов, с романтикой перестрой-*

ки прощались не столь долго, но тоже не просто. Во всех случаях пути трансформации прагматических и символических компонентов расходились. Уровень практических действий и ожиданий шаг за шагом снижался, фантастические ожидания прорыва к новой жизни, изобилию, мировому уровню и т.п. низводились до некоторого улучшения или даже до просто сохранения достигнутого ранее. (В любом случае отсчет от воображаемого будущего заменялся отсчетом от наличных обстоятельств, происходило «приземление» образца.) Такова, в принципе, прагматическая составляющая рутинизации. В более общем смысле речь идет о периферийном по отношению к Западу, отсталом и полузакрытом обществе, не могущем (не желающем) расстаться с собственным традиционализмом. Какие бы ни были трансформации его внешних форм, оно остается «вертикально» интегрированным, инертным, завистливым по отношению к динамически развивающимся модерным странам. *Этот стандарт сохраняется не только массовой инерцией, но и действием вполне определенных рудиментарных социально-политических структур — военных и карательных, которые выступают хранителями и инкубаторами традиционно-советских поведенческих типов. Шансов на преодоление этой парадигмы в обозримом будущем — скажем, на два ближайших поколения или дольше — не видно. Протяженность российской социальной реальности «вглубь» принципиально отличает ее от «одновременной» реальности американской, немецкой, польской, эстонской и т. д.* Взгляд и правда довольно мрачный.

Обзор подготовил Евгений Ермолин

Николай СИДОРОВ, Виктор ТОПОЛЯНСКИЙ

ГИМНОКОСМОГОНИЯ

Документальная хроника военного времени

Драгоценной для россиян памяти
Даниила Ивановича Ювачева,
писавшего под псевдонимом
Даниил Хармс,
сей труд, гением его вдохновленный,
с благоговением и благодарностью
посвящают

Николай Сидоров и
Виктор Тополянский

Предисловие

Горбачевская перестройка обогатила политический лексикон новыми латинизированными существительными (такими, например, как «менталитет» или «консенсус») и давно известными, но не принятыми раньше в официальных выступлениях глаголами из криминального быта (в частности, «тусоваться», «прикалываться» или «мочить в сортире»). Сложное слово из греческих корней *гимнопедия* (от hymnos — торжественное воспевание богов и героев и paideia — воспитание) народные избранники тогда в обиход не ввели, хотя ***воспитание российских граждан гимном***, как и другими видами государственной символики, безусловно, подразумевали. Когда президент РФ В. В. Путин своим Указом от 25 декабря 2000 года утвердил Федеральный конституционный закон «О Гимне» (музыка А. В. Александ-

Николай СИДОРОВ — родился в 1958 г. в Новосибирске. Окончил МГУ им. М. В. Ломоносова. Работает в Российском государственном архиве социально-политической истории. Публикуется как историк в периодических изданиях. Живет в Москве.

Виктор ТОПОЛЯНСКИЙ — родился в 1938 г. в Москве. Окончил 2-й Московский медицинский институт. Доцент Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. Автор нескольких монографий и ряда статей в области медицины, а также книг «Вожди в законе» (1996) и «Сквозняк из прошлого» (2006). Выступает как публицист в периодических изданиях, постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

рова на «новый словесный текст» С. В. Михалкова), неотъемлемой частью Государственного гимна страны стали ноты, оркестровка и манера исполнения бывшего гимна распавшейся и не существующей ныне империи.

История не рецидивирует, как малярия, но дух того или иного правления, украшенный заманчивыми легендами, не рассуждающие и лукавые потомки пытаются иногда воспроизвести спустя несколько десятилетий в собственных интересах. Между тем форма исторических явлений, по определению В. О. Ключевского, *обратно пропорциональна их духовности*. С этой точки зрения происхождение советского гимна заслуживает специального расследования. Хотя бы уже потому, что помогает точнее уловить и определить дух той *гимнопедии*, которая задействована и в сегодняшней России.

Этим прекрасным словом — «гимнопедия» (которое, кстати сказать, уже изобрели и освоили музыковеды, пишущие на общую с нами тему — например, Татьяна Чередниченко[1]) — мы с удовольствием назвали бы и нашу статью, когда бы не одно досадное обстоятельство. Дело в том, что понятие *гимнопедия* (вариант: *гимнопедии*) уже существует и обозначает совсем другое — ежегодный летний праздник в Спарте. Правда, первая часть этого слова образована от греческого gymnas (т. е. «обнаженный», «изящный», «атлет»). Но по-русски слово «гимнопедия» в обоих значениях, восходящих к разным греческим корням, звучит одинаково. Так что термин уже ангажирован, и, как ни хотелось бы нам назвать статью словом «ГИМНОПЕДИЯ» (воспитание гимном), не будем создавать путаницу и назовем ее «ГИМНОКОСМОГОНИЯ». То есть — *сотворение гимна*. Или, если точнее, — *сотворение мира гимна*. Тем более что речь в нашей статье и пойдет прежде всего именно об этом — о сотворении музыкального и смыслового мира того самого гимна, который заложил основы и сегодняшней *гимнопедии*.

Архивные документы открывают возможность достаточно подробно реконструировать процесс создания советского гимна. Заглянуть в минувшее позволяют прежде всего краткие, но очень выразительные и непринужденные заметки одного из авторов этой самой важной «песни о главном», писателя и журналиста Г. А. Урекляна, знакомого читателям по псевдониму Г. Эль-Регистан, и своеобразная летопись в форме дневника, скрупулезно составленного Л. М. Китаевым — адъютантом и денщиком К. Е. Ворошилова. Мемуары поэта, прозаика и драматурга С. В. Михалкова, соавтора гимна, при сравнении с неопубликованными архивными источниками свидетельствуют о субъективности, избирательности и пристрастности воспоминаний этого участника давних событий, а потому используются лишь в качестве вспомогательного материала.

Третий и, пожалуй, основной соавтор гимна, в ту пору еще только маршал Советского Союза, И. В. Сталин пожелал остаться в тени и с присущей ему потребностью в конспирации умолчал о своей роли в изготовлении сакрального опуса. До и особенно после войны прозорливый партийный аппарат наградил его множеством кличек (от «великого вождя и учителя» до «лучшего друга» ученых и врачей, рабочих и колхозников и вообще представителей любой профессии). В период сочинения гимна стала

[1] «Неприкосновенный запас», 2001, № 1 (15).

очевидной адекватность той или иной клички какой-либо грани его многообразной деятельности.

Так, под именем «гения всех времен и народов» он безустанно корпел над текстом торжественной песни, то добавляя в него новую толику патетики, то меняя отдельные эпитеты и даже целые строки. В качестве «организатора и вдохновителя всех наших побед» он осуществлял непосредственное руководство гимнотворчеством: ставил перед соавторами конкретные задачи, принимал окончательные решения, контролировал исполнение своих указаний и, наконец, отдавал распоряжения о применении политических репрессий к несогласным. Партийная кличка же «отец родной» (вариант «отец народов») нашла отражение в словах гимна: *Нас вырастил Сталин...*

Каких-либо директив, инструкций или постановлений И. В. Сталина и высших органов власти относительно разработки гимна СССР в архивах не обнаружено. На основе найденных документов можно полагать, что сперва было устное поручение И. В. Сталина своему верному сподвижнику А. С. Щербакову — секретарю ЦК ВКП (б) и кандидату в члены Политбюро, куратору Союза советских писателей и начальнику Совинформбюро, в 1942 году назначенному по совместительству начальником Главного политического управления Красной армии.

Неимоверная тяжесть положения на фронтах и крайне напряженная обстановка в советском тылу, еще не оправившемся от самой драматичной стадии эвакуации, делали распоряжение И. В. Сталина о производстве гимна СССР, на первый взгляд, несвоевременным и по меньшей мере странным. Не исключено, однако, что в 1942 году Верховный главнокомандующий исходил из древнего принципа вождей: дать своим подданным лишнего, чтобы они обошлись без необходимого. Поскольку хлеба и зрелищ явно не хватало, особое значение для возбуждения советского патриотизма приобретала умелая пропаганда, в том числе и с помощью нового гимна страны.

Следует учитывать вместе с тем внешнюю политику И. В. Сталина военных лет. В конце 1941-го — первой половине 1942 года были заложены основы союзнических взаимоотношений между СССР, США и Великобританией в борьбе с гитлеровской Германией. Для заключения с Великобританией договора о союзе, сотрудничестве и взаимной помощи сроком на 20 лет нарком иностранных дел В. М. Молотов даже прилетел в Лондон 26 мая 1942 года; в середине августа 1942 года премьер-министр Великобритании У. Черчилль посетил Москву с ответным визитом. Советское руководство настойчиво добивалось открытия Второго фронта. В условиях окрепших контактов на высшем уровне (с неизменным, согласно дипломатическому протоколу, исполнением гимна каждой страны на церемониях встреч и проводов) практиковавшийся свыше 20 лет «Интернационал», суливший разрушить «весь мир насилья» и никогда не утверждавшийся законодательно как Государственный гимн СССР, оказался неуместным.

Начатое летом 1942 года многотрудное сочинение гимна спустя год потребовало учреждения специальной комиссии (официальный документ о ее образовании также не обнаружен) во главе с маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым. Бывший нарком обороны СССР, отрешенный от

службы по окончании позорной советско-финляндской войны (1939–1940), и активный участник Большого террора, украсивший своей подписью списки отправленных на расстрел командиров Красной армии, К. Е. Ворошилов по-прежнему ощущал себя крупным военачальником. Задвинутый на второстепенное место заместителя председателя Совнаркома СССР, он трижды пытался проявить себя (то как главнокомандующий войсками Северо-Западного направления с 10 июля по 31 августа 1941 года, то как командующий войсками Ленинградского фронта с 5 по 9 сентября 1941 года, то как главнокомандующий партизанским движением с 6 сентября по 19 ноября 1942 года), но каждый раз его приходилось смещать с очередной должности за некомпетентность и явную неспособность управлять боевыми действиями. Лишь на посту председателя означенной комиссии его полководческое дарование нашло, наконец, полноценное выражение.

Под руководством маршала К. Е. Ворошилова и генерал-лейтенанта (с 17 сентября 1943 года генерал-полковника) А. С. Щербакова громоздкая процедура гимнотворчества (с многократными совещаниями, прослушиваниями и встречами советских поэтов и композиторов с членами правительства) заняла весь 1943 год и не завершилась даже с принятием гимна и трансляцией его по радио в ночь на 1 января 1944 года. Оркестровая доработка музыкального символа Советского государства продолжалась по март 1944 года, когда новый гимн СССР был принят к повсеместному исполнению.

Получив сталинский приказ о выпуске нового гимна, трудовые батальоны композиторов и поэтов дружно приступили к его реализации. Сам Верховный главнокомандующий не скрыл, однако, своей приязни к маршам А. А. Александрова. Написанный еще в 1939 году А. В. Александровым на куплеты В. И. Лебедева-Кумача «Гимн партии большевиков» представлял собой супервоинственный мотив, отлично приспособленный для исполнения даже не хором, а строем, когда кулаки мотаются, словно кувалды, предназначенные для перековки сознания непослушных граждан, а сапоги отбивают походный ритм, зовущий в бой, как на праздник, и на работу, как в атаку. Почуяв конъюнктуру, партийные царедворцы услужливо предложили верховному заказчику назначить гимном страны партийный марш и таким образом избавиться от музыкально-поэтических дерзаний и терзаний. Но И. В. Сталин заявил: «Партия у нас хорошая, не будем ее грабить!» И в самой тяжелой фазе войны повелел устроить грандиозный, сначала закрытый, а потом и открытый Всесоюзный конкурс.

Партийные функционеры высокого ранга издавна видели в И. В. Сталине незаурядного актера. После трех московских политических судебных процессов, сфальсифицированных в жанре оптимистической трагедии и увековечивших Большой террор, они стали рассматривать его как самобытного сценариста и режиссера. Теперь же, в 1943 году, «великий вождь и учитель» вознамерился поставить по существу фарсовую пьесу, невольно напоминавшую о традициях полузабытого балагана.

Все задействованные в этом уникальном спектакле исполнители старательно сыграли свои роли в меру отпущенного каждому из них таланта. В результате получилось экстраординарное державное представление из ре-

пертуара персонального сталинского театра. Такое событие в самом разгаре войны могло бы показаться кому-то невероятным, нелепым, неправдоподобным. Тем не менее оно случилось, лишний раз подтвердив точность мысли одного из авторитетнейших христианских богословов — Тертуллиана: «Credo, quia absurdum est» (Верую, ибо абсурдно).

1943 год

Сцена 1. **Кабинет начальника Главного политического управления Красной армии**

Конец мая[2]

А. С. Щербаков — И. В. Сталину

Товарищу СТАЛИНУ И. В.

Год тому назад была начата работа поэтов и композиторов над созданием гимна Советского Союза. К работе над текстом гимна были привлечены лучшие наши поэты. После длительной работы сдали тексты гимна 19 авторов (27 текстов): Лебедев-Кумач, Гусев, М. Голодный, Н. Тихонов, Исаковский, С. Васильев, Антокольский, Рыльский, П. Тычина, Самед Вургун, Колычев, Долматовский, Френкель, Катаев и другие.

Из всей группы композиторов, работавших над музыкой гимна, сдали произведения лишь 8 человек: А. Александров — 3 варианта (на слова Лебедева-Кумача), И. Дзержинский, Соловьев-Седой, Т. Хренников (на слова Гусева), Белый (на слова Френкеля), Кручинин (на слова М. Голодного), Чернецкий (на слова Лебедева-Кумача) и Блантер (на слова Долматовского). Над музыкой гимна также работали композиторы: Шапорин, Шостакович, Мурадели, Юровский, но никто из них пока с этой задачей не справился.

Все представленные варианты гимна (за исключением гимна, написанного Хренниковым) были разучены хорами и оркестрами Большого театра, Радиокомитета, ансамблем под управлением А. Александрова, оркестром под управлением Чернецкого и прослушаны.

В результате исполнения гимнов оказалось, что ни одно из представленных произведений не может быть рекомендовано в качестве гимна СССР.

Некоторые гимны написаны более удачно, например, музыка Соловьева-Седого на текст Гусева, И. Дзержинского на текст Гусева, М. Блантера на текст Долматовского, Белого на текст Френкеля, но и они требуют серьезной дополнительной работы. Работа композиторов и поэтов над гимном продолжается. В целях поощрения работы поэтов и композиторов над гимном и ее ускорения прошу разрешить организовать закрытый конкурс на лучший текст и лучшую музыку гимна, установив для этого следующие премии:

---

[2] В личном архиве И. В. Сталина подлинник документа не обнаружен. Датируется по времени составления делопроизводственной копии. В предшествующей публикации (см. Независимая газета. 21 октября 2000. С. 9) датировка (13 сентября) ошибочна. — Орфография и пунктуация публикуемых документов полностью сохранены. — *Н.С., В.Т.*

за текст гимна: одну первую премию — 100 тыс. руб., две вторых премии по 50 тыс. руб.

за музыку гимна: одну первую премию — 100 тыс. руб., две вторых премии по 50 тыс. руб.

Прилагаю несколько текстов гимна, написанных поэтами Гусевым, Тихоновым, Долматовским, Шиловым, Лебедевым-Кумачем, Колычевым, Голодным.

Щербаков

Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 217. Л. 1–2. Машинописная копия

Сцена 2. **Кабинет первого секретаря Московского комитета ВКП (б)**

18 июня

Из «Дневника проведенной работы по созданию нового Государственного Гимна Советского Союза» [3]

«14.10–16.10. В кабинете тов. Щербакова А. С. в МК ВКП (б) состоялось совещание с поэтами и композиторами. Совещание, посвященное вопросу создания нового Государственного Гимна СССР проводил тов. Ворошилов К. Е. и тов. Щербаков А. С. при участии Председателя Комитета по делам Искусств тов. Храпченко и председателей Союзов Советских Писателей тов. Фадеева и Композиторов тов. Глиэра.

Присутствовали:

Поэты: 1) Асеев, 2) Рыльский, 3) Светлов, 4) Лебедев-Кумач, 5) Щипачев, 6) Гусев, 7) Жаров, 8) Алымов.

Композиторы: 1) Шостакович, 2) Хачатурян, 3) Дунаевский, 4) Дзержинский, 5) Хренников, 6) Белый, 7) Кабалевский, 8) Новиков, 9) Мурадели, 10) Блантер, 11) Кручинин.

В своих выступлениях т. т. Ворошилов К. Е. и Щербаков А. С., останавливаясь на проделанной в 1942 году работе, отмечали низкий уровень представленных вариантов текста и музыки гимна. От имени Правительства СССР они поставили перед присутствующими задачу продолжить работу по созданию Гимна Советского Союза с привлечением к ней широкого круга поэтов и композиторов, как в Москве, так и в республиках, краях и областях СССР.

Вместе с этим т. т. Ворошилов К. Е. и Щербаков А. С. поделились с присутствующими своими мыслями в отношении содержания текста Гимна и характера музыки.

---

[3] Заголовок документа. Далее — «Дневник».

Для создания нового гимна был установлен трехмесячный срок: 1,5 месяца для поэтов и 1,5 месяца для композиторов, причем было решено, что композиторы могут работать и параллельно, и совместно с поэтами, не ожидая официального текста...»

Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 54. Д. 17. Л. 170–197. Подлинник. Машинописный текст

Стенограмма совещания К. Е. Ворошилова и А. С. Щербакова с поэтами и композиторами по созданию советского гимна [4]

т. Ворошилов. (Открывает совещание.) Правительство поручило мне и тов. Щербакову поговорить со всеми присутствующими здесь поэтами и композиторами о создании нашего советского гимна. Существующий гимн «Интернационал», написанный французами (слова Потье 1871 г. и музыка Дегейтера 1888 г.), по своему содержанию современности не соответствует, и для нас теперь устарел.

Работа по созданию нового гимна, как Вы знаете, проводилась, все созданные гимны и по словам и по музыке очень слабы, и нас не удовлет-

---

[4] К XVIII съезду ВКП (б) (март 1939) А. В. Александров и В. И. Лебедев-Кумач написали «Песню о партии» (в темпе походного марша). По совету Сталина песня была исполнена в темпе торжественного гимна и получила название «Гимн партии большевиков»:

Страны небывалой свободные дети,
Сегодня мы гордую песню поем
О партии самой могучей на свете,
О самом большом человеке своем.

Припев:

Славой овеяна, волею спаяна,
Крепни и здравствуй во веки веков
Партия Ленина, партия Сталина,
Мудрая партия большевиков!

Страну Октября создала на земле ты,
Могучую Родину вольных людей.
Стоит, как утес, государство Советов,
Рожденное силой и правдой твоей.

Припев.

Изменников подлых гнилую породу
Ты грозно сметаешь с пути своего.
Ты гордость народа, ты мудрость народа,
Ты сердце народа и совесть его.

Припев.

И Маркса и Энгельса пламенный гений
Предвидел коммуны грядущий восход.
Дорогу к свободе наметил нам Ленин
И Сталин великий по ней нас ведет.

Припев.

воряют. У нас есть замечательное произведение — «Гимн партии большевиков», написанный Лебедевым-Кумачем и профессором Александровым. Некоторые думают, что его и надо считать гимном Советского Союза. Но и это произведение, по его словам, не удовлетворяет той высокой задачи, которая стоит перед гимном. Чтобы не «обижать» Лебедева-Кумача и Александрова, чтобы их не «грабить», надо создать новые слова и новую музыку советского гимна. Об этом и давайте обменяемся мнениями.

т. Щербаков. Нам надо иметь новый гимн. «Интернационал» устарел для нашего народа. Это пройденный этап. «Интернационал» пусть поет тот, кто еще не разрушил старый мир. Над созданием нового гимна работают около года. Но все созданное не годится. От гимна требуется больше, слова его должны жить минимум десятилетия, а может и даже наверняка и сотни лет. Музыка должна быть доходчивой, выразительной. Народ будет петь его в радостях и в горестях. Гимн должен войти в кровь народа.

В этом направлении в первую очередь необходимо предъявить претензию к поэтам, так как на плохие слова написать хорошую музыку невозможно. Если не хватит способности создать новый гимн, то придется взять музыку Александрова «Гимн партии большевиков» и к ней написать новые слова, но это будет большим поражением и поэтов и композиторов.

В дальнейших выступлениях т. т. Ворошилов и Щербаков высказывают пожелания по содержанию гимна. Гимн должен отразить следующие темы:

1. Победа рабочего класса в нашей стране и торжество власти трудящихся.

2. Братство и дружба победивших в борьбе народов Советского Союза.

О партии упоминать не следует, так как гимн является всенародным, национально-беспартийным. Гимн должен быть немногословен, не более четырех куплетов, но сильным и выразительным по своему содержанию.

т. Жаров. На поэтов и композиторов по созданию нового гимна возлагается громадная ответственность. Необходимо, чтобы новый гимн был принят народом. Задача поэтов большая. Указанные т. т. Ворошиловым и Щербаковым два тезиса гимна дают большую смысловую нагрузку и, кроме того, он должен быть немногословен. Царский гимн по структуре был прост, немногословен, но без всякой литературной обработки. Сейчас идет война. Нужно ли чтобы она нашла какое-либо отражение в гимне или нет?

т. Ворошилов. Гимн должен отразить борьбу советского народа со своими врагами, так как от повторения войн человечество не застраховано. Но это должно носить подчиненный характер. О фашистах упоминать не надо.

т. Дзержинский. Слова гимна должны быть особо торжественными, так как это произведение не может быть обычной песнью. На это я обращаю внимание поэтов.

т. Хачатурян. Необходимо привлечь к созданию гимна более широкий круг композиторов. Гимн может написать, как известный, так и неизвестный композитор. Я согласен с т. Дзержинским, что гимн не может быть как обычная песня. Он должен быть таким, чтобы его хотели петь не только в торжественной обстановке, но и в будничной. В смысле музыки задачи мне не совсем ясны. Гимн должен быть коротким. Музыка его, в смысле колоритности, должна быть русская, но какая? Или в духе деревенского фольк-

лора, или же в духе городского. Я думаю, что гимн должен быть написан в духе городского фольклора.

т. Ворошилов. Вы должны дать такую музыку, которая была бы понятна как русскому, так и калмыку. В смысле выбора колоритности композитор решает сам. Связывать его в этом вопросе мы не будем.

т. Щербаков. Русская музыкальная культура наиболее старая. И вероятно она наложит отпечаток на музыку гимна.

т. Хачатурян. Практика показала, что русские песни поются везде, во всех национальных республиках, а национальные песни почти не поются, разве кроме «Сулико» и то написанной по итальянским мотивам. Я в своей работе буду отталкиваться от русской городской песни.

В этом деле сильно торопиться не следует. Может быть, каждый композитор создаст гимн в нескольких вариантах. За это ругать его нельзя. Прослушивание созданных гимнов надо организовать в одном блестящем исполнении.

Я считаю, что необходимо автора пустить в народ для подтверждения гимна народом.

т. Лебедев-Кумач. Установка т. т. Ворошилова и Щербакова по созданию гимна совершенно правильная и во многом облегчает работу. По проводившейся до сих пор работе таких исчерпывающих указаний не было. Поэтому не было и результата. По своему тексту гимн должен быть советским, русским. В нем должна быть торжественность, но надо, чтобы душа человека восприняла его, как свое. Мне не совсем ясно, нужно ли указывать в гимне слова Ленин и Сталин. Это определяет характер гимна.

т. Ворошилов. Слова Ленин и Сталин в гимне должны быть, так как они от народа неотделимы.

т. Лебедев-Кумач. Я с этим безусловно согласен.

т. Жаров. Должно ли в гимне существовать понятие о Союзе Советских Социалистических Республик?

т. Ворошилов. Слова «Союз Советских Социалистических Республик» могут быть, но могут и не быть. Это не обязательно. Но смысл их и содержание должны быть.

т. Щербаков. Этим себя связывать не следует. Если слова подойдут, то пусть будут, но образ Союза Советских Социалистических Республик должен быть обязательно.

т. Блантер. Каждый созданный гимн надо исполнять в одном блестяще-подготовленном исполнении, беспристрастном к автору.

т. Ворошилов. Против этого возражений нет.

т. Щербаков. Главное не в этом. Надо создать гимн. Хорошая музыка говорит сама за себя. За хорошим исполнением дело не встанет.

т. Дунаевский. Гимны могут быть по конструкции и ритму с припевом и без припева и строиться так же, как и массовые песни, которые различимы своим запевом и припевом. По ритму гимны есть церковно-тяжеловесные (царский гимн), героически-торжественные (Марсельеза), легкие (бельгийский гимн). Какой ритм будет подходить к создаваемому гимну? Вот вопрос, который для меня не ясен.

т. Ворошилов. Выбор музыки — дело композитора. В этом им предоставляются полные свободы.

т. Белый. Успех работы зависит от свободы творчества как поэтов, так и композиторов, а поэтому лучше их не связывать.

т. Мурадели. Я предлагаю не ограничивать рамки творчества поэта и композитора, тогда каждый из них будет решать свою задачу по-разному и результат может быть хорошим. Композитор должен полюбить текст, над которым он будет работать. Если предложить композитору только опробированный текст, так музыку к нему не все хорошо напишут, так как один из композиторов тяготеет к одному поэту, другой к другому. Поэтому композитор должен выбрать себе тот текст, который будет ему по душе.

т. Гусев. Такие гимны, как Марсельеза, гимн Италии и «Интернационал» уже отжили. Все они создавались в момент распада государства. Наш же гимн создается в условиях укрепления государства, поэтому он и не может быть похож на прежние гимны. Мне кажется, что элементы молитвенности в гимне могут быть. Не ограничивая короткими сроками, я думаю все же срок установить надо. Мне кажется, что в течение месяца эта работа может быть сделана.

т. Хренников. Можем ли мы собираться в процессе работы, чтобы потом на основе обмена мнениями и полученных советов доделывать свою первоначальную работу.

т. Ворошилов. Это относится к области процесса производства. Я боюсь, что Вы и сами встречаться не захотите, так как у вас у каждого очень развито чувство индивидуализма. Но если Вы захотите, так мы собрать всегда сможем. Было бы только Ваше желание. В работе должна быть полная свобода, но при этом, безусловно, не отрицается и коллективность.

т. Щербаков. Тянуть уже дальше нельзя.

т. Ворошилов. За месяц, конечно, гимн создать нельзя, но за этот срок поэты свою работу могут закончить.

т. Щербаков. По договоренности композитор может вести работу совместно с поэтом и над текстом и над музыкой. Хорошая музыка у нас уже имеется. Это — «Гимн партии большевиков» Александрова, и он в отношении музыки, безусловно, композиторов подпирает. В крайнем случае, придется остановиться на ней.

т. Ворошилов. Я думаю, что за 3 месяца гимн создать, безусловно, можно. Круг авторов мы не связываем только музыкой.

т. Шостакович. Мне кажется, что если композитор хочет выбрать текст гимна, то этот текст должен быть уже апробирован, так как можно работать вхолостую.

т. Ворошилов. Заранее текст предрешить нельзя. Очевидно, будет несколько текстов.

т. Хачатурян. Мне хотелось бы узнать, в чем достоинство музыки Александрова? (Идет обсуждение музыки «Гимна партии большевиков».)

т. Глиэр. Композитора не надо связывать какими-то рамками.

т. Асеев. В свое время во Флоренции цех суконщиков дал задание архитектору построить такой кафедраль, какого не было никогда раньше и не будет впредь. Так и с гимном. Надо создать такое произведение, какого еще никогда не было.

т. Ворошилов. Одним словом, надо переплюнуть суконщиков.

т. Асеев. Надо засесть за работу так, как будто ты в первый раз за нее сел.

т. Новиков. Гимн надо написать для среднего голоса. Музыку Александрова много слушают, она трудна для среднего исполнения.

т. Ворошилов. К гимну должно быть уважение. Это — не уличная песня. Трудности и затягивание в создании гимна зависят от т. т. Храпченко и Фадеева. Им нужно принять все меры к быстрому проведению этой работы. Со своей стороны я хотел бы прослушать в исполнении все то, что уже создано.

т. Щербаков. Это сделать можно.

т. Кручинин. В работе композитора может быть и так, что он заранее напишет музыку, а потом придется подбирать к ней слова. Над этим я работаю уже полгода.

т. Фадеев. Мы сделаем все, чтобы оживить работу по созданию гимна. До сих пор работа проводилась, но потом как-то остыла. Необходимо привлечь к этому молодежь.

т. Ворошилов. Я думаю, что вопрос ясен. Теперь надо работать. На этом давайте закончим.

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 54. Д. 17. Л. 1–6. Подлинник. Машинописный текст

Сцена 3. **Большой театр**

17 июля

«...В Большом театре т.т. Ворошилов К. Е. и Щербаков А. С. совместно с т. Храпченко, поэтами и композиторами, а также приглашенными т. т. Барсовой[5], Рейзен[6], Козловским[7], Самосудом[8] и др., прослушали в хоровом и оркестровом исполнении восемь вариантов гимна, написанных еще в 1942 году:

Александрова	на тексты О. Колычева и В. Лебедева-Кумача
Соловьева-Седого	на текст Гусева
Дзержинского	на текст Гусева
Белого	на текст Френкеля
Блантера	на текст Долматовского
Кручинина	на текст Голодного
Чернецкого	на текст Лебедева-Кумача[9].

После обсуждения прослушанных вариантов все присутствующие признали их неудовлетворительными...»

«Дневник». Л. 171

---

[5] Барсова В. В. (1892–1967) — оперная певица.

[6] Рейзен М. О. (1895–1992) — оперный певец.

[7] Козловский И. С. (1900–1993) — оперный певец.

[8] Самосуд С. А. (1884–1964) — дирижер, художественный руководитель Большого театра.

[9] В подлиннике идет речь о восьми вариантах гимна, хотя в действительности их семь.

Сцена 4. **Большой театр**

11 августа

«*...14. 00 — 16. 35.* В Бетховенском зале Большого театра т. т. Ворошилов К. Е. и Щербаков А. С. в присутствии Председателя Всесоюзного Комитета по делам Искусств при СНК СССР т. Храпченко заслушали первые представленные 8 композиторами произведения. Порядок прослушивания представленных гимнов был такой: композитор, исполняя свое музыкальное произведение на рояли, исполнял одновременно и слова, при чем другие соревнователи в зал не допускались. Впоследствии этот порядок был изменен и все прослушивания происходили в присутствии вызванных на этот день композиторов и поэтов.

По мнению т. т. Ворошилова К. Е. и Щербакова А. С. и единодушному признанию всех присутствовавших композиторов и поэтов, ни один из первоначально представленных вариантов не отвечал предъявленным требованиям. Наилучшими среди представленных были музыка композитора Шостаковича на текст т. т. Михалкова и Эль-Регистана...»

«Дневник». Л. 172

Запись прослушивания вариантов гимна

Прослушивание производилось отдельно каждым композитором при закрытых дверях.

После прослушивания тов. Ворошилов собрал всех композиторов, с которыми поделился о результатах прослушивания.

Тов. Ворошилов сказал — ни один из представленных вариантов в качестве Гимна принять нельзя. Всем композиторам надо еще поработать. Часть композиторов были поставлены в неодинаковые условия перед другими. Некоторые (Покрасс, Новиков) привели с собой певцов, Хачатурян и Хренников сами поют неплохо, а Шостакович и другие не имеют совсем голоса. При исполнении надо поставить всех композиторов в одинаковые условия. Поэтому я предлагаю в будущем для исполнения организовать квартет из мужских голосов. Общее впечатление сейчас таково, что у всех получается лучше того, что исполняли на прослушивании в Большом театре 17 июля, но работать надо еще много. Я думаю, что мы установим окончательный срок для композиторов — 1-е октября.

Производится разбор отдельных произведений.

Тов. Щербаков А. С. указал на то, что у бр.[атьев] Покрасс музыка не годится, гимн не получился. У Хренникова начало более или менее подходит, а дальше также не годится. Есть идея у Хачатуряна, но исполнение трудно для масс. У Шостаковича музыка не плохая.

Тов. Ворошилов говорит, что большее впечатление оставила эта музыка. Он обращается к композиторам высказать свое мнение.

Выступивший Покрасс указал, что он в свою вещь верит и предлагает еще раз повторить.

В связи с обсуждением этого вопроса было решено повторить исполнение всеми композиторами в общем присутствии.

После вторичного прослушивания Маршал обратил внимание на то, что у большинства композиторов нет повторений и припевов. Дал указание о тех требованиях, которые предъявляют к созданию гимна.

В связи с тем, что в Союзе композиторов имеются и другие варианты гимнов, **тов. Хачатурян** внес предложение еще раз собраться во вторник на следующей неделе.

Предложение принимается. Исполнение провести в таком же порядке.

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 54. Д. 17. Л. 27–28.
Подлинник. Машинописный текст

Сцена 5. **Большой театр**

17 августа

Запись прослушивания вариантов гимна

13. 25 –16. 30. Присутствовали: т. Ворошилов К. Е., т. Щербаков А. С., Руководитель Красноармейского Ансамбля песни и пляски т. Александров[10], т. Храпченко М. Б., т. Фадеев и поэты: т. т. Михалков, Гусев, Исаковский, Бергольц.

Были заслушаны написанные варианты гимнов следующих композиторов (исполнение авторами на рояле): 1. Мурадели, 2. Анпилогов, 3. Макарова, 4. Иванов-Радкевич, 5. Ан. Александров[11], 6. Шварц, 7. Фере, 8. Васильев-Буглай, 9. Степанов, 10. Хренников, 11. Кручинин, 12. Захаров.

У Макаровой текст исполняла певица Соколова, у Захарова — хор им. Пятницкого.

После исполнения произошло общее обсуждение гимнов с присутствующими композиторами и поэтами.

т. Ворошилов. Надо сказать, что из сегодняшнего прослушивания нам с т. т. Щербаковым и Александровым понравилось многое, но опять ни одно произведение в качестве Гимна принять нельзя. Мы прослушали уже около 20-ти вариантов, и этот второй тур более удачен, нежели прежний. И слова и музыка на более высоком уровне, но требования у нас очень высокие и, к сожалению, все то, что предъявлено, неприемлемо. Отдельно я также прослушал вариант Гимна и у т. Александрова, но и у него он находится на общем уровне. Сказанная мною оценка совпадает с А. С. Щербаковым. Сейчас не стоит называть отдельно фамилии композиторов, так как работать

[10] Александров А. В. (1883–1946) — композитор и хоровой дирижер. С 1922 г. — профессор Московской консерватории. С 1925 г. — зав. хоровой кафедрой. В 1929–1936 гг. зам. декана военно-дирижерского факультета. Организатор (1928) и руководитель Ансамбля песни и пляски Красной армии. Народный артист СССР (1937), генерал-майор (1943), доктор искусствоведения (1940), член ВКП (б) с 1939 г.

[11] Александров А. Н. (1888–1982) — композитор, профессор Московской консерватории.

надо всем и возможности к этому есть. Т.т. Кручинин и Хренников исполняют второй раз. И надо сказать, что сегодняшнее исполнение значительно лучше прошлого раза. Много также надо работать и над текстами гимнов, так как и в этом отношении у нас еще нет ничего подходящего.

т. Мурадели. Мы хотели бы услышать впечатление по каждому исполнению, так как для дальнейшей работы это необходимо.

т. Ворошилов. Если Вы этого хотите, то мы можем повторить по примеру прошлого раза исполнение каждым композитором при общем присутствии. После этого каждый композитор вновь исполняет свой вариант.

По окончании происходит дальнейшее обсуждение.

т. Щербаков спрашивает всех присутствующих — если по совести сказать, чей вариант лучше?

т. Мурадели. После того, как я все прослушал, то никакой вариант и ни других композиторов не являются пределом. Надо еще много работать.

т. Кручинин. Сегодняшнее прослушивание показало, что надо еще работать, и я думаю, что у нас есть порох в пороховнице.

т. Васильев-Буглай. Наибольшее впечатление на меня произвело исполнение Тихона Хренникова. Его вариант написан по-хоровому, сцеплен в одно, легко запоминается. Он безусловно стоит на данном пути.

т. Фере. Мне хотелось бы поддержать Васильева-Буглая. Гимн Хренникова резко отличается от остальных. Он торжественен, монументален, выразителен и хватает за душу. Все исполнявшиеся гимны внешне схватывают движения, есть хоральность, но в них чувствуется засушливость, какая-то казенность. Гимн Хренникова мне очень понравился. В нем чувствуется сердечность, глубина. Среди гимнов, безусловно, есть хорошая музыка, но она является выражением хорошей песни. Таковы варианты Захарова, Макаровой. У Хренникова же выражены личные чувства патриота.

т. Ворошилов. А что Вы скажете об исполнении Мурадели?

Мурадели меня не увлекает. В нем есть какая-то парадность. Сделано вкусно, профессионально, грамотно.

т. Ворошилов. Высказывает пожелание еще раз прослушать Хренникова.

т. Александров. Я нахожу, что из всех прослушанных гимнов, наиболее приближающимся получился у Хренникова. У Хренникова также есть недостаток. Он исполнял не в той тональности. После нашего совета он ее поднял и получилось значительно лучше. Поэтому и в будущем т. Хренникову надо советоваться с другими, но из того, что сейчас представлено, его произведение самое лучшее.

т. Ворошилов. Хренников неожиданно попал в именинники, но нам, профанам, кажется, что для Гимна и это недостаточно. Мы будем требовать еще более высокого уровня. Хренников за неделю значительно улучшил музыку. Дело идет у него на лад, только надо не останавливаться.

т. Щербаков. И по своему тексту слова Гусева в музыке Хренникова являются одними из лучших.

т. Ворошилов. Но надо и Гусеву хорошо поработать.

т. Сурин. (Начальник Музыкального Управления.) Сейчас композиторы взяли хороший темп. Над музыкой работают очень много. У нас через неделю будет еще несколько вариантов. Я прошу еще раз назначить про-

слушивание на вторник, а исполнение Гимна надо поручить специально созданному квартету, для которого надо уже сейчас отобрать некоторые варианты.

т. Ворошилов. Отбирать еще рано. Пусть композиторы еще поработают, но надо предложить авторам пригласить для исполнения певца или певицу. Я думаю, что мы установим окончательный срок для композиторов еще месяц — до 17 сентября.

В заключение Маршал дал указание т. Храпченко вместе с т. Фадеевым отобрать ряд лучших вариантов текста и разослать их композиторам для работы.

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 54. Д. 17. Л. 31–33.
Подлинник. Машинописный текст

Сцена 6. **Большой театр**

24 августа

«...В Бетховенском зале Большого театра с участием т. т. Ворошилова К. Е. и Щербакова А. С. состоялось прослушивание музыки 42 композиторов на слова разных поэтов (10 композиторов представили вновь переработанные варианты на основе замечаний, сделанных 11 и 17 августа).

Ни один из прослушанных вариантов для гимна непригоден.

За время с 11 по 24 августа 1943 г., таким образом, было прослушано 55 вариантов музыки, написанной 40 композиторами. Среди них: Глиэр, Шостакович, Хачатурян, Кабалевский, Гедике, А. В. Александров, А. Н. Александров, Захаров, Хренников, Дзержинский, Дунаевский, бр. Покрасс, Коваль, Блантер, Белый, Мурадели, Макарова и др.

Прослушав эти варианты, т. т. Ворошилов К. Е. и Щербаков А. С. отметили, что наиболее приближающейся к требованиям, которым должна отвечать музыка гимна, пока остается произведение Д. Шостаковича. Заслуживает внимания музыка А. В. Александрова, Б. А. Александрова[12], Анпилогова, Белого, Захарова, Коваля, Кручинина, Мосолова, Мурадели, Хренникова, Хачатуряна и Чемберджи. К этому моменту 50 поэтами были представлены 87 текстовых вариантов гимна. Некоторые поэты представили по несколько вариантов текста, например:

С. Кирсанов	— 11 вариантов
М. Голодный	— 7
С. Алымов	— 6
В. Гусев	— 5
В. Лебедев-Кумач	— 5
О. Колычев	— 4
С. Михалков и Эль-Регистан	— 4

[12] Александров Б. А. (1905–1994) — композитор и дирижер, сын А. В. Александрова.

По заключению т. т. Ворошилова К. Е., Щербакова А. С. и Храпченко М. Б., ни один из текстов не мог быть рекомендован композиторам, как наилучший, несмотря на то, что в некоторых из них имелись отдельные хорошие строки и строфы.

По указанию т. Ворошилова К. Е. был составлен печатный сборник представленных поэтами текстов нового гимна, в который и вошли произведения 56 авторов, написавших 96 текстов.

т. т. Ворошилов К. Е. и Щербаков А. С. совместно с поэтами подвергли обсуждению представленные тексты, после чего поэтам было дополнительно предоставлено две недели для переработки написанных текстов и создания новых...»

«Дневник». Л. 173

Сцена 7. **Кабинет Ворошилова в Кремле**

4 сентября

«...т. т. Ворошилов К. Е. и Щербаков А. С. представили т. Сталину И. В. доклад о ходе работы по созданию гимна. К докладу был приложен сборник предлагаемых поэтами вариантов текста гимна.

Одновременно т. Ворошилов К. Е. направил копию указанного письма и сборник текстов т. т. Молотову В. М., Маленкову Г. М., Берия Л. П. и Микояну А. И.

В процессе работы поэтов и композиторов над текстами и музыкой гимна т. Ворошилов К. Е. неоднократно проверял их работу, лично принимал у себя, разговаривал по телефону (т.т. Симонов, Лебедев-Кумач, Гусев, Бергольц, Шостакович, Чемберджи, Глиэр, Асеев и др.). Тогда же в нескольких беседах с т. т. Фадеевым и Храпченко т. Ворошилов К. Е. отмечал неудовлетворительную работу Союза Советских Писателей по созданию нового текста гимна...»

«Дневник». Л. 174

К. Е. Ворошилов и А. С. Щербаков — И. В. Сталину

Товарищу С Т А Л И Н У И. В.

Докладываем о работе по созданию, согласно Ваших указаний, нового гимна Советского Союза.

18 июня с. г. нами, с участием Председателя Комитета по Делам Искусств т. ХРАПЧЕНКО и Председателей Союзов Советских Писателей т. ФАДЕЕВА и Композиторов т. ГЛИЭРА было проведено совещание с находившимися в Москве поэтами и композиторами. Среди присутствующих были известные поэты — Алымов, Асеев, Гусев, Жаров, Лебедев-Кумач, Рыльский, Светлов, Щипачев и композиторы — Белый, Дзержинский, Дунаевский, Кабалевский, Кручинин, Мурадели, Хачатурян, Хренников, Шостакович.

На совещании был отмечен низкий уровень представленных еще в 1942 году вариантов гимна как по текстам, так и по музыке. В связи с тем, что дальнейшая работа фактически прекратилась, перед присутствующими была

поставлена задача продолжить работу с привлечением к ней широкого круга поэтов и композиторов.

Исходя из Ваших установок, мы высказали пожелания по содержанию текста гимна.

В результате обмена мнений, для создания нового гимна был установлен 3-х месячный срок: 1,5 месяца для поэтов и 1,5 месяца для композиторов, при чем было решено, что композиторы могут работать параллельно и совместно с поэтами, не ожидая официального текста.

17 июля с.г. в Большом театре мы, совместно с т. Храпченко, поэтами и композиторами, а также приглашенными товарищами Барсовой, Рейзен, Козловским, Самосудом и др., прослушали в хоровом и оркестровом исполнении восемь вариантов гимна, написанных в 1942 году:

Александрова А. В.	на тексты О. Колычева и З. Лебедева-Кумача
Соловьева-Седого В.	на текст В. Гусева
Дзержинского И.	на текст В. Гусева
Белого В.	на текст И. Френкеля
Блантера М.	на текст Е. Долматовского
Кручинина В.	на текст М. Голодного
Чернецкого С.	на текст З. Лебедева-Кумача.

Всеми присутствующими товарищами эти варианты были признаны неудовлетворительными.

По мере поступления вновь написанных текстов и музыки гимна, в Бетховенском зале Большого театра, при участии поэтов, нами было проведено три прослушивания в исполнении самих авторов. 11 августа с. г. были заслушаны произведения 8-ми композиторов.

По нашему мнению и единодушному признанию присутствовавших композиторов и поэтов, ни один из вариантов не отвечал своему назначению и только музыка Шостаковича выделялась в лучшую сторону.

17 и 24 августа с. г. снова были прослушаны исполнения 42 композиторов, из которых 10 представили вновь переработанные варианты на основе замечаний, сделанных 11 и 17 августа.

К сожалению, невзирая на обилие музыкальных вариантов, ни один из них для гимна СССР непригоден.

Всего, таким образом, было прослушано 55 вариантов музыки, написанной 40 композиторами, среди них — Р. Глиэр, Д. Шостакович, А. Хачатурян, Д. Кабалевский, А. Гедике, А. В. Александров, А. Н. Александров, В. Захаров, Т. Хренников, И. Дзержинский, И. Дунаевский, бр. Покрасс, М. Коваль, М. Блантер, В. Белый, В. Мурадели, П. Макарова и другие.

Из представленных вариантов музыки приближающейся к характеру гимна является музыка Д. Шостаковича. Заслуживает внимания музыка А.В. Александрова, В. А. Александрова, В. Анпилогова, В. Белого, В. Захарова, М. Коваля, В. Кручинина, Мосолова, В. Мурадели, Т. Хренникова, А. Хачатуряна и Чемберджи.

К настоящему времени 50 поэтами написаны 87 различных текстовых вариантов гимна.

Ряд поэтов представили по несколько вариантов. Например, С. Алымов представил 6 вариантов, М. Голодный — 7, В. Гусев — 5, С. Кирсанов — 11,

О. Колычев — 4, Лебедев-Кумач — 5, Михалков — 4 варианта, но ни один из них не может быть принят и дан композиторам для их работы. Правда, во многих вариантах имеются отдельные хорошие строки и даже целые строфы.

24 августа с. г., после совместного обсуждения с поэтами вопроса о положении дела с текстом гимна, договорились предоставить дополнительно две недели для переработки поэтами написанных и создания новых текстов гимна.

Отсутствие одобренного (принятого) текста гимна, разумеется, отрицательно сказывается на творческой работе композиторов, и все они хотели бы сочинять музыку на те слова, которые останутся, как слова советского гимна. Однако, не в одних словах затруднение композиторов, и сама тема столь серьезна и ответственна, что разрешение ее сопряжено с большими трудностями.

Сборник представленных поэтами вариантов гимна, с указанием написанной к части из них музыки, прилагаем.

К. Ворошилов
А. Щербаков

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 218. Л. 19–21. Копия. Машинописный текст

Сцена 8. **Кабинет Ворошилова в Кремле**

20 сентября

«...В результате рассмотрения всех представленных поэтами текстов, выбор был остановлен на нижеследующем произведении С. Михалкова и Г. Эль-Регистана:

«Текст С. Михалкова и
Г. Эль-Регистана.

СВОБОДНЫХ НАРОДОВ СОЮЗ БЛАГОРОДНЫЙ
(*3-й вариант*)

Свободных народов союз благородный
Сплотила навеки Великая Русь.
Славься, созданный волей народной
Единый, могучий Советский Союз! *2 раза*

Сквозь грозы сияло нам солнце Свободы,
Нам Ленин в грядущее путь озарил.
Мудрый Сталин — избранник народа
На труд и на подвиги нас вдохновил. *2 раза*

Никто не заставит нас встать на колени,
Мы — вольный, мы — гордый советский народ!
Кровь героев, что пали в сраженьях,
К победе и славе Отчизну зовет! *2 раза*

Свободных народов союз благородный
Ведет за собою Великая Русь.
Славься! Славься, державой народной
Единый, могучий Советский Союз!

...17. 00 – 19. 00. т. Ворошилов К. Е. принял у себя в кабинете т.т. Михалкова и Эль-Регистана и сообщил, что указанный выше вариант текста в основном отвечает задаче, но требует еще доработки. Указания и советы, которые были даны т. Ворошиловым К. Е. в двухчасовой беседе с т. т. С. Михалковым и Г. Эль-Регистаном сводились к следующему:

1. Ярче оттенить в тексте социалистическую сущность нашего государства.

2. Придать предельную простоту и ясность языку текста с тем, чтобы он был доступен всем слоям нашего населения, независимо от их общественного положения и культурного уровня.

3. Иметь в виду, что слова гимна должны иметь одновременно с простотой особую торжественность.

4. Сделать припев...»

«Дневник». Л. 174–175

Из записок Г. А. Эль-Регистана[13]

«...К С[ергею] М[ихалкову] звонил генерал Щерб[аков][14]. Передал приглашение К[лимента] Е[фремовича] явиться к трем. Мы попросили на полтора часа позже. Брились, чистили сапоги. Опоздали на пять минут. Явились в Кремль в комн[ату] № 7, приемную Кл[имента] Ефр[емовича]. Встретились там с ген.м. Щербаковым. Пришел ген.лейт. Ал. Ал. Игнатьев[15]. Я говорил с ним о памяти, о его книге. В 17. 00 — просят к Кл. Ефр. В кабинете[16]. Как мы представились. К. Е. устал, сумр[ачен]. Садимся. Книжица с текстами. Осторожное начало: «Кажется подходит!. Нужны исправления...» Слово: «социализм». Отвлеклись. Анкета: «армянин». Как реагировал Кл. Ефр. Его рассказ о Саркисяне. Вопросы по мне: откуда я? Мой рассказ о детстве, языки, стихи... Он просит записать фамилию. «Аркадьевич» и «Аршакович». «Союз благородный» — это я и Сережа. «Великая Русь» — рост Михалкова. Рост: диаграмма н[аших] побед. Я — 41 г. Сережа — 43 год. Опять о тексте. О музыке: «Пишите для всех Шостаковичей». Вдвоем мы с Кл. Ефр. поем «Боже царя»... Поем наш гимн на мотив «Гимна большевиков». Разговор об этом гимне. «Партия не плохая, гимн — тоже. Его нельзя брать, обирать партию». Разговор о газете. Про «Сталинский Сокол» и Московского[17]. Моя рекомендация Московскому. Кл. Ефр. очень доволен, что воен. человек

---

[13] Далее — «Записки Эль-Регистана».

[14] Щербаков Л. А. (?–1989) — генерал-майор, адъютант, заведующий секретариатом К. Е. Ворошилова.

[15] Игнатьев А. А. (1877–1954) — русский и советский дипломат, после возвращения в СССР (1937) — в Красной армии, генерал-лейтенант, занимал ответственные должности в высших военно-учебных заведениях. После увольнения в отставку (1947) занимался литературной деятельностью.

[16] Здесь и далее в тексте записок Эль-Регистана подчеркивания, отточия, орфография и пунктуация — авторские.

[17] Московский В. П. (1904–1984) — главный редактор газеты ВВС Красной армии «Сталинский Сокол», корреспондентами которой были С. Михалков и Г. Эль-Регистан.

и вдруг такой. Просит номера «Сталинского Сокола» <...> Встали. Разговор у окна. Сережа заикается. Кл. Ефр: «Надо вылечить!» — «Я не позволю, как его старый друг!» — «Почему?» — «Потеряет всю свою прелесть!» Разговор о поэтах у окна. Мое мнение — шутка и ответ Кл. Ефр. — «Михалков очень популярен у детей, а дети — везде дети, самая благодарная аудитория». Опять о гимне, в связи со сроками исправления текста... Разъяснения Кл. Ефр. об Интернационале. Наши союзники нам очень помогают. Гимн — на века. Нам дает срок — три дня. Сережа колеблется. Я: «"Будет выполнено". Прощаемся и уходим. Ощущение замечательной простоты, обаяния Кл. Ефр. Оптимизм. Внешний вид. Любовь к пению...»

Частично опубликовано: газета «Россия». 16 июня 1993 г. № 25. С. 7. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3399. Л. 19–21, 24, 26, 29–34, 45. Автограф

Сцена 9. **Номер в гостинице «Москва»**

21 сентября

«...Переделываем. Часа в четыре готовы 3 варианта. Два без припева, один — с припевом на две строфы. Звонок к Кл. Ефр Его адъютант: «Устал, сегодня не будет». Текст привезти завтра. Будет лишь после обеда. Через один час: звонок ген. Щербакова. Текст нужен. Кл. Ефр. просил по телефону прислать немедленно ему, а он, видимо, на даче. Идем в Кремль. Вызываем адъютанта. Сдаем. Наши догадки. Срочность почему? Где первый экземпляр...»

«Записки Эль-Регистана». Л. 29–30

Сцена 10. **Номер в гостинице «Москва»**

22 сентября

«...С 20 по 22 сентября т. т. Михалков и Эль-Регистан работали над текстом в духе указаний т. Ворошилова К. Е. 22 сентября 1943 года ими были представлены три варианта текста...»

«Дневник». Л. 175.

«...Весь день — молчание. Сережа ужасно нервничает!..»

«Записки Эль-Регистана». Л. 30

Сцена 11. **Кабинет Ворошилова в Кремле**

23 сентября

«...13. 30. т. Ворошилов К. Е. в присутствии т. Молотова В. М. принял т. т. Михалкова и Эль-Регистана, которым сообщил, что из числа представленных ими 3-х вариантов текста Правительством одобряется следующий вариант:

«*Сергей Михалков*
Эль-Регистан

СВОБОДНЫХ НАРОДОВ СОЮЗ БЛАГОРОДНЫЙ

Свободных народов союз благородный
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз.

Припев:

Живи в веках, страна Социализма,
Твоя звезда к победам нас ведет.
Живи и крепни, славная Отчизна,
Тебя хранит великий твой народ!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы.
Нам Ленин в грядущее путь озарил.
Нас вырастил Сталин, — избранник народа,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Припев:

Живи в веках, страна Социализма,
Твоя звезда к победам нас ведет.
Живи и крепни, славная Отчизна,
Тебя хранит великий твой народ!»

Тов. Ворошилов К. Е. сообщил авторам текста, что тов. Сталин И. В. высказывает пожелания внести в вышеприведенный текст следующие исправления:

1. Слова «СОЮЗ БЛАГОРОДНЫЙ» заменить словами: «СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ», отражающими незыблемую крепость дружбы и союза между народами СССР.

При этом т. Ворошилов объяснил, что слово «благородный» носит на себе оттенок литературщины, не говоря уже о том, что в деревне оно может ассоциироваться со старым русским понятием «ваше благородие».

2. Слова «НАМ ЛЕНИН В ГРЯДУЩЕЕ ПУТЬ ОЗАРИЛ» изменить на: «И ЛЕНИН ВЕЛИКИЙ НАМ ПУТЬ ОЗАРИЛ», подчеркивающие величайшую роль и значение Ленина — вождя Октябрьской революции и создателя Советского государства.

Тов. Ворошилов К. Е. разъяснил, что эпитет «великий» отдает должное В. И. Ленину, что недостаточно оттенено в представленном тексте. Кроме того, слова «в грядущее» могут быть непонятны для деревни, вследствие той же нарочитой «литературности».

3. Слова «НАС ВЫРАСТИЛ СТАЛИН, — ИЗБРАННИК НАРОДА» заменить «НАС ВЫРАСТИЛ СТАЛИН — НА ВЕРНОСТЬ НАРОДУ».

К замечаниям тов. Ворошилова К. Е. тов. Молотов В. М. добавляет пожелание, чтобы в припеве «ЖИВИ В ВЕКАХ СТРАНА СОЦИАЛИЗМА» было бы отражено, что само существование СССР несет и будет нести мир меж-

ду народами. По просьбе авторов текста тов. Молотов В. М. подробно разъяснил свою мысль.

После этих указаний т. т. С. Михалков и Г. Эль-Регистан, здесь же, в Кремле, в течение четырех часов работали над изменением припева и в процессе работы неоднократно беседовали с т. Ворошиловым, обсуждая отдельные строки и варианты.

В 18. 45 т. т. Михалков и Эль-Регистан написали 7 вариантов припева, признанные удовлетворительными т. Ворошиловым К. Е.

В 19. 10 т. т. Молотов В. М. и Ворошилов К. Е. в присутствии авторов рассмотрев варианты, признали наилучшим припев, вторая строка которого была сформулирована так: «ПУСТЬ НАШЕ ЗНАМЯ МИРУ МИР НЕСЕТ».

Одновременно была утверждена окончательная редакция первой строфы куплета переделанной авторами вместо: «СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ СВОБОДНЫХ НАРОДОВ» — «СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ РЕСПУБЛИК СВОБОДНЫХ».

Все варианты и переделки были направлены на рассмотрение тов. Сталину И. В.»

«Дневник». Л. 176–178

«...Рано утром позвонили от К. Е.Ворошилова. В 13. 30 просят придти. Мы явились. По Щербакову чувствуется, что дела хороши. (Он острит о бумаге, о мемуарах...[18]) Вдруг появляется В. М. Молотов. Поздоровался с нами. Сказал Сереже: «Давно не виделись с Вами». Познакомился со мной — внимательно оглядел и сказал: «Сейчас займемся». Ушел в кабинет. (Звонок). Мы входим. Ворошилов веселый, улыбается. Нас приглашает сесть. Два экземпляра: один у Ворошилова, другой — у Молотова. Говорит Ворошилов: «Вот товарищ Сталин вносит такие поправки». Мы осматриваем нашу рукопись. На ней синими чернилами рукой Сталина (см. поправки). Но Молотов говорит: «необходима одна мысль о мире (см. мои записи на листе)[19], где я не знаю, но это надо делать без задержки». Ворошилов: «Мы вам дадим комнату». Вызвал Щербакова: «Отведите им поэтич[еский] кабинет, дайте выпить, но только чаю. А что-нибудь другое выпьют, когда кончут. Не выпускайте пока не кончут. Срок до шести...» Мы в кабинете Землячки[20]. Сережа танцует. Несут чай. Очень холодно. Пишем. К четырем готовы варианты. Идем. Печатаем. У Ворошилова совещание, он [его] оставляет, приходит. Читаем. Ему нравится. Но как быть «народов-народов»? (Я об этом раньше спрашивал у В. М.) «Попробуйте и это». Опять уходим. До семи сидим. Делаю: республики и пр[очее] — два. Три новых варианта припева (вторая строчка). Идем к Ворошилову. Опять бросает совещание. Идем к

[18] Одно слово неразборчиво.

[19] «Т. Молотов. Наша страна старается обеспечить мир. Твоя звезда. Светоч мира. Во имя мира. Само существование Советского Союза — мир между народами. 1) Союз нерушимый, 2) Навеки? (оставить или нет?). Разговор с т. Молотовым и Ворошиловым. Кремль. 23.IX.43». (РГАСПИ. 558. Оп. 11. Д. 3399. Л. 25).

[20] Землячка Р. С., наст. фам. Самойлова (1876–1947) — советский государственный и партийный деятель. С 1939 г. — член ЦК ВКП (б), в 1939–1943 гг. — зам. пред. СНК СССР, затем зам. пред. КПК при ЦК ВКП (б).

Молотову. Лифт. Мы остаемся в приемной. Там — Вышинский и еще кто-то. Ворошилов входит и через минуту нас просят. Молотов приглашает нас... Проводит из большого кабинета в малый. Быстро перебирает. Обсуждаем. «Красный стяг — мир несет» — Ворошилов подмигивает. Сережа просит срок — ночь подумать. «Думать вы можете сколько угодно — мы не можем ждать». Выходим. Я слышу фразу: «Давай, посылай товарищу Сталину»...»

«Записки Эль-Регистана». Л. 30—31

Сцена 12. **Кабинет Сталина в Кремле**

25 сентября

«...Специальным Постановлением ЦК ВКП (б) был утвержден следующий текст Государственного Гимна Советского Союза:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП (б)
от 25 сентября 1943 года
О ГИМНЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Ныне существующий государственный гимн Советского Союза «Интернационал» не отвечает положению Советского государства, так как: 1) Он только призывает к борьбе эксплуатируемых, к раскрепощению от насилия и к построению нового мира, то есть говорит о задачах, которые трудящиеся Советского Союза уже решили; 2) Не отражает в своем содержании коренных изменений, происшедших в нашей стране на базе Советов и не выражает социалистической сущности Советского государства, ввиду чего «Интернационал» остается призывным гимном для трудящихся капиталистических стран, которым еще предстоит борьба за свое освобождение от капиталистического рабства.

На основании изложенного ЦК ВКП (б) постановляет:

Принять вместо «Интернационала» в качестве государственного гимна Союза Советских Социалистических Республик новый текст гимна следующего содержания:

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ РЕСПУБЛИК СВОБОДНЫХ

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов,
Единый, могучий Советский Союз!

ЖИВИ В ВЕКАХ, СТРАНА СОЦИАЛИЗМА!
ПУСТЬ НАШЕ ЗНАМЯ МИРУ МИР НЕСЕТ.
ЖИВИ И КРЕПНИ, СЛАВНАЯ ОТЧИЗНА!
ТЕБЯ ХРАНИТ ВЕЛИКИЙ НАШ НАРОД.

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И ЛЕНИН великий — нам путь озарил.
Нас вырастил СТАЛИН на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

ЖИВИ В ВЕКАХ, СТРАНА СОЦИАЛИЗМА!
ТВОЯ ЗВЕЗДА К ПОБЕДАМ НАС ВЕДЕТ.
ЖИВИ И КРЕПНИ, СЛАВНАЯ ОТЧИЗНА!
ТЕБЯ ХРАНИТ ВЕЛИКИЙ НАШ НАРОД!

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП (б)
И. Сталин»[21].

Как видно из приведенного выше Постановления ЦК ВКП (б), оставив в первом случае припева вторую строку: «ПУСТЬ НАШЕ ЗНАМЯ МИРУ МИР НЕСЕТ», во втором случае в припев была принята строка «ТВОЯ ЗВЕЗДА К ПОБЕДАМ НАС ВЕДЕТ», имевшаяся среди 7 вариантов, представленных 23. IX т. т. С. Михалковым и Г. Эль-Регистаном.

Текст, утвержденный ЦК ВКП (б) 25 сентября в тот же день направляется Председателю ВКИ при Совнаркоме СССР т. Храпченко М. Б. с указанием передать его всем композиторам Советского Союза для написания музыки.

Для участия композиторов национальных республик, краев и областей в создании музыки Гимна этот текст передается по телеграфу в республиканские, краевые и областные центры Советского Союза. Срок представления композиторами музыки назначается на 14 октября 1943 года...»

«Дневник». Л. 176–179

Сцена 13. **Номер в гостинице «Москва»**

27 сентября

«...Тов. К. Е. Ворошилов в разговоре по телефону с Эль-Регистаном передает ему и С. В. Михалкову поздравления с принятием текста и одновременно с этим:

а) уточняет заголовок гимна вместо «Союз нерушимый республик свободных» — «Гимн Советского Союза».

б) согласовывает вопрос об удалении запятой в строке «Нас вырастил Сталин, — на верность народу» с оставлением одного тире после слова «Сталин» — ...»

«Дневник». Л. 180–181

«...В три часа дня звонит Кл[имент] Ефрем[ович]. Я говорю с ним. Сердечно поздравляет. Советуемся а) о заголовке; б) о строке «твоя звезда к победам нас ведет»; в) я ставлю вопрос о знаках препинания. Он согласен и на это и на подзаголовок. Я его благодарю за дружеское отношение. Заслужили. Не задирать носов. Еще раз поздравил. [Гимн] будет известен на весь мир...»

«Записки Эль-Регистана». Л. 24

[21] Подлинник постановления см. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1380. Л. 9–12.

Сцена 14. **Номер в гостинице «Москва»**

28 сентября

С. В. Михалков и Г. А. Эль-Регистан — К. Е. Ворошилову

Многоуважаемый Климент Ефремович!

В одной из бесед с нами Вы сказали, что Гимн Советского Союза должен быть лучше всех существовавших и существующих гимнов других народов.

Нам кажется, что только два композитора нашей страны — Дм. Дм. Шостакович и С. С. Прокофьев могли бы написать такой гимн. Самый факт авторства одного из этих двух мастеров, признанных величайшими композиторами современности, придал бы Гимну нашей Родины тот характер, о котором Вы говорили.

История не знает ни одного гимна, автором которого являлся бы не только лучший композитор данной державы, но и признанный наилучшим среди своих современников.

Ваше исключительное внимательное отношение к нашей работе над текстом Гимна Советского Союза, а также Ваш благоприятный отзыв о музыке Дм. Дм. Шостаковича (написанный на первый вариант нашего текста) позволяет нам поделиться с Вами своими соображениями. В частности, зная работоспособность Дм. Дм. Шостаковича, мы уверены, что он сможет создать музыку к Гимну в самый короткий срок.

С. Михалков
Г. Эль-Регистан

Резолюция К. Е. Ворошилова

Шостакович и Прокофьев действительно большие, признанные композиторы наших дней, однако, гимн будут писать все композиторы СССР (а может быть и не композиторы примут участие) и кто из них даст лучшую музыку гимна, тот и будет автором этого исторического сочинения.

К. В.

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 54. Д. 17. Л. 161. Подлинник. Автографы

Сцена 15. **Большой театр**

26 октября

«...В результате прослушивания музыки т. т. Ворошилов К. Е., Щербаков А. С. и Храпченко М. Б. выделили для вторичного прослушивания музыку композиторов Лепина, Белого, Матюшевича, Нолинского, Фере, Чернецкого — 2 варианта, Кручинина и Александрова Б. А.

Тов. Сталин в присутствии т.т. Молотова, Ворошилова, Берия и Маленкова в 21. 00 в Бетховенском зале Большого театра заслушали (в исполнении хора ансамбля красноармейской песни под управлением А. В. Александрова) произведения указанных композиторов.

Среди присутствовавших были: композиторы Шостакович, Хачатурян, А. В. Александров, Прокофьев, Шапорин и Чернецкий.

По окончании прослушивания тов. Сталин И. В. указал, что хоровое исполнение не дает возможности исчерпывающе оценить музыкальные особенности того или иного предлагаемого варианта. Поэтому тов. Сталин И. В. указал на необходимость прослушивать отбираемые на второй тур варианты музыки не только в хоровом исполнении, но и в исполнении симфонического оркестра.

Предложение тов. Сталина встретило горячую поддержку со стороны композиторов...»

«Дневник». Л. 181–182

«...В течении времени с 17 по 27 октября состоялось трижды прослушивание Гимна комиссией в составе К. Е. Ворошилов, А. С. Щербаков. Присутствуют также М. Б. Храпченко, В. Сурин[22], Шлифштейн[23]. Прослушивание идет так: у рояля — композитор, исполняет певец соло, дуэт, трио или квартет. За три прослушивания пропустили 60 Гимнов, но, по-моему, ничего выдающегося нет. Лучшие — это Белый и Шапорин. Но пропущены лишь самые слабые и средние композиторы, лучших — берегут на конец. Число гимнов непрерывно растет. Хотя и конкурс закрыт 14 октября, но из провинции почта продолжает доставлять опоздавшие, и их уже набралось свыше 150. Первое время не так уж торопились. Но вот 26 октября на вечернее прослушивание явился тов. Сталин, и все пошло быстрее. В тот вечер было назначено к прослушиванию восемь гимнов, отобранных из 60 прослушанных. Нас с Сергеем пригласили к 10 вечера. Я пришел с опозданием на 15 минут, т. к. начали прослушивать на пол часа раньше времени. В зале сидели (Бетховенский зал Большого театра) тов. тов. Сталин, Молотов, Ворошилов, Берия, Маленков. И. В. Сталин был в форме маршала Советского Союза в кителе цвета хаки (точь-в-точь, как у меня) с золотой звездочкой героя Социалистического труда. Он заметно поседел, был оживлен, энергичен. После того, как хор спел Гимны, Сталин поднялся. Начался разговор. Сталин сказал, что в хоре мелодия сливается и для окончательного решения, пожалуй, следует еще и прослушать с оркестром. Обратился к нескольким присутствовавшим композиторам (Шостакович, Шапорин, Хачатурян, Прокофьев, Александров, Чернецкий) с вопросом, с каким оркестром лучше слушать — духовым или симфоническим. Мнения разделились. Но композиторы признали все, что без оркестрового исполнения трудно решить вопрос о качестве музыки и сделать отбор. На подготовку оставшихся гимнов дал пять суток. Попрощался с нами со всеми и ушел...»

«Записки Эль-Регистана». Л. 19

[22] Сурин В. Н. (1906–?) — начальник Музыкального управления Комитета по делам искусств СНК СССР.

[23] Шлифштейн С. И. (1903–1975) — музыкальный критик, работник Комитета по делам искусств.

Сцена 16. **Номер в гостинице «Москва», затем кабинеты в Кремле**

27 октября

«...В 1 ч. 50 м. тов. Сталин И. В. в телефонном разговоре с С. Михалковым дал авторам следующие указания:

1. Внести в текст Гимна еще один куплет, так как при 2 куплетах гимн выглядит куцым (по собственному выражению товарища Сталина).

2. Третий куплет писать на тему о вооруженных силах Советского Союза — Красной Армии, которая боролась, борется и будет бороться за честь, свободу и независимость нашего Отечества.

Иллюстрируя это положение тов. Сталин И. В. подчеркнул мощь и героизм Красной Армии в дни Отечественной войны против германского фашизма, указывая, что не только немецкие захватчики, но всякие другие, которые посягнут на свободу и независимость Советского Союза, встретят достойный отпор со стороны Красной Армии.

В результате работы т. т. Михалкова и Эль-Регистана после беседы с тов. Сталиным И. В., они в тот же день в 14. 00 представили 3 варианта третьего куплета тов. Ворошилову К. Е.

Тов. Ворошилов К. Е., ознакомившись с представленными вариантами нашел, что куплет о Красной Армии может быть сделан лучше. В подробной беседе авторы получили конкретные указания и советы, после чего здесь же, в Кремле, продолжили работу над текстом.

В 17. 45 ими было представлено т. Ворошилову 7 вариантов вновь написанного куплета текста. Тов. Ворошилов К. Е. рассмотрев текст, направил тов. Сталину И. В. ...»

«Дневник». Л. 182–183

«...После прослушивания восьми отобранных гимнов в Бетховенском зале Большого театра мы с Сергеем в 11 часов вечера пришли ко мне в «Москву». Здесь было пол-литра водки. Выпили вчетвером (еще С...[24] и Брагин[25]) поделились впечатлениями и в час ночи он ушел. Я еще лежал с книгой, как вдруг позвонил Сергей и сообщил, что только что говорил со Сталиным по телефону. И нам необходимо срочно посоветоваться. Я пошел к нему. Было 2 — 2. 30 утра 27 октября. Оказалось: ровно в два ночи позвонил А. Н. Поскребышев[26] и сообщил, что будет говорить Сталин. Иосиф Виссарионович сказал Сергею, что вот прослушивание его убедило, что текст коротковатый («куцый»). Нужно прибавить один куплет с припевом. В этом куплете, который по духу и смыслу должен быть воинственным, надо сказать: 1) о Красной Армии, ее мощи и силе; 2) о том, что мы бьем фашизм и будем его бить («фашистские полчища» — так он выразился). На то что-

[24] Фамилия неразборчива.

[25] Брагин В. Г. (?–1972) — писатель, оперный либреттист.

[26] Поскребышев А. Н. (1891–1965) — зав. Особым сектором ЦК ВКП (б).

бы это сделать, Сталин дал срок несколько дней, сказав: ведь музыка на все куплеты одинаковая, следовательно, мы можем работать до конца прослушивания. Мы с Сережей в три часа ночи сели за работу. Была и Наташа[27]. Она, между прочим, поражалась, как я предугадал многое. (Приехали слушать они Гимн сразу после заседания тройственной конференции Идеен — Хелл — Молотов)[28]. К шести 30 утра с Сергеем мы написали шесть вариантов третьего куплета и один вариант припева. Я спал всего 2 часа. Пришел ко мне в номер Сергей, опять поработали, сделали еще один вариант. Позвонили к полковнику Китаеву[29] о приеме у К. Е. Ворошилова. «Пожалуйста. В любое время. Милости просим». Условились через час-полтора, опоздали. (Ездили на Тушино за продуктами моими, авария с машиной, задержались) оказывается, Китаев уже нас ищет по телефонам. Нас приняли исключительно тепло. Дали машинистку. Перепечатали варианты. Зашли к К. Е. в кабинет. Он был отменно любезен. В руках у него был печатный текст гимна, на котором он записал мысли тов. Сталина о третьем куплете («фашизм»... Красная Армия и еще что то). Ворошилов меня спросил: «Ну, как, Регистан, больше никаких снов не видели?» — Я ответил: «К сожалению, нет, хотя я с удовольствием посмотрел бы сон, что Гимн уже принят и опубликован». Посмеялись. Нам дали комнату для работы, чай, бутерброды. Это был опять кабинет Землячки, где мы первый раз уже работали. Ворошилову хотелось, чтоб мы сделали куплет еще более воинственным... У него оставалось полтора часа до Международной конференции, на которую он собирался ехать. Мы сделали вариант «7а» и новый припев, причем последние две строки звучали так: «Фашистские полчища мы побеждали. Мы били, мы бьем их и будем их бить!»... Прочли Китаеву, посоветовались, он обратил внимание, что «мы бьем их» при пении сливается: «ебём их»... Тут же нашли слова и получилось так: «Мы били их насмерть и будем их бить!»... Это очень понравилось Ворошилову (Мы очень смеялись по поводу «ебём их», причем я сказал, что это совсем неплохо для деревни. Он согласился, хохотал и говорил: «Ебём их! Это неплохо, если б это не был гимн!»). Поговорили о прослушивании. Предлагали провинциальных композиторов предварительно отобрать. (Масса времени уходит, а надо скорее!) Очень смеялись, когда Сергей вспомнил о четырех евреях в коротеньких брючках, которые спели гимн какого-то композитора-еврея, не сводя глаз с Ворошилова. Я напомнил одного из них с удивленно поднятой бровью. Хохотали буквально до слез. Прощаясь, Ворошилов сказал: «Ну, с вас скоро магарыч! Будет-будет». Ушли к Китаеву. Отсюда мне вызвали Ташкент. Мы поговорили с Валей. Я был безгранично счастлив. Ушли из Кремля в 17. 45 вечера...»

«Записки Эль-Регистана». Л. 21–21 об

---

[27] Кончаловская Н. П. (1903–1988) — поэтесса и писательница, жена С. М. Михалкова.

[28] Речь идет об одном из заседаний Московской конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США, проходившей 19–30 октября 1943 г.

[29] Китаев Л. М. (1904–1968) — полковник, денщик К. Е. Ворошилова.

Сцена 17. **Кабинет Сталина в Кремле**

28 октября

«...22 ч. 20 м. тов. Сталин И. В. принял т. т. С. Михалкова и Г. Эль-Регистана в присутствии т. т. Молотова В. М., Ворошилова К. Е., Берия Л. П., Маленкова Г. М. и Щербакова А. С. для обсуждения вариантов третьего куплета.

Тов. Сталин И. В. высказал пожелание ярче оттенить мысль о захватчиках, указав, что представленные авторами варианты текста третьего куплета в этом отношении не совсем отвечают предъявленным требованиям.

т. т. С. Михалков и Г. Эль-Регистан здесь же в Секретариате тов. Сталина И. В. продолжили работу над третьим куплетом. Закончив ее в 23 ч. 20м., авторы текста вторично были приняты тов. Сталиным И. В. в присутствии указанных выше членов Политбюро ЦК ВКП (б).

При вторичном обсуждении куплета тов. Сталин И. В. главное внимание уделил второй строке, которая была представлена в следующих вариантах:

1. *«Любого врага мы с дороги сметем».*
2. *«Врагов и захватчиков в битвах сметем».*

Тов. Сталин И. В., критикуя второй вариант строки указывал, что нельзя объединять словом «и» — врагов и захватчиков, что такое объединение логически ведет к противопоставлению, т. е. получается, что есть враги — не захватчики, и есть захватчики — не враги.

Тов. Ворошилов К. Е., поддерживая это высказывание, критикует первый вариант строки: «Любого врага»..., указывая, что прилагательное «любой» происходит от слова «любовь» и, стоит только переставить ударение в прилагательном «любой» как оно кардинально изменит смысл.

В процессе обсуждения строки т. Сталин И. В. нашел нужное слово, и строка приняла окончательную редакцию:

«Захватчиков подлых с дороги сметем»[30].

После этого подверглась обсуждению четвертая строка, предложенная поэтами в редакции:

«Мы к славе Отечество наше ведем».

Тов. Сталин И. В. указал, что в ней мало динамики и недостаточно выражен призыв.

В результате строка принимает следующий вид:

«Мы к славе Отчизну свою поведем».

После этого окончательно утверждается текст всего гимна.

Одновременно т. Сталин И. В. указал на необходимость проставить в тексте гимна фамилии его авторов и проставил их собственноручно.

Выносится следующее решение ЦК ВКП (б):

---

[30] См. отрывочные записи Эль-Регистана: «Военный костюм — звезда, погоны...Поэты ругают? Им не нравится, когда мы новых людей поднимаем. Враги — захватчики. <...> Две минуты походил: «А подлых?» Опубликование. Узкий круг. Слухи идут — нужно чтоб имя знали, привыкли». (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 3399. Л. 35.)

"23 октября 1943 года

ЧЛЕНАМ И КАНДИДАТАМ ЦК ВКП (б) т. ВОРОШИЛОВУ

Сообщается в окончательной редакции Гимн Советского Союза:

ГИМН СОВЕТСКОГО СОЮЗА
(*Текст С. Михалкова и Эль-Регистана*)

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов,
Единый, могучий Советский Союз!

Живи в веках, Страна Социализма!
Пусть наше знамя миру мир несет.
Живи и крепни, славная отчизна!
Тебя хранит великий наш народ.

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Живи в веках, Страна Социализма!
Твоя звезда к победам нас ведет.
Живи и крепни, славная отчизна!
Тебя хранит великий наш народ.

Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметем!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отечество наше ведем!

Живи в веках, Страна Социализма!
На страх врагам иди всегда вперед.
Твое оружье, славная отчизна,
В руках надежных держит наш народ.

СЕКРЕТАРЬ ЦК И. Сталин"»

«Дневник». Л. 183–185

Сцена 18. **Большой театр**

1 ноября

«...т. т. Сталин И. В., Молотов В. М., Ворошилов К. Е., Берия Л. П., Маленков Г. М. и Щербаков А. С. в хоровом и симфонически-оркестровом исполнении (на сцене Большого театра) прослушали музыку 14 композиторов — 15 вариантов: Александрова А. В., Шостаковича, Новикова, Блантера, Шапорина, Хачатуряна, Хренникова, Коваля, Прокофьева, Разоренова, Чернецкого (2 варианта), Александрова Б. А., Кручинина, Матюшевича.

В результате прослушивания, ни один из представленных вариантов музыки не был признан удовлетворительным.

В ту же ночь в 0.35 м. тов. Ворошилов в телефонном разговоре с т. С. Михалковым сообщил авторам текста о желании Правительства иметь запасной припев к тексту в размере припева музыки «Гимн партии большевиков». Во время этого же разговора тов. Сталин И. В., взяв трубку, высказал пожелание, чтобы авторы, сохранив в основном содержание припева обратили особое внимание на то, чтобы в нем было подчеркнуто, что наше государство советское...»

«Дневник». Л. 186

«...В Большом театре с 9.00 (вечера) прослушались 14 гимнов. Хор. Оркестр. Присутствовали: т. т. Сталин, Молотов, Берия, Ворошилов, Щербаков, Маленков. Окончилось около часу ночи. Мы были в Директорской ложе, нас не предупредили (баллы, волнение). Ночью у Храпченко. Звонок Китаева: где мы? Ворошилов говорит с Сергеем о музыке Александрова. Передает трубку Сталину. Тот говорит: оставить куплеты, переменить лишь припев — страна Советов, если трудно будет Страну Социализма. Условие: секрет! Трижды предупредил нас Китаев. Всю ночь работали у Сергея...»

«Записки Эль-Регистана». Л. 34

Сцена 19. **Кабинет Ворошилова в Кремле, затем Большой театр**

2 ноября

«...В 13.00 т. Ворошилов К. Е. принял т. т. Михалкова и Эль-Регистана, которые представили написанные ими варианты нового припева.

Тов. Ворошилов К. Е. признал варианты неудовлетворительными и предложил продолжать работу...»

«Дневник». Л. 186

«...Позвонили Китаеву. В час дня нас пригласили к К. Е. Сидели сначала у Китаева, был Щербаков и ген. Игнатьев. Игнатьев стал рассказывать об иске франц. Правительства на 27 млрд франков. История с золотыми часами у министра финансов. Пришел К. Е. Мы у него. Я не брит. Извинился — нет ножей. Мы сейчас побреем. Вызвал полковника: два десятка, а когда кончится — еще по десятку. Разговор по тексту. Хорошо что вы отговорили т. Сталина печатать текст. Выясняется, что ни одна музыка не понравилась. Стал приводить примеры, показав удивительное знание музыки и вкус. («Гей, баргузин», «Быстры как волны» из Садко и т. д.). Перешел к гимну Александрова и сказал, что по крайней мере наш текст ему не совсем не понравился — он просил над ним поработать. Мы ему рассказали о большой работе комитета, Сурина и др. Пробыли мы до 6 часов вечера. Пили чай, закусили.

Пришли в Бетховенский зал после начала просмотра. Идет провинция — грузины, узбеки и пр. Мы передали Китаеву записку, что у нас готов при-

пев. Нас пригласили в комнату внизу. Стол. Виноград, яблоки, вино, пиво, водка, коньяк. Прочли. Ему понравилось. Щербаков: «Придется им дать Кумача». Я ответил: «А мы можем сделать просто, положить на стол свой текст, передайте ему, пусть он перелицовывает». Щербаков рассердился. «Музыка Кумача». К. Е. нас защищает: «Они хорошо работают. Сделают». Щербаков: «Родина Ленина и Родина Сталина! Коньяк уважаете?» Михалков отказался. Я — «отчего же, выпью!»... После перерыва опять сидели в Бетховенском зале и до 1 часа 30 ночи слушали музыку... Мы посоветовались. Написали записку Китаеву, чтоб разрешили нам поработать с Александровым (в тайне). Он предложил — напишите К. Е. Я написал, подписал за обоих, дал К. Е. В[орошилову][31]. Тот сейчас же сказал Храпченко. Ночью условились, что утром вызовут Александрова и ему скажут...»

«Записки Эль-Регистана». Л. 34 об.

Сцена 20. **Кремлевский кабинет, затем дача Ворошилова**

3 ноября

«...В результате работы т. т. С. Михалков и Г. Эль-Регистан (совместно с композитором А. В. Александровым) в 18.00 были приняты т. Ворошиловым К. Е. Авторы ознакомили т. Ворошилова К. Е. с новыми вариантами припева, которые были одобрены и направлены т. Сталину И. В. В этот же день т. Ворошилов К. Е. совместно с т. т. С. Михалковым и Г. Эль-Регистаном, заслушали музыку т. А. В. Александрова «Гимн партии большевиков» с новыми словами и припевом, исполненной автором на рояли. Тов. Ворошилов К. Е. дал совет композитору внести большую плавность и торжественность в припев...»

«Дневник». Л. 186–187

«...С утра немного поработали над текстом припева. Он у нас получается. Рифмуем все четыре строки. Я ухожу в киностудию работать над текстом.

Сергей уезжает к Александрову пробовать на музыку. До трех дня мы дважды с ним созваниваемся. Читает мне текст. Все ложится. Условились и встретились у Храпченко в 3 часа дня. Перепечатали. От К. Е. звонили. Уже ждут нас. Александров там. Едем к К. Е. В[орошилову]. Сразу к нему. Ему понравилось. Сейчас же отправил к тов. Сталину со своей запиской. Нас пригласил к себе обедать на дачу. Едем. На одной машине он с Александровым А. В., на другой — мы с Л. А. Щербаковым и Л. М. Китаевым. По пути — анекдоты, смех, веселье. Едем по Дмитровскому [шоссе]. Приехали раньше К. Е. Сергей с Щ[ербаковым] играет на бильярде. Я осматриваю картины,

[31] «Тов. Китаев! Мы очень просим, чтоб Климент Ефремович разрешил нам (через тов. Храпченко) встретиться с Александровым завтра и поработать с текстом. На музыку Александрова. Можно предупредить, чтоб об этом ни слова. С. Михалков. Эль-Регистан». (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 3399. Л. 23. Автограф Эль-Регистана.)

альбом. (На шелку ... — замечательно.) Приезжает К. Е. Очень удивлен, что мы раньше. Приглашает вниз. Накрыт стол. Вино белое и розовое. Домашняя перцовка. Огурцы хранятся в воде в бочке. (Собственное изобретение К. Е.) Твердые, хрустящие. Помидоры маринованные, грибы. Все очень вкусно. Свой настой, свой засол...[32] Икра. Вареный рассыпчатый картофель. Масло. Вареное мясо. Знакомит с внуками. Клим 7 лет и Володя 5 лет. Дедушка разрешает дать пива. Очень гостеприимен. Перцовка? — «Я все пью». — «Вот это правильно».

За обедом оживленная беседа. Сергей очень много рассказывает. Пьем за победу. К. Е. очаровательный собеседник. Любит и умеет слушать. Когда рассказывают что-нибудь примечательное, оглядывает каждого: как мол? Вы слышите? Удивительно подражает заикам. Весел. Рассказал о баране на вертеле. Случай с кабаном и Герасимовым[33]. Сергей читает «Данилу Кузмича». Ему очень нравится. Зовет внуков. Сергей читает «Дядю Степу» и «Мы с приятелем». Внуки учат по-немецки. Младший ужасно милый и смешной. Декламирует по-немецки. Учат язык. Рассказ о Филиппове (?). Мы рассказываем какую огромную работу провели Храпченко и Сурин. К. Е. В[орошилову] очень обидно, что с композиторами не получается. Болеет. Разговор о Московском. Показываем бомбу[34]. Идем к роялю. Александров играет. Пробуем наши слова. Потом новый — его гимн. Звучит очень неплохо. Опять в столовую. По рюмке вина. Дарит шеколад. Уезжаем вчетвером плюс Александров...»

«Записки Эль-Регистана». Л. 31–31 об.

---

[32] Одно слово неразборчиво.

[33] Видимо, речь идет о художнике Герасимове С. В. (1885–1964).

[34] Эль-Регистан имеет в виду самодеятельную сценку-скетч про неразорвавшуюся немецкую бомбу. «...изюминка нашего с Габо маленького актерского экзерсиса, который мы проделывали не раз в дружеском кругу фронтовых корреспондентов, состояла в том, что будто бы где-то в Подмосковье, на даче упала бомба, и вызвали команду противовоздушной обороны. Приехал офицер, то есть я в сталинской фуражке. Трусливый офицер, который боялся шагу ступить по участку, где лежала неразорвавшаяся бомба. И потому спрашивал у населения, поглядывая на опасный предмет издалека:

— Здесь упала бомба?

— Здесь, — отвечают.

— Посмотрите, есть на бомбе какой-нибудь знак!

— Да вы сами сходите и посмотрите...

— Не могу, — ответствует вояка, — все мои подчиненные уже подорвались, я один остался.

— А как же теперь быть-то? — закручинилось гражданское население в лице Габо.

— Так вон же девочка стоит! — оживлялся я в роли смышленого вояки. — Девочка, а девочка, сходи посмотри на бомбочку, какая она есть.

— Как можно! Ребенок же! Вдруг бомба взорвется! И девочка погибнет! — продолжает Габо.

Но я, чуть заикаясь, но весьма бодро отзываюсь:

— Ну и что? Война без жертв не бывает!»

(См. *Михалков С. В.* От и до... М., 1998. С. 161–162).

Сцена 21. **Кабинет Сталина в Кремле**

4 ноября

«...В 9 час. Сергей мне звонит. Просят опять к тов. Сталину. Прислали машину. Въезжаем без пропусков. Нас принимают там же и те же. Тов. Сталин дает текст. «А ну, посмотрите, как получилось». Он весь в его пометках. Поставлены единица, двойка, тройка. Варьируются слова: «дружбы», «счастья», «славы». Слова «священный оплот» заменены на «надежный оплот». Щербаков спрашивает о «мире». Не надо. Мы хвалим. Действительно хорошо. Везде теперь одинаково — запомнят. «Нас от победе к победе ведет» — хвастовство. Надо — говорит — «Пусть от победы к победе...» Заметил, «Отчизну свою поведем». Это хорошо. В будущее. Идем печатать. Возвращаемся. Сразу же читает. Каждого опрашиваем. Примем? Разговор о музыке. Сталин: «быстры как волны» ... «баргузин». Только у Шостаков[ича] и Хачатуряна — свое. Мы ссылаемся на свой опыт. С ними бы поработать. Берия. Ворошилов: Верно. Кто-то (Маленков?) предлагает: раздать всем композиторам с новым припевом, пусть пишут. К. Е.: «Тогда пусть кто хочет занимается. Я их больше ста прослушал. Осатанел!» Сергей спрашивает: хорошо бы к празднику. Ворошилов вспылил: надо 33 шт. еще прослушать!.. Разговор о Гимне большевиков (перерастает в Государственный). Он соглашается с этим. Я уточняю. Принять два текста. Александровский как запасной. «На страховку». Поручает нам передать это Храпченко. Говорит об Александрове: "сводит к маршам, прибавить басов, медленнее и торжественнее"...»

«Записки Эль-Регистана». Л. 31–32

«В 21. 00 в своем кабинете т. Сталин И. В. в присутствии т. т. В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, Л. П. Берия, Г. М. Маленкова и А. С. Щербакова принял т. т. С. Михалкова и Эль-Регистана. Одобрив работу авторов над текстом припева, т. Сталин И. В. внес следующие предложения:

а) оставив припев в целом неизменным, во всех трех случаях менять лишь первые слова второй строки, взяв их из представленных вариантов, а именно:

"ДРУЖБЫ НАРОДОВ"...

"СЧАСТЬЯ НАРОДОВ"...

"СЛАВЫ НАРОДОВ"...

б) в этой же строке выражение "СВЯЩЕННЫЙ ОПЛОТ" заменить "НАДЕЖНЫЙ ОПЛОТ";

в) последнюю строку припева "НАС ОТ ПОБЕДЫ К ПОБЕДЕ ВЕДЕТ" сформулировать: "ПУСТЬ ОТ ПОБЕДЫ К ПОБЕДЕ ВЕДЕТ".

В 21.35 текст нового припева с указанными выше поправками утверждается, как запасной (на случай, если будет принята музыка Гимна партии большевиков т. А. В. Александрова)...»

«Дневник». Л. 187

Сцена 22. **Большой театр**

11 ноября

«...В период с 16 октября по 11 ноября 1943 года т. т. Ворошиловым К. Е. и Щербаковым А. С. в присутствии т. Храпченко в Бетховенском зале Боль-

шого театра прослушивалась музыка, написанная композиторами на утвержденный 25. IX текст С. Михалкова и Г. Эль-Регистана. Прослушиваются:

16 октября	13 композиторов	— 14 вариантов
22 октября	20 композиторов	— 21 вариант
25 октября	26 композиторов	— 27 вариантов
28 октября	25 композиторов	— 27 вариантов
2 ноября	22 композитора	— 26 вариантов
8 ноября	36 композиторов	— 36 вариантов
11 ноября	2 композитора	— 2 варианта
	Итого	— 153 варианта

Среди 144 композиторов, предствивших музыку, имелись: 1 представивший 3 варианта, 7 композиторов — по 2 варианта, 6 композиторов — по 4 совместных варианта. Всего 144 композиторами было представлено 153 варианта музыки Гимна.

Кроме того из числа 40 композиторов (писавших ранее музыку на тексты других поэтов) 29 композиторов приняли участие в создании музыки на текст С. Михалкова и Эль-Регистана.

Всего таким образом было прослушано 208 вариантов музыки нового гимна, написанных 155 композиторами.

На 1 декабря дополнительно представили нотный материал музыки гимна на текст С. Михалкова и Эль-Регистана еще 16 композиторов (из них один представил повторный вариант) 15 вариантов.

Всего же приняло участие в создании музыки нового гимна 170 композиторов, представивших 223 варианта.

По территориальному признаку композиторы распределяются:

Город	**Композиторы**	**Представлено вариантов**
Москва	111	162
Ташкент	16	16
Алма-Ата	14	14
Тбилиси	12	12
Баку	7	6
Свердловск	3	3
Фрунзе	2	3
Ашхабад	2	2
Тамбов	1	1
Чкалов	1	1
Ярославль	1	1
Итого:	170	223[35]

«Дневник». Л. 180–181

[35] Сумма представленных вариантов равна 221, но в подлиннике указано 223.

Сцена 23. **Большой театр**

16 ноября

«...В результате прослушивания 208 вариантов музыки гимна, написанных 155 композиторами Советского Союза, и после того, как 16 ноября т. т. Сталин, Молотов, Ворошилов, Берия, Маленков, Щербаков прослушали в хоровом и оркестровом исполнении (на сцене Большого театра) музыку Александрова А. В., Шостаковича, Хачатуряна, Туския, Оранского, Свешникова, Шаверзашвили, Иванова-Сокольского, Баланчивадзе, Бархударяна и Шорина, — в последний тур выделяется музыка трех авторов — А. В. Александрова «Гимн партии большевиков», совместный вариант Шостаковича—Хачатуряна и Туския.

т. т. Шостаковичу, Хачатуряну и Туския предоставляется срок для написания музыки на новый припев в соответствии с размером припева Гимна партии большевиков...»

«Дневник». Л. 187—188

Сцена 24. **Профессорская квартира в Москве**

6 декабря

М. А. Сиринов[36] ***— К. Е. Ворошилову***

Профессор А. В. Александров — мой близкий родственник. Я заинтересовался вопросом создания нового национального гимна.

Гимн в словесном выражении должен быть краток. По содержанию — торжественен. Фонетически должен быть построен так, чтобы дать композиторам возможность применить звучание, придающее музыкальному оформлению наибольшую торжественность.

Образцом может служить наш дореволюционный гимн. При предельной краткости он фонетически построен так, что в нем преобладают гласные буквы «а», «о», «е», «и». Недаром он и был удачным.

Текст, предложенный Михалковым, над которым сейчас потеют композиторы, не отвечает ни одному из вышеуказанных требований.

Профессор *М. А. Сиринов*

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 54. Д. 17. Л. 157. Автограф

Сцена 25. **Большой театр**

13 декабря

«...т. т. Сталин И. В., Молотов В. М., Ворошилов К. Е., Калинин М. И., Жданов А. А., Берия Л. П., Маленков Г. М. и Щербаков А. С. прослушали

[36] Сиринов М. А. (1878—?) — профессор, доктор экономических наук. До октября 1917 г. преподавал в Юрьевском и Санкт-Петербургском университетах; позднее работал в Москве в ряде высших учебных и научных учреждений.

доработанную (на новый припев) музыку композиторов Шостаковича–Хачатуряна, Туския и А. В. Александрова в исполнении симфонического оркестра Большого театра под управлением дирижера Мелик-Пашаева и хора А. В. Александрова.

На этом прослушивании был сделан окончательный выбор музыки гимна...»

«Дневник». Л. 188

Сцена 26. **Кабинет Сталина в Кремле**

14 декабря

Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 14 декабря 1943 г.
«О гимне Союза Советских Социалистических Республик»

ЦК ВКП (б) постановляет:

1. Утвердить следующий текст государственного гимна Союза Советских Социалистических Республик:

ГИМН СОВЕТСКОГО СОЮЗА

(*Текст Сергея Михалкова и Эль-Регистана*)

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов,
Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Славься, Отечество наше свободное,
Счастья народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметем!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведем!

Славься, Отечество наше свободное,
Славы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

2. Принять для государственного гимна Союза Советских Социалистических Республик музыку гимна партии большевиков композитора Александрова А. В.

3. Поручить Комитету по делам искусств при СНК СССР привлечь специалистов и поручить им совместно с Александровым А. В. улучшить оркестровку государственного гимна СССР.

4. Поручить секретарю Президиума Верховного Совета СССР тов. Горкину А. Ф. и Председателю Комитета по делам искусств при СНК СССР т. Храпченко М. Б. в месячный срок организовать перевод текста государственного гимна СССР на языки народов Советского Союза.

5. Обязать Комитет по делам искусств при СНК СССР обеспечить издание текста и музыки государственного гимна СССР массовыми тиражами, предусмотрев отдельные издания для хоров, симфонических и духовых оркестров.

6. Ввести повсеместное исполнение государственного гимна Союза Советских Социалистических Республик с 15 марта 1944 года.

7. Постановление ЦК ВКП (б) от 28 октября с. г. о тексте гимна Советского Союза отменить.

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП (б) И. СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1385. Л. 158–160. Подлинник. Машинопись

Сцена 27. **Канцелярия Совнаркома СССР**

22 декабря

«...В газете “Правда” и во всех других газетах опубликовывается нижеследующее решение:

“В Совнаркоме Союза ССР

О ГОСУДАРСТВЕННОМ ГИМНЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Ввиду того, что нынешний государственный гимн Советского Союза «Интернационал» по своему содержанию не отражает коренных изменений, происшедших в нашей стране в результате победы Советского строя, и не выражает социалистической сущности Советского государства, — Совет Народных Комиссаров Союза ССР решил заменить текст государственного гимна новым текстом, соответствующим по своему содержанию духу и сущности Советского строя.

Утвержден следующий текст нового государственного гимна:

ГИМН СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

(*Текст Сергея Михалкова и Эль-Регистана*)[37]

...Для нового государственного гимна принята музыка композитора Александрова А. В.

[37] Текст гимна опущен. См. выше.

Ноты к музыке гимна будут опубликованы особо[38].

Повсеместное исполнение нового государственного гимна вводится с 15 марта 1944 года"».

«Дневник». Л. 190–191

Сцена 28. **Кабинет комиссара государственной безопасности 2-го ранга Абакумова[39] в НКВД**

23 декабря

Главное управление контрразведки «Смерш» — И. В. Сталину[40]

Сов. секретно
Экз. № 1

Государственный комитет обороны
товарищу СТАЛИНУ

Опубликованное в печати решение Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О государственном гимне Советского Союза» вызвало широкий отклик среди военнослужащих Красной Армии.

Генеральский и офицерский состав Красной Армии одобряют замену «Интернационала» новым государственным гимном, текст которого славит нашу великую советскую Родину, нерушимый союз свободных республик и «соответствует по своему содержанию духу и сущности советского строя».

ЯКОВЛЕВ, генерал-полковник — начальник Главного Артиллерийского Управления Красной Армии:

«За границей это будут расценивать, как шаг назад, как уступку союзникам, а на самом деле это не так. Ведь сколько таких шагов мы сделали за войну: комиссаров ликвидировали — ничего не случилось, даже лучше стали воевать, генеральские и офицерские звания ввели, погоны всем надели — дисциплину укрепили.

Святейший синод создали, патриарха выбрали, Коминтерн распустили и, наконец, отменили «Интернационал» и все это на пользу родине.

Как может быть «Интернационал» с немецким зверем, истребившим сотни тысяч советских людей, превратившим нашу страну в пустыню.

Истребление фашистской нечисти — вот какие задачи сейчас должны стоять, а поэтому все, что может ускорить гибель фашизма, должно быть использовано для этого».

---

[38] Ноты были опубликованы в газетах 1 января 1944 г.

[39] Абакумов В. С. (1908–1954) — в 1943–1946 гг. — начальник Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР, одновременно заместитель наркома обороны СССР, с мая 1946 г. по июль 1951 г. — министр государственной безопасности СССР. В июле 1951 г. арестован, в декабре 1954 г. расстрелян.

[40] На первом листе документа имеется резолюция И. Сталина красным карандашом: «Важно. Нужно кой-кого пощупать. И. Ст.».

НОВИКОВ — маршал авиации — командующий ВВС Красной Армии:

«Содержание гимна сильное. Видимо также сильно будет звучать и музыка. Это мероприятие вполне своевременное, так как старый гимн уже себя изжил и его содержание не соответствует духу времени».

СЕВОСТЬЯНОВ — полковник, начальник инженерного отдела 5 армии Западного фронта:

«Новый гимн Советского Союза соответствует настоящему времени и значительно отражает роль Верховного Главнокомандующего товарища СТАЛИНА».

НИКИТИН, генерал-полковник авиации — заместитель командующего ВВС Красной Армии:

«Замечательный гимн. Содержание его очень и очень долговечно. Именно такой гимн нам и нужен. В каждом слове нового гимна чувствуется большая сила нашего народа».

ДМИТРИЕНКО — полковник — начальник отделения штаба тыла Красной Армии:

«В новом гимне очень правильно упоминается о Ленине и Сталине, где говорится, что «нас вырастил Сталин — на верность народу». Это отражает эру великих людей, создание Советского Союза и воспитание живущих в нем героических людей».

ТЕКМАЗОВ, генерал-майор — начальник разведывательного отдела штаба Белорусского фронта:

«Новый текст гимна учит любить Родину, отечество конкретно, а не вообще. Он складывает смысл понятия об отчизне и главное, что Советский Союз сплотила «Великая Русь». В гимне говорится об отечестве и при этих словах рождается у каждого гордость за свой народ и союз всех народов советской страны».

РАХМАНОВ, генерал-майор медицинской службы — член Центральной военно-врачебной комиссии Красной Армии:

«Новый гимн полностью отражает политическое положение нашего государства. Его содержание основано на выступлениях товарища СТАЛИНА и его исторических указаниях».

ЖУРАВЛЕВ, генерал-лейтенант авиации — начальник Оперативного Управления штаба ВВС Красной Армии:

«Новый гимн Советского Союза созвучен нашей эпохе. Текст его корректировал лично товарищ СТАЛИН. Очень важно теперь, чтобы на эти слова была бы написана хорошая музыка».

МАКАРОВ, полковник — начальник финслужбы штаба Отдельной Московской армии ПВО:

«Текст очень хорош и все охватывает: первый куплет Русь, второй куплет — ЛЕНИН и СТАЛИН и третий — Красная Армия. Припев — о дружбе народов».

СМОЛЕНСКИЙ, майор — старший помощник разведотделения Управления артиллерии штаба 33 армии Западного фронта:

«Этот замечательный гимн о ЛЕНИНЕ и СТАЛИНЕ должны петь все народы и не в какой-либо песне, а в государственном гимне».

КОНДРАТОВ, полковник — начальник штаба 72 стрелкового корпуса 5-й армии Западного фронта:

«Слова нового гимна отражают силу советских республик, сплотившихся вокруг Советской России. Они говорят об отечестве, о дружбе народов, о великих вождях ЛЕНИНЕ и СТАЛИНЕ, которые показали путь русскому народу и вдохновили его на подвиги и борьбу с зарвавшимися фашистами».

БОГДАНОВ, подполковник — помощник командира 2-й дивизии аэростатов заграждения Особой Московской Армии ПВО:

«Раз был распущен Коминтерн, как сыгравший свою роль в организации рабочего класса, значит и гимн «Интернационал» отжил свои функции. Наше Правительство очень правильно поступило, что ввело новый текст государственного гимна, где отражается весь пройденный путь Советской власти за 26 лет существования и ярко отражается роль основоположников нашего государства — Ленина и Сталина».

МОТАЕВ, инженер-полковник — начальник отдела Главного Управления Инженерно-авиационной службы ВВС Красной Армии:

«Наконец-то вспомнили про великую Русь, а то ведь ее совсем было забыли. Из русского лексикона это слово было вычеркнуто. Это было большой ошибкой.

Основой нашего государства, из которой возник Советский Союз, была Россия. На этой основе и надо воспитывать. Это слово создает большие традиции, в которых мы так нуждаемся».

<...>

Высказывая положительные отзывы о замене государственного гимна Союза ССР новым текстом, некоторые генералы и офицеры Красной Армии считают, что это сделано под влиянием нашего сотрудничества с союзниками — Англией и Америкой.

ВОЛЬСКИЙ, генерал-лейтенант — заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии:

«Раз у нас завязались дружественные отношения с англичанами и американцами и при всяких встречах они вынуждены играть «Интернационал», а это им, конечно, не по нутру, надо было ввести новый гимн, соответствующий духу времени и не умаляющий достоинства Советского Союза. Новый гимн — хорош, послушаем, как он будет звучать в исполнении».

ГРЕНДАЛЬ, генерал-лейтенант авиации — начальник Разведывательного Управления штаба ВВС Красной Армии:

«Хорошо, что вспомнили, наконец, в гимне о Руси, но все-таки мне кажется, что здесь есть некоторая уступка РУЗВЕЛЬТУ и ЧЕРЧИЛЛЮ».

СЫЧЕВ, инженер-подполковник — начальник учетно-планового отделения Управления вооружения зенитной артиллерии Красной Армии:

«Вставай проклятьем заклейменный» — теперь недопустим при наших дружеских отношениях с Англией и Америкой. Это является уступкой союзникам. Вот если бы они потребовали изменения существующего строя и выбора царя, мы, безусловно, на это не пошли бы».

ВОРОБЬЕВ, подполковник — преподаватель Высших Политических курсов имени Ленина:

«Все это делается под большим влиянием союзников. Они диктуют свою волю, тем более им это удается сейчас, когда наша страна серьезно обессилена в войне и с их волей приходится считаться. Поэтому приходится отказываться от гимна, который завоеван кровью рабочих России».

РЖЕВСКИЙ, майор — старший помощник начальника отдела Управления бронетанковых и мотомехвойск штаба 49 армии Западного фронта:

«Замена «Интернационала» новым гимном произведена, как и другие мероприятия, под давлением наших союзников. Наше Правительство идет на все, чтобы быстрее открыть второй фронт».

<...>

КРЫЛОВ, полковник — начальник отделения Главного Интендантского Управления Красной Армии:

«Мы идем постепенно к тому, что появится и гимн «Боже царя храни». Мы постепенно меняем нашу основную установку и подходим к тому, чтобы быть приятными для наших союзников».

ВОРКОВ, майор — старший помощник начальника отдела боевой подготовки штаба Белорусского фронта:

«Тут не обошлось без нажима РУЗВЕЛЬТА и ЧЕРЧИЛЛЯ, которые заставили товарища СТАЛИНА изменить наш гимн, так как в нем было сказано «весь мир насилья мы разрушим до основания», что им не нравилось».

ПАССОВА — преподаватель немецкого языка Химической академии Красной Армии:

«Это дело англичан, это их влияние, это они пришли к тому, что у нас сейчас до смешного высоко поднято положение церкви. Это они заставили отказаться от самых лучших идеалов и ликвидировать Коминтерн. Это они сейчас заставили отменить «Интернационал». Какой бы ни был новый гимн, он для меня никогда не будет тем, чем был «Интернационал». Я пожилой человек, но всякий раз, когда я слышу «Интернационал», у меня от волнения мурашки бегают по коже. Нет, я против. Это все влияние Англии».

<...>

БЕЛОВ, полковник интендантской службы — заместитель начальника Финансового Управления Главного Артиллерийского Управления Красной Армии:

«Гимн «Интернационал» был несовместим с роспуском Коминтерна, так как мы в нем призываем разрушить старый мир и построить новый. Если бы мы этого не сделали, то к нам было бы какое-то недоверие со стороны Англии и Америки».

Часть офицеров Красной Армии высказывает отрицательные суждения о замене «Интернационала» новым текстом государственного гимна Союза ССР, а некоторые считают, что новый гимн будет существовать только в период Отечественной войны, после чего его заменят другим текстом гимна или даже возвратятся к «Интернационалу».

КОПЫЛОВ, инженер-майор — начальник 3 отдела Импортного Управления ВВС Красной Армии:

«Гимн не отражает величия и пафоса мирного строительства, о чем мы все время говорили до войны».

ГОЛЬЦЕВ, майор — специальный корреспондент газеты Авиации Дальнего Действия «Красный Сокол»:

«Из известных мне гимнов ряда государств это будет самый неудачный гимн по своему художественному и внутреннему содержанию — это сбор грубо рифмованных лозунгов, в котором нет той силы и красоты, как в монархическом гимне "Боже царя храни"».

ПЕТРОВ, инженер-подполковник — начальник отдела эксплоатации Управления бронетанковых войск Волховского фронта:

«Жалко расставаться с бывшим гимном Советского Союза. «Интернационал» отражал порыв, героизм, стремление к борьбе и вообще это был любимый гимн, который облагораживал человека, а новый гимн, хотя мы его и не слушали, однако, судя по содержанию — неинтересен. Не те слова, к которым привыкли. Жалко расставаться с тем, что отражает борьбу за Советскую власть».

ЮНАШ, капитан — начальник 3 отделения Главного Интендантского Управления Красной Армии:

«В тексте гимна нет ничего возвышенного и зовущего. Текст плохо запоминается и вял».

<...>

НОРДКИН, капитан интендантской службы — старший пом. начальника отделения Главного Интендантского Управления Красной Армии:

«Содержание нового гимна не направляющее и даже не констатирующее. В гимне проскальзывает возвеличение русской нации при замалчивании других наций. Темными элементами это может быть использовано, как великодержавный русский шовинизм. Заметно последовательное выпячивание русского народа».

ЯСТРЕБОВ, подполковник — начальник отделения отдела связи Авиации Дальнего Действия:

«Новый гимн Советского Союза состоит из простого набора слов, ну а в отношении музыки к гимну, то от АЛЕКСАНДРОВА ничего хорошего ожидать нельзя, у него вся музыка однообразна и основана на сплошном шуме».

<...>

ЛОМТЕВ, лейтенант административной службы — заместитель начальника отдела военно-морской почты 5-го Управления Главного Управления связи Красной Армии:

«Подумаешь «славься», — это еще при Павле первом пели. Почему «Интернационал» забракован, ведь это боевой революционный гимн и один для всех народов».

ТРИФОНОВ, подполковник — старший помощник начальника оперативного отдела 16 воздушной армии Белорусского фронта:

«Новый гимн вводится временно на период войны для поддержания хороших отношений с Англией и Америкой. Окончится война с немцами, сразу же этот гимн будет отменен и опять будет "Интернационал"».

БАЛЫЧЕВ, инженер-капитан — старший помощник начальника 1-го отдела Управления аэродромного строительства ВВС Красной Армии:

«Мне не нравится текст нового гимна. В нем нет торжественности, а по словам он больше похож на песню, чем на государственный гимн».

<...>

СОКОЛОВ, полковник — старший помощник начальника I отдела Оперативного Управления ВВС Красной Армии:

«Новый гимн — временное дело. Он обнимает только данную эпоху — эпоху Отечественной войны. Строка об армии в нем введена также сообразуясь с данной эпохой, но она после войны отживет».

СПОМПОР, майор — старший помощник начальника Отдела кадров Авиации Дальнего Действия:

«Гимн построен не ритмично и в грубых словах. Как например, увязать слова «Русь» и «Союз». Текст гимна написали какие-то неизвестные до сих пор поэты. За мою жизнь это уже третий гимн. Первый гимн был «боже царя храни», второй — «Интернационал» и третий — опубликованный теперь в газетах. Слова первого гимна подобраны исключительно хорошо по стилю и эластичности в противовес последнему гимну. А музыка первого гимна была настолько хороша, что сейчас вспоминаю, как бывало заиграют гимн, то сердце рвется от мелодии».

МОРОЗОВ, капитан — помощник начальника оперативного отдела 48 армии Белорусского фронта:

«Ну, будет что-то вроде "вдоль по Питерской". По моему каждый гимн должен быть по своему существу консервативным. Всякая смена государственного гимна означает какую-то коренную ломку в политике государства. "Боже царя" еще не ввели. Ей-богу, хороший был бы гимн, а вместо слова "царя" оставили бы "народ"».

Наряду с отрицательными реагированиями о введении нового текста государственного гимна Советского Союза, зафиксированы враждебные высказывания со стороны отдельных военнослужащих Красной Армии.

ЛЕДНЕВ[41] — инженер Центрального конструкторского бюро Главного Управления Гидрометеорологической службы Красной Армии:

«Слабоват новый гимн, зря его ввели и большую сделали ошибку, что ввели туда слова об отдельных личностях».

ПИЛЮГИН, инженер-майор — помощник начальника отдела Управления бронепоездов и бронемашин ГАБТУ Красной Армии:

«Неужели мы 26 лет заклеймены проклятием. Хотя да, заклеймены. «Весь мир голодных и рабов». Верно, — рабы до сих пор и почти полуголодные. Конечно, стыдно петь уже такие вещи. Пусть пишут новые и огребают денежки».

ЛЕВАЧЕВ, капитан — слушатель Высшей офицерской кавалерийской школы Московского военного округа:

«Сегодня запоют одно, завтра другое. Все равно слушать, что Богородицу, что этот гимн. Нужно к этому гимну подобрать мотив на подобие похоронного марша. Нам на него наплевать».

СПЕРАНСКИЙ, инженер-капитан — начальник 3 отдела Главного Управления гидрометеослужбы Красной Армии:

«Мне непонятно, зачем включены в текст гимна личности Ленина и Сталина, так как гимн будет существовать многие века, в то время, как вожди приходят и уходят».

БАРАНОВ, ст. лейтенант — пом. начальника Управления прожекторной службы штаба Отдельной Московской армии ПВО:

«Сущность нашего государства изменилась настолько, что перед нами уже не стоят задачи построения коммунистического общества и мы скатываемся к буржуазному строю. В связи с этим марксизм для нас теперь не подходит и его нужно пересматривать».

МОИСЕЕНКО, капитан — слушатель батальона усовершенствования командного состава стрелково-пулеметных курсов Ленинградского фронта:

«Скоро будем петь гимн на мотив "Боже царя храни". Все идет к старому».

---

[41] Все фамилии данного раздела докладной записки отчеркнуты И. В. Сталиным.

ШАРАПОВ — начальник административно-хозяйственного отдела Центрального Дома Красной Армии:

«Остается лишь изменить и распустить партию большевиков. В 1918–1919 гг. было чем агитировать, тогда был лозунг «земля — крестьянам, фабрики — рабочим» и свобода слова, а после прижали так, что миллионы людей положили свои головы».

АБАКУМОВ

Разослано:
т. Сталину
т. Молотову

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 181. Л. 98–114.
Подлинник. Машинописный текст.
Резолюция — автограф И. В. Сталина.

Сцена 29. **Большой театр**

30 декабря

«...В Большом театре состоялось прослушивание текста и музыки Государственного гимна Советского Союза в исполнении симфонического оркестра ГАБТа под управлением дирижера Мелик-Пашаева и Краснознаменного Ансамбля А. В. Александрова.

Присутствуют т. т. Сталин И. В., Молотов В. М., Калинин М. И., Берия Л. П., Микоян А. И., Маленков Т. Е., Щербаков А. С. и Хрущев Н. С.

После прослушивания в 23. 35 т.т. С. Михалков и Эль-Регистан и А. В. Александров приглашаются в Правительственную комнату, где т. Сталин И. В. и руководители Партии и Правительства поздравляют их с принятием текста и музыки Гимна Советского Союза[42].

На приеме, окончившемся в 3 ч. 30 м. утра 31 декабря, в качестве гостей присутствуют также композиторы Василенко, Иванов-Радкевич, Чернецкий и дирижер Большого театра Мелик-Пашаев.

Во время приема т. Сталин И. В. и руководители Партии и Правительства ведут продолжительную беседу с т. т. С. Михалковым, Эль-Регистаном, А. В. Александровым».

«Дневник». Л. 192

«...Силу и мощь этого прекрасного музыкального произведения А. В. Александрова товарищ Сталин сравнил с дредноутом, рассекающим своей грудью бушующие волны безбрежного океана...»

«Записки Эль-Регистана». Л. 45

[42] Утром 31 декабря во всех центральных газетах публикуется сообщение Совнаркома СССР о том, что новый гимн будет исполнен в ночь с 31 декабря 1943 г. на 1 января 1944 г. «В 24. 00 31 декабря 1943 года текст и музыка гимна впервые исполняются по радио радиостанцией имени Коминтерна...» («Дневник». Л. 192).

Конец 1943-го — начало 1944 года

Сцена 30. **Канцелярия Совнаркома СССР Из писем граждан, поступивших в адрес Совета народных комиссаров СССР**

«Опубликование текста нового Гимна СССР я ожидал с большим нетерпением и ожидал от него очень многого. Я полагал, что Гимн грамотно, с предельной четкостью и ясностью, в художественной форме выразит волю, дух и целеустремленность народов, населяющих обширную территорию СССР. Но я был глубоко разочарован.

В первых двух строках Гимна говорится, что «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь», а в следующих двух строках говорится, что «единый, могучий Советский Союз» создан волей народов. Зачем эти перепевы, к чему в гимне жонглерство словами?

В первом четверостишии есть «сплотила», во втором — «оплот».

Неужели у двух стихотворцев настолько ограниченный ассортимент слов, что они не смогли подыскать двух равнозначных, но разнозвучащих слов?

В гимне неуместно упоминание имен собственных. В дореволюционном гимне прославляли царя, не упоминая его имени в силу чего он (гимн) был приемлем во все периоды царствования разных российских монархов.

Если «нам сияло солнце свободы», то зачем же в таком случае понадобилось Ленину «озарять нам путь»? Ведь это получается вроде «днем с огнем».

«Нас вырастил Сталин». Кого нас? Народ? «На верность народу»? Выходит, что тов. Сталин вырастил народ на верность самому себе, то есть народу. Но ведь исстари известно, что «никто себе не враг».

Народы советские нисколько не сомневаются, что «захватчиков подлых с дороги сметем» и преисполнены надежды и твердой решимости покончить с ними в самом недалеком будущем, возможно, что даже до того дня, как гимн начнет исполняться повсеместно в СССР и эти слова Гимна потеряют свою значимость, окажутся ненужными и лишними.

«Мы в битвах решаем судьбу поколений». Только ли в битвах решается судьба поколений? «Мы к славе Отчизну свою поведем»? Когда поведем? Разве наша Отчизна до этого времени шла не к славе и не продолжает к ней идти в настоящее время?

С глубоким прискорбием приходится констатировать тот факт, что Михалков и Эль-Регистан с порученной задачей не справились.

Сварщик 1-й ЛГЭС первого цеха. Раб № 1210. Иванов А. И.
г. Ленинград — 11. Площадь Островского, д. 4, к. 53».

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 46. Д. 2423. Л. 100. Подлинник. Автограф

Прошу прислушаться к голосу педагога-словесницы, которая 23 года преподавала русский язык в V, VI и VII классах средней школы.

Считаю, что в текст нового Гимна вкралось две ошибки в знаках препинания.

1. «Да здравствует созданный волей народов единый, могучий Советский Союз!» Запятая после «народов» не нужна, потому что причастный оборот стоит не после, а перед определяемым словом. Слова «могучий Советский Союз» являются не обращением, а подлежащим.

2. «Нас вырастил Сталин на верность народу». Нет причины ставить тире перед словами «на верность». Отсылаю к учебнику. Надеюсь, что я не опоздала в данном случае подобно тому, как опоздала со своими коррективами относительно суффикса в прилагательном «большевистский», которое, по моему мнению, следует писать «большевицкий». Здесь образцом должны служить имена существительные типа «мужик», «кулак» — мужицкий, кулацкий, а не «марксист» (марксистский — правильно).

Педагог В. Л.

Там же. Л. 70–70 об. Подлинник. Автограф

Гимн — это что-то торжественное, радостное и действительное на длительный срок.

Приказом провели за гимн какую-то песенку военного времени. Даже песенкой это трудно назвать, так как это что-то тяжелое, что читается, точно чугун ворочаешь. И до глубины ее смысла нелегко докопаться. Все о чем писали в газетах передовицы — измышления опытных в этих делах людей.

Мы — простые граждане надеемся, что война окончится в недалеком будущем, и мы снова будем жить мирно и расти во всех отношениях. Не нужны нам будут воинственные призывы к изгнанию врага с нашей земли. Или думаете, что враг не уйдет с нее и по окончании войны?

«В битвах решаем судьбу поколений!» Это опять действительно только для военного времени. А затем судьбу поколений будем решать мирным путем. Никто не хочет биться всегда. Зачем же выражать в гимне такие кратковременные стремления?

И почему бы гимн не обсудить предварительно широко? Ведь весь народ должен будет им пользоваться. И это должно быть приятно всем.

Гимн должен иметь глубокое и более широкое содержание и обязательно он должен быть легким в произношении. Каждый малыш его должен легко говорить. А тут камни не провернешь. И где мысли о будущем, человечном и ясном? Только о прошлом и тяжком настоящем. Как можно такое малосодержательное и в то же время чугунно-тяжелое стихоплетение принять за гимн? Не так мы бедны талантами, как можно судить по некоторым нашим лауреатам. И как можно в наше время без обсуждения, приказом провести в жизнь гимн? Это смешно и печально.

А. Н. Фло[43]

Там же. Л. 96–96 об. Подлинник. Автограф

Текст Гимна великолепен, чего нельзя сказать о музыке, имеющей ряд недостатков, препятствующих постановке ее на один уровень с текстом.

[43] Подпись неразборчива.

1. Чувствуется искусственность, приспособленность текста к музыке, особенно в припеве «Славься». Рифма Гимна партии большевиков укладывается в мелодию, ибо последняя была написана на ранее созданный текст. В данном же случае наоборот, тексту предшествует музыка, а потому в Гимне Советского Союза чувствуются неправильно поставленные ударения.

2. Лейтмотив трудно исполним для всенародного пения.

3. Слишком чувствуется ритм марша.

4. Начало (вступление) слишком примитивно. Первый такт являющийся вступительным нужен при исполнении Гимна хором в сопровождении фортепьяно или оркестра. В этом случае этот такт является только настройкой «тона» для хора, но абсолютно не нужен при исполнении Гимна самостоятельно оркестром или хором без инструментального сопровождения. И все же в исполнении оркестра первый такт постоянно дается, несмотря на то, что его целевое назначение отпадает, а музыкально-художественная ценность его ничтожна. Уж если давать прелюдию Гимну, то нужно позаботиться о ее высокохудожественной значимости.

5. Во фразе «Дружбы народов надежный оплот» одна и та же музыкальная фраза повторяется трижды подряд. Напоминает это испорченную граммофонную пластинку, повторяющую одно и то же место с каждым оборотом.

6. Музыка написана для двухголосого хора. Это слишком примитивно для Гимна. Может быть, такая примитивность и хороша для массового, всенародного исполнения, но в исполнении профессионального хора будет звучать бедно. Для устранения этого руководители хоров, в целях обогащения аккорда, начнут вносить отсебятину, что конечно не желательно. А надо думать, что в связи с текущими событиями, в массах нарастает высокий патриотический подъем и при всякого рода хоровых концертах, могут стихийно возникнуть требования исполнения Гимна.

7. И в заключение обидно, что страна с древнейших времен славящаяся своей музыкальностью, насчитывающая у себя сотни композиторов среди которых многие с мировыми именами, не могла создать оригинальной музыки для своего Гимна и позаимствовали старую мелодию, в которую, к тому же, повторяю плохо укладывается текст Гимна.

Я полагаю, что музыку Гимна надо пересмотреть, может быть даже объявить еще раз конкурс не только среди композиторов, но и привлечь широкие народные массы. Пусть музыка Александрова так и останется музыкой Гимна партии большевиков. Это необходимо сохранить. Музыку же для Гимна Советского Союза нужно создать новую.

Может быть, я в изложении недостаточно точно формулирую свои мысли, но я ни композитор, ни музыкант, а в далеком прошлом рядовой хорист, любящий музыку, а особенно хоровое пение и слишком требователен к тому, что должно отображать величие и мощь нашей Великой Родины.

Майор м/с[44]
Вольский

Там же. Л. 71–71 об. Подлинник

[44] Здесь — медицинской службы.

Сцена 31. **Кабинет Сталина в Кремле**

5 января

«...В газете «Правда» и во всех других центральных газетах опубликовывается следующее решение СНК СССР:

«В Совете Народных Комиссаров Союза ССР

О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ ПОЭТОВ И КОМПОЗИТОРОВ, ПРИНЯВШИХ УЧАСТИЕ В РАБОТЕ ПО СОЗДАНИЮ ГИМНА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановил:

1. Авторам текста государственного гимна Союза Советских Социалистических Республик — Сергею Михалкову и Эль-Регистану выдать денежное вознаграждение в размере 100 тысяч рублей.

2. Автору музыки государственного гимна Союза Советских Социалистических Республик — композитору А. В. Александрову выдать денежное вознаграждение в размере 100 тысяч рублей.

3. Установить, что композиторам, принявшим участие в работе по написанию музыки гимна Союза Советских Социалистических Республик, выплачивается денежное вознаграждение в размере 4 тысяч рублей за каждый вариант музыки гимна.

Композиторам, музыка которых была отобрана для прослушивания в хоровом и оркестровом исполнениях, выплачивается денежное вознаграждение в размере 8 тысяч рублей за каждый вариант музыки гимна.

4. Установить, что поэтам, принявшим участие в работе по написанию текста гимна Союза Советских Социалистических Республик, выплачивается денежное вознаграждение в размере 4 тысяч рублей каждому.

Поэтам, написавшим несколько вариантов текста гимна, за каждый новый вариант, который композиторами был положен на музыку, выплачивается дополнительное вознаграждение в размере 4 тысяч рублей.

5. Объявить благодарность нижепоименованным композиторам и поэтам, принявшим участие в работе по созданию гимна Союза Советских Социалистических Республик:

Композиторам:

Аладову Н. И., Александрову А. Н., Александрову А. В., Александрову Б. А., Александрову В. А., Анпилогову В. И., Асафьеву Б. В., Ашрафи М., Бабаеву А., Бакалову Л. О., Баланчивадзе А., Бархударяну С. В., Белому В. А., Беляеву В. М., Бирюкову Ю. С., Блантеру М. И., Бражникову М. В., Брусиловскому Е. Г., Бугославскому С. А., Василенко С. Н., Васильеву-Буглаю Д. С., Вайнштейну М. Р., Великанову В., Веприку А. М., Велинскому Н., Власову В. А., Габичвадзе Р. К., Гамбургу Г. С., Гедике А. Ф., Глиэру Р. М., Гокиели И. Р., Гольдфедеру Б., Гольдшмидту И., Грачеву М. О., Гредину Д. (Гершфельду), Гуревичу В., Дановскому В. И., Двоскину А., Дегтяреву А., Дзержинскому И. И., Добрушкес А. А., Додонову А. В., Дудкевичу Г. Н., Дунаевскому И. О., Захарову В. Г., Зельцеру М.,

Зейдману Б. И., Зимину П. Н., Иванову-Радкевичу Н. П.. Итяксову И. С., Иванову-Сокольскому М., Иорданскому М. В., Кабалевскому Д. Б., Карагичеву Б. В., Карницкой Н. Н., Кацу С. А., Ковалю М. В., Козловскому А., Колосову А., Корчмареву К. А., Кочеткову В. Н., Книперу Л. К., Красеву М. И., Красноглядовой В. В., Крейтнеру Г. Г., Криштул М. С., Кручинину В. Я., Крюкову В. Н., Лалинову М. И., Лебедеву К. М., Левитину Ю. А., Лепину А. Я., Литинскому Г. И., Лобачеву Г. Г., Лобковскому А., Луцкому Е. А., Лятошинскому Б. К., Макаровой Н. В., Макаревичу Ф., Матюшевичу С. И., Мейзелю Б. С., Месину-Полякову Л., Месману Б. (Львову), Мильману М. В., Мосолову А. В., Морозову И. В., Муравлеву А., Мурадели В. И., Мушелю Г., Небольсину В. В., Нечаеву В. В., Неймарку И. Г., Никольской О. В., Никольскому Ю. С., Новикову А. Г., Нолинскому Н. М., Оранскому В. А., Орлову Б., Палиашвили Ш., Парусинову А. В., Петренко М. Ф., Петунину Е., Пирогову В., Перегудову И., Покрас-су Дм. Я., Покрассу Дан. Я., Половинкину Л. А., Прокофьеву С. С., Разоренову С. А., Ревуцкому Л. Н., Рунову И., Савва Л. А., Садовникову В. И., Садыкову Т., Салиман-Вадимирову Д. Ф., Сандлеру О., Свешникову А. В., Сахарову М. И., Семенову М. Н., Сендерей С. З., Скорульскому М., Сметанину Г., Солодухо Я. С., Степанову Л. Б., Строк О. Д., Тактакишвили Ш. М., Таранову Г. П., Тиличеевой Е., Тенлицкому А. С., Титову А. Ф., Ткаченко П., Толстякову Н. Н.,Троянову И. Д., Туликову С., Туския И. И., Тюлину Ю., Файнтуху С., Фере В. Г., Финкельштейну И., Фролову М. П., Хаэту В. А., Хачатуряну А. И., Хренникову Т. Н., Цегляру Я., Цфасману А. Н., Чемберджи Н. К., Чернецкому С. А., Чишко О., Чулаки М. И., Шабельскому С. И., Шаверзашвили А., Шапорину Ю. А., Шварцу Л. А., Швейцеру И. Б., Шварцу В. А., Шехтеру Б. О., Ширинскому В. П., Шитову И. П., Шорину И. Г., Шостаковичу Д. Д., Штейнбергу М. О., Шубину П., Шульгину Л. Б., Щербачеву В. В., Юровскому В. М.

Поэтам:

Алымову С. Я., Архангельскому М., Асееву Н. Н., Айбеку, Бедному Демьяну, Бергольц О. Ф., Бернадскому П., Богданову П., Брауну Н. Л., Бровка П. У., Вургуну Самеду, Герман П. Д., Голодному М. С., Гусеву В. М., Жумалиеву Х., Замаховской М. М., Зенкевичу М. А., Исаковскому М. В., Кирсанову С. И., Колычеву О. Я., Кристи Г. В., Лапирову М., Лебедеву-Кумачу В. И., Михалкову С. В., Миртемиру, Огнецвет Э. С., Руст Л. (Е. А. Тарловской), Рыльскому М. Ф., Саряну Г. Б., Светлову М. А., Сикорской Т. С., Симонову К. М., Слетову П. В., Тажибаеву А., Тихонову Н. С., Токмагамбетову А., Тургунову Б. А., Фатах Т., Ширазу О., Щипачеву С. П., Эль-Регистану Г. А. <...>

«Дневник». Л. 193–195

Сцена 32. **Большой театр**

11 марта

«...В Большом театре на большой сцене с 23 час. 30 мин. до 23 ч. 50 м. состоялось прослушивание музыки Государственного гимна Советского Союза.

Присутствуют товарищи Сталин И. В., Молотов В. М., Ворошилов К. Е, Берия Л. П., Микоян А. И., Маленков Г. М., Щербаков А. С.

Прослушивание организовано т. Храпченко.

Гимн исполнялся:

1. Симфоническим оркестром Большого театра под управлением т. Мелик-Пашаева два раза:

первый — в первоначальной редакции оркестровки и

второй — в новой ее редакции.

2. В хоровом и оркестровом исполнении Краснознаменного Ансамбля Красноармейской песни под управлением проф. Александрова А. В.

3. Духовым оркестром НКО под управлением генерал-майора т. Чернецкого.

По окончании прослушивания тов. Сталин И. В. с членами Политбюро ЦК ВКП(б) в присутствии т.т. Храпченко, Александрова и Мелик-Пашаева обсуждал оркестровку гимна».

«Дневник». Л. 195–196

Сцена 33. **Кабинет Ворошилова в Кремле**

14 марта

«...т. Ворошилов К. Е. с 21 ч. 40 м. до 23 ч. 40 м. принял у себя в кабинете т. т. Александрова А. В. и Храпченко, с которыми беседовал о возможных мероприятиях по улучшению оркестровки музыки Государственного гимна и лицах, коих следовало бы привлечь для этой цели...»

«Дневник». Л. 196

Сцена 34. **Кабинет Ворошилова в Кремле**

15 марта

«...т. Ворошилов К. Е. с участием т. Щербакова А. С. с 16 час. 55 мин. до 17 час. 40 мин. в своем кабинете беседовали с т. т. Храпченко, Александровым и художественным руководителем Большого театра т. Пазовским об улучшении оркестровки музыки гимна. Решено привлечь лучших композиторов (специалистов по оркестровке) для создания к имеющимся уже еще 2–3 варианта гимна Советского Союза в новой оркестровке. Срок работы для оркестровки 4–5 дней...»

«Дневник». 196

Сцена 35. **Кабинет Ворошилова в Кремле**

18 марта

«...Тов. Ворошилов К. Е. принял А. В. Александрова по его просьбе. Беседа происходила в кабинете Маршала с 14. 15 до 15. 00. Тов. Александров сообщил о работе, проводимой т. Пазовским по улучшению оркестровки гимна. К этой работе привлечен профессор консерватории т. Рогаль-Ле-

вицкий[45], который в области оркестровки является большим специалистом. Работа должна закончиться в понедельник, после чего было бы желательно прослушать переделанную оркестровку в исполнении симфонического оркестра под управлением самого т. Пазовского.

Тов. Александров отмечает добросовестную работу т. Пазовского не в пример Мелик-Пашаеву.

Тов. Ворошилов К. Е., с обычной для него страстностью и воодушевлением, развивает мысль о необходимости улучшить оркестровку гимна, устранив монотонность и примитивность существующего исполнения. Возможность к этому есть, и я уверен, — говорит т. Ворошилов, — что Пазовский это сделает.

Маршал дал указание также т. Александрову о необходимости поработать еще по улучшению исполнения гимна как с хором, так и с оркестром его ансамбля.

Тов. Александров заверил Маршала, что эту работу он проводит. «Выжму из ансамбля все, а добьюсь» — говорит он.

Маршал решил, прежде чем докладывать об этом тов. Сталину, на следующей неделе самому лично прослушать результат этой работы»[46].

«Дневник». Л. 197

---

[45] Рогаль-Левицкий Д. Р. (1898–1962) — музыковед, композитор, инструментовед и педагог. В 1943–1962 гг. преподавал инструментовку в Московской консерватории.

[46] На этом «дневник» полковника Китаева заканчивается. Дальнейший «результат» работы над гимном, прослушивание его Сталиным в той оркестровке, которую мы знаем по нынешнему государственному гимну России, Д. Р. Рогаль-Левицкий описал в своих воспоминаниях. Частично они были опубликованы. «После прослушивания — оно продолжалось десять минут — наступила мертвая тишина. Раздался голос: "Скорее в ложу!.. Дмитрий Романович, вас просят!" Я сорвался с места и бегом пустился за кулисы. У каждой двери раздавался окрик стражи: "Рогаль-Левицкий!", и я, как мячик, передавался от одного поста к другому. На сцене уже ждали адъютанты Ворошилова и Сталина». Вместе с Рогаль-Левицким в правительственную ложу направились А. Александров, А. Пазовский, М. Храпченко. «Впереди шел охранник, замыкали шествие два адъютанта. У дверей ложи — охрана, человек шесть. Дежурный нажал звонок. Только со второго сигнала пустили.

Обе части ложи — авансцена и салон — были заполнены военными. Приглашенные вошли в гостиную.

...Налево стоял Сталин, ласково приветствовавший входящих, которых представлял ему Климент Ефремович.

— Рогаль-Левицкий, автор новой оркестровки! — проговорил он, как только я вошел. Сталин улыбнулся сквозь усы и сильным рукопожатием выразил свое одобрение...

— Очень хорошо, — сказал Сталин. Лицо его выглядело утомленным, и он нервно ходил по оставшейся в его распоряжении комнате и все время курил свою неизменную трубку, держа ее в левой руке.

— Очень хорошо, — повторил он. — Вы взяли лучшее, что было прежде, соединили со всем хорошим, что придумали сами, и получилось то, что нужно. Очень хорошо, — одобрительно закончил он». (См. Независимая газета. 1991. 12 февраля. С. 5; *Громов Е. С.* Сталин: Власть и искусство. М., 1998. С. 343–344.)

1946 год

Сцена 36. **Квартира дважды лауреата Сталинской премии Михалкова**

14 октября

С. В. Михалков — К. Е. Ворошилову

Глубокоуважаемый Климент Ефремович!

Считаю своим долгом довести до Вашего сведения следующее. Со дня утверждения нового Гимна СССР прошло четыре года, но до сих пор внедрение Гимна в широкие массы не стоит на должной высоте.

Более того — большинство людей не знают слов Гимна, ибо на торжественных собраниях и заседаниях не принято его петь.

По радио передают Гимн два раза в сутки, да и то рано утром и поздно ночью без слов. Раньше в гимназиях перед началом занятий было принято петь молитву и «Боже, царя храни...». В наших школах нет правила петь Гимн Советского Союза.

Я был в Англии и слышал, как английский Гимн исполняется людьми не только в особо торжественных случаях, но и по окончании спектакля — комедии в театре, а также до начала футбольного матча.

Мне кажется, надо у нас как-то подумать о популяризации нашего Государственного гимна СССР и ввести в традицию его исполнение не только одной музыки при встречах иностранных представителей, но и со словами при проведении собраний, в школах и т. д.

Примите мой сердечный привет,

Ваш Сергей Михалков

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 54. Д. 30. Л. 47. Машинописный текст. Подпись — автограф

Сцена 37. **Кабинет Ворошилова в Кремле**

22 ноября

К. Е. Ворошилов — А. А. Жданову

Товарищу ЖДАНОВУ А. А.

Посылаю Вам записку писателя Михалкова, прошу с ней ознакомиться.

Тов. Михалков прав. Нужны какие-то мероприятия по партийной линии для того, чтобы Государственный гимн снова зазвучал так же, как это было ранее, когда «Интернационал» был не только популярен как гимн, но и любим напевным выражением чувств миллионных масс, одинаково хорошо знавших мотив и слова своего гимна.

Мне думается, что достаточно было бы указаний обкомам и ЦК компартий республик, чтобы это дело поправить.

К. Ворошилов

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 54. Д. 30. Л. 48. Машинопись. Заверенная копия

Сцена 38. **Кабинет Сталина в Кремле**

30 декабря

Постановление Секретариата ЦК ВКП (б) «О популяризации Государственного гимна СССР».

1. Обязать Комитет по делам искусств при Совете министров СССР: издать ноты с текстом Гимна СССР для массового исполнения тиражом 250. 000 экземпляров, листовку с текстом гимна тиражом 500. 000 экземпляров, настенный плакат тиражом 200. 000 экземпляров, художественные открытки тиражом 100. 000 экземпляров и выпустить 25. 000 патефонных пластинок с записью Гимна Советского Союза.

2. Обязать Комитет по радиофикации и радиоинформации при Совете Министров СССР перенести вечернюю передачу Гимна с 2 часов на 24 часа; передавать Гимн по радио не только в музыкальном, но и в хоровом исполнении.

3. Обязать Министерства просвещения союзных республик, Министерство высшего образования СССР и Министерство трудовых резервов СССР ввести разучивание Государственного Гимна СССР учащимися во всех школах и техникумах и студентами в вузах.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 682. Л. 60. Подлинник. Машинописный текст.

ХРИСТИАНСТВО И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Круглый стол в редакции «Континента»

От редакции

Круглый стол «Христианство и демократическая культура», стенограмма которого предлагается ниже вниманию читателей, — это только первое из обсуждений, которые планирует провести редакция «Континента», чтобы попытаться наметить и коллективно осмыслить возможные пути решения одной из самых, на наш взгляд, актуальных и острых проблем современной России. Это проблема возможностей и перспектив возникновения в нашей стране широкого общественно-политического движения того типа, которому во всем мире привычно соответствует термин «христианская демократия».

Будучи задуман как всего лишь первый приступ к этой острой проблеме, наш круглый стол уже и в самом замысле своем не мог, естественно, быть рассчитан на то, чтобы охватить всю полноту очень объемного и очень сложного ее содержания. Это и обусловило те особенности первоначального проблемного плана нашего стола, о которых сказал в своем вступительном слове ведший обсуждение член редколлегии «Континента», куратор религиозного отдела журнала **Александр Иванович Кырлежев**. Они, эти особенности, во многом определили и характер состоявшегося затем обмена мнениями.

Кроме А.И. Кырлежева в обсуждении приняли участие:

Константин Николаевич Костюк, кандидат политических наук, специалист по социальному учению христианских церквей, директор издательства «Директмедиа»;

Священник Владимир Шмалий, кандидат богословия, проректор Московской духовной академии по научной работе, секретарь Синодальной богословской комиссии РПЦ;

Алексей Викторович Юдин, кандидат исторических наук, преподаватель РГГУ, ответственный секретарь Российской католической энциклопедии;

Александр Маркович Верховский, директор Информационно-аналитического центра «Сова», в рамках которого осуществляется проект «Религия в светском обществе» (http://religion.sova-center.ru);

Священник Филипп Парфенов (в настоящее время за штатом, служит в храме «Живоносный источник» в Царицыно).

Принял участие в круглом столе и главный редактор «Континента» **Игорь Иванович Виноградов**. В конце обсуждения он тоже выступил с небольшим заключительным словом, но когда стенограмма круглого стола была расшифрована, в редакции было решено, что ему стоит завершить публикацию стенограммы более обстоятельным подведением некоторых итогов состоявшегося разговора и особо обозначить те проблемы, на обсуждении которых редакция хотела бы сосредоточить внимание на следующей нашей встрече за круглым столом. Это было сделано, а сформулированные И. И. Виноградовым вопросы, предложенные им для дальнейшей дискуссии, были разосла-

ны выступавшим с просьбой дать на них предварительные тезисные ответы. Эти ответы, которые были присланы в редакцию всеми участниками обсуждения, за исключением о. Владимира Шмалия, не сумевшего из-за загруженности и отъезда в командировку успеть со своим ответом к сроку, мы тоже печатаем в этом номере — после стенограммы круглого стола и заключительного текста И. И. Виноградова. Кроме того, и очередной, шестой, выпуск «Дневника редактора», планируемый к публикации в следующем, 135-м номере, тоже будет посвящен проблеме христианской демократии в России. Все это позволяет нам надеяться, что уже в 136-м номере мы сумеем познакомить наших читателей и с новым этапом обсуждения этой проблемы — на следующей нашей встрече за круглым столом «Христианство и демократическая культура».

А. Кырлежев. Тема нашего сегодняшнего разговора — «Христианство и демократическая культура». Такая формулировка призвана расширить предмет обсуждения, которое мы пока что не хотели бы сводить к более узкой, но и более острой, актуально-проблемной теме христианской демократии как идеологии и как политической практики. В России, в отличие от Запада, где традиции христианской политики имеют уже вековую давность, христианская демократия в этом последнем смысле не состоялась. И эта ситуация нас беспокоит, мы намерены в дальнейшем не раз еще вернуться к ее обсуждению. Но сегодня мы можем только приступить к этой задаче и именно поэтому предлагаем начать с уяснения прежде всего тех общих, исходных теоретических оснований для постановки этой проблемы, которые условно как раз и можно охватить предложенным названием нашего круглого стола — «Христианство и демократическая культура». Или можно и так: «Христианство и демократия».

Исходя из этого плана, мы попросили Константина Николаевича Костюка, который профессионально занимался историей православной политической мысли, сделать концептуальное введение — может быть, даже провокационное в интеллектуальном отношении, — чтобы дать толчок дальнейшей дискуссии.

К. Костюк. В своем выступлении я хотел бы скорее поставить проблему, чем на нее ответить. При этом я хочу отталкиваться не от образа действий христианина, как я его прочитываю в Евангелии, а от сформировавшегося веками культурно-исторического типа русского православия и типического для него способа богословствования и толкования основных понятий.

Проблема же, на мой взгляд, состоит в том, что демократия для православия не является проблемой, не служит темой, которая волнует и обсуждается. В православной среде довольно редко можно найти рассуждения о демократии, да и текстов на эту тему я практически не встречал. Одно из немногих исключений — работа Алексея Ситникова «Православие и демократия», но это университетская диссертация, написанная со светских позиций, без каких-либо собственно религиозных размышлений, а тем более без провокационности. Или книга игумена Вениамина Новика «Православие и демократия», написанная еще в середине 90-х годов в остро диссидентском ключе.

А начать я хотел бы с некоторых основных понятий, к которым нам все равно придется возвращаться, коль скоро мы говорим о соотношении православия и демократии.

Основное среди них — это понятие «мир». Что такое «мир» в христианском понимании? Ясно, что это понятие дополнительное по отношению к понятию Церкви. «Мир» — это бытие, окружающее церковь, но бытие в особом смысле, а именно такое, которое имеет отношение к Церкви, то есть бытие спасаемое и просветляемое, бытие воцерковляемое. Такое бытие может для Церкви иметь интерес.

Второе столь же ключевое слово — «воцерковление». Для каждого православного христианина воцерковление имеет очень ясный литургический образ. Этот образ состоит из двух частей: «литургии оглашенных», когда мир стоит в преддверии Церкви, и «литургии верных», в которой совершается само таинство воцерковления, т.е. таинство пресуществления. В литургии происходит таинство изменения бытия: то, что было только сейчас хлебом и вином, становится Телом и Кровью Господними, и в переживании этого момента изменения, превращения бытия и состоит, собственно, вся суть переживания христианином мира и своего присутствия в мире. Такие понятия, как «евхаристичность» и «литургичность», обозначают полное преображение природы, и задача христианина, задача Церкви — во всем видеть это преображение, стремиться к нему.

Еще одно понятие — «эсхатологизм». Возможность полного преображения связана с предчувствием Царства Божия. Для православного в эсхатологизме всегда заложен некий максимализм, который касается как конца света, так и явления Царства Божия здесь, на земле, в пространстве конечного бытия.

Таким образом, суть православного отношения к миру состоит в проблеме его благословения и освящения. Это сверхзадача и тот фокус, в котором христианин видит мир; вне этой задачи, вне процесса благословения и освящения он просто этот мир не видит, как не может жить в доме, если дом не освящен.

Демократия в современном мире не является для православного христианина проблемой потому, что она иррелевантна всем перечисленным понятиям. Ни демократия не может сформулировать свои проблемы в семантике перечисленных понятий, ни церковь не способна перевести проблемы демократии на язык воцерковленного бытия. Они не видят друг друга. На тезис демократии о «равноудаленности» от всех религий православие отвечает подчеркнутым равнодушием к демократическому государственному устройству. Позже мы увидим, что совсем другая ситуация в случае с монархией. Монархия исторически полноценно использовала язык политического богословия, так что православию даже и сегодня трудно освободиться от этого языка, освободить себя от необходимости освящения монархии.

Итак, освященное и воцерковленное бытие. Возможно ли преобразовать эти понятия так, чтобы связать их с понятием политического бытия?

Для традиционного православного сознания «политическое бытие» — понятие в общем-то чуждое. Но у этого понятия есть очень ясный и глубоко церковный эквивалент: власть. Вот с властью православное мышление

имеет дело давно и понимает ее очень глубоко и в различных аспектах. Что такое власть? На самом деле власть — это иное название мира, и порядок власти — это Божий порядок в этом мире, способ присутствия Бога в мире. Проблематика политического бытия — это проблематика власти.

А теперь о сути проблемы.

Как происходит освящение, благословение политического бытия?

Так же, как и во всех остальных сферах: Церковь приходит в мир через литургию, а мир приходит в Церковь на литургию. Церковь живет в этих двух взаимонаправленных движениях. Порядок власти останется чисто политическим порядком, пустым и для Церкви почти не существующим, если не произойдет его литургического преображения, если власть не приведет мир на литургию, если не будет вот этого двуединого литургического действия. Литургия, на которую не пришел мир, — это как имя Божие, прозвучавшее всуе, как вакуум духа. Мир нужно привести на литургию. В широком смысле воцерковления мира. Это задача христианина в сфере политического бытия, это задача власти. Если власть этого не делает, она совершает святотатство, она помогает миру лишиться благословения.

В тысячелетней истории всегда был человек власти, который приводит мир на литургию: царь. Начиная с Ветхого Завета, царь, приводящий мир в Церковь, — это несменяемый и очень привычный образ. Собственно, через помазание на царство приходит освящение мира. Когда в России появился царь и, соответственно, венчание на царство, этот обряд был перенят сначала внешне, и лишь позднее пришло его толкование. И православные русские богословы с самого начала ошибочным образом толковали миропомазание царя именно как второе таинство, как новое рождение, в каком-то смысле дополняющее первое миропомазание, совершаемое непосредственно после крещения. А поскольку в русской истории рядом с царем не было такой фигуры, как стоящий рядом с византийским императором патриарх, то русский царь получил совершенно другой сакраментальный статус, в плане освящения политического бытия, — статус верховной величины устроения общества. Тем не менее в литургическом действии освящения власти преображалась не личность царя, а именно его власть. Даже средневековые русские богословы ясно это понимали. Вспомним знаменитую формулу Иосифа Волоцкого: «Царь естеством подобен всем людям, властью же подобен Богу вышнему». В истории практически невозможно было отличить личность царя от института власти, так как все достоинства власти переходили к личности. И все же на теоретическом уровне, в качестве основания православного политического богословия, имело место различение между естеством царя, его человеческой личностью, с одной стороны, и властью, которую он представлял и именем которой он действовал, с другой. Так было в период Московского царства, вплоть до XVIII века.

И сегодня следует ставить вопрос, который возникал уже в XVIII веке: что произойдет с Церковью и с миром, если мир не приведут на литургию, если не будет того, кто его приведет, если не захотят привести? Если там, где литургия, не будет мира, а для мира не будет литургии?

На эту ситуацию, когда мир перестает приходить на литургию, указывает следующее понятие: «секуляризация». В православном понимании секу-

ляризация имеет сугубо негативный смысл — это, прежде всего, очищение бытия от священного, от аромата ладана. Все меньшей части мира интересна литургия и ее аромат. Это такая ситуация, когда начинают прокладывать межи в этом мире и для Церкви, наконец, создают особую территорию сакральности, священное гетто, где может жить Церковь.

Мы сегодня знаем, что процесс секуляризации неостановим. В социальной науке он определяется через понятие социальной дифференциации, которая неизбежно захватывает и Россию, и даже исламские страны. В России очень долго привыкали к мысли о том, что секуляризация неизбежна. Можно сказать, что в настоящее время к этой мысли Россия адаптировалась. Мусульманские страны еще готовы на эту тему поспорить. Что касается европейских христиан, то они видят в секуляризации очищение от фальши, в том числе от таких свойственных истории западной церкви феноменов, как, скажем, феномен «епископов-князей». Европейцам легче принять секуляризацию, потому что в их истории церковь не раз пыталась освятить весь мир, перегибая палку. Отсюда понимание того, что не нужно называть христианством то, что им не является; христианкой является душа, но не государство.

Секуляризация позволяет христианам легче адаптироваться к новым социальным процессам, пребывая в Церкви. Всегда остается возможность прочертить границу, обозначающую тот мир, который близок Церкви и принимает священное. И отделить его от чуждого, которое никак не смыкается со священным. В Средневековье такой возможности не было: всё должно было быть христианским. Секуляризация ни в каком случае не является подарком, но она не является и трагедией для христиан, какой было преследование христиан в XX веке.

Православная церковь и сегодня склонна отвергать эту возможность и новое пространство маневра, она отрицает само право мира секуляризироваться. В силу того эсхатологизма, о котором мы говорили выше, православию нужен именно *весь* мир, который требуется полностью преобразовать, — о меньшем и речи быть не может.

Теперь о демократии. По существу, проблема не в демократии, как таковой, а в том, придет ли секулярный мир на литургию и кто его приведет. Церковь благословит любого, кто приведет на литургию мир и власть. Вспомним из нашей истории боярские республики — Новгород, Псков: не было там проблемы, чтобы обосновать республиканское правление, чтобы почувствовать его своим. С проблемой перехода от автократии к демократии справилась и Католическая церковь, начав с Силлабуса (в середине XIX века), проклятия демократии, и завершив II Ватиканским собором.

И не в пустых церквах проблема, потому что и до эпохи секуляризации церкви могли быть пустыми и нередко были пустыми. Недавно, читая Посошкова, я наткнулся на такое место (это начало XVIII века): *«Церкви все запустели. И так было до нынешнего 723 года в церквях пусто, что и в недельный день человек двух-трех настоящих прихожан не обреталось. А ныне архиерейским указом, слава Богу, мало-мало начинают ходить ко святой церкви. Где бывало человека по три-четыре в церкви, а ныне и десятка по два-три бывает по воскресным дням. А в большие праздники бывает и больше, и*

то страха ради, а не ради истинного обращения». То есть на исходе нашего Московского царства, Святой Руси, два-три человека в воскресенье в церкви — это была вполне нормальная картина.

Таким образом, проблема не в пустых церквах, а в том, как понимается и толкуется секуляризация. Церковь не может согласиться на демократию, потому что она просто не может благословить — то есть принять — реальный мир, тот мир, который она видит, но который к ней не приходит. Как не благословляет она и современного человека, «человека греха», в трактовке митрополита Кирилла, как не благословляет секулярное государство, не благословляет собственность, так же она не благословляет и демократию. Ведь благословить — это значит призвать Божию благодать в помощь тому, кто достоин и нуждается в ней. Это значит, в каком-то смысле оправдать его настоящий статус. С точки зрения митрополита Кирилла, «человек греха» — это «либеральный человек», то есть типичный безрелигиозный, морально раскрепощенный индивид, который не понимает и не хочет слышать о том, что он — во грехе. Ему нужно покаяться, чтобы он был евхаристически преображен и принят Церковью. Собственно, от человека требуется очень «немного» — поворот ценою в жизнь. Пока этого не произойдет, с «либеральным человеком» не о чем говорить.

Но вот вопрос: в тот момент, когда он кается, не преображается ли он уже — еще до того, как он пришел в Церковь? Не приходит ли он в Церковь уже не человеком греха? И где же тогда была Церковь, когда он был человеком греха?

Отсюда другой вопрос: как же человеку выйти из этого состояния без Церкви? И как Церкви войти к человеку греха в тот момент, когда тот еще во грехе? Как заговорить с ним и вывести его из греховного состояния?

Такой же вопрос Церковь должна ставить перед собой и тогда, когда речь идет о демократии.

И ответ на него очень простой: Церковь должна прийти в мир, пребывающий в состоянии греха, иначе не будет воцерковления. Нельзя отвергать мир на том основании, что в нем имеет место секуляризация, что мир отпал, потому что в таком случае воспроизводится та же ситуация греха, из которой человек сам, без Церкви, никогда не сможет выйти. Каков бы ни был мир, задача Церкви — идти в мир, как пошел в него на смерть Спаситель.

В свое время греховный мир в Церковь приводил царь, и к этой облегченной для себя ситуации Православная церковь привыкла за века своего существования. Всегда был царь, который приведет мир, и совсем не надо было беспокоиться. Много столетий не Церковь приходила в мир, а в нее мир приводили, и таинство освящения мира происходило в алтаре самой Церкви. И чем более фиксированным было это место алтаря, тем меньше мира было вокруг, а любая попытка сдвинуть алтарь рассматривалась как обновленчество.

Вот пример из той же эпохи Петра, когда вместе с реформой Церкви было решено, в демократическом ключе, запретить домовые церкви. Раньше бояре имели свои церкви, и они могли не стоять в храме рядом с крестьянами. Было принято решение, чтобы высший класс ходил в церковь вместе с низшими, хоть иногда бы встречался там с ними. Петровские рефор-

мы породили раскол между крестьянством и высшим классом. И одним из последствий устранения домовых церквей стало то, что высший класс перестал ходить в церковь.

Итак, секулярный, социально и функционально дифференцированный мир — это мир, уже не имеющий того, кто привел бы его в Церковь. В нем уже нет соответствующих «должностей», нет «епископа внешних дел», каким был император, нет посредника, а потому задача, которая раньше решалась таким посредником, теперь должна решаться Церковью самостоятельно.

А вот мирянин, облеченный властью (в свое время это был царь), и сегодня облечен властью, пусть не той эсхатологической властью, но тем не менее властью верховной: это, в условиях демократии, обычный гражданин. Не является ли при демократии каждый мирянин образом царя? Он должен почувствовать себя тем царем, православным царем, который в свое время вел мир в Церковь. Может ли он вести в Церковь тот кусочек мира, над которым имеет власть? Может быть, союз мирян-политиков должен вести на литургию политическую систему, которую он в какой-то степени контролирует?

На мой взгляд, вот такие вопросы мы должны сегодня поставить и попытаться на них ответить. И, в частности, вопрос о том, что произойдет, если не демократическое общество, а власть имущие, возомнив себя царями, решат привести всех в Церковь. Если церковные иерархи, узнав в демократически избранных президентах амбиции царей, вернутся к привычному жанру дворцовых панегириков и освящения власти? Эта пародия на Средневековье обозначит совсем другую перспективу, более страшную чем даже полный разлад Церкви и демократии.

Что может быть уготовано православию сегодня в пространстве политического бытия? Первый вариант — фигура обиды на то, что его забыли, что оно политически неинтересно. Второй вариант — фигура вечной оппозиции демократии. Еще один вариант — это фигура, связанная с мифологизацией старины, православного царства, с чем мы тоже встречаемся каждый день. Не видно только движения или хотя бы попытки задуматься над существом политического, понять современную демократию как часть мира, пусть и греховного, с которым нужен диалог. И, соответственно, поставить задачу, которую Церковь всегда ставит перед собой: задачу воцерковления демократии.

А. Кырлежев. Печальную картину вы нам нарисовали... С одной стороны, нам предложено смотреть на политическое пространство ***из*** православия, поскольку это разные пространства и вопрос о демократии является для Православной церкви внешним. С другой стороны, если смотреть только в ракурсе освящения мира — это очень красиво, но чего-то не хватает, какой-то аспект выпадает. Получается, что для традиционного православия человек пребывает только в двух состояниях: или это греховный человек, неправильный, не освященный; или он воцерковляется, входит в Церковь, и тогда он оправдан с религиозной точки зрения. А третье-то состояние есть? Я имею в виду взгляд на человека с точки зрения естественного права, то есть того, что присуще человеку от природы (что, кстати сказать, доволь-

но сильно присутствует в католической традиции). Мир не делится просто на плохой, то есть порочный, греховный, и хороший, то есть освященный и оправданный. Есть нечто третье, чего православный взгляд как будто не замечает: внутренний строй мира и человека, созданных Богом. Ведь если сотворенное Богом — *добро зело*, тогда, несмотря на то что произошла какая-то мутация, называемая грехом, добро все-таки должно присутствовать в мире, почему и можно говорить о естественном праве. Православие этого не видит или в традиции социальной православной мысли есть нечто, соответствующее естественному праву?

К. Костюк. Я ставил перед собой задачу (и только такую задачу считаю осмысленной) попытаться переварить новые явления в русле традиционного православного богословского мышления. Это мышление, на мой взгляд, не знает естественного права и не может его никак осознать. Поэтому в пределах этого мышления попытки войти в демократию через естественное право заранее обречены на неудачу, хотя вообще-то в православном политическом богословии было много попыток взобраться на островок естественного права и оттуда смотреть, какие открываются возможности. Особенно этим любили заниматься религиозные философы. Но мне кажется, что такие попытки всегда будут отторгаться православным сознанием. Естественного права — нет, потому и эсхатологичность. Есть же действительно добро и зло, а между ними — геенна.

И. Виноградов. Вы говорите, что с точки зрения православия главная задача состоит в том, чтобы мир, который пребывает во грехе, привести на литургию, в Церковь. Но ведь для того чтобы решать эту задачу, Церковь должна идти в мир, к греховному человеку; она должна выполнять миссию религиозного просвещения, привлечения этого человека, как вы формулируете, на литургию. А на каком основании это делается? Вы говорите, что проблемы естественного права для православия не существует. Как же оно решает в таком случае эту проблему, через какой инструмент? Я спрашиваю о проблеме свободы. Православие признает изначальную свободу человека? Ведь без этого нечего и идти. Не является ли свобода элементом этого естественного права, неотъемлемостью и неотменимостью самой природы человека? Нельзя ли сказать, что Православная Церковь, богословски игнорируя естественное право, на самом деле все равно опирается именно на него?

А. Кырлежев. Мы сегодня часто слышим от официальных церковных идеологов о двух свободах: различаются свобода выбора и свобода как освобождение от греха. Соответственно, та свобода, которая делает плохой выбор, то есть приводит ко греху, должна быть осуждена. А хорошая свобода — это свобода, которая освобождает от греха. Такое введено концептуальное различение. Как православная традиция видит свободу — из глубины и до сего дня?

К. Костюк. Про традицию не скажу, а в рамках нашего сегодняшнего разговора можно сказать следующее. Конечно, про демократию без свобо-

ды нельзя говорить, но примерно то, что я говорил о греховном человеке, наверное, с точностью до наоборот относится к свободе. Прежде чем стать «человеком греха», человек является «человеком свободы», и в качестве носителя образа Божия — а он обладает свободой именно в этом качестве — он и должен действовать и строить демократию. И я, конечно, не могу согласиться с такой трактовкой, когда свобода формулируется как свобода от греха, а несвобода — это свобода для зла. В этом случае получается, что у нас половинка свободы, и свобода делит бытие, скажем так, не параллельно, а перпендикулярно. Я считаю, что понятие свободы должно делить мир параллельно. Человек есть образ Божий и в силу этого наделен свободой. И определять свободу надо скорее провокационно, чтобы понимали, о чем идет речь: свобода — это свобода выбрать грех, но в этом и есть наше главное достоинство как образа Божия.

А. Кырлежев. Отказаться от Бога — это и есть та свобода, которую Бог дает своему творению.

К. Костюк. Не на результат надо смотреть — грех он выбрал или нет; тот, кто знает результат, сразу осудит дурной выбор. Но свобода не знает результата. Это просто свобода, а уж что там получится — грех или добро, об этом не знает никто, кроме Бога. На этапе результата включается другое понятие — ответственности, и тут уже будет спрошено по всей строгости закона. Что же касается демократии, то любая демократия, либеральная или не либеральная, строится на полной свободе, результат которой не запрограммирован, неизвестен. И только опираясь на эту великую свободу, которая чревата великой ответственностью, человек и может строить вокруг себя бытие — и бытие демократическое, и бытие оцерковленное.

Свящ. В. Шмалий. Я предпочел бы понятию естественного права — понятие естественного закона. Когда христианство осваивалось в новой культурно-исторической ситуации, оно вполне нормально сосуществовало с этой концепцией. Христиане утверждали, что тот Логос, то разумное основание, которое греко-римская философия видела в мире, — это, собственно, и есть Христос — воплотившееся Слово. Христианство расширило интуицию греческого Логоса, воспринятого Римом, и придало ему универсальность. В первые века, пока христианство осваивало территорию культуры и боролось со своими противниками — не только духовными, но и интеллектуальными, естественный закон был точкой референции. Позднее же, когда христианство уже «захватило» свою территорию, оно просто забыло об этом. Все оппоненты, с которыми раньше нужно было полемизировать, исчезли или стали виртуальными. Христианство заполнило собой государство, культуру, все собой заполнило. А на Руси просто не было исторических поводов ввести в повестку дня христианской мысли и христианского делания, христианской совести тему естественного закона.

Да, у Русской православной церкви не было опыта демократии, это факт. Но сейчас мы сталкиваемся с этим опытом. Нам придется вводить эту тему, иначе у нас просто не получится диалога с миром и останется только

риторическое обвинение мира, такая, как правильно было сказано, «обиженная оппозиция». Ясно, что есть нормальные, совестливые люди, которые желают активно участвовать в жизни общества.

Я думаю, мы находимся сейчас на том этапе, когда, наверное, нам придется обсуждать то третье пространство, в котором мы будем обращаться со словом к миру, не только цитируя Евангелие, но пытаясь понять и ту повестку, которая есть у мира, — желая этот мир привести ко спасению. Нужно попытаться повторить то, что сделали апологеты, что сделали апостолы, святые отцы, но в новых культурных, исторических, интеллектуальных условиях.

А. Юдин. Описание почти фантастической картины оцерковления мира через литургию, которое предложил Константин Костюк, поначалу меня очень впечатлило. Но возникло и другое ощущение — что в этой красивой и доброкачественной, с определенной точки зрения, модели присутствует что-то весьма тревожное. Получается, что литургия как место, где происходит оцерковление мира, — это такой гигантский ретранслятор божественных энергий, попадая под силовое поле которых, человек сразу преображается. То есть совершается какое-то магическое действие: мир постоянно оцерковляется, и обратного хода практически нет. И тогда задача сводится к тому, чтобы привлечь как можно больше ресурсов для обеспечения этого оцерковления, и прежде всего ресурсов власти. Собственно, и в западной церкви были попытки освящать рычаги управления. И уже такой освященный рычаг можно как-то использовать в своих интересах и получать прибавление результата. Мы знаем, чем все эти попытки закончились, к чему все это привело: не побоюсь этого слова, к катастрофе.

Здесь меня смущает именно магическое воздействие такого рода оцерковления. И в русской истории вся трагедия XVII века (потому что, на мой взгляд, это самое трагическое время в русской истории; XX век — это уже следствие трагизма XVII века) была связана вот с такими попытками оцерковить мир. Мы знаем, что хотели сделать боголюбцы, ревнители древнего благочестия: вновь вернуть людей в Церковь и полностью узурпировать дневной круг человека, предназначив его для литургических действий. Для мира не оставалось практически никаких возможностей. Почитаем Аввакума и увидим, сколько времени он проводил в храме, чего хотел и для других. Где этот мир? — очень большой вопрос. И вот поэтому возникает очень тревожное ощущение жесткой дихотомии.

Здесь я полностью солидаризуюсь с позицией о. Владимира Шмалия. У меня вызывает большое недоумение тот факт, что не признается действие естественного закона (хотя я не знаю, насколько это релевантно для православия). Если мы отрицаем действие в человеке врожденного божественного закона, тогда все взаимоотношения с миром у нас выстраиваются в какую-то очень дурную схему: черное и белое. Если мы игнорируем слова апостола Павла, говорящего о Божественном законе, записанном в сердце человека, тогда картина получается крайне пессимистичная. Если на основании этого естественного закона мы не делаем дальнейших, вполне закономерных выводов об автономии земного порядка и не доверяем этому миру, который предрасположен к добру, тогда все христианство превращается в

какую-то магию. В том числе это и политическая магия — магия обращения с политическим порядком: завлечение властей и через них привлечение людских ресурсов, как бы их рекрутирование.

Это очень интересным образом выводит на современную дискуссию о правах человека; я имею в виду коллективные, то есть корпоративные, права. Говорят, что надо защищать корпоративные права церкви. Но чего я не услышал в первом, весьма впечатляющем, выступлении, так это понятие личности, персоны. Речь была о Церкви и мире, но, на мой взгляд, гораздо важнее проблема взаимоотношения Церкви и человека. И здесь возникает целый ряд вопросов, среди которых, понятно, не на последнем месте стоит проблема свободы. Кстати, на мой взгляд, это самое сложное богословское понятие. Проблему свободы задал Августин. Собственно, эта проблема может быть сведена к следующему: как определить пропорцию взаимоотношений между самовластным действием промысла Бога и Его благодати и произвольной человеческой свободой. Бог — абсолютный владыка истории, слагаемой из траекторий бесчисленного множества человеческих жизней. В то же время человек наделен свободой, и тогда возникает вопрос: где же его человеческий удел в божественной монополии на судьбы мира? Радикализация августиновских предложений привела, как мы знаем, к позиции Кальвина и, в дальнейшем, к формированию пуританской парадигмы. Иными словами: чего ни делай, все равно будет по-Божьему, следовательно, существует предопределение для любого человека и любого его действия. Все богословие свободы вращается вокруг Августина и заданной им проблематики: от выявления творческого характера взаимоотношений действия Бога и человеческой свободы до механической концепции предопределения. Есть смягчающие варианты решения этой проблемы, и католичество приняло такой смягчающий вариант; однако возможна и радикализация августиновских предложений.

Что с этим делать, и как работает с этим православие, и работает ли оно с этим вообще, это тоже в какой-то мере загадка. Но изначально должны быть все-таки введены эти понятия, без них дальнейшая дискуссия просто невозможна, в том числе и дискуссия, касающаяся отношений к политическому порядку, к политической власти, как таковой. В результате действия такой модели, которая была описана вначале, мы смешиваем Церковь и политический порядок. На мой взгляд, это *политическая* проблема для христианства. Это не *богословская* проблема демократии для Церкви, а это именно реальность *политического* ряда, и здесь надо четко определить инструментарий, с которым христианство подходит к решению политических проблем. При этом необходимо учитывать дистанцию между христианством, Церковью, с одной стороны, и политическим обществом — с другой. Соответственно, без понятия гражданского общества мы здесь тоже не сможем обойтись.

К. Костюк. Повторюсь, что я излагал не свою глубоко выстраданную точку зрения. Скорее, я хотел иметь дело с теми плитами традиции, на которых православие возвело православную культуру. Разумеется, нам, современным христианским интеллектуалам, легко встать на позицию естественного права. Но хочу обратить внимание на то, что православию уже две тысячи лет, и

там не все так оптимистично с естественным законом. Иначе у нас была бы схоластика, хоть какая-то, но была бы. А мы видим, что как только схоластика и правовые теории начинают внедряться в XVIII веке в Киево-Могилянской академии, как только православие взрослеет, оно находит свой собственный синтез и богословствует без естественного права.

Но у меня есть более принципиальное замечание. Чтобы не смешивать понятие божественной власти и естественного закона (потому что это разные вещи), мы должны проводить четкое различение. С одной стороны — теономный порядок, где власть исходит от Бога и власть как понятие — это божественный атрибут; именно на это понятие и опирается православие, когда говорит, что любая власть и вся власть, целиком, — от Бога. А с другой стороны — естественный закон, который указывает на некую автономность мира и абсолютно противоположен понятию теономного, божественного закона. В католическом богословии эти два закона находятся в сложном диалектическом отношении. И, говоря о демократии, мы, на мой взгляд, должны прежде всего иметь в виду «власть от Бога» и попытаться понять, что с ней делать, как разделить эту власть. Вопрос в том, делится ли она в принципе или нет, можно ли в принципе говорить о демократии в православном контексте или же это понятие запрещенное.

А. Кырлежев. Здесь надо уточнить один момент. Если иметь в виду парадигму «власти от Бога», то нужно учесть, как она работала. Бог посредством Своих служителей, то есть посредством Церкви, наделяет властью монарха, или автократора, а он уже затем ее делегирует дальше, поскольку ему дана полнота земной власти. У царя есть божественное право повелевать своими подданными. Получается простая схема: Бог — царь — его холопы. Если же нет среднего звена, то есть царя, каким образом можно соединить эту схему с демократией, с властью народа? Только если считать, что теперь Бог наделяет властью каждого гражданина как царя мира, так что власть становится как бы распределенной, и эти «граждане-цари», используя дарованную каждому Богом власть, осуществляют современный демократический порядок. Вот такая модель возможна: не отказавшись от божественной природы власти, переходить к демократии. Но тогда действительно возникает вопрос: возможно ли такую теорию продвигать в контексте традиционного православного богословия?

К. Костюк. Или признать, наконец, что здесь тупик, что в понятиях этого ряда мы можем говорить только о царе, так что лучше положить все это на полочку и начать строить все заново: возвращаться к естественному праву и пытаться вводить новые православные понятия?..

А. Юдин. Западный опыт тоже знает такое столкновение. Говоря сейчас о власти, мы все-таки имеем в виду концепт абсолютистской власти, как он сложился в Московском государстве (в недоделанном, конечно, виде) или в западно-европейской традиции, транслированной после петровского времени на российскую историю нового периода. Заметим, что на Западе тоже существовала концепция божественного права короля — как преддверие уже, по

сути, светского абсолютизма. И поздняя западно-европейская схоластика (здесь можно назвать Беллармина, Франсиско де Витториа, целый ряд других имен) очень активно и настойчиво оппонировала этой модели божественной власти короля, отрицая, что у короля есть какое-то суверенное право ретранслировать божественную власть. Это была вполне осознанная позиция — и богословски, и политически, она во многом способствовала утверждению демократии в Западной Европе. Кстати, она опиралась на Фому Аквинского и его положение, согласно которому как только монарх становится тираном, народ имеет право его свергнуть или заменить. Народ, таким образом, несет ответственность за принятие политических решений в ситуации монархии. То, что в России это не было разработано, — наша внутренняя проблема.

Но у меня возникает вопрос: насколько все-таки репрезентативен тот вариант, который был предложен вначале, для православной мысли? Я имею в виду, конечно, ее расширение — не только российскую традицию, но и греческую, румынскую и т.д. Насколько мы можем быть уверены в том, что именно изложенный нам докладчиком взгляд — это и есть православное ви́дение?

К. Костюк. Вообще, в православии очень мало политических текстов, поэтому приходится полагаться скорее на интуицию. Например, почему русские религиозные философы, которые были и либеральные, и современные, в то же время добрым словом демократию не поминали? Я не могу сказать, насколько предложенная мною картина репрезентативна; это, скорее, моя трактовка исторического процесса в русском православии. И ясно, что, если мы в других областях учились у Запада, то и в политическом богословии есть много моментов, которые не очень репрезентативны, но имели место быть. Один из примеров — тот, о котором было только что сказано. Действительно, уже в схоластике начали возникать теории, которые очень неплохо сочетались с демократией, когда суверенным трактуется народ, а монарх, пусть даже суверенный, выступает уже как бы от имени народа. Такой богослов, как Феофан Прокопович, учился на Западе и все эти теории очень хорошо знал; и он представил нечто отличное от традиционных моделей царя и Божией власти: он представил народ как суверена. При этом Феофан Прокопович известен тем, что обосновал очень жестокую власть Петра над Церковью. Он опирался на то же естественное право и доказывал, что власть — это все-таки нужда самого народа в порядке, народ в этом плане суверен. Но это не помешало ему все равно поставить царя над этим народом-сувереном как источник именно божественной легитимации власти народа и таким образом вывести все традиционные для православия идеи безусловной автократической власти.

А. Кырлежев. Несколько слов, чтобы закончить с этой темой. Насчет Пскова и Новгорода существуют разные точки зрения. Одни говорят, что Псков и Новгород — это наша традиция демократии, другие — что никакая это не демократия. Чем отличается этот опыт от Московской Руси?

К. Костюк. Я считаю, что это уникальное политическое явление: нигде ничего подобного не было, кроме Новгорода. Там князь был назначаемым

общественным деятелем, он призывался на княжество. А епископ был наиболее авторитетным и центральным элементом, консолидирующим элиты, разбитые на аристократические кланы.

А. Кырлежев. То есть властью обладало народное собрание?

К. Костюк. Да. И там не происходило освящения царской власти.

А. Кырлежев. А где же была Церковь? Как она там функционировала в отличие от московской ситуации? Церковь-то та же.

К. Костюк. Церковь не совсем та же: Церковь судила, выступала посредником. И власть, пусть демократическая, осуществлялась с благословения Церкви.

А. Кырлежев. То есть все это народное собрание приходило на литургию, освящалось...

А. Юдин. У Георгия Федотова есть своего рода духовное завещание — это одна из его последних статей «Республика святой Софии», в которой он выводит основания христианской демократии русского образца, опирающейся именно на наследие республик Новгорода и Пскова. И предлагает это в качестве проекции в будущее, как свое завещание будущей России.

А. Верховский. Здесь уже было сказано, что в доконстантиновскую эпоху в христианской церкви было совершенно другое отношение к политической власти. Почему оно потом изменилось? Был ли это интеллектуальный переворот? Нет, просто изменилась историческая ситуация, и люди довольно быстро, всего за пару поколений, стали удивительным образом думать по-другому — люди, занимающие те же позиции в Церкви, что их предшественники. Да, внутри Церкви существует некоторая интеллектуальная традиция. Но уже на нескольких прозвучавших здесь примерах видно, что традиция — вещь весьма подвижная. Надо было Феофану Прокоповичу что-то обосновать, он обосновал; если бы ему нужно было обосновать другое, я уверен, он обосновал бы другое. Если надо было поздним схоластам оппонировать идее божественного права королей, они делали это тоже в пользу кого-то — не в свою пользу как академических ученых, а в пользу какой-то другой общественной силы. Я не утверждаю, что они все просто исполняли заказ, но тем не менее вся эта интеллектуальная деятельность протекает всегда в определенных исторических условиях, при определенных раскладах общественных сил и течений.

Сегодняшняя ситуация настолько отличается от той, что была в России XIX века, от Серебряного века, когда писали все наши многократно склоняемые религиозные философы, что можно сказать, что они уже остались в очень далеком прошлом. Мы живем уже в другом мире. И то, что до сего дня руководители Церкви и многие люди, выступающие с церковных по-

зиций, ссылаются на авторов исключительно столетней давности, — это несчастье, так как жизнь изменилась радикальным образом.

Что это означает? Это означает, что если не сегодня, то завтра вполне могут появиться люди, которые совершенно традиционным православным образом — точнее, таким образом, который именно завтра будет сочтен традиционно православным, — найдут способы разрешения этих проблем. Может быть, они обратятся к доконстантиновским источникам или к каким-то еще, которые найдут, скажем, у современных греков, и поймут, что «власть от Бога» вполне может реализовываться именно дисперсно, через граждан. Это «богословское обоснование» выдумано мной, так сказать, с ходу, а если немножко подумать... Был бы запрос, а люди найдутся. Так что все дело в том, что на сегодняшний день *нет запроса*. Люди, которые ассоциируют себя с православием хотя бы на политическом уровне, в значительном большинстве своем не создают запроса на современную, не архаичную политическую теорию.

Свящ. Ф. Парфенов. По поводу первого выступления: теоретически все правильно, звучит красиво. Понятия «приведение на литургию», «воцерковление», «освящение» — это все очень хорошо. Но это все слова-символы, за которыми обыкновенный современный секулярный человек не видит никакой реальности. Это отдельная проблема в истории церкви, и богословия в том числе, о которой о. Александр Шмеман очень подробно писал, например, в статье «Таинство и символ»: воцарение изобразительного символизма в нашем богословии и в нашей богослужебной жизни. Отличие средневековой или нашей современной церковной жизни от жизни древних христиан состоит в том, что древние христиане являли Царство, являли некую неотмирную реальность, покоряли других этим явлением вечной жизни, которая была с ними и явилась миру. Они вдохновляли. А потому и обращалось, как мы знаем из Деяний Апостолов, в один день три тысячи человек, в другой день еще пять тысяч и так далее. Люди чувствовали, что явилась жизнь вечная: Слово Божие воплотилось и явилось нам. Не столько были разговоры об освящении, о приведении, сколько было явление силы Духа. Это, наверное, самое главное, что отличает первохристианскую эпоху. В Деяниях мы также читаем, что христиане жили одной дружной общиной, и было одно сердце и одна душа у всех, и было все общее. Вот образец даже не христианской демократии, а христианского социализма или даже христианского коммунизма, не важно, как это назвать.

Затем это все постепенно угасло, трансформировалось в более оформленную, иерархически организованную структуру. В терминах Бердяева, произошла «объективация духа» и одновременно с этой объективацией — условная символизация. Христиане тот Дух, который изначально ими владел, отчасти утратили, угасили в себе. Зато на место прежней свободной и гонимой общины пришла смычка церкви и государства. Безусловно, произошло отчасти освящение государственной власти, отчасти освящение окружающей жизни. И это «отчасти» вылилось в изобразительный символизм. В результате царь стал символом, патриарх стал символом, по замечанию того же Бердяева, в богослужебной жизни тоже воцарился изобрази-

тельный символизм. Допустим, если раньше епископ или император входил в храм в определенный момент литургии, то теперь это давно исчезло из реальной богослужебной жизни и лишь изображается — малым входом с Евангелием.

Современному человеку, который приходит в Церковь, эти символы ни о чем не говорят, они ему ничего не являют. Соответственно, если говорить о приведении мира в Церковь, надо сначала ставить вопрос о переводе богослужения на язык современного мира, в лучшем случае; или же еще более радикально можно ставить вопрос не просто о переводе, а о реформировании богослужебного языка и вообще языка Церкви. И если говорить о задаче воцерковления и освящения мира, то мне кажется, что эта задача сейчас более чем недостижима; даже в конце 80-х годов она была более достижима, но Церковь тогда упустила шанс. Также и кредит доверия Церкви, который был в начале 90-х годов, в значительной степени теперь растерян. Судя по публикациям в Интернете и в светской прессе, сейчас все больше и больше нарастает антиклерикальная волна. Так что ни о каком массовом приведении, ни о каком освящении сейчас говорить просто не приходится. Сейчас в лучшем случае можно говорить лишь о более или менее свободном диалоге Церкви и общества. Конечно, диалоге равноправном, потому что создается впечатление, что часть нашего духовенства, и сверху, и снизу, нервничает: они не представляют, что сказать, как сказать и как действительно приводить людей в Церковь. Наверное, вопрос все-таки надо ставить о свободном диалоге. Но даже свободного диалога пока нет. Это что касается теоретической части.

Теперь позволю себе из личного опыта привести пример. Я в юности был членом Российского христианского демократического движения (РХДД). Тогда, в разгар перестройки, я вдохновился этой идеей соединения на русской почве, в русской традиции, с одной стороны, почвенничества в лучшем смысле этого слова — идей Достоевского, наших лучших русских философов, славянофилов, — и, с другой стороны, идей демократии в том виде, который они приняли в конце 1980-х годов, на заре перестройки. В 1990 году РХДД стало выпускать газету «Путь», в которой у меня были первые публикации. До того был религиозно-философский журнал «Выбор», который отдельными публикациями меня поразил, продолжая линию «Вестника РСХД», отчасти «Континента». РХДД занимало или левоцентристскую, или правоцентристскую позицию, в зависимости от конкретных людей, но потом стало все больше и больше праветь. Рубежом стал не только для меня, но и для многих 1993 год, когда после двухлетнего периода демократического правления стало ясно, к чему это привело на практике, и у многих произошло отталкивание от демократической идеи в сторону православного фундаментализма, с одной стороны, и национализма, с другой. Мы думали, что демократия образца 1992–1993 годов исчерпала себя или ее оказалось слишком много. Вместо «гомо советикуса» восстал некий интеллигентский «гомо демократикус», который в реальности никаких добрых плодов не приносил. РХДД просуществовало до 1993 года.

Я вспоминаю свое собственное отторжение от идей демократии, поскольку на русской почве она не удалась. А после перестрелки 1993 года я лично для

себя поставил крест на политике. Тогда я думал, что в лучшем случае — это суета, в худшем — вырождающаяся в то, что случилось. Я пытался укрыться от мира в церковной действительности. И не я один. Многие из церковного народа выступают против каких-либо изменений в Церкви, говоря, что государство уже разрушили, теперь еще и Церковь хотят разрушить. Это результат опыта демократии на российской почве.

И сейчас мы находимся на таком перепутье, когда никто не знает, что делать. У меня такое впечатление, что сейчас Церковь — может быть, не только наша, а вообще весь христианский мир — пребывает не только в учительном кризисе, а в периоде «богооставленности». Говорю это, конечно, в кавычках, ибо Бог не оставил мир, Святой Дух действует, но в аскетических писаниях некоторых святых отцов есть такая идея применительно к индивидуальному духовному пути. Сначала человек обращается, благодать Божия его касается, он может сделать гораздо больше, чем раньше, он испытывает ко всем любовь, он готов молиться до бесконечности, он готов сделать что-то для ближнего, он готов на подвиги и жаждет подвигов. Затем наступает период промыслительного отхода благодати, когда испытывается воля человека, его верность Богу. Это может продолжаться многие годы и десятилетия. И складывается впечатление, что историческое христианство уже много веков испытывает такой период. Было вдохновение, потом было окостенение, объективация, условная символизация, а вот третий период — период синтеза, период «второго дыхания» — у христианства в целом еще не наступил. И когда наступит — неизвестно. Я надеюсь, что период какого-то большего вдохновения придет. Сейчас же скорее больше вопросов, чем ответов.

А. Кырлежев. Хочу сделать небольшую ремарку. То, что о. Филипп только что говорил об апостольской эпохе, совершенно правильно, с христианской точки зрения. Но если посмотреть с социологической точки зрения, то раннее христианство типологически можно отнести к новым религиозным движениям, с изобилием харизм и энтузиазма. В этом нет ничего необычного — сегодня нечто подобное (опять же если говорить безоценочно, типологически) можно наблюдать у нынешних новых религиозных движений. Гораздо интереснее, на мой взгляд, и важнее понять, почему христианское духовное движение потом получило такое развитие и вышло на уровень серьезной мысли, политики, культуры и так далее.

Теперь, возвращаясь к нашему общему разговору, я бы так поставил вопрос: как нам выбраться из того тупика, который нарисовал Константин Николаевич Костюк? Один выход обозначил о. Владимир: если сейчас у нас нет серьезной реакции на проблему демократии, то рано или поздно обязательно будет. То есть появятся люди, мыслители и деятели, которые будут иметь дело с реальностью. Точка зрения Александра Верховского такова: христианская мысль всегда работает в конкретных исторических условиях и реагирует на некий социальный запрос; сейчас пока такого запроса нет, но, возможно, он появится. На самом деле, сейчас такие исторические скорости, что запрос может появиться очень быстро, по крайней мере неожиданно. Далее. Если православная политическая мысль заработа-

ет, она может попытаться вернуться к апостолу Павлу, потому что, согласно Константину Костюку, получается, что православие совершенно забыло апостола Павла и отказалось от его идеи внутреннего закона. То есть на уровне Деяний Апостолов и Посланий Павла существуют какие-то вещи, которые изначально заложены как некая аксиома внутри возможного христианского мышления. Может быть, действительно, эти апостольские традиции в какой-то степени забыты и вопрос просто в том, чтобы их актуализировать?

Свящ. В. Шмалий. Я думаю, что Константин Николаевич верно описал ту реальность, в которой существует православное богословие. На сегодняшний день у нас очень мало ресурсов и источников, которые позволяли бы трактовать о демократии: русская религиозная мысль начала XX века, какие-то отдельные места из святых отцов, кем-то произвольно подобранные; и еще я бы назвал этические труды XIX века, которые критикуют за то, что в них делается очень сильный акцент на естественном законе и предлагается некая естественная мораль[1]. Последнее и справедливо, и несправедливо. Несправедливо потому, что эти тексты надо рассматривать в контексте и с учетом исторической динамики. В XIX веке действительно не было поводов рассматривать тему демократии. Если посмотреть русских канонистов и юристов, то у них мы наверняка найдем апологию существовавшей власти и не найдем совершенно никаких упоминаний о демократии, разве что в виде исторического экскурса.

Я согласен с тем, что жизнь Церкви отчасти обусловливается определенными историческими обстоятельствами. Когда апостолы вышли на служение, тогда вообще демократия была дискредитирована: Рим правил миром, и империя представляла собой нечто очень притягательное. Куда делся путь греческой демократии? Его не было, он проиграл. Сначала македонскому царю проиграл, а потом — Риму. В древнем Израиле демократия тоже не имела никаких шансов на успех: там была теократия и царство, которого чаяли. Демократия даже для апологетов была чем-то теоретическим. Вспомним, как Аристотель отзывается о демократии, как Платон отзывается о демократии...

Сегодняшняя богословская ситуация — совершенно новая. Я могу свидетельствовать, что и в русской, и вообще в православной богословской мысли идут разные и достаточно активные процессы. И сказать, что русская религиозная мысль оценивается как последнее, окончательное слово, никак нельзя.

Что касается того, что можно назвать политическим богословием, то у нас, строго говоря, нет авторитетных источников, чтобы его разрабатывать. Где у святых отцов говорится о демократии? Где в Священном Писании говорится о демократии? Но у нас теперь есть опыт современной православной социальной мысли. Я имею в виду «Основы социальной концепции Рус-

[1] Имеются в виду работы по нравственному богословию, написанные русскими православными авторами (прот. И.Л. Янышев, проф. М.А. Олесницкий). — *Примеч. ред.*

ской православной церкви», принятые Архиерейским собором 2000 года. Это действительно беспрецедентный для Православной церкви документ. И важно здесь даже не столько конкретное содержание этого документа, сколько сам прецедент. Важно и то, что в нем размечено предметное пространство, задан некоторый вход в проблематику — ведь это именно *основы* социальной концепции. Так что есть предпосылки для работы мысли. Ведется богословский диалог, наблюдается некоторое возрождение богословия. И, думаю, лет через десять можно будет говорить о первых плодах того дела, которое начали «Основы социальной концепции». Поэтому я бы не был так пессимистичен.

Но здесь совершенно правильно говорили о другом. Есть, например, о. Александр Шмеман с его понимаем Церкви как таинства и знака в секулярном обществе. Но куда пойти с этим таинством и знаком? В Думу не пойдешь, никуда не пойдешь. Можно только вещать по радио: «Мы остаемся таинством и знаком...» И здесь я хочу вернуться к той теме у Шмемана, которая мне представляется самой интересной: о положительном значении мира, как такового. Эта тема связана с темой свободы. Если свобода делится на свободу от греха и свободу выбора, кем тогда для христианина является неверующий человек? Он не обладает никаким достоинством. Он имеет лишь какую-то зачаточную, рудиментарную ценность в силу того, что был сотворен по образу Божию, достоинства же в нем нет. И христианин, находясь рядом с каким-нибудь неверующим, грешником по определению — потому что он в церковь не ходит по воскресеньям и посты не соблюдает, — не может признать свое равенство с ним: ведь он грешник, у него все повреждено грехом. Я, конечно, намеренно карикатуризирую ситуацию. В данном случае происходит радикализация отношения к миру, которая, может быть, и полезна, если она провоцирует реакцию: или ты с нами, или ты неадекватный, неполноценный человек, у которого нет достоинства, потому что ты выбрал грех... Но он выбрал грех, скорее всего, неосознанно, даже не зная, что это грех. Понятно, что такая линия бесперспективна, ее нельзя обосновать даже церковно-историческими прецедентами.

Должно быть уважительное отношение к миру (здесь нам нужно быть благодарными о. А. Шмеману, который это подчеркивает). Да, мир поврежден грехом, и человек поврежден грехом. Но полностью ли мир поврежден грехом? Во всех ли своих основаниях? Есть ли мир чистое зло? Нет, в своих бытийных основаниях он остается неизменным. На всех ли своих путях, во всех ли своих действиях он совершенно искажен? Было бы грехом против той реальности, с которой мы имеем дело, сказать, что она совершенно поражена грехом. Тогда был бы непонятен переход, непонятны были бы те достижения духа, которые имеются вне христианства, в конце концов, в дохристианской цивилизации.

А. Кырлежев. А что — повреждено?

Свящ. В. Шмалий. Если ссылаться на авторитеты, то, по Максиму Исповеднику, повреждена способность производить безошибочные суждения. Конечно, это не самый лучший способ — говорить, ссылаясь на мысль

пятнадцативековой давности, потому что с нашими фрейдистскими и постфрейдистскими идеологемами мы видим все сквозь призму нашего современного восприятия. И тем не менее. У Максима Исповедника классический взгляд: повреждена воля, то есть способность нравственного действия, безупречного нравственного действия. Человек стал склонен к тому, чтобы скорее выбирать грех. И тем не менее человек *может* делать нравственно ценный выбор. Об этом говорит апостол Павел, об этом говорит даже самая радикальная монашеская традиция в Церкви. Человек может вести себя нравственно. На мой взгляд, есть совершенно очевидные свидетельства того, что в мире, вне Царства благодати, остается здоровое, неповрежденное ядро. Природа человека повреждена, но не уничтожена. Есть голос совести, здравый смысл, нравственное чувство.

Тут неизбежно возникает вопрос естественного закона и статуса рациональности и естественной человеческой морали. Мы вынуждены думать о том, в каком состоянии сегодня находятся рациональность и нравственное чувство. Опыт тех же атеистов, опыт людей, ведущих нравственную жизнь вне Церкви, свидетельствует о том, что есть самопожертвование, есть служение идеалу человечества. Христос сказал: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин 15:13). Мы видим эти примеры вне Церкви. Мы усматриваем очевидную ценность в самом стремлении к истине в науке, в искусстве. Представляется очевидным наличие того пространства, которое обладает некоторой естественной благостью, то есть некоторой склонностью совершать то, что заповедано Богом. Естественный закон вложен в наши сердца, в наш разум. Даже у язычников. Может быть, даже в большей степени у язычников, потому что там только этот закон и присутствует. Что с этим делать? Как быть? Отец Филипп правильно сказал: единственный способ — пребывать в диалоге с миром. А что значит диалог? Это общение в каком-то едином пространстве.

А. Юдин. Мне кажется, стоит вернуться к мысли, которая содержалась уже в выступлении К. Костюка, когда он говорил о модели царской власти. Был поставлен следующий вопрос: не является ли мирянин образом царя, то есть именно таким деятелем, который наделен в каком-то смысле царской властью, тем, кто освящает свой кусочек мира. Отсюда также апелляция к апостолу Петру с его словами об избранном народе и царственном священстве[2]. Такой подход использует современное богословское понимание мирянина в Церкви — как того, кто, обладая особым статусом и особой принадлежностью к секулярному порядку, на своем месте совершает освящение мира. Это идея очень многих христианских движений, католических в том числе, которые настаивают на том, что человек, оставаясь на своем месте — в своей семье, на своем рабочем месте, на общественной, политической арене, — совершает это освящение, являя через свои действия ис-

[2] См.: 1 Пет 2:9-10: «Вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий; *некогда* непомилованные, а ныне помилованы».

тину. В этом как раз, как мне кажется, задача христианской политики, которая и в русской мысли была сформулирована похожим образом, например, у позднего Вл. Соловьева, как некое проповедание Евангелия через общественные действия. И это как раз закладывает достаточно глубокие основы для понимания того, что такое демократия для христианина.

Мне хотелось бы вернуться к теме, которая была заявлена: христианство и культура демократии. Что такое культура демократии? Что мы под этим понимаем? Я тоже по-своему переживал этот опыт христианской демократии, может быть, издалека и отвлеченно, поскольку меня не было на баррикадах. Но что мы видим в истории христианской демократии? Христианская демократия рождалась не как политическая концепция и не как идеологическая схема, а как реальное социальное действие или социальное противодействие. Все начиналось с христианских союзов, ассоциаций, профсоюзов, во многом моделировавших средневековую структуру и противопоставлявших ее новому порядку, выдвигавших новые требования. Это был реальный, живой опыт политической деятельности. И не только политической, но также социальной деятельности, что в данном случае даже более важно, потому что политическое сообщество, как мы понимаем, это приложение к гражданскому обществу. Политическое сообщество — это инструмент гражданского общества, а не самоцель. Таким образом оттачивался инструментарий, с помощью которого христиане работали в новых культурных, политических, социальных и прочих условиях. Это был непростой, можно даже сказать, травматический опыт. Мы знаем, что из идеалов такого социального действия может вырастать корпоративная теория, которая ведет к автократии («Новое государство» португальского диктатора Салазара, австрийская модель Дольфуса и т.д.), что это опыт проб и ошибок. Но тем не менее на этом пути вырабатывались какие-то критерии понимания, какой-то ценностный ряд.

Кстати, у нас был небольшой период после февраля 1917 года — обращаю внимание на этот уникальный исторический эксперимент, — когда и православная, и католическая общины в России весьма активно занимались усвоением опыта христианской демократии, да и протестанты тоже. Был знаменитый доклад Сергея Булгакова на Церковном соборе, были католическая христианско-демократическая партия, протестантская христианско-демократическая партия. При этом они аккумулировали западно-европейский опыт, естественно, в каких-то конфессиональных рамках, переваривали его, шла дискуссия, и делались собственные предложения. Известные события 25 октября 1917 года все это аннулировали. Но вот этот предшествовавший период достоин изучения. Я понимаю, что это в некотором смысле историческая археология, но очень интересно проследить, если такие возможности будут, ход самой дискуссии в православном, протестантском и католическом контекстах в России.

А. Кырлежев. Говоря о православии и демократии, мы осознали некоторый тупик для православной мысли, но при этом обнаружили, что этот тупик может оказаться туннелем. Хотя пока неясно, что́ в конце туннеля — свет или тьма. Но, даже находясь в ситуации дискуссии о тупике и возможности выхода из него, мы должны, наверное, все-таки хотя бы коснуться основ-

ных ценностей той сложившейся и действующей идеологии, которая именуется христианской демократией. Мы уже столкнулись, скажем, с вопросом о свободе, затронули вопрос о личности. Последний вопрос очень важен, так как это, в частности, вопрос о том, будет ли личность в современной православной мысли осмыслена не только чисто богословски, то есть как ипостась, но и как социальный деятель.

А. Верховский. Мы говорим о том, что́ надо поискать в православном или общехристианском наследии, чтобы осмыслить тему демократии. Однако, на мой взгляд, первостепенное значение имеет вопрос о том, кто будет все это делать и, соответственно, для чего он все это будет делать. Потому что сейчас, после того как умерла инициатива РХДД, и после перерыва в несколько лет единственным социальным деятелем, который вообще что-то публично, громко говорит на эту тему, является церковное руководство. Ему есть что сказать. Существуют и радикальные группы. Раньше их голос был значим, сейчас же он, на мой взгляд, уже не очень значим, потому что его, в силу разных причин, церковное руководство «перекричало». Представители церковного руководства говорят громче, убедительней и эффективней, и не только потому, что у них есть административный ресурс. Что происходит?

Дело не только в отстаивании корпоративных интересов, в чем, кстати, нет ничего плохого: любая корпорация должна отстаивать свои интересы. Дело в том, что возникло понимание своей задачи — противостоять ужасному валу секуляризации. Ввиду отсутствия христианских политических организаций, руководство Церкви сейчас выдвигает, может быть, неполноценную социальную программу, но такую, которая не уступает программам, выдвигаемым другими партиями. Ее можно описать как политическую программу. А в нашей политической системе не имеет большого значения, партия выдвигает программу или не партия.

Я не буду описывать эту программу, все ее представляют. Вопрос в том, какова будет ее роль — не сегодня, а, скажем, завтра. На мой взгляд, как ни странно покажется многим, это позитивная программа, потому что десять лет назад из-за церковной ограды доносились просто непонятные для всего остального общества слова о конце света, о царе-искупителе или тому подобном, и никто вообще не понимал, что эти люди говорят. А теперь из-за церковной ограды, которая по-прежнему огораживает не очень большое пространство, раздаются более или менее понятные всем слова. И уровень понятности все время возрастает. Есть и некоторый элемент диалога. Пусть он пока и выглядит странно — как некий торг с запросом. То есть церковное руководство выходит и говорит: нам не нравится секуляризация, давайте все решительно повернем назад, вернемся в хорошие прошлые времена; мы отрицаем ценности Просвещения и свободу выбора, которая приводит ко греху и т.д. Но постепенно, по мере того как они вынужденно начинают обсуждать все эти вопросы предметно, они вводят в церковный обиход понятия, которых там раньше не было. Да, они плохо рассуждают о механизмах функционирования экономики, но трудно ожидать, чтобы рассуждали хорошо. О правах человека рассуждают очень странно, но раньше-то вообще не рассуждали.

Сегодня по этим вопросам от лица Церкви заметным образом выступают два с половиной человека, и между ними дискуссия невозможна, поскольку они находятся друг с другом в отношениях иерархического соподчинения. Но пройдет некоторое время, и будет возможен некоторый внутренний разговор на эту тему, и в результате внутри церковной ограды сформируется какая-то более конструктивная позиция в диалоге с обществом. Сейчас такой диалог протекает в форме скандала, но раньше-то никакого диалога просто не было.

Другая линия, о которой я пока не готов говорить подробно, это поведение мирян и, может быть, рядовых священников, которые не могут выступать от лица Церкви, но которые теоретически могли бы сформировать некую низовую инициативу — что, собственно, они и пытались сделать в начале 1990-х. Эта инициатива называлась демократической, но ее не обязательно так называть. Она не возникает потому, что для этого должно появиться какое-то социальное движение, которое почему-либо окажется ассоциировано если не с Церковью, то хотя бы с христианской риторикой.

А. Юдин. Мы видели движение «Аксьон Франсез»[3] во Франции, риторически, декларативно католическое, но по существу не христианское. Там было все — монархизм, идеалы, государственность, великая католическая цивилизация... Христианство же — на нулевом уровне. У этого движения были очень сложные отношения с Католической церковью — запрещения, разрешения; потом с его сторонниками смирились, когда они немножко перестроились, но опыт это крайне опасный. Мы видим идеологизацию христианства, превращение его в некую политтехнологию и использование его властью, которая только и ждет, когда ей предложат новую технологию собственной легитимации и воспроизводства.

К. Костюк. Я хотел продолжить эту линию, но начинать надо с другого. Мы вспомнили уже раннехристианскую общину как некую модель. Напомню второй элемент. Демократия возникла во Франции — как секулярная, в результате победы либералов — и тут же превратилась в империю; там было море крови и т. д. Это первая модель. Но есть и вторая модель — североамериканская, которая, по существу, была инспирирована религиозно и вырастала изнутри жизни совершенно разных религиозных общин, которые тоже пытались апеллировать к опыту раннехристианских общин. У этих общин были очень разные интересы, они начинали друг с другом конкурировать, но из этого многообразия, при отстаивании свободы совести и вероисповедания, родилась жизнеспособная демократия.

А теперь к нашей приходской жизни. Приходская жизнь — это и есть базовая модель демократии. Если из нее растет что-то общинное, похожее на раннее христианство, то, наверное, получится демократия. Если же из нее ничего не растет... Может быть, в этом и заключается трагедия русской куль-

[3] «Французской действие» (L'Action francaise) — крайне правая националистическая и монархическая организация, действовавшая во Франции с начала XX в. до конца Второй мировой войны. — *Примеч. ред.*

туры и русского народа, что из приходской жизни ничего подобного не растет. А потому не возникают и более масштабные христианские движения, да и просто группы по интересам. Дело в том, что в соответствии с православным взглядом, типологически неоплатоническим, на все смотрят сверху вниз: власть делегируется вниз и никогда не начинается с общины; приход не действует, священника не выбирает, и не священники выбирают епископа и т. д. Типологически демократического движения нет в Церкви, значит, оно — как движение христианской политики — не может возникнуть и в обществе.

А. Юдин. Согласен, что существует проблема общины как таковой. Мы говорим о начатках христианского понимания демократии. Сошлюсь на опыт одного моего знакомого. Его заинтересовали процессы, идущие в современном христианстве, он начал искать, копать и долго не мог понять, что происходит в Православной церкви. Наконец, он нашел довольно жесткое объяснение: «Священник не заинтересован в том, чтобы существовала община. Ему нужно просто стричь овец. Если они получат навыки самоорганизации, стрижка пойдет со скрипом». Короче, нужно манипулировать. Действительно, что сейчас поражает в современной религиозной жизни в России, так это отсутствие общины, как таковой, и сложноподчиненные отношения между священником и прихожанами. Есть приход как элемент иерархической церковной структуры, но приходская система во всем мире переживает сейчас серьезный кризис. В то же время происходит возвращение общин, но общин в новом их понимании — как каких-то движений, локальных мобильных сетей; например, это базовые общины в Латинской Америке. Сейчас все это очень оживленно дискутируется, по крайней мере в католическом мире.

А. Кырлежев. У меня реакция на два приведенных примера. На мой взгляд, и к французской ситуации, и к американской нужен конкретно-исторический подход. Мы можем двигаться через абстрагирование и из исторического опыта определенных стран извлекать какие-то принципы, но вполне ли они работают в нашей ситуации? А потому вполне справедливо и официальные представители Русской церкви, и некоторые представители общественности предостерегают против того, чтобы смотреть на религиозно-политическую ситуацию в современной России через призму, скажем, американского опыта. С точки зрения места религии в современном западном обществе Европа и США представляют собой два исключения. Европа — это самый секулярный регион, бастион секуляризма. Напротив, Америка, будучи безусловным лидером западного мира, — в то же время страна, сохраняющая самую высокую степень религиозности, и там действительно велика роль религиозных общин, но это совершенно особая исторически сложившаяся модель. Вряд ли имеет смысл говорить об общине *вообще*, так же как и о принципах христианской демократии *вообще*.

Что же касается Православной церкви, то, безусловно, какое-то социальное движение в ней нарастает и развивается. Это заметно на уровне самого разного рода низовых организаций, которые занимаются не просто миссией, но и больницами, тюрьмами, бездомными и т. п. Активность очень большая. И здесь важно не только то, что возникают и развиваются некис

религиозные сообщества, у которых есть своя цель и свое дело. Мы сейчас можем наблюдать, как складываются целые православные сети, то есть возникает и уже действует сетевое православное сообщество, объединяющее людей самого разного социального статуса, распоряжающихся довольно мощными ресурсами и т. д. И встает вопрос о роли традиционной христианской общины в XXI веке, когда на первый план выходят именно сетевые сообщества, в том числе и религиозные. Как эти православные сети соотносятся с христианством, с социальным действием, с Церковью, с гражданским обществом? Здесь масса проблем.

Другой аспект касается общинного опыта в православной среде, его идеологического обеспечения. С одной стороны, там совершенно нет никакого гражданского пафоса, скорее, наоборот, дихотомия: «мир» и «мы». Создаются сообщества, сначала небольшие, потом целые конгломерации общин, которые связаны друг с другом и ощущают себя крепостью, осажденной мировым секуляризмом. С другой стороны, в таких общинах, которые в принципе не политизированы и образуются вокруг священников и храмов или ради просветительской и благотворительной деятельности, — в сознании членов таких общин присутствуют определенные идеологемы, касающиеся политики, истории и прочего.

А. Юдин. Когда появляется социальное учение в Католической церкви? Тогда, когда до крайности доходит конфликт между Церковью, позиционирующей себя как совершенное общество, и новым политическим порядком. Проходит некоторое время после катастрофы 1870 года, т. е. падения церковного государства, и папа Лев XIII начинает искать способы взаимодействия с миром в ситуации, когда Церковь пыталась настаивать на отсутствии позитивной гражданской позиции у католиков. Ведь, по сути, Пием IX был введен запрет на гражданскую позицию, согласно известной формуле: «Не подобает участвовать в политической жизни новой, объединенной Италии». Другими словами, не подобает быть гражданином этого государства, которое никаких отношений с идеальным обществом, то есть с Церковью, не имеет. Начало социального учения — это истоки формирования гражданской позиции христианина. Это диалог, взаимодействие, когда христиане как социальные деятели обретают определенную автономию.

Вначале работала модель т. н. католического действия. Миряне идут туда, куда иерархию не пускают, а иерархия управляет этим процессом: дает четкие приказы и выслушивает отчеты. Но затем мы видим, как акцент постепенно переносится на самостоятельные действия мирян, у которых в миру есть свои собственные задачи в силу их особого статуса. И это именно секулярный статус, который начинает рассматриваться как нечто доброкачественное. Вот откуда происходит формирование гражданской позиции христианина и вообще христианского отношения к демократии. И это происходит после того, как в католическом мире была преодолена историческая травма, связанная с Французской революцией. Весь XIX век Католическая церковь и новый либеральный порядок, вышедший из Французской революции, выясняли отношения: сшибались лбами, запрещали друг друга и лишь кое-где пытались ударить по рукам; затем наступил финал — падение цер-

ковного государства. В результате папа Пий IX принял демонстративную позу: я затворник Ватиканского дворца и ничего не принимаю, ни ваших подачек, вообще ничего от вас... А уже при его преемнике Льве XIII происходит некоторое смягчение этой позиции и как начальный вариант диалога с новой реальностью возникает социальное учение — знаменитая энциклика «О новых вещах» (De rerum novarum) 1891 года.

А. Кырлежев. Иначе говоря, Церковь имеет дело не с понятием демократии вообще, не с идеями, она имеет дело с предлагаемыми обстоятельствами.

А. Юдин. Самое важное, что, помимо реалий, она имеет дело с конкретными людьми. Потому что демократия — именно тот тип политического устройства, который наиболее адекватно на современном этапе соответствует понятию достоинства человеческой личности и христианскому пониманию этого достоинства, опять-таки в рамках конкретного исторического этапа.

Свящ. Ф. Парфенов. Здесь есть еще один момент. На чем вообще зиждется демократия в светском понимании? Все-таки на законности и правосознании. Что мы имеем в нашей российской действительности? Мы имеем отсутствие правосознания и пренебрежение к законам. То же самое и в церковной жизни. Если говорить о канонах, то одни из них устарели безнадежно, хотя другие актуальны. В современной церковной жизни либо каноны вообще не исполняются, ими пренебрегают, либо по всякому поводу цитируются древние правила, что весьма спорно. Опять две крайности отношения к закону уже внутри Церкви.

Но Евангелие говорит нам и о другом: *Верный в малом и во многом верен* (Лк 16:10). Малое — это и исполнение нравственного закона, и внутреннее правосознание. Демократия, наверное, начинается с реализации базового, общечеловеческого принципа, который выражен еще в Торе: не делай другому, чего не желаешь себе самому. Западное общество, где демократия утвердилась, опирается хотя бы на этот принцип, с которым согласны и христиане, и нехристиане. А что мы имеем в России и у нас в Церкви? Удивительный контраст: либо отдельные островки святости, которые, конечно, превосходят закон, которые живут по благодати, но это на уровне даже не общин, а на уровне отдельных людей; либо просто открытая бездна порока. У нас среди православных любят говорить: какая демократия — это демоно-кратия; демократия — в аду, на Небе — царство. Это утверждение приписывают, кажется, Иоанну Кронштадтскому. Хотя, если вдуматься, какая в аду демократия?!.

Так вот, верный в малом и во многом будет верен. У нас в проповедях замахиваются на какие-то высоты, звучат призывы к смирению, к послушанию, к подвигу. Ириней Лионский говорил: мечтают стать богами, не став еще людьми. Прежде чем обожиться, надо очеловечиться. И вот эта человечность начинается с малого, по «золотому правилу»: поступай с другими так, как хотел бы, чтобы с тобой поступали. Это универсальный принцип. Почему нам Господь не дает больше? Потому что мы не верны в малом.

Церковь призвана быть выше демократии — это соборность. Но где у нас в реальной жизни сейчас соборность? В чем она проявляется? Если бы

она действительно была, если бы у нас была общинная жизнь, своего рода гражданское общество внутри Церкви, тогда можно было бы, опираясь на этот опыт, взаимодействовать с внешним миром и что-то нести туда уже с высоты духовного опыта. Но поскольку мы находимся ниже не только соборности, но даже элементарной демократии, внутри Церкви у нас господствуют феодальные отношения. Батюшка стрижет овец, приход существует не столько за счет общины верующих, сколько за счет потока неверующих, которые воспринимают храм, как магазин; правящий архиерей — это царь и бог в отдельно взятой епархии, посильнее Папы Римского. Я знаю священников в провинции, которые полностью крепостные своего архиерея. Феодализм в законченном виде, в непросветленном, непреображенном, то есть то, о чем говорил о. Александр Шмеман, утверждая, что на нас надвигается новое средневековье в самом худшем, варварском виде.

Свящ. В. Шмалий. Я должен вам возразить. Появляется и позитивный опыт. Например, когда рядом с епископом появляются живые люди, он вступает в человеческое общение, он подключает какие-то «мирянские» ресурсы, потому что других нет, и это начинает работать. Возникают очаги нормальности и очаги гражданского действия. Я думаю, что сегодня социально-благотворительные инициативы — это наиболее перспективные очаги такого действия и очаги нормальности. Те формы деятельности, которые происходят в социальном поле, в гражданском, правовом, они как раз и дают Церкви новый импульс и новый опыт.

Сейчас уже и малые общины говорят о том, что они могут принимать участие в общем социальном действии. Они задаются вопросом: почему они не могут участвовать в конкурсе на получение государственных средств, ведь они осуществляют общественно значимые проекты? Это гражданское мышление. Все эти опыты имеют место практически в каждой епархии. Почти все архиереи взаимодействуют сейчас не только с губернаторами, потому что надо делать дело, надо вступать в правовые отношения. Епископов тоже поправляют и корректируют; сегодня епископы зависят от очень многих обстоятельств. И священники могут каким-то образом влиять на них. Это сложный процесс, и все учатся в этом процессе. И общество учится.

Свободе нужно учиться. Мысль о том, что Бог — тиран, который репрессирует всех несогласных, — это неправильная идея. Любовь Бога подразумевает именно отказ, отход человека от Бога и подразумевает возможность какого-то экспериментирования. Бог — педагог, любящий человека, вплоть до разрешения восстания против Самого Себя.

Свящ. Ф. Парфенов. Притча о милосердном самарянине — ведь это же целое евангелие в Евангелии, так же, как и притча о блудном сыне. Самарянин по отношению к иудеям был настоящий грешник-еретик, но, по толкованию святых отцов, через него действует Сам Христос, и он является прообразом Христа. Единоверцы покинули раненого человека, а самарянин, еретик-грешник, поднял его, перевязал ему раны, позаботился о нем и еще готов был позаботиться и в дальнейшем. Вот пример действия Христова. Когда сами избранные христиане не оправдывают своего высокого

звания, Бог избирает из камней христиан[4], и фактически он действует через внешний мир, через мусульман, через кого угодно, через атеистов, когда они являют собой пример действия в нашем мире притчи о милосердном самарянине.

А. Кырлежев. Нам надо понять, какие примеры могут работать на социальную теорию, а какие — не могут. Был хороший пример с богооставленностью — из области аскетики, абсолютно церковный. Бог в Своей педагогике по отношению к подвижнику, человеку, который только и занимается молитвой, специально ставит его в такие условия, когда тот предоставлен сам себе... Вот мы говорим: приходите, у нас благодать, — а, оказывается, есть ситуации, когда Бог специально как бы отпустил человека и дает ему действовать самому. Это очень хороший пример. Хороший пример и с самарянином. Пример того, что выполнять волю Божию может человек, который не принадлежит к Его стаду, к Его общине.

Это удачные примеры. Есть, однако, и неудачные. Мне кажется, что в контексте нашей темы надо воздерживаться от употребления таких понятий, как каноны, соборность и даже святость. Здесь говорилось, что есть очаги святости, где все хорошо. Приведу другой пример. Недавно в интервью одного епископа, который занимает довольно жесткую, критическую позицию по отношению к Священноначалию, я прочел такое его признание. Он говорит, что доверяет покойному старцу Николаю Гурьянову с острова Залита, а у того в келье он сам видел, как мироточили иконы Иоанна Грозного и Распутина... Допустим, отец Николай Гурьянов человек святой, прозорливый, но он вообще не теоретизирует, он даже не богословствует. К нему приходит довольно молодой епископ и видит у него мироточивую икону Иоанна Грозного — и таким образом получает некое идеологическое указание, не прямое, а косвенное. Например, о том, что жесткая православная монархия является политическим идеалом Церкви.

Иными словами, когда мы говорим о политическом или социальном измерении Церкви, мы не можем прямо апеллировать к святости, потому что это другое измерение. Если святость — это некая духовная правильность, то это правильность, которая не распространяется на такие сложные, проблемные сферы, как сфера политического. Если в православной мысли отсутствует проблема демократии, то святость здесь нам не поможет. Но, с другой стороны, человек приходит к святому и получает косвенную политическую рекомендацию. И так иногда формируется сознание верующих и священнослужителей в той сфере, которая не является теоретической проблемой для православной мысли, но является практической проблемой жизни православного христианина в мире.

Теперь о канонах. Говорят, что каноны используют произвольно, выборочно, но иначе их и нельзя использовать. Например, в Католической церкви существует сравнительно недавно принятый канонический кодекс, то

[4] Ср. слова Иоанна Крестителя: «Не думайте говорить в себе: “отец у нас Авраам”, ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф 3:9).

есть там существует каноническое право, которое предполагается исполнять на практике. В Православной же церкви нет такого канонического кодекса, а есть лишь каноническое наследие, каноническое предание, включающее множество норм, которые относятся к разным историческим эпохам. А поэтому вполне возможно выбрать из двухтысячелетнего периода существования Церкви те каноны, которые нужны для конкретного современного случая — ведь никакие каноны не отменены. Такая избирательность в области церковного законодательства, когда каждый сам определяет, что устарело, а что нет, является одной из причин того, что Церковь не может воспитывать правосознание.

То же самое и с соборностью. Сейчас кто требует созыва Поместного собора? Прежде всего радикалы и такие открытые оппозиционеры высшей церковной власти, как небезызвестный епископ Диомид. Собора требуют люди, которые уже имеют готовые решения по тем вопросам, которые они якобы хотят обсуждать на соборе.

То есть я хочу сказать, что в чистом виде нет ни общины, ни канонов, ни соборности. И даже святость не является абсолютным совершенством во всех отношениях.

К. Костюк. Можно вспомнить еще одно понятие: «субсидиарность»[5]. Это обязанность вышестоящих властей помогать нижестоящим и даже отказываться от полномочий в пользу нижестоящих инстанций, если те способны самостоятельно решать свои проблемы. «Помощь ради самопомощи». Оно уже вошло в европейские законы, его собирались использовать в европейской конституции. А понятие это, между прочим, предложено Церковью. А у нас было понятие соборности, в XIX веке, еще прежде, чем началось земское движение и вся демократическая волна. Мы говорили об интеллекту-

[5] В социальном католическом учении принцип субсидиарности вобрал в себя принципы солидарности и общего блага. Субсидиарность (от лат. Subsidium — помощь из запаса) — это дополняющее активное вмешательство больших социальных образований (например, государства и его институтов) в целях помощи индивидам или меньшим социальным образованиям (например, католическим религиозным общинам). Принцип субсидиарности распространяется Католической церковью не только на ее отношения с государством, но и на отношения Ватикана с национальными католическими церквами и диоцезами. Принцип субсидиарности, с одной стороны, защищает автономное бытие небольших социальных групп или индивидов от вмешательства более крупных социальных образований; с другой — предполагает «помощь сверху вниз» в тех случаях, когда небольшая социальная группа не может справиться со стоящими перед нею задачами. Первый аспект субсидиарности в католическом социальном учении понимается как гарантия невмешательства государства в дела Церкви, второй — как моральный долг государства оказывать содействие Католической церкви в осуществляемых ею социально значимых акциях и процессах (это распространяется и на придание католицизму особого государственного статуса в странах традиционной католической религиозности; что, в частности, возможно через конкордатные отношения Католической церкви с конкретным государством). См.: *Хёффнер Й., кардинал.* Христианское социальное учение. М., 2001. С. 50–53.

альных ресурсах, которые нам нужны, чтобы работать с темой христианской демократии; вот как раз прекрасный ресурс, на котором надо строить. Ведь соборность — это церковная модель демократической общественности, распределения власти, представительства. На наших соборах были представители и от крестьян, и от других сословий. Соборность — это флаг, который, я считаю, нам надо поднять.

А. Кырлежев. И понятие личности в богословском смысле, и понятие соборности, возникшее в традиции русской религиозной мысли, можно продумать и развить, а затем предложить развернутую концепцию, но пока за этими терминами ничего нет, кроме невнятности и путаницы. Ведь нужно объяснить, что наше понятие соборности и «соборность» из Символа веры — это не одно и то же; объяснить, чем богословская интерпретация соборности отличается от соборности, воплощенной, по мнению славянофилов, в тогдашней сельской общине, и прочее. Я не отрицаю потенций, которые заложены в этом слове, но само по себе, не будучи раскрыто и объяснено, это понятие не работает.

Хотел бы также обратить внимание на то, что русское церковное зарубежье в XX веке не внесло практически никакого вклада в разработку православного социального и политического учения. В эмигрантской традиции наблюдается почти полное отсутствие размышлений о демократии, о политической культуре. Исключение составляет только уже упоминавшийся здесь Георгий Федотов с его журналом «Новый Град»; можно вспомнить, кажется, одну статью Николая Алексеева. Владимир Варшавский в своей книге «Незамеченное поколение» сетовал по этому поводу, отмечая нежелание русских мыслителей и богословов продумать тему демократии и религиозно оправдать ее. Кстати, Варшавского и эту его книгу очень ценил о. А. Шмеман, который со своей стороны проявлял удивительное безразличие к политической проблематике в контексте богословия. Это очень интересный и показательный момент: богослов, который концептуально писал об истории Церкви и о литургии и при этом сам живо интересовался текущей политикой, эмоционально в ней участвуя, обнаруживает нежелание или неспособность думать и рассуждать о политических проблемах с христианских, богословских позиций. И всякий христианский социальный активизм вызывает у него отторжение.

А. Верховский. Все-таки в Западной Европе, будь то протестантской, будь то католической, в XIX веке и в начале XX не только были люди, которые размышляли изнутри христианской традиции о социальных проблемах, но была и реальная вовлеченность церковных, околоцерковных, общинных структур в социальную жизнь. В России этого не было, а потому неудивительно, что мало текстов: очень трудно умствовать без практического основания.

Сегодня же, на мой взгляд, — другая проблема. В Западной Европе существует христианско-демократическая традиция, которая возникла давно и выросла из еще живого христианского, хотя и сильно модернизированного, общества. Что такое христианско-демократическая партия в Герма-

нии? Это либерально-консервативная партия, которая, образно говоря, не носит хоругви по улицам. У нее есть определенные взгляды на экономику, на государство и прочее. Это называется христианской демократией, потому что исторически эта партия так сложилась еще на излете процесса модернизации, это не пустой звук. Но если в обществе именно такое не вызрело, то и нет такой партии (в Британии, во Франции). И сегодня, в другую эпоху, если кто-то захочет выдвинуть социально-политические идеи, сходные с идеями, допустим, ХДС или другой подобной партии, зачем им называться христианскими политиками? Почему бы им не назваться просто консерваторами? Или социалистами — если они христианские социалисты? Я плохо представляю, как может сегодня возникнуть христианская политика в сильно секуляризованном обществе, гораздо более секулярном, чем была Германия во время зарождения христианской политики.

А. Юдин. На мой взгляд, здесь два аспекта. Во-первых, налицо утрата христианскими лозунгами политической валидности, то есть ценности и значимости; во-вторых — институциональный кризис партий, как таковых. Это все привело к тому, что христианская демократия в Италии закончилась и не смогла обрести нового стартового момента; несколько раз пытались что-то сделать, но не получилось. То же самое мы видим и в Германии, и в какой-то мере в Бельгии — стране, где есть какие-то традиционные субстраты для христианской политической культуры. Но они очень быстро модифицируются. Во что они превращаются — это очень интересный вопрос. Но они перестают существовать в качестве христианских партий, как таковых. Другое дело, что прослеживается какая-то причинно-следственная связь их политических лозунгов и некоего ценностного ряда, ассоциируемого с традиционным христианским имиджем. Пока эта цепочка еще не распалась до конца, но, на мой взгляд, она уже близка к тому, чтобы окончательно разорваться.

На Востоке же продолжается своего рода «литургический сон». И это очень интересным образом возвращает нас к размышлению о европейских истоках. Возьмем римскую идею, о которой писали многие современные исследователи, в том числе политологи. Что сделали древние римляне? Да ничего они не сделали. Они заимствовали у других и из этого создавали новую реальность. Римляне ощущали себя полуварварами: за ними — высокая эллинская античность, впереди — варварский мир. И они, ощущая себя частью и той, и другой реальности, преобразовывали ее, создавая новый ценностный ряд. Европа всегда катилась, ощущая себя в пограничном состоянии. Сейчас такое же пограничье. Поэтому неспроста папа Бенедикт XVI, выступая перед итальянским сенатом, когда он был еще кардиналом, сфокусировал внимание на творческих меньшинствах, которые всегда творили историю. У христианства всегда есть потенциал сохранения в себе энергии творческого меньшинства, возвращения к модели апостольской общины и ее развития в новом контексте.

А. Кырлежев. Есть еще одна более частная тема, которую мы не затронули: права человека. На мой взгляд, последовательно логичной, хотя и

имеющей свои эксцессы, является лишь концепция индивидуальных прав. При этом существует, в разных формах, и концепция коллективных прав. Мне кажется, что они логически совершенно несовместимы. Хотя сторонники совместимости апеллируют к тем прецедентам, которые были в период утверждения концепции прав человека, например, к праву народов на самоопределение. Действительно ли это два совершенно несовместимых, антагонистических подхода? Возможно ли существование этих прав в одном комплексе?

А. Верховский. На мой взгляд, эти подходы противоречат друг другу, и их примирение невозможно. Но это — теоретически. На практике же любой «патентованный» адепт прав человека расскажет вам о том, что есть три группы прав и что они неразделимы, что они равноценны и что они должны одинаково защищаться международными инструментами. И он приведет множество оснований отвлеченно-морализаторского характера, потому что права третьего поколения бывают совершенно экзотические, например право доступа к чистой воде. Понятно, что хорошо иметь доступ к чистой воде, но почему это называется «правом», — непонятно.

В исторически сложившихся международных документах есть элементы групповых прав, и это не только право народа на самоопределение, но, скажем, такая более развитая отрасль прав человека, как права языковых меньшинств. Все, что связано с правами языковых меньшинств, можно прямо переносить на любую группу, в том числе и на религиозную. Если языковое меньшинство может настаивать на том, чтобы в школе преподавали на его родном языке, даже если этот язык распространен только в одном селе, то непонятно, почему любая религиозная группа не может настаивать на религиозном обучении в государственной школе, даже если, кроме членов этой группы, никто эту религию не исповедует. И на это нет ответа. Точнее — нет четкого ответа. Нечеткий ответ примерно такой: если представители определенных групп могут убедить общество в необходимости выделить публичные ресурсы именно им на сохранение/развитие их идентичности, общество согласится, что есть именно такое «коллективное право», и ресурсы выделит, по мере их наличия, конечно.

Любые как угодно сконструированные группы, если у них есть маломальски влиятельные активисты, способны всем объяснить, что деление людей на группы именно такого типа является исконным, природным. Речь идет и об этнических отличиях, и о религиозных отличиях. Ведь никто не говорит, что права мусульманского или какого-то другого меньшинства должны защищаться потому, что эти люди выбрали ислам и нужно уважать их выбор. Обычно аргументация заключается в том, что они природно являются мусульманами. То же самое с православными, католиками и т. д., которые фактически приравниваются к этническому меньшинству, а оно, в свою очередь, также якобы является природным. И получаются группы, подобные расовым группам. Таких построений в современном мире все больше. Ими в равной мере могут пользоваться как политически левые, так и правые; политическая ориентация не имеет значения, лишь бы они были склонны к использованию этого механизма конструирования групп, а он

такой удобный, что удержаться невозможно. По-моему, практически все, кроме небольших либеральных меньшинств, пользуются такой концепцией групповых прав.

Это очень печально, потому что происходит разрушение понятия прав отдельного человека, и довольно стремительно. Но поскольку активистов, представляющих группы, гораздо больше, чем людей, которые выступают за традиционные права человека, «коллективные права» побеждают. Я не знаю, может ли представление об основных — индивидуальных — правах вообще быть вытеснено таким образом из публичной политики. Пока оно еще держится.

А. Юдин. В Католической церкви ситуация точно такая же. И коллективное право в таком случае нивелирует понятие индивидуального права, которое является стержневым, основным для понимания концепции прав человека. Папа Иоанн Павел II, выступая, кажется, по поводу 50-летия Декларации прав человека, говорил примерно то же самое.

А. Верховский. Руководство Русской православной церкви, хотя оно формально выступает как бы от лица «группы православных» и отстаивает групповые права, условно представляет и большинство населения страны. Ведь, в соответствии с внутригрупповым критерием, большинство людей являются членами Церкви, потому что они крещены. То, что вне группы этот критерий не работает, не имеет особого значения, тем более что он не вызывает противодействия со стороны этого большинства. А на самом деле защищается право не очень большого меньшинства людей, для которых православная идентичность действительно значима в социальных отношениях. Для большинства она не значима. А если возникают коллизии, — например, по поводу преподавания религии в школе, — в этом случае церковное руководство действует так же, как и этнические лидеры.

Что касается перспектив участия христиан в дискуссии о правах человека, то, на мой взгляд, самый вероятный сценарий — именно тот, о котором я сказал: люди, выступающие от имени Церкви, выучат слова про коллективные права и будут, ссылаясь на вполне секулярные источники, настаивать на том, что эти права должны уважаться наряду с индивидуальными правами; и поскольку они представляют большинство, это значит, что меньшинство может в некоторых случаях потерпеть. С точки зрения групповых прав, это рассуждение вполне правомерно. Даже в уже затянувшейся дискуссии о преподавании в школе «Основ православной культуры» основной аргумент против такого преподавания сводится к тому, что представители других религиозных групп будут недовольны, то есть сам этот аргумент не выходит за рамки представления о групповых правах.

А. Кырлежев. Попытаюсь подвести некоторые итоги нашего сегодняшнего разговора, который, конечно, нужно будет продолжить.

Создается впечатление, что существует набор типических русских идеологических позиций. Серьезного развития предложенных когда-то концепций нет. Скажем, концепция соборности остается не развитой и не востре-

бованной. А после исторических обломов и обрывов уже как-то сложившейся интеллектуальной традиции все приходится начинать почти с нуля. В то же время такие концепции, как христианская демократия или права человека, не только возникли уже давно и в другом контексте, но и сами переживают эволюцию и даже кризис. Однако то, о чем говорил вначале Константин Костюк, — православие как литургия, приход на литургию, освящение, эсхатология, — все это вневременное, и все это остается. И получается, что, с одной стороны, — литургическое вневременье, а с другой, — погруженный во время мир, который эволюционирует, где меняются эпохи, сменяются идеологии и т. д.

Что касается развития христианской социальной мысли, то здесь важным оказывается не столько то, что не развиты теории, сколько то, что не развиты или отсутствуют определенные социальные практики. Невозможно создавать социальную теорию, которая не сталкивается с социальной и политической реальностью. В этом отношении действительно «Основы социальной концепции» — документ, вполне отражающий определенную социальную реальность, реагирующий на конкретную историческую ситуацию, а потому документ полезный. Но даже в том случае, если все это будет развиваться, если будет происходить дальнейшая разработка православного социального учения и большинство православных его примут, все равно останется этот основной полюс — связанный с понятиями литургии, Евхаристии, эсхатологии, Церкви как «Неба на земле». В этом смысле в начале нашего разговора проблема была поставлена правильно, я бы сказал, эвристически верно.

И. И. Виноградов

Заключительное резюме и вопросы для дальнейшего обсуждения

Я очень благодарен всем, кто собрался на наш круглый стол и принял участие в обсуждении.

Правда, разговор получился несколько более широким и общим, менее прицельным, чем мы предполагали.

Мы рассчитывали вплотную подойти — и наметить хотя бы предварительные пути обсуждения — к той вполне реальной и прежде всего практически-политической проблеме, которая принадлежит, на наш взгляд, к числу наиболее острых и жизненно важных сегодня для России. Это вопрос о том, нужно ли, возможно ли и как возможно появление в нынешних российских условиях общественно-политического движения того типа, которому во всем мире соответствует понятие «христианская демократия». Мы же, в сущности, лишь в конце дискуссии и только приблизились к этой теме, отдав основное время скорее уяснению некоторых общих теоретических подходов к ней, чем ее актуальному жизненному содержанию.

Но, конечно, это было в какой-то мере даже и неизбежно — так ведь часто бывает при первом приступе к решению той или иной задачи, когда срабатывает психологический механизм, в чем-то сходный с эффектом брошенного в воду камня — камень падает, от него начинают расходиться

круги, и глаз невольно устремляется прежде всего за ними, отвлекаясь от образующего их центра.

Поэтому утешимся, во-первых, тем, что сегодняшний разговор — это действительно всего лишь первая наша попытка подступиться к проблеме христианской демократии в России. Так что мы еще не раз вернемся к ней. И, значит, ничего еще не упущено.

Во-вторых же, — и это, пожалуй, главное, — никак нельзя ведь сказать, чтобы и те обширные круги сопредельных теоретических пространств, расходящихся вокруг этой проблемы, которые были опознаны и как-то осмотрены на нашем круглом столе, — чтобы они тоже не были очень важны и чтобы их не нужно было достаточно реально и отчетливо себе представлять. Хотя бы уже для того, чтобы не ошибиться в поисках верной дороги к их актуальному проблемному центру.

Поэтому я считаю состоявшийся разговор действительно очень полезным и нужным, пусть временами он, может быть, и был несколько перегружен излишней умозрительностью и эффектной, но очень особой богословской терминологической символикой. Тем не менее, мне кажется, нам удалось все-таки уяснить в ходе нашей дискуссии по крайней мере несколько очень важных вещей, необходимых для того, чтобы двигаться дальше.

Так, я считаю, был очень полезен всем нам уже тот холодный аналитический душ, который обрушил на нас своим шоковым вступительным сообщением К. Н. Костюк. Во всяком случае теперь, после столь компетентного экспертного заключения и обстоятельного его обсуждения, вряд возможны какие-либо иллюзии на счет того, как обстоит дело с проблемой демократии в нашем сегодняшнем православном богословском сознании.

В сущности — никак.

И это, конечно, очень печальная картина, трудно не согласиться в этом с А. И. Кырлежевым. Куда уж, в самом деле, печальнее, если демократия — это то, в чем все мы реально живем, та главная социально-политическая реальность, в которой обретается современный секулярный мир и в котором даже Россия пытается как-то расположиться, а для православного богословия, как выясняется, этой реальности просто не существует! Оно, оказывается, в упор ее все еще не видит, если не считать, как доложил нам отец Владимир Шмалий, каких-то отдельных и крайне немногочисленных отрывков, более или менее имеющих отношение к теме демократии, которые можно отыскать в наличном православном богословском наследии...

Правда, А. М. Верховский утешил нас тем соображением, что интеллектуальная, в том числе и богословская, деятельность всегда протекает в определенных исторических условиях и стимулируется реальным историческим запросом. Так что если сегодня в православном богословии проблема демократии отсутствует, то все дело в том, что пока что на это просто запроса нет. А будет запрос, сказал Александр Маркович, и богословы найдутся.

Что ж, это, конечно, тоже выход — набраться терпения и ждать. Ждать, когда те или иные богословы наши вдруг обнаружат, наконец, какой-то внятный им «запрос» на тему демократии. И, засучив рукава, примутся, как надеются А. М. Верховский и К. Н. Костюк, «совершенно православным образом» «переваривать» проблему демократии в русле традиционного богословского

мышления. Или же, напротив (как Константин Николаевич тоже готов вполне это допустить), предпочтут положить на полочку весь свой привычный православный богословский инструментарий и начнут строить все заново — строить новые православные понятия, обратившись к понятию естественного закона, к констатации, что мир не есть чистое зло, к идее о том, что возможно не только вручение «власти от Бога» помазаннику Божию, но и распределение ее между свободными гражданами. И т. д. и т. п. ...

Что ж, все это, повторяю, и прекрасно, и утешительно.

Но, во-первых, где гарантии, что какие-то замечательные наши православные богословы действительно услышат этот «запрос на современную, неархаичную политическую теорию», который, как надеется А. М. Верховский, тоже создадут-таки, наконец, те или другие *люди, ассоциирующие себя с православием*? Какие основания есть надеяться, что от каких-то *людей* запрос этот будет, наконец, услышан, если никак не получается внять ему от *самой жизни* — расслышать то, о чем каждодневно чуть ли не вопит всем нам в лицо сама живая российская реальность, в гуще которой мы обретаемся и воздухом которой дышим?

Да, конечно, — если такими людьми, «ассоциирующими себя с православием» и способными создать «запрос» на «проблему демократии», окажется церковное начальство, то тогда — да, тогда, понятно, надежда есть. Тогда, может быть, мы и в самом деле получим, наконец, солидное православное богословское осмысление демократии как политической проблемы современного христианства.

Но тут возникает тогда уже и другой вопрос — а сколько же нам придется ждать этого счастливого часа? Когда же столь необходимый, оказывается, для пробуждения нашей православной богословской мысли «запрос» на осмысление современной демократии (=современного секулярного мира) реально может поступить, наконец, от тех или других церковных людей, «ассоциирующих себя с православием»? Разумеется, можно только радоваться тому, что и в церковной среде, как тут многими признавалось, определенные сдвиги уже происходят. И с миром священники все чаще начинают говорить на языке, этому миру понятном, и даже, как сказал о. Владимир Шмалий, «наблюдается некоторое возрождение богословской мысли». Так что, заметил он, «я не так пессимистичен». Но ведь и при столь воодушевляющем оптимизме о. Владимир не рискует тем не менее слишком уж благодушествовать! Оказывается, даже о *первых* только плодах того дела, которое начато «Основами социальной концепции Русской Православной церкви», можно будет говорить, по его расчетам, не раньше чем лет через десять...

Нет, нет, — если бы дело было только в появлении самой по себе православной концепции демократии, то тогда можно было бы, вообще говоря, и подождать, Тут и десять лет — цена не столь уж высокая. И даже и двадцать, и тридцать, коль скоро речь идет о действительно фундаментальном и масштабном богословском православном осмыслении современности. Ведь на все те мучительные вопросы, которые так нещадно рвут сегодня в клочья наш привычный православный богословский менталитет, как только он сталкивается с проблемой демократии, — ведь на все эти мучительные вопросы

мы тогда-то и получим, наконец, полные, окончательные и безукоризненно согласованные со всеми православными традициями четкие ответы!

И на вопрос о том, допустимо ли с православной точки зрения чтобы *власть*, которая всегда *от Бога*, осуществлялась не только *через царя*, но и *дисперсно*, через разделение ее между гражданами.

И на вопрос о том, возможно ли *привести мир на литургию* через демократию — то есть *привести на литургию* самое демократию.

И на вопрос, как может произойти такое *освящение* и *воцерковление* демократии.

И допустимо ли, с православной точки зрения, говорить о возможности в секулярном мире какой-то *христианской (православной) политики*.

И т. д. и т. п.

А в итоге — как следствие и практический вывод из всей этой стройной иерархии фундаментальных теоретических опор — мы, надо надеяться, получим, наконец, и вожделенный ответ на тот вопрос, на который никак не можем получить ответ от нашего православного богословия сегодня, — на вопрос о хотя бы принципиальной, теоретической возможности или невозможности, необходимости или ненужности в России общественно-политического движения, заслуживающего именоваться христианско-демократическим. Вот возрадуемся-то мы тогда!..

Но, увы, — не я, не я увижу сей могучий поздний взлет церковной нашей мысли...

Дело, конечно, вовсе не во мне. Да и вообще не во всех нас. Что наши частные мгновенные существования, коль скоро речь идет о столь великом и всеобщем торжестве нашей православной богословской мысли! Но вот боюсь только, что к этому чудному мгновению отнюдь не кого-то из нас лишь одних уже не будет. Боюсь, как бы к этому времени дискутировать в России не только о христианской, но и вообще о какой-либо демократии и вообще не стало уже совсем бессмысленно. *Не актуально.*

А вот сегодня все-таки пока еще не бессмысленно. Хотя с каждым днем все сложнее.

Но ведь тем и актуальнее!

И потому я спрашиваю и себя, и всех нас — а не стоит ли, учитывая этот упрямый диктат живой нетерпеливой жизни, попытаться как-то иначе подступиться к осмыслению проблемы христианской демократии в России? Не стоит ли попытаться подойти к этой проблеме совсем с другого конца — не дожидаясь, пока наша специально на то уполномоченная православно-богословская Улита взглянет, наконец, со своего недосягаемого профессионального Олимпа на копошащийся вокруг нее где-то внизу греховный российский секулярный мир и тронется, наконец, потихоньку «переваривать» его «в православном контексте»?..

Простите мне мою настырность — ставя эти вопросы, я вполне отдаю себе отчет в том, что все дело вполне может быть просто в моем богословском непрофессионализме, даже невежестве. И все-таки почему-то мне кажется, что исследование вопроса о том, возможна или невозможна, нужна или не нужна христианская демократия в современной России, вовсе не так уж обязательно начинать непременно с доконстантиновских или пост-

константиновских источников, с тех или иных отрывков у Святых отцов, живших во времена, когда вокруг ни о какой демократии и речи еще быть не могло...

Да и вообще — так ли уж напрямую ответ на этот вопрос связан с обязательным предварительным созданием всеобщей теории современной секулярной демократии в «православном контексте»? Не проще ли и не надежнее ли, отложив покамест на какой-то срок ожидание всеохватывающей теоретической дедукции, безусловно очень нужной, попробовать подойти к проблеме и простым индуктивно-опытным путем? То есть посмотреть на нее прежде всего из самой жизни, которая нас окружает? И, оттолкнувшись хотя бы уже от того реального психологического опыта, которые едва ли не все, собравшиеся за нашим круглым столом, почти наверняка имеют, попытаться не только сформулировать диктуемые этим опытом реальные вопросы, неразрывно связанные с проблемой христианской демократии в России, но и как-то ответить на них?

Хотя бы в предварительном порядке.

К тому же ведь очень может быть, что для этого вовсе и не потребуется от нас таких уж гигантских интеллектуальных усилий, на которые потребны годы и десятилетия. Это пусть уж лучше наш богословский Олимп, если только он действительно существует, озаботится еще и тем, что примет, может быть, когда он дозреет, наконец, до проблемы, к своему окончательному рассмотрению и наши разработки. Пусть уже он тогда и судит, и рядит, и выносит задним числом итоговый вердикт. Может быть, вердикт этот окажется даже и не безнадежно еще опоздавшим. Главное — наше-то дело давно уже будет сделано!

Итак, — какой же опыт, позволяющий нам, на мой взгляд, это сделать, я имею в виду?

Да вот тот самый, который действительно знаком подавляющему большинству российских христиан. Тот, от которого даже на нашем круглом столе в какой-то мере ограждены, может быть, только два присутствовавших среди нас *духовных лица*. Все же остальные — тоже христиане (православного или католического вероисповедания), но пребывающие в статусе *мирян*, — ни в малейшей мере.

Вот взять хотя меня — обычного гражданина России и при этом православного христианина. Православного мирянина. Именно в этом духовно-нравственном статусе я живу в окружающем меня российском социуме. И как христианин не могу, естественно, не иметь какого-то взгляда на этот социум, какого-то своего, соответствующего, как мне кажется, моей христианской системе жизненных ценностей, суждения о нем, о его сегодняшнем состоянии.

Специально оговариваюсь — при этом я совершенно отстраняюсь сейчас от вопроса о том, как я *вообще* отношусь к демократии. То есть к демократии как к определенной политической модели организации человеческого общества — в сравнении, например, с какими-то другими. Для меня сейчас это просто та реальность, в которой я существую и которую я принимаю как данность, в условиях которой мне выпало жить и действовать. То есть, если угодно, просто как некий синоним современного секулярного

мира. Во всяком случае — в его более или менее цивилизованном изводе. И прежде всего, понятно, — в его сегодняшнем российском варианте.

Так вот, когда я оглядываюсь, как когда-то Радищев, вокруг себя и вижу, как и чем дышит сегодня окружающий меня секулярный российский мир, как он построен по всем своим вертикалям и горизонталям сверху донизу, какие ценности в нем поощряются и насаждаются всей мощью телевизионных, радио и газетных спецопераций над сознанием и психикой населения и какое количество оглушенных и зомбированных всем этим людей все больше заползает в скверну пошлости, примитивного бытового гедонизма и духовной невменяемости, — когда я вижу все это, разве могу я не понимать и не чувствовать со всей силой постоянного, непрерывного и притом ничуть не миражного, а совершенно реального, живого, непосредственно-достоверного впечатления и ощущения, что я живу в больном, очень больном обществе? Как же не больном, если уже чуть ли не половина российских молоденьких девочек, жаждущих поскорее соскочить со школьной скамьи, не видят для себя лучшей доли, чем вознестись на вершину гламурной славы, как всеобщая их любимица и кумир Ксения Собчак, а половина из этой половины не видит уже ничего зазорного даже и в профессии проститутки? Как же не больное, когда нормой даже и публичного поведения в политике ли, в экономике ли, на арене ли частной жизни давно уже стало у нас прямое бесстыдство — бесстыдство откровенной продажности, хамского нуворишского куража и кутежа на глазах еле сводящей концы с концами едва ли не трети страны, а та все равно сходит с ума от какого-нибудь очередного зловещего шута в роли кандидата в ее фюреры? Как же не больное, если даже патентованные как будто бы интеллигенты, кумиры экрана и сцены, науки и искусства на глазах всей страны выстраиваются в длинную очередь, чтобы почтительно прогнуть спину перед властью, снисходительно разрешающей им в упор не видеть никаких, абсолютно никаких ее неправедных, вопиющих хотя бы к нравственному протесту деяний?

Ну и т. д. и т. п. — да что я буду перечислять то, что не только каждому участнику нашего круглого стола, но и за далекими его пределами тоже очень хорошо известно? И что же — разве может из-за всего этого не болеть у меня сердце? Ведь это же ближние мои, это же моя собственная, родная в человечестве национальная семья! А я ведь христианин, член христианской Церкви, главная задача которой в этом мире, если говорить предельно просто и обобщенно, — спасти как можно больше людей. Спасти их от духовной гибели в скверне, грехе, неправде, в зле и пошлости, в невменяемости и безлюбии, обратить их сердце к жажде очищения, к Богу, к Христу, к Его Церкви. То есть, выражаясь языком торжественных богословских символов, столь излюбленных на нашем круглом столе, *привести их на литургию.* И естественно, что мы — как христиане, убежденные в абсолютной истинности тех ценностей, которые заповедал нам Христос, как члены Церкви, которой сказано идти в мир и нести Слово Божие, — естественно, что мы тоже, пусть плохо и слабо, пусть спотыкаясь и ошибаясь, но тоже стараемся в меру наших сил делать для этого все, что можем. Стараемся и тем, чтобы, по крайней мере, хотя бы не была отвращающим в этом отношении примером наша собственная жизнь, которую видит не только Бог. И тем, как мы

строим свои духовные и жизненные отношения с окружающими нас людьми. И тем, как ведем себя там, где мы работаем, и вообще всяким нашим делом и словом, тем более публичным, произнесенным в доверительной беседе или на лекции, на каком-то диспуте или просто за дружеским застольем. Словом, стараемся по возможности всегда помнить о том, каково призвание всякого христианина, а значит, и всякого члена Церкви, к которой мы принадлежим и миссионерская деятельность которой не может не составлять для нее едва ли не важнейшую сферу ее отношений с внешним миром.

Да, мы знаем, что такая работа Церковью, к которой мы принадлежим, непрерывно ведется. И ведется не только теми или иными сугубо личными инициативами и усилиями отдельных ее членов, но и организованно, планово, масштабно — ее священниками и общинами, ее издательскими и благотворительными институтами, ее школами и ее публичным пасторским словом. Короче, ею в целом как неким единым, мощным и сложно структурированным церковным организмом, его совокупной энергией. Спорить тут не приходится.

Но ведь трудно спорить и с тем, что пока что не очень заметно, чтобы работа эта производила в окружающем нас российском социуме какие-то рельефно видимые, крупные, социально значимые результаты. Никак нельзя сказать, чтобы наш российский секулярный мир все большими своими, не говорю уж — реками, а хотя бы ручьями и струйками, и все охотнее и чаще *приходил на литургию,* тянулся к Храму. Скорее мы наблюдаем тенденцию явно противоположную — российский секулярный наш мир все дальше отходит от Бога и Церкви в свою самозамкнутую и все более размытую, все более «либеральную» систему сугубо земных секуляряных ценностей. А в результате этого непрерывного и все более глубокого погружения его в амок повального экзистенциального гедонизма, нравственной расслабленности и даже прямого релятивизма, в мир самодостаточного житейского прагматизма все большее число людей оказывается духовно невосприимчивым и к Слову Божию, все более устойчивым и непроницаемым для Него в своей от Него отдельности и отгороженности...

И вот я спрашиваю себя — почему же так происходит?

Потому ли только, что слишком слаба миссионерская работа нашей Церкви? Что никак не удается ей пронять и пронзить этот все более отдаляющийся от нее мир современной секулярной России пламенным Апостольским Словом, опаляющим и очищающем огнем Господней Истины?

Да, во многом именно так оно и есть. Отрицать не приходится: здесь у нашей Церкви своих, и огромнейших, проблем — с избытком. Проблем настолько значимых, что, я думаю, она давно уже стоит перед необходимостью очень крутых и решительных перемен в самом построении своего миссионерского диалога с окружающим миром. Иначе, боюсь, с нее спросится много строже, чем с ангела Лаодикийской церкви, грозные слова по адресу которого когда-то донесло до нас «Откровение» апостола Иоанна...

Но ведь несомненно и другое. Несомненно, что степень большей или меньшей удаленности духовно-нравственного состояния того или иного современного секулярного социума от мира христианских ценностей и норм в огромнейшей степени зависит и от того, как именно устроен этот секуляр-

ный социум. Или, чтобы быть ближе к нашей теме, — какова именно данная демократия. Какие именно и как реально работают в ней законы и механизмы власти. И как проявляют себя в ней институты гражданского общества.

В самом деле — разве они, эти современные наши секулярные социумы, между собою в этом отношении не разнятся? И порою очень даже значительно? Причем нередко даже и в пределах одного и того же как будто бы демократического формата, который всегда может предъявить миру в качестве своей фасадной вывески даже и самая, что называется, «суверенная» или еще какая-нибудь столь же сильно особая «демократия»? И разве не разнятся соответственно и те реалии их живой жизни, которые как раз и стимулируются, и поддерживаются, и утверждаются прежде всего именно характером действующих в каждом данном социуме правовых, политических, социально-экономических и гражданских механизмов его устройства?

Мы очень хорошо знаем, что разнятся и они — эти преобладающие в том или ином обществе, типовые для него представления о должном и недолжном, упрочившиеся в нем нравы и традиции, уровень политической вменяемости и культурной развитости его электоратного большинства, отношение его к институтам власти и т. п. Есть демократии, где при всех несовершенствах работы тех демократических механизмов, которые в них установлены, при всех искажениях и злоупотреблениях, какие всегда и неизбежно привносят с собою в любую область общественной жизни неистребимые и вездесущие людская корысть, злоба, глупость, эгоизм и алчность, все-таки механизмы эти устроены таким образом, а выработавшаяся в результате настойчивых и постоянных усилий гражданской воли общества практика его реальной жизни сложилась так, чтобы всячески противодействовать разрушительному действию этих неистовых человеческих страстей и энергий. И, напротив, — всячески содействовать тому, чтобы в обществе действительно осуществлялся диктат закона, соблюдались права человека, укреплялась социальная справедливость, росла солидарность всех слоев общества в оздоровлении нравственной атмосферы своей жизни, в упрочении таких социальных традиций и институтов, которые обеспечивали бы обществу возможность устойчивого и нравственно достойного развития.

А есть, как известно, и такие «демократии», где вся система их механизмов приспособлена к тому, чтобы прорвавшиеся к власти политиканы имели полную возможность внедрять в практику общественной жизни политтехнологии, позволяющие им посредством формальных демократических инструментов безнаказанно манипулировать своим «электоратом». Где в общественно-государственной жизни очень скоро начинают господствовать поэтому тотальная ложь и демагогия, а существующие законы и практика их применения не только не мешают, но лишь способствуют упрочению в обществе правового произвола, процветанию коррупции и все большему разрастанию социальных разрывов, достигающих катастрофических для общества размеров. Где, с одной стороны, под прямым идеологическим напором властвующей социальной касты, а с другой — усилиями оборзевших от погони за рейтингами и барышом производителей так называемой массовой культуры, не стесняемых никакими общественными ограничениями, все беззастенчи-

вее начинают эксплуатироваться самые низменные инстинкты и запросы толпы и где в массовое сознание общества, в его нравственное состояние, в мир его общественно-политических, духовных и культурных представлений и ценностей все масштабнее, упорнее и целенаправленнее начинают внедряться поэтому самые пошлые, уродливые и разрушительные для него идеологемы и ценностные ориентиры, способные обеспечить социуму лишь все большую нравственную, социальную и политическую деградацию...

Разумеется, между этими крайними полюсами в секулярных мирах современных демократий существует множество самых разнообразных и разноуровневых переходных ступеней и состояний. Но ведь речь не об этом. А лишь о том, что и полюса эти, и все огромное разнообразие существующих между ними в современном мире градаций — все это, повторяю, порождается и детерминируется, несомненно, прежде всего характером именно *собственно секулярного же их устройства.* То есть того их устройства, выбор, установление или изменение которого в современных обществах демократического толка, хотя бы формального, в огромной степени вершится именно *в секулярном* же пространстве общественной жизни, и именно *секулярными* же инструментами. Прежде всего — инструментами выборов.

Другими словами, это то пространство общественной жизни, которое, фигурально выражаясь, всецело подлежит в современных секулярных социумах *ведомству политики.*

Это пространство борьбы политических партий за власть в представительных законодательных и исполнительных органах современной демократии, на завоевание которой любая партия в любом современном секулярном обществе, продолжающем хотя бы формально оставаться в рамках демократического формата, может рассчитывать только в том случае, если ее программа убедит страну и будет принята ею как наиболее желательная. Именно здесь, на этом поле, прежде всего и в конечном счете решается сегодня, какой будет та или иная страна, какая в ней будет жизнь. А значит — и как далека или близка окажется она всем строем своей жизни к нормам и ценностям христианства.

И вот, зная и сознавая все это и применяя все это к России, разве можем мы, христиане, пренебрегать тем, что это пространство политики, столь важное для ее судеб, полностью открыто и для нас, православных христиан (равно как и для католиков или протестантов). Этого не скажешь, правда, о православных священниках, участие которых в политической жизни страны резко ограничено с некоторых пор самой Русской православной церковью (возможность быть членами политических партий, выдвигаться в качестве кандидатов на выборы в органы государственной власти и т. д.). Но мы, миряне, ничем, повторяю, в этой политической сфере нашей жизни, в реализации наших гражданских прав, со стороны самой Церкви не стеснены. Мы имеем полную возможность свободно реализовывать эти права — участвовать в выборах, голосовать за ту или иную партию, самим быть членами практически любой партии, если политика и программа ее представляется нам способствующей хотя бы частичному утверждению в жизни общества исповедуемых нами христианских ценностей (есть, как известно, христиане, которые поддерживают даже коммунистов, и никто им в этом не препятствует).

Мало того, мы не просто, как все граждане страны, в политической жизни страны *имеем право* участвовать. В отличие от всех остальных, имеющих полное право *и не пользоваться* своими гражданскими правами, мы, православные миряне, такого права как раз *не имеем*. И не имеем именно потому, что мы — христиане и нет для нас ни одной сферы жизни, личной ли, общественной, в которой нам приходится так или иначе осуществляться, где мы не были бы обязаны всегда помнить о главном призвании христианина — и всю свою собственную жизнь, и всю ту окружающую нас жизнь, в которой мы в любой данный момент так или иначе участвуем и выражаем себя, стремиться в меру своих сил как можно полнее преображать и приближать к христианскому идеалу. Эту обязанность — быть христианами всегда и во всем — с нас никто и никогда снять не может. И именно поэтому — и именно в этом смысле — Вл. Соловьев и ввел когда-то свое знаменитое понятие *христианской политики* как своего рода категорического императива для всякого христианина, всегда обязанного действовать *«для реализации христианских начал в собирательной жизни человечества, для преобразования в духе высшей правды всех наших общественных форм и отношений»* — в том числе *«политических и социальных»*.

Так вот: зная все это, сознавая и понимая эту христианскую свою обязанность и ответственность, имеем ли право мы, православные христиане-миряне, не спрашивать себя со всем пристрастием и всей жесткой требовательностью честной самопроверки: какие же именно возможности открывает перед нами пространство политической жизни страны, к каким реальным действиям обязывает оно нас как христиан? Только ли к тому, чтобы пытаться воздействовать на духовно-нравственное состояние окружающего нас социума через то или иное участие в деятельности имеющихся на нашей нынешней политической сцене партий, отдавая наш голос на выборах или даже становясь членами той из них, программа которой кажется нам способной больше других приблизить реальное состояние общества хоть к какому-то соответствию христианским ценностям?

Но, простите, а не обязаны ли мы — *именно как христиане* — озаботиться прежде всего тем, чтобы создать и *свое собственное общественно-политическое движение*, предложив обществу нашу *собственную программу его жизнеустройства*? Такую программу, которая вполне могла бы быть принята именно секулярной нашей Россией, но которая с нашей христианской точки зрения могла бы, будь она принята, в наибольшей степени способствовать ее нравственно-духовному выздоровлению, ее приближению к христианским нормам жизни человеческого общежития?

Вот тот главный вопрос нашего секулярно-общественного самоосуществления, который, мне кажется, просто не может не беспокоить нас острее всего! Вопрос, на который мы просто не можем не чувствовать себя обязанными непременно ответить — перед лицом своей совести и своего христианского призвания.

Но ведь это и есть то главное и предельно актуальное содержание проблемы *христианской демократии* в России, с которым мы прежде всего и должны, очевидно, иметь дело, которое как раз и должно, вероятно, требовать нашего первоочередного осознания и осмысления.

Да, знаю — мне вполне могут сказать: а какой смысл задаваться этим или еще каким-нибудь из того же ряда вопросом, если создание партий по религиозному принципу у нас в России просто-напросто запрещено законом? И не бессмысленно ли ставить телегу впереди лошади? Не разумнее ли сначала добиться отмены этого явно дискриминационного по отношению к верующим закона, в цивилизованном демократическом мире не имеющего аналогов, а уж потом заботиться о создании того или иного движения, способного выступить на выборах в российский парламент со своей предвыборной программой — назовем ли мы ее христианско-демократической или как-нибудь иначе?

Но простите. Я вовсе не собираюсь ставить телегу впереди лошади. Я просто хочу отдавать себе ясный предварительный отчет в том, может ли эта телега быть нагружена так и тем, ради чего действительно стоило бы запрягать в нее лошадь, которая повезет нас на борьбу за отмену этого нелепого закона. Бороться вообще, ради принципа, а если получится, оказаться вдруг с пустыми руками?.. Согласитесь — по нашему времени это, пожалуй, слишком все-таки большая роскошь. Все-таки сначала нужно ясно понять, можем ли мы предложить России то, в чем можем быть уверены, что это ей действительно нужно и действительно может быть принято ею.

Вот почему я думаю, что теперь, после того как мы с вами более или менее разобрались с тем, какие же должны быть разработаны, наконец, общетеоретические богословские подходы к проблеме христианской демократии в России, нам, мне кажется, очень даже стоит заняться и ее актуально-практическим содержанием. Мы, мне кажется, просто обязаны это сделать. Пусть для начала хотя бы в порядке всего лишь некоторого общего предварительного обозначения ее основных, принципиальных контуров. И я даже думаю, что мы вполне могли бы приступить к этому уже на следующем нашем круглом столе — тем более что все его участники охотно выразили как будто бы желание продолжить наши дискуссии. Поэтому я даже рискну сформулировать некоторые вопросы, которые, на мой взгляд, могут помочь такому обсуждению — наметить его возможную смысловую интригу, проблемно его структурировать.

Могу ли я надеяться, что, получив их, участники нашего стола найдут время для того, чтобы хотя и *очень коротко*, *в сугубо тезисном формате*, но все же набросать и прислать в редакцию страничку-две своих ответов? Ведь тогда мы сможем напечатать их вместе со стенограммой нашей первой встречи и с этим моим заключительным предложением — с тем, чтобы по выходе номера каждый имел возможность ознакомиться хотя бы в общих чертах со взглядами и позициями всех остальных. Со своей стороны, я тоже намерен представить на этот счет свои соображения. И даже в достаточно развернутом виде, поскольку именно этой теме я давно уже обещал отдать следующий выпуск моего «Дневника редактора», который я собираюсь подготовить к 135-му (мартовскому) номеру. Таким образом, ко второй нашей встрече за круглым столом, которую мы сможем провести после выхода 135-го номера (где, в частности, я постараюсь достаточно четко и конкретно определиться и по отношению к тем тезисным ответам на мои вопросы, которые будут получены редакцией), у нас будет

довольно материала для дальнейшего — обстоятельного и содержательного — обсуждения. Так что в очередном 136-м (июньском) номере редакция сумеет, вероятно, познакомить с результатами этого обсуждения и читателей журнала.

Итак, если все эти планы не беспочвенны и вполне осуществимы, то вот те вопросы, на которые, мне кажется, нам прежде всего и предстоит ответить, чтобы разобраться, наконец, в том, насколько актуальна и важна для России проблема создания в ней действенного общественно-политического движения христианско-демократического типа

Собственно, главный и первый вопрос — только один, и я не раз уже его формулировал. Но сейчас, считая, что именно с общего ответа на него и стоит начать, я позволю себе впрямую адресовать его уже и вам. Как вы считаете: можем ли мы, христиане, предложить нашей современной секулярной России такую модель ее жизнеустройства, которая, с одной стороны, действительно могла бы быть в принципе вполне принята ею именно как *секулярная* модель ее жизни и развитии, а с другой — в наибольшей из всех реально возможных для секулярных моделей степени и наиболее адекватно была бы ориентирована на упрочение в обществе именно *христианских* норм и ценностей человеческого общежития? То есть была бы способна, в случае ее одобрения и принятия обществом, стимулировать изменение его реального образа жизни именно в направлении ко все большему приближению его к этим нормам, постепенно делая его тем самым более способным и к восприятию Слова Божия.

Понятно, что ответ на этот вопрос вполне может быть — и даже, наверное, должен быть — прежде всего самым общим, выражающим самую суть вашей позиции — ДА или НЕТ.

Но если НЕТ, то все же хотелось бы знать — почему.

А если ДА, то хотелось бы получить ваши ответы и на следующие вопросы, это ДА раскрывающие:

1. Какие *стержневые ориентиры и принципы* могли бы и должны были бы, на ваш взгляд, определять содержание основных разделов такой программы — организации экономической жизни страны, построения механизмов власти, избирательной системы, правового поля, социальной, национальной и религиозной политики, правового положения гражданских институтов, организации нравственного и культурного пространства жизни страны, совершенно необходимых и совершенно недопустимых здесь свобод, стимулов и ограничений?

2. Естественно предположить, что многие из пунктов такой программы могут оказаться, вероятно, близки (вплоть даже, может быть, до совпадения) к соответствующим разделам в программах каких-то других демократических (и даже, вполне вероятно, не только демократических) партий. Считаете ли вы, что программа христианской демократии имеет все основания и должна отличаться тем не менее от программ всех других партий именно по существу, принципиально, а не просто по наименованию? Как вы можете (и можете ли) обозначить эти принципиальные отличия?

(Задаю этот вопрос, учитывая, что А. М. Верховский и А. В. Юдин уже обращали на нашем круглом столе внимание на то, что на Западе у некото-

рых партий название «христианско-демократическая» нередко сохраняется только по традиции, тогда как по содержанию их программ они ничем, в сущности, не отличаются от обычных партий социал-демократического или даже социалистического типа.)

3. Какие вы видите (и видите ли) реальные основания для того, чтобы считать, что такая программа *в принципе вполне может быть принята* большинством населения секулярной России? Что может позволить нам надеяться на это?

4. При каких условиях и какими методами может быть, в случае отмены упоминавшегося закона, создано в России действительно реальное — действенное, широкое и авторитетное в обществе — христианско-демократическое движение? Действительно ли мы можем рассчитывать на это только в том случае, если произойдет постепенное объединение тех конкретных христианских организаций, движений и институтов социального, просветительского, благотворительного и т. п. плана, которые реально работают сегодня в стране? Или даже при явно обозначившемся в России кризисе партийного движения можно все-таки рассчитывать, что рождение такого движения вполне возможно и путем прямого политического усилия?

5. Как вы считаете: какие причины привели к тому, что появившиеся в конце 80-х — начале 90-х годов инициативы по созданию в России христианско-демократического движения не увенчались успехом? Имели ли эти причины принципиальный и необратимый характер или были связаны с конкретными особенностями исторического времени и тех организационных методов и усилий, которые были тогда для этого задействованы?

(Задаю эти последние два вопроса, учитывая тоже высказывавшиеся уже на этот счет на нашем круглом столе разного рода соображения и сомнения.)

Ответы на вопросы И. И. Виноградова

Ответ А. Кырлежева

Ответ на первый и главный вопрос — не просто «нет». Я просто не вижу оснований даже для постановки такого вопроса; по крайней мере, для такой постановки, которая предложена.

Постараюсь объяснить.

Прежде всего следует помнить, что нет никакого *христианства* в чистом виде (а следовательно, и *христиан,* как таковых). Есть только конкретные «христианства», которые в каждый момент истории нагружены своей собственной историей — как христианской (церковной), так и социальной (то есть тем контекстом, в котором это «христианство» существовало в истории). Но этого мало: «мы, христиане» в каждом историческом «моменто-месте» — разные, во многом не согласные друг с другом и по «христианским», а тем более по политическим и всяким иным вопросам. «Мы, христиане» в России 2007 года — это одна из таких конкретных ситуаций.

Далее. Непонятно, что такое «христианские нормы и ценности» — применительно к социально-политической сфере. Чтобы было понятно, всякий раз их нужно обозначать, перечислять. Ибо существует много разных наборов «христианских норм и ценностей».

Например, ранее христианство, как известно, не выступало против рабства, хотя считается, что оно способствовало его отмене. Но возьмем Россию: лишь спустя девять столетий после принятия ею христианства в России было отменено рабство. То есть «русская христианская совесть» не считала «христианской ценностью» самое простое право человека — право не быть вещью другого человека.

Иначе говоря, поскольку нет «христианства» вообще, нет и не может быть никаких вообще «христианских» политических моделей и даже самых общих принципов. «Христианская политика» — совершенно разная в разных предлагаемых обстоятельствах истории. Ни из каких «христианских начал» и «в духе высшей правды» (вопреки Вл. Соловьеву) она не выводится. И т. н. «христианская демократия» — только один из эпизодов, один из вариантов «христианской политики» (в конкретных исторических условиях). Столетиями «христианской нормой» была монархия, и на Западе, и на Востоке.

Теперь про сочетание секулярного и христианского.

«Христианская демократия» предполагает некое сочетание секулярного и христианского, которое возникло в новоевропейском контексте, где само секулярное родилось внутри христианского (например, политическая теология Гоббса). В российской культурно-религиозной традиции секулярное не имеет внутренней связи с христианским, но только внешнюю: постепенно секуляризующееся (из прагматических соображений) государство, частью которого является церковь (со времени т. н. петровской модернизации). Поэтому представить себе *секулярную* модель, способствующую утверждению *христианских* ценностей, у нас пока просто невозможно: это в голове у людей не укладывается (кроме, наверное, участников нашего круглого стола да еще пары сотен осведомленных).

Но и на Западе эти две составляющие уже радикально разошлись. В западных демократиях *политическое христианское* — это консервативное, которое составляет лишь полюс политического спектра, на другом конце которого — либеральное, уже мало имеющее общего с христианским (если христианским не считать «христианский феминизм», «христианский гомосексуализм», «христианскую эвтаназию» и проч.).

Христианство большинства «нас, христиан» в России 2007 года является не столько консервативным полюсом в соревновательной демократической политсистеме, сколько оппозицией соревновательной политсистеме, как таковой. Такое «христианство» по необходимости признает секулярное, но только как прагматическое и никоим образом не как системообразующее. Если не все православные чают восстановления православного царства, то подавляющее большинство рассматривает секулярность как «мир сей», совершенно внешний и чуждый Церкви как пространству священного.

А обращаться к обществу в целом с политической программой *христианского* толка, минуя религиозное (православное) меньшинство, бессмысленно, потому что всё, что секулярное большинство знает о христианстве, оно знает от православных и по поводу православных и их традиции. Все иное — это «чуждые сектанты».

Именно поэтому и провалился проект «российской христианской демократии» 1990-х.

В современной России «христианство» (=русское православие) и «демократия» (то есть западная либеральная демократия, принципы которой принимаются тамошними христианскими демократами) — это антиподы.

В то же время это «русское христианство» вполне может *оправдать* либеральную демократию (и найти в ней место), коль скоро в будущем России придется вернуться к тому, чтобы все-таки пытаться реализовывать в жизни либеральную демократию (хотя бы из тех же прагматических соображений). Потому что само «русское христианство» всегда ситуативно самоопределяется в предлагаемых политических обстоятельства, не имея своего смыслового политического проекта (если не считать проекты «политического православия», предлагаемые отдельными группами, по определению маргинальными — уже потому, что они «предлагают церкви политику»).

Исходя из сказанного, обсуждать имеет смысл, например, такие вопросы:

- О каких «христианских нормах и ценностях» идет речь, когда предлагается их утверждать в секулярном обществе посредством политики?
- Как религиозное (православно-христианское) сосуществует с секулярным в сознании российских граждан?
- Что в идеологии и опыте западной «христианской демократии» имеет если не универсальное, то, по крайней мере, общехристианское и общеевропейское значение и потому в принципе может быть воспринято в российском контексте?

Только после обсуждения этих и связанных с ними вопросов можно *придумать* некую политическую программу христианского толка для России. Действительно, ее *можно* придумать и предложить, но это будет чистый волюнтаризм, чистый интеллектуализм, чистый проектизм.

Хотя такие «чистые -измы» иногда и бывают в истории началом перемен...

Поэтому — антиномически — на поставленный главный вопрос можно ответить и «да».

Ответ К. Костюка

Христианско-демократическая политическая платформа возможна и необходима. Она легко найдет свои формы и требования — демократическое волеизъявление, разделение властей, гражданское общество, — если будут четко сформулированы христианские принципы политики. Совесть, божественное достоинство человека, правда, общественное благо. При достаточном инвестировании сил и средств такая платформа может развиться в христианскую общественную доктрину, которая в центр поставит задачи и ценности христианина в современном обществе.

Все это может быть сформулировано стройно, ясно, доказательно. И это крайне необходимо стране. Но применительно к сегодняшней России считаю возникновение христианско-демократического движения/партии невозможным, а шанс для его создания — исчерпанным. Не может быть такого движения в стране, где церковь чужда и не разделяет демократические ценности, а население, в особенности православное, не имеет потребности в демократии. Христианские партии уже отыграли на политической сцене, и

очень неубедительно, даже не оставив после себя следа. У них не было ни социальной базы, ни теоретической подготовки. Христианская демократия возможна как течение в недрах основной консервативно-либеральной партии власти, дружественной к церкви. Это будет формула демократии, приспособленная для церкви. Но это будет специфическая «русская» «православная» демократия, одна из версий специальной российской «суверенной» демократии. Можно предвидеть, как иерархи церкви будут славословить на ее основе демократических лидеров, благоволящих к церкви. Такая христианская демократия нам не нужна.

Но в России возможно развитие христианско-демократической традиции на другой основе — как продолжение великой линии свободной русской христианской мысли. Это будет публицистика, не более — но публицистика, способная поднимать высокие вопросы, блестяще их дискутировать и держать в интеллектуальном тонусе демократическую общественность. Журнал «Континент», на мой взгляд, уже принадлежит этой традиции и держит путь именно в этом — искреннем и правдивом — направлении. Эта линия эксклюзивная, не массовая. Но в ее недрах демократическая православная мысль будет чувствовать себя как рыба в воде и иметь блестящие перспективы.

Ответ А. Верховского

Мой ответ — скорее, «нет». И вот почему.

Проблема с созданием какой бы то ни было партии идеологического типа не только и не столько в упомянутом законе: можно называться движением и выполнять все функции политической партии, кроме электоральной. А христианско-демократическая партия в современной России может быть только такова. Партия, настроенная «всего лишь» на небольшие изменения в имеющейся действительности, каковыми являются, например, сегодняшние британские консерваторы и лейбористы, в сегодняшней России просто не имеет смысла: эти функции выполняют не партии, а группировки бюрократии. Партия же, воодушевленная определенным идеалом, ведомая неким организованным комплексом социальных идей, каковы бы эти идеи ни были, может быть ориентирована только на оппозиционную практику сегодня и выработку курса на стратегические изменения в достаточно отдаленном будущем, когда такие изменения станут политически возможны.

С таких позиций выступают сегодня в России либералы, этно-националисты, коммунисты и т. д. Все они имеют некоторые основания для жесткой оппозиционности и готовые проекты будущего. Те же граждане, для кого христианское самоощущение первично, во-первых, не имеют и тени такого общего проекта (если исключить маргинальные группы, а среди остальных — совершенно неоформленные мечты о воцерковлении власти и общества), а во-вторых, что важнее, не хотели бы быть «просто оппозицией», для них важна конструктивность повседневной деятельности. Социально активным «христианам по преимуществу» сложновато создавать партию на будущее, «на вырост».

Для христианина социальная деятельность, в том числе политическая, — это диакония. Гораздо естественнее развивать диаконию в формах благотворительности или образовательных проектов. Следующий шаг политиза-

ции может породить, скорее всего, движения за локальные интересы или движения правозащитного толка. При существующем режиме такие движения будут не слишком-то успешными, но хоть какие-то результаты их деятельности будут, а без результатов какая же диакония. Поэтому, убедившись в том, насколько велико сопротивление властей всякой независимой от них деятельности, в которой есть хотя бы некоторый привкус политики, христианин скорее всего пойдет одним из трех путей: или остановится на том, что есть, или продолжит политизацию, но в рамках не христианского движения, или попробует сочетать то и другое в разных структурах. Уже сейчас есть примеры этих моделей поведения.

Партию нельзя выдумать (то есть можно, конечно, но получится партия масштаба Чуева или партия революционеров-заговорщиков), она может только вырастать из реального движения, в котором развивается потребность в политическом самовыражении. Если бы широкое движение диаконии уже существовало, оно не имело бы сегодня и в близком будущем шансов на политическое самовыражение, но ведь и движения такого пока почти нет.

Сегодня, в ситуации отнюдь не демократической, не время создавать политические партии. Мирянам и клирикам, руководству Церкви (или, точнее, церквей) есть чем заниматься на общественном поприще. Скажем, «православные правозащитники», коли уж есть такие, должны бы заниматься не защитой групповых интересов православных и церкви как корпорации, а обычной правозащитной деятельностью, публично мотивируя ее своими религиозными убеждениями. Это очень пошло бы на пользу и жертвам произвола, и Церкви, и самосознанию активной христианской общественности. Собственно, сочетание реальной деятельности в миру с практикой ее интерпретации как христианской — это и есть то, что можно сделать сегодня и завтра для христианского (в той или иной степени) политического движения послезавтра.

Ответ свящ. Филиппа Парфенова

1. Поскольку я чувствую свою некомпетентность во всех вышеперечисленных вопросах, то попробую ограничиться общими пожеланиями. Экономика должна быть социально ориентированной, где не исключено государственное регулирование (но не прямое вмешательство) при развитии среднего и мелкого предпринимательства, справедливых, повсеместно и нелицеприятно проводимых законах и равноправии государственной, коллективной и частной форм собственности. Это касается не только экономической, но и политической, и прочих сфер российской жизни. Основной библейский и общечеловеческий принцип «не делай другому, чего не желаешь себе самому» должен быть основой всех отношений в правовом поле. Среди стержневых ориентиров должны стать, конечно, семейные ценности, просвещенный патриотизм без национализма, либеральный консерватизм без ригоризма. Вообще, если христианам и участвовать в политике, то им подобает не столько бороться за власть (ибо их Царство не тут, «не от мира сего»), а добиваться исполнения того, что уже принято настоящей властью, следить за этим исполнением. Например, называемся демократическим государством — будьте любезны провести честные выборы и т. д.

2. Вовсе не обязательно программа христианских демократов должна отличаться по существу и принципиально от программ других партий. Главный подход здесь: «Все испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фес 5:21). Она вполне может перекликаться с другими политическими течениями, имея общую часть и с социал-демократами, и с консерваторами-монархистами, например. Желательно, чтобы это была не партия, а все-таки скорее движение, иначе будет существовать риск дискредитации христиан и той конфессии, которую они могут представлять, когда станет непосредственно вопрос борьбы за власть. Из известных в новейшей истории течений более всего подошла бы платформа солидаристов (Народно-трудового союза, основанного в 1930 году детьми Белого движения в эмиграции). Позволю себе процитировать одного из современных идеологов солидаризма, публициста Валерия Сендерова:

«Православие первых веков часто ассоциируется у нас с египетскими и сирийскими аввами. (В контексте этой статьи несущественна более поздняя дата Схизмы: интуитивно ясно, что следует отнести к "протокатолическому" менталитету, а что к "протоправославному".) Эти авва — глубочайшие психологи, знатоки человеческих душ. Говорить здесь об "антииндивидуальности" нелепо: для молитв о спасении всей твари земной самому нужно быть соразмерным миру. Но такие высоты — для избранных, для немногих; а по пути адаптации православие не пошло, оно развивалось как бы «над историей». Неверно, что в соборности нет личности, верно другое: в истории православия мало интереса к срединному — душевному, а не духовному — срезу человеческой природы. И к срединному — общественному — слою человеческой общности тоже. И общество, и личность интересовали Православную церковь лишь с точки зрения вечности, без несущественных перед ее лицом оттенков. Для сравнения вспомним столь важного для католического мира бл. Августина, великого знатока человеческой души в современном, не надмирном значении этого слова. Что сопоставимо с ним у истоков православного мира? Все тут иное — уносящее лишь вверх и лишенное тем самым "слишком человеческого". Таким образом, православие, взятое глобально и в целом, действительно не способствовало "срединному" солидаризму.

Это положение радикально изменилось с явлением Алексея Хомякова. Соборность у Хомякова — уже не только мистическая, во Христе, общность; она — свобода и единство объединенных любовью в этом мире людей. Так началось "обмирщение" горних понятий.

А далее — через философские ("всеединство") и социальные ("христианская политика") идеи Вл. Соловьева — сборник "Вехи", приблизившийся, не утеряв при этом и небесной выси, к человеку общественному, "к земле". Русское религиозное мышление наверстывало тысячелетия, оно как бы обживало этаж за этажом — вплоть до философии общества С. Франка и затем политической философии С. Левицкого. Не хочется называть всех этих авторов солидаристами, есть в этом какая-то стилистическая натяжка; но если посмотреть по существу... Для всестороннего осмысления проблем личности — общества — государства в России и в Русском Зарубежье сделано очень много. Почему сегодня в наших рассуждениях и действиях мы так мало пользуемся этим багажом?» (Новый мир. № 2. 2003)

3. В нынешних условиях таких реальных оснований я не вижу. Пока не обозначится достаточное число потенциальных избирателей-христиан, для которых евангельские ценности не являются пустым звуком, с одной стороны, и для которых демократические институты будут вызывать предпочтение, а не отторжение — с другой.

4. Да, «*постепенное объединение тех конкретных христианских организаций, движений и институтов социального, просветительского, благотворительного и т. п. плана*» было бы более перспективным, нежели создание определенной политической партии (см. п. 2).

5. Скорее, причины обусловливались конкретными историческими условиями начала 90-х годов. В частности, РХДД после распада СССР раскололось по поводу поддержки или неприятия Беловежских соглашений и создания СНГ, что послужило в дальнейшем значительному ослаблению самого движения. И последующей смычке его более консервативной части с национал-патриотическими движениями, а либерально настроенных христиан с партиями светского либерально-западнического толка. События же октября 1993 года окончательно «похоронили» РХДД. Последующее усиление фундаменталистских настроений внутри РПЦ никак не могло способствовать развитию христианско-демократической идеи.

Ответ А. В. Юдина

Да, безусловно, современные христиане в России могут и должны сформировать такое предложение. Однако главный вопрос заключается в том, идет ли в этом случае речь о целостной модели жизнеустройства политического сообщества или о формировании ценностно-ориентированных подходов к различным областям жизни общества. На мой взгляд, первый вариант вряд ли возможен в силу объективных и субъективных причин современного этапа политического развития России. Второй же вариант должен формироваться постепенно как контрапункт и отклик христианского сообщества на реальные проблемы общественно-политической жизни. Этот процесс, худо или бедно, идет на современном этапе. Насущная задача выработки христианско-демократического подхода состоит в анализе и систематизации этого процесса. Следующий вопрос заключается в том, что представляет собой христианское сообщество в современной России.

1. Эти стрежневые принципы уже сформулированы в мировой практике христианской социальной мысли и потому нуждаются в осмыслении и оригинальном развитии в конкретном общественно-политическом контексте современной России — это принципы общего блага, субсидиарности и солидарности.

2. Конечно, программа христианской демократии должна отличаться по существу от программ других политических партий, поскольку имеет четкий религиозный базис — евангельские ценности. Однако в силу того, что в современном контексте России существование христианской демократии как политической партии или даже политического движения практически невозможно, то реальным представляется участие политиков христианско-демократической ориентации в общем политическом процессе или в деятельности отдельных партий. При этом деятельность таких политиков не

может носить декларативно-религиозный характер, поскольку речь идет о формировании политической доктрины, воспроизводящей на светском языке религиозные ценности. Это может сделать христианскую демократию составной частью демократического движения, ценности которого разделяют представители иных религий и неверующие.

3. В настоящий момент ничто не дает нам оснований для надежды, что такая программа может быть в принципе принята большинством населения секулярной России.

4. Наиболее желательным путем становления христианско-демократического движения, но при этом идущим contra spem, видится все же объединение конкретных христианских организаций, работающих в этом направлении. При этом, конечно, потребуется некое политическое усилие, но в корне отличное от искусственного партийного строительства. Хотя не исключено, что своего рода православную социальную (или христианско-демократическую) партию учредит в качестве официальной очередной Русский народный собор.

5. Я вполне согласен с выводами А. Щипкова (*Христианская демократия вРоссии.* М., 2004), который выделяет 4 главные причины исчезновения христианско-демократического движения с политической сцены России: отсутствие в России христианско-демократической политической традиции, а также отсутствие у этого движения собственной идеологии, социальной базы и поддержки со стороны главенствующей церкви — РПЦ МП. Но даже с учетом нынешней поддержки социально-политических инициатив со стороны РПЦ («Основы социальной концепции РПЦ» (2000), «Свод нравственных принципов и правил хозяйствования» (2004) и т.д.) в контексте постоянно звучащей критики либеральных ценностей и мощного национал-патриотического уклона в церковных кругах христианская демократия как западное наследие приобретает еще более одиозный характер для православного человека.

От редакции

В 130-м номере «Континента» мы уже напечатали (в разделе РАЗНОЕ) отклик на статью Я. Рабкина — письмо Виктора Кузнецова, зачисляющее и Я. Рабкина, и журнал «Континент», статью его опубликовавший, в пособники разного рода «красно-коричневых» и прочих врагов государства Израиль. Но напечатали мы это письмо только для того, чтобы показать на наглядном примере, какого рода отклики на наши публикации мы никогда больше печатать не будем. Мы предупредили, что всегда готовы предоставить страницы журнала для любого, пусть даже самого острого и резкого критического разбора любой нашей публикации, но только при одном непременном условии: если полемика ведется по существу дела и основана на аргументированном опровержении или переосмыслении фактов, приводимых автором публикации, на столь же аргументированном опровержении высказанных (действительно высказанных) им суждений, а не на произвольном приписывании ему мыслей, чувств и намерений, извлекаемых исключительно путем «чтения в сердцах», методом пристрастного «психологического сыска», открывающего дорогу любым подозрениям и любым личностным обвинениям, несовместимым с цивилизованными методами ведения спора.

Так вот, именно следуя заявленным тогда принципам, мы, получив новый, но совершенно в ином измерении выполненный резко критический отклик на статью Я. Рабкина, сочли на этот раз не просто возможным, но совершенно необходимым отклик этот напечатать. Присланная нам из Израиля статья доктора Пинхаса Полонского полностью отвергает ту картину идейных взаимоотношений иудаизма и сионизма, которую рисует Я. Рабкин, но свое опровержение П. Полонский строит исключительно на основе приводимых им многочисленных фактов (в его собственном, разумеется, изложении), за достоверность которого он готов нести полную ответственность, а не на произвольных домыслах и предположениях. Его полемика вводит, таким образом, в круг обсуждения новый обширный материал, и мы надеемся, что тем самым статья безусловно будет способствовать именно тому главному, чего и вправе ждать от нее читатель: помочь ему полнее и глубже вникнуть в обсуждаемую очень серьезную и очень важную проблему сегодняшней жизни Израиля, в немалой мере имеющую определенное касательство и к жизни всего современного мира.

Пинхас ПОЛОНСКИЙ — родился в 1958 г. в Москве. Окончил МГПИ, в дальнейшем — в Израиле — Университет Бар-Илан (иудаика). В 1970 –1980-х гг. — активист еврейского независимого движения в СССР, один из инициаторов создания «Маханаим» — подпольной сети по изучению иудаизма в Москве. С 1987 г. живет в Израиле. В настоящее время — преподаватель иудаизма в Университете Бар-Илан. Редактор сайта www.machanaim.org. Автор 15 книг и более 1000 статей по иудаизму, современной религиозной философии и проблемам Израиля.

Пинхас ПОЛОНСКИЙ

ИЗ МОНРЕАЛЯ НЕ РАЗГЛЯДИШЬ: СООТНОШЕНИЕ СИОНИЗМА И ИУДАИЗМА В КОНТЕКСТЕ ИЗРАИЛЬСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

(О статье Якова Рабкина «Угроза с тыла: духовное противостояние сионизму» — Континент. 2006. № 129)

I. Прояснение понятий

Статья Якова Рабкина, посвященная антисионистскому движению в иудаизме, внешне выглядит как серьезный научный труд, из которого читатель должен получить объективное представление о предмете. Но как только мы начинаем сравнивать ее с фактами — и особенно с теми фактами, упоминание которых в статье Я. Рабкина отсутствует, — тут же выясняется, что статья эта дает читателю картину неверную, ибо вся она основана на искажениях фактического материала — одном большом искажении и множестве мелких.

Начнем с большого искажения.

Весь ход статьи призван создать впечатление, что среди ортодоксов антисионистское движение (т.е движение, не признающее сионизма и Государства Израиль и борющееся с ними) весьма значительно. В качестве одного из подтверждений подобного положения дел Я. Рабкин приводит, например, переименование муниципалитетом Бней-Брака улицы имени *сиониста Герцеля* в улицу *антисионистского рава Шаха*. Из чего, понятно, как бы сам собой напрашивается вывод, что раз уж улицы переименовывают, то, значит, антисионисты составляют большинство — хотя бы в муниципалитете Бней-Брака. Но это впечатление, однако, полностью ложное, потому что рав Шах и муниципалитет Бней-Брака вовсе не являются антисионистами в том смысле, в каком автор использует этот термин, — то есть теми, кто *отрицает право Израиля на существование*. Дело в том, что Я. Рабкин — не намерены судить, сознательно ли или же просто из-за непонимания израильских реалий, — смешивает два совершенно разных понятия: «религиозный несионизм» и «религиозный антисионизм». А разница между ними весьма значительна — такая же, как, например, разница между «неевреями» (большинство человечества) и «антиевреями» (Гитлер и нацизм).

Рав Э. Шах, который был духовным лидером израильских харедим (ультраортодоксов), отнюдь не являлся противником Государства Израиль. Наоборот, он призывал всех харедим голосовать на выборах в Кнессет, и возглавляемая им партия «Агудат Исраэль» активно участвовала и участвует в политической жизни Израиля и даже входит в правительственную коалицию; много лет ее представители возглавляли различные комиссии Кнессета и руководили разными министерствами. Его несионизм, как и несионизм абсолютного большинства харедимного ультраортодоксального населения Израиля, состоял в том, что он не считал Государство Израиль ду-

ховно-еврейским и не придавал ему религиозного значения — при том, что оно, конечно, признается как государственная власть, как все государства мира, и с ним поддерживаются нормальные конструктивные взаимоотношения. Что же касается антисионизма, столь подробно описанного в статье, — который состоит в отрицании права Израиля на существование, участия в антиизраильских пикетах и конференциях и т. п., — то всего этого придерживается ничтожно маленькая, порядка пары тысяч человек, маргинальная группа «Нетурей Карта», представляющая менее 1% даже от числа израильского ультраортодоксального населения.

Проиллюстрируем разницу между религиозным несионизмом и религиозным антисионизмом на примере покойного Любавичского ребе М. М. Шнеерсона. В религиозном аспекте он отнюдь не был сионистом, то есть считал, что с религиозной точки зрения Государство Израиль не может быть названо действительно еврейским государством, и не придавал ему религиозного статуса (и в этом его позиция, как и позиция других харедимных лидеров, отличалась от подхода религиозных сионистов школы рава Кука, которые тожс являются ортодоксами, но при этом считают создание Государства Израиль Божественным чудом и подарком, празднуют День независимости как религиозный праздник и считают это государство, при всем его светском характере, необычайно важным и положительным явлением для развития иудаизма). Но Любавичский ребе, несмотря на свой религиозный несионизм, в политическом плане был даже сверхсионистом, призывал всячески поддерживать и укреплять Государство Израиль, встречался с его политическими нерелигиозными лидерами и давал им благословение, призывал своих сторонников строить поселения и не отдавать арабам территории, воевать в израильской армии и активно участвовать в социальной, политической, религиозной и культурной жизни Страны. Среди израильских харедим не все, конечно, настолько «правые» и не все столь политически активны, как Любавичский ребе (хотя политически правых среди харедим существенно больше, чем политически левых), но в принципиальном плане именно такой позиции — отрицания религиозного и даже *еврейского в традиционном смысле* характера Государства Израиль и при этом его политической поддержки — придерживается абсолютное большинство ультраортодоксального населения Израиля. Однако в статье Я. Рабкина эта позиция полностью игнорируется, а приводимые цитаты создают у читателя впечатление, что все харедим разделяют точку зрения антисионизма.

Количественное соотношение несионистской и антисионистской позиций среди харедим показывают следующие факты. Во-первых: антисионисты, как верно указано в статье Рабкина, игнорируют выборы в Израиле, ведь участвовать в выборах — значит признавать легитимность избираемой власти. При этом, однако, статистика свидетельствует о том, что в харедимных городах и районах Израиля (Меа-Шеарим, Бней-Брак и т. д.) наблюдается самый высокий по стране уровень участия в выборах. Перед выборами по всем харедимным кварталам расклеиваются листовки, подписанные религиозными лидерами ультраортодоксальной общины, призывающие обязательно принять участие в голосовании — ради блага как общины, так

и Страны в целом (того, что харедимная община считает благом для Государства Израиль, — с чем, понятно, другие группы населения могут быть не согласны, но это и естественно для демократического общества). В море этих листовок тонут немногочисленные плакаты антисионистов, призывающие бойкотировать выборы, — и, кроме горстки «Нетурей Карта», никто к ним не прислушивается. В результате харедимная община имеет довольно много своих представителей в Кнессете, которые, как мы уже упомянули, возглавляют его комиссии или даже являются министрами (или фактическими министрами) правительства. Представитель харедимной общины Ури Луполянский, благодаря активному участию в выборах своих сторонников, является сегодня мэром Иерусалима, столицы Государства Израиль, — а это весьма важный политический пост, связанный с представительством всей Страны, а не только с бытовым муниципальным хозяйством. Где уж тут описанное Я. Рабкиным *отрицание права Израиля на существование*? Его нет и в помине.

Второе: обычные харедим, несионисты, очень часто и организованно проводят политические демонстрации, на которые собираются зачастую более 100 000 человек. А вот на демонстрацию, ежегодно проводимую антисионистами — она проходит в День независимости Израиля и декларирует непризнание государства, — в этом году, например, собралось всего 70 человек, т. е. меньше 0,001 от обычной харедимной демонстрации.

Конечно, мы еще со времен Марка Твена знаем, что, когда собака кусает человека, это не может стать сенсацией, а вот если человек укусит собаку, то об этом напишут все. Поэтому неудивительно, что несколько десятков евреев, отрицающих Государство Израиль, получают в СМИ паблисити столь мощное, что оно равно — если не перекрывает — упоминаниям о сотнях тысяч лояльных (хотя и далеко не во всем согласных с ее политикой) граждан страны. Но научно-объективная статья, на статус которой претендует произведение научного сотрудника Монреальского университета Якова Рабкина, должна была бы, думается, в первую очередь разъяснить читателю фактическое положение дел. Она же, наоборот, его в этом отношении фактически дезинформирует. Поэтому, чтобы прояснить ситуацию, мы приведем несколько фактов из истории вопроса, которые Я. Рабкин своим читателям не сообщает.

II. Немного истории и социологии

Одним из главных тезисов, на которых Я. Рабкин строит свою концепцию, является принципиальная антирелигиозность сионизма, — который, как пишет автор статьи, *был нарушением всех традиционных принципов иудаизма, противопоставил себя религии, и вообще отношение сионистов к религии напоминает антисемитизм*. Рабкин, конечно, приводит несколько цитат в подтверждение своей точки зрения, — проблема только в том, что он не сообщает об огромном числе других цитат и фактов, противоречащих его схеме *всегдашнего противостояния религии и сионизма*.

Разберем последовательно эти факты.

1. Отрицает ли еврейская традиция возможность самостоятельного возвращения евреев в Страну Израиля?

Прежде всего, религия на протяжении веков отнюдь не выступала против возвращения евреев в Страну Израиля — и даже наоборот, такое стремление поддерживала. Во всех еврейских молитвах, в будни и в праздники, одно из важнейших мест занимает надежда на Возвращение и на восстановление Иерусалима, Храма и еврейского государства в Святой земле. Этой надеждой проникнута вся еврейская традиция, и словами «*В следующем году мы будем праздновать этот день в Иерусалиме!*» торжественно завершаются службы двух самых главных годовых праздников, Песаха и Йом Кипура. При этом мнения религиозных авторитетов по вопросу о том, как конкретно должно происходить это Возвращение, разделились: некоторая часть действительно считала, что мы — как народ — в целом не должны ничего предпринимать самостоятельно и за нас все сделает Бог; но другие, наоборот, считали необходимым активно действовать и, более того, указывали, что, если нам удастся самостоятельно вернуться в Страну Израиля, то это и будет свидетельствовать о Божественном разрешении, одобрении и поддержке. Например, такие крупнейшие и всеми признанные классики иудаизма, как Иегуда Галеви (XII в.) и Моисей Нахманид (XIII в.), не только однозначно выступали за самостоятельное возвращение евреев в Страну Израиля, но и считали огромным грехом еврейского народа его малую в этом отношении активность. Разумеется, физически на протяжении всех веков Изгнания такое возвращение было невероятно сложным делом, однако те, кому лично удавалось это осуществить, считали это счастьем и поддерживали других в этом стремлении. Галаха (еврейский закон) говорит, что ради переселения в Страну Израиля разрешено нарушить заповедь почитания родителей (если они остаются за границей) и даже развестись (если один из супругов хочет переехать в Страну Израиля, а второй не готов к этому).

(Следует отметить, что иудаизм, конечно, не считал Изгнание случайностью; оно было, в частности, Божественным наказанием и способом исправления, но осознание провиденциальности Изгнания никак не отменяет наших усилий по его устранению. Впрочем, все это очень большая тема, требующая отдельного обсуждения.)

На практике, как только Возвращение стало более реальным, целые группы религиозных евреев под руководством раввинов начали осуществлять переезд в Страну. В 1772 году в Страну Израиля переехала большая группа хасидов под руководством р. Менахема-Менделя из Витебска, а в 1804-м — группа учеников Виленского Гаона, действовавшая по его прямому указанию. В середине XIX века, ввиду активной иммиграции, евреи стали большинством в населении Иерусалима и вышли за пределы стен Старого Города — и это еще до всякого провозглашения сионизма как организованного движения. Иными словами, жажда и осуществление Возвращения всегда были неотъемлемой частью иудаизма, а отнюдь не противоположностью ему.

Верно, что есть в еврейской традиции также и голоса, говорящие о проблемности возвращения в Страну, но они весьма малосильны (и по количеству и по значению) в сравнении с текстами, поддерживающими Воз-

вращение. Один из немногих таких проблемных фрагментов, которые вслед за антисионистами цитирует Я. Рабкин, — это «три заклятия», отрывок из Талмуда (трактат Кетубот, с. 111). Рабкин приводит этот отрывок в антисионистском изложении, которое выставляет его как *запрещение традиции на самостоятельное возвращение в Страну.* Однако согласно толкованиям, принадлежащим мейнстриму еврейской традиции, смысл этого отрывка совсем иной. А именно что отрывок этот является не галахой (законодательным запретом), а агадой (общефилософским обсуждением) и говорится в нем вовсе не о том, что якобы Бог запретил евреям возвращаться, а говорится следующее: *Бог заклял мир заклятиями* (т. е. установил определенный порядок вещей. — *П. П.*): *что не будут евреи подниматься в Страну Израиля «стеной», и не будут восставать против власти народов мира...*

Поразительно, но именно так исторически и получилось. Во-первых, первоначальная алия (репатриация) была именно ***не*** *стеной* (что означало бы создание армии за границей и завоевание Страны), но она шла поодиночке и маленькими группами; лишь потом евреи организовались уже изнутри Страны и воевали за свою независимость. И, во-вторых, создание Израиля было санкционировано решением Лиги Наций (1920 г.) и ООН (1947 г.), т. е. происходило не в формате *восстания против власти народов мира* — а, наоборот, в соответствии с этой властью! Таким образом, это место Талмуда не содержит никакого запрета, а содержит общее философское рассуждение и предвидение развития событий, к тому же в нашем веке, в ходе создания Израиля, осуществившееся.

Это только один, хотя и наиболее яркий, из множества примеров, в которых антисионисты (а Я. Рабкин вслед за ними) приспосабливают еврейскую традицию к своим политическим интересам.

Но на подробный разбор всех пунктов традиции у нас не хватит здесь места, так что перейдем к фактам по следующей теме.

2. Враждебен ли сионизм религии?

Прежде всего отметим, что вначале сионизм не только не был антирелигиозным движением, — но наоборот, был инициирован раввинами!

Еще в 1860 году рав Цви Гирш Калишер, выдающийся религиозный авторитет и каббалист, опубликовал книгу «Дришат Цион» («Стремление к Сиону»), где провозглашалась необходимость безотлагательно создать религиозное сионистское движение, самостоятельно возвратиться в Страну Израиля и создать еврейское государство, включая армию, — и даже самостоятельно воссоздать Храм. Это было почти за сорок лет до Герцеля, но именно с этого момента религиозный сионизм начал свою деятельность. Книга вызвала бурные дискуссии во всех еврейских общинах. Рава Калишера поддержали такие выдающиеся раввины, как Э. Гутмахер, И. Алкалай и многие другие. В 1870 году было создано (религиозными, а не «отошедшими от веры» евреями) первое сельскохозяйственное поселение Петах-Тиква и школа агрономов Микве Исраэль (возле нынешнего Холона). В 1882 году среди евреев России возникло широкое сионистское движение «Ховевей Цион« («Сторонники Сиона»), имевшее отделения в сотнях городов диаспоры и

начавшее практическую поселенческую деятельность, и это движение получило поддержку огромного числа раввинов (и в том числе Н. Ц. И. Берлина, главы Воложинской ешивы, самого крупного центрального высшего учебного заведения литовского еврейства). Одним из руководителей движения был раввин Ш. Могилевер, в дальнейшем, в 1897 году, ставший вместе с другими раввинами делегатом Первого сионистского конгресса Герцеля. Раввины-делегаты конгресса даже организовали в рамках ВСО (Всемирная сионистская организация) отдельную религиозную фракцию «Мизрахи».

Конечно, в сионистском движении участвовали и евреи, далекие от религии. Так что не представляет никакой сложности привести из выступлений таких сионистских деятелей то или другое количество цитат о *противоположности и противопоставлении* сионизма и иудаизма. Однако приводить только такие цитаты, игнорируя огромное число противоположных, как это делает Я. Рабкин, для научной работы недопустимо.

3. «Агудат Исраэль» и эволюция ее взглядов, возникновение «Нетурей Карта»

Существенная напряженность между религиозным еврейством и сионистским движением развилась в 1905 году, когда после смерти Герцеля (при жизни он блокировал подобные решения) «Культурно-просветительская» фракция ВСО провела решение о проведении в Стране Израиля нерелигиозной культурной работы (в перспективе создания светского университета и т. п.). Бóльшая часть раввинов «Мизрахи», хотя и не была с этим согласна, осталась в рамках ВСО, но некоторые отделились и вместе с другими в 1913 году создали «Агудат Исраэль» — религиозную организацию, конкурирующую с ВСО за влияние в еврейском мире. «Агудат Исраэль» вначале стала выступать против сионистского движения под антисионистскими лозунгами, подобными приводимым Я. Рабкиным, и в 1913–1935 годах ее отношения с сионистским движением многократно выливались в открытое и резкое противостояние. (Все это время внутри сионизма продолжало действовать ортодоксальное религиозное движение «Мизрахи« и другие религиозные группы, так что тотального противостояния религии и сионизма не было даже и в тот напряженный период.)

Однако в 1935 году в политике «Агудат Исраэль» произошел коренной перелом. Осознав, что приход Гитлера к власти может кончиться трагически для еврейства Европы и что перед лицом такого врага надо забыть о внутренних ссорах, руководство «Агудат Исраэль» переехало из Польши в Страну Израиля и заключило договор и союз с Бен-Гурионом. Согласно этому договору, «Агудат Исраэль» полностью поддержала сионистское движение, а оно, в свою очередь, согласилось поддерживать государственное соблюдение Субботы, кашрута, независимую религиозную систему просвещения и т. д. (Это соглашение в целом выполняется до сих пор, и на нем и других аналогичных договорах основан нынешний статус-кво в отношении религии и государства в Израиле.) Вся антисионистская риторика была отменена, и «Агудат Исраэль» стала одной из лояльных политических партий ишува (еврейского населения Страны), а потом и Государства Израиль.

Однако, когда «Агудат Исраэль» круто развернулась и заключила с Бен-Гурионом союз, от нее откололась крохотная фракция под названием «Нетурей Карта» («Стражи Города»), объявившая, как это нередко случается с маргиналами, все раввинское руководство «Агудат Исраэль» *ренегатами и предателями*, а себя — *единственными истинными раввинами, представляющими весь настоящий еврейский народ.* Эта группа, получившая после Второй мировой войны поддержку сатмарских хасидов, успевших выбраться из охваченной пожаром Европы и обосновавшихся в Нью-Йорке, — приобретает, благодаря перу Я. Рабкина, статус *угрозы с тыла и духовного противостояния сионизму.* Именно члены «Нетурей Карта» (цитаты из выступлений которых так обильно приводит Я. Рабкин) выходят в День независимости Израиля на мизерную по количеству, но шумно освещаемую в СМИ демонстрацию против существования Израиля, регулярно сжигают израильский флаг, призывают (совершенно безуспешно) харедимное население не участвовать в выборах в Кнессет. Это они в ранге *министров по делам евреев* номинально входили в правительство Арафата; они же участвуют, вместе с арабскими террористами, в антиизраильских пикетах и конференциях, ездят в Тегеран на форум «Отрицания Катастрофы» и т. д. (Кстати, подобные поездки восприняты во всем еврейском мире как явный показатель того, что у части «Нетурей Карта» на почве борьбы с сионизмом окончательно «поехала крыша».)

Отношение к этим людям в Израиле, да и во всем еврейском мире, нельзя даже назвать «несогласием». Скорее, это смесь презрения и омерзения. А поскольку на соотношение сил ни в израильском обществе, ни в мировом еврействе они, ввиду своей ничтожной численности, никак не влияют, то во внутриеврейском мире «Нетурей Карта» практически не замечают. Совсем иное дело — посторонние, которые получают информацию о процессах в жизни Израиля только через СМИ. В эпоху тотальной телевизионизации пара десятков еврейских противников Израиля может — при умелой раскрутке — создать впечатление, сравнимое с тем, какое создают сотни тысяч и даже миллионы его сторонников. Например, ТВ транслирует встречу пяти антисионистов (в их столь характерном черном раввинском прикиде) с президентом Ирана Ахмадинеджадом, — и этого достаточно для того, чтобы сотни миллионов людей на планете твердо знали об их существовании. Или снимает ТВ красочную сцену сжигания десятком людей в лапсердаках израильского флага в День независимости (ТВ любит экшен), а затем камера обозревает улицу в Меа-Шеарим, по которой ходят тысячи людей в таких же лапсердаках, — только зрителю не сообщается, что вся эта улица, судя по результатам выборов в Кнессет и в муниципалитет Иерусалима, состоит из сторонников «Агудат Исраэль» и «Шас» (партия сефардских ультраортодоксов), входящих в правительство Израиля, а вовсе не из антисионистов. Или фотографируют антиизраильский пикет где-нибудь у посольства Израиля, в котором десяток членов «Нетурей Карта» сразу бросаются в глаза, и у обывателя ставится галочка в сознании: вот они, евреи-раввины, против сионизма. В сегодняшнем ТВ-мире истинное количество несущественно. Нужен лишь четкий ясный «лейбл» (в данном случае — лапсердак), подходящий экшен («евреи против Израиля» — сразу необыч-

но) и умелая раскрутка. Ну а на полях этой ТВ-раскрутки и размещаются статья и книга Я. Рабкина, к методике подачи фактов в которой мы ниже перейдем.

4. Сионизм и религия. Религиозная структура еврейского общества Израиля

Еврейское население Израиля составляет сегодня 5,3 миллиона человек. (Это больше, чем еврейское население США, которое на сегодня составляет 5,2 миллиона человек и все время уменьшается, в то время как еврейское население Израиля постоянно растет, — являя, кстати, самый высокий естественный прирост среди всех народов развитых стран. Но это меньше, чем еврейское население Российской империи в 1900 году, составлявшее около 5,5 миллиона.) Согласно многочисленным и подробным социологическим исследованиям, из этого пятимиллионного еврейского Израиля около 10% составляют харедим — «ультраортодоксы», на израильском сленге «черные кипы», не являющиеся сионистами с точки зрения религии, т. е. не придающие сионизму и Израилю религиозного значения, но лояльные политически и интегрированные в систему управления государством. (Из них 2/3 — ашкеназы, которых представляет партия «Агудат Исраэль», и 1/3 — сефарды, которых в Кнессете, в правительстве и в муниципалитетах представляет партия «Шас»; обе партии, как мы отмечали, входят и входили в правительственную коалицию.) Их, конечно, можно считать «несионистами», но они никак не «антисионисты».

От них существенно отличаются религиозные сионисты («вязаные кипы»), составляющие около 15% еврейского населения Страны (они являются избирателями партии блока «Национальное Единство» и частично «Ликуда»). Эта группа тоже ортодоксально-религиозна, однако позиция ее членов, основанная на философии рава Кука, придает нынешнему Израилю не только прагматическое, но и духовно-религиозное значение, — и, соответственно, они празднуют День независимости как религиозный праздник, посылают детей в боевые войска ЦАХАЛа, составляют костяк поселенческого движения в Иудее и Самарии и т.д.

Таким образом, среди ортодоксов Израиля (25% еврейского населения Страны, около полутора миллионов человек) более половины составляют религиозные сионисты, меньшую часть — харедим, религиозные несионисты, но лояльные к государству, и лишь доли процента, сотня семей, — антисионисты из «Нетурей Карта».

Для *угрозы с тыла* и *духовного противостояния сионизму* этого, прямо скажем, маловато.

Далее, около 40% еврейского населения страны — это «месоратим» (традиционалисты) — так называют в Израиле тех, кто не соблюдает религиозные предписания полностью, но придерживается значительной части их в ежедневной жизни (например, соблюдает кашрут, зажигает субботние свечи, женщины регулярно окунаются в микву и т. д.). Практически все они — полные сторонники сионизма, служат в армии и т. д., и они рассматривают религию и сионизм как интегральные части своего еврейства.

Остальные примерно 35% еврейского населения — «нерелигиозные» (из них всего 5% определяют себя как «антирелигиозные»), но и среди этих 35% большая часть постятся в Йом Кипур, прикрепляют мезузу у входа в дом и т. д., а провести похороны по религиозному обряду с чтением «Кадиша» хотят почти все (в Израиле есть и нерелигиозные кладбища, но мало кто из евреев хочет быть похороненным там).

В Израиле на государственном уровне поддерживаются кашрут в армии и Суббота, гербом государства является Менора (храмовый светильник), в армии принимают присягу на ТаНаХе*, изучение которого входит во все школьные программы, а конкурс «молодых знатоков ТаНаХа» является частью ежегодной официальной церемонии празднования Дня независимости. Таким образом, никакого *принципиального антирелигиозного сионизма*, который столь подробно описан Я. Рабкиным с помощью цитат из нескольких антирелигиозных сионистских идеологов (а были конечно и такие, ведь *два еврея — это три мнения*), в Израиле как заметного явления вообще не существует. В Стране — да, есть острая дискуссия по вопросу о месте религии в нынешнем демократическом государстве, каким является Израиль, но это внутренняя дискуссия, ни одна из сторон не выступает ни против сионизма, ни против религии, как таковой, а спор ведется лишь относительно локальных проблем — например, надо ли пустить общественный транспорт в субботу или легализовать гражданские браки. Против обязательности кашрута в армии или против изучения ТаНаХа в школе не выступает никто.

Иными словами, по сравнению с абсолютным большинством демократических стран, светский сионистский Израиль является скорее традиционно-религиозным, чем антирелигиозным государством. Но все это не находит никакого отражения в статье Я. Рабкина, поскольку противоречит выстраиваемой им схеме «антагонизма сионизма и религии».

III. Техника подачи материала

В брежневское застойное время был популярен анекдот о том, как советский спортивный комментатор хвалится, что, не искажая фактов, он может любое событие изложить с точностью до наоборот. Так, рассказывая о результатах забега, в котором участвовали русский и американец (причем американец победил), комментатор честно сообщает: *Советский бегун пришел к финишу вторым: серебряная медаль, а американец — предпоследним...*

Примерно на такой же технике построен и труд Я. Рабкина.

Рассмотрим конкретные примеры.

В самом начале статьи нам сообщают (на основании того, что в Израиле живет 5,3 миллиона евреев, т. е. 40% от еврейского мира), что *более половины евреев мира в сионистском проекте не участвуют*, — игнорируя тот факт, что в Америке, Франции и других странах миллионы евреев и еврейские федерации практически всех городов мира финансово поддерживают Израиль, выходят на демонстрации в его защиту, активизируют с ним куль-

* ТаНаХ (Тора, Невиим/Пророки, у-Хтувим/Писания) — Еврейское Священное Писание, Еврейская Библия.

турный обмен и т. д. — т. е. хотя и не живут в Стране, явно *участвуют в сионистском проекте.*

Около трех миллионов американских евреев на чисто добровольных началах объединены в федерации и платят им общинные налоги. Эти федерации, в свою очередь, отчисляют совершенно официально и постоянно часть средств на проекты Всемирной сионистской организации, а также входят вместе с представителями Израиля в их попечительские советы. То же самое происходит в Европе и в Канаде. Можно ли назвать это «*неучастием в сионистском проекте*»?

Далее Я. Рабкин в качестве «представителя сионизма» довольно произвольно выбирает антирелигиозного Ш. Авинери, игнорируя всех других более близких к религии сионистских историков и социологов. И тогда картина противостояния сионизма и религии получается у него четкая и ясная, — вот только от действительности весьма далекая. Далее он заявляет: *неудивительно, что с самого начала подавляющее большинство тех, кто следует еврейской традиции, отвергают сионизм и присущие ему планы построения нового общества, отвергают массовое переселение евреев в Святую землю и в особенности использование силы для ее контроля.* Утверждение это можно будет считать частично верным, если вместо настоящего времени («отвергают») поставить прошедшее («отвергали»), при этом хронологически ограничить его началом XX века и территориально — лишь ашкеназскими евреями. Однако начиная с 1935 года, а тем более после Второй мировой войны (когда к поддержке сионизма развернулось почти все американское еврейство) это утверждение будет совсем ложно. В Израиле сегодня антисионистской позиции, как мы сказали, придерживается менее 1% от числа даже ультраортодоксов. В Америке антисионисты — это сатмарские хасиды, составляющие несколько процентов даже от ортодоксального еврейства США, в остальных странах — это буквально единицы, не пользующиеся никаким влиянием в еврейской среде. (Например, после того как один из живущих в Вене сатмарских хасидов поехал в Тегеран на антисионистскую конференцию, венская еврейская община изгнала его из своих рядов и наложила на него «херем» — отлучение, запрещающее впускать этого человека в синагогу, засчитывать его в миньян и т. д.) Все эти факты, однако, не мешают Я. Рабкину утверждать, что *с самого начала подавляющее большинство соблюдающих традиции отвергло сионизм,* — не уточняя, что сегодня соотношение кардинально поменялось.

И в рамках такой методологии выдержана вся статья. Приводится цитата из Бен-Гуриона, в которой тот говорит, что Октябрьская революция *была призвана до глубины расшатать основы изжившего себя, прогнившего общества* (а кстати, разве не была действительно империя Романовых обществом прогнившим?), и тут же делается вывод, что основатель Израиля восхищался Лениным. Ну а читателю понятно, что раз Ленин, то это очевидная антирелигиозность и т. п. Но ведь по инициативе того же Бен-Гуриона Кнессет в Израиле принял законы о том, что брак и развод будут только религиозными, в армии и государственных учреждениях были установлены кашрут и соблюдение Субботы и т. д. Тот Бен-Гурион, который получал благословение у Любавичского ребе, который цитирует ТаНаХ на десятках

страниц своих дневников, который на вопрос о том, какое право имеет Государство Израиль на существование, заявлял: *Библия — наше право!* и т. д., — такой Бен-Гурион исчез из поля зрения Я. Рабкина. И действительно, ведь если читателю сообщить обо всем этом, то вся схема противостояния сионизма и религии треснет, а ради нее Я. Рабкин и создает свой труд. Вот и приходится ему тщательно собирать 5% нужных фактов, а 95% фактов, мешающих его концепции, опускать.

И так вся статья — на каждой странице то маленькая, то большая неточность, призванная создать нужное впечатление. Приводится высказывание раввинов из движения «Хабад» *до* Второй мировой войны, — но умалчивается, что *после* нее Любавичский ребе полностью политически поддержал Бен-Гуриона и Государство Израиль. Приводится много цитат из антисионистских выступлений раввинов первой трети XX века, — но умалчивается, что сегодня этой позиции следуют только «Нетурей Карта» и сатмарские хасиды, составляющие ничтожное меньшинство, а все остальные, как литовские, так и хасидские, направления позитивно участвуют в жизни Израиля, а вовсе не считают его, как пишет Я. Рабкин, *происками Сатаны*.

Или вот, например, цитата: *Раввин из Сараево И. Алкалай (1798–1878) и прусский раввин Ц. Г. Калишер (1795–1874) считаются предшественниками религиозного сионизма, однако и они откровенно оправдывают свою поддержку тем, что евреи должны брать пример с итальянцев или немцев, которые добились к тому времени создания своих национальных государств. Другими словами, в отличие от раввина Кука и его последователей, они никак не связывают сионизм с приходом Мессии. Это и неудивительно, учитывая то, как еврейская традиция относится к идее возвращения евреев на Святую землю.*

Имена, даты и детали приведены здесь верно, по сути же неверно буквально всё. Потому что рав Ц. Г. Калишер и рав И. Алкалай действительно побуждали современников брать пример активности с итальянцев и немцев, но они видели цель именно в мессианском процессе и рассматривали создание Государства Израиль как необходимый шаг в возрождении иудаизма, — ибо считали, что не может быть полноценного иудаизма вне Страны Израиля и вне еврейского государства; а рав Кук был в этом полностью последователем рава Калишера, а также Иегуды Галеви и Нахманида, а вовсе не «*неожиданно изменил традицию*».

О религиозных сионистах (в § 4) Я. Рабкин говорит: *Несмотря на их сравнительно незначительное число* — и это о пятнадцати процентах еврейского населения Страны, половине израильских ортодоксов! А вот антисионистов, составляющих менее 0,1% от населения Страны Израиля или менее 1% даже от ультраортодоксов, Рабкин называет *большинством строго соблюдающих заповеди иудеев*. Конечно, если считать строго соблюдающими заповеди и настоящими раввинами только своих сторонников, как это делают «Нетурей Карта», а всех несогласных объявить ренегатами и отщепенцами, — то среди них несложно будет составить требуемое большинство. Прямо в точности как в анекдоте про советского спортобозревателя.

Про рава Кука, великого каббалиста начала XX века, Я. Рабкин сообщает, что *британские власти назначают его первым главным раввином Палестины* (читатель, соответственно, делает вывод: «*назначенный*» — значит, чи-

новник, значит — не настоящий, казенный раввин). А на самом деле рав Кук еще в 1903 году при власти турок был приглашен еврейскими жителями занять пост раввина Яфо, в 1919 году на общем собрании руководителей иешив Иерусалима был приглашен стать главным раввином Святого Города (оппозиция в лице будущих «Нетурей Карта» уже там, на собрании *строго соблюдающих заповеди иудеев*, оказалась в явном меньшинстве), а в 1921 году на съезде раввинов был избран главным раввином Страны Израиль — избрание, которое британские власти согласились утвердить и признать официально в подмандатной администрации. Сообщи Я. Рабкин своим читателям эти сведения (вместо «*британские власти назначают*») — эффект был бы, пожалуй, совершенно иной.

Впрочем, невозможно столь долго перечислять все пробелы, имеющиеся буквально на каждой странице труда Я. Рабкина. Перейдем поэтому к анализу некоторых принципиальных моментов антисионистской позиции «Нетурей Карта».

IV. О морали

Как пишет Рабкин, антисионисты обосновывают свое несогласие с Израилем *моральными доводами* — якобы они вместе со всем прогрессивным человечеством, и особенно вместе с палестинцами и другими мусульманами, стремятся к миру, а израильские агрессоры этому злодейски противостоят.

Конечно, всякому человеку, знающему истоки и ход израильско-арабского конфликта, ясно, что эти «крокодиловы слезы» антисионистов столь же аморальны, как были аморальны пацифизм и поддержка коммунизма среди западно-европейской интеллигенции в 1930-х годах. Но на подробный анализ аморальности именно антисионизма у нас в этой статье, пожалуй, не хватит места.

Чтобы статья получилась не слишком объемной, нам придется пропустить много важных и интересных моментов. Например, у нас нет места рассказать подробно о том, как антисионисты в 1920-е годы выступили категорически против алии в Страну Израиля и вообще против отъезда евреев из Европы, — потому что до 1935 года они вообще не понимали, что такое Гитлер, что происходит в Европе и что такое историческая ответственность, и лишь после 1935 года стали медленно поворачиваться. Но раскрученную риторику быстро не переориентируешь, и огромные массы евреев, на которых антисионисты имели то или иное влияние, остались на месте и не смогли уже выбраться из Польши, где и были похоронены.

Мы опустим историю создания знаменитой сегодня книги «Эм ха-баним смеха» — историю о том, как один из хасидов, учеников антисионистов, оказавшийся во Вторую мировую войну за решеткой одного из венгерских гетто и погибший там, написал в гетто книгу (она чудом сохранилась и после войны была опубликована), где подробно разбирает доводы антисионистов, не оставляя от них камня на камне, и горько сожалеет о том, что до Войны он не нашел в себе силы говорить об этом прямо: сколько народу можно было бы спасти!

Мы пропустим разбор сетований антисионистов (без комментариев цитируемых Я. Рабкиным) на якобы *насилие, чинимое Израилем против бедных палестинцев,* — упомянем лишь, что Хагана (отряды еврейской самообороны в Израиле) начала действовать только после того, как арабы в 1921 году неожиданно напали на евреев Яфо и других городов, убив 60 человек и ранив многие сотни. Мы пропустим описание того, как ультраортодоксальное еврейское население Хеврона, не желавшее, несмотря на поступавшие предупреждения, получить защиту от Хаганы (и повторявшее, как это делают сегодня «Нетурей Карта», что *без сионистов с мусульманами не будет проблем*), — было целиком вырезано в 1929 году арабскими бандитами, жителями того же города Хеврона (так что, когда сегодня деятели «Нетурей Карта» говорят о *мирном уничтожении Государства Израиль*, то они имеют возможность, ничего не опасаясь, разглагольствовать об этом только потому, что израильская армия охраняет всех, в том числе даже и таких, как они).

Мы пропустим также искажение в антисионистской доктрине моральных принципов иудаизма и изображение в нем евреев *вечными ягнятами.* Для этого надо было бы дать подробное описание соотношения сионизма и иудаизма в учении рава Кука, величайшего религиозного авторитета и каббалиста начала XX века, создателя философии религиозного сионизма и ортодоксальной модернизации в религии, идеи которого полностью игнорируются в статье Я. Рабкина. (Конечно рав Кук — это столь мощная концепция тотальной, а не только сионистской, модернизации иудаизма, при этом с полным сохранением его ортодоксальности, что она требует отдельной статьи, которую мы надеемся предоставить читателям «Континента» когда-нибудь позже.)

Остановимся на вопросе, который после всего сказанного невозможно пропустить: как может статья Я. Рабкина считаться научной? И как могло случиться, чтобы книга, лежащая в основе этой статьи, за два года была переиздана и переведена на шесть языков?

На этот вопрос мы попытаемся ответить ниже.

V. Социальная поддержка антисионизма среди либералов Запада

Ответ состоит в том, что еврейский антисионизм — и тот, что являют «Нетурей Карта» и сатмарские хасиды, и та «академическая поддержка» ему, которую создает Я. Рабкин, — является сегодня жизненно важным для либеральных кругов Запада, сделавших ставку на поддержку арабов и подавление Израиля. И причина здесь вовсе не в любви к арабам: на самом деле, среди либералов весьма не мал процент тех, кто любит арабов лишь *издалека.* И антисемитами они, в большинстве своем, совсем не являются. А дело в том, что Государство Израиль всем своим существованием противостоит их собственному видению мира, в том числе — и их собственной страны — будь то страна европейская или североамериканская.

Государство Израиль, с одной стороны, является страной совершенно западной и демократической (мы не будем здесь подробно анализировать это вовсе не простое понятие, которому можно посвятить целую статью). И

при этом Израиль — государство национальное, чем не является сегодня ни одна западная демократическая страна и что в корне противоречит устремлениям именно либералов. Во всех западных демократических странах сегодня понятие «народ» тождественно понятию «граждане данного государства», а *nationality* давно уже означает не этническую принадлежность, а гражданство. «Французами» политкорректно называть всех граждан Франции, даже если это арабы, лишь вчера получившие французский вид на жительство, ненавидящие традиционную французскую культуру и мечтающие об установлении во Франции халифата и шариатских законов. Этого *отчуждения гражданства от этничности* долго добивались либералы, жизненно, кровно связанные именно с этим «миропроектом» (то, что такая политкорректность лишь затушевывает реальность, что она ведет к отчуждению гражданства не только от этничности, но и от культуры и традиции и что все это рано или поздно взорвется европейцам в лицо, — мы пока пропустим). Но Израиль — он не укладывается в эту схему. В Израиле арабы-граждане имеют абсолютно равные с евреями гражданские права (кроме обязанности служить в армии), — но всем ясно, что Израиль это государство именно еврейское, а вовсе не выражающее *национальные устремления всех его граждан*. Это суровая реальность, и абсолютному большинству даже либералов в Израиле ясно, что хотя им «идеологически» это и не очень нравится, такое положение вещей придется сохранять, если мы не хотим уничтожения Страны. А абсолютное большинство израильтян, даже либералов, уничтожения Израиля не хотят, — чего не скажешь о либералах Европы и Америки: Израиль самим своим существованием ежедневно напоминает им, что есть не только либеральная, но и этнически-национальная модель демократии (опять-таки, за неимением места мы не будем анализировать здесь эту проблему). И что такая модель демократии тоже обеспечивает все личные свободы и права, что она реально успешна.

И чем больше начинает нарастать в Западном мире конфликт между западной и исламской цивилизациями (конфликт, о котором — ввиду «политкорректности» — в либеральных кругах почти неприлично говорить открыто, но который ставит под вопрос саму выживаемость всей либеральной модели), тем больше либералам хочется, чтобы Израиль, эту либеральную модель изначально отвергший, — чтобы он проиграл. Это чувство сродни широко распространенной среди россиян ненависти к «американосам», к злорадству при каждом ударе по ним, к жажде увидеть, как американцы, наконец, проиграют.

Но что — если ислам победит в войне с Америкой, россиянам будет лучше? Нет, им будет гораздо хуже, так как джихад полноценно доберется тогда и до них. Что — Америка враг России? Да, конечно же, нет, ведь когда нет коммунизма и баланса ядерного устрашения, то у Америки совсем другие заботы и Россия ей скорее союзник, а не враг. Но все разумные доводы отступают на второй план, потому что Америка — это *конкурентный миропроект*, и потому прямо душа горит увидеть его поверженным, а что там потом будет с тобой самим, — да кто ж об этом серьезно думает!

Именно поэтому на всем Западе консерваторы в основном поддерживают Израиль, т. к. их миропроект во многом близок к израильскому, а либе-

ралы поддерживают противников Израиля, т. е. арабов (а арабские проекты внутреннего устройства страны — они так далеки от Запада, что их просто не замечают, они не конкуренты). И вот евреи Запада разрываются: в абсолютном своем большинстве они — за Израиль, но традиционно они поддерживали либералов, а сегодня большинство этих либералов отвернулось от Израиля и перешло на сторону арабов, — что же делать либеральным евреям?! (Большинство их дрейфуют в сторону консерваторов, некоторые становятся сознательными противниками Израиля; но и это тема для отдельного разговора.)

Возвращаясь к нелюбви либералов к Израилю: самим выступать против Израиля не очень хочется, — того и гляди еще обзовут антисемитом, а это тоже неприятное обвинение в пост-Холокостном мире. А поэтому либералам жизненно необходимы евреи, которые будут выступать против Израиля. И всякая книга, особенно наукообразная, написанная евреем (и особенно декларативно-религиозным евреем, каким является Я. Рабкин), с критикой Израиля будет принята благосклонно этими либералами, в огромной степени контролирующими гуманитарный мир Запада. Она получит гранты, положительную критику в газетах и, глядишь, может принести и «премию за мужество» (*«еврей, а не побоялся критиковать Израиль»*)...

Что же касается «Нетурей Карта», то они продолжают играть в позапрошлую войну — будучи не в силах понять, что Израиль был, в конечном счете, создан не фантазиями сионистов, а кровавым историческим прессом Катастрофы. (Ведь если мы действительно верим в Бога, то должны воспринять историю как Божественное Слово и постараться услышать не только то Откровение, которое было 3,5 тысячи лет назад на Синае, но и то Откровение, которое Бог через Историю открывает нам сегодня.) Поэтому отнюдь не смешно, когда они в лапсердаковом раввинском прикиде, надев на грудь плакат «*Мы — единственные настоящие раввины*» (читай: все настоящие раввины — против сионизма) маршируют в центре вопящей антисемитской толпы (незабываемые кадры с *международной антирасистской конференции* в Дурбане, Южная Африка, в 2005 году). Все окружающие их *истинные мусульмане* в восторге от того, что у них есть, наконец, *нормальные, знающие свое место придворные евреи*, а не треклятые сионисты, которые вздумали построить свое государство в самом сердце *Дар-эль-Ислам* (*«земли, захваченной исламом»*), да при этом еще и кусаются и не желают сдаваться. Как им и положено, гордые сыны Востока смотрят на этих «придворных евреев» с презрением, но те не чувствуют неудобства. Из горящей Европы они сбежать успели, но исторического чутья так и не приобрели; а что еврейская критика Израиля дело сегодня выгодное, что пока Запад силен, никто их не тронет, и что ни малейшей реально-исторической ответственности за свои призывы не несут, — все это их, видимо, морально никак не коробит. И не мешает им продолжать борьбу с сионизмом. И потому до сих пор это их тренд, их лейбл, на котором они основали свою идентичность. Ведь если они не борются с сионизмом — кем они тогда будут и что от них останется?..

Юрий МАЛЕЦКИЙ

СЛУЧАЙ ДОРОШЕНКО: ОПЫТ ПОКАЯННОГО ОТВЕТА УЧЕНОМУ СОБРАТУ*

1

Прочитал в ЖЖ «Казус Малецкого» Олега Дорошенко.

Ну вот пожалуйста...

Разве не говорил я в самом начале «Дела Штайна», что дело это странное, не имеющее окончания? Завязка есть, а развязки нет. То, что называют ныне «висяк».

Казалось бы, радоваться надо. К делу подключился новый следователь (исследователь). На сей раз, наконец-то, сведущий человек. Компетентный. Как говорили в советские годы в библиотеках, «научник». Ну теперь-то дело не просто сдвинется с места, а закончится?

Куда там. Все зависло еще сильнее. И как-то вывернулось мебиусовой петлей, что ли, изнутри наружу или наоборот.

А именно: я в конце своего «романа о романе» возымел глупость решить, что с делом Руфайзена (реального человека, прототипа героя Улицкой) все-таки закончено; а вот с делом Штайна (литературного персонажа, героя Улицкой) — все еще впереди...

---

* «Казус Малецкого» О. Дорошенко (http://klangtao.livejournal.com/116320.html) появился в Сети 26 октября 2007 года. Этот довольно объемистый (в три четверти авторского листа) текст целиком посвящен анализу романа «Случай Штайна» Юрия Малецкого, опубликованного в 133-м номере «Континента» и, в свою очередь, посвященного анализу романа «Даниэль Штайн, переводчик» Людмилы Улицкой. Мы попытались связаться с Олегом Дорошенко — с тем, чтобы получить разрешение на публикацию его материала в «Континенте», а заодно и ответ на вопрос: что означают слова «*продолжение следует*», которыми Дорошенко завершает свое выступление? Но поскольку ответа господина Дорошенко мы так и не дождались, как не дождались и дальнейших его на эту тему текстов в ЖЖ, мы приняли решение считать «Казус Малецкого» текстом законченным, а, не имея авторского согласия перепечатать заметку целиком, ограничиться теми цитатами из нее, которые приводит Юрий Малецкий, — чтобы никоим образом не ущемить авторских прав Олега Дорошенко. — *Редакция «Континента»*.

Юрий МАЛЕЦКИЙ — родился в 1952 г. в Куйбышеве (Самара). Окончил филологический факультет Куйбышевского университета. Под псевдонимом Юрий Лапидус в 1986 г. дебютировал в «Континенте» (повесть «На очереди», № 47–48). Печатался в «Знамени», «Новом мире», «Согласии» и др. журналах. С романом «Любью» вошел в шорт-лист претендентов на Букеровскую премию. Постоянный автор «Континента». С 1996 г. живет в Германии.

Теперь же вот выясняется, что все наоборот, — по крайней мере, для Олега Дорошенко, начинающего свою заметку с посвящения: *Светлой памяти Даниэля Руфайзена, реконструктора.* А далее следует текст, закономерно и посвященный тому, чьей светлой памяти он посвящается. Т. е. о Штайне речь практически не идет, а идет речь о деле Руфайзена, которое, как выясняется безапелляционно, Малецкий и сфабриковал. Что же до Штайна, с ним г-ну Дорошенко, видимо, все ясно и без слов. Да что о нем и говорить, если *высказывания Штайна в романе — это все-таки богословие Улицкой* (подчеркнутое мною словосочетание написано без кавычек), а автор *в рамках своего фиктивного мира — но, впрочем, только в них — вольна делать все, что угодно.* Кому, спрашивается, это может помешать? В своем габарите Штайну не тесно, да и сам он никого не стесняет. Так что главное дело, получается, Малецкий шьет Руфайзену. И шьет так безграмотно и неумно, что, *право, лучше б он молчал.*

А раз не молчит, то вполне заслуживает и того, чтобы молодечески *врезать* ему *стилем.* Что г-н Дорошенко и делает, полагая, что пародирует *разухабистый язык эссея* (игра слов: «ессея»?) Малецкого. Правда, вся-то пародия эта использует в основном один прием «словаря падонков» — типа пишется как слышится. Да еще остроумные фразы типа «упала челюсть» и «в натуре». Первое комментировать не буду, о втором: до этого примитива я не опускался и 20 лет назад. Так что, отправляя порою оппоненту, по слабости человеской, бумерангом его стилизацию-меня, я попробую удержаться все же на уровне только одного приема из-как бы-меня, освоенного О. Дорошенко, — «пишется как слышится».

Сколькоциффор, однако: опять 25. Как ни поверни — кругом 500, да и из тех-то — 4 сбоку и наших нет. Теперь уже дело Штайна закончено (так и не начатое г-ном Дорошенко, потому, что чего дело Штайна-то и заводить, когда — см. выше). А вот дело Руфайзена, реабилитация его светлой памяти, втоптанной в грязь Малецким, — теперь уже оно впереди, и уяснение его и составляет суть расследования г-на Дорошенко. Расследования, впрочем, не законченного, так как г-н Дорошенко лишь весьма убедительно обосновывает, что литургическое творчество Руфайзена верно и смыслу, и букве церковного вероучения (а паче — полнейшую беспомощность и бессмысленность «разноса» Руфайзена Малецким). Всего же остального Дорошенко практически не касается, поскольку отчего-то полагает, что *едва ли не центральным пунктом обвинения по «делу Штайна» становится чин мессы, служившейся в его общине.* А так как редакция «Нового мира» (где был опубликован дайджест «Случая Штайна») снабдила текст Малецкого сноской, согласно которой литургия Штайна является *переводом одного из вариантов мессы, составленной Даниэлем Руфайзеном на иврите,* Дорошенко посчитал, что вопрос о литургии «*автоматически становится* ***единственным*** (выделено О. Дорошенко. — *Ю. М.*) *пунктом обвинения по "делу Руфайзена"*», — почему, собственно, литургию только и надо рассматривать, ее одной вполне достаточно, т. к. рассмотрение ее самоочевидно показывает, чего стоит и весь остальной «*постмодернистский дискурс*» Малецкого. Типа того, что мудрому — достаточно. Сапиэнти, ребята, сат.

А вот мне недостаточно. Потому что я не мудрый. Совершенно-не-мудрый. Это вам подтвердит и г-н Дорошенко. Которому я хочу напомнить то, что́ он и сам отметил: ему пришлось *продираться сквозь многобукофф* моего *постмодернистского дискурса*. Через столькобукофф, замечу, что разбор упомянутой литургии в моем «дискурсе» занимает хорошо если одну двадцать пятую этихбукофф. А о чем трактуют остальные двадцать четыре двадцать пятых? Это — при минимальной добросовестности расследования — должно же было хоть как-то, хоть сжато в формате МП3 — приведено, сформулировано, ну хоть как-то означено г-ном Дорошенко. Ведь говоря, что *едва ли не центральным пунктом обвинения является чин мессы*, тем самым даешь понять, что есть *и другие,* хотя бы сопоставимо важные обвинения. От себя же засвидетельствую, что уж для самого-то Малецкого другие-то еще как важны: иначе он не стал писать стольмногобукофф.

Узкий круг читателей Малецкого подтвердит, что он не графоман — не в том смысле, что хорошо пишет, а в том, что пишет — не помногу. Потому что писание ему дается и физически и интеллектуально (если вообще к нему применимо это слово) тяжело. И вот эта вот телега о Штайне — вообще самое длинное, что он накатал за те 30 лет, что, будучи прозаиком, пишет про заек.

Тогда что же его подвигло на столь многобуквенный дискурс? Что не нялось-то ему? И о чем, кроме пресловутой литургии, он так маниакально-депрессивно катал полгода и накатал же вот — всю эту галиматью? При той резонной коррекции, что, право, *лучше б помолчал*, ужель все-таки совсем не интересно, почему петух не помолчал и о чем таком, кроме пресловутой литургии, так долго кричал?

Не интересно, так и ладушки. Но тогда и не пиши об этом полоумном петухе вообсче. Он ведь, как ты бдительно заметил, из ЗРПЦ, а может ли что путевое выйти «из Галилеи»?

Ужасно все же странно и закутано в цветной туман выходит все снова и снова вокруг да около романа «Штайн». Ведь без него и каша с Руфайзеном не заварилась бы...

И главная странность — на этот раз — в том, что я и не спорю с Дорошенко, а он — со мной. Академически точечно и не без некоторой брезгливости плюя мне в бороду, он на самом деле метит в свою. Потому что это он не реконструировал, а сконструировал образ «Малецкого, обвиняющего Руфайзена», — а затем уже сам и обвиняет собственную креатуру «Малецкого» в невежественном и глупом обвинении Руфайзена. Но такой «Малецкий» есть только в воображении Дорошенко, а всамделишный Малецкий, говорю положа руку на Евангелие, вовсе не Руфайзеном занимается в первую и даже вторую очередь.

Он, Малецкий-то, вовсе и не слышал никогда о Руфайзене до самых последних страниц романа, где автор в письме к римскому другу впервые называет эту фамилию и сообщает, что у героя есть реальный прототип. Безусловно, после этого Малецкого заинтересовал и Руфайзен, но совсем не так фундаментально, как Штайн, а из чистого (или пусть грязного) любопытства: неужели вот все это и правда было и сделано, и сказано в

действительности, — будь то оккупированная Западная Белоруссия, или современная Хайфа, или только какая-то часть, а остальное придумано, например, про невероятные «сыновне-отеческие отношения» еврея с майором гестапо, в ходе которых второй гоняет первого на регулярную работу — зачитывать смертникам расстрельный закон, после чего их на его глазах и расстреливают, — что на самом деле было сказано и сделано в действительности, а что — придумано.

Признаю, я несомненно дал повод к упрекам Дорошенко, вынеся, как он справедливо замечает, *однозначный вердикт* не только Штайну, но и Руфайзену, о котором я вообще ничего наверняка не знаю. Это так, а раз так, то так оно и есть. Правда, у меня были к тому некоторые основания: г-жа Улицкая не только предельно сближает в конце книги в письме к римскому другу образ и прототип, но и уже после публикации моего текста, в интервью подтверждает задним числом мою правоту: да, Руфайзен отрицал Св. Троицу и тэпэ. Чисто литераторски мне тоже кажется, что несомненный дар Улицкой, сила ее — не в том, чтобы приписывать своим героям, «сочиняя» за них, отрицание или утверждение церковных догматов, как то тринитарный или мариологический (кроме Св. Троицы герой отрицает и девственность Марии), и, думаю, сама Улицкая, если бы ей не говорил такого священник Руфайзен, не стала бы священнику Штайну приписывать категорические утверждения такого рода, — она фэнтезийна на другом срезе фантазии, а в специальном — «списывает с натуры» — см. «Казус Кукоцкого». Кроме того, я беседовал с одной женщиной-иконописцем, которая была у Руфайзена за год до его смерти, и говорил с ней часа два — и она подтверждает, что «да, он отрицал Троицу». К тому же Улицкая в интервью с Шендеровичем сообщает, что да, его «запретили». И уже после публикации моего текста о. Филипп Парфенов в своем ЖЖ говорит — запретили[1]. Кроме того, в «Случае Штайна» я привел свидетельство за подписью Менахема Бенхайма о том, что *Руфайзен полагает, что с подавлением изначального движения евреев-христиан ко времени Константина Церковь не могла более считаться «католической» в том смысле, в котором определил ее Павел.* Я тут уж молчу, право, что-де никакого такого «*движения евреев-христиан ко времени Константина*», строго говоря, не было, — а то еще г-н Дорошенко и здесь ударит меня своей компетентностью. Но вообще — если ты убежден, что твоя Церковь с IV века не может считаться католической, то почему ты не уходишь из нее? Почему не собираешься честно сложить с себя сан, ею тебе данный в псевдо-благодати-псевдо-рукоположения — стало быть, и в *псевдо-католического* священника? Ведь она 1600 лет упорствовала и продолжает и совсем заматерела в своем заблуждении... После такого я ведь совершенно запросто могу поверить и в отрицание братом Даниэлем Троицы.

Я мог бы продолжить список, но, думаю, это однотипно и потому излишне. Надеюсь, теперь понятно, как у меня сложилось ощущение, что позиции героя и прототипа совершенно тождественны. А поскольку герой — не то что еретик, а и еретик-то фантастический (чему мое рукотворное

[1] http://pretre-philippe.livejournal.com/32891.html#cutid1.

изделие и посвящено), то я и Руфайзена, размахнувшись без дальнейших рассуждений (но все же всего-навсего в постскриптуме, что не оправдывает меня, но подтверждает: главный мой серьез, мой «пафос» сосредоточен не на Руфайзене), поместил в тот же разряд.

Каюсь, виноват. Моя конфидент-иконописец свое свидетельство не подписала и вообще не уполномочила меня на нее ссылаться. Улицкую же можно понимать как угодно: то ли отрицал саму Троицу, то ли — только возможность познать, «*как она устроена*». Запрещение в служении могло быть вызвано чем-то совсем другим, нежели догматическая ересь. А может, и запрещения не было — с тех пор я и такое утверждение встретил в ЖЖ[2]. И так далее. И литераторская интуиция запросто может обмануть, и Менахем Бэнхайм может солгать. Т. е. все это и тэпэ в лучшем случае косвенные улики, и, хотя внутренний голос мне подсказывает, что Штайн и Руфайзен — близнецы-братья, что портрет писан-таки с натуры (чего Улицкая и не отрицала никогда), я, прав Дорошенко, никоим образом не имел права обвинять на столь шатких основаниях *реального, хотя и почившего в Бозе, человека*.

Еще раз — что справедливо, то справедливо. Я нарушил презумпцию невиновности реального лица и должен нести за это ответственность. Размашистость и безответственность, а главное — юридическая и нравственная безнаказанность высказываний вообще губительны для способности русскоязычных россиян рассуждать, — и я отношу к себе это обвинение в полной мере. Постараюсь больше не быть.

Но *клеветой* и *поклепом* я буду считать свои слова — только если г-н Дорошенко либо его «группа поддержки» возьмет на себя ответственность утверждать: Я (мы) знал (и) Руфайзена (знаем о нем наверняка): он не отрицал ни тринитарного, ни христологического, ни мариологического догматов. Он, в отличие от Штайна, был добрый католик — и тогда, нет нужды долго объяснять даже тупицам, мессу его следует понимать сугубо реконструкторски-инкультурационно, в свете Апостольской конституции 1969 года.

Причем если они возьмутся утверждать это доказательно. Приведя, скажем так, не вещ-, а сущдоки.

Но, извинившись и объяснившись, надеюсь, по поводу «дела Руфайзена», повторю теперь: для меня «его дело» третьестепенно. Не о том я писал девять с половиной десятых своего «дискурса». И **тут уже мне позвольте осведомиться**, почему «предъява» к реальному лицу серьезней серьезного, а к *литературному персонажу и его автору (которая в рамках своего фиктивного мира — но, впрочем, только в них — вольна делать все, что угодно)*, — это так, это стрельба из пушек по зайчикам, которые вышли погулять исключительно в *рамках фиктивного мира*?

К Руфайзену у Малецкого претензии или к Штайну, считает **ivanov_petrov**, которого цитирует Дорошенко, — *дела это не меняет... Не* более *чем начало Трех мушкетеров, где автор признается, что нашел записки капитана королевских мушкетеров д'Артаньяна и почти ничего к ним не прибавил*. В самом деле, какие к Дюма претензии?! Диалоги его костюмированных ро-

[2] См. в предыдущей ссылке.

манов отточены лучше мушкетерских шпаг, и вообще и эти фиктивные таланты при шпаге и плаще, и их реальный создатель — молотки. Дюма наряду с Агатой Кристи — чемпионы блистательной условности.

Да только роман «Штайн» — совсем другое дело. Аббат д'Эрбле ни для кого не является примером того, каким должен быть настоящий священник. Его богословская диссертация не вызывала и не вызывает в читательской аудитории дискуссии, как правильно понимать христианство и полностью ли *торжествующая Церковь отрицает Христа* (фиктивное утверждение «от себя» нон-фиктивной Улицкой). Грань между фикцией и действительностью у Дюма — всегда предельно отчетлива. Он, в отличие от Улицкой, вовсе не собирается при помощи своего романа *высказать правду, как он ее понимает*. А Улицкая в конце «Штайна» именно так говорит о цели своего фикшн-романа. И в этом она права: именно с попыткой высказывания о том, что́ есть истина, мы в ее романе постоянно и имеем дело. Как я и писал, и повторяю, это откровенно идеологический роман типа «Что делать?» или «Хижина дяди Тома». Оба этих фикшн-романа взорвали в свое время совсем не фиктивную общественную ситуацию в России и Америке.

И в нашем случае не фэнтезийные выдумки типа полета Маргариты на метле и отворот-приворот Бенгальскому головы, а актуальная «идейно-содержательная нагрузка романа» и вполне «профильная» положительность героя, — то, что перед нами не просто хороший человек, а — настоящий священник-*пастырь добрый*, какими все пастыри должны быть, — вот это и произвело весь фужер, фураж и фурор. Поэтому нечего его с Портосом и сравнивать, как это делает «иванов-петров». Портоса надо сравнивать с Атосом и Арамисом, а Штайна — с Рахметовым, который будущего Ленина *за одну ночь всего перепахал*. А еще — с реальными священниками, которых поклонники романа будут теперь мерять меркой Штайна. И уйдут из Церкви в полной утрате иллюзий, не найдя ни в ком из них Штайна, который, хоть ты 20 лет блуди да и не кайся, а только работай на строительстве храма, а он на тебя и пустячного прещения, чепухового епитимейного урока не наложит, зато если ты скажешь ему, что десять лет назад в твоей деревне было явление Девы Марии четырем девочкам (явная аллюзия на Меджугорье или Фатиму) и т. д., то он тебя *просто выгонит*, а его ближайшая помощница сообщит: *Народ был смущен — никогда прежде не видели Даниэля в таком раздражении* (это к вопросу о *настоящей христианской любви* священника, который и во Христа-то уверовал, читая журнал о явлении Девы Марии в Лурде)...

Нет, господа присяжные заседатели, это посерьезней «Фауста» Гете! Это, уж извините, посерьезней даже моей гипотетической (пока мне не предъявили доказательств обратного) напраслины на Руфайзена. В последнем случае по моей вине страдает только моя репутация, Руфайзен же на Небесах молится и за таких, как я. К чистому малецкая грязь не прилипает.

Случай же Штайна — феномен совершенно другого рода. Люди повсеместно читают про Штайна, увлечены Штайном, влюблены в Штайна. А не в Руфайзена. Штайнианство «пробило» человеческие сердца, а не руфайзианство. И нечего умному человеку делать вид, что эта интеллектуальная катастрофа, эта обнажившаяся энтропия мышления русской интеллигенции — куда меньший повод для «предъявы», чем литургическая малогра-

мотность, приведшая Малецкого, который, *право, лучше б молчал*, к очернению светлой памяти реального человека, о котором, — пока не «предъявлено» обратное — и самому Дорошенко, кажется, не так уж много известно...

Итак, то, в чем *настоящая* причина писанины Малецкого, выявляется просто: *воспаленной губой припади и попей из реки по имени Факт*. Посмотри и увидь — о Руфайзене короткая речь только в самом конце пространнейшего, согласен, текста, да еще потом три-четыре страницы в постскриптуме. Не пустячном, но и не главном, а — объясняющемся тем же удивлением: что ты будешь делать — с какой стороны ни возьми этот роман, ну все странно, все загадочно, все концы даже не в воду, а в цветной этот туман, даже когда дело касается реального прототипа, о котором что-то же известно наверняка, — так и тут не разберешь, прочтя и книжку про него, на которую ссылается Улицкая, на английском, — и тут не поймешь толком, что Руфайзен собой представлял как священнослужитель...

Зато что́ собой представляет Штайн, что он делает и говорит — это знает каждый, кто прочел книгу «Даниэль Штайн, переводчик». И пока читатель, в частности Малецкий, дочитает до литургии Штайна на 454-й странице, он *уже* прочтет много всего такого, что и литургия Штайна предстанет пред ним в определенном ракурсе, совсем не в том, в каком ее видит г-н Дорошенко.

Или *хочет* видеть, потому что Малецкий, в отличие от Дорошенко, не выстраивает линию, подтасовывая факты довольно изящно: не подменяя их, а просто убирая девять десятых фактов как ненужные околичности. Малецкий просто читает книгу с начала до конца — больше ничего. И судит-рядит по поводу **всего** прочитанного **целого**. Тогда как Дорошенко прямо с литургии Штайна-Руфайзена **начинает** — прямо со страницы 454, за 50 страниц до конца романа — так, как будто ею все начинается с первого листа, и ею же заканчивает, как будто ею все и заканчивается, — как будто она ни в какой не находится смысловой связи с содержанием предыдущих 453 страниц, как будто это не меняет никакого дела, как будто выбранная **заранее** точка наблюдения совсем неважна для оценки объективности результатов наблюдения — как будто, словом, он не ученый умный гуманитарий, а глупый такой, совсем плохой, прям еще глупее глупенького таково Малецково; тогда как етот Д. нефпример умнее тово М.

Милый Ватсон, дорогой Фламбо, когда умный человек строит из себя неумного, это свидетельствует о...

Не хочу и не буду так думать о своем же брате-христианине. Буду думать так: возможно, он просто являет собою тип специалиста, о котором заметил Козьма Прутков, что тот *подобен флюсу: полнота его одностороння*. Это не оскорбление, надеюсь, а ремарка в сторону, и совсем не ехидная: такого рода специалисты и становятся не ватсонами, а шерлокхолмсами.

2

Но тут мы подходим, стало быть, к тому, что для Дорошенко является единственно важным (раз он ничего другого не анализирует, а чаще просто не упоминает), где он чувствует себя на своем поле, — и вполне заслуженно: к пресловутой литургии.

И тут вот какое дело: казалось бы, тут Дорошенко бьет тово Малецково одной левой. Дык ведь и это не факт. Улицкая-Штайн своим богословием и его собственная неохота или неспособность смотреть на вещи не только со своей точки зрения ставят г-на Дорошенко (ИМХО, конечно) в то положение, когда грамотный адвокат Малецкого если и не докажет полную правоту своего подзащитного, то имеет приличные шансы безо всякой адвокатской риторики и шулерства убедить суд в том, что суждения Малецкого о литургии, при всей его некомпетентности, если и безграмотны, то не совсем глупы и совсем не безосновательны. Словом, положение будет, для наглядности, приблизительно таким: подсудимый, которому прокурор требует годков семь лагерей и пять дальнейшей ссылки, отделается двумя годами условно и штрафом в 310 рублей 47 копеек. Причем последнее будет столь же справедливо, как и первое: *Юрий Деточкин вор, но он хороший, честный человек.*

Без дураков и кроме шуток. Наше законодательство дает право быть самому себе адвокатом, если не нашел профессионального адвоката. Попробую справиться своими силами.

Господа присяжные! Все вы, как и я, люди по-крестьянски основательные; покажем ученым вертихвостам, что простая фермерская рассудительность, обыденное здравое разумение поспорят с ученостию и самого высокого школярства. Покажем, что наше квадратно-гнездовое почвенное сознание справится с их ученостию, каковая есть апофеоз беспочвенности.

Господа, учтем два вышеупомянутых обстоятельства:

1) Малецкого интересовали по-настоящему: а) Штайн и б) реакция на него читательской массы, а Руфайзен — устало удивил под конец и ровно постольку устало и заинтересовал;

2) Малецкий — читатель тривиальный, т. е. читает книгу с начала до конца. Поэтому, дочитав до литургии Штайна, он видит ее через призму уже прочитанного о Штайне.

А теперь — запомните, господа присяжные, что я сейчас произнесу. Я могу иметь самое общее, самое в различных частях неправильное представление о литургии. Вообще и в частности. Но в моем суждении о ***литургии Штайна*** все равно будет присутствовать отнюдь не вздорный смысл.

Надо только выставить — и держать, не забывая, перед внутренним взором — тезис, слоган, мотто человека, соорудившего и служащего мессу, о которой пойдет речь. Этого, смею утверждать, достаточно для того, чтобы над очень многим, почти всем, что сделано для реконструкции литургии человеком, о ком идет речь, — чтобы над почти всем этим поставить «нигил».

Этот тезис, слоган, это петушиное слово: ***Святой Троицы нет, потому что Иисус при жизни о Ней ничего не говорил, а Троицу придумали греки — в качестве бога о трех головах.***

Рассмотрим же, помолясь, обе позиции — Дорошенко и Малецкого.

Позвольте, г-да присяжные и ваша честь, напомнить уже для протокола: смотря на дело «из Руфайзена», о котором ни мы не знаем из романа толком ничего, кроме того, что он — прототип, ни Дорошенко никаких новых данных не сообщает, г-н Дорошенко видит эту мессу *блистательной реконструкцией*, в которой, по существу, содержится даже четкая тринитарная

формула, хотя в ней и нет надобности, т. к. реконструируется месса до эпохи догматических определений.

Г-н Малецкий же, как и абсолютное большинство читателей, видит все «из Штайна», и перед ним все или почти все предстает в совершенно другом свете.

А именно: к «моменту литургии» он уже знает, что Штайн **безусловно** отвергает Св. Троицу (сначала сомневается и вопрошает, а потом утверждает свое отрицание категорически и неоднократно, сперва на приходском уровне, а потом перед кардиналом «Рокхаусом»), как и девственность Мириам, богословие «*греков*» и пр.

Малецкий, как удалось выяснить при даче показаний, некогда читывал «Дидахе» и, бывало, стаивал литургию апостола Иакова. Но, разумеется, он не помнит «Дидахе» наизусть, потому что не занимается раннехристианскими текстами профильно-регулярно. Разумеется, тем не менее некоторые тексты мессы Штайна им опознаны — «памятью сердца» при забвении рассудком — хотя бы потому, что он почувствовал саму «технологию»: компилятивную стыковку фрагментов (а всякий текстовой «шов» чувствуется только тогда, когда ты не глядишь на текст совсем уж как баран на новые ворота).

Слыхивал Малецкий и о литургическом возрождении и некотором «литургическом плюрализме» католиков согласно решениям Второго Ватикана, о немалой степени литургической автономии, данной поместным Церквам в духе инкультурации.

Но. Читая Штайна именно как литургию Штайна, а не Руфайзена, Малецкий всеми фибрами жабр своей души не имеет никаких сомнений, что реконструкцией этот священник занимается весьма своеобразно. Именно же: он убирает из литургии Символ Веры и все связанное с Пресвятой Девой не столько потому, что реконструирует некую «*первоначальную литургию*» (представьте, г-н Дорошенко, даже я слышал, — слухи в воздухе носятся, — что Кредо введено в состав литургии только с VI века и читается не на всякой литургии, а только на «главных», воскресных и праздничных), сколько потому, что просто и честно **не верит** ни в Троицу, ни в девственность Марии. Более того, он заявляет «Рокхаусу», что вообще не может читать «Кредо», потому что *там греческие метафоры, греческая поэзия, греческая чуждая* ему *образность*. Я тоже помню это место в книге уважаемой г-жи Улицкой — и солидарен здесь с г-ном Малецким, и спрашиваю вместе с ним г-на Дорошенко: что это значит — элиминировать «Кредо» и мариологический догмат *в рамках фикции*? В ее пределах или в ее запределах? Вы можете поручиться за то, что следующей акцией Штайна не будет — изъять из церковного обихода (пусть только в своем приходе), в частности, Евангелие от Луки, в котором не только перевод на греческий, а именно эта *греческая составляющая* — объемом ровно со все это Евангелие? Но, понятно, это стерпеть можно: это же все в рамках богословия Улицкой, *а Брут — весьма достойный человек*.

Сама же *гениальная реконструкция* состоит в следующем: Штайн убирает из мессы все, во что он не верит, и оставшиеся после изъятия зияющие лакуны заполняет по своему усмотрению фрагментами из Дидахе, из литургии апостола Иакова, ветхозаветными текстами... Спорим с г-ном

Дорошенко, что сам г-н Дорошенко, если бы ему дали текст «Ватиканской мессы»[3] и заказали бы реконструкцию, которую Дорошенко тут же совершенно правильно именует *компиляцией*, то он произвел бы эту работу много за неделю, причем на ступень виртуознее Штайна (а если она принадлежит светлой памяти Руфайзену, то и его, значит, превзошел бы).

Словом, так или иначе, а главное, что, согласно Дорошенко, эпиклеза в литургии Штайна *есть*. Но она такова, какова только и могла быть в первоначальной иудеохристианской общине, чтобы «*напомнить о корнях*» (хотя напоминать-то, напомню, и некому — в *еврейской христианской общине* Штайна евреев-то, похоже, и нет — все больше румыны, духовные корни которых в православии, да поляки, ихже духовные корни в католицизме). Эпиклеза видится Дорошенко в том, что молитва Св. Духу о преложении даров, по существу, есть молитва Св. Троице: о ниспослании волею Бога Отца — Бога Св. Духа для преложения даров, дабы мы через причастие могли соединиться с Богом Сыном (я что-то не то сказал — по смыслу? Тогда поправьте).

Да, соглашусь, некогда, **до** выработки четкой и развернутой тринитарной формулы, эпиклезы, реконструированной Штайном, было достаточно. Но **после**... Ветхозаветное представление о Св. Духе как о *действующей силе божественного вдохновения* (С. Аверинцев «Дух Святой». — «Мифы народов мира». Т. 1) не сразу в Церкви вычленяется, развивается и выливается в четкую формулу третьей ипостаси Единого Бога. Но с того момента, как это происходит, — может ли после принятия уже не только первоначальной веры в Иисуса как Мессию, Господа и Сына Божия, а и поверенной разумом «догматической веры» в троичность Единого Бога, когда Св. Дух — уже не сила Божья, а четко понятийно вычлененно есть Сам Бог, Его третья ипостась, — может ли теперь Церковь удовлетворяться «эпиклезой» Штайна? **После** — это ведь не **до**. В чем, по-моему, вся и штука.

Мы можем сколько угодно реконструировать «первоначальное», мы можем ставить вопрос о разрешении служить реконструированную мессу (в данном случае на основании того, что так, сохраняя историческую память народа Израиля, евреям легче сделать первый шаг ко Христу — если опять-таки они составляют приход). Возможно, мы получим разрешение от церковных властей (имеется в виду католицизм) служить такую мессу по определенным дням наряду с принятым(-и) на сегодня литургическим(-и) чином(-нами). Но это будет значить только то, что нам будет разрешено, скажем, несколько раз в год совершать эту реконструированную, артефактную «маргинальную» службу; «мейнстримовский» же миссал сохранится во все остальные богослужебные дни.

Дорошенко видит литургический текст Штайна из «прекрасного далека». Из «раньшего времени» до IV века. Видит в литургии даже четкую тринитарную формулу. И находит прекрасную реконструкцию, сам же именуя ее, однако,

---

[3] Да, я имел в виду именно ее, безграмотно называя ее «общекатолической», каюсь, но это, надеюсь, поправимо при доброй воле к сотворению плодов достойных покаяния и при наличии некоей воли и способности к обучению.

и *компиляцией* (мне, впрочем, почему-то казалось всегда, что реконструкция и компиляция — это такие же разные вещи, *как болты и трансмиссия* (ищи это остроумное сравнение в «Казусе Малецкого» г-на Дорошенко)).

Впрочем, оставим споры, можно ли компиляцию считать реконструкцией. Согласимся с тем, что толковая реконструкция, плод многолетнего ученого труда Штайна — вещь драгоценная для богословия, историко-религиозной науки и т. п. Но согласимся и с тем, что она не может заменить собою существующие сегодня, принятые к служению варианты мессы. А именно **этого** хочет Штайн — и именно **для этого** уводит свою паству из поместной Католической церкви латинского патриархата в некую *еврейскую христианскую общину* (она-то, сия община, не католическая еврейская и не православная еврейская, а просто еврейская христианская и служит штайнову литургию).

Опять-таки, вполне возможно, что и тут — реконструкция «первоначальной» христианской общины. Но я, право или неправо слово, сомневаюсь, что упоминаемые г-ном Дорошенко *существующие компетентные лица и структуры* отнеслись бы к такой реконструкции, скажем так, одобрительно. Наивно думаю, что они сказали бы: «Ребята, где епископ — там Церковь; вот и первоначальную общину возглавлял патриарх Иаков. А вам какого епископа надобно — католического или православного? У нас ведь просто *еврейского христианского* епископа на сегодня нет. А если мы такого для вас и реконструируем, то он, может быть, и будет с вами литургисать без Символа Веры, но ровно до тех пор, пока не узнает, что вы это не просто *реконструировано* так служите, а потому, что вы вообще Кредо отрицаете во главе с вашим попом. А тогда — без епископа — вам прямой ход куда угодно, но не к нам».

Впрочем, это мое мнение, а я темен. Нам в точности, при желании, это расскажет г-н Дорошенко. Без дураков и кроме шуток — умного сведущего человека всегда интересно послушать, пока он не надмевается над простецами, которые из не-христианского самолюбия испытывают к надмеванию неприязнь.

Но вот, думаю, «*неисторично*» для г-на Дорошенко, в отличие от Штайна, — не пустое слово. Он и впрямь серьезный богослов, знаток своего дела. А это давным-давно уже неотделимо от историчности мышления. И потому мой ругатель лучше меня, неуча, понимает, что, как ни отнесись к К. Леонтьеву, штайнианство — это как раз тот случай, когда к делу вполне применима леонтьевская формула: *первичная простота — цветущая сложность — вторичное упрощающее смешение*. Желая *вернуться* к первому, Штайн зачеркивает второе — и приходит на деле к третьему.

Дорошенко смотрит «из Руфайзена», — и с мессой все в порядке. Но это, добавлю, если знать, что Руфайзен, в отличие от Штайна, Св. Троицу не отрицал, — или, по крайней мере, если мы о нем ничего не знаем в этом отношении. Тогда имеет место презумпция не-отрицания. Которая толкуется в «пользу сомнения»: в полную корректность во всех смыслах мессы Руфайзена.

Я же (не я один, а куча мала немалого числа читательского люда) смотрю ретроспективно, из настоящего времени — назад, и, зная уже и позицию Штайна, и самого Штайна, нимало не поставленный в известность о Руфайзене, читая текст литургии не вынутым из контекста романа, ни минуты не сомневаюсь, что это типичная для нашего, понимаете ли, всенародного

любимца Штайна акция: действовать по своему хотению, никого не спрашивать — именно это он называет *принимать на себя ответственность*. А хочет он — служить свою литургию не **наряду** с актуально существующими, а **вместо** них. Перечеркивая их. Беру на себя наглость, поневоле зная текст романа едва ли не наизусть, заявить, что это точно так и есть. Потому что вера Церкви и, соответственно, все варианты церковных служб, при всей свободе, данной согласно решениям и духу Второго Ватикана и Апостольской конституции, со «времени она» и по сей день стоят на тринитарном, христологическом и мариологическом догматах, а Штайн их в грош не ставит и считает враньем *греков*. Считает враньем то, что о. Г. Флоровский называл *тождеством опыта*, и думаю, к любой практике, реконструктивной или даже полуимпровизационной, это *тождество опыта* относится, а отрицание опор здания Церкви это тождество перечеркивает, как бы формально у Дорошенко ни сводились блистательно концы с концами. Штайнова же одна, но пламенная страсть — воссоединить евреев и христиан на основе одного и того же для них, Нового-(не)хорошо забытого Старого-напомненного Иисусом. Его вера-возвещение и вера-возвещение Церкви, повторяю, — это две совершенно разные керигмы.

Зачем красивый бутон, распустившийся в еще более прекрасный цветок, вторично, артефактно, сворачивать в бутон? Он еще, того гляди, пожухнет от силового воздействия, даже бережного (а Штайн размашист) — и не распустится вновь.

Вернуться в I век из XX хотя бы приблизительно, отвергая более поздние времена «искажений», можно, только отвергая с ними и все церковное творчество более поздних времен. Стало быть, отвергая всю созидательную работу Церкви, весь ее творческий труд по выработке и разработке церковного вероучения и т. п. Перечеркнуть весь духовно-интеллектуальный подвиг Иоанна ли Дамаскина, Фомы ли Аквинского — как пару пустейших пустяков.

Что получится из «реконструирования», когда человек даже не заботится о последовательности своих «реконструктивных» действий? Да вот что.

Дорошенко уверяет, что в литургии все акценты поставлены правильно. В частности, говорит он, в словах Малецкого: *В этой литургии Бог-Отец ни разу не назван Богом-Отцом, а Сын и Св. Дух — Богом.* Хе-хе, Малецкий, тебе и впрямь место в школе для дураков, а ты еще кого-то учить собираешься. В литургии поставлено «*Единородный Сын*», — разве этого не достаточно, чтобы понять, что есть и Отец? А еще, говорит Дорошенко, славословится здесь и Св. Дух. Так что все правильно, а это Малецкой уже не из своей образованческой глупой головы все выдумал, а он, оказывается, совсем психический. Попросту офонарел.

Вынужден, увы, и в этом пункте усомниться в правоте г-на Дорошенко. Т. е. Малецкий-то, конечно, психический. О нем и разговора нет. Речь о Штайне и Дорошенко. Последний, видимо, действительно прочитал внимательно из всего «Переводчика» — только фрагмент о литургии. А Штайн — еще раз — к моменту литургии категорически отрицает Св. Троицу. Это, по его убеждению, *бог о трех головах*. А он, грубо говоря — взгляд, конечно, варварский, но, м. б. верный, — верит в Бога *об одной голове*. То есть Бога как

Бога Отца, Бога Сына и Бога Св. Духа — в его литургии не предполагается. Таким образом, того, что **до** тринитарной формулы было вполне достаточным, — **после** нее, вычленившей и развившей представление о Св. Духе уже не как о силе Божией и тэпэ, а как о Боге Святом Духе, уже недостаточно. С этого момента эпиклезу в реконструированной мессе Штайна, мы не можем считать... ну, скажем, «вполне» эпиклезой, а в лучшем случае, свернутой, имплицитной эпиклезой. И это еще хорошо.

В чем мы, собственно, в нашей деревне — единомысленны? А в том, что *достойно и праведно есть поклонятися Отцу и Сыну и Святому Духу— Троице единосущней и нераздельней.* Это из нашей мессы. Но и в соседнем селе, г-да присяжные, текст нашего соглашения несколько изменен, но смысл его таков же. Мы верим в Бога, Который един, но един троично. Мы, господа, верим в Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа. Все трое действуют по-разному — и все **Они** есть **Он**, один и тот же, единый Бог.

Добрый Штайн в это не верит. И мы, господа, имея совесть и потому уважая ее свободу, не перестанем считать нашего доброго Штайна добрым, а только перестанем считать его нашим священником. Он не нашего и не соседнего поля ягода, а мы, не анафематствуя его духовным судом Линча, соберем ему по любви на дорогу — и он волен искать третье-четверто-пятое поле.

Потому как если Бог <u>един</u>, но <u>не триедин</u>, а «едино-един», и Отцом не назван не потому, что это излишне (Дорошенко), а потому, что это не соответствует вере Штайна (*Верил ли Иисус в Отца, Сына и Святого Духа*? — Штайн-Улицкая, — и позднее ответ: нет никакой Св. Троицы, это греческая выдумка), то — кого в этом случае мы призываем в качестве Св. Духа? С кем мы тогда его силой (т. е. силой непонятно кого) соединяемся через причастие, называя его, второго неизвестного, Христом? Перед нами задача с двумя неизвестными. И мы можем наделять эти два неведомых, скажем так, существа (или одно существо и некую «силу» или «присутствие») каким угодно смыслом, но отрицание Св. Троицы при употреблении слов «Христос» и «Св. Дух» наполняет и «эпиклезу», и само «причастие» такой двой-, трой-, много- ственностью и дву-трех-смысленностью, все начинает до того двоиться-множиться, размывая собственные контуры до головокружения, что единственный выход из положения — при отрицании тринитарного догмата — это вывести из употребления какие-то необъединимые, по крайней мере в тринитарно-церковной логике, вещи. Выход не в церковную логику, так хоть в какую-нибудь.

Например, *единородный Сын*. Это в литургии Штайна стоит. Дорошенко удивлен: чего еще нужно Малецкому, если тот не совсем уже буйно помешан? А того, опять же, что человек, отрицающий триединого Бога, даже употребляя слова «единородный Сын» и «Св. Дух» — по определению вкладывает в эти слова другие значения, нежели Церковь. Мы с Дорошенко задаемся одним вопросом, но поднятым с двух разных точек зрения. Он говорит: если введено *единородный Сын*, то, само собой, у него есть Отец. Значит, речь и идет о Боге Отце и о Боге Сыне. Как иначе-то понимать? И я спрашиваю то же самое: как иначе-то понимать? Но, в отличие от Дорошенко, я тупо, нудно, но необходимо повторяю: нужно держать в уме один и тот же, общий для всех важнейших моментов мессы Штайна знамена-

тель: это говорит человек, отрицающий Св. Троицу. А значит, и Бога Сына. А значит, хотим мы или нет, Штайн-таки придает словам «единородный Сын» иной смысл, нежели прямое, отчетливое: Бог Сын. Приходится-таки *понимать его иначе*. А как? И снова здорово, снова приехали — опять попадаем в *мир неясного и нерешенного*. В мир чего-то двояще-трояще-четверящегося. Но Церковь с момента принятия четкого умозрения Троицы единосущной и нераздельной не может уже вернуться к «общему», нерасчлененному, — иначе все размоется, потеряет четкость очертаний того, на чем сходятся все люди Церкви, в чем Аверинцев сойдется с дядей Митей, а Дорошенко с тетей Мотей. Невзирая на разную глубину их разумения Св. Троицы. Иначе они быстро разбегутся по разным жизненным коридорам.

Поэтому логично, ИМХО, либо не отрицать Троицу, либо, при ее отрицании, «вывести из состава» мессы *единородный Сын*. Либо как-то так дефинировать этого «Сына», чтобы он не означал второе лицо отрицаемой Троицы. Будет Дорошенко продолжать веселиться или нет, мое ИМХО таковым и останется, пока мне не объяснят убедительно, что объединить то и другое в рамках одной и той же логики вполне даже можно. До тех пор, сколь бы гомерически ни хохотал Дорошенко, я буду настаивать, что в мессе Штайна, куда ни ткни, при общем указанном антитринитарном знаменателе, наткнешься не на тертуллиановские алогизмы, а на простейшую «непроваренность». Это чисто индивидуальная компоновка *реконструкции-компиляции*, сохранение в одном тексте взаимоисключающих вещей, и вовсе не антиномически сопряженных, а попросту не состыкованных, в духе Штайна, который, как мы помним, сам о себе говорит, что он *не склонен предаваться долгим рассуждениям*. Каковую, извините, смурь я и называю *отсебятиной* (ну, не подозревать же даже Штайна в буквальной отсебятине: вставке собственных речений в литургию — и меня грешного в том, что я его именно в этом подозреваю). Это-то мое «*отсебятина*» г-н Дорошенко и называет *скатыванием в явную ложь*. А я вот вопреки таковым поносным словам считаю это скатыванием всего-навсего в то, что если A=B, а B=C, то A=C.

А славословие, сколь бы высоким и формально воспроизводящим *четкую тринитарную формулу* (Дорошенко) Иисуса Христа и Святого Духа при отрицании их равночестности Отцу, я могу считать только имитацией этой формулы при ее всамделишном отрицании. И если это не является нечестивым комплексным действом, хочет того благочестивый Штайн или нет, то тогда это просто — дурь. Полная недодуманность.

Но в простой недодуманности Штайна нельзя упрекнуть. Потому что при всех нескладухах мысли интуиция ведет его в по-своему «правильном», т. е. определенном, направлении. Именно поэтому (а вовсе не потому, что это излишне) он, мню, и избегает именования Бога Отца — Отцом, а именует просто Богом. Потому что при отрицании Троицы немыслимо говорить о «равночестном» Боге Отце и «равночестном» Боге Сыне.

А вот о едином Боге, а также Иисусе Христе и Святом Духе, не применяя к последним именования «Бог», говорить вполне мыслимо. Дорошенко находит, что никакого такого унитаризма в тексте нет. Но о ком он говорит? Если о Штайне (а я именно о нем это утверждаю — не о Руфайзене, догматические воззрения которого мне не осветил автор), то Штайн унитарий «стопу-

довый», это можете быть благонадежны. Человек, называющий себя христианином, верящий в единого Бога, но отрицающий Св. Троицу (триединство единого Бога), что бы ни говорил Дорошенко, безусловно — унитарий. Он унитарий по самому смыслу слова. Единый Бог — и еще два существа, которые мы можем называть и посланниками Бога, и, подобно арианству, «*Сыном Божьим*», но не по природе, а *по усыновлению* (для г-на Дорошенко: это не моя формулировка, а Аверинцева, все претензии к покойному; а у меня к нему, по малограмотности, претензий нет), и еще как-то, но не — Бог Сын и Бог Св. Дух. Тут и *единородный Сын* не спасает — коли мы в Троицу энергично не верим (а Штайн в этом отношении весьма категоричен), то и *единородный Сын* — не Бог Сын, и этот «концепт» мы можем наполнить каким хотите, но иным смыслом, нежели церковный. Если тут можно помыслить как-то иначе, не вопреки какой-никакой логике, — подскажите как.

И так далее. И тому подобное. И о «*слуге (рабе) Яхве*». Ведь это место у Второ-Исайи, исходя все из того же: мы отрицаем Троицу и, стало быть, «*слуга*» в литургии Штайна может относиться к Сыну Божию, скажем, *пророку и тому, кто более пророка*, — может относиться вовсе еще не к Самому Богу Сыну. И об «этничности» литургии: да, Малецкий не может не знать, что ветхозаветные тексты, соотнесенные с новозаветными, прообразовательно, как-то иначе ль, находятся в литургии в огромном количестве. Этого человек, читающий на службе шестопсалмие, кафизмы или паримии, читающий перед причастием Покаянный канон и т. п., не может не знать. Но логика этой прообразовательной соотнесенности: Ветхий Израиль — Новый Израиль (христиане всех народов и стран как особый, «удельный» народ Божий). Штайн же верит не в Новый, а в *расширенный Израиль* и опирается при этом на апостола Павла (вот тут-то у г-на Дорошенко и должна была бы выпасть от смеха челюсть, гораздо скорее, чем она выпала при чтении Малецкого). Штайн, по его собственным словам, просто должен искать в себе прежде всего иудея. Штайн называет свою общину, где, кроме него самого, мы так и не встретим ни одного еврея, *еврейской христианской общиной*. Т. е. еврейский вопрос, в т. ч. и этно-, а не только религиозно-окрашенный, не дает Штайну покоя, он просто зациклен на нем. Поэтому я имею полное право предположить, что «прообразовательные» и пр. глубинно-смысловые мотивы вытесняются здесь «духовно-этническими»: все народы должны стать *расширенным Израилем* во Христе, который только возобновитель *первого завета с Моисеем* (Улицкая-Штайн); а поскольку новизна Нового Завета не в доктрине, а только в поведении, то, в сущности, сохраненная в Штайновом христианстве без изменения доктрина Завета Ветхого, т. е. Танах, зовет всех для спасения «воевреиться» («иудеохристианизироваться»), что со своей интернациональной общиной Штайн и проделывает.

Словом, все видится одним у Дорошенко, все видится другим у Малецкого — в зависимости от грамотности одного и безграмотности другого, конечно. Но еще более — от ракурса и освещения.

Не могу более разбирать конкретно все обвинения Дорошенко по пунктам: в журнале на сей раз мне выделен определенный формат. И я не только испытываю его предел, а с моей стороны это уже бессовестный беспредел.

Что делать, богословие Штайна неисчерпаемо, здесь пунктов «разбора полетов», что песка на дне морском. Козьма Прутков называл три дела, которые, начав, нельзя закончить; перед нами — четвертое.

Уважаемый Олег, я начинаю чувствовать запоздало, что давно уже обговор подробностей наших контр интересен только нам с Вами. А если он и Вам неинтересен, остаюсь только я. А мне одному вообще ничего не надо. *Ведь я же, Зин, не пью один.*

Поэтому скажу только одно: отрицание главных постулатов Церкви на протяжении 453 страниц столь, как выражался Ильич, *массовидно*, что это само собою ведет Малецкого, и в том случае, когда он полуграмотен, и в том даже невозможном, как если бы он эрудирован не менее Дорошенко, к такому несофсембестолковомувзгляду на текст литургии Штайна, что единственная серьезная линия наступления, по которой мог бы пойти Дорошенко, ИМХО, разумеется, — это четкое тотальное разграничение Штайна от Руфайзена: «Я знал Руфайзена (знаю о Руфайзене наверняка), и Бог свидетель, что Руфайзен никогда не отрицал Св. Троицы, девственности Мириам и т. п. Это все выдумки автора. Руфайзен же был добрый и ревностный католик. В отличие от литературного Штайна. Поэтому его литургия должна быть рассмотрена не через призму фиктивного богословия Штайна-Улицкой, а — как таковая. Как смелый проект, реконструкция-компиляция, не выходящая за пределы Церкви, находящаяся в пределах литургического возрождения. Согласно решениям Второго Ватикана и духу “Аджорнаменто”».

И все же, еще раз, сколь бы ни был любопытен «случай Руфайзена», он мне интересен под конец и волнует меня только со стороны соотношения героя и прототипа, их сходства и различия. Интересует по ходу текста, в самом-самом его конце. Это «ласт», которое совсем не «бат нот лист». Это то самое «last», которое именно «least».

3

Итак, повторю еще и еще раз: до самого-самого конца **мне не было и не могло быть никакого дела до Руфайзена**, мне совершенно дотоле (до января 2007 года, когда я осилил роман, и до страницы 497, где впервые появляется фамилия Руфайзен, за 20 страниц до самого слова «*Конец*» — кому не лень, может проверить) не известного. А между тем, по мере чтения, задолго до конца и появления Руфайзена — во мне все более явственно обнаруживалась зона некой внутренней турбулентности. Все более безудержно, при полном неведении ни о каком Руфайзене, меня волновал, преследовал вопрос. Его было просто необходимо задать. И ответ на него неизбежно вел к следующему вопросу. И так далее.

Более же всего меня поражало, что этих само собой возникающих вопросов — никто не задает. Т. е. роман обсуждали — и много, но почему-то самых главных и притом очевидных вопросов — никто почему-то не... До меня, во всяком случае, не доносилось... Да и сейчас почему-то, хваля или ругая, или просто плюя на «оба ваши дома», никто не пишет: «Все эти

вопросы я поднимал вслух в эфире (или печатно) еще до всякого плагиатора Малецкого»...

А ведь вопросы-то самые лобовые, самые тривиальные, ну, любому «оглашенному» в голову сами лезут. А уж специалистам-то увидеть их, точно поставить их и внятно ответить на все это несусветное богословие Штайна (пишу без кавычек, чтобы не вызвать гнева христо- и человеколюбивейшего Дорошенко) — это, как Пикассо, одной линией обрисовать сразу силуэты быка и матадора. Во сне, держа карандаш пальцами ноги — и безошибочно.

И тогда я решил — угонять и продавать! Так или вроде того сказал Максиму Подберезовикову Юрий Деточкин.

И тогда я решил — раскрыть собственный рот. И сказать. И вовсе не о Руфайзене.

Не Руфайзен, а Штайн тиражом в 150 000 попутал большоое число честного народу. Не Руфайзен, а Штайн... Нет, но все-таки... Послушайте, уважаемый господин Дорошенко. Вы «позиционируете» меня как лжеца. Потому, что тот, кто скатывается в явную, то есть заведомую ложь, называется лжецом. Верно? А лжец, лгущий заведомо, тем самым как минимум лукавит. Так?..

Между тем лжец Малецкий не прячется лукаво за изящное: любое «богословие» возможно *в рамках своего фиктивного мира*, как делает человек, называющий другого лжецом. А ведь мог бы. Я ведь написал вовсе не *«очерк? эссе? жанр на трезвую голову не сформулируешь»* (правда, не пойму, что мешает г-ну Дорошенко, если ему уже исполнилось 18, поправить дело и сходить в ближайший магазин? По-моему, в таком случае понять другого мешает не столько трезвая голова, сколько само нежелание понимать другого, если ты его уже так удобно «спозиционировал», чтобы было красивее врезать стилем). Я ведь написал *роман о романе* (а XX век знает примеры романов, напоминающих то ли эссе, то ли трактат вроде, например, «Доктора Фаустуса»), — и это не выверт, а так это и задумано и редакцией одобрено. Я бы назвал и еще точнее: «роман с героем другого романа», но звучит не так уклюже, да и тут — привкус, обертон какой-то совсем чуждой мне... приголуби, что ли. Так что на все инвективы г-на Дорошенко я спокойно мог бы отпарировать, что и у меня — *фикция*. Лех-ко. У меня есть фиктивный, скажем так, лирический герой, скажем еще так — протагонист: прокурор-адвокат-экскурсовод (почему и для чего это я *«прячусь»* за их аж тройной *«личиной»*? Видимо, следователя Дорошенко, боюсь; ух, матерый, видать, я вражина, да он и не таких раскалывал). А отождествлять героя с автором, по всем правилам даже не литературоведения, а еще только первокурсного учебника «Введение в литературоведение», — это то же, что путать *болты с трансмиссией*. Не так ли? Фикшн, чистый фикшн. Более того, «фикция о фикции» в рамках фиктивно-дискурсивного мира. Фикция в квадрате. Внутри которой такое же, только еще усугубленно-фиктивное богословие, как и богословие Улицкой. И потому в еще меньшей мере, чем богословие Улицкой, моя фиктивная теология должна, оставаясь в своих пределах, т. е. в формате *романа о романе*, возмущать Ваш слух (а что — разве кто видел меня на улице с хоругвью против романа «Штайн»? или высту-

пающим на международном теологическом коллоквиуме, посвященном литургическому возрождению в духе «Аджорнаменто»? я заступил за свои романические пределы только вот сейчас, вот с Вами, уважаемый Олег, — в первый и, надеюсь, последний раз).

Словом, Вы вполне могли бы, если не желаете двойного стандарта, а только правды взыскуете, и если фиктивная правда и фиктивное дикарство Штайна с его *только не надо делать из нее* (Девы Марии. — *Ю. М.*) *родительницу мира* и пр. типа — уже от автора *всякая торжествующая церковь, и западная, и восточная,* ***полностью*** *отвергает Христа* Вас не беспокоят и не нарушают Вашего чувства правды не фиктивной, — то Вы вполне могли бы, повторяю, пребывать в ненарушимом покое и в отношении моего пусть многобуквенного, но столь же покойно терпимого, столь же фиктивного профанного богословия в рамках.

Отчего же в одном случае, благодушно и не нарушая тишайшего безмолвия, читать про то, что *политеисты греки придумали одного бога с тремя головами* (т.е. фиктивное богословие Штайна учит представлению о фиктивной Св. Троице как о, типа того, Змее Горыныче? Или нет? А тогда чему? Научите, Олег, у меня на другое воображения не хватает), понимая дело так, что с этим богословием Вы в разных, параллельных теологических пространствах, и оно Вам потому нимало не мешает, — отчего же тогда нарушать исихастическое созерцание, тревожить себя в другом, но совершенно подобном случае, по ничуть не более нестерпимому поводу (ведь все же фикция Малецкого, при всем незнании нефиктивной литургики, не поднимается до таких фиктивно кощунственных высказываний о Троице и Деве Марии, как фиктивное *богословие Улицкой*, как-то режущее порой кое-где, при всей своей фиктивности, что ли, уже нон-фиктивное христианское ухо), — зачем в одном случае покоиться, а в другом беспокоиться? Отчего же в одном случае безмятежно молчать, а в другом непреклонно взыскивать «ответа за базар»?

Вы на это скажете, может быть: «Не надо, батенька, лукавить. Тем, что Вы оскорбили память не фиктивного человека Руфайзена, Вы нарушили свои пределы, вышли за рамки фикции — и заслужили то, что заслужили». Да-а? А я Вам, подскажите, что на это отвечу? Правильно, умный человек и не может не угадать с нулевого разу: «А в романе Улицкой столь же, как и Руфайзен, не фиктивный Папа Иоанн Павел II, слушает о том, что *у иудеев, как и у христиан, человек стоит в центре, не Бог,* — и все такое же удивительное прочее (если не помните, почитайте, почитайте: "Штайн", с. 366, Вам понравится), и только приговаривает: "*Я знаю, Даниэль. Я это знаю*". Это приравнивает умственные способности, теологическую компетенцию и пр. совсем не фиктивного покойного Папы к ай-кью, богословской образованности и общей культуре мышления самого Штайна, что, несомненно, искажает, оглупляя и тем очерняя, облик Иоанна Павла II, светлую память которого я глубоко чту (что чистая правда, нравится она кому или нет), и я не понимаю, почему это вранье про не фиктивного Папу надо терпеть только потому, что оно фэнтезийно. Тут налицо явная перфорация фикции, прорыв ее в наш нон-фиктивный мир. И Штайн, и его автор заслужили то, что заслужили».

Так ведь? А Вы на это — что? Ну правильно, умный человек и здесь в карман за словом не полезет. Вы, к примеру, тут же скажете: «Голубчик, если

Вы окончили хотя бы первый курс провинциального советского филфака, то должны знать, что и реальный человек, введенный в мир фикции, уже не тождествен себе, а становится литературным, фиктивным героем. Художественным, так сказать, образом. Как Кутузов и Наполеон в романе "Война и мир". А уж как только автор последнего ни обзывает! И как ругается над человеком, который не шарлатанством же одним сводил с ума Стендаля, Байрона и Пушкина! А только он все равно фиктивный герой гениального романа, вымышленный на равных с вымышленными, и ничего с этими законами художества не поделаешь».

«Именно, — отвечу в одно касание. — И даже на таких совсем макулатурщиков в сравнении с действительными мастерами художественного слова, как я да автор "Штайна" и Штайна, эти законы треклятые непреложно распространяются. Потому давайте — ничью. Сойдемся на общем знаменателе фикции. Улицкая не оскорбила искажением, сколь бы ни была некомпетентна, покойного Папу, а я, то же самое, — Руфайзена. Который в моем *романе о романе* не реальное лицо, а второстепенный персонаж, фиктивный фигурант по делу фиктивного подследственного. И даже постскриптум и обвинение в нем от автора — это часть фиктивного мира, не выходящая за его рамки, размещенная внутри него, а не извне. Согласимся на ничью. Потому как в патовой ситуации, неизбежной, когда играет совково-постсовковая гуманитария, которую если чему и научили — не от хорошей жизни — толком, так это диалектически-софистически сколько надо будет, столько и отделываться от оппонента, "позиционируя" себя правым, а его — дураком. Зная при этом, что дураков нет и все правы.

Так нет же. Вместо того чтобы играть в эти игры (когда бы подлый *грек увидел* их...), не лишенные некоторого смысла, но стоящие на опоре лукавства, обессмысливающего всякий смысл — я, скатываясь в явную ложь, говорю:

— Вы правы. За базар надо отвечать. И я готов отвечать. Меня так учили. Литургическому богословию обучили не так чтобы очень. Плохо "поставили голос". А вот признавать свою неправоту, если тебя убедят в ней, а не "*ты мне слово — я те два*", — более-менее научили. Хотя это, как приходится наблюдать на других и особенно на себе, не самое приятное занятие.

За оскорбление Руфайзена я уже публично попросил прощения — у его светлой памяти. Далее. Вы обвиняете меня в очень плохом знании литургики. Ее истории, теории и практики. В том, что я утверждаю вещи, о которых имею самое отдаленное представление. По очень многим конкретным пунктам, которые я здесь не привожу вовсе не из недобросовестности, а потому что тогда надо перепечатать весь Ваш материал, а он, во-первых, уже есть в Сети и любой может ознакомиться, а во-вторых, мы посылали Вам запрос о разрешении напечатать его рядом с моим ответом, но ответа так и не получили. Словом, Вы там меня припечатали и пропечатали. Правильно делаете. Принимаю. Более того, есть у меня такая странная привычка — рассматривать спорящего со мной, если это сведущий и толковый человек, не только как противника, а как некоторым образом консультанта. После Вашего отклика — уже обзавелся несколькими книжками о литургике, в частности, о. Владимира Вукашиновича "Литургическое возрожде-

ние в XX веке" и приступил к чтению. Я вообще считаю способность учиться одним из полезных человеческих качеств.

Каюсь. Я богословски-литургически не компетентен. **Прошу прощения и за это.**

(Что касается, в частности, смысла слов «*единородный Сын*» — это отдельная история. Я не только согласен с Вами, но сам, до Вашего материала, пришел к формулированию почти теми же словами, что и Вы. Дело просто в том, что каждые две-три недели к концу писания я слал все новые и новые варианты тех или иных мест с пометкой: *Я продумал это место и теперь сам с собой не согласен. Поэтому предлагаю новый вариант, он выделен желтым.* Так было несколько раз, а вот в этом куске я по ошибке выделил желтым старый вариант, а новый стер одним нажатием на «энтер». Не удивлюсь, если там есть и другие вещи такого рода — после опубликования я свою вещь только пробежал глазами: за восемь месяцев писания она надоела мне хуже горькой редьки.)

А еще Вы вините меня в том, что я не помолчал там, где мне бы лучше молчать.

Вот тут мы сугубо согласны. *Скажи, Серега*! Вот он проснется, он, конечно, скажет: «Конечно, малецкие тут должны молчать. Потому что это сфера компетенции дорошенок. Потому что читательские преференции в области вещей серьезных, а тем паче насущных, справедливо на стороне людей, в этих областях компетентных. Специалистов. Вот они и должны в таких пожарных случаях говорить. Да так, чтобы добудиться не одного Герцена, а даже меня в вытрезвителе».

Ну а где был г-н Дорошенко, когда (к моменту его выступления в «Живом журнале») уже почти год как бродил по России и междупланетной русской диаспоре клонированный в 150 000 экземплярах, валя на всех четырех ветрах поклонников к своим ногам, чисто Кашпировский на стадионе, бравый Даниэль Штайн с его «*Св. Троицу придумали греки, потому что они все были политеисты*», с его: «*Я так люблю Мириам но не надо делать из нее родительницу мира*», — с его «*евреи никогда не видели греха в половой жизни*», — с тем, что «*Церковь изгнала и прокляла евреев — и за это расплачивается* ***всеми*** *своими схизмами и разделениями*», что «*торжествующая Церковь* ***полностью*** *отвергает Христа*», — и прочей навалом, планом по валу льющейся и заливающей все мозги явной не то что ложью, а **ахинеей в качестве безоговорочной правды**? Когда студенты Высшей экономической школы Ясина, будущая элита страны, становяся на одно колено, рекли: наконец-то Вы, Людмила Евгеньевна, научили нас, показав, какими должны быть настоящее христианство, настоящая Церковь и настоящий священник! Когда... когда... когда... Где был наш богословский Брюс Виллис? Почему не вылез?

А г-н Дорошенко не только был, но и доныне, по всему, обретается там, в том элизиуме теней — или цирке на сцене (т. е. я думаю, он правильно понимает меня в том самоочевидном смысле, что кто-то из нас двоих действительно постмодернист, и я даже догадываюсь — кто), где считается позорным и возмутительным утверждать что-либо об эпиклезах, префациях и анамнезисах, не разбирая в них ни аза, не отличая 1-й Евхаристической

молитвы от остальных 4 «альтернативных» (согласен и принимаю хамски высказанный, но заслуженный упрек), но где не принято *развязным тоном уличать Штайна и подозревать Улицкую в незнании Библии.* (Парень, побойся Бога, у тебя простая совесть есть, не ученое хотя бы чувство меры, не золотого, так хотя бы медного сечения? О каком развязном тоне говоришь ты, когда Штайна уличаю не я, а он сам — и первым долгом не в незнании Библии, а в том, что у него Троица — это бог с тремя головами, а Мария то ли прижила дите от Иосифа, а то ли вообще неизвестно, от кого? И зачем *подозревать Улицкую в том, что самоочевидно и безо всяких подозрений?* Ты ли этого не читал — не у г-жи Улицкой, так в преизобилующих цитатах из нее у Малецкого? И ты спокойно сидишь, когда оскорбляют твое, ай белиф, святое в душе и святейшее за душой, — а историко-теоретико-литургическое невежество и *развязный тон уличений* Малецкого тебе несносны? Только тут пепел Клааса стуканул в твое сердце? И при этом ты в упор не видишь, что герой и автор «Штайна» сами себя и более чем развязно-категорическим тоном уличают, а я это только фиксирую? Я не говорю о том, что человек, спроста отпускающий в адрес другого «*поклеп*», «*подлог*», «*подмена понятий*», «*явная ложь*» и совершенно непонятное деепричастие совершенного вида (а меня неизвестным русским словом удивить трудно) «*закопипастив*», — должен (хотя, конечно, не обязан) забыть о такой вещи, как уличение хоть кого в речевой развязности. Это ладно — брань на воротy не виснет. Я другого не понимаю — ты богослов или где? И чего стоят тогда все твои бездонные профильные знания? Ради чего они, неужели только для того, чтобы, красуясь, и наливаясь самоуважением, «устраивать разнос» невеждам в литургике, спокойно терпя при этом прямые поношения Божьей Матери и дикарские вражеские шаржи на Св. Троицу?)

Насколько я мог понять, г-н Дорошенко — человек церковный; да тут не надо и конфессиональной принадлежности — достаточно быть маломальски верующим, сведущим и мыслящим человеком. Для того, чтобы сказать четко и ясно, логически безапелляционно: господа, опомнитесь! Все это фэнтези ни к историческому христианству, ни к Церкви, ни к действительному священнослужительству, а главное, к элементарной культуре человеческой мысли, что касается уже не только христианина, но вообще любого хомо сапиенс as himself, никакого отношения не имеет, а имеет отношение только к удовлетворению потребности не делать малокомфортных усилий мысли, а заместотово купаться в «любви» и «чувствах добрых». Которая в романе на девять десятых либо декларативна, либо дурно-сентиментальна (нужны примеры? отзовитесь — это мы мигом), либо малоправдоподобна — и для которой совершенно неважно, быть христианином или кем хочешь другим *хорошо себя ведущим* (в конце, от автора); и если Вы готовы это съесть, если, более того, вы именно этого «блюда»: Христа, «разведенного» большим количеством самой водянистой воды до консистенции Ушинского и Сухомлинского, — если Вы этого только и хотите, если вам этого и подавай — то вот Вам выразитель ваших заветных чаяний, который вам это в виде квази-«доку-романа» и изготовил, и ешьте себе с миром, но хоть отчет-то себе отдайте в том, что́ именно вы едите. Как заметил по другому, но в чем-то сходному поводу Д'Артаньян: *Господа, все мы едим конину.*

Ну не мог же никто из людей богословски образованных, дипломированных или недипломированных, но компетентных — за почти год победного брожения доблестного Штайна по всей русскоязычной ойкумене — не сказать, что король-то голый. И тем не менее — все обсуждения романа сводились либо к «любви» и «образу положительного героя», либо к смехотворным *серьезным идеологическим расхождениям, невзирая на которые роман — это большое событие...* (А. Немзер и др.). Не знаю, какие у Немзера «*идеологические расхождения*» по вопросу, христианство перед нами или оно только так называется, Немзер всякому верующему, включая адвентистов седьмого дня, не указ, но событие — большое, кто спорит. Большое, а дурное.

В этой ситуации, напомню начало своего же текста, я и решился высказаться. Раз уж мое внимание привлекли к тексту Улицкой. Раз уж я ждал-ждал, а больше некому, получается. Решился, не скрывая того, что я не богослов и вовсе не претендую на это (это стоит уже в названии: ***Любительский*** *опыт богословского расследования*, — и далее: *я понял, что любая мало-мальски мотивированная защита и разъяснение того, что́ на самом деле есть позиция Церкви, — просто насущно необходимы, пусть это буду я, грешный, пусть со всеми частными неточностями и ошибками дилетанта*). Предупредив сам, что конкретных ошибок у меня может быть вагон с прицепом. Тем более в достаточно специальной области литургического богословия (я предупреждал также, что почти единственным источником сведений о католицизме для меня является Полный католический катехизис, и там обнаружил только то, что обнаружил; поскольку я высказался совершенно искренне, то повода для ехидства, например, по поводу догмата о Непорочном зачатии самой Девы Марии, не нахожу: человек, честно признающийся в своем былом невежестве, ничего особенного собой не представляет, — но на фоне людей, ехидствующих над его признанием, он-растяпа выглядит... как-то симпатичнее, что ли, даже если это, допустим, я; потому что я не знаю и признаюсь именно потому, что хочу знать, а ехидствующий знать ничего не хочет, кроме того, что его знания делают его на 14 сантиметров выше незнающих).

Поэтому обвинения Дорошенко для меня, как бы это точнее... скажем, вы потеряли кошелек, но не помните, сколько там было. И вот вам, слава богу, его возвращают, да еще и с деньгами, и там — 100 рублей. Ну и ладно. Хотя, м. б., там было 200, но вернули и вернули, 100 — значит 100, я-то не помню. Это, как говорят немцы, все равно *больше, чем нуль*. А насчитал бы у меня не двадцать пять, а пятьдесят ошибок ученый богослов, «профи», — значит, их пятьдесят. И ладушки: я предупреждал, что их может быть и пятьсот.

И все равно я тупо уверен, что главный смысл моей инвективы против вероучения Штайна — верен.

Я в Церкви — обычный мирянин, не «продвинутый» богословски. Таких хватает — это, скажем так, прослойка гуманитарной интеллигенции. Той, что, придя в Церковь, начиталась о. Александра Шмемана да о. Сергия Булгакова, наслышалась в проповедях и духовных беседах покойного владыку Антония Сурожского (который, полагаю, как историко-теоретик литургики в подметки Дорошенко не годился)... Читала, словом, что в советское время ходило по рукам. Могла Флоренского прочитать, а Флоровского — нет; четыре тома о древней Церкви Болотова прочитать, а восемь томов Лебе-

дева о греческой Церкви — нет; о. Киприана Керна прочитать, а В. Лосского — нет; а могла и то, и это — наоборот... Это как повезет, что в руки попадет. Начитанность вместо систематической подготовки.

Тем не менее я, худо ли бедно, оглашен. Катехизирован. Т. е. имею какое-то представление, что (Кого) именно — мы, люди церковные, *единомыслием исповемы*. Вокруг чего (Кого) мы, самые разные — до полной, казалось бы, несовместимости — человецы, вместе собрались. Для чего и на каких основаниях.

К чему это я? А к тому, что, когда люди ученые молчат — а надо как раз не молчать, а вовсю говорить, — то им следует пенять на себя, а не на того мирянина, который, не имея специальной выучки, будучи всего-навсего более-менее катехизированным и в чем-то начитанным более, а в чем-то менее, но сознательно продумавшим все двенадцать членов Символа Веры, прежде чем вошел в Церковь, принявшую именно это «Кредо» как основу согласия всех церковных христиан, — как уж умел, выступил в защиту *Христа исторического, Христа церковного*, как говаривал Вл. Соловьев, в защиту **общего смысла и оснований церковной веры**, против фантастической чепухи, называемой уважаемым оппонентом богословием Улицкой без кавычек и оправдывающим оное — его же фиктивностью, ставшей, однако, замечу, реальностью, коль скоро овладело массами. Реальной пандемией.

А между тем г-н Дорошенко отпускает по адресу некоего Малецкого: *Хотя право, лучше бы помолчал.*

А некой Малецкой очень даже отлично, еще как бы, с каким бы удовольствием помолчал, поскольку говорить и говорить, устно и письменно — его профессия, а не хобби. Молчать для него, слушать любимого Майлса Дэвиса периода «Kind of blue», смотреть любимую «Касабланку» и читать любимого Чейза — вот отдых в свое удовольствие. Если бы г-н Дорошенко или другой г-н Дорошенко вовремя слово, «власть имеющее», в защиту Христа и Его Церкви сказали.

Увы, г-н Дорошенко этого не сделал — за целый год. Как это кино-то уморительное и разухабисто-постмодернистское называется? «Где ты, братец?» Где ты был? Милый зайка, свято место пусто не бывает. Приходится говорить, даже орать Малецкому — любому маленькому малецкому, который не вынес столь дешево-заразительной небывальщины про Христа да *святую женщину Марию*, да Церковь, все время что-то такое только и «искажающую», да отвергающую массовое движение евреев-христиан с IV века и без конца *организующую погромы*, — не вынес этой зубной боли и застонал вслух.

И тут г-н Дорошенко, доселе немотствующий, вдруг опомнившись и устыдившись, начинает говорить.

И что же он говорит? Вероятно, что-то вроде того, что, мол, Малецкий, конечно, некомпетентен в том и этом, тут вот прокол, а тут просто ни в какие ворота, но вот это и это и это отмечает вполне правильно, а вот тут дело спорное, и я бы с такой уверенностью профана не стал утверждать... Но все это, очень даже серьезное и важное — перевешивается тем обстоятельством, что Малецкий фактически первый развернуто высказался по

существу вопроса, который очевиден, а мы с вами почему-то его не огласили, а он-то и есть самый главный.

Именно же: перед нами ситуация, когда священник Католической церкви, категорически отрицающий вероучение этой самой Церкви, которая его и рукоположила; отрицающий самое стержневое в церковном учении: Св. Троицу, Триединого Бога и вообще весь Символ Веры с его *рожденным от Духа Свята и Девы Марии*, — тем самым, при полной свободе совести, безусловно выводит сам себя за скобки своей Церкви. А между тем благодать священства почиет на нем, и он ее удивительным образом, исповедуя и одновременно не ставя в известность о своем новом исповедании *компетентные лица и структуры*, «использует».

Вот это интересное положение; вот это его — «раздваивает», психологически и онтологически. Вот эту драму если бы прописать, то и Достоевскому бы впору. И вышел бы образ не долгожданного положительного героя современности (что делать, нет его — не будем взрослых людей сказками кормить), зато образ объемный, сложно-противоречивый и впрямь живой, а не «живенький». Ан нет, Штайн целен, бодр и творчески свеж. Даже когда обманывает свое же церковное начальство и самого себя, не уходя из Церкви, в чье вероучение больше не верит. И все российское интеллигентное *людье* (это не я, это — Мандельштам) это все запоем ест или пьет не заедая, поучаясь отсюда истинному христианству и почитая героя этих душераздирающих басен за благородство и доброту более, чем князя Мышкина и Дон Кихота, вместе взятых...

Господа, ей-богу, Малецкий, невзирая на малое вежество и в литургике, и вообще, — в целом дело говорит. Он только о том и глаголет вербально (понимаю, что это тавтология, но я-то прикалываюсь, а вот Дорошенко серьезно этого не видит), что церковная керигма пропастно отличается от усеченной до уровня Песталоцци (великого педагога и искреннего христианина) керигмы нашего доброго человека из Хайфы, узревшего в Иисусе, с оговорками о *тайне его божественности* при самом обычном зачатии, доброго человека из Назарета.

Бывают такие люди — малограмотные, но немного чуткие, с небольшой, но ухватистой интуицией неправды. В чем-то и кое-где, конечно, а не совсем. Но это «кое-где и кое-что» надо отметить. Ведь Малецкий потому дурака и валяет, что и правда смешно вот это все о политеистах-греках времен Вселенских соборов и о *родительнице мира*, и что евреи греха в половой жизни искони не видят; он оттого и ерничает, чтобы не заплакать, видя, как люди с высшим образованием думать разучиваются прямо на глазах; он потому и прикалывается развязно над Штайном, чтобы дать возможность нам прикалываться над ним, но хоть для этого вчитаться в «Штайна»; он и себя, и всех, кто принял роман как просттаки Благую весть, ученых и не очень, зовет сделать непривычное, но необходимое, чтобы оставаться хомо сапиенс, усилие мысли. Временами он даже как-то нескучно, что ли, хоть и длинно рассуждает. Так что поправить мы этого ханурика где надо поправим, — это наш ученый долг, — но наш интеллектуально-честный долг и помнить, что ведь это он *за нас,* как уж умел, постарался проделать *нашу* работу, коль скоро мы царствовали, лежа на боку; это он, со всеми неизбежными в этом

интересном положении, когда плотника обстоятельства вынуждают быть столяром, ошибками, он самозванно — тем не менее главный вопрос вынул из немоты, почему, собственно, мы его теперь и можем сколько угодно поправлять. Банально, но не ошибается тот, кто ничего не делает. Мы можем, конечно, литургико-богословским обухом вбивать гвозди в крышку его персонального гроба, хоть это и значит использовать инструментарий не совсем по назначению, — но все же давайте сначала вдумаемся в общий смысл его разухабистого, но не такого уж и постмодернистского дискурса.

Постмодернизм, г-н Дорошенко, — это игра не словами (иначе постмодернистом должен быть назван хоть Лесков с его «Левшой», хоть Санчо Панса с Панургом), а смыслами. Это, грубо говоря, смысловая горизонталь и всяческая «ризома», а Малецкий, конечно, туповат, но, может быть, как раз поэтому — разухабисто, но определенно отстаивает серьезную смысловую вертикаль, т. е. никак в постмодернисты не рядится...

Т. е. я бы, чисто литераторски посильно «перевоплощаясь», вот так, чисто прозаически, представлял себе общий смысл высказывания ученого зайки: внутренняя невозможность молчать при ясном понимании сути происходящего и недостаточной компетенции для того, чтобы высказаться, не дав комару носа подточить, — вот казус Малецкого. Он парень честный, да неуклюжий; неглупый — да языков он, Петька, не знает. Так поможем и ему, и всем глядеть в корень и не давать морочить головы керигмой г-жи Улицкой: *Ортопраксия вместо ортодоксии*, — если вправду за правду радеем. В нынешнем океаническом водоеме-окоеме информации любая специальная эрудиция вбита в компьютер, достать ее, парни, нетрудно. Ты ее к делу примени, братан. Ты чего сказать-то хочешь? Что вы с Руфайзеном умней и «реконструктивней» Малецкого? А нам какое дело до невемо какех такех Малецкого, Руфайзена и даже тебя? Мы вот тут о Христе и Церкви читаем у Улицкой — и тащимся. А ты — тащишься аль нет? Если да, — ты наш, парень. А если нет — скажи, почему. Послушаем, если дело говоришь.

Куда там! Потому-то, братцы зайчики, я и не Гоголь, что гений непредсказуем: чтобы слепить Ноздрева или там Хлестакова, нужно самому быть предсказуемым лишь от малой части.

Вынужден расписаться в своем бессилии перед непредсказуемостью г-на Дорошенко.

Ход его мысли не таков, как переданный выше, но и не обратен. Он не поступателен, а вращателен. А вид при этом имеет — поступательного. Превратив «случай Штайна» в «случай Руфайзена», сосредоточив затем свое внимание на литургии Штайна-Руфайзена как на *единственно якобы важном*, г-н Дорошенко затем уже спокойно по-ступает с Малецким как хочет, используя в качестве кастета или кистеня историко- и теоретико- литургическую проблематику, в которой он, как и любой профильный специалист, неважно, дипломированный или нет (у нас диплом ни к чему не имеет отношение, знаточество — дело любви, и этого никто у Дорошенко не отнимет), неизмеримо сильнее.

А хорошо ли это? Вот, например, тот же Малецкий, нравится или не нравится ему очередное бонмо Штайна, пытается хотя бы понять его (Ма-

лецкий сказал бы о Малецком: если уж г-н Дорошенко так любит реконструкции, что и статью посвятил *светлой памяти Даниэля Руфайзена, реконструктора*, то мог бы отметить — Малецкий только и делает, что старается реконструировать действительный смысл того, что именно хочет сказать Штайн, когда отвешивает очередное свое бог весть что). А поскольку это опять-таки нудная чужая работа, в данном случае уже автора романа «Штайн», — вразумительно формулировать серьезные вещи, а не заставлять своего героя говорить Папе Римскому, что *у евреев и христиан на первом месте стоит человек, не Бог, а у греков — Истина*, — а Малецкий ее, эту нудную работу, как уж умеет, все время старается проделать, а вовсе не устроить «*разнос*» (как выражается Дорошенко), что, при необыкновенной легкости в мыслях и выражениях Штайна, есть пара пустяков, — то, очевидно, происходит это только из-за своеобразной любви Малецкого к герою, с которым успел уже в процессе чтения породниться и которого просто так даже самому себе в обиду дать не хочет, не поняв толком.

Дорошенко же, повторяю, весьма внимательно прочтя текст Малецкого целиком (или нет? Не внимательно? А чего тогда пишет? Да нет, очень внимательно, там такие штуки есть, которые по диагонали и не увидишь), долбит и долбит в одну точку, отбрасывая 90% текста, как будто его и не было, а вся вот эта малецкая долгота-широта-длина только литургии Руфайзена и самому Руфайзену и посвящена.

Если читатель самого Малецкого-то и не открывал, какое у него после прочтения короткого и тем удобного текста Дорошенко неизбежно создастся впечатление? Лезет же етот Малецкой со свиным своим рылом в самый калашный-то ряд! А ведь если дело идет о литургиях, — оставь их литургисту и аддыхай. Не садися не в свои сани.

Вот такая получается неразбериха: Малецкий пишет о том, почему на каждой пятой — десятой странице застывает, открыв рот, узнавая нечто новое о Штайне или от Штайна, а Дорошенко ругает Малецкого за оболганного Руфайзена.

Снова и снова: я за базар готов ответить и, что верно, в том и винюсь, но чужого мне не надо.

И Вы, г-н Дорошенко, тоже не валяйте, пожалуйста, дурака, что это Вы о *фиктивном богословии Улицкой* — серьезно. Потому что тогда надо всерьез утверждать, что автор фикшн-романа в изображении фиктивных «акций» фиктивных эсесовских айнзацгруппе по фиктивному уничтожению фиктивного еврейско-белорусско-польского населения — имеет право на любое *раскрытие* фиктивной темы *в рамках фиктивного мира*. Любое, включая *сыновне-отеческие отношения* героя романа и майора-гестаповца, заставляющего героя регулярно становиться не только свидетелем, но и соучастником массовых зачисток (пусть соучастником и «в страдательном залоге», в «пассиве»). Пока все остается в рамках фикции. В том смысле, что перед нами не доку-роман, а просто роман. Оба мы прекрасно понимаем, что книга Улицкой — фикшн, да не фикшн. То есть богословие там, если Вы его так называете, действительно фиктивное, только не в смысле художественного вымысла, что к богословию отношения не имеет, а в смысле — как бывает

фиктивный брак. И как раз это фиктивное (или назовем его виртуальным) богословие, эта фиктивная «христология» и «мариология» — это как раз едва ли не в первую очередь и обеспечило его массовую эффективность, вызывая у его поклонников состояние восторженного аффекта. Как сказал мне друг, бывший искусствовед, а ныне иконописец и реставратор икон: «Юра, я Улицкую не читал, а потому и тебя тоже, но наслышан. Чему ты удивляешься? Чего сейчас людям доброй воли всей земли от христианства нужно? Христианский джин-тоник: немного Христа, много гуманизьму, любви там всяческой, какую-нибудь нескучную, трагически-трогательную историйку-ломтик лайма, в общем, задействовать болевые точки, а назвать катарсисом, типа того еврейский вопрос... А если б это еще написал кто-то из Анголы, — так и сразу выдвигай на Нобеля, потому как им еще не давали, а пора, и теперь есть за что».

Что, не так? Если бы среди гоблинов и хоббитов был добрый эльф-друид Штайн-Штайнер, любимец Рабиндрамурти Акуросая и вот там бы совершал он свои дивеса добра и любви, заодно проповедуя, что Великий Тигр ничему новому не учил, кроме того, что уже прорыкал Великий Лев, а только личным примером напоминал, что лань надо не пожирать, а любить издалека, тогда — какой разговор? В рамках фикции. А когда речь ведется об инкультурации и универсальности в поместной свободе, когда Папа Иоанн Павел II именуется Иоанном Павлом II и тэпэ и тэпэ, когда цитируется апостол Павел с указанием, пусть неверным, главы и стиха, — то чего нам с Вами выдумывать тут-то некое *богословие в рамках фикции*? Это то, что в учебнике формальной логики относится к классу «пустых понятий».

А чего Вы не заступились за оболганного в очередной раз якобы коллаборациониста Пия XII, якобы сдавшего беспрекословно всех итальянских евреев нацистам? У меня-то уже места не хватало. Но все равно это мое упущение в связи именно с тем, о чем Вы радеете: с репутацией уже не литературного, а почившего в Бозе реального и светлого человека. И я это исправлю при возможном переиздании, почитая его светлую память. А для Вас в Сети места — дай Бог. Или негодование Ваше вызывают только незнание литургики да клеветы на Руфайзена, а клеветы на кого другого Вас не колышут?

А чего Вы, занимаясь богословием и зная, что «*на востоке*» икона и была, и есть *умозрение (богословие) в красках*, не возмутились до обожжения фразочкой Штайна о *самоварном золоте, которым рисуют иконы на востоке*? У меня-то пассаж о том, что иконы вообще не рисуют, а пишут, что самоварным, а точнее, цельнолистовым золотом не только самовары, но и купола кроют, а твореным золотом пишут, а листовое наклеивают, сейчас — на «палимент», и тэпэ, а главное, что золото в иконе — не цвет, а свет, символизирующий нетварную энергию-благодать Божию, — у меня все это сократили из-за и так расползшегося формата. Но ведь просвещенное уважение к традиции полузапрещенной еврейской изобразительной графики при вполне хамском наплевательстве на чужую (и высокую) духовную традицию изобразительности — это же нифкакиеворота...

Давайте опять же не делать из себя (человека эрудированного в областях достаточно специальных и разбирающегося в материях достаточно тон-

ких) человека глупого или очень глупого. Вы, конечно, читали не только Малецкого, но и — сначала — Улицкую, а значит, и донос Довитаса Штайнову начальству, в латинский Иерусалимский патриархат — донос, где говорится, что попавший Довитасу текст литургии Штайна *принят к службе*, а потом и приводится сам этот текст. И Вы понимаете, конечно же, что если бы текст был принят к службе, т. е. одобрен начальством Штайна или хотя бы *представлен на рассмотрение в качестве «проекта»*, а не самовольно им самим, неведомо для начальства, *принят к службе*, т. е. **уже** не служился бы, то зачем бы начальству на само это начальство же — доносы писать? Зачем Вам, умному человеку, придумывать гипотетическую ситуацию некоего *проекта мессы* **до** ее службы, когда в романе все ясно как Божий день, а роман, и только роман, интересует сотни тысяч человек, а потому и меня? Только для того, чтобы высказаться негодующе в адрес Малецкого, что это *подлог* и *подмена понятий*? Т. е. Вы здесь подменяете Штайна Руфайзеном, а Малецкий подлагает и подменяет понятия! *Помилуйте, мы с Вами не ребяты*, — мне, например, совершенно очевидно, что эта просттаки шекспировская комедия ошибок ведет здесь, типа того, к: «с больной головы да...», — впрочем, рекомендуя кому-то выбирать выражения, сначала выбирай их сам. Так что будем считать — я этого не говорил.

А то еще: *Это Улицкой простительно называть равносторонний треугольник равнобедренным (что весьма беспокоит бдительного Малецкого, очевидно усматривающего здесь намек на филиоквическое понимание Троицы), а винтовки ружьями. «Переводчик», в конце концов, не учебник геометрии, и треугольник здесь не столь уж принципиален Но Малецкий-то должен быть компетентен в теме, непосредственно о которой берется судить.*

Класс. Алаверды к базару г-на Дорошенко. Можно, товарищ старшина? Пару слов не для протокола. Первое. Почему «***Малецкий-то***», собственно, должен быть компетентен в теме, о которой берется... а Улицкая и ее герой не должны быть компетентны в теме, о которой берутся... — да как еще. Да как безапелляционно. По сравнению с ними развязность Малецкого — это *благородная развязность Бальтазара Бальтазаровича* в чутком сердце Агафьи Тихоновны. И Улицкая, и Малецкий — миряне и не дипломированные богословы. И тот, и другая пишут о Церкви — и категорически. Они в совершенно равном положении. А гражданин прокурор называет себя христианином. И его не колеблют речи о *женщине Мириам*, *боге с тремя головами*, *Новом Завете как о напоминании Христом-возобновлении Старого* (*«речь здесь не идет об изменении доктрины, а только об ортопраксии»* — Улицкая-Штайн) — да еще с опорой на апостола Павла, которого уж конечно — иначе и представить невозможно — наш гражданин прокурор понимает, в отличие от Штайна-Улицкой прямо наоборот. Все это не мешает ему ровнехонько дышать, они-то должны, да, строго говоря, не обязаны; а вот подавай ему недостаточное знание приписываемого Ипполиту Римскому «Апостольского предания», — тут он тебя пустит на полную катушку да еще навесит по рогам. Ай, молодца.

Второе. Да, Дорошенко прав и прав стопроцентно: «Переводчик» не учебник геометрии. Иначе Малецкий бы туда и носа не сунул — из него геометр, что из Дорошенко вежливый Сервантес. «Переводчик» — это книга о

Церкви. О том, как ее правильно понимать. Это, повторительно, не менее идеологическая книжка, чем «Что делать?». И отсохни рука, если г-н Дорошенко этого не понимает. А также не понимает и того, что бдительного Малецкого интересует совсем не «филиокве», к какой бы косной ЗРПЦ он ни относился. Тут ирония Дорошенко в очередной раз переходит в сарказм, ну и пусть себе переходит, гораздо хуже его очередной переход из умного до мозга костей человека в неумного, — ведь это обстоятельство умного выдает с головой. Разумеется, Д. не сообщает того, что *равнобедренный* вместо *равностороннего* цитатно стоит у «бдительного» М. не рядом с другими геометрическими фигурами, а со Штайновым рассуждением о Св. Троице, которую *придумали греки* в качестве *бога с тремя головами* и подобрали всем, кроме Штайна, известный наглядный пример соотнесения этих «*трех голов*» в единстве и различии, а также в «равночестности»; Штайн, не «рубя» в треугольниках, даже не понимает смысла сравнения, потому как ему что равнобедренный, что равносторонний — одна малина, — но Дорошенко-то еще как понимает смысл этой *не слишком принципиальной* фигуры в данном контексте и просто лишает текст контекста; мелко-бдительное *ружья вместо винтовок и автоматов* опять-таки наблюдены М. не с бухты-барахты, а поставлены рядом с наблюденным *городком Загорском, который раньше назывался Троице-Сергиева Лавра.* А вот почему Дорошенко часть цитаты приводит, а другую нет? И в обоих случаях — именно эту приводит, а именно ту — нет? *Зачем эта хта- обязательно та, а жерка как правило эта-?*

Меня спрашиваете? Если меня, то мне лично так кажется: потому, что Дорошенко понимает: обе приведенные части цитат, оторванные от целого, создают впечатление именно инквизиторской бдительности Малецкого. А обе не приведенные, даже оторванные от целого, свидетельствуют совсем о другом: к человеку, утверждающему о Св. Троице то, что вкладывает автор в уста героя, перестанет серьезно относиться любой мало-мальски осведомленный в «церковности» человек, а к человеку, не знающему, что городок Загорск раньше — и сейчас снова — звался Сергиев Посад, а Троице-Сергиева Лавра как находилась в городке при всех его переименованиях, так и находится на своем месте, — к такому человеку серьезно не отнесется православный любого образовательного ценза.

Взятые же в целом, все зацепки бдительного Малецкого по ходу чтения романа «Штайн» не выборочно прикованы к одному маловажному факту: чего тут ни коснись, куда ни «въехать», не проедешь — от самого мелкого до самого крупного, от названия города или вида оружия до тринитарного или мариологического догматов, от психологии еврея, вынужденного носить гестаповскую форму, до психологии ксендза, лех-ко опровергающего устоявшиеся в Церкви предрассудки типа веры в то, что *святая и страдающая женщина Мириам* является Девой и Маткой Боской, — что ни возьми в этом удивительном романе, все в нем **фиктивно**, — не в плане художественного вымысла, а в плане полного несоответствия изображаемого тому, что оно изображает. Все неряшливо, все приблизительно, ни одной точно проведенной линии — все контуры смазаны. И если видишь цитату с указанием главы и стиха, — знай наперед: указанная цитата находится в другой главе и другом стихе, и ты ее еще поищи. Мелочь, а предсказуемо неприятно.

И что характерно: *В конце концов, «Переводчик» — не учебник геометрии.* Кто спорит. В конце концов. Но ведь и «Случай Штайна» — не учебник литургики. В конце концов. «Случай Ш.» — это разговор об общем смысле и послании «Переводчика». Малецкий несет что ни попадя о литургии? А другой автор несет что ни попадя о Христе и христианстве вообще, от *женщины Марии* до *нас расстреливали между двумя храмами*, — значит, обе Церкви и виноваты. Этот текст одной литургией не исчерпывается и на одну сотую. Он — от и до. И если есть там, согласно Дорошенко, одна глава «правильная» — так это про литургию, и то потому, что она — Руфайзена. Короче: благодушно снизойдя к одному, имей то же благодушие и для другого. Или секи своею розгой и того, и другого. Я так мерекую своим бдительным умишком: тут двойной стандарт, ребята, не иначе. И это уже рецидив. Это уже почерк.

Что, неверно мне кажется? Типа: когда кажется — тогда крестятся? Ну, извините...

4

Последнее. В том виде, в каком интерпретирует и Улицкую-Штайна, и Малецкого «Казус Малецкого», я нахожу в г-не Дорошенко только сочетание отменной специальной выучки с отсутствием общей концепции, когда речь в первую очередь именно об общем смысле, общей концепции, *послании* не литургии Руфайзена, а всей целокупности веры и деятельности Штайна, и идет. Что там идет — вопиет. Читатель влюбился в Штайна, со Штайном, а не с Руфайзеном связан феноменальный успех романа, и только об этом как о сигнале духовного и интеллектуального бедствия и следует, в первую очередь, говорить. И Дорошенко прекрасно понимает, что это так, что это и есть пафос, а не цимес дискурса Малецкого и для этого не надо быть специалистом по литургике, а надо быть просто мало-мальски катехизированным, мыслящим и честным человеком.

И его принципиальную позицию: осторожную защиту Улицкой (*«Переводчик» все-таки не учебник геометрии*), и шквал негодующей и язвящей учености, обрушившийся на голову Малецкого (я на это не сетую, я знал что делал, вызывая огонь дорошенок на себя и подставляясь всякому упертому специалисту как последний лох, я просто констатирую факт), я, исходя из того, что Дорошенко — явно человек умный, следовательно, способный выстроить целостную концепцию на основе столь серьезной компетентности, могу объяснить лишь его предвзятостью, чтобы не сказать — интеллектуальной недобросовестностью. Применяющей прием избыточной добросовестности деталей при отсутствии интеллектуальной честности целого. Я ищу — и не нахожу другого объяснения. Попытка уверить в том, что вся его цель — реабилитация светлой памяти Руфайзена и обличение лжи Малецкого и его хулы опять-таки на Руфайзена — не убеждает. Слишком уж очевидно, что читательский бум вокруг романа «Штайн» связан не с Руфайзеном и потому почти весь корпус текста Малецкого посвящен не Руфайзену и не литургике, и, освещая в правильном свете эти «две последних», нужно сначала хоть немного осветить «пятьдесят первых». В поисках общего смысла. Не может же *краснобай и баламут* Малецкий и там не завраться, догматически или историко-церковно.

Этого нет. Вообще не видно ничего, кроме литургических познаний и нелюбви ни к Кураеву, ни к Ратцингеру — т. е. «кардиналу Рокхаусу», *папе Ратци*, как задушевно, с малой буквы (игра слов: «папа Ратци» — «папарацци») похлопывает его по плечу г-н Дорошенко, величая Бенедикта XVI принадлежащим к *ценителям бессмысленного, а потому глубокого символизма*; этот по-праву-взгляд-свысока на нынешнего Папу удивительно роднит Дорошенко с нелюбимым им Кураевым, так же при мне глядевшим на Папу предыдущего: *Знаем мы, как Папа кается! Небось не первый год замужем*! Ох, вас не спросили, ребята, а зря, ведь вы на самом деле куда рассудительнее и ученее всяческой там курии кардиналов. Но интересно, некстати, что, чтобы поддеть Малецкого, Дорошенко отсылает его к *более компетентным, чем Малецкий, лицам и структурам* — зато, как беззаветно «развязен» сам Дорошенко по отношению к *лицу*, непосредственно возглавляющему эти *структуры*!

Увы, и Кураев, и Дорошенко используют свои знания и безусловную одаренность для того, чтобы свою заведомую правоту отстоять как истину, а не выяснять, — бескорыстно, не для поддерживания постоянного уровня... самоуважения, скажем деликатно, — что́ есть истина.

А почему? А по кочану. По одному только моему медному чану. Рядоположенно с элегантными попытками, не вдаваясь в заведомо провальную суть высказываний романного Штайна и его автора, избавить их от сфокусированного внимания инквизитора Малецкого, а за ним и читателя. Извинить их — что прицепились к ним? Роман не учебник геометрии. В нем все в пределах фикции. Завернем-ка лучше за угол и вот кем займемся — воинственно-невежественным обскурантом Малецким...

Ну, одной шишкой больше. Но вообще — все не так, ребята.

Как это ни сюрреалистично, но пресловутое советское: *Правда факта не в силах заслонить от нас неправду явления*, — в этом случае вдруг попадает в цель. И чего там конкретные невежественные ошибки Малецкого — сколько бы их ни было — против общего пафоса высказывания Дорошенко.

А вот зачем этот «перегиб и парадокс» самому Д.? Вроде как он искренен. Умен, учен — и искренне недобросовестен. Не пойму. Опять пазл не складывается.

А впрочем — зачем я все это пишу? Проще всего — убрать в переизданном тексте злополучную главку о мессе, а заодно приложение о Руфайзене. И все. Останется один Штайн. Его позиция не станет от этого менее очевидной, а только она — плюс реакция на нее читателей — меня и интересуют серьезно. Чем — я уже написал в «Случае Штайна».

Так, пожалуй, и сделаю.

С Руфайзеном же пускай разбираются другие, более сведущие о нем, да и более интересующиеся им. С меня и Штайна более чем довольно. Аддыхай, Малецкой! Читай своего Раймонда Чэндлера и слушай своего Эрика Долфи. Дальше «делом Руфайзена» займутся другие, кому охота. А ты своего пораженья от победы сам не должен отличать. На это есть тов. Дорошенко, богослов в авторитете. Очень компетентный человек. Жаль, что папа Ратци о нем не слыхал. Напрасно — Дорошенко вправил бы ему его ИМХО, столь ценящее бессмысленный, а потому глубокий символизм.

P. S., или Еще один Богослов-в-авторитете

Что называется, снова здорово. Уже написав ответ Олегу Дорошенко, узнал, что на сайте «Свобода» появилось предрождественское слово о. Якова Кротова «Либерал, который украл Рождество».

Это не кончится никогда. Все круги по воде, все круги по воде разгоняют мое отраженье.

Читая это послание (не иначе: дата — 06.01.08, сочельник), занимающее меньше 1 страницы, то и дело даешься диву. Густо пишет даровитый автор. И дело не в том, что там неблагожелательно поминаюсь я-грешный (вкупе с А. И. Стреляным — собственно, этот «мессидж» отталкивается от двух наших — не сговариваясь, мы друг с другом знакомы лишь заочно — выступлений против романа Улицкой). Дело не столько в частных обвинениях, сколько в общих выводах — и в том, кто́ все это пишет.

Последнее просто обескураживает: перед нами даже не по сути, а буквально — пастырское послание. «Маленькая ночная серенада»: краткая церковная проповедь, она же, вероятно, священническое поздравление с Рождеством Христовым.

У меня, например, просто двоится в глазах. Раньше, 8–10 лет тому, я знал Я. Кротова как сотрудника «Континента», профессионального историка, умного и образованного человека. Человека, безусловно мыслящего — его отличную статью в «Континенте» об истории Туринской плащаницы я помню до сих пор.

Симпатизируя Кротову, я благодушно оставил без внимания его сетевой выпад, когда я уезжал в Германию, — о том, что-де въезд в эту страну по еврейской линии предполагает в анкетной графе «Вероисповедание» соответствующий ответ, — так вот, пристально спрашивал Я. Кротов, не «*значит ли это, например, что писатель Юрий Малецкий отрекся от своих христианских убеждений*?». Тогда я подумал, что Кротова это интересует из простой любознательности; а поскольку роман «Проза поэта» печатался именно в «Континенте» и именно тогда, когда Кротов там работал, то Кротов, не сходя со своего рабочего места, найдет в романе подробный и даже занимательный ответ на его вопрос, из коего явствует, что я ни минуты не скрывал своей религиозной принадлежности.

И оставил это дело так. А между тем это, пусть с вопросительным знаком, обвинение годами висело в сети, а, может быть, и по сей день там висит. А дело-то некоторым образом касается моей репутации. Которая мне дорога как память — о том, что еще лет 11 назад я хотя бы в каком-то отношении был более-менее порядочным человеком.

Позже я много раз слышал об удивительной способности г-на Кротова ссориться и скандалить даже с теми, с кем он ни лично, ни служебно никак не связан. Но мне все это было — «соль без запаха». В одно ухо войдет, из другого выйдет.

Пока не последовало вот этого, предрождественского. Которое меня просто ошарашило.

О себе я узнал сперва, что «*критика Малецкого* (т. е. критика Малецким романа Улицкой. — *Ю. М.*) *не так интересна, потому что он выступает*

от имени православия». Глаза мои полезли на лоб — интересно, подумал я, а мне говорили, что Кротов — священник. Интересно, подумал я далее, а если вправду священник, то — какой Церкви? Посмотрел на сайте Кротова: да, священник *Апостольской православной* церкви. Еще интереснее стало: это какая такая «Апостольская православная»? Под чьим омофором? Или уже автокефальная? Я о такой не слыхал. Но я-то сам — кто такой? Что я, «забугорный», в нынешней церковной ситуации в России могу понимать? Расспросил более-менее сведущих, — так и среди них толком никто не знает. Кажется, говорят, там о. Глеб Якунин, да, есть, есть у них епископ, а не то митрополит, а не то пять митрополитов. И десять человек прихода... Нет, три человека прихода... Да нет, там сколько угодно человек прихода... Да нет, у них... И так далее.

Ну ладно. Ну пусть. Но все ж таки — «православная» (а если и апостольская, то «кому все это мешает»? И у нас — апостольская). Впрочем, кажется, что и не апостольская уже, а вообще какая-то украинская, — но ведь все равно православная. То есть так выходит, что православному священнику вообще неинтересно никакое высказывание, ничья мысль уже потому, что это высказывание, эта мысль — «*от имени православия*», же?

А-а, ну понятно — наверное, мы с о. Яковом вкладываем в слово «православие» разный смысл. Он считает, что его православие — православно, а мое — нет; поэтому его православное высказывание может быть интересным, мое же — никак.

Допустим. Но тогда надо хотя бы как-то оговорить этот момент, объяснить, чем его православие православнее и интереснее, а главное — в чем оно состоит. Это ведь как с Дорошенко, — докажи, что Руфайзен в отличие от Штайна, не отвергал тринитарный догмат, и тогда в своих выводах о руфайзенской мессе будешь абсолютно прав. Между тем о. Яков не опускается до согласования терминологии.

Ну хорошо. Ну пусть. Потому что уже на следующей фразе о вашем покорном слуге забываешь обо всем, что было, и взрываешься, как триста тонн тротила. Потому что о. Яков буквально начиняет тебя зарядом своего нетворческого зла: *Типичный образец неоправославия или православизма, перенесший на православие большевистский, партийный способ мышления: не согласен с программой и уставом партии — уходи. Не согласен Руфайзен с католическим вероучением — пусть уходит.*

Это он о ком? Да обо мне же. Смотри-кось. А ты думал — о ком? О ком угодно, но не обо мне же. В чем меня только не упрекали, но не в большевизме.

Друг, ты просто не знаешь о. Якова. Он чего хочешь скажет, если сам того вдруг захочет.

Никогда не думал, что сравнение Церкви и партии, известное любому, даже если он и не христианин, будет прямо выворочено наизнанку священником Православной церкви. Я-то, склеротик, уже не помню, Бердяеву ли, Федотову ли, еще ли кому-то из этого ряда принадлежит это сравнение, но любой интеллигент, заставший Советскую власть, знает: все учение коммунизма, его «моральный кодекс», структура антицеркви-компартии и т. д. вплоть до мартиролога героев-мучеников борьбы за народное дело, вплоть

до мощей Ленина-Сталина, — все это, от и до, есть калька-пародия на Церковь с обратным знаком.

И чтобы священник вывернул это наизнанку, приписав мне «неоправославие» (до него были читатели, уличавшие меня, напротив, в симпатии к католикам, что правдоподобнее) и *православизм, перенесший на православие большевистский способ мышления*!

Это человеку с высшим образованием, да просто — мыслящему логически человеку нужно объяснять, что... Что — да, если ты не согласен с вероучением Церкви, — у тебя есть две возможности: честная — уйти; и нечестная — оставить свое несогласие при себе и оставаться в Церкви. Но зачем тебе последнее? Если ты не разделяешь церковного взгляда на вещи, что тебе в ней делать-то?

Да, пусть уходит. Более того, если он уйдет из Церкви, ему никто не «перекроет кислород». Мы ведь говорим не о Церкви средневековой, а о современной. Какая у нее светская власть? Если я ухожу из Церкви, Церковь более не имеет надо мной никакой власти, включая административную. Что она может? Самое большее — анафематствовать тебя, — а тебе-то что, если ты ни в какую анафему не веришь и отлучение это для тебя — как насморк покойнику. Оставайся себе по убеждению, скажем, «персональным христианином» — и твори добро на том месте, которое изберешь. Тогда как программный уход из партии в те еще времена, насколько я знаю (я никогда партийцем не был, но «слыхать — много слыхал») — это... эти времена, думаю, о. Яков еще застал. И говорить ему: «Почувствуйте, батюшка, разницу», — совершенно избыточно. Но в принципе, по идее — да, если ты не согласен с программой и уставом компартии, — ты честно должен уйти; и погрешности в этом утверждении, исходи оно от православного или кришнаита, я не нахожу. Остаться же в партии, не разделяя ее программы, — не есть честно; но так делали миллионы людей по соображениям вполне определенного свойства. Так ли надо понимать Вас, о. Яков, что, используя это сравнение, нужно провести его последовательно и посоветовать священникам быть шире в этом вопросе и, не разделяя учения Церкви, скрыть это, остаться в ней номинально, а значит, и номенклатурно? Вы это хотите посоветовать? Нет? А тогда — что сказанное Вами значит? *Сатира и мораль, смысл этого всего*?!

Не надо, батюшка, сваливать Ваше лукавство на мой якобы «православизм». Это *по определению* так: отвергая вероучение Церкви, ты ставишь себя вне Церкви. Нужно ли объяснять о. Якову, что так сказал бы не только православный Иоанн Дамаскин, но и католик Фома Аквинский? Так скажет любой Иван Ильич, согласный с тем, что если: а) люди смертны, — и: б) Кай — человек, то: с) Кай смертен. Тогда еще, и до, и после смерти Ивана Ильича, людей учили логике.

И, далее, отвергая вероучение Церкви, стать священником этой Церкви, отвергая ее благодатность, получить от нее зачем-то благодать в рукоположении — это нонсенс. Не парадокс, а именно нон-сенс: бес-смыслица. Непонятно зачем и кому нужная.

Но Бог бы с ним, шельмовал бы меня одного. Нет же: *Раньше делали идола из марксистских терминов, теперь из православных догматов.*

Здесь о. Яков просто братается с Улицкой-Штайном.

Это опять-таки непонятно. Церковь земная просто немыслима без догматов как вероучительных положений, как немыслим дом без фундамента. Т. е. Церковь, разумеется, стоит на фундаменте, камне исповедания апостола Петра от имени всех апостолов. Но само это исповедание: *Ты Христос, Сын Бога Живого!* — это *уже* догмат. Как, согласно Клаузевицу, *всеобщая мобилизация — это уже война.* И исповедание апостола Фомы: *Господь мой и Бог мой!* — это уже догмат. Это имплицитное к IV веку эксплицируется, становясь развернутыми догматами Символа веры; но развернутое содержание догматов содержит в себе то, что прот. Георгий Флоровский назвал *тождеством опыта.* Опыт первоначальной Церкви и опыт Церкви времен вселенских соборов — тождественны. Они без единого шва «сворачиваются» и «разворачиваются» друг в друга.

Впрочем, что долго говорить — процитирую довольно компетентного человека, к тому же выражающегося доходчиво:

Догматы — это то, что в науке называют «аксиомы».

Догматы, вообще вся церковная дисциплина, — это только некая структура, вектор, указывающий направление практической, духовной жизни человека. Только организуя верную духовную жизнь, человек станет способным хотя бы прикоснуться к Тайнам Божиим.

По справедливому замечанию знаменитого историка Церкви Карташева А. В., догмат — это некий верстовой столб, проверенный многовековым опытом и указывающий верное направление дороги, однако отклонение от него чревато сползанием в первое же попавшееся болото...

То, что мы сегодня называем догматом, возникает лишь в тот момент, когда истина Церкви подвергается опасности со стороны ереси. Слово «ересь» означает выбор, предпочтение какой-либо одной части истины в ущерб целому, в ущерб истине... Еретик возводит в абсолют одну из граней цельного опыта Церкви, таким образом неизбежно превращая его в нечто одностороннее и ограниченное.

Церковь отвечает на еретическую угрозу тем, что ***устанавливает пределы истины, то есть определяет границы живого религиозного опыта*** (выделено мной. — *Ю. М.*). *Знаменательно, что первым наименованием догмата было греческое слово horos — предел, граница (лат. terminus).*

Христос Янарас[4].

Но стоит ли тратить время на разговор о догматах, если о. Яков сообщает нам: «*Настоящий Христос — не Тот, о Котором больше догматов, а Тот, Который родился беспомощным младенцем и за всю жизнь ни одного догмата не сочинил и Который из Храма выгнал тех, кто веру превращал в деньги*».

Понятно, что роман «Штайн» так нравится о. Якову (в чем он сам признается в передаче «С христианской точки зрения» по радио «Свобода»); ведь, говоря о догматах, что их «сочиняют», он впадает в точно ту же языково-смысловую неряшливость, что и Штайн. Рыбак же рыбака...

Что интересно, сам о. Яков в той же радиопередаче «С христианской точки зрения» всерьез употребляет слово «Богочеловек». Вероятно также, совер-

[4] Цит по: http://azbyka.ru/hristianstvo/dogmaty/index.shtml.

шая Рождественскую службу (если он совершает богослужения, конечно, а не только по радио и в Интернете высказывается), он всерьез вместе с молящимися поет и кондак на Рождество Господне: «*родися отроча младо, предвечный Бог*». Между тем отдает ли он себе отчет, что и слово «Богочеловек», и этот кондак — прямое выражение догмата IV Вселенского собора в Халкидоне 451 года о полноте божественной и человеческой природе во Христе и без этого догмата ни слово «Богочеловек», *с христианской точки зрения*, ни кондак не были бы возможны?

Да, Христос, в акте воплощения и вочеловечивания родился (как отмечает о. Яков) «*беспомощным младенцем*» Иешуа во времени; и Он же — предвечный, пре-экзистенциальный Бог, Сущий до начала времен (а этого о. Яков почему-то не присовокупляет).

Словом, это вот всё действительно православный (пусть католик, пусть греко-католик) *священник* говорит? Или это «религиозный» массовик-затейник приглашает в ночь перед Рождеством «карнавально» примкнуть к «*тем, кто веру превращал в свободу — свободу слова о Боге, свободу молчания о Боге, свободу любви к Богу и людям*»?

Я так понимаю, что всей этой свободой сполна наделен о. Яков Кротов. Именно из любви к Богу-то и людям-то он обращает негодующую филиппику в сторону «*атеиста Стреляного и энтузиаста православия Малецкого*»: *Сама по себе попытка защитить слова — дело неплохое. Только не надо защищать слова, делая из них мертвые чучела. Так поступают — в политике — те, кто называет «либералом» диктатора, который убил не миллион людей, а полмиллиона. Так поступают — в религии — те, кто называет «настоящим христианином» того, кто за Христа глотку готов перервать.*

Последнее, видимо, относится только ко мне или кому-то «типа меня»: Стреляный — атеист. Смотри-кось, это **я** готов кому угодно глотку перервать, а о. Яков — мне, из-за того, что я Христа понимаю иначе, чем он?.. Нет, из любви ко мне (раз уж я отношусь к родо-виду людей) он ласково так меня журит: «Не надо, не надо, Юра, не перерывайте им глотку. Людей надо любить, для чего вполне достаточно любовно обхамить их, как я вот сделал с Вами и атеистом Стреляным».

А я так скажу: мне трудно поверить, что о. Яков говорит это всерьез. Потому что тогда получается, что по сравнению с этим *пастырем добрым* даже Штайн выглядит еще вполне прилично. Ведь Кротов, повторяю, человек умный и образованный. Он отлично понимает, что Церковь без оснований Церкви — догматов веры — это бог его знает что такое. Он вообще много всего знает и понимает. Он ведает, что творит. И это он так, прикалывается от всей души. Ну вот как интеллектуал Борис Парамонов прикалывается, сравнивая сцену группового изнасилования главного героя фильма «Хрусталев, машину!» с первым балом Наташи Ростовой. Только вот предметы приколов у них разные.

Приколы, интеллектуальные провокации такого рода превращают прикольщика в шоумена. В ди-джэя. И Парамонов — блестящий культурологический диск-жокей.

Похоже, того же — стать кем-то вроде религиозного шоумена («*Билли Грэм — человек, который говорит с людьми*») хочет и о. Яков, священник. Пусть и не очень известно, какой Церкви.

А я за все за это безобразие: демагогически обвинить на одной странице меня и в большевизанстве, и в глоткоперерывании, и еще риторически поставить в один ряд с неким *либеральным диктатором*, — я за это за все перерывать глотку Кротову не собираюсь. Я вот бы что сделал.

У Довлатова один говорит мечтательно: «*Вот бы на КПСС антисемитизмом пойти!*»

Вот и я бы в этом смысле на о. Якова Кротова, типа того, Олегом Дорошенко бы «пошел». Вот была бы забава для малышей!

Но это если они захотят дуэлировать. Потому как они, может быть, и помирятся — на общей антипатии к малецким и симпатии к «Переводчику».

Нет, ну кто бы объяснил. Как говаривал Светлов: «*То, что у нас не любят своих евреев — это понятно. Но почему мы любим чужих негров?*»

То, что они меня не любят — это еще туда-сюда: за что бы меня любить — и вообще и в частности? Я и сам-то себя не так чтоб уж очень. Разве что из христианских побуждений — с тех пор, как мы вступили в спор, я им дальний, но ближний. Но уж больно настырный.

Ну ладно. Мало ли я кого не люблю. Живу же, и нелюбимый — живет. Но почему они все выгораживают Штайна? Что за комиссия, Создатель? Какая в ём харизма?

Зэт из зэ квешшн.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ
в зеркале прессы
(сентябрь – ноябрь 2007)

(Краткий обзор)

К вопросу о преподавании ОПК в школе

11 сентября Госдума приняла в первом чтении поправки в закон «Об образовании», изменяющие «*понятие и структуру образовательного стандарта*». За загадочной казенной формулировкой крылось решение исключить региональный и местный компонент. Это значит, что из образовательного стандарта убираются предметы, введенные по желанию регионов. В том числе местные краеведческие дисциплины типа «Москвоведение», а также «Основы православной культуры».

Газета **«Известия»** (12.09) приводит мнение депутата **Олега Смолина** (КПРФ), который усомнился, правомерно ли лишать регионы права на свой элемент школьной программы: *Не знаю, как это будет работать в федеральном государстве.* Депутат **Сергей Бабурин** сказал «Известиям»: *Формулировки закона туманны. Все проблемы можно решить, введя ОПК в федеральный стандарт. Но наши депутаты вспоминают о своем православии, когда бегут наперегонки в Патриаршую трапезную.* Газета еще раз напоминает читателям, что культурологический предмет был бы полезен всем школьникам, вне зависимости от их вероисповедания: *Дети могут быть невоцерковленные, но им нелишне знать, что на «Троице» Андрея Рублева изображены вовсе не мужики, решившие «сообразить на троих». Или что разрывающий пасть льву Самсон — вовсе не живодер.*

Представители Минобразования перед принятием закона немало говорили о возможности введения предметов по выбору (в том числе и ОПК) не только на уровне субъектов РФ, но и отдельных муниципалитетов и школ. Однако, по словам протоиерея **Всеволода Чаплина**, *формулировки размытые и открывают возможности для произвола.*

Перед принятием Госдумой во втором чтении поправок к закону «Об образовании» патриарх Алексий II и Священный синод выступили с официальным заявлением, опубликованным 6 ноября на сайте **Патриархия. Ru** (http://www.patriarchia.ru/db/text/317949.html). В нем, в частности, говорилось: *Правовые нормы современного Российского государства предполагают учет мировоззренческого многообразия в школе. В том числе религиозная часть российского общества имеет право на то, чтобы школьное образование не входило в противоречие с мировоззрением, которого придерживаются в их семьях. Государство обязано уважать это право и обеспечивать его реализацию при соблюдении законных интересов и прав нерелигиозной части общества — преподавание предмета, знакомящего учащихся с их религией, должно быть основано на добровольном выборе самих учащихся и их родителей. Вместе с тем мы твердо считаем, что наилучшим и действенным способом присутствия духовно-нравственного предмета в школе является его включение*

в основную сетку часов, с возможностью выбора учащимися альтернативной дисциплины. При этом представляется справедливым сохранение права региональных органов власти и самих школ определять некоторую часть образовательной программы, которая могла бы использоваться для введения предметов духовно-нравственного содержания.

Комментируя заявление Священного синода, **Михаил Поздняев** в газете **«Новые известия»** (08.11) пишет: *Похоже, в Патриархии осознали, что несколько перегнули палку. До сих пор в выступлениях архиереев звучали жесткие нотки: ОПК, мол, должны учить все, поскольку православие исповедуют чуть ли не 90 % россиян. Однако все социологические опросы эту цифру серьезно корректируют.*

13 ноября Госдума приняла во втором чтении поправки к закону «Об образовании». Как сообщила **«Известиям»** (14.11) юрисконсульт Московской Патриархии **Ксения Чернега**, ни одна поправка Церкви принята не была. А это значит, что 1 сентября 2009 года из программы исчезнут «Основы православной культуры», введенные в ряде областей в качестве регионального компонента.

Правда, остается надежда, что для ОПК найдется место в федеральном компоненте. **«Московский комсомолец»** (15.11) приводит слова замминистра образования **Исаака Калины**, который утверждает, что какая-то часть учебной программы будет отдана на предметы по выбору. Определен общий подход: чем старше учащиеся, тем больше будет вариативная часть обучения. В младших классах, считает Калина, местный компонент должен быть минимальным.

Вместе с принятием этих поправок Госдума, по сообщению газеты **«Коммерсант»** (14.11), в первом чтении приняла законопроект о наделении религиозных вузов правом выдавать дипломы государственного образца. Издание напоминает, что *законопроект об уравнении статуса дипломов духовных школ и светских вузов был разработан два года назад. Он получил одобрение Минобрнауки и комиссии по вопросам религиозных объединений при правительстве РФ, но его внесение в Госдуму откладывалось Продвижение законопроекта проходило на фоне споров о «клерикализации образования».*

Наиболее спорный нюанс в законопроекте касается формы диплома будущих духовных высших школ, — сообщает газета **«Газета»** (14.11). — *Он только наполовину будет выполнен по госстандарту: печать и символика предусматриваются не в виде двуглавого орла, а такие, какие сделает само учреждение.*

Государственная аккредитация семинарий и духовных академий расширит правовые возможности для их интеграции в систему образования страны. Но и потребует согласовать программы обучения с государственным стандартом профессионального образования, — пишет **«Российская газета»** (14.11). И напоминает, что, по данным Министерства образования и науки, в России 39 духовных учебных заведений имеют лицензии Рособрнадзора на образовательную деятельность и подготовку профессиональных кадров. Однако выпускники духовных вузов, даже таких известных во всем мире, как Московская и Санкт-Петербургская академии, людьми с высшим образованием официально не признаются.

Конференция «Православное учение о церковных таинствах»

С 13 по 16 ноября в Москве, в гостиничном комплексе «Даниловский» прошла очередная, уже пятая по счету богословская конференция, организованная Синодальной богословской комиссией. Подобные мероприятия проходят раз в два года и не имеют аналогов во всем православном мире.

На этот раз темой интеллектуального форума, на который съехались представители Поместных церквей, духовных школ и крупнейших научных центров, стало учение о церковных таинствах. Первое пленарное заседание было посвящено христианской сакраментологии в целом, а затем работа велась по отдельным секциям, названия которых говорят сами за себя — «Таинство Крещения и Миропомазания», «Таинство Евхаристии», «Таинство Покаяния», «Таинство Елеосвящения», «Таинство Священства», «Таинство Брака», «Догматическое учение о таинствах в целом».

Открыл конференцию **Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. РИА «Новости»** (13.11) подробно приводит речь патриарха. *Новое поколение церковных ученых своими трудами должно будет развеять мифы и предрассудки тех, кто считает богословие находящимся вне поля современной науки*, — сказал Алексий II. По словам патриарха, современный богослов должен совмещать в себе знания и навыки сразу нескольких гуманитарных специальностей, в частности истории, философии, филологии.

Междисциплинарный характер современной церковной науки делает ее открытой к творческому, хотя иногда и полемическому взаимодействию с наукой светской и светским образованием, — отметил Алексий II.

Вместе с тем он сказал, что богословие отвечает своему призванию лишь тогда, когда опирается на духовный опыт Церкви и стремится решать задачи церковной практики. Именно поэтому конференция посвящена одному из важнейших аспектов этой практики — таинствам.

Даже небольшие искажения в области совершения таинств могут оказывать негативное воздействие на весь церковный строй, на духовную жизнь чад церковных. Вот почему столь важно и значимо богословие таинств, — считает предстоятель РПЦ.

По его оценкам, научный уровень конференции *существенно вырос за прошедшие годы*, что является свидетельством развития церковной науки, совершенствования системы духовного образования и плодотворного сотрудничества с зарубежными и светскими научными центрами.

О дальнейшей работе первого дня конференции рассказало интернет-издание **«Благовест-инфо»** (14.11). Глава Синодальной богословской комиссии РПЦ **митрополит Минский и Слуцкий Филарет (Вахромеев)** разъяснил концепцию конференции и ее задачи: они заключаются в том, чтобы дать современное изложение церковного учения о таинствах, выявить наиболее острые проблемы в этом разделе богословия, а также в церковно-практических аспектах сакраментологии. Собственно богословский доклад митрополита Филарета был посвящен доктринальным вопросам учения о таинствах. Выступавший считает, что необходимо говорить не столько о различных пластах богословского осмысления таинств и не о смене эпох в развитии вероучения, но о *различии подходов к истолкованию церковного*

учения о таинствах. Он приводит примеры трех таких подходов, условные названия которых связаны с «точкой отсчета»: это «индивидуальный» (где первое таинство — крещение), «экклезиальный» (Евхаристия — центр жизни Церкви) и «клерикальный» или «ориентированный на раздаяние благодати» (здесь отправной точкой является таинство священства). Митрополит Филарет показал, что эти подходы не только не исключают, но «взаимодополняют» друг друга, и призвал отказаться от признания какого-либо одного толкования *в качестве единственно верного*. Предложенная в докладе методология сакраментологии позволяет ставить вопрос о «новом синтезе» в этой области богословия, в котором учитывались бы и достижения современной науки — сведения о жизни ранней Церкви, о литургических особенностях совершения таинств в различных церковных традициях, об истории богословского осмысления таинств. В заключение иерарх сказал о необходимости найти тот особый язык, который бы *позволил выразить сакраментальный опыт Церкви современным, удобопонятным образом.*

С докладом «Святоотеческие основания православного учения о таинствах» выступил известный православный богослов, профессор Оксфордского университета, представитель Константинопольского патриархата, **митрополит Диоклийский Каллист** (Уэр). Он остановился на значении слова «таинство», на двойной природе церковных таинств, затронул вопрос о совершителе таинств и об их числе. Так, сравнивая латинское sacramentum и греческое mysterion, докладчик показал более глубокий смысл восточного обозначения таинства, которое в святоотеческом богословии *нигде не обозначает литургический обряд*, но указывает на *нечто открытое нашему пониманию, но не полностью, не до конца*. В вопросе о видимом и невидимом характере церковных таинств митрополит Каллист подчеркнул, что православное богословие продолжает святоотеческую традицию. По его словам, *материальная сторона таинств*, подчеркивающая особую ценность сотворенной Богом природы, *сохраняется без умаления* именно в православии: *Мы настаиваем на крещении через полное погружение; мы используем в Евхаристии квасной хлеб и красное вино; во время отпевания мы оставляем гроб открытым и целуем тело усопшего.*

Говоря о понимании таинств как *действий Христовых*, богослов отмечает их *объективный характер* и приходит к следующему выводу: *недостоинство священнослужителей не является препятствием для действительности таинств, равно как их действительность не зависит от личной веры принимающих таинства.*

С приветствием к участникам конференции обратился глава католической архиепархии Божьей Матери в Москве **архиепископ Паоло Пецци**. Это было его первое выступление в таком качестве на крупном православном форуме, но не первое — в качестве богослова: Паоло Пецци принимал участие в богословской конференции РПЦ в 2005 году, посвященной эсхатологическому учению Церкви. Католический иерарх выразил надежду, что совместная работа христианских богословов разных конфессий на таких форумах *будет углублять важнейшие аспекты сакраментологии*, напоминая о том, что в таинствах Церкви *содержится возможность укрепления уникального единства во Христе.*

Первое пленарное заседание завершилось приветствием профессора Константина Скутериса из Афинского университета.

Участникам и гостям V Международной богословской конференции Русской православной церкви «Православное учение о церковных таинствах» был представлен сборник материалов подготовительных семинаров.

Как пишет сайт **«Религия и СМИ»** (13.11), впервые в ходе подготовки к очередной богословской конференции Русской православной церкви Синодальная богословская комиссия провела серию научных семинаров. Это объясняется особой актуальностью темы конференции 2007 года, ее тесной связью с церковной практикой.

Каждый из семинаров был посвящен обсуждению одного из таинств.

Надо сказать, что конференция состоялась в непростое для Церкви время, когда охранительство буквально заморозило живую богословскую мысль. И было очевидно, что устроителям форума пришлось считаться с тем обстоятельством, что любое полемическое выступление может вызвать пожар в среде фундаменталистов.

На каждой из перечисленных секций прозвучали установочные доклады, задавшие общий формат обсуждения. Они были подготовлены целыми коллективами духовных школ. Например, доклад высокопреосвященного Георгия «Богословские аспекты таинств Крещения и Миропомазания» был подготовлен Нижегородской духовной семинарией, а доклад преосвященного Серафима «Таинство священства: богословские аспекты» — Минской духовной академией. К этим выступлениям органично подверстывались сообщения, фактически не выходившие за пределы школьного богословия. Любопытно, что большинство из них сделали представители Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Последний день конференции ознаменовался бурной дискуссией о церковно-практических аспектах православной сакраментологии, — пишет **REGIONS.RU** (16.11). — *Центральными ее темами стали: необходимость длительной катехизации перед крещением (перед крещением детей — подготовка крестных), практика подготовки к причащению, чины присоединения к православию, возможность перевода богослужения на русский язык.* В ходе дискуссии, прежде всего затронувшей вопросы предкрещальной катехизации, высказывались различные, иногда противоположные мнения — от признания невозможности возрождения оглашения взрослых из-за того, что нельзя представить современного человека, посещающего катехизические беседы (**о. Максим Козлов**), до подчеркивания необходимости срочно решать вопрос о практике подготовки к крещению на всеправославном уровне. В ходе развернувшейся дискуссии **митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл** напомнил, что необходимо разнообразие подходов, зависящее от индивидуальных особенностей крещаемого, а также дал некоторые практические рекомендации в связи с чином крещения. Мнение владыки горячо поддержал ректор СФИ, священник **Георгий Кочетков**, под руководством которого в Огласительном училище при институте ежегодно проходят длительную подготовку к крещению или первой сознательной исповеди сотни взрослых. Он, в частности, сказал:

Тут говорилось о том, что трудно катехизировать наших русских людей. Мне кажется, что нужен подход, нужно знать, как и что сказать людям. На

самом деле многое зависит от того, что поддерживают церковные власти. Если все будут знать, что архиерей поддерживает нормальное крещение, что к крещению должны приходить хотя бы верующие люди и вообще хоть както к нему готовиться, то это даст силу священникам действовать. О. Георгий также напомнил, что для многих людей чин отречения и сочетания оказывается мало связан с их реальной жизнью, и для того, чтобы убедиться, что жизнь входящего в церковь человека действительно изменилась, что он готов отказаться от смертных грехов, прежде всего таких, как прелюбодеяние, нужно обязательно спрашивать современных людей о том, как они живут, и спрашивать прямо, учить их применять то, что написано в Священном Писании и что открывается в личной и церковной молитве, к их собственной жизни.

Как сообщает газета **«Кифа»** (№ 15), единодушную поддержку собравшихся вызвали предложения множества участников дискуссии смягчить требования к готовящимся к причащению. При регулярном участии в таинстве трехдневный пост, вычитывание множества канонов и обязательное посещение всенощной стало для мирян *«бременами неудобоносимыми»*. Говоря об этом, **епископ Венский и Австрийский Иларион** напомнил, что к священнослужителям такие требования не предъявляются. Он также призвал подумать *без тех крайностей, которые сопровождали обсуждение этого вопроса в 90-х годах,* о необходимости русификации богослужения, особенно в зарубежных епархиях. На это предложение откликнулся один из священников, заметив, что в этом контексте речь не может идти только о русском зарубежье, потому что и в России люди уже не говорят даже на языке Пушкина и богослужение для большинства приходящих в церковь остается закрытым.

В завершение дискуссии, — продолжает далее издание, — *митрополит Кирилл призвал собравшихся к открытому обсуждению возникающих разногласий в духе мира и уважения друг к другу. Примером такого обсуждения он назвал предсоборную дискуссию начала XX века, в ходе которой высказывались разные, иногда прямо противоположные мнения по широкому кругу вопросов — нужно или нет восстановление патриаршества, необходим ли перевод богослужения и т. п. — и тем не менее никто никого не называл еретиком. Призвав собравшихся к совместному движению вперед, он отметил, что очень важно, чтобы это движение не сопровождалось напряжением и внутрицерковной борьбой.*

«Русская линия» (16.11) пишет, что подобные встречи ученых и богословов — это серьезный вклад в отечественную академическую науку. *Однако,* — отмечает издание, — *остаются открытыми практические вопросы, поднятые в последний день работы форума.*

С «Русской линией» солидарен и портал **«Кредо. Ру»** (20.11), который выражает надежду, что новая синодальная конференция пройдет в более благоприятном для богословской мысли контексте и ее организаторам хватит дерзновения связать сугубо богословские аспекты с практикой современной церковной жизни. При этом интернет-издание обращает внимание читателей на высокий уровень организации конференции: *Перед заседаниями участникам раздавались напечатанные на русском и английском языках тексты докладов, переводчики во время прений делали синхронные переводы, а в перерывах, за чашечкой кофе, разгорались настоящие богословские споры.*

Миссия патриарха

В октябре 2007 года Патриарх Московский и всея Руси Алексий II совершил первый в истории РПЦ визит во Францию.

Повод для визита главы Русской православной церкви во вторую по значимости европейскую католическую страну создал Совет Европы — идея пригласить патриарха возникла еще во время российского председательства в СЕ, — сообщает еженедельник **«Итоги»** (№ 41). — *Самым ярким событием стало выступление Алексия II перед депутатами Парламентской ассамблеи.*

«Московские новости» (05–11.10) подробно рассказывают о встрече предстоятеля Русской церкви с президентом Французской Республики Николя Саркози. Святейший рассказал президенту о современном положении Русской православной церкви, о партнерстве между церковью и государством в решении вопросов, имеющих принципиальное значение в жизни народа. Он выразил благодарность народу Франции *за милосердное гостеприимство, которое было оказано русским, покинувшим Родину в результате революции и Гражданской войны.*

Николя Саркози отметил, что придает большое значение диалогу между православной и католической церквами, и выразил надежду, что в результате этого диалога *общее свидетельство христиан будет более значимым.*

Тему православно-католического диалога продолжает **«Российская газета»** (05.10).

Издание рассказывает о посещении патриархом Алексием II собора Парижской Богоматери, где он поклонился величайшей святыне христианского мира — терновому венцу Иисуса Христа.

Последний день своего четырехдневного визита патриарх провел на дорогом и символичном для россиян месте — кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа. Оно считается преимущественно русским и православным кладбищем, хотя там есть могилы и представителей других конфессий и национальностей. Регулярно русских начали хоронить в этом месте с 1929 года. Здесь покоятся такие великие и значимые для нашей страны и культуры люди, как Иван Бунин, Константин Коровин, Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Петр Струве, Виктор Некрасов, Рудольф Нуреев, Александр Галич, Андрей Тарковский... При кладбище действует Успенская церковь, построенная по проекту Альберта Бенуа в 1939 году.

По сообщению той же «Российской газеты», патриарх совершил панихиду на кладбище. В этом богослужении, как отмечает портал **«Кредо.Ру»**, участвовал архиепископ Команский Гавриил (де Вильдер), возглавляющий архиепископию православных русских церквей в Западной Европе в юрисдикции Константинопольского патриархата, который преподнес главе РПЦ икону недавно прославленных святых мучеников — монахини Марии, священника Димитрия, иподиакона Юрия (Георгия) и Ильи.

После богослужения состоялся обед в Русском доме Сен-Женевьев-де-Буа, после чего предстоятель РПЦ вылетел в Москву.

Обзор подготовили Александра и Борис Колымагины

РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

в русской периодике третьего квартала 2007 г.

Фигура Иуды Искариота постоянно привлекает к себе толпы жаждущих его реабилитации. Очередной всплеск внимания к апостолу-предателю спровоцировала публикация так называемого *Евангелия от Иуды* — гностического текста, найденного во второй половине XX века и недавно переведенного на основные европейские языки, включая русский. В этом документе Иуда предстает любимым учеником Иисуса, единственным, кто понял миссию Христа, за что Учитель и открыл ему особые тайны, недоступные другим апостолам. Из подобных же представлений о героическом Иуде исходит и **Виталий Рапопорт**, автор статьи **«Иуда Искариот — избранник Иисуса»** («Слово\Word», № 54), с завидной настойчивостью задающий христианству вопросы, на которые ученики Иисуса за два тысячелетия уже порядком устали отвечать. Заодно Рапопорт берет на себя труд задуматься, почему в Новом Завете всего четыре канонических Евангелия. Правда, размышления его сводятся к весьма приблизительному пересказу теории Quelle*, утверждающей, что некогда существовала и позднее была утрачена некая рукопись, где содержались изречения Иисуса. И тут-то Рапопорт выдвигает оригинальнейшую гипотезу: текстом Quelle пользовались только христиане иудейского происхождения, а вот христиане-неевреи опирались на Евангелие от Марка. Возможно, открытие это знаменовало бы настоящий переворот в науке, покажи себя Рапопорт хоть сколько-нибудь специалистом в текстологии и в вопросе о формировании новозаветного канона. Но, увы, основательностью его рассуждения не грешат, что, впрочем, никак не влияет на революционную свежесть выводов. Так, Рапопорт приходит к выводу о множественных искажениях истины и предвзятом отношении к Иуде со стороны четырех евангелистов — и особенно Иоанна. Само же Евангелие от Иоанна исследователь называет *программным документом вековой юдофобии*, который *поддерживал в неграмотных массах и образованной элите здоровый антисемитизм*. Впрочем, ученики Иисуса грешат не только антисемитизмом, они вообще склонны к нетерпимости и жестокости — в частности, по отношению к еретикам, каковые примеры автор статьи и приводит. Любопытно, что жесткая и нелицеприятная критика христианства вообще и канонических Евангелий, в частности, соседствует с крайне благожелательным анализом «Евангелия от Иуды», почему-то рассматриваемого Рапопортом как объективный исторический источник, сведения о котором известны с древних времен. В конце статьи автор упрекает христиан за косность и призывает пересмотреть образ Иуды в связи с новыми сведениями. Однако тут пора заметить, что подобная идея весьма не нова, а попытки апологии Иуды предпринимались испо-

* Источник (*нем.*).

кон веков, так что Церковь совершенно справедливо сочла, что открытие вышеназванной рукописи — совсем не повод для пересмотра традиционного взгляда на Иуду.

Для православия в России характерна ситуация, когда обряд важнее человека, политическое и государственное важнее частного и личного. На вопрос, отчего это так, пытается ответить **Сергей Фирсов** (**«Христианство в истории России»** — «Вода Живая», № 9), напоминая читателю и слова Петра Чаадаева о бесправии российского духовенства и нравственном одичании монахов, и утверждение Георгия Федотова о том, что *Церковь была дорога не служением пастыря, а красотою обряда, с которым сросся кровно народный быт.* В Древней Руси, пишет Фирсов, православный обряд подчинял себе практически всю жизнь: все важные события освящались в храме, календарь и распорядок дня во многом определялись годичным и суточным кругом богослужений. Кроме того, царская власть всеми силами стремилась себя сакрализовать, крайним проявлением чего стала концепция *Москвы как Третьего Рима*, согласно которой Московская Русь — единственное на земле православное царство, а русский царь — самый главный православный государь. Напротив, понятие о «естественном праве» человека, которое было известно в Западной церкви, совершенно не прижилось на Руси, чье христианство, по словам Сергея Фирсова, *бесповоротно замыкалось на обрядах и церковности, опасалось новшеств и стремилось сохранить старину.* Этот нездоровый консерватизм наиболее остро и ярко проявился в старообрядческом расколе. Затем началось разрушение всей этой структуры: форма отделилась от содержания, стала мертвой буквой, и это привело к тому, что Петровские реформы превратили Церковь в одно из государственных ведомств, а вера стала выражаться в своеобразном имперском чиновничьем православии, одинаково чуждом и простому народу с его двоеверием, и интеллигенции с ее скептицизмом. В результате, указывает автор статьи, к началу XX века фактически сформировалось два православия — официальное и народное. Плоды же этого разделения Россия пожинает и до сих пор: с одной стороны, у нас крепко засел в головах миф о «Святой Руси» и «народе-богоносце», с другой же — для большинства людей православие почти утратило связь с христианством и превратилось в национальную и культурную традицию.

Бывают «детские вопросы», на которые сложно найти ответ, поскольку они связаны с самой сутью явления. Один из таких вопросов: «Зачем нужно ходить в храм?» Сам факт появления подобных проблем свидетельствует о том, что люди не очень четко представляют себе, что же такое Церковь, замечает священник **Владимир Хулап** в своей статье **«Созванная Богом»**, («Вода Живая», № 9). Автор напоминает, что греческие и еврейские слова (ekklesia и galah), которые переводятся на русский словом «церковь», обозначают *сообщество созванных людей и подчеркивают приоритет активного действия Бога, Его спасительный призыв, на который в свободном согласии отвечает человек.* То есть самое определение указывает на то, что «*церковь*» — это вовсе не здание, а составляющие христианскую общину

люди. О. Владимир обращает внимание и на то, что для ранних христиан посещение собраний в общине было очень важно, так что они не хотели от них отказываться и под угрозой гонений. Причина такого отношения к молитвенным собраниям, по мысли автора, достаточно очевидна: ранние христиане рассматривали церковь не как клуб по интересам или место приятного общения, а как возможность деятельного ответа на призыв Христа. Сможет ли современная Православная церковь возродить в людях такое отношение к храмам и богослужению, необходимо ли оно в наши дни? На этот «детский» вопрос нет ясного и однозначного ответа...

Минувшим летом в России довольно активно обсуждалось письмо десяти академиков об опасности клерикализации российского общества. Если оставить в стороне публицистические тексты, авторы которых обвиняют противную сторону во всех смертных грехах, то можно отметить несколько публикаций, в которых обсуждается вопрос о соотношении религии и науки, или веры и разума.

В журнале «Октябрь» (№ 7) опубликован довольно объемный текст известного телевизионного «знатока» **Анатолия Вассермана «Дилогия атеизма»**. Автор доказывает здесь два основных тезиса: 1) Бога нет, 2) человечество в религии особо не нуждается. Очевидно, что данная концепция не слишком оригинальна, но внимательное наблюдение за ходом мысли Вассермана оказывается довольно интересным занятием, несмотря на то что многие аргументы статьи хорошо известны, так что довольно часто читатель ловит себя на мысли, что присутствует при исполнении «старых песен о главном». Исходный тезис автора состоит в том, что любые религии, кроме буддизма, являются святотатством, поскольку *объявляют нормы общежития, выработанные многотысячелетним опытом человечества, порождением некоего внечеловеческого разума. То есть подменяют разумное поведение слепым подчинением*. Заметим, что сведение религиозных практик к системе запретов и психологических установок (чуть дальше автор сравнивает христианских духовников с психоаналитиками) сразу же делает бессмысленной дальнейшую дискуссию. Автор статьи, собственно, на вопрос о Боге и не отвечает; он лишь пытается доказать, что религиозное мировоззрение контрпродуктивно для научной деятельности и современного общества, а сама религия — избыточна, поскольку существуют более простые способы объяснения происходящего в мире. В качестве такого универсального инструмента для постижения хода вещей и явлений Вассерман признает лишь математику и другие точные науки, вновь и вновь повторяя, что религия предлагает своим сторонникам только путь слепого подчинения, в то время как наука ищет реальные ответы и дает четкие решения. Приведя массу сведений о последних достижениях науки и убедительно доказав, что существование Бога доказать невозможно, автор статьи делает довольно тривиальный вывод о том, что любая религия — обман и что жрецы и священники исходят из относительности понятий о добре и зле. Так что при чтении этой большой статьи создается впечатление, что автор палит из пушки по воробьям. В конце концов он и сам признается, что вряд ли смог убедить верующих, чья *аксиоматика*, по его мнению, *исключает логику*. И все же в

финале статьи он считает своим долгом предупредить: *ни одна религия не дает реальных оснований ни для какого выбора. У бога не выпросишь не только прямую помощь, но и подсказку. Все наши решения остаются на нашей совести. И бояться надо собственной ограниченности, а не божьей бесконечности.* Однако процитированный текст наводит и на мысль о том, что особенного выбора человеку не предоставляет и атеизм. Ведь научные знания относительны, а все остальное — помощь и подсказку, способность к критическому мышлению и научным знаниям — в одинаковой мере могут получить и верующие, и атеисты. «Развенчав гипотезу бога», автор ничего не предложил взамен, кроме уже названной точной науки. Но считать, что математика откроет когда-нибудь все тайны и загадки Вселенной — это та же вера, только в качестве абсолюта здесь выступает наука. И, стало быть, прав персонаж одного из советских фильмов, сказавший: *Атеисты тоже верят; они верят, что Бога нет.*

Несколько важных положений в статье **«У религии — судьба астрологии»** высказывает физик **Виталий Гинзбург** («Новая газета», 22.08), делающий, к примеру, следующее весьма остроумное замечание: нельзя сказать, что научное мировоззрение само по себе полностью отрицает существование Бога. В самом деле, если существует Бог, который ненаблюдаем, то доказать Его несуществование нельзя, то есть в основе атеизма также лежит гипотеза о несуществовании такого *«скрытого» бога.* Иными словами, ученый выводит понятие «Бог» за пределы научного мировоззрения, что совершенно естественно, поскольку вера есть предмет иррациональный. Гинзбург подчеркивает, что свобода совести в современном мире есть незыблемое право, а атеизм вовсе не означает борьбу с религиозным мировоззрением. После этих предварительных замечаний нобелевский лауреат критикует представления монотеистических религий — христианства, иудаизма и ислама, а также высказывает справедливое недоумение по поводу того, что представители РПЦ освящают военные объекты и оружие. Гинзбург цитирует мысль С. П. Капицы: чего, собственно, просит церковь от Бога, «освящая» ракеты, подлодки и т. п.? Свою статью автор заканчивает своеобразным прогнозом: лет через 150 — 200 традиционные религии постигнет судьба астрологии, а религиозные институты уже не будут пользоваться сколько-нибудь значимым авторитетом в обществе.

У веры и научных гипотез есть кое-что общее, считает **Станислав Яржембовский («"Зерцалом в гадании". Вера и знание: этимологический этюд»** — «Звезда», № 12). И та и другое во многом основываются на доверии, на неких изначальных предположениях, которые могут быть опровергнуты с течением времени (речь прежде всего идет о научных гипотезах). Автор указывает на опасность слишком экзальтированной веры и напоминает известный афоризм Уайльда: «*Вера начинается со скептицизма*». В качестве негативного примера слепой и неглубокой веры автор приводит сектантство, которое он называет *религиозной попсой, рассчитанной на самый неразвитый вкус и на детсадовский уровень сознания. В настоящем христианстве есть много чего сверх сентиментального благодушия, моральных увещеваний и благого намерения поддержать и утешить упавших духом.* Автор останавливается также на значении иронии для современного интеллигента, пола-

гая, что ирония — это почти религиозная защита человека от мира, она не дает ему прельститься красивыми словами и внешней формой, что и позволяет многим выжить в нашем несовершенном, но прекрасном мире.

Чтобы не уходить далеко от проблемы соотношения «знания» и «веры», обратим внимание читателя на статью протоиерея **Максима Хижего «Реформа духовного образования: для кого стараемся?»** («Ежедневный журнал», 2 августа, — http://www.ej.ru/?a=note&id=7303), где автор вновь обращается к теме преподавания религиозных дисциплин в общеобразовательной школе. Людей, боящихся некоей ползучей клерикализации, о. Максим успокаивает следующим простым утверждением: главная проблема для РПЦ состоит в отсутствии кадров для работы в школе. Квалифицированных преподавателей не могут выпускать ни семинария (в силу своей ориентации на подготовку все-таки духовенства), ни теологические факультеты (во-первых, потому, что их мало, а, во-вторых, потому, что они дают «рафинированное образование», которое вряд ли поможет работе со школьниками). Кроме того, о. Максим указывает на то, что многие поступающие в семинарию идут туда не в силу веры, а из карьерных соображений. Так что люди, возражающие против введении в школе ОПК, могут успокоиться: несмотря на заявления отдельных иерархов, Церковь прийти в школу не готова.

Вопрос о признании за семинариями и другими конфессиональными учебными заведениями права выдавать дипломы государственного образца поднимает на страницах журнала «Вода Живая» (№ 12) священник **Владимир Хулап («Без диплома ты — букашка, а с дипломом?..»)**. Заметим, что вопрос этот только кажется внутренним делом Церкви. Это довольно серьезная проблема для всего российского образования, ведь от того, какой статус получают выпускники религиозных учебных заведений, зависит в том числе и то, какие люди будут преподавать в наших школах и вузах, ведь далеко не все выпускники семинарий делают внутрицерковную карьеру. Но до тех пор, пока семинарии будут существовать вне сферы законодательства об образовании, государство и общество фактически никак не смогут влиять на тот круг предметов, которые там преподаются. О. Владимир отмечает также, что с начала 90-х годов ситуация сильно изменилась. И если в советское время в силу определенных обстоятельств большинство священников знали всего две книги — «требник и сберкнижку», то в наши дни среди духовенства появилось значительное число образованных людей. Между тем непризнание дипломов приводит к тому, что, не имея единого стандарта, каждая семинария стремится только к одному — сделать *лучше, чем в соседней епархии.*

К чему приводит доморощенная «ученость» некоторых православных ревнителей, показывает статья **Родиона Юрьева «О филологизме»,** опубликованная 3 декабря на сайте «Русская линия» (http://www.rusk.ru/st.php?idar=105071). Главным антигероем этого материала стал покойный Сергей Аверинцев, представленный автором в качестве символа некоей опасности, требующей последовательного «разоблачения». Суть претензий состоит в том, что при чтении библейских текстов ученый обращался не к святоотеческому толкованию, а использовал весь филологический инструментарий и последние достижения науки и компьютерных технологий. Автор полага-

ет, что своими толкованиями филологи размывают православие — то скажут о неточности синодального перевода, то предложат нетрадиционную трактовку какого-нибудь эпизода, то настолько увлекутся исследованием текста, что высшим авторитетом для них станет «профессор», а не святитель Феофан Затворник или святитель Иоанн Златоуст. Вот характерная цитата: *Что происходит с «филологистами»? Евангелие представляет для них не живое руководство, а объект для тщательного изучения и истолкования. Поистине, каждую букву Священного Писания они способны подсчитать и объяснить, но будет ли это объяснение правильным с точки зрения Православия?*

В конце статьи содержится такая мысль: *Широкое распространение одностороннего рационалистического подхода к изучению Священного Писания не может не беспокоить. Когда православные люди высказывают такие мысли: «Не могу читать синодальный перевод, там столько ошибок», — это вызывает опасения за их душевный настрой, — какого он духа?* Поспешим обрадовать Романа Юрьева: он борется с ветряными мельницами. Достаточно открыть семинарскую программу изучения Священного Писания, чтобы убедиться в том, что как раз представители Православной церкви «филологизмом» не страдают. Переводы классических западных учебников по Новому Завету и научные издания греческого подлинника стали доступны в России лишь в самые последние годы. Да и вряд ли стоит отцеживать комара науки, чтобы проглотить верблюда народного «благочестия», полного самых разнообразных суеверий и страхов, подчас имеющих мало общего с христианством. За примерами далеко ходить не нужно: вспомним о пензенских сидельцах в землянке, ждущих конца света, а также о посланиях епископа Чукотского Диомида. Может, лучше не упрекать Сергея Аверинцева в том, что он сделал для российской библеистики, а помянуть его в молитве и поблагодарить за труды?

Журнал Московской духовной академии «Встреча» публикует серию материалов о проблеме смерти. В центре внимания **Анны Соколовой («Посмертная участь сельских жителей»** — «Встреча», № 2) находятся данные социологического опроса, проведенного в августе 2006 года среди сельских жителей. Они интересны сами по себе. Так, например, 19% верующих отрицают бессмертие души. При этом Библию как источник и авторитет цитируют меньше 2% опрошенных. (Отметим в скобках, что, согласно опросам, та же картина характерна и для горожан.) Еще интереснее представления о том, что происходит с душой после смерти. Самый популярный ответ: она «куда-то возносится». Довольно значительная часть респондентов считают, что душа летает в воздухе в непосредственной близости от Земли. На третьем месте мнение о том, что усопший так или иначе наблюдает за жизнью тех, кто еще жив, и с помощью снов сообщает им о своих маленьких радостях («*Папа снился, сказал, что женился*» — такова наиболее показательная формулировка). Далее идет «творческая переработка» о важности сорокового дня для судьбы усопшего. Опрошенные говорят о том, что душа 40 дней «*летает вокруг дома*» или даже приходит снимать пробу с самогонки. Очевидно, что такое представление отражает характерное народное двоеверие, при котором догматическим христианским формулировкам часто не остается места в необузданном полете народной фантазии. На

пятом месте — вполне античное представление о том, что тело всего лишь одежда для бессмертной души; на шестом — идея о воскресении из мертвых в сочетании с представлением о переселении душ и повторной жизни на Земле. Некоторые (впрочем, таких совсем немного) выдвигают самые причудливые представления о реинкарнации, говоря о том, что в следующей жизни они будут растением или животным. Последнее место занимает пессимистическая теория о том, что жизнь души прекращается с жизнью тела и после смерти человека ждет небытие. Анализ этой пестрой картины приводит Соколову к выводу о том, что подобная эклектичность взглядов связана с отсутствием нормальных знаний о религии у большинства россиян. Увы, с этим трудно не согласиться.

Елена Сергеева в своей статье **«"Мир иной" в русской сказке и в христианском апокрифе»** («Встреча», № 2) рассматривает представления о «рае» в сказках и христианских апокрифах. Основным мотивом древнерусской литературы (прежде всего «*хожений*») является путешествие на край земли или за три моря, где и расположен рай. Автор анализирует основные представления о рае, который часто изображался как прекрасный сад, и указывает, что в православной традиции нет единого представления о его местонахождении. Часть отцов Церкви полагала, что Эдемский сад не имеет конкретной географической привязки, другие считали, что он расположен в труднодоступной местности на краю земли. Вообще труднодоступность рая была основным мотивом сказок и апокрифов. Чтобы попасть туда, герой, подобно Одиссею, преодолевал множество трудностей, и в конце концов все увенчивалось либо приобретением вечной молодости, либо женитьбой, либо прибавлением ума. Второй важный признак райского места — полное довольство и благополучие с «*молочными реками и кисельными берегами*». Очевидно, что такое представление о рае связано с тем, что в жизни средневековый человек, как и наш современник, часто испытывает нужду, а потому компенсирует неудобства с помощью прекрасных мечтаний о загробной жизни. Наконец, еще одним важным представлением об Эдеме является отсутствие времени в той точке, где *нет болезней, печали и воздыхания, но жизнь бесконечная.*

Обзор подготовил Андрей Зайцев

Ольга СЕДАКОВА

ДАНТЕ: МУДРОСТЬ НАДЕЖДЫ[1].

Qui se' a noi meridiana face
di caritate, e giuso, intra i mortali
se' di speranza fontana vivace[2].

Par. XXXIII, 10–12

Этими словами из последней Песни «Рая», обращенными к Пресв. Богородице (их произносит у Данте св. Бернар Клервосский), мне хочется начать мои сегодняшние — не слишком долгие, обещаю, — рассуждения о Данте. Образ Богородицы — живого ключа (Живоносного Источника) хорошо знаком Православию; он прямо связан для нас с пасхальными днями (ведь и у Данте, напомню, завершающий момент его странствия, когда звучит этот гимн, приходится на Пасху). Любовь к Богородице как источнику надежды — и порой: последнему источнику, надежде тех, у кого уже нет надежды, — глубочайшая часть русской культуры. Схождение традиций в этой точке совсем не странно: мысль о Богородице — источнике надежды в мире скорби, животворной воде — принадлежит общему христианскому сокровищу. Можно отметить, как необычно и правдиво у Данте этот образ воды, бьющей из земной глубины, — иначе: образ надежды — соединен и сопоставлен с другим образом святости, огнем в зените, любовью. «У нас, — говорит св. Бернар — то есть, в мире Славы, — Ты полуденное солнце любви; среди смертных — живой родник надежды». Три эти строки одним движением открывают перед нами всю огромную картину мироздания, видимого и невидимого, смертного и победившего смерть. Такое может поэзия.

Говоря о Данте, Первом Поэте европейской цивилизации,

delli altri poeti onore e lume[3],

[1] Выступление на Международном симпозиуме «Resurrexit sicut dixit», Roma, 18/4/2007.

[2] *Здесь, для нас Ты — полуденный факел*
Любви, и там внизу, среди смертных
Ты — живой родник надежды.
(Данте, Рай, песня 33.)

[3] *Честь и свет для других поэтов.*

Ольга СЕДАКОВА — родилась в 1949 г. в Москве. Окончила филологический факультет МГУ и аспирантуру Института славяноведения. Кандидат филологических наук, поэт, автор многих книг, в том числе собрания сочинений в 2 т. и тома избранного «Путешествие волхвов». Постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

я думаю о поэзии вообще, о том «сообщении», которое она несет в мир. Я думаю о том, что все искусство самым интимным образом связано со «служением надежде». Я думаю, что именно лицо Надежды — среди трех дочерей Премудрости: Веры, Надежды, Любви — более всего знакомо художнику (может быть, и потому, что он легче, чем другие, оказывается в опасной близости к отчаянию). Вольно или невольно, именно надежду (или ожидание надежды, или «надежду на надежду») он передает своему адресату. То освободительное наслаждение, которое мы, читатели, зрители, слушатели, переживаем при встрече с великим произведением искусства, сводится к переживанию некоей таинственной надежде. Оно выводит нас из той глухой, замкнутой — и в каком-то отношении *удобной* — безнадежности, в которую человека тянет как будто по закону «тепловой смерти». Оно выводит нас из *привычки*, из жизни вне начала, из забвения о начале. Именно привычке как форме отчаяния противопоставляет надежду другой ее великий поэт, Шарль Пеги[4].

Это положение о связи творчества с Надеждой по преимуществу, несомненно, требует развернутой аргументации. Но сегодня я остановлюсь на том, что привел меня к этой догадке Данте, «верный Надежды», на отлично сдавший экзамен по этому предмету апостолу Иакову (Рай, Песнь 25) и получивший от него задание: увидав воочию истину небесного Града, Данте будет укреплять надежду на него в себе и в других:

si che, veduto il ver di questa corte,
la spene che la giu bene innamora
in te ed in altrui di cio conforte (Par. XXV, 44)[5].

Надежда, как мы видим в этих стихах, связана с *памятью, памятью будущей славы,* которую она «твердо ожидает»:

«Spene», diss'io «e uno attender certo
della Gloria future» (Par. XXV, 44)[6].

и потому уже несет в себе присутствие будущего праздника. Но это не единственная ее связь. Она ближайшим образом породнена со *щедростью* и *открытостью* (слово *larghezza*, буквально «широта», у Данте означает и generosita «щедрость», и speranza «надежда», и apertura «открытость»). И потому, что обладающий надеждой непременно щедр и открыт — и потому, что надежда вызывает, как ответ себе, сугубую щедрость Бога, *«не обманывающего надежд»* (так у Данте объясняется спасение язычников, которые *«имели упование», Par. XX, 94–99*).

Об этой добродетели, насколько мне известно, обыкновенно говорят и думают куда меньше, чем о Вере и Любви. Ее облик, ее содержание труднее уловить, она как будто менее «религиозна». Но забвение о Надежде обедняет

---

[4] «Ее дело — постоянно начинать заново. Ее дело — повсюду вводить начало, как привычка повсюду вводит конец и смерть» (*Пеги Шарль.* Избранное: Проза, мистерии, поэзия. М.: Русский путь, 2006. С. 213).

[5] *Так что, увидев воочью истину этого царства, / надежду на него, которая в дольнем мире заставляет правильно любить, / ты укреплял бы в себе и в других.*

[6] *«Надежда», сказал я, «это уверенное ожидание / будущей Славы»*

образы и Веры, и Любви. Их лица меняются. Они явно становятся дальше друг от друга, утрачивая связующее их начало, Надежду. В дантовской динамике (вполне каноничной, впрочем) Надежда имеет своим основанием Веру:

credenza,
sopra la qual si fonda l'alta spene (Par. XXIV, 73–74)[7]

и «внизу, среди смертных» делает их «правильно любящими» или же «хорошо влюбляет»:

la spene che la giu bene innamora (Par. XXV, 44).

Вера, из которой не растет надежда, любовь, которая отчуждена от надежды, — это уже другие, вообще говоря, не совсем христианские образы или смыслы.

Вера, которая мне угоднее всего, — говорит Бог, — это надежда[8].

Во всей своей свежести эта совершенно особая, нежная и непобедимая — пасхальная — Надежда обращается к нам в изображениях раннехристианского искусства, в катакомбных Орантах, в надгробьях мучеников, в равенских мозаиках, в Капелле Зенона, в древнейших молитвах (таких, как *«Свете тихий»*). Так что с удивлением встречая этот взгляд, мы догадываемся, что в позднейшие времена мы (вместе с нашими церковными художниками) о чем-то забыли... О том, что родная среда христианства — не «осень Средневековья», а ранняя весна совсем юной надежды. О том, как это «твердое ожидание» обгоняло происходящее и смотрело не отрываясь туда, где обещанное уже исполняется, начинает исполняться. Где? не здесь — но здесь. Как ребенку говорят: «Летом мы непременно поедем на море!» — и, если он поверил (а дети обычно верят обещаниям), он слушает эти слова, и море будущего лета уже здесь, перед его взглядом. Он видит это еще невещественное море не только глазами веры, но и глазами надежды: он видит его, как во сне, несказанно *прекрасным* (а это дело надежды — делать прекрасным), он видит его в его *будущей славе*. Оно, обещанное и принятое на веру море, — та самая невидимая *«глубокая вещь»*, *la profonda cosa*. И он *уже* любит ее, как если бы знал въяве.

Данте — поэт надежды. Этого не может не знать любой, кто заглядывал хотя бы в его первую, юношескую книгу, в «Новую Жизнь», кто прочел там

---

[7] Приведем это важное место целиком:

Le profonde cose,
che mi largiscon qui la lor parvenza,
alli occhi di la gia son si ascose
che l'esser loro v'e in sola credenza,
sopra la qual si fonda l'alta spene;
e pero di sustanza prende intenza —

«Те глубокие вещи, / которые мне здесь щедро даровано видеть въяве,/ в дольнем мире настолько скрыты от глаз,/ что бытие их — единственно в вере,/ на которой держится высокая надежда/ и таким образом угадывает их сущность» (Par. XXIV, 70–75). Вот яркий пример того, что читатель, заинтересованный в «художественном», находит абстрактным, схоластическим и скучным у «верхнего» Данте!

[8] *Пеги Шарль.* Врата мистерии о второй добродетели // Указ. соч. С. 269.

первый параграф о *«книге памяти моей»*. Между тем Данте всемирной легенды — поэт гнева и муки, суровый нелюдим, мастер кошмарной образности, предвосхищающей сюрреализм и экспрессионизм, гордый и скорбный изгнанник. Одним словом, Данте для «широкого читателя» остается автором «Ада». Вопреки замыслу «Комедии», как изложил его сам автор: «Вывести человечество из его настоящего состояния несчастья и привести его к состоянию счастья» («Письмо Кан Гранде»), общеизвестный Данте ни с надеждой, ни тем более со счастьем никак не увязывается. Самая знаменитая, самая цитируемая строка Данте, вероятно: «Оставьте всякую надежду!»

Lasciate ogni speranza voi ch'entrate! (Inf. III, 9)[9].

Почему Первая Кантика, «Ад», века напролет на всех языках больше читается, больше нравится, больше обсуждается, больше влияет на других поэтов, объяснить нетрудно. Так же ясно, увы, почему две другие, «Чистилище» и «Рай», остаются, по существу, непрочитанными и представляются читателю более «бледными», «схоластическими» и «абстрактными». Обиднее другое: и сам этот «Ад», оторванный от своего центра и замысла, читается превратно. Как заметил Поль Клодель, дантовский «Ад» начинается в Раю. Характерно еще и то, что знаменитой адской надписи придается — многими мыслителями и художниками XX века — смысл некоего универсального морального императива. Вот что требуется от человека, от каждого человека, если только он хочет мужественно посмотреть в глаза правде: «Оставь всякую надежду!» Но об этом я скажу в дальнейшем.

Итак, отсеченность надежды — главная черта Дантова «Ада». Это и суть наказания заключенных в адскую темницу:

Nulla speranza li conforta mai (Inf. V, 44)[10],

и причина, по которой они там оказались (в случае Вергилия и других великих душ древности — единственная причина, единственная вина, за которую они расплачиваются:

che sol per pena ha la speranza cionca (Inf. IX, 18)[11] —

«обломанная надежда», которая не дотянулась до своего предмета). Жизнь без надежды, не по закону надежды, венчается заключением в окончательную безнадежность. Это даже не внешнее наказание, а простая и окончательная реализация того, что и так с ней было. И сразу же за порогом безнадежности, за стенами ее тюрьмы начинается мир «избранных» и «спасенных душ»: он начинается у Данте в Чистилище (о том, что «Чистилище» — не некая средняя зона, а область спасения, обычно забывают):

O eletti di Dio li cui soffriri
e giustizia e speranza fa men duri! (Purg. XIX, 76–77)[12].

---

[9] *Оставь надежду, всяк сюда входящий!* (пер. М. Лозинского).

[10] *Никакая надежда их уже никогда не утешит.*

[11] *Чья единственная вина — обломанная надежда.*

[12] *О избранники Божьи, чьи мучения / справедливость и надежда делают не такими тяжкими!*

Надежда (и следующее из нее горячее желание «страдать по справедливости») преображает муки его Чистилища, *физически* не уступающие адским. *«Вы, одаренные надеждой, избраны и блаженны»*. Такого рода надпись могла бы украшать вход в это Чистилище.

Однако и в Аду сам Данте, вопреки закону этого пространства, не должен оставлять надежды; в том случае, когда он — под действием страха — готов это сделать, о надежде напоминает ему Вергилий:

E tu ferma la spene, dolce figlio! (Purg. III, 66).

«А ты укрепи надежду, сынок!». Надежда — не только свет

che speranza mi dava e facea luce (Purg. IV, 30)[13]

и родниковая вода (как мы уже видели). Она корм, еда:

Ma qui m'attendi, e lo spirito lasso
conforta e ciba di speranza bona
ch'i'non ti lascero nel mondo basso (Inf. VIII, 105–108)[14].

«Накорми усталый дух доброй (можно сказать: надежной) надеждой!»

Она одежда или доспехи, которые нельзя снимать (*spogliar la spene*). Она, кроме того, некий полезный предмет, рабочая утварь; «мужичонка» (*lo villanello*), отчаявшись было при виде утреннего инея, «вновь сует надежду в свою котомку» (*«e la speranza ringavagna»*), когда видит, что снег сошел, — и с этим снаряжением отправляется к своим овцам (очаровательная буколика, картинка немудрящей земной жизни, которая у входа в сюрреалистический кошмар XXIV Песни «Ада» вспоминается как утраченный рай: и это не единственный случай остроумной дантовской «реабилитации» земной жизни при помощи взгляда на нее из адского рва!)[15].

У дантовской Надежды обычно две черты: они «живая» (*viva speranza*) — и она «высокая»(*alta spene*). В согласии с природой дантовского эпитета это значит: она есть «надежда жизни» и «надежда высоты»:

ch'io perdei la speranza del'altezza (Inf. I, 54)[16].

Жизнь (истинная жизнь, «новая жизнь») и восхождение у Данте — одно и то же. Он продолжает библейский образ жизни — пути, но у него это не только путь «вперед», но непременно и «вверх». Другой род пребывания на земле *жизнью* он не назовет. Новая жизнь — это усилие восхождения, штурм высоты, возможный только в надежде. Корни своей надежды, как Данте

---

[13] *Кто дал мне свет надежды.*

[14] *Но теперь послушай меня, и усталый дух / укрепи и накорми доброй надеждой; / ибо я не покину тебя в нижнем мире.*

[15] Так изгнанник должен видеть глазами памяти свою родину: там, куда ему вход навеки заказан, любая мелочь прекрасна просто потому, что она *есть*. Сравнение еще точнее: так видит все нетюремное заключенный — ср. у А. И. Солженицына: «И ничего в жизни не видел я более близкого к божьему раю, чем этот бутырский садик, переход по асфальтовым дорожкам которого никогда не занимал больше тридцати секунд» (Архипелаг ГУЛаг. Т. 1. Ч. VI).

[16] *Ибо я утратил надежду высоты.*

отвечает на небесном экзамене, он находит в глубокой библейской древности, в постоянных увещеваниях Псалмов: *«Да уповает Израиль на Господа», «Да уповают на Господа все народы», «Да уповает душа моя»*. Но событие обретения надежды в его личной судьбе точно датировано: девять лет, первая встреча с восьмилетней Беатриче.

Собственное падение и близость к вечной гибели, с которой начинается «Комедия», Данте понимает как утрату «надежды высоты» (Inf. I, 54). В этом, как в злейшей измене, в бегстве с поля битвы, на вершине горы Чистилища, почти издеваясь, обличает его Беатриче:

Quai fossi attraversati o quai catene
Trovasti, per che del passare innanzi
Dovessi cosi spogliar la spene?

«Какие же охранные рвы и какие запоры /Ты встретил, если тебе пришлось отбросить (как платье или доспехи) / Надежду идти вперед?» (Purg. XXXI, 25–27).

Вопрос предполагает: не лги, таких препятствий не может быть; надежда, которой я тебя вооружила, непобедима. Ее не должна была победить и моя смерть. Ты должен был взять этот вражеский замок. Разговор идет в военных терминах. Надежда у Данте неотделима от мысли о жизни как духовной битве и о земной Церкви как Церкви воинствующей (Chiesa militante). Беспощадные укоры Беатриче, как говорит Данте, окончательно растопляют лед его ума, сама кровь его до последнего грамма приходит в трепет: приближается «древнее пламя» *(antica fiamma)* надежды и любви. Теперь Данте готов к пламенному миру небес.

И навсегда расставаясь с Беатриче в сфере Таинственной Розы, первое, за что он благодарит ее на прощанье, — это дар надежды:

O donna in che la mia speranza vige! (Par. XXXI, 79)[17].

Сюжет Надежды завершается в тех стихах, с которых я начала, — в прославлении «полуденного факела любви» и «живого источника надежды» — Богородицы: в Ней

s'aduna
quantunque in creatura e di bontate[18] *(Par. XXXIII, 20–21).*

Вот вкратце мы повторили сюжет дантовской надежды. Остается добавить: речь идет не о надежде психологической, не о надежде на какие-то конкретные земные вещи (такую надежду он назовет «пустой», *vana speranza),* а о надежде онтологической, происходящей из Мудрости. Дантовская надежда обитает не в чувстве, а в духе, уме, *mente,* и представляет собой некое новое знание — или новое расположение разума и познания, *intelligenza nuova*, обладающее антигравитационной силой, как об этом говорится в заключительном сонете «Новой Жизни»:

intelligenza nuova, che l'Amore
piangendo mette in lui, pur su lo tira

[17] *О госпожа, которой живится моя надежда!*

[18] *Кто в Себе соединила/ все благое, что только есть в творении.*

«новое разумение, которое Любовь, / рыдая, вложила в него (в мой дух) только вверх его устремляет»[19].

Мы видим, что минувший век в его представлениях о надежде и мудрости прямо противоположен Данте. Мыслители, писатели, публицисты, художники, порой и богословы наших дней говорят о «трезвости отчаяния», о необходимости «оставить всякую надежду», чтобы приобщиться к прямому переживанию реальности — переживанию «травматическому» — и, соответственно, к истинной, «взрослой» мудрости.

Идея героической безнадежности (постепенно перешедшая в бытовую и обыденную) возникла не на пустом месте. Катастрофы XX века во многом определили эту позицию. О терапевтическом действии отказа от надежды мы узнаем из записок узников лагерей, наших и нацистских... Страшные режимы легче справляются с теми, кто позволяет себе на что-то надеяться. Такими людьми можно играть[20]. Это переданный нам огромный опыт века, в котором гуманистическая надежда (или гуманистическая мечта, что далеко не одно и то же) переживала неслыханное крушение.

Но, боюсь, мы преувеличиваем новизну этого опыта — он был прекрасно знаком Данте! Своему учителю Брунетто Латини, предсказывающему ему и славу, и великие страдания, он отвечает:

pur che mia coscienza non mi garra,
che alla Fortuna, come vuol, son presto.
Non e nuova alli orecchi miei tal arra:
pero giri Fortuna la sua rotta,
come le piace, e 'l villan sua marra (Inf. XV, 92–96).

«Лишь бы моя совесть меня не обвиняла, а что до судьбы, я готов к любой. Не нов ушам моим такой оракул: так пускай судьба (Фортуна) вертит своим колесом, как ей соизволится, а мужик — своей мотыгой».

Не на благополучный исход, не на счастливую перемену судьбы, не на исполнение желаний или всеобщее счастье на земле, не на ангельскую

---

[19] Приведу этот сонет целиком в моем переводе:

Над широчайшей сферою творенья,
выйдя из сердца, вздох проходит мой:
это Любовь, рыдая, разум иной
в него вложила в новом устремленье.

Воздух-паломник! вот где тяготенье
разрешено: и перед Госпожой
в славе стяжанной, в милости живой,
в свете безмерном он теряет зренье.

И возвратившись, речью покровенной
слабо и смутно ведет повествованье,
скорбной душой неволимый моей.

Но по тому, как часто о Блаженной
он поминал, я разгадал посланье:
донны мои! так я узнал о Ней.

[20] Ср. «Из хотящего жить можно вить веревки» (Архипелаг ГУЛаг. Т. 1).

природу человека надеется Данте. Он пишет *после* того, как его Беатриче умерла. «Надеждой сверх надежды» назовет наш современник дантовскую позицию — но это лишнее усиление. Дантовская надежда — т. е. надежда евангельская, та, о которой говорит ап. Павел, Надежда, дочь Мудрости — и есть превосхождение всей данности с ее «неверными надеждами».

Так или иначе, мы пришли к тому положению, когда надежда — в почти общем понимании, в общепринятой «мудрости» — ослепляет. (Вспомним: у Данте слеп именно тот, кто не знает надежды.) Она, как нам теперь говорят, противоположна мужеству и ответственности. Она есть самообман и малодушие. (Вспомним: у Данте хранить надежду мужественно, а предавать ее низко[21].) Она противоположна внутренней свободе. «Новому разумению» Данте наша культура явно предпочитается мудрость стоиков и скептиков, которая осознается не как старая, а как вечная и единственно правдивая. Эта мудрость не «направляет в высоту», а позволяет «выключиться из реальности», встать в стороне и бесстрастно смотреть на все, от чего ты таким образом «освобождаешься». Не пламя и влага, а холод и сухость — символы этой мудрости, не щедрость, а расчетливость, не самоотдача, а самосохранение.

Возможен ли диалог между двумя этими родами мудрости? Вряд ли: одна для другой представляется безумием, как об этом и было написано. Разница между ними, быть может, в том, что мудрость надежды знает о собственном безумии и не отрекается от него[22]. Она безумна в той же мере, в какой безумна — в определенной перспективе — сама жизнь. На это безумие мы и надеемся и благодарим тех, кто нас в нем укрепляет.

И теперь, в заключение, поскольку все же я не исследователь, а просто читатель Данте и в стихах выражаюсь точнее, чем в прозе, я прочту одно мое стихотворение: сначала по-русски, потом по-итальянски, в переводе Джованны Парравичини. Надеюсь, я не оскорблю этим памяти Данте.

---

[21] О том, что Надежда — самая трудная добродетель, напоминает Ш. Пеги:

Вера приходит сама... Любовь... приходит сама.
Но надежда не приходит сама. Надежда не ходит совсем одна. Чтобы надеяться, дитя мое, надо быть очень счастливой, надо получить, принять великую благодать.
Это вера легка, а не верить невозможно. Это любовь легка, а не любить невозможно. Но надеяться трудно.

(Указ. соч. С. 274).

[22] Вновь Ш.Пеги:

Она считает,
Что у нас вся жизнь впереди.
Как она ошибается. Как она права.
Ведь разве у нас впереди не вся жизнь.
Единственная имеющая значение. Вся жизнь Вечная.

(Указ. соч. С. 315).

Ангел Реймса

Франсуа Федье

Ты готов? —
улыбается этот ангел. —
Я спрашиваю, хотя знаю,
что ты несомненно готов:
ведь я говорю не кому-нибудь,
а тебе,
человеку, чье сердце не переживет измены
земному твоему Королю,
которого здесь всенародно венчали,
и другому Владыке,
Царю Небес, нашему Агнцу,
умирающему в надежде,
что ты меня снова услышишь.
Снова и снова,
как каждый вечер
имя мое вызванивают колоколами
здесь, в земле превосходной пшеницы
и светлого винограда,
и колос и гроздь
вбирают мой звук.

Но все-таки,
в этом розовом искрошенном камне,
поднимая руку,
отбитую на мировой войне,
все-таки позволь мне напомнить:
ты готов?
к мору, гладу, трусу, пожару,
нашествию иноплеменных, движимому на ны гневу?
Все это, несомненно, важно, но я не об этом.
Нет, я не об этом обязан напомнить.
Не для этого меня посылали.
Я говорю:
ты
готов
к невероятному счастью?

L'Angelo di Reims

A Francois Fedier

Sei pronto? —
l'angelo sorride —
lo chiedo, anche se sa
che certo tu sei pronto:
non parlo a chissa chi,
ma a te,
uomo il cui cuore non sa cosa sia il tradimento
verso il tuo Sovrano terreno,
che qui coram populo fu incoronato,
e verso un altro Signore,
il Re dei cieli, il nostro Agnello,
che muore nella speranza
che tu di nuovo mi oda:
e ogni giorno di nuovo,
e ogni sera
il mio nome rintocca nello scampanio
qui, in terra di superbo frumento
e uva luminosa,
e la spiga e il grappolo
assorbano il mio suono —

ma tuttavia
in questa rosea pietra sgretolata,
levando il braccio
scheggiato dalla Guerra mondiale,
consenti mi tuttavia ricordarti:
sei pronto?
Alla peste, alla fame, al terremoto, al fuoco,
All'incursione dei nemici, all'ira che si abate su di noi?
Certo, e tutto importante, ma non e di questo che voglio parlarti.
Non e questo che ho il dovere di rammentarti.
Non per questo sono stato inviato.
Io ti dico:
tu
sei pronto
a una felicita incredibile?

Trad. Giovanna Parravicini

ФИЛОСОФСКАЯ, СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

в русской периодике третьего квартала 2007 г.

ПАРАЛЛЕЛИ МЕЖДУ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИЕЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ УЧЕНИЯМИ XX ВЕКА проводили не раз. Присоединяется к этим попыткам и **Станислав Яржембовский**, находя связь между принципами психотерапии Карла-Густава Юнга и представлениями раннехристианских отцов и учителей Церкви, строивших свое вероучение на философском базисе неоплатонизма (**«Меандры реки времени. Юнг и неоплатоники»** — «Звезда, № 8). Есть сближения, есть различия. Сам термин «архетип», являющийся центральным в теории Юнга, позаимствован им, напоминает Яржембовский, у неоплатоников, для которых это был «первообраз» человека по его духовной сущности. Понятие архетипа аналогично платоновой «идее», это ангельский аспект человека, «образ и подобие Божие». Архетип — духовный центр, обеспечивающий внутреннюю связь личностного микрокосма, без него центробежные силы разорвали бы человека на части. Через свой архетип мы получаем знание о своем инобытии, о нашем небесном отечестве, о вечности и бессмертии души. Как замечает автор, формально совпадает у Юнга и у Отцов Церкви также и представление о том, что Юнг называет «индивидуацией». С точки зрения христианских неоплатоников, грехопадение привело к дезинтеграции первоначально единого «трехмерного» духовно-душевно-телесного человека. Падший человек стремится своими силами воссоздать имманентное ему единство. К этому, собственно говоря, призывает человека и Юнг. Однако, со святоотеческой точки зрения, самочинное, безбожное человеческое творчество в корне неверно, в результате такой «индивидуации» возникает пародия на настоящего человека.

Функция и цель самопознания человека — единение с божеством — в юнговской и святоотеческой концепциях могут показаться очень близкими, если вообще не идентичными. Однако Яржембовский замечает здесь различие, которое удобнее всего проиллюстрировать «волновой» метафорой. Юнг под влиянием восточных учений исходит из того, что человек — это индивидуальное Я («дживатман»), возвышающийся, как гребень волны, над уровнем океана божественного мира, Атмана. Своей поверхностной оболочкой, окутанной атмосферой Майи, индивидуумы изолированы друг от друга, однако в глубине бессознательного — как часть океана Атмана — все они составляют единое целое. Во сне или в медитации мы погружаемся в личное бессознательное, все ближе подходя к нашему глубинному ядру, к коллективному бессознательному... Такое, замечает Яржембовский, возможно лишь в рамках пантеистического мировоззрения: всё во всем — Бог во всем — я во всем. Для понимания святоотеческой (в значительной степени — неоплатонической) концепции взаимоотношений Бога и человека Яржембовский предлагает видоизменить «волновую» метафору: человек

подобен меандру, изолированному от основного потока вихрю, движущемуся вдоль стрежня потока. Вихрь-мицелла будет моделировать человека, «отпавшего» от своей божественной основы, но сохраняющего в самой своей сердцевине память о ней — частицу божественного огня.

Библейского Бога Юнг ставит не слишком высоко, для него этот Бог не «творец неба и земли», а всего лишь архетип нашего Я — некий психологический комплекс. Юнг обращается с библейским Богом как с неврастеником, у которого вымученная сознательная установка на всеобщую любовь уравновешивается иррациональными вспышками искренней ненависти к человечеству. Такой «Бог» — не цель нашего духовного пути, а глубоко сидящая душевная болячка, которую надлежит выжечь огнем психоанализа.

О **ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ ПИТИРИМА СОРОКИНА** размышляет **Юрий Каграманов («И крутится ветер на пути своем. О наследии Питирима Сорокина»** — «Новый мир», № 9). Он напоминает, что динамика социальной и культурной жизни состоит, по Сорокину, в последовательной смене и, отчасти, сосуществовании различных типов культуры, из которых существует три основных: идеациональный, чувственный и идеалистический. Идеациональный тип основан на том, что существует высшая, трансцендентная реальность, которая «растворяет» в себе чувственный мир; акцент делается на самоуглублении и внутреннем опыте, выводящем к высшим ценностям. Прямо противоположен чувственный тип, для которого существует только мир сей и внешние обстоятельства являются определяющими; для него характерно обостренное переживание радости и горя, связанное с удовлетворением и неудовлетворением чувственных потребностей. Наконец, идеалистический тип — смешанный. Еще одно центральное понятие философии истории Сорокина — флуктуация: история не есть ни линейно-прогрессивный, ни циклический процесс, но более сложное явление, описываемое все той же метафорой волн: *постоянно волнующийся поток, в котором малые волны сменяются большими и наоборот, какие-то слои «отстают», другие, в противоположность им, «забегают вперед», а иногда волнение уходит вглубь, и тогда на поверхности наблюдаются только легкие колыхания, зыбь и рябь.* Флуктуация — это ненаправленный процесс, в котором невозможно уловить сколько-нибудь устойчивую тенденцию. Существует лишь определенный ритм перемен: за периодом, когда господствует идеациональный тип, следует период господства идеалистического типа, а затем и чувственного. Но и этот ритм может меняться. Основные претензии, которые можно и должно предъявить Сорокину, для Каграманова связаны с отношением к христианству. Сорокин не понимает уникальности христианства, уравнивания его в рамках идеационального типа культуры с другими верованиями. Подозрительным кажется Каграманову и то, что сорокинские «макросоциологические» системы напоминают системы природные: может ли не быть принципиального отличия человеческих систем от природных? Идеям Сорокина, как считает Каграманов, присущ привкус фатализма, не совместимого с христианством, стремящим человека *«к новым горизонтам, к неведомым землям»*. Что это, кстати, за земли? Что нас ждет впереди? Как считает Сорокин, наивно думать, что нынешняя чувственная

эпоха, берущая начало во второй половине XVII века, способна просуществовать еще сколько-нибудь длительное время. Каждая культура-система, однажды достигнув «точки насыщения», неизменно трансформируется в худшую сторону. Нынешняя же чувственная эпоха, по Сорокину, демонстрирует явные признаки перезрелости — это нравственная дезориентация, утрата представлений о «высоком» и «низком», безоглядное стремление к наслаждению, опасный «перегрев» экономики, деградация самых разных сфер жизни. Повторяется, с некоторыми поправками, картина разгула чувственности, какую мы видим в поздней античности и на исходе Средневековья. Сорокин полагает, что спуск в «чувственную клоаку» продлится еще полстолетия-столетие (Каграманов напоминает, что со времени этого прогноза полстолетия уже миновало), а затем наступит новое восхождение к идеациональной эпохе. Иначе говоря — к новой форме теократии, когда во главу угла будут поставлены абсолютные требования или запреты, исходящие от трансцендентной силы. Эту перемену произведут лучшие умы европейского мира, к коему, как считает автор, Сорокин относит и Россию. Они превратятся в новых апостолов Павлов, святых Августинов, великих религиозных и нравственных лидеров. Здесь автор склонен считать, что Сорокин, далеко отошедший от религии, хотя и не совсем порвавший с ней, сам испугался вывода (по сути — религиозного), к которому пришел: симпатии и антипатии Сорокина позволяют Каграманову заключить, что более всего ему по сердцу не идеациональный, а идеалистический тип культуры. Тем не менее Сорокин, честно следуя собственному научному видению, аргументирует возможность (если не неизбежность) наступления именно идеациональной эпохи. Переход к ней видится Сорокиным в жестких формах — он использует метафоры «полицейского истории» и «смирительной рубашки идеациональной культуры». Но в целом, считает Каграманов, сорокинский взгляд в будущее оптимистичен по сравнению со взглядом Тойнби и уж тем более — Шпенглера. Что для Каграманова в сорокинских оценках несомненно, так это «исчерпанность чувственной эпохи».

О горизонтах, устремлениях и движущих силах **ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ** спорят **Александр Мелихов** с **Дмитрием Травиным** («Звезда», рубрика «Диалоги об идеологии»). Начинается все с анализа Мелиховым феномена публицистического творчества Травина (**«Дмитрий Травин как зеркало российской модернизации. Рецепты пессимиста»** — № 7). Там же публикуется отклик Травина (**«Оптимистический пессимизм. Письмо А. Мелихову о немодной нынче свободе»**), а в № 9 — ответное письмо Мелихова (**«Требуется небосвод»**). Эти три публикации составляют вместе единый и связный диалог, а потому представляется оптимальным рассматривать их здесь «в одной связке», делая акцент не на содержание каждого отдельного текста, а на общие позиции, высказываемые авторами. Спор этот являет собой дискуссию об основаниях и границах человеческой свободы и, исходя из этого, — об основаниях, характере и границах либерализма, которому оба автора по-своему выказывают приверженность, но, как выясняется в ходе чтения, понимают его различным образом. Травин, как и Егор Гайдар (книгу которого, изданную в 2005 году, Мелихов, кстати, анализирует в той же «Звезде», № 7), — убежденный сторонник либеральной модернизации, ис-

ходящий из классического тезиса о саморегуляции как общем принципе устроения бытия, а значит, действующей не только в экономике, но и, скажем, в культуре. Мелихов настроен куда пессимистичнее и видит мир как *«естественную победу репейника над розой, бандита над ремесленником, шарлатана над ученым и пр.»*. Для него ниоткуда не следует, что саморегулирующиеся процессы непременно развиваются в желательном для нас направлении, и ниоткуда не видно, что в области той же культуры саморегулирование ведет к победе Пушкина, а не Киркорова. Да и природа, напоминает он, в целом работает против нас: мы стареем, здания разрушаются, энтропия возрастает, и отсрочка нашей гибели обусловлена лишь неустанной борьбой против естественного хода вещей. А значит, и модернизация, и культурный рост в этом мире могут быть результатом не столько имманентного развития, сколько внешнего давления, что вполне логично влечет за собой ключевую роль «аристократов духа» (или *«либеральных аристократов»*), не боящихся, когда этого требует *развитие общественного целого в желательном направлении*, даже и навязывать свое мнение. Выясняется, однако, что саморегуляция у Травина есть следствие целесообразного устройства мира Богом, что вовсе не однозначно связано с нашими представлениями о желательности. А значит, считает Травин, и не наше дело самоуверенно пытаться познать и переделать мир согласно заранее составленному плану: такие начинания с большой степенью вероятности закончатся катастрофой, поскольку в принципе невозможно предугадать ловушки, встречающиеся на столь сложном пути. А вот Мелихова, хотя и убежденного в том, что человеку необходимо очарование и воодушевление высшим (*требуется небосвод*), Бог в качестве этого высшего не устраивает, ибо *не чарует. Не убивает скепсис. Не развивает ни одного из моих базовых образов И, подозреваю, таких, как я, в сегодняшнем цивилизованном мире большинство.* Диспозиция нестандартная. Намного чаще бывает наоборот: в идее самоорганизации мироздания видят научную альтернативу теистическому мировоззрению. Здесь же, напротив, приверженец самоорганизации апеллирует к вере в Бога, а защитник противоположной идеи — этой верой не вдохновляется. Правда, Травин четко разделяет личную веру и религию как коллективную попытку защититься от мрачных сторон жизни, а атеизм Мелихова также весьма оригинален и не является в чистом виде материализмом: сам вопрос «Что важнее — идеальное или материальное?» он относит к разряду детских вопросов типа «Что важнее — есть или дышать?». Иными словами, важны и материальные, и экзистенциальные потребности, а среди последних исключительно важен тот самый «небосвод», идеалистическая греза. Именно устремленность к грезе, а не «несуществующая рациональность», как и не «утопический культ свободного индивида», есть источник вдохновения человечества. Мелихов не согласен с тезисом Травина о том, что эпоха коллективно наследуемых «грез» ныне сменилась временем их индивидуализации: он убежден, что *универсальный образ мира необходим даже самому индивидуализированному обществу*. Однако религиозная греза видится им уже ушедшей в отработанный слой — теперь массы начали обретать иллюзию могущества и красоты уже не в религиозных, а в национальных сказках. Но, в конечном итоге, важен не столько характер грезы,

сколько то, что грезой вполне можно оперировать в «желательном направлении» — например, интерпретируя ее в пользу либерализма: либералы, иными словами, вполне могут изобразить себя не разрушителями, но продолжателями какого-то вечного национального стремления. Так, если *национал-коммунисты основывают свои подтасовки на том, что русскому человеку якобы всегда был свойственен коллективизм и традиционализм, то можно собрать не менее впечатляющую аргументацию в пользу того, что русскому человеку всегда было свойственно стремление к обновлению и личной инициативе.* Вот, собственно, где пригождается идея регулирования, противостоящая идее самоорганизации. Логично предположить, что эту задачу манипулирования грезами в общественно полезных целях Мелихов и отводит аристократам духа... Тема спора — фундаментальная, сквозная и не решенная тема человечества, идущая еще с античности, проходящую через эпоху Просвещения, легенду о Великом инквизиторе и т. д. до наших дней: кому доверить мир — полной свободе каждого индивида или просвещенному патернализму «аристократов духа». Полушутя, пожалуй, можно представить суть вопроса так: какое из двух зол меньше — свобода для каждого грешника или только для избранных грешников.

Алексей Левинсон, продолжая свой цикл «социологической лирики», делится воспоминаниями и размышлениями о **СУДЬБЕ СОЦИОЛОГИИ** в СССР периода между «оттепелью» и «перестройкой» — с 1968-го по 1985 год (этот период он для удобства предлагает называть 1970-ми), а также и во время самой «перестройки» **(«1970-е, социализм и социология. Заметки очевидца»** — «Неприкосновенный запас», № 2(52)). 1970-е видятся автору как время остановившееся, точнее, остановленное 1968 годом в Европе Восточной и, напротив, раскрученное этим же годом в Европе Западной. Эти годы неразрывно связаны для него с социологическим гением Юрия Левады — именно он в конце 1967 года после краткой поездки в Прагу предсказал скорое развитие социальных процессов в Чехословакии. Левада, собственно, понял, что там проявились те же тенденции, что проявлялись почти во всех европейских «народных демократиях» с самого начала 1950-х годов: *Каждый раз дело там начиналось после того, как в нашей стране происходило нечто, могущее породить надежды на движение к свободе. Повод возникал в нашей стране, а порывы к свободе — в восточно-европейском соцлагере, возникшем после Второй мировой войны Каковы бы ни были интерпретации, все видели, что попытки неизменно подавлялись с большей или меньшей жестокостью. В наиболее серьезных случаях привлекалась армия. Чаще всего — советская. И использовались прежде всего танки. Их видели в 1953 году в Берлине, в 1956 году в Будапеште.* Для поколения А. Левинсона поводом ужаснуться и задуматься стало подавление Пражской весны. Время, для Советского Союза в целом ставшее эпохой последовательного возвращения страны к привычной политической зиме. Инерция «оттепели», однако, существовала. Одним из ее проявлений, вспоминает Левинсон, было создание академического института для занятий социологией (ИКСИ АН СССР), где работали левадовские семинары. Левада в начале 1970-х к тому же читал лекции по социологии на журфаке МГУ. *В переполненной аудитории он говорил с той мерой свободы, которую установила «оттепель», игнорируя пе-*

ременившиеся обстоятельства, — вспоминает автор статьи. — *И тем самым позволял сохраниться вышеназванной надежде на «человеческое лицо» социализма, на свободу, поскольку не скрывал, что, попранные в Праге, эти идеалы продолжают жить в Москве.* Что не спасло ни самого Левада от гонений (в начале 1970-х убрали с журфака, лишив профессорского звания), ни социологию от удара — чистки ИКСИ, после которой ни настоящей академической науки, ни настоящего социологического образования, сравнимого с уровнем хотя бы в той же Восточной Европе, у нас, по мнению автора, так и нет до сих пор. *Если что и произошло значительное в нашей социологии за долгие 1970-е,*— считает Левинсон,— *то это выход трех серьезных и до сих пор не оцененных по достоинству статей находившегося в опале Левады. В них излагается его собственная теория социального действия.*

Здесь А. Левинсон делится размышлениями о связи социологии с общественными умонастроениями и процессами в мировом и российском масштабе. Конец 60-х был отмечен потрясшими западный мир (а особенно Париж) студенческими волнениями. Бунтари, как известно, тоже были своего рода поклонниками социалистических иллюзий. И, хотя «систему капитализма» они не отменили, их протест отнюдь не был безрезультатным: *Во Франции и во всей Западной Европе и далее в Америке одним из результатов этих студенческих волнений стал расцвет социологии. Она родилась из новых представлений о месте исследователя в обществе, она по-новому поставила вопросы неравенства и вопросы свободы, вопросы о власти и об эксплуатации. Она выросла на базе новой философии, которая не чужда идеям Маркса, но учла и опыт ГУЛАГа, и судьбу Пражской весны.* В СССР, вспоминает Левинсон, *мало кто верил в возможность коммунизма. Но в такой социализм, в справедливое и нерепрессивное общество, где свободное развитие каждого является условием свободного развития всех, хотелось верить очень многим. Иллюзия, утопия, скажем мы сейчас. Но ведь эти Марксовы слова — перепев кантовского императива. А лучшей этической максимы европейская культура не придумала.* Потому ортодоксальные марксисты тех лет, считает автор, — *либералы и космополиты, а отнюдь не фундаменталисты.* Не случайно *именно они первыми поддержали Горбачева, когда тот подал знак, что он — тот самый либерал в партруководстве, который пойдет путем, намеченным весной 1968 года.* Иными словами, *Михаилу Горбачеву предстояло впервые в мировой истории осуществить мечту о либеральном социализме.* По инициативе Горбачева Татьяна Заславская и Борис Грушин основали в 1987 году Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Вскоре туда пришел и Левада — и в значительной степени восстановил коллектив, с которым работал двадцатью пятью годами ранее, до разгона в начале 1970-х. Так, собственно, и кончились для социологии долгие 1970-е и началась иная эпоха. И — совсем новые, доселе неведомые процессы. *За реакциями общества на действия М. Горбачева*, — вспоминает об этих новых реалиях А. Левинсон, — *мы следили уже с помощью опросов общественного мнения. Они позволили запротоколировать процесс: как была, по сути дела, достигнута столь долго чаемая цель* (под ней автор и имеет в виду ту самую мечту — гуманный социализм, «социализм с человеческим лицом», без единомыслия и репрессий, что, соб-

ственно, мы уже и имели к середине 1989 года) *и сколь многие оказались этим не удовлетворены.*

Опросы стали показывать, что либеральная составляющая становится сильнее социалистической, конструкция из социализма с элементами свободы и рынка, если ее развитие не задерживается политической верхушкой, как в КНР, начинает быстро двигаться к свободному рынку, как таковому. Горбачев и его окружение остались верны давней мечте, а значительная часть советского общества без видимого сожаления простилась с ней. Противники Горбачева из консервативных коммунистов хотели возвращения к «реальному» социализму. Бывшие союзники Горбачева из числа реформистов-коммунистов дома и в Восточной Европе рвались уже далее, к ревизии самих устоев социализма. *Лидер оставался в трагической изоляции.* «Социализм с человеческим лицом» просто перестал быть нужным, и *на просторах бывшего социалистического лагеря развернулась гонка, кто быстрее с ним расстанется.* Заканчивает Левинсон свои воспоминания выражением надежды на то, что когда-нибудь будут поставлены памятники *гуманному социализму как великой цели, обернувшейся иллюзией*, и Горбачеву, *который, устремляясь к этой цели, открыл для сотен миллионов дорогу к иной свободе...* Статья Левинсона напоминает нам о серьезных либеральных ожиданиях в советском обществе времен конца перестройки и заставляет задуматься о том, каким образом и почему этот «капитал» либеральных преобразований оказался растраченным столь бездарно, что мы оказались в сегодняшней ситуации «неозастоя».

Есть ли у бизнеса христианская подоплека? Может ли российский олигарх быть православным? Эти и другие вопросы из области **СООТНОШЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА (И ПРАВОСЛАВИЯ В ЧАСТНОСТИ) С ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВОМ** стали темой номера № 27(170) «Политического журнала». **Андрей Нерлин («Сквозь игольные уши»)** констатирует тот факт, что все эти простые, на первый взгляд, вопросы сегодня оказались сложными, и исток этой сложности — в самом Евангелии. С одной стороны, оно призывает к добровольному отказу от собственного имущества ради Царства Небесного («удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие»), с другой — и богатый может спастись, ибо «невозможное человеку возможно Богу», и ученики Христовы Никодим и Иосиф Аримафейский предстают в Евангелии состоятельными людьми. Обе позиции, считает Нерлин, пытаются примирить нынешние «Основы социальной концепции Русской православной церкви», и это, по мнению автора, им удается: *В современной позиции Православной церкви по отношению к собственности нет ни игнорирования материальных потребностей, ни противоположной крайности, превозносящей устремление людей к достижению материальных благ как высшей цели и ценности бытия. В отличие от протестантских концепций, с точки зрения православного христианина имущественное положение человека само по себе не может рассматриваться как свидетельство того, угоден или неугоден он Богу. Церковь призывает христианина воспринимать собственность как дар Божий, данный для использования во благо себе и ближним.* Таким образом, праву собственности, с точки зрения Православной церкви, не подходит преди-

кат «священное», оно — всего лишь «неприкосновенное», если речь идет о чужой собственности, и повод для дарения и жертвы ради радости и полноты жизни, если речь идет о своей.

Другие авторы видят проблему менее безоблачно, считая, что и на бумаге в «Основах социальной концепции» не все так гладко и надо помнить про «овраги» исторических противоречий. Ряд этих противоречий пытается выявить **Олег Кильдюшов**, опираясь на тезис Макса Вебера о религиозном факторе как одной из детерминант хозяйственной этики (**«Спасение вместо капитала. Протестантская этика и православная мораль»** — «Политический журнал», № 27(170)). В работах Вебера, посвященных русской революции 1905 года, немецкий классик социологии религии отмечает характерное для русских неприятие «этики успеха» и «святое самоотрицание», обусловленное укорененностью в России православия. Оборотной стороной стремления к совершенству, чуткости к недостаткам действительности, поиска абсолютных добра и правды, чаяния Царства Божьего являются в русском религиозном сознании отсутствие инициативы, апатия к начатому делу, небрежность, неточность, мечтательность, исполнение работы кое-как и желание поскорее ее сбросить и т.п. Идея распределения благ по справедливости приводила на практике не к братской любви, а к зависти, а боязнь ценить свой труд (дабы не впасть в страсть жадности или гордыню) мешала труду превратиться в аскезу в мирской жизни. В результате, считает автор, хозяйственный успех, техническая оснащенность труда, его достойные условия и другие аспекты оставались вне поля зрения, никак не освещались светом христианства. Все это коренным образом отличает православную трудовую этику от протестантской. Нынешние представления Православной церкви о труде, считает автор, также мало подходят в качестве основы трудовой этики современных русских людей XXI века, способных конкурировать с лидерами глобальных рынков. В «Основах социальной концепции РПЦ» он прежде всего видит подчеркивание той мысли, что *с христианской точки зрения труд сам по себе не является безусловной ценностью*, а *обольщение достижениями цивилизации удаляет людей от Творца, ведет к мнимому торжеству рассудка, стремящегося обустроить земную жизнь без Бога*. Именно такое своеобразное, а точнее — пренебрежительное отношение ко всему мирскому обусловило в свое время и фактически данную Русской церковью санкцию на крепостное право, и церковную легитимацию тиранической власти. Ожидание скорого воплощения «симфонии», замечает Кильдюшов, длится до сегодняшнего дня, закрывая для людей традиции интеллектуальную перспективу продуктивного обсуждения и решения реальных проблем реального, а не идеального государства, общества и человека. Удивительным образом это всякий раз оказывается выгодно авторитарной русской власти. По сути, добавим мы, — обусловливает торжество мирского (на словах отрицаемого). Сегодня, констатирует автор, РПЦ вновь прилагает значительные усилия по превращению Православия в государственную религию, так и не выучив урока из собственной истории и, кажется, «нестяжатели» в РПЦ вновь потерпели сокрушительное поражение. В то же время в нынешней России складывается странная и парадоксальная ситуация с трудовыми мотивациями: за прошедшие годы

у нас не возникло никакого нового социального субъекта, никакой устойчивой модели развития: ни по западному, ни по какому-то иному русскому пути. Скорее стихийно, без всяких сознательных усилий произошла регенерация многих элементов советской модели управления и образа жизни большинства населения. Многим стало отчетливо и окончательно ясно, что в России не происходит никакого развития по западному, европейскому пути. В то же время здесь явно и не Восток, несмотря на все интеллектуальные потуги наших евразийцев. Налицо лишь крайняя атомизация и полная морально-правовая аномия нового русского общества, где законы по-прежнему не действуют. Сложилась и расширенно воспроизводится система взаимного недоверия на всех уровнях, когда все — от президента и до последнего бомжа — уверены в том, что «все равно кинут». Стоит ли говорить о том, что нормальная трудовая этика современных русских становится в таком случае бесперспективной? *Русское городское общество как «общество тотального взаимного недоверия» оказалось неспособно к самозащите и самоорганизации, и само его выживание в 1990-е годы выглядит неким чудом. Теперь же, по старой русской традиции, навести порядок грозится приватизированное коррумпированной бюрократией Русское государство. И Русская православная церковь готова помочь ему в этом*, — заключает автор.

Комплекс проблем, связанных с отношением современной Русской православной церкви к экономическим проблемам, анализирует в том же 27-м номере «Политического журнала» и **Сергей Земляной** (**«Будет стоять над царями... Российский капитализм и православная этика»**). Наступает момент истины во взаимоотношениях Церкви и общества, как со стороны первой (те же «Основы социальной концепции» и другие церковные документы), так и со стороны общества, что отражается в научных публикациях и высказываниях деятелей элиты. Это (и проведенный автором анализ публикаций на тему это подтверждает) способно привести к осознанию противоречия «традиция — инновация», характерного для российской истории и современности. Земляной всерьез относится к тому тезису, что для России характерна жизнь в режиме «догоняющего развития» и «запаздывающей модернизации», при которых реформы не вызревали в результате естественного развития институтов, а насаждались сверху и потому долго оставались «насилием над массами». Такие модернизации воспитали в народе страх перед реформами и недоверие к власти, упование единственно на традицию, в том числе религиозную. Не исключение и ситуация 90-х годов, когда российские верхи, как считает автор, *на традиционализм большинства населения отвечали своим радикальным реформаторством и экономическим большевизмом,*— здесь от автора достается «лидеру либеральных фундаменталистов» Егору Гайдару. Заметим, правда, вспомнив рассматриваемую выше статью А. Левинсона, что упомянутые в ней социологические данные о либеральных ожиданиях в обществе на рубеже 80-х и 90-х годов вступают в определенное противоречие с предпосылкой «традиционализма большинства». С другой стороны, нельзя не согласиться: либеральные ожидания — это еще далеко не то же самое, что сложившийся экономический этос. Под последним Земляной понимает модус бытования морали — т. е. ценностей, стандартов, запретов и мотиваций — в реальной экономике. Исходя из это-

го, первейшее назначение экономической этики капитализма, считает автор, состоит в том, чтобы легитимировать частную собственность, рынок как главное средство общественной связи и жажду прибыли как единственный мотив производства. «Легитимировать» здесь означает *убрать предубеждения против их негативных сторон и акцентировать их положительные моменты.* С этим и связан вопрос, насколько капитализм имеет основания в той или иной незападной культуре и, в частности, может ли Православие с его ценностями быть экономическим этосом российского капитализма: Вебер, пишет Земляной, сделал вывод, что *протестантизм духовно породил капитализм и дисквалифицировал в этом плане другие христианские конфессии, то есть католицизм и Православие. Но это имело отношение только к генезису капитализма. Нынешняя капиталистическая практика зрелого, совершенно сложившегося и функционирующего по своим законам капитализма говорит о том, что католики являются в ней ничуть не менее успешными предпринимателями, нежели протестанты. Можно ли сказать нечто подобное и о православных? О греках, армянах и грузинах — безусловно. О русских — Бог весть.*

А вот для **Владимира Карпеца** (**«Избравшие "дьявольскую систему". Западный капитализм и его религиозные истоки»** — «Политический журнал», № 27(170)) все ясно. Капитализм и связанную с ним буржуазную демократию он считает вирусом, привнесенным к нам Западом для слома исторической парадигмы русской нации, разрушения «тысячелетней России». Поскольку-де капитализм не вырос естественно из развития российского общества. Да и на Западе, где он вроде бы вырос естественно, он свидетельствует об отпадении Европы, а вслед за ней и Америки, от правильного пути человечества. Где же то «семя тли», что обусловило это отпадение? Ни за что не угадать, где видит его твердо стоящий на позициях защиты православия Карпец — оказывается... в Библии! Дело в том, объясняет автор, что капитализм есть извлечение прибыли из денег без увеличения того, эквивалентом чего они являются, т. е. из ничего, *ex nihilo.* Христианство же для Карпеца не едино — христианств, по сути, два: то, которое признает библейскую идею творения из ничего, и то, которое этой идеи не признает. Не признающее эту идею христианство созвучно в этом с представлениями «традиционного общества», которые наиболее последовательно отражает *древнеарийский (стыдливо именуемый «индийским») адвайта-ведантизм с его «я есть То», но и эллинство, провозглашающее всё во всём, из этого же рода, и александрийский герметизм, и славянское и германское пра-«язычество» или ведизм, изначальная «вера троическая», позднейшим искажением коей являются многобожие и идолопоклонство.* Таким образом, у «правильного» христианства (в которое, понятное дело, восточные Святые Отцы у Карпеца автоматически попадают, а западные — столь же автоматически нет) оказывается источник поважнее, чем Библия: некое изначальное, «неидолопоклонническое» язычество, к тому же еще и каким-то образом «троическое». В первую же очередь, что для автора, видимо, очень важно, — арийское. Впрочем, «задвигание» там, где надо, Библии, не мешает цитировать опять же там, где надо, Псалтирь. А заодно — и рассуждать о гностицизме как предшественнике марксизма и социализма (со ссылкой на Дугина и

Шафаревича), и об Иоанне Златоусте и православных канонах, и о «криптоправославной» советской морали (еще бы, осуждала, прямо как Златоуст, «нетрудовые доходы»). Забавный идеологический винегрет, иллюстрирующий то, как и вполне советская мораль может стать православной, если того очень хочется.

Тот же «Политический журнал» в № 25–26 (168–169) всерьез обсуждает проблему приемлемости для России **АВТАРКИИ** как самодостаточной замкнутости, что явно отражает нынешние тенденции в умонастроениях российских элиты и общества. О зигзагах российской внешнеэкономической политики на фоне мировых процессов пишет **Михаил Субботин** (**«Конкуренция ограничений»**). В 2000 году Владимир Путин приветствовал привлечение любых инвестиций. Спустя семь лет вместо развития идей «равенства и братства» капиталов более актуальной стала тема ограничения доступа иностранцев к отраслям российской экономики. Опасность автаркии автор видит не в идейном автаркизме властей, а в недобросовестности российских компаний, делающих государство рычагом своей конкурентной политики. В таком случае *корпоративные войны легко перебрасываются на межгосударственные отношения, серьезно омрачая взаимоотношения стран* и рождая реальную опасность свернуть с пути сотрудничества на дорогу изоляционизма и дальше двигаться с «опорой на собственные силы». Впрочем, по мнению Субботина, на разные кульбиты Российское государство подталкивают и его собственные конкурентные амбиции: например, хочется усилить газовое влияние на Европу (в то время как нарастает угроза того, что уже к 2010 году сама Россия может столкнуться с дефицитом газа, а именно недостаток инвестиций препятствует разработке новых газовых месторождений). С другой стороны, отмечает автор, и в Евросоюзе идея свободного потока инвестиций и товаров никогда не реализовывалась в полной мере на практике. В итоге, констатирует Субботин, *складываются два полюса: на одном деньги, технологии и опыт, на другом — немереные запасы. И нет воли сделать шаг навстречу друг другу...* И все оттого, что *мир за последние годы заметно изменился и политика в очередной раз опасно нависла над экономикой.<...> Опыт «нефтяных шоков» 70-х гг. XX в.*, — заключает автор, — *показал, что расплата за неэффективную энергетическую политику хоть и наступает, но не сразу, а подчас с большим временным лагом.*

Виталий Куренной (**«Утопия. Законы жанра»** — «Политический журнал», № 25–26 (168–169)) объясняет сегодняшнюю популярность темы закрытого, автаркического обустройства России психологической реакцией на резкую смену относительной замкнутости советского режима бурным и далеко не безобидным взаимодействием с окружающим миром: *Некоторые особо травмированные этим опытом сограждане испытывают в этой ситуации вполне объяснимое желание «родиться обратно»*. Что же касается самого проекта России как автаркического государства, то Куренной видит его скроенным по шаблону утопии как специфического литературного жанра. Это способ литературной упаковки определенного вида художественной фантазии. Именно литературной, а не научной, так как *для научной теории необходимо, чтобы применительно к ней были указаны условия, при которых ее можно считать ложной. Поскольку эти условия не указываются, то это*

всего лишь системы верований, определяемые вкусом. Утопист *не мыслит себе дискуссии или обсуждения, он вообще не представляет себе другой позиции: существуют или единомышленники, или люди, чье мнение не заслуживает его внимания.* В конечном итоге *свое интимное сокровище он предъявляет или инстанции власти, или адресует его кругу посвященных единомышленников. Другой реальности здесь нет места.*

Пожалуй, довольно наглядно иллюстрирует эти выводы тот же **Владимир Карпец** (**«Самодержавие пространства»** — «Политический журнал», № 25–26 (168–169)). По его мнению, причины негативного отношения к автаркии лежат в области метафизики. Однако его собственное обоснование автаркии (синонимом которой является для него «самодержавие», понимаемое не как монархия, но как автономия власти) — это не метафизика, а скорее ряд туманных мифологем и антитез (*пространство — время, власть — собственность, суша — море, твердое — летучее, сульфур — ртуть*), за которыми и просматривается стержневая антитеза: *автаркия — глобализм.* Здесь действительно достигается художественный эффект: так и представляются злые глобалисты в виде «людей моря», неких новых филистимлян (а может, финикийцев). Существование этих антитез, по мнению автора, *сегодня является уже общим местом, без понимания которого нельзя понять вообще ничего.* Последние четыре слова легко отнести ко многим построениям автора: как, например, понять, что это за *выбор между пространством и временем* и каким образом такой выбор вообще возможен? Разобраться во всем этом способны, пожалуй, разве что те самые посвященные единомышленники.

Все же хочется закончить «за здравие». Обратимся напоследок к теме **СООТНОШЕНИЯ БОГОСЛОВИЯ И ФИЛОСОФИИ**. Богословие всегда стоит на какой-то философской основе — констатирует **прот. Михаил Меерсон-Аксенов** в своем интервью газете «Кифа» (№ 68). Вначале «Кифа» задает вопрос: существует ли оригинальное русское богословие или мы обречены иметь дело только с набором каких-то стилизаций и повторов великих богословов Востока и Запада. В ответ о. Михаил делится размышлениями о роли русской религиозной мысли в истории богословия и философии — как в прошлом, так и перед лицом сегодняшних вызовов. Современный кризис христианства, на его взгляд, — это кризис тринитарного сознания: *Христиане не верят в Троицу: католики не верят в Троицу, англикане не верят в Троицу, протестанты не верят в Троицу, кроме фундаменталистов, которые вообще ни во что не верят (они принимают все как есть, без понимания).* Но без веры в Троицу, утверждает о. Михаил, христианство ничем не отличается от других монотеистических религий, лишь проигрывая их прекрасно организованным общинам «с мощными мускулами» финансового и иного рода. В результате и в современном терпимом мире христианство реально представляет собой лишь «некоторую древность»: *Церковь никому особо не мешает. У нее нет сил, нет воли мешать тому движению атеистической секуляризации, которое обрушилось на людей как лавина капиталистического забега непонятно зачем, за строительством непонятно чего и ради чего. Нас никто не слышит с нашей вечной Вестью.* Задачу религиозно-философской мысли о. Михаил видит в том, чтобы «сохранить веру», а заодно — дать отчет о своем уповании, объяснить на понят-

ном миру языке, во что верят христиане. *Я должен объяснять, почему в церкви четыре Евангелия и почему только этим четырем можно верить, почему именно эти четыре Евангелия избрала Церковь, почему она их сохранила и до сих пор несет. Почему ни из каких других источников вы ничего не узнаете, почему вы должны узнать это в Церкви, от нее? Сегодня Церкви все это нужно защищать — нужно защищать то, что она получила, эту весть, что Господь Иисус Христос воскрес и что Он «Един сый Святыя Троицы».* Тем не менее, сетует о. Михаил, академическое богословие ничего нового не сказало по этому вопросу. *Оно каким было, таким и остается: мы читаем все те же тексты IV века.* Для современного же человека вполне допустима мысль: *Тогда верили, а сегодня, может, ошиблись. Между IV веком и нами большая разница. Тогда на ослах ездили.* В реализации задачи современного выражения Откровения и видит о. Михаил миссию русской религиозной мысли, ее уже в большой мере состоявшуюся роль. Ее генезис и развитие шли по линии отталкивания от школы западной схоластики (здесь автор следует идущей от прот. Георгия Флоровского идее *«западного пленения»* православного богословия), основанной на аристотелевской философии и полагающей Бога «Первопричиной», которая сама стоит в том же ряду причинно-следственных связей, что и все остальные явления, и в таком случае в определенном смысле *даже Бог не свободен.* В Православной же церкви Бог свободен, поэтому Православию удается вырваться из схоластического богословия. Рождение нового русского богословия произошло в Серебряном веке, в языке символистов.

Здесь мы подходим к одному из самых интересных моментов интервью — теме соотношения русской религиозной философии и мысли Запада. Для о. Михаила, симпатизирующего русскому символизму, оказывается крайне важным, что русское философско-богословское возрождение в колыбели символизма проходило в контексте противостояния неокантианству и позитивизму, преодоления «неокантианской зависимости». Линия Канта, следует далее из интервью, продолжилась неокантианством, затем — логическим неопозитивизмом Витгенштейна, а результатом этого процесса стала невозможность ни о чем говорить, нашедшая свое наибольшее выражение в постмодернизме: *Что значат слова? Да ничего. А что значит слово «Бог»? Да ничего не значит,— скажет постмодернист. Вопрос даже не в том, есть Он или нет. Для меня это только слово, которое ничего не значит.* Задачу русской религиозной философии о. Михаил видит в преодолении подобного агностицизма, родоначальником которого, по его мысли, был Кант. Так, Флоренский ставил задачу своей «символической гносеологии» — *включить Бога и человека в единый универсум, чтобы мы снова могли говорить о Боге, чтобы мы снова могли вернуть Его в наш дискурс — и Бога, и православное предание, и Троицу — все.* На Западе аналогичную задачу ставил Хайдеггер, пытавшийся за счет собственного «онтологизма» *снова вернуться к бытию, к источнику, преодолевая границу, которую ставит человеческий разум по Канту (что мы не можем ни о чем судить).* Но усилия Хайдеггера — всего лишь *попытка стороной обойти своей «феней» древнюю онтологию.* Русская философия, убежден о. Михаил, *это все преодолела. Она возвращается через гносеологию к онтологии, показывая, что гносеология —*

это часть онтологии, что внутри онтологии она может быть понята и обоснована. Это темы Трубецкого, это темы периода издания «Пути». Потом члены этого круга создают уже свою философию — создают, вернувшись в Церковь. Поэтому в Париже, в Сергиевском институте строится православное богословие с учетом всего этого. Эти вещи уже освоены. Они уже философски освещены всей когортой философов — Франком по-своему, Николаем Лосским через свою философию интуитивизма, о. Сергием Булгаковым, Бердяевым, который продолжает идти своим путем Да, сейчас они немного устарели, — констатирует в итоге о. Михаил, — *потому что неокантианства нет. Сейчас другие «чудовища» на сцене. Но эти «чудовища» не на пустом месте, они оттуда же возникли. А у нас, на мой взгляд, нет никакой другой традиции*... Нельзя не отдать должное вдохновляющему о. Михаила стремлению творчески преодолеть кризис христианского богословия; как всегда, восхищает и недюжинная эрудиция о. Михаила. Тем не менее попытка взгляда на проблему под углом зрения, несколько отличным от угла зрения автора, представляется, добавила бы нашему зрению широты и позволила бы увидеть некоторые трудности. В самом деле, если *наша традиция — только эта*, мы имеем большую вероятность ощутить себя наследниками «философской войны» с Кантом и его «линией» (что, впрочем, не фатально ввиду как минимум двух огромных исключений из русской религиозно-философской «кантофобии» — Соловьева и Бердяева). Другой, более универсалистский взгляд на философскую и богословскую традицию, который включил бы в нее все богатство частных традиций в той их части, где они диалогизируют на поле универсальных, общезначимых вещей, спорят на нем друг с другом и взаимодополняют друг друга, думается, был бы более плодотворен. Спорщик здесь имеет шанс стать союзником, ибо делает мой взгляд более объемным. Так, думается, произойдет и в нашем случае, если взять Канта из противников в союзники. Сколь несовместимо ни выглядели бы Кант и Флоренский, отказ от предвзятого отношения к первому позволил бы не закрывать глаза на определенные трудности, вызываемые тем способом второго говорить о Боге, который описывает о. Михаил — способом, включающим Его и человека «в единый универсум». Будучи включен в такой «универсум», Бог тем самым оказывается имманентизирован, получая в мире некое «место» (несвободный Бог — «Первопричина» схоластики, на самом деле, и есть вариант «Бога в универсуме»). Свобода, и не только Бога, но и человека, оказывается под угрозой именно тогда, когда под угрозой трансцендентность. «Бог в универсуме», т. е., по сути, Бог, принадлежащий миру, — это уже Бог почти очевидный; очевидность же Бога — это некая «припирающая к стенке» очевидность, когда под угрозой оказывается и вера, которая и есть состояние, когда жизнь определяется неочевидным, неимманентным, неосуществленным. Но ведь в освобождении места вере как раз и видел свою задачу Кант, проводя границу познания! Граница эта проходит где-то между кенозисом Бога, дающим себя познать, и Его трансцендентностью, оставляющей человеку свободу. И нащупать эту границу можно, лишь двигаясь с обеих сторон.

Обзор подготовил Дмитрий Матвеев

Владимир ХОЛКИН

АНДРЕЙ ШТОЛЬЦ: ПОИСК ПОНИМАНИЯ

> Подлинный художник не хозяин своих героев. Если они сотворены живыми, они будут жить так, как хотят они, а не так, как хотел бы, может быть, художник.
>
> *Варлам Шаламов*

> Я не раз замечал в Вас упрямство, которое образует в Вас даже некоторый характер, что нечасто встречается.
>
> *Из письма И. А. Гончарова Е. А. Языковой, 12 апреля 1852 г.*

Прежде чем попытаться без предубеждения вглядеться в этого героя и приоткрыть слагаемые его души, напомню, о ком, о чем и о каких сюжетных перипетиях пойдет речь. Напомнить же хочу еще и потому, что совсем не лишним представляется «лишний раз» обратиться к роману Ивана Гончарова «Обломов» — одной из самых проницательных, но и внутренне замкнутых, не поддающихся беглому чтению русских книг. Думается, припомнить ее особое слово о глубинной совестности русской душевной жизни и нелицеприятно вникнуть в этой жизни смысл всегда своевременно.

Напоминание это необходимо еще и потому, что дело восприятия романа, как будто бы сегодня весьма облегченное, в действительности обстоит явно запутанней, чем прежде. Оттого, в частности, запутанней, что труд его прочтения нынешним читателем (а таковых и вряд ли наберется с преизбытком) и тоном и содержанием зачастую связывается с ярым энтузиазмом решительно «почвенного направления», что положен в основу фильма «Несколько дней из жизни Обломова». И, прежде всего, с однобоким, а в угоду узко (и скверно!) понятым авторами картины основам славянофильского учения, еще и ложным толкованием образа Андрея Штольца, друга детства заглавного героя и второго по сюжетной и философской значимости (а по парадоксальности душевного склада, кажется, что и первого) персонажа книги.

А ведь именно Штольцу поручена автором роль биографа, внимательно пытливого рассказчика и дружески пристрастного хрониста обломовской

Владимир ХОЛКИН — родился в 1946 г. в Приморье. Закончил режиссерское отделение Ленинградского института культуры. Статьи и проза публиковались в журналах «Вопросы литературы», «Звезда», «Континент», «Нева», «Новый мир», «Русская литература». Живет в Великом Новгороде.

жизни. Как явствует из последних строк романа, это именно Штольц, и спустя годы все горюющий о потере друга, вспоминает в разговоре со «знакомым литератором» (то есть писателем Гончаровым) всю историю Обломова: *Сейчас расскажу тебе: дай собраться с мыслями и памятью. А ты запиши: может быть, кому-нибудь пригодится. И он рассказал ему, что здесь написано.* Слова эти, финальные в книге, для общей философии романа крайне важны. Но еще важней их этический подтекст. В самом деле, перед читателем оказываются не пресловутая «обломовщина» и не тот лежебока и петый ленивец, кого усмешливо принято звать нарицательным именем «обломов», а истинно сложный человек Илья Ильич Обломов, увиденный глазами взыскательно заботливого дружества; литературный герой, о котором сам Гончаров написал однажды: *в Обломове с любовью выражается все то хорошее, что есть в русском человеке.*

Однако честности ради стоит сказать, что непостижимое упорство явно пренебрежительного «почвенного» видения Штольца имеет давнюю и долгую историю, а создатели кинофильма — многочисленных предшественников, убежденных в правде такого видения. Фильм лишь довел эти убеждения до идеологически вдохновенного абсурда, а сам образ — до грубого ярмарочного лубка («немец-перец, колбаса») и примитивно злой карикатуры. А это неизбежно привело к искажению не только правды и полноты текста и цельности образов, но и самого смысла романа. И прежде всего, к искажению настоящего смысла существования на его страницах Андрея Ивановича Штольца. Иначе говоря, фильм исковеркал правду обстоятельств места, времени и образа действия этого персонажа в жизни Обломова, правду отношений этих двух героев и, главное, правду равности в их взаимном достоинстве.

Настоящий же смысл этого образа и его романной жизни (вернее, одна из важнейших его примет) впервые приоткрывается уже на первых страницах книги в таких вот словах самого Обломова, безнадежно удрученного домашними и душевными неурядицами: *Хоть бы Штольц скорее приехал! <...> **Он бы уладил*** (подчеркнуто мною. — *В. Х.*).

И Штольц приезжает и *улаживает*. Улаживает не только сиюминутную неразбериху и неладицу обломовской повседневности, но и, в который уж раз, пытается вызволить друга из раздумчивой, а зачастую и сонной праздности на простор движения и жизни. Если не навсегда, то хотя бы на время. (Стоит, однако, сказать, что и раздумья, и праздность, и движение, и жизнь друзья понимают совсем не одинаково, что и составляет одну из ведущих коллизий романа.) И это именно Штольц знакомит Обломова с Ольгой, чтобы препоручить ей в свое отсутствие всю возможную заботу о друге и «воспитательский» труд по «пробуждению его к жизни». Это Штольц вводит в жизнь Обломова ту самую Ольгу Ильинскую (недаром все-таки именно «Ильинскую»), что невдолге так щедро одарила Илью Ильича радостью ликующе яркой взаимной любви. Любви завершившейся, правда, трагически для обоих, но описания которой, включая сюда и прощальное письмо Обломова Ольге, принадлежат к редким по красоте русского языка страницам точнейшей психологической прозы.

Это все тот же Штольц, что, ненароком встретив в Париже ошеломленную расставанием с Обломовым, едва узнанную им сперва Ольгу — настолько

сердце ее было этой потерей опустошено и огорчено, — не только дружески ее утешает, но и надолго становится доверительным участником ее душевной жизни. И вместе с этим постепенно (и впервые за свои тридцать с лишком лет) проникается любовью — чувством доселе не знакомым, но зрелым, полным и объемлющим. И это-то, согласно давнему историко-литературному мифу, рассудочно бесстрастный *немец* — делец и педант, живым чувствам не подвластный!

Нет, Штольц чувствам не только подвластен, — он им верен. И именно вслед глубокой верности дружеству он выручает Обломова из рук домодельных мошенников Мухоярова и Тарантьева, улаживает хозяйство в родовом имении друга и, наконец, по смерти Ильи Ильича берет в свою с Ольгой семью его сына от брака с Агафьей Матвеевной Пшеницыной. Той самой хозяйки «домика на Выборгской», где Обломов поселился, чтоб залечивать «сердечные раны», и где окруженный самозабвенной преданностью этой простой женщины прожил несколько спокойнейших лет своей жизни. Что же касается Штольца, он так и не смог примириться с подобным союзом как с «неравным браком» и, лишь вспоминая брак этот в живом рассказе «знакомому литератору», пытается смысл его распознать, уяснить и в конце концов оправдать правдиво понятой женской любовью.

Казалось бы, все это должно быть очевидно любому читающему роман без предубеждения и неприязни, однако вопрос о Штольце остается, несмотря на то, что ответ на него пригодился бы не только литературной науке, но и самой науке жизни (в том числе в качестве реплики на вечно чувствительную для нашего отечества тему — тему российского человека как носителя двух культур). Но речь в статье пойдет не столько об общем, сколько о частном. А именно, об этических особенностях духовного самовоспитания Штольца и о его личной душевной драме — драме «однажды усомнившегося».

Давняя нужда понять этого героя «Обломова» остается насущной и поныне. И поныне пребывает своевременной, уместной, но так и не удовлетворенной (а зачастую и не осознаваемой) потребность в моно-логе расслышать диа-лог, а в прямоте мысли — диалектику души. Не удовлетворенной же эта нужда оказалась, в числе прочего, и потому, что не случилось ей сподобиться должного историко-культурного внимания. Хотя с 1859 года, т. е. с той поры, как роман вышел в свет, сменилось много не только литературных, но и исторических карт российской жизни, но Штольц по-прежнему все числится либо по «ведомству по делам русских немцев», либо по *чужой* протестантской епархии. И это, наверное, объяснимо. Ведь и скудость исторического внимания к этой теме, и не до конца разрешенная нужда в ее понимании как проблемы двойственности человека произошли от некой странной нечеткости русского культурного зрения. Странной как идейно, так и психологически.

Преткновение здесь, кажется, в том, что в 60-е годы XIX века — в ту нервную пору запальчивых идейных споров и дерзких «направленческих» нападений — Штольца принято было запросто шельмовать «бездушным немцем» или «духовным педантом», либо и вовсе считать этот образ надуманным. И в любом случае не признавалось долгом литературно-критичес-

кой мысли исследовать и понять незаурядность этой личности и непростой состав этого характера. Предпочтительнее было по-свойски попенять (или дружески посочувствовать) «типичному» философу-лежню Обломову, нежели вникать в душевные переливы деловитого трудяги Штольца. За редким исключением (таким, например, как современные нам филологически и философски глубокие и образно проникновенные исследования М. В. Отрадина) обычай этот — в преобладающих своих чертах — не только сохранился, но и упорно сохраняется. И даже порой воинственно оберегается.

Между тем достаточно, уняв в себе пыл «направления», вникнуть в разговоры Штольца с Обломовым или Ольгой и сопоставить их со многими — воистину исповедной искренности — письмами самого Гончарова, чтобы нужду в понимании этого героя осознать. А осознав, проследить, с какой отчетливостью проступают его тесные душевные связи с автором и как вдруг разъясняются корни и истоки самой жизненной философии Андрея Ивановича Штольца. В частности, например, убедиться, как семантически и даже словесно близко совпадают начала его «философии любви» с размышлениями на эту тему его автора.

А если это так, то еще более важной и своевременной является нужда разглядеть, в чем же причина тех усилий, с которыми сам Штольц стремится уразуметь, осмыслить и понять Обломова. Именно *понять*, а не пожалеть, не помочь, не выручить, или — любя — все же окончательно покинуть. Поэтому кстати, наверное, окажутся несколько неравнодушных слов об условиях и обычае романной жизни Андрея Ивановича как вместе и рассказчика, и персонажа романа.

Дело идет о том, что все (даже малые) герои романов Гончарова — образы, обдуманные годами, а созданные хотя и чудесно скоро (как это было и в случае «Обломова»), но на редкость тщательно, — отмечены одним общим знаком. А именно — печатью зоркого и терпеливо-благодушного взгляда на них самого Гончарова, — писателя, не устающего неспешно разбираться в душевной многоликости человека. Такая терпеливость автора в литературе редка и для персонажей неоценима. Благодаря ей герои, ничуть не теряя в образной сложности, приобретают важнейшее психологическое свойство: все они бесстрашно естественны. Особенно если внять убеждению писателя в том, что *непозволительно играть вопросами жизни, даже своими, не только чужими... ломать их в дугу.* И далее: *я только против хлестаковского предрешения вопросов, против этой мнимой простоты.*

Внутри всего творческого целого Гончарова свойство это наибольше явлено в лицах и героях «Обломова». Однако явлено на этическую особицу: не только как общее и откровенное, но еще и как индивидуальное и сокровенное. И именно герои этого романа — как носители парадоксальных идей, развитого поведения и самостоятельной логики — особенно не боязливы, свободны, а то и своевольны. («Обыкновенная история» для такой индивидуальной независимости персонажей от автора построена слишком драматургически отчетливо (ибо автор в ней является, прежде всего, демиургом), а «Обрыв» и вообще стоит в творчестве Гончарова особняком, философски крупным, но и от философии же тесно зависимым, а потому литературно медлительным и несколько отвлеченным в чистые размышления.)

Герои же «Обломова» способны устоять не только под напором себе подобных, но и под властным напором автора; и, рождаясь послушными лишь авторской мысли, но уже вскоре развившись вполне, они перестают принужденно лепиться к созданному загодя остову характера. А там движутся вольно вслед свободной — и понятой по-своему — полновесной правде собственного характера. То есть, доверясь этой своей субъективной правде, сами свободно выбирают, подтвердить или же опровергнуть объективный и тщательно обдуманный авторский замысел.

(В скобках же отмечу, что такое бесстрашие вообще встречается в литературных героях совсем не часто и в нашем случае означает лишь, что отношения автора и героев многоголосы и симфоничны. Вопрос о том, насколько глубоко или обширно присущи и такая естественность, и такое бесстрашие *действующим* лицам двух других романов Гончарова, — это лишь вопрос меры.)

Автор же именно «Обломова» не торопит, не замедляет, не удерживает своих героев от стихийной верности самим себе, оттого и живут они в романе и без оглядки на автора, и без нужды в творческом, так сказать, притворстве. Оттого и силой и движителем их жизни является не писательская — в роли судьбы — воля, а естество и поведение собственной души; не идея и замысел, а течение собственных чувств. Особенность эта выразительно проступает в таком вот признании Гончарова: *Работа... идет в голове, лица не дают покоя, пристают, позируют в сценах, я слышу обрывки разговоров — и мне часто казалось, прости, Господи, что я это не выдумываю, а что все это носится в воздухе около меня и мне надо только смотреть и вдумываться.*

Правда, у автора есть вернейшее средство ладить с героями и великодушно им не мешать. Это — надежно оснащенная покоем размышления и потому сложная по составу благожелательная ирония. Ирония сочувствия или сожаления. Или не менее богатая драматическая ирония сострадания. Или, что реже, ирония сознательного отстранения.

Штольц был немец только вполовину... Природная речь его была русская, он учился ей у матери и из книг, в университетской аудитории и в играх с деревенскими мальчишками, в толках с их отцами и на московских базарах. Немецкий же язык он наследовал от отца да из книг.

Короче говоря, русскому языку герой учился у русской жизни. Однако из строения гончаровской фразы вырастает и более тонкий смысл: *слову жизни* он учился у самой жизни. Простота и пластическая ясность слова, но и заметная «эпическая» звукопись выразительно отличают процитированную фразу от последующих — обыденно обстоятельных или необыденно броских. Кажется даже, что, чуть приподнятая тоном над соседними, она не просто предваряет жизнеописание, а вводит в историю души. Так, пестрая ткань полнокровной русской жизни уже в самом начале этой истории заполняет пространство, в совершенстве воссозданное удвоением: «учился *у матери и из книг*» — «наследовал *от отца и из книг*». Ибо трудно предположить, чтобы такой взыскательный к каждому написанному слову мастер, такой чуткий к литературной опрятности стилист, как Гончаров, допустил подобный повтор на расстоянии двух строчек — случайно.

О приметно особом — мощном и почти полновластно всесильном — значении языка в деле одушевления рода и человека сам писатель, словно

перекликаясь спустя двадцать лет со своим романом и с психологической историей своего персонажа, размышляет так: *...язык — всё. Больше всего языком человек принадлежит своей нации... Язык — не есть только говор, речь: язык есть образ внутреннего человека: его ума, того, что называют сердцем... Да, язык — есть весь человек в глубоком, до самого дна его природы, смысле.* ***Ему учатся... начиная с деревенских и до школьных сверстников; язык купцов, мещан, язык ремесл... Стало быть, язык, а с ним и русскую жизнь, всасывают с молоком матери — учатся и играют в детстве по-русски, зреют, мужают и приносят пользу по-русски.*** *Он то же для человека, что родной воздух* (подчеркнуто мною. — *В. Х.*) (письмо к Нарышкиной, 18 февраля 1877 г.). Для тех, кто первыми взялись утверждать, что происхождение и становление Штольца изобличают в нем чужака, дельца и протестанта, смысл этих рассуждений должен бы звучать внятно и значить многое.

Думается, что содержание богатой и полной живых соков корневой системы Андрея Ивановича Штольца трудно согласить даже с обмолвкой самого писателя, когда в письме к С. А. Никитенко от 3 (15) июня 1860 г. он упоминает о *намеках, загадках, тумане, — как в фигуре, например, Штольца, о котором не знаешь, откуда и зачем он.* Впрочем, обмолвка эта не кажется случайной и может значить собою недоумение Гончарова перед тайной самостоятельного, не чаянного самим писателем поведения персонажа.

Обмолвка эта — признание о двух смыслах. Во-первых, она в какой-то мере оправдывает догадку, что поведение героя в сравнении с первоначальным замыслом оказалось нежданным как в общей архитектуре и динамике романа, так и, главное, во взаимоотношениях с Обломовым и Ольгой. А во-вторых, окольно предполагает, что и своим учительским чувством, и уверенно обдуманной назидательностью своих сентенций, да и тщательной афористической формой их Штольц обязан воспитательской одаренности самого писателя. (Наставнически охотный, но и на редкость добрый тон множества писем писателя к друзьям, и особенно к друзьям-женщинам, об этом свидетельствует.)

Гончаров (судя по предварительным материалам и черновым вариантам романа), кажется, не допускал, что Штольц, этот самодостаточный, духовно крепкий и сильный человек, вдруг да растеряется перед загадкой Обломова. Растеряется сначала до заминки, а после до досады и бешенства, чтобы в конце концов с изумлением признать бессилие перед ней собственного этико-психологического императива. И только совсем уже напоследок осознает, что трудность понимания даже близкой, но все же иной души не только не исчезла, а, наоборот, возросла, став почти неодолимой.

Как здесь уже упоминалось, первой же, предваряющей явление Штольца вестью о нем (и не столько о приметах, сколько о первоначалах истории его души) писатель закладывает корни героя на глубину русской жизни, русской речи и русского обычая. «Вполовинность» же, то есть двусоставность и двупланность происхождения личности Штольца отзывается в этом частном портрете очевидной двуначальностью русской исторической жизни вообще. *Чтоб сложиться такому характеру, может быть, нужны были и такие смешанные элементы, из каких сложился Штольц*, сказано в романе.

И если жизнь Обломова с самого детства кругла, цельна и неделима, то детство Штольца — это круг, разделенный надвое, где в одной половине Гердер, Виланд, библейские стихи и «Телемак», а в другой — разоренные с деревенскими мальчишками птичьи гнезда и писк галчат из кармана «среди класса или молитвы». Два этих культурно коренных смысла — уже в самых истоках Андрея Ивановича Штольца: *с одной стороны Обломовка, с другой — княжеский замок, с широким раздольем барской жизни, встретились с немецким элементом, и не вышло из Андрея ни доброго бурша* (постоянная, со стойкой верой в будущее сына, похвала отца. — *В. Х.*), *ни даже филистера... университет русский должен будет произвести переворот в жизни его сына и далеко отвести от той колеи, которую мысленно проложил отец в жизни сына.*

Два рода чувств, однажды сойдясь в Штольцевой жизни, так и не смогли за все дальнейшие годы оборот один другого. А потому сплелись в душе героя настолько слитно, что, пропитав собою весь состав личности, сделали двуедино целостной и самое душу. Двуединость эта — один из источников человеческой драмы Штольца. А это драма тяжкая — драма самоуверенного разума, который внезапно спасовал, осознав немощь опыта и логики. Который убедился, сколь неполна его способность к суждению, когда дело идет о постижении природы дружества или сущего любви.

Безуспешные попытки внять «алогичному» миру Обломова и без потерь для мира собственного усвоить личность Ольги осложнили для Штольца тему понимания, превратив ее в *проблему проблемы.* Он испытал острую нужду не столько осмыслить жизнь философски, сколько вникнуть в ее психологическую противоречивость. Философски же путь Штольца — это путь однажды усомнившегося и потерявшего былую уверенность в цели и идеологии упорного делания. Но, прежде всего, потерявшего веру в путь, на котором обдуманность суждения и целеполагание поступка есть залог понимания.

На смену же чувству пути пришел трагизм узнавания. Оказалось, что постигнуть смысл личности Обломова можно лишь ценой потери прижизненных с ним связей и через преждевременную его смерть. Оказалось также, что *путь Штольца* — это путь к собственной душе через трагически трудное уяснение души *Другого*, с детства казавшейся понятной и открытой. Именно здесь кроется одна из причин особенной, камерной мелодики романа, ведь жанрово вся книга — не что иное, как воспоминание Штольца об умершем друге. Весь рассказ «знакомому литератору» — это, по сути, последняя попытка добросовестно понять Илью Ильича, то есть исходить не только из знания хроники его жизни, характера и собственных мотивов дружески жесткого с ним общения, — но попробовать, пусть запоздало, вспомнить мотивы его души. А заодно оценить как негодные собственные планы шить жизнь друга по выкройке здравого смысла.

Другое дело, что самому Штольцу понимание собственной жизни как необходимое условие ее успешности доставалось в упорном отстаивании самого себя. Домашним его воздухом с ранних лет являлось *непонимание.* Первые — всамделишно крепкие — тычки его Андрей получил еще в детстве: *Отец спросил: готов ли у него перевод из Корнелия Непота на немец-*

кий язык. — Нет, — отвечал он. Отец взял его одной рукой за воротник, вывел за ворота, надел ему на голову фуражку и ногой толкнул сзади так, что сшиб с ног. — Ступай, откуда пришел, — и приходи опять с переводом... без этого не показывайся! Ни отцом, ни даже — разумно и осмысленно — матерью он по-настоящему понят так и не был. Рано осознав понимание как проблему взаимоотношений, Штольц волей-неволей принужден двигаться к ее решению самостоятельно. Потому-то с самого детства он живет вопреки: полемично, заостренно, споря.

Изведать же глубину непонимания до дна, до сухих слез ему привелось при прощании с отцом. В эти минуты ни тот, ни другой (правда, каждый по-своему) не смогли бы вразумительно объяснить, зачем Андрей покидает родной угол: *А отчего нужно ему в Петербург, почему не мог он остаться в Верхлеве и помогать управлять имением, — об этом старик не спрашивал себя; он только помнил, что когда он сам кончил курс учения, то отец отослал его от себя. И он отослал сына — таков обычай в Германии. Матери не было на свете, и противоречить было некому.* Урок непонимания, преподанный отцом, Штольц усвоил и запомнил на всю жизнь вместе с чувством бессмысленного и горького прощания с домом: *Андрей подъехал к ней* (крестьянке. — *В. Х.*), *соскочил с лошади, обнял старуху, потом хотел было ехать — и вдруг заплакал, пока она крестила и целовала его. В горячих словах послышался ему будто голос матери, возник на минуту ее нежный образ.*

Штольц, и повзрослев, остается умным спорщиком и спокойным полемистом. Он долгое время пребывает в убеждении, что вполне способен обрести то понимание своих спутников, которое необходимо для гармонии жизни, отчего, принимаясь выручать сначала Обломова, а вскоре и Ольгу, и использует тщательно рассуженную и обоснованную собственным опытом проповедь «настоящей жизни». Но до поры он еще не ведает, что индивидуальный опыт неповторим и к природе другой души не приживляем. Недаром прощальные слова Ильи Ильича — о невозможности следовать путем друга. Слова эти звучат для Штольца не только драматически, но и фатально.

Здесь, отвлекшись, хочется уточнить давно бытующее мнение о протестантской системе ценностей Штольца. Думается, что система его ценностей тоже особенна и парадоксальна. И вот почему. Известно, что протестантизм, абсолютизируя индивидуальность человека, послушно перенимающимся полагает опыт ее самовоспитания в духе. Герой же Гончарова, столкнувшись с проблемой понимания, принужден это положение переосмыслить как имеющее таки исключения — по крайней мере, в виде такого явления душевной жизни человека, как «доверие к себе». Поэтому представляется, что опека и поддержка Обломова — это не столько заповеданный протестантским воспитанием удел Штольца, сколько его самостоятельное духовное желание. Более того, это нескудеющее желание помочь не только наставлением, но и чувством, выручать не только добрым словом, но и добрым делом кажется потребностью, присущей Андрею не как сверстнику Ильи по возрасту, а как сверстнику по душе.

Как такой человек мог быть близок Обломову, в котором каждая черта, каждый шаг, все существование было вопиющим протестом против жизни

Штольца?.. их связывало детство и школа — две сильные пружины... потом роль сильного, которую Штольц занимал при Обломове и в физическом, и в нравственном отношении, а наконец, ***и более всего****, в основании натуры Обломова лежало чистое, светлое и доброе начало, исполненное глубокой симпатии ко всему,* ***что хорошо и что только отверзалось и откликалось на зов этого простого, нехитрого, вечно доверчивого сердца*** (подчеркнуто мною. — *В. Х.*). В этих словах — не только подтверждение уже известного читателю мнения об Обломове Гончарова, не только оповещение о давнем праве Штольца как его «наставника» на взыскательную помощь, но и радостное известие о душе Андрея как об открытой, хорошей и отзывчивой. Причем само сообщение об этом построено так структурно непросто и так семантически тонко, что несет в себе, кроме сочувственных гончаровских интонаций, внятно различимые интонации и самого Обломова. То есть проникновенное это слово о Штольце принадлежит — опосредованное персонажем — самому писателю. В таких чувствах к Штольцу Илья Ильич и его автор так близко на всем протяжении романа больше не совпадают.

Однако искренность мнения Обломова вкупе со сложно рождающимся любовным чувством Ольги — это не только знак и мера сердечной приязни этих двоих к Штольцу. Во всем этом открывается смысл их человеческого выбора и слышится призыв и побуждение к участию Штольца в их жизни, то есть выявляется знак его доли и участи в неразрывном сплетении чувств и дорог обоих его друзей. Если же добавить неровное отношение самого писателя к Штольцу — отношение так до конца не завершенное и подвижное, — то впору, пожалуй, говорить не о трех, а о четырех сострадающих друг другу людях.

Примечательно поэтому, что все течение Штольцевой жизни проходит в заботах о других. Ибо Штольц и живет-то, собственно, лишь для своих спутников, — если иметь в виду пространство всего романа, а не те несколько разрозненных строк, в которые вполне умещается обширная деятельность Андрея Ивановича. Хотя, сказано в этих немногих строках, эта внешняя, деловая жизнь Штольца была *до поры* почти всегда бесхлопотно успешной. До поры, пока не пришлось признать любовь стихией необоримой, а умную дружбу — бессильной обратить «заблудшую душу». Несмотря на то, что в мир Обломова и Ольги Штольц включен целиком и берется устраивать его не только по преданности и дружеству, но и по «любви к ближнему», а потому и принужден смириться с этого мира стойкой строптивостью, приняв самость *Другого* как безусловное.

Мало того, Штольц неизменно появляется во «времени — пространстве» жизни Обломова и Ольги в дни печальные, тревожные или просто опасные. Как, скажем, в случае ограбления Ильи Ильича Таратьевым и Мухояровым или в дни тихого отчаяния Ольги после разрыва с Обломовым. То есть в моменты наиболее драматических перемен и поворотов, когда его помощь необходима особенно и без промедления. Но также своевременно оказывается он и в их спокойных буднях, обдумывая душевное бытование вместе с ними или для их блага.

Однако его присутствие необходимо им не потому только, что Штольц более опытен или искушен в самостоятельной жизни. Обломову, например,

душевного опыта не занимать стать, а житейская неискушенность Ольги с лихвой выручается ее редким в своей нервной пытливости духовным чутьем. Всё глубже и чувствительней: Штольц желанен обоим — *сердечно*. Порой, пытаясь разъяснить и облегчить затруднения ума или сердца друзей, а то и переменить, наполнив свежим смыслом, их будни, он в этих своих намерениях успевает. Успевает оттого, что, помогая им самостоятельно разрешить «неразрешимые» проблемы, исподволь — самой своей бесстрашной рассудительностью — выручает их из докуки немудрящих или из беспокойства мудреных вопросов.

Но и его великодушие, вопреки отцову ригоризму пробивавшееся уже и изнутри скудного на понимание детства, и его воспитанные чувства и убеждения нуждаются в их дружеском понимании не меньше. Нуждаются именно для полного и свободного своего воплощения. Штольц вместе с Гончаровым чувствует и как необходимый сознает смысл движения навстречу Ольге и Илье Ильичу. Оттого-то так живо и занимают Гончарова подробности совместного интереса всех этих персонажей к внутренней, домашней, сердечной жизни. И совсем не занимают детали внешней, торгово-промышленной, так сказать, жизни Штольца. Так что, даже по прошествии нескольких лет, все парижские, швейцарские, крымские разговоры Штольца с Ольгой оказываются сродни его петербургским разговорам с Обломовым. Все они — либо о душевно потаенном и существенном, либо о житейски и философски важном. В них нет проходных тем.

Здесь разъясняется одно особенно приметное свойство личности Штольца — свойство размышлять свободно и философически стройно, раздумывать — втайне или вслух. Происхождение этого свойства прослеживается и восходит к самому Гончарову. Штольц в разговорах, как и Гончаров в письмах, так же охотно готов размышлять обстоятельно, пространно и, главное, участливо. Как по отношению к самой мысли, так и подчеркнуто бережно — к собеседнику. Подобно же своему создателю, готов и он не только рассуждать, но и всем доброжелательным, умным сердцем участвовать в постановке вопросов и поиске полных (а не половинчатых) ответов на них. И в этом герой Гончарова — человек и состоятельный, и состоявшийся, и уверенно крепкий, и глубокий, потому, наверное, что размышлять и разговаривать было ему естественней (так же как сподручнее — по собственному признанию — было писать, а не разговаривать его автору), то есть легче и способнее, чем совершенствовать свою, или изменять близкую, но все-таки иную жизнь. Вместе с тем ни вразумлять, ни выручать Илью Ильича словом или делом, ни спасать его от бед он так до конца и не прекращает.

В этой морально-философской рефлексии — если припомнить особую склонность к ней и самого Гончарова — характер Штольца как философа жизни сказался наиболее полно. И становятся понятны и его пристрастие к умозрениям, и его упорное желание распутать сеть обломовской жизни с помощью логики и последовательной мысли, да и его парадоксы (вспомним сентенцию Штольца о философии труда). Однако это характер, прежде всего, человека истового и бескорыстного дружелюбия. И развиваясь таким образом, Штольц не только неизменно остается опорой для Ольги и Ильи Ильича, но постепенно становится деятельным, доброй совести альтруис-

том. И как подлинный альтруист видит в заботе о них не долг дружества, а его *смысл*.

Оттого живая логика романа и опровергает удобную логику «направленческих» представлений. В частности, логику расхожего мнения о холодной деловитости Штольцева ума и «протестантской» рациональности его души. Однако тут сам собой напрашивается силлогизм: если два хороших, любящих друг друга и тонко чувствующих жизнь человека — каковы Обломов и Ольга — порознь или одновременно любят третьего, значит он тоже хороший, тоже живой и тоже тонко чувствующий человек.

Что же касается до *сухого, деловитого протестантизма* Штольца, то это скорее одна из давних принадлежностей упрощенного мифа «русский немец Штольц», чем черта литературно реального персонажа. Да и присутствие в его жизни «протестантизма» как прямого и сознательного confession de foi, представляется все-таки сомнительным. А бытующее утверждение о беспощадной идейности его жизненного кодекса, рассмотренное одновременно в зеркале терпеливых усилий образовать Обломова и суровой протестантской морали, — просто неверным.

Тут стоит оговориться. Дело в том, что религиозные вопросы не занимают сколь-нибудь специально ни автора, ни его героев, к тому же повседневная жизнь их органично протекает внутри православной культуры. Протестантизм же, если все же допустить, что он исповедуется Штольцем, то единственно как кодекс поведения и дисциплины мысли. Поведения характерно морального, а не специфически духовного.

Надо заметить, что духовное самосознание не одного Штольца, а всех троих приметно отсутствием как религиозной истовости, так и религиозного безразличия. Но это отсутствие подвижное, диалектическое. Я сказал бы, отсутствие как *уход-возвращение*. Как *уход* от ритуала, обихода и косного обычая, поскольку к знакам такого религиозного обычая, каким он сложился и без рвения живет в обыденной жизни типового приходского сообщества, у героев романа выраженного интереса нет[1]. ...Но как *возвращение* к душевно насущному. Духовность этих героев скорее экзистенциальна. Это духовность существования, не замкнутая в кольцо канона... Иначе говоря, жизнь героев романа — это заботы одухотворенной души, какой она родилась и пребудет вечно.

Возвращаясь к Штольцу, справедливости ради замечу, что бывает Андрей Иванович и риторичен. Но риторичен настолько, насколько «алчен» его склонный к самопознанию ум, живущий под духовным призором. Однако все больше сомневаясь в собственном могуществе, ум Штольца все больше сближается с текучей, стихийной рефлексией обломовской души.

(Замечу в скобках, что риторика Штольца — это вовсе не собрание сухих умозаключений, пускаемых в ход деятелем с целью пробудить лежня. Это слово, движимое и — что особенно важно — пропитанное искренней любовью к другу. Слово полное любви, а стало быть, слово пристрастное и

[1] Как не было такого интереса и у их автора. О чем есть бесстрастное свидетельство его духовника — настоятеля петербургского храма св. Пантелеймона, прилежным прихожанином которого Гончаров был без малого тридцать лет.

воистину причастное той любви, что заповедал Спаситель. Но вместе с тем и слово, обоснованное достоверным опытом одоления жизни (вспомним безотрадное начало пути Штольца). Оттого и признания его достоверны не одним лишь чувством своей правоты, но и чувством своей вины: — *Я не виню тебя, Илья, — дружески, мягко продолжал Штольц, — я читал твое письмо. Виноват больше всех я, потом она* (Ольга. — *В. Х.*), *потом уж ты, и то мало.*)

Если же сравнивать круг душевной жизни персонажей «Обломова» с кругом нравственных ценностей самого Гончарова, осмелюсь допустить упрощение в виде некоей аллегоричности, что ли, основных фигур романа. С непременным включением в число таковых и жены Обломова Агафьи Матвеевны Пшеницыной. Аллегория, в вольном этом допущении, может быть такова: Штольц — ум, Обломов — душа, Ольга — любовь-вдохновение, Агафья Матвеевна — любовь-покой. Вероятной такая аллегория кажется, главным образом, потому, что в зеркале романа отражается, похоже, сам писатель, присутствуя в нем чертами и событиями собственной личности, которые, в свой черед, воплощаются в героях как ипостаси его внутреннего мира.

В самом деле, «ум с сердцем не в ладу» оказываются уже в самом начале романа. Обыкновенно, обеспокоенный непорядком ум ищет понять душу, надеясь именно так отыскать исток и причину разлада. В случае «Обломова» отыскать их можно, сопоставляя вдумчивую психологическую пытливость и наблюдательное слово писем Гончарова с текстом романа. Осторожно предположу, что из трех романов Гончарова именно этот стал наиболее правдивым автопортретом чувств писателя, человека внутренне одинокого и зачастую утаивающего себя от чужого внимания.

Не есть ли эта кажущаяся жестокость во мне — только упорное преодоление до конца, до последних целей всякой мысли, всякого чувства... и оттого иногда несносное другим, особенно людям мягким, неупорным, не навязывающим жизнь ни на что. Эти слова из письма к И. С. Тургеневу (28 марта 1859 г.) продлеваются, не изменяя смысла, в письмо С. А. Никитенко (14 июня 1860 г.), где Гончаров прямо говорит о двойственности своей природы и о собственном творчестве как своего рода эпикуреизме.

Штольц подобен Гончарову душевно — и в стремлении умно преодолеть трудности, и в желании бережно помочь другому их пережить. Сам же писатель отмечает в себе совместное существование того и другого спокойно и без раздражения. Он не смешивает Обломова и «обломовщину», тем более не уподобляет их друг другу: как ни странно это покажется, «личность» и «тип» далеко разведены в романе. «Обломовщина» как тип поведения ни свойством Ильи Ильича, ни его существом не является. Она лишь форма, в которую облечена идея «наслаждения жизнью» и с помощью которой в тексте воспроизводится одно из философских положений эпикуреизма. Эпикуреизм, *наслаждением деланием, так же как и неделанием*, по собственному признанию писателя, присущ ему самому. Так что, памятуя о «двойственной природе» Гончарова, можно основательно предположить: идея наслаждения жизнью прилежит Штольцу в той же мере, что и Обломову. Только один обдуманно уходит в делание, другой же отрадно погружен в умное неделание. Однако состояние Обломова, особенно поначалу,

сложнее, ибо это тоже уход. Но уход не только «в», но и «от» — от опасности лицемерия и искривления души «дурной бесконечностью» службы.

Проступают в эпистолярной откровенности Гончарова (постоянном и естественном свойстве его писем) и следы психологических особенностей Ольги. Скажем, в письме к А. В. Никитенко (28 июля 1860 г.) он пишет: *Вы совершенно совпали с моим настроением отыскивать утешения и ответа.* Именно такими (если приглядеться ко всему целому ее характера) настроениями отличена в романе Ольга Ильинская, именно этими поисками занята.

Что же до «философии любви», то Обломов, пережив с душевными искажениями драму чувства идеального и страстного (то есть любви-вдохновения), обретает любовь-покой. Но обретает не случайно, а словно бы как воздаяние за пережитое. Познает любовь не исступленную, естественную и сущую в самой себе в тихом и непреходящем восторге Агафьи Матвеевны. Иначе говоря, все-таки в любви — не взыскующей в нем, на этот раз, ни совершенства, ни воплощенного идеала — обретает гнездо и спасение для потрясенной разрухой души.

Штольц проживает любовь иначе. Поначалу, лишь философски отстраненно осмысляя, он так же осмысленно не допускает ее в свою жизнь. Однако, вновь столкнувшись с нуждой понять — на этот раз расставшуюся с Обломовым и отступившую в печаль Ольгу, — он постепенно осознает, что, вопреки «философии», действительно полюбил. А после трудно, но все же счастливо с любовью смиряется. И тоже находит в ней покой и приют для души, таким чувством доселе не испытанной.

Но, в отличие от Ильи Ильича, Штольц приют не только находит, но и тщательно обустраивает — как гнездо для умной, но и (важнейшее в своей новизне для него событие) сокровенной сердечной жизни. Правда, шел он к этому приюту совсем иначе, нежели Обломов: опыт их страдания сопоставим, но не неодинаков. Ибо душа Обломова сперва восприняла любовь как нежданный дар, к которому она, казалось, была подготовлена (вспомним его уверенные поэтические мечтания о семейной жизни), но, не выдержав напора и требований действительной жизни, была этой любовью мучительно скошена.

Друг же его, в свою очередь, вначале воспринял любовь как ошеломляющее и непосильное вторжение незнакомой стихии в свою сильную и упорядоченную жизнь. Для радости же всецелого ее приятия должен был воодушевиться ум. Но воодушевление такое пришло не прежде, чем Штольц упорно потрудился в поиске понимания неведомого чувства. Поэтому-то самый веский смысл его жизни составляют изменения психологические. Не пребывание во внешнем по отношению к реальности романа социальном круге, не осуществление идеи труда как такового, а бытие души, живущей в пределах взаимных чувств к Обломову и Ольге. И оттого поведанный им «знакомому литератору» рассказ о жизни Обломова построен и звучит не как обличение «обломовщины», а как вопрошающий трагический монолог. Этот монолог полон недоумения и желания обрести новую целостность, собрать воедино расслоившееся понимание личности друга, постичь глубину этой личности. И в итоге вовсе не абсолютной оказывается для Штольца идея индивидуального самоутверждения и «труда ради него самого». Но глав-

ное, идея эта оказывается просто слабой перед трудом понимания души *Другого*, тем паче близкого и знаемого с детства. Поскольку представляется вероятным, что в повествовательное намерение Штольца входит еще и страстное нравственное желание приблизиться душой к душе Ильи Ильича.

Здесь кстати будет ненадолго отвлечься для одного историко-литературного наблюдения. Дело в том, что во многих афористически стройных *правилах жизни* Андрея Ивановича сквозит иногда непререкаемый тон, а то и самый слог моральных положений «Выбранных мест» Гоголя. И кажется, что это не случайно: здесь вполне может крыться полемика, ведь Гончаров — как человек естественный, щепетильно скромный и как писатель, панически боявшийся любого мессианства, — идей гоголевской книги живо сторонился. И оттого относился о ней без пиитического трепета, но и не без этического упрека. Да и опыт утаенной полемики с предшественниками уже предпринимал[2]. Но, в отличие от Гоголя, герой Гончарова проповедует опыт, усвоенный отнюдь не мистически. Это опыт пути, что разведан каждым трудным днем и утвержден умно трудящийся душой. Ведь предлагаемый другу путь жизни Штольц прежде целиком проходит сам.

Впрочем, проблема возможного спора героев двух этих книг — предмет совсем отдельный и решения пока не имеющий. Хотя в деле уяснения образа мысли Штольца и его автора, наверное, важный.

Устойчивый же литературно-критический обычай — отправляется ли он от знаменитого аналитического манифеста Добролюбова или от славянофильского мифа, берет ли в вожатые таких проницательных исследователей романа, как Дружинин или Анненский, — толкует Штольца традиционно неприветливо и привычно легко: как чуждый русской культуре социальный тип неугомонного деятеля, невнятно и надуманно воссозданный Гончаровым. Или, в лучшем случае, как образ протестанта-интеллектуала, равнодушного к тонкостям православной души Ильи Ильича Обломова.

Через двадцать с лишним лет свою, совсем, правда, особенную, долю в такое толкование внес высказанными в статье 1879 года «Лучше поздно, чем никогда» размышлениями и сам Гончаров. Именно здесь он говорит об уже упоминавшихся «загадках» происхождения Штольца. Однако, далеко отнесенные временем от романа, размышления эти несколько выпрямляют непосредственную правду давно созданного персонажа, слегка поправляют ее по сравнению с его живой жизнью в романе, писавшемся в Мариенбаде в 1857 году. Между тем, повторю, в самом романе Андрей Иванович Штольц никакими внятными социально-действенными подробностями — за исключением беглых упоминаний об участии в каких-то откуда-то в Россию поставках и о деловых интересах за границей — не отмечен. Его неутомимая социальная деятельность лишь объявлена, целиком происходит за пределами романного пространства, да, кажется, и самого Гончарова едва ли всерьез занимает. (Хотя работы, специальный предмет которых составляют деловые экономические интересы Штольца и их обширная география, в нынешнем гончарововедении существуют.)

---

[2] Так гончаровский «Фрегат "Паллада"» полемичен по отношению к «Письмам русского путешественника» Карамзина.

Потому-то и представляется, что одна из направляющих романа — это драматическое устроение взаимоотношений трех частных людей, характеры которых не социально типичны, а экзистенциально неповторимы, то есть субъектны, существенны и индивидуальны именно в выборе способа бытия. Одна из направляющих романа — путь к признанию «другости» *Другого* через отношение «заблуждение — понимание». Думается, именно о таком их свойстве писал Гончаров, настаивая на «идеальности», а не «типичности» характеров в романе: *Между тем для выражения моей идеи мне типов не нужно, они бы вели меня в сторону от цели.* Убеждение это обнаруживает не только литературно-философскую особенность романа, но и во многом объясняет происхождение его замкнутого в себе плотного словесно-психологического пространства. В той же статье Гончаров пишет, тонко акцентируя свои стилевые предпочтения и честно отмечая возможности своего писательского дара: *Если образы типичны, они непременно отражают на себе — крупнее или мельче — и эпоху, в которой живут...То есть, в них отразятся, как в зеркале, и явления общественной жизни, и нравы, и быт. А* ***если художник сам глубок, то в них проявится и психологическая сторона*** (подчеркнуто мною. — *В. Х.*).

Сложность движения Штольца в романе заключается, прежде иного, во внезапных колебаниях почвы его опыта и устойчивой веры в поступательный порядок жизни. А это, в свою очередь, расшатывает убеждение ума в возможности порядок этот не только по-прежнему осваивать и поддерживать, но и успешно развивать. Колебания же веры, в свой черед, неизбежно порождают сомнение в том, что устроение порядка в душе — возможная вещь. Как видим, движение Штольца — это движение от представления к пониманию, от установки к проблеме.

Задача автора — господствующий элемент характера, а остальное дело читателя, — пишет Гончаров в письме к И. И. Льховскому 2 (14) августа 1857 года. Следуя за писателем в распознавании характера Штольца, читатель обнаруживает в нем не один, а, по меньшей мере, два *господствующих элемента.* Первый — цельный и ясный «элемент» жесткого самовоспитания — отточен прежде всего как противоположный зыбкому и волнообразному «элементу» характера Ильи Ильича. Зато второй — «элемент» терпеливого альтруизма — сбивается чуть ли не в альтер эго Обломова. Так, двупланность душевного состава, обоснованная в начале второй части лишь «эпическим» сообщением о раннем воспитании Андрея, подтверждается в дальнейшем все более психологически драматично. При внимательном же чтении обнаруживается, что этот самый *второй элемент*, во-первых, предельно усложняет первый и расщепляет его ясную цельность. А во-вторых, означает, что настоящее воплощение личности Штольца происходит в «тройственном союзе» с Обломовым и Ольгой. То есть не вслед, а вопреки индивидуализму штольцевых «бытия и сознания».

Однако первый *господствующий элемент характера* Штольца является в виде подробно изложенной «суммы свойств» именно индивидуалиста. Суммы, состоящей из кратких, твердого резца, художественных слагаемых, постепенно и неуклонно объединяющихся в целое портрета. Иначе говоря, первое развернутое представление Штольца читателю — это оформление

в четкое целое отдельных черт характера и обстоятельств жизни. Но перед нами скорее именно портрет, чем сам герой; скорее перечисление черт, чем сами черты; скорее «идеал», чем реальный характер. Даже материал слова, из которого этот портрет сделан, так тверд и так крепко защищает от толкований картину этой самое себя воспитавшей души (которая, кажется, не может быть даже смущена), что впору говорить о портрете скульптурном. Но и он, так же, как образ охотной отзывчивости Обломова на все хорошее, создан не только внешним авторским словом-мнением, но и внутренним голосом-суждением героя о самом себе.

Второй же *господствующий элемент его характера* — происхождения не только сугубо творческого. Есть у него начало и в обыденности. Этот, уже помянутый, источник нравственно-психологического поведения Штольца связан с литературным замыслом косвенно и обусловлен свойствами Гончарова-человека. Источник этот — письма писателя как к друзьям-сверстникам, так и особенно к некоторым молодым корреспонденткам. Однако доказательный разбор влияния этого источника на строй штольцевой души потребовал бы пространного цитирования, а потому может быть предложен лишь как обоснованная догадка.

Но если все-таки осмелиться на такой источник опереться, то прояснятся многие явления, историко-критическому канону противоречащие. Явятся, скажем, приметы философской страсти, с какой осмысляется Штольцем любовь. А столь страстное осмысление явно не способствует образу сухого и деловитого рационалиста-протестанта — существа, что, подобно Штольцу-отцу, ни страстей, ни сомнений не ведает. По той же причине должны бы, с точки зрения литературоведческого канона, вызывающе и странно выглядеть такие вот слова: *Много мыслительной заботы посвятил он сердцу и его мудреным законам <...> он выработал себе убеждение, что любовь с силой Архимедова рычага движет миром; что в ней лежит столько всеобщей, неопровержимой истины и блага, сколько лжи и безобразия в ее непонимании и злоупотреблении. Где благо? Где зло? Где граница между ними?*

Сравним с этим вопрошанием Штольца — а это именно то настойчивое вопрошание, что приходит к человеку в известные моменты воодушевления ума и сердца, — несколько предельно искренних строк из большого, и морально, и философски крайне значимого, письма самого Гончарова к Е. П. Майковой (16 мая 1866 г.):...*Ваше непонимание любви. Вместо того, чтобы дать движение жизни, она дала Вам инерцию. Вы ее считали не естественной потребностью только, а какой-то роскошью, праздником жизни,* ***тогда как она могучий рычаг, двигающий многими другими силами. Она не высокая, не небесная, не такая, не сякая, но она просто стихия жизни... Не понимают или не признают этого иные, так называемые холодные люди: это просто или неразвитые люди или люди с органическим недостатком*** (подчеркнуто мною. — *В. Х.*). Почти буквальное совпадение рефлексии Штольца со зрелыми и спокойными размышлениями Гончарова кажется совсем не случайным и говорящим о многом в мировоззрении как автора, так и его героя. И, стало быть, не напрасно именно Штольцу Гончаров доверяет одно из самых сокровенных своих нравственных убеждений.

Вслед такому сравнивающему вглядыванию в «живого», а не «канонизированного» Штольца рассеивается кое-где и «плотный туман» его души. И становится видно, что душа эта озабочена требовательностью к собственным чувствам и отнюдь нерассудочной верностью дружбе: — *Ты его не оставишь, не бросишь? — говорила она* (Ольга. — *В. Х.*)... — *Никогда! Разве бездна какая-нибудь откроется между нами, стена встанет...* — что душа эта ищет понять Ольгу: *мало-помалу открывалась перед ним глубокая бездна ее души, которую приходилось ему наполнять и никогда не наполнить.* И что эта душа с избытком наделена качествами, для «занятого человека» лишними и даже нелепыми.

Поэтому и полнокровность жизни Андрея Ивановича в романе всецело обоснована присутствием в ней либо Обломова, либо Ольги, либо обоих вместе. Подлинно действующим лицом Штольц и становится-то только рядом с ними или в связи с их сердечными и житейскими нуждами. Только во взаимоотношениях с этими двумя возникают у него и душевные затруднения, и душевный покой. Больше того, только в сращении и единении с ними вяжется в его душе тяжкий узел проблемы понимания, — того понимания человека, которое приходит к Штольцу не только по зрелом размышлении, но и по зрелой совести.

Деловые же связи Штольца, повторю, писателем не числятся даже как знак предприимчивости и тем более как определяющая черта жизни. Но главное, что не числит их таковыми и сам герой: *Мрачились их* (с Ольгой. — *В. Х.*) *дни, но ненадолго. Неудачи в делах, утрата значительной суммы денег — все это едва коснулось их. Это стоило им лишних хлопот, разъездов, потом скоро забылось.* Важным оказывается содержание душевного переживания, а не форма житейского затруднения. Тогда, стало быть, и знаменитый «символ веры» Штольца: «*Труд — образ, содержание, стихия и цель жизни, по крайней мере, моей*» и звучит не столь декларативно однообразно, и истолкован может быть иначе. Или, по крайней мере, иметь и иной, кроме бесспорно социального, образ и смысл. А именно смысл духовно-нравственный.

Так, с первым же появлением Штольца в квартире на Гороховой обнаруживаются для него две заботы. Одна — наличная (и легкая) — это забота об устроении порядка обыденной жизни Ильи Ильича, другая же — насущная (и тяжкая) — это тема понимания его необыденной личности. Сначала тема эта сопутствует Штольцу лишь как дружеское недоумение и возмущение праздной бестолочью повседневности Ильи Ильича; потом, проникая внутрь души, становится уверенным желанием помочь ему «теперь иль никогда». И, наконец, превращаясь из темы в проблему, встает трагически непреодолимой стеной, суля совершенное поражение не только затеи «дружеского спасения», но и самой идеи упорного этического вмешательства. Однако, как выясняется в финале, стоило потерпеть такое поражение, чтобы проникнуться в итоге чувством *Другого* и суметь это чувство понять. То есть проблему понимания иного — непохожего и от понимания ускользающего — существа все-таки разрешить.

Но чаемое спасение Ильи Ильича, предпринятое Ольгой и Штольцем как выход из «порочного» круга сонной жизни, то есть как скорое и доступное решение *проблемы понимания*, предметом заботы и труда самого

Обломова, собственно, не является. Ему-то как раз дар понимания и своей (и другой, как своей) души дан свыше. Желание же помочь, оборачивающееся идеей спасения, — это доля и участь его друга Штольца. Вернее же, судьба Штольцева *пути*, строгой этической развитости которого он обязан пристальному — прежде всего духовному — самовоспитанию.

Развитие Штольца в романе — это образ и процесс постепенного осложнения личности, обогащения ее сомнением; это все усиливающийся спор с первоначальным безукоризненным портретом героя — разворот, так сказать, чеканного профиля к мягкой улыбке анфас. Сам же строй повествования так подвижен, что кажущееся неколебимым начальное изображение этого четкого «профиля» в конце концов сменяется видом лица милого, нервного и чувствительного. Иначе говоря, повествование Штольца, «записанное» Гончаровым, рассуждает о пути не как неуклонном движении к практической цели, а как поиске понимания незнакомого разворота знакомой души — души Обломова или Ольги.

В развенчании же чеканного портрета, в самом его основательном — от начала к концу — психологическом изменении вплоть до разрушения многих долговременных и хорошо укрепленных убеждений и заключен смысл плодотворности личности Штольца. Личность эта, задуманная как стойкая и плотная, оказывается совершенно иной. Вернее же говоря, названная вторая часть *господствующего элемента* преображает в личности Штольца первую едва ли не полностью. Свидетельствуя об этом читателю и проникая новое состояние отношения Обломова к другу, Гончаров так описывает начало последнего их свидания: — *Ты ли это, Андрей?* — *спросил Обломов* ***едва слышно от волнения*** *...* — *Я,* — ***тихо*** (подчеркнуто мною. — *В. Х.*) *сказал Андрей.* — *Ты жив, здоров? Обломов обнял его, крепко прижимаясь к нему.* — *Ах!* — *произнес он в ответ продолжительно, излив в этом АХ всю силу долго* ***таившейся в душе грусти и радости и никогда, может быть, со времени разлуки не изливавшейся ни на кого и ни на что*** (подчеркнуто мною. — *В. Х.*).

Здесь дело идет не столько о «голубиной нежности» обломовской души, сколько о чуткости ее соприкосновения с душой родной и тоже по-своему чуткой. Но, главное, с душой близкой по составу нравственного вещества. В целом же сцена свидания со сложной горечью повествует о претерпениях, душою Андрея Ивановича испытанных, и переменах, с ней произошедших. Но повествует она и о последней, почти судорожной попытке разума одолеть «бездну» — то есть понимания все же достичь и проблему разрешить.

Но понять Обломова Штольц так и не успевает. Так и остается в недоумении воспитанный и воспитующий строгий его разум. Так и не находит он объяснения поступкам другой души. Но чувства все же упорно ищут не только верного взгляда на Обломова, но и целебной веры в инакость обломовской души. Однако разуму так и недостает высоты, достигнутой чувствами, чтобы подняться до успеха понимания. Оттого и не кажется случайной прямолинейная, скрипучая (но искренняя!) риторика внутреннего монолога Штольца, итожащего последний разговор с другом, так же, впрочем, как и риторика слов, произнесенных вслух: *Прощай, старая Обломовка!* — *сказал он, оглянувшись последний раз на окна маленького домика.* — *Ты отжила свой*

век! Ибо это слова не уверенности и силы, а растерянности и бессилия. Их внешне напряженная элегичность — не знак успеха будущего времени Обломовки, а знак безуспешности настоящего времени Штольца.

Но потребность понять Илью Ильича, потребность подтвердить свое с Ольгой важное место в его жизни продолжает тревожить Штольца даже спустя годы, прошедшие без Обломова. И он, пусть запоздало, все же успевает в усердных стараниях эту неотступную потребность разрешить. Конечно, встреча на последних страницах романа со старым слугой Обломова Захаром — случайность, необходимый повод для того, чтобы случайно оборотить вспять память героя. Но отнюдь не случайно в памяти Штольца немедля воссоздается полная картина прошедшей жизни, ведь проблема понимания, будучи решенной только на одну половину (в части «обломовщины»), но так и не решенной на половину другую (в части Обломова), сохранила и прежнюю надобность и прежнюю остроту. И только пережив всю историю заново — и наедине с собой, как сделалось уже привычным, — а в долгом живом рассказе внимательному и умному слушателю, «приятелю-литератору», Штольц приближается к ее глубине и к успеху ее решения.

В целом же «Обломов» — это «роман существования», решившийся такой глубины достичь. Роман, одну из трех граней или, если угодно, ипостасей которого и являет собою история жизни Штольца. История Штольца — это история жизни, усиливавшейся понять жизнь *Другого* и тяжким трудом этого понимания достигшая. Второй философское целое романа составляющей ипостасью является проблема не менее драматичная. А именно проблема самоопределения человека на пути к взаимоотношениям с другими. Ее перипетии и нервные интонации воплощает собою жизнь Ольги. Третью же, наименее духовно уязвимую, несет в себе жизнь самого Ильи Ильича. Это проблема свободного самоосуществления, решаемая Обломовым не вслед другим, а вслед собственной душе; решаемая естественно, просто как насущная тема жизни: без исступления ума — смиренно и без принужденной рефлексии — спокойно. Хотя все-таки трагично.

Евгений ЕРМОЛИН

УБИТОЕ ВРЕМЯ. ЖИВЫЕ ЛИЦА

Спорить о том, до какой степени репрезентативны итоги премиальных марафонов, непродуктивно. Иногда репрезентативны, всегда так или иначе поучительны.

Вот и на сей раз. Безусловно, отмеченный премией Большая книга **роман Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик»** — наиболее замеченное произведение, попавшее в шорт-лист премии. Отрыв ее от соперников в баллах оказался, правда, не так уж велик. Конкуренты наступали на пятки. Но это уже неважно. Важно, что роман нашумел и получил максимальное признание. Книга разошлась большим тиражом. Ее прочитали и в столицах, и в провинции, в метрополии и диаспорах. Поэтому было бы странно, если б жюри, представляющее очень разных, подчас страшно далеких от литературы людей, но в сумме призванное явить некий срез общественного мнения, не отметило именно Улицкую.

Впрочем, об успешности этого проекта уже говорил в «Континенте» Юрий Малецкий, с общей оценкой которым романа я согласен. Однако хотелось бы кратко обозначить ряд акцентов.

У Улицкой угадывается замах на религиозно-философский роман. *Здесь*, — пишет апологет романа критик Ян Левченко, — *обитает — где и как хочет — дух научного исследования, готового обернуться философским трактатом.*

И дальше еще даже так, из уст того же бескорыстного поклонника: *«Даниэль Штайн, переводчик» — история библейского масштаба.*

Библейского! А мы-то спим и не ведаем о том.

Но если без шуток, если импортировать из свободного ганзейского города Гамбурга идею последнего счета, то нужно признать: задача оказалась не решена. Проект провален. Роман беден по мысли, а сама мысль темна и мутна. Об этом уже много сказано, к этому выводу приходишь, знакомясь с протоколами обсуждения романа в Инете: адекватная экзегеза категорически не дается спорщикам, они начинают препираться друг с другом, фактически отодвигая сам роман в сторону, потому как сам текст романа дает мало поводов для отчетливого, ясного и точного понимания. (Каюсь, и я попался на эту удочку.)

Безусловно, это не главная русская книга нулевого десятилетия. В этом, принципиальном качестве она явно не состоялась.

Евгений ЕРМОЛИН — родился в 1959 г. в Архангельской области. Закончил факультет журналистики МГУ. Как критик публикуется с 1981 г. Заместитель главного редактора «Континента». Дневник в Живом Журнале — erm_kontinent. Живет в Москве и Ярославле.

Невразумительно описан главный герой. Его противоречия — это противоречия не живой личности, не творческий анамнез мыслящего и чувствующего *Я* героя. Это противоречия авторской интерпретации, в которой концы с концами не хотят сходиться. Улицкая явно не справляется с заявленной неординарностью своего героя.

У героя этого есть прототип. По крайней мере, так писала автор. Об этом также много спорили. Но о прототипе мы можем судить по тексту романа с трудом, догадками, сквозь мутное стекло интерпретации, и в истинности авторского прочтения сущностного качества прототипа можно усомниться. Тем не менее, оценивая ситуацию с дистанции, можно сказать, что прототип интереснее героя. А герой с его нескладицей мыслей и с его рваным пунктиром духовной биографии все-таки любопытнее, чем сам автор.

Автор же, увы, в основном остается на грани банального и заурядного. Приемы Улицкой часто грубы. Скажем, анализ легко подменяется впечатлением. К примеру, в письме к подруге-переводчице так рассказано о визите Даниэля Штайна в московскую квартиру автора: *Сел на стул, едва доставая до пола ногами, обутыми в сандалии. Очень приветливый, очень обыкновенный. Но при этом, я чувствую, что-то происходит — то ли кровлю разобрали, то ли шаровая молния под потолком стоит. Потом я поняла — это был человек, который жил в присутствии Бога, и это присутствие было таким сильным, что и другими людьми ощущалось.*

Ну, вот так...

Военная судьба Даниэля выглядит какой-то сказкой, написанной поверх трезвой логики факта, а затем приписанный персонажу таким образом героизм становится опорой в утверждении истинности его идей. А особенно огорчает регулярная попытка компрометировать идеи и веру других лиц в романе демонстрацией несовершенства этих самых лиц, их носителей.

Впрочем, скорей всего и эта упрощенность техники стала одним из факторов, обеспечивших успех романа. Если не переоценивать духовный уровень читающей публики, то можно согласиться: простота, относительная примитивность идей и средств — верное средство привлечь внимание и завоевать популярность. И Улицкая давно знает этот секрет успеха (хотя, возможно, и сама себе не признается в том, до какой степени попсовым автором она стала). Как снисходительно-сочувственно заметила одна сетевая эмансипе, abfenko, в книге этой *ровно тот московско-кухонный уровень рассуждений о национальных и религиозных вопросах, который мне привычен. Как будто я с мамой разговариваю.*

Мысль ее элементарна и понята всеми, кто хотел ее понять. Отношение к этой мысли разное. Точнее, не к ней самой, а к ее антуражу. К тому, что ее исповедует католический монах, священник. И она даже (по тексту) вроде как получает санкцию Папы (здесь уже не о прототипии нужно говорить: изображена историческая личность, Иоанн Павел II). Как справедливо замечено одним из критиков романа в Сети, будь главный герой не христианином, а просто добрым и достойным человеком, к роману не было бы никаких богословских претензий, но это был бы совершенно другой роман, а не «Даниэль Штайн, переводчик».

Дело в том, что мысль романная тянет на такую ревизию христианства, после которой оно уже скорей всего перестает христианством быть. Это такое усовершенствование веры в результате «усилий по выковыриванию Бога из обветшавших слов», после которого от ее основного содержания остаются рожки да ножки. В самом прямом выражении заповедь новой религии Улицкой-Штайна звучит так: верь как хочешь, только делай добрые дела и не делай злых. Ортопраксия (правильные поступки) все, ортодоксия (правильные мысли) — ничто. Дословно: *А Даниэль всю жизнь шел к одной простой мысли — верьте как хотите, это ваше личное дело, но заповеди соблюдайте, ведите себя достойно. Можно быть даже никем. Последним агностиком, бескрылым атеистом. Но выбор Даниэля был — Иисус, и он верил, что Иисус раскрывает сердца, и люди освобождаются Его именем от ненависти и злобы...*

Этакое получается морализирующе-редукционистское неотолстовство, упрощающее и самого Толстого до детской азбуки.

Или — гиперпелагианство. (В недавнее время пропелагианский роман написал, помнится, и Игорь Ефимов — о Пелагии персонально, с погружением в эпоху, с богословским ресурсом. Тенденция однако.)

Собственно, прочие детали и обстоятельства проповеди, которая явным образом присутствует в тексте нового благовестника, уже не столь важны. Если верить разрешается по-любому, то странно придираться к тому, что Иисус у Улицкой и ее героя Штайна как бы не совсем Христос, а Богоматерь вследствие этого как будто бы уже и не Богоматерь, а *просто Мария* (как в одном давнем, то ли бразильском, то ли мексиканском телесериале). Или что Троица для героя — лишь своего рода умозрительная абстракция. Странно, конечно, что он, оставаясь католическим священником, изнутри Церкви ведет подкоп под ее догматические основы. Но случались в XX веке и не такие патологии — как в личном опыте человека, так и в сфере художественном воображения[1].

---

[1] И все-таки одно вызывает потребность откликнуться: попытка Улицкой не просто приватизировать христианство (здесь она не первая и не последняя, и к этим претензиям мы еще вернемся), но — национализировать его. Критик Сергей Беляков верно пишет: *...книга Улицкой — это разумное, грамотное, хорошо обоснованное оправдание национализма. Не обязательно национализма еврейского, еврейский национализм здесь лишь частный случай <...> Слияние церквей невозможно, поскольку невозможно слияние народов. С каждым народом «Бог говорит на его языке», а переводчиком между евреями и русскими, греками и литовцами может стать только праведник, подобный Даниэлю Штайну. Но и он останется только переводчиком, ему не под силу преодолеть национальные различия, да он сам, не желая противиться ни Божественному замыслу, ни собственной природе, к этому не стремится. Мир погибнет без праведников, но не в силах праведника изменить человеческую природу.* Белякову особо нечего вроде бы возразить, он считает, что не существует универсальной веры и общей Церкви, где нет ни еллина, ни иудея. А я не соглашусь. Да, Штайн при горячей поддержке автора ведет дело к созданию некоей национальной церкви, национальной еврейской версии христианства. Что говорить, этот путь тоже имеет популярность, и он кажется мне гораздо более пагубным, чем многие иные зигзаги штайновой

Думаю, что для простодушных читателей-почитателей Улицкой эти вопиющие тонкости слишком сложны, далековаты от их жизненного мира. Им по душе у Улицкой другое: проповедь открытости, толерантности, веротерпимости; идея доброй и удобной веры, чуждой надрыва и трепета, сопряженных с острым переживанием греха. Бог всегда под рукой. Он погладит по голове, приобнимет, простит, поможет и спасет.

На самом деле, очень удобна и приятна новая религия Улицкой-Штайна! В ней много щедрой души, в ней есть женское тепло и в ней совсем нет драматического и кризисного переживания бытия, провалов и тупиков, неразрешимых вопросов и напрасных взываний, парадоксов любви и ненависти, нет почти ничего из трагического и стоического религиозного опыта. Нет, в общем-то, дьявола. И даже мелких бесов нет. (Если не иметь в виду, что самая актуальная тактика лукавого состоит, вероятно, именно в том, чтобы сделать вид, что его не существует как активной и действенной силы, работать анонимно, соблазняя прелестями духовного и телесного комфорта, идеей духовного шопинга.)

Комфортабельная вера потребительского века. Как по близкому поводу шутил Виктор Пелевин, *солидный Господь для солидных господ.* Верблюжье одеяло.

Я бы сам иногда хотел так верить. Да вот не получается никак. Уж слишком, приторно сладка эта манная каша! Отвлекаясь от моей сугубо здесь случайной персоны, замечу в общем и целом: для того, кто знает ад богооставленности и ужас богоотступничества, кто решался на битву с собой и уползал потом прочь с пылающей раной в сердце, кто имеет опыт поражения и смерти, мелки и трогательно смешны сиропные истины Улицкой и ее протеже. Такой человек и людей и мир вообще любит иначе: покаянной последней любовью, неразжимаемой судорогой исстрадавшейся души. (Можно только поразиться, как формально, как, в сущности, номинально главный герой Улицкой пережил кошмар собственного существования в 40-х годах, когда он оказался драматически вовлечен в водоворот второй мировой да еще в роли гестаповского служаки.)

Симптоматично также, что новую веру проповедует у Улицкой человек, далекий от иерархии и официоза, бродячий аскет и подвижник. Именно такая фигура, пожалуй, наиболее близка почитателям романа как образ выразителя нового религиозного настроения и движения. *Разве Сын Человеческий в поношенных сандалиях и бедной одежде принял бы в свой круг эту византийскую свору царедворцев, алчных, циничных, которые сегодня составляют церковный истеблишмент?* Структуры, иерархии пребывают в глубоком кризисе, особенно у нас в России. Их кажущееся помпезное величие все меньше сопрягается с реальным авторитетом и духовным влиянием. В то же время энтузиасты-учителя, почти пророки, богоискатели, странники и

веры. Национализированное, огосударствленное, политическое христианство разного разбора стало самым, может быть, явным признаком внутреннего кризиса современной веры, ее объязычивания. Однако главное в христианстве и происходило, и происходит над этими заборами и перегородками. Избавь нас Боже от христианства чуди и мери, вятичей и кривичей.

мистики (вроде обличителя «сиономасонства», ИНН и прочих примет глобализации иеросхимонаха Рафаила Берестова[2]) находят благодарную аудиторию и собирают жатву нежных и пламенных чувств[3]. Здесь Улицкая не просто верно угадала — явление само легло ей в руки.

Вспоминаешь аналогичный феномен: внезапный успех фильма Павла Лунгина «Остров», где Петр Мамонов воплотил образ героя того же типа. Уже тогда, год с лишним назад, стало ясно, что общество взыскует праведника. Люди хотят верить в то, что где-то есть человек, который отмолит их перед Богом, поможет и защитит, сотворит чудо. Да, мы мелки, жалки и быт наш пошл, мы живем на поводу у каприза и прихоти и падки на наслаждения потребительской цивилизации. Но там, во глубине руд, на каменном острове, на Святой земле есть молитвенники-старцы, защитники-покровители-чудотворцы. На них стоит мир.

Быть может, чаянья эти и взысканья эти неглубоки. Но в них есть своя логика, подобная вождизму новой эры. На такой способ видеть реальность есть спрос. Вот и Улицкая привела на этот рынок сусальных надежд своего скорого помощника и заступника, этакого актуального Николу Угодника и Чудотворца (проекцию простонародного мифа о святителе Николае Мирликийском).

Герой Мамонова, конечно, сильно отличается от Штайна. В нем есть много такого, чего Штайн не знает, или не признается, что знает. Темный покаянный пламень, истовость и напряжение веры, страх потерять нить связи с Богом... Всех этих обременительных сложностей герою Улицкой не дано. А читателям романа скорей всего они и не нужны (так выходит). Избыточны.

И все-таки внимание читающей публики к героям этого типа может свидетельствовать о том, что потихоньку оттаивает душа, закованная в XX веке льдами идеологий. Почти повсеместно в мире, и в России тоже, происходит религиозная реформация, связанная с опытами личной веры и с попыткой вступить в диалог с великими традициями, которые, как полубесплотные призраки, стоят на кровавом горизонте минувшего столетия.

Беда, однако, в том, что Улицкая скорее воспользовалась этой конъюнктурой, чем двинула дух вперед; откликнулась на самое поверхностное из того, что есть в современном религиозном и околорелигиозном сознании. Она плохой поводырь. Путь ее ведет в тупик. Там хорошо жить, но удовольствие от такой жизни подобно наслаждениям от мизерностей существования в мировой нефтегазоносной провинции. Все неплохо здесь, включая суммы литературных премий. Бдительный пиар караулит покой и порядок. Но лишь до поры.

Случилось — и погиб Штайн. И дело его разом угасло, община распалась. Конечный вывод романа, зафиксированный, но до конца не отрефлексированный самой писательницей, — тщета всего земного, в том числе и всех прекраснодушных нелепостей, которыми Улицкая наделила своего священника-ренегата. Печальный итог ложно употребленных благих намерений.

---

[2] См., напр.: http://www.russian-inok.org/pagen.php?page=tema/0506tema4

[3] Характерен, к примеру, пензенский апокалипсис этой осени, когда вопреки всякому здравому смыслу и без серьезной духовной работы почитатели Петра Кузнецова и Зои Никитиной в ожидании конца света замуровали себя в подземных катакомбах (см.: http://www.rusk.ru/st.php?idar=174231).

Книги двух других лауреатов Большой книги, Варламова и Рубиной, не столь принципиальны. Значительный, колоритный человек в фокусе внимания часто оказывается решающим аргументом в пользу книги. Не факт, что именно поэтому вторую премию получил **Алексей Варламов** с **книгой «Алексей Толстой»** (серия «Жизнь замечательных людей»). Но...

Объемистое, умное, добросовестное повествование о нутряно одаренном писателе с гибкой спиной и умелым языком, которого тоже можно, кажется, счесть и назвать ренегатом. Граф А. Н. Толстой изменил высокому предназначению писателя, великому делу русской литературы и превратил литературное творчество в доходный промысел, в ремесло, в обслуживание заказчика.

Год назад с другой писательской биографией проблистал в премиальном марафоне Большой книги неутомимый Дмитрий Быков, автор ЖЗЛьного «Бориса Пастернака». Его удостоенная главной премии книга написана в первую голову поэтом: как лирическое признание. Оттого ее герой получился подозрительно похожим на автора — гедонистом, гастрономом, гурманом, оптимистом и немного циником. Варламов же — прозаик, социальный реалист. И он со своим героем никакого сходства, тем паче тождества не ищет.

От этого при чтении возникает сложное чувство. Никак не соединишь эти невольную симпатию, заставляющую вникать в самые несущественные детали толстовской жизни, — и пафос приговора, порождающий регулярные суровые резолюции по поводу новых и новых толстовских прогибов и капитуляций.

Книга написана и получила признание. Хотя я, в сущности, так и не понял, зачем нам сегодня история жизни этого советского сибарита и талантливого литературного лакея. Ведь скорей всего и от самого-то Толстого в близкой перспективе останутся в фокусе читательского внимания лишь умело переложенные с итальянского оригинала «Приключения Буратино». Конечно, тема самопродажи художника, конформизма и сервильности вечно актуальна[4]. Но закладывать ее в добротно-увесистый том... Но претен-

[4] Не столь давно скандальный сюжет, актуализирующий тему, горячо обсуждали в связи с письмом «четырех президентов» различных художественных институций. Был среди них и *Никита Михалков*, в поведении которого небезуспешно пытались различить наследственную сервильность. Может быть, в случае Михалковых именно факт наследственности, чуть ли не врожденности служения (обслуживания?) придает дополнительный объем их манере, чего уже не скажешь о массово расцветающем ныне среди лицедеев угодничестве и угодниках новой формации: *Пореченкове, Боярском, Калягине, Збруеве, Безрукове* и проч. Михалков — лакей с идеологией, он в новейшем своем фильме «12» ведет, например, к выводу, что русским прежде всего нужно единство соподчинения и субординации, а не свобода. На свободе русский человек, по Михалкову, становится сущей размазней или хищной дрянью. Овцой или волком. Вот отчего Михалков заставил своих присяжных сидеть до ночи, лишь бы они в итоге проголосовали единогласно, аккуратно направляемые мудрым кормчим (в собственном исполнении Михалков предъявил еще одного праведного мудреца). Разномыслие у них ему не по душе. У нас, в отличие от США, откуда позаимствована основа коллизии, присяжные не обязаны, вроде бы, выносить решение единогласно.

довать на сосредоточенно-заинтересованное внимание к ней читателя... Вышла этакая вещь в себе.

Впрочем, еще меньше мотивирована серьезной и ответственной задачей другая писательская биография из финального списка премии — **«Человек с яйцом» Льва Данилкина**. Это гламурный симулякр. Автор, известный глянцевый критик и законодатель вкусов офисной молодежи, эстетически смакует, как смакуют фирменные сыры с жилкой плесени, личность и дело беллетриста и публициста-мракобеса Александра Проханова. Даже не знаешь, кто в этом контексте отталкивает больше: герой с его маниакальной патетикой — или обсасывающий его (чтоб затем выплюнуть) автор книжки.

Правда, и у Данилкина, и у Варламова глухим эхом проходит одна принципиальная для современной русской словесности, пораженной постимперским синдромом, тема: судьба империи. По-своему об этом рассказывает и лауреат третьей премии **Дина Рубина** в романе о нищей юности в глухой имперской азиатской провинции, **«На солнечной стороне улицы»**. Все в нем есть: бедная молодость, полная творческих замыслов и порывов; тупая ленивая власть; криминальные интриги и страсти; жар раскаленного юга... Рубина умеет вести рассказ и увлекательно, и с душой. Книга встает в ряд повествований, создающих миф о ныне канувшем в бездну времен городе-призраке, населенном миллионом разноязыких душ, когда-то полном жизни, страданий и блаженств (ташкентский миф С. Афлатуни; нечто в этом роде мы читали и о былом Баку у А. Гольдштейна, А. Мамедова и др.). Но чего-то самого главного у Рубиной нет, что сделало, к примеру, книгу об Алма-Ате Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей» по-настоящему великим романом.

Империя, погибая, тащит за собой столько, сколько может. Советская империя в этом отношении особенно опасна и тлетворна. На закатном горизонте умирающей империи встает образ катастрофы. И она расставляет последние точки в судьбе страны и героев. Этот фаталистический шлейф влачится в пространстве нашей литературы по сию пору.

Так или иначе рассчитываются с имперской памятью и решают вопрос об имперском бремени произведения из финального списка Большой

Как было замечено многими авторами откликов о фильме, в России достаточно голосов большинства. Но в фильме члены жюри выясняют отношения до финального аккорда единомыслия... Правда, режиссер делает одно исключение. Где-то в душе он как будто и не против свободы. Для себя. Свободу заслужили очень отдельно взятые особи творческого полета. Таков, к примеру, герой *Маковецкого*, который может пойти против течения. В последней сцене этот герой открывает окно, чтоб у пташки, залетевшей в помещение, была возможность вылететь на волю. Выбирай, мол. «Хочешь лететь? Лети. Хочешь остаться — останься. Только решай сама. Никто не решит этого за тебя». С улицы веет мраком и холодом. Задувает снегом. Но птичка летит туда. И правильно делает, ИМХО. Однако есть чувство, что этот рискованный выбор пока что не про нас. Много ли среди нас таких птичек? Не знаю. Но пафосная сервильность режиссера мне чужда. Я люблю опасную свободу, которой зачем-то наградил человека Бог. И вас, и нас, и всех.

книги и лонг-листа Русского Букера (опубликованные в «Континенте» **«Круг неподвижных звезд» Александра Вяльцева** и **«Свеча горела» Николая Верещагина,** а также **«Неверная» Игоря Ефимова** (женщина и ее мужчины на фоне советских и американских реалий), **«Посторонний» Анатолия Азольского, «Когда падают горы» Чингиза Айтматова**[5]...) Больное, деформированное время, гниющее общество, распад личности, гибель интеллигенции как органа самосознания нации — в разных поворотах эти печальные опыты исторического скепсиса и цинизма реализуются в произведениях из финальных списков.

У **Владимира Маканина** — в недооцененном боязливыми жюристами дерзком **«Испуге»** (феерической саге в новеллах о сенильной любви на фоне царящего в мире бедлама).

У **Андрея Дмитриева** — в припадочно-обморочной, криминально-ночной, разве что чуть-чуть недостаточно сюрреально-сомнамбулической **«Бухте Радости»** (о вырождении интеллигента в лоха).

У **Алексея Фомина** в **«Атипичной пневмонии»,** да и в очередной антиутопии-контристории **Дмитрия Быкова «ЖД»** или у **Андрея Волоса** в не весьма обязывающем собрании пестрых глав **«Алфавита»**, где автор находит подлинное только в частностях.

Почти обо всех этих вещах я так или иначе уже говорил в БСК (а о Маканине писал уже не раз)[6]. Исключение — не опубликованная в журналах «Атипичная пневмония», которая как раз абсолютно не исключительна. Фомин предложил свой вариант довольно традиционного в современной литературе синтеза романа приключений, политического детектива, социально-идеологической прозы и антиутопии. У него в 2015 году Москву охватывает страшная эпидемия, от которой герои бегут на юг, попутно собирая впечатления хаоса и находя в этом хаосе себя. Фомин концептуализирует эту сюжетную схему, внося в роман толику прожектерского оптимизма и связав его с надеждами на возрождение здоровой общественной ткани в ситуации полного распада и окончательного разложения российского прошлого.

Из этого ряда и авантюрные повествования о войнах героев с социумом, попытках самоутверждения, победах и поражениях на этом пути: романы с фантастическим допущением и социальным подтекстом — книги **Игоря Сахновского «Человек, который знал все»**[7], **Алексея Слаповского «Син-**

---

[5] См. в БСК: «Континент», № 131, 133.

[6] См., напр., «Континент», № 131, 133.

[7] Эксперт в области фантастики В.Ларионов в Сети (http://lartis.livejournal.com/503810.html) укоряет Сахновского за психологическую недостоверность. В романе неудачник-герой после удара электротоком (была попытка самоубийства) приобретает способность мгновенно получать любую информацию. Откуда — неизвестно. Мысленный вопрос — и ответ мгновенно всплывает в мозгу мэнээса Безукладникова. В его положении — безнадежное безденежье, любимая жена только что ушла к знакомому бизнесменчику, с должности ночного продавца в ларьке мгновенно выперли за недостачу — одним из первых вопросов Безукладникова в мировое информационное пространство стало сакраментальное: «Где деньги лежат?».

дром Феникса», **Анатолия Курчаткина «Цунами»**, римейк пушкинского «Дубровского» — **«Генеральская дочка» Дмитрия Стахова»**[8], масштабный лирический эпос о судьбе нефтеносной провинции **Виктора Строгальщикова (цикл романов «Слой», «Край» и «Стыд»)**. Каждый из этих авторов не прочь и нафантазировать, а Строгальщиков уходит от хроники к антиутопии (как недавно сделал и покойный Роман Солнцев в своем недооцененном сибирском романе «Золотое дно», подводящем неутешительный итог мифу о Сибири как советском Клондайке и советском острове Свободы).

Собирательный образ происходящего в прозе такого рода — одиссея без благополучного финала. Итаки (родины) больше нет; возможны лишь условные подмены, имитации. *Слишком долго мы блуждали в глубине морей*

В этом контексте характерен и получивший премию Русский Букер роман **Александра Иличевского «Матисс»**. Однако сам факт премирования именно романа Иличевского несколько озадачивает. Конечно, этот плодовитый московский автор всеми любим, он забалован и зацелован литературной тусовкой, к тому же выбор его дает основания сказать, что жюри решило поддержать молодежь — и кто может быть против, господа? Ведь и точно: Иличевский в новом веке — третий после Олега Павлова и Дениса Гуцко лауреат Букера из поколения 30-летних. Ему 37, как и его герою, физику Королеву.

По замыслу «Матисс» — это вроде как роман о поколении, родившемся в 1970 году. Поколении, на молодость которого выпало крушение советской цивилизации, а потом шторма и бури незабываемых 90-х. Реально же постижения опыта этого поколения в романе почти нет. Беру право сказать об этом жестко.

Во-первых, герой Иличевского начисто лишен исторической памяти. Просто напрочь. Советское прошлое в его сознании обрублено, он не знает

Конечно же, — пишет, — В. Ларионов, — *деньги бандитские, бандиты завязаны на власть и политиков (они сами власть и политика), Безукладникова начинают искать, а он, пользуясь своими суперспособностями водит мафию и насквозь коррумпированные правоохранительные органы за нос. <...> Во второй части романа Безукладников оказывается за границей, полноценно и хладнокровно (я бы сказал, флегматично) воюет уже с международными спецслужбами и прочими охотниками за его феноменальным даром — лакомым кусочком абсолютно для всех: от политиков и военных до бизнесменов и гангстеров. Герой претерпевает заметную метаморфозу, из слабака превращается в незаурядного человека. Но автор как бы стесняется полноценно и объемно показать читателю все, что происходит непосредственно с Безукладниковым, что делается внутри героя...*

Думаю, что для Сахновского этот сюжет является поводом вовсе не для психологического анализа, но для чего-то вроде гиперкомпенсации. Роман — рефлексия на тему абсолютных возможностей и связанных с ними в современном мире угроз. Причем рефлексия довольно стандартная. Но значимость ему (как и другим вещам из этого списка) придает яркое, отчасти гротескное описание социальных реалий, власти, бизнеса, мафии, а также (и прежде всего) уже ставший обычным в нашей словесности тип героя-маргинала, оппозиционера, аутсайдера...

[8] См. мои отзывы в БСК: «Континент», № 131 и 133.

его ни по личному опыту (ну, вот так это сделано!), ни по опыту взрослых (вероятно, именно для этого герой сделан детдомовцем, почти беспризорником), ни из книжек (не читал?). Он не умеет его понять и в его свете объяснить себе настоящее. Потому и наступающее постсоветское время воспринимается героем не как что-то выбранное, за что он хоть немного отвечает и во что вмешивается, чтобы изменить обстоятельства. Герой лишь пассивно отдается эпохе. Это пикаро наоборот. Королев живет, принимая все, что с ним происходит. Он и его сверстники «развивались параллельно со временем турбуленций, они были первым лепетом этого Времени, и, нехотя пренебрегая переменами, они все на них невольно озирались, рефлектировали, оглядываясь на самих себя и могли, в отличие от остальных, более свободно, более одновременно обозревать: неясный — то ли камни, то ли рай — берег и унылый, отстоящий вечно горизонт. Иными словами, у них была уникальная возможность движения — вдоль волны». «Вдоль волны» персонаж дрейфует из института в Долгопрудном — в датскую аспирантуру. Оттуда снова в Россию, к ядерному ускорителю в академическом институте. Затем в цех сборки контрабандных компьютеров, в Александров, где ставит на заводе конвейерную линию компьютерных мониторов. Потом пускается в коммерческие обороты, средств от которых хватает даже на квартиру на Пресне...

Это — так сказать, социальный план. Он наиболее скучен, поскольку свидетельствует только о какой-то тягостной духовной ушибленности героя, которого тащит по миру воля обстоятельств и каприз. Иной раз писатель не чужд и любомудрия. Но эта философичность производит впечатление фальсифицированной, имитированной. Она сводится к претенциозным банальностям и ложной многозначительности. Косноязычные длинноты и темноты не врастают в ткань бытия героев.

Кроме того, есть еще план психологический: мир как личное переживание. Причем переживание это совершенно не опосредовано осмысляющей социальной или духовной рефлексией. Оно не связано ни с общественным пафосом, ни с сильными страстями (включая любовь; герой о ней не знает), а состоит из просто и лишь наивно-непосредственных реакций на окружающую среду. Такой вот мыльный пузырь.

В этом контексте 90-е годы предстают у Иличевского как мир навязанного хаоса и беспричинных бедствий. Они жестоко редуцированы до мрачных гротесков разрухи, развала, бреда.

Очень, так сказать, своевременная интерпретация недавнего прошлого. Не думаю, что Иличевский сознательно шел за политической конъюнктурой. Но он очень удачно с нею совпал, легко откликнулся на атмосферические веяния. Счастливое свойство! А букеровское жюри, вероятно, знало, что делало, поощряя этот свежий взгляд на проклятое прошлое. (Впрочем, его председатель, беллетрист Асар Эппель, все-таки перестраховался. Ведь либеральная жандармерия не дремлет. Если верить «Новым Известиям», он, рассказывая о главной причине победы «Матисса», уверил: *Текст должен быть хорошим, а идея произведения меня мало интересует.* Репортер добавляет: под «хорошим» г-н председатель понимает *умение автора излагать мысли красиво и с минимальным количеством точных слов.*) ...Я думаю про себя: почему мне такое не дается? Почему я не могу совпасть с волной,

как герой Иличевского и сам автор? Я не хвалил 90-е, когда их ругали лишь коммунисты. Но теперь мне что-то расхотелось их обличать, тем более верить пристрастно-недоброму взгляду Иличевского или лукавству Эппеля.

Чтобы усугубить невыгодное для «ельцинской России» впечатление, наш автор привлекает еще двух героев, бомжа и его дурочку-подругу. Они понимают в происходящем еще меньше, чем Королев, да и не напрягаются чего-то понять. (Хотя по сюжету бомж мальчиком вроде б получил религиозно-церковное воспитание. Увы, писателю это не пригодилось.) Потому эти герои могут только непосредственно реагировать. Вот так, в жанре спонтанных всплесков эмоций, они, к примеру, реагируют на описанные Иличевским события октября 1993 года, свидетелями которых невольно оказались. В восприятии персонажей это нечто мутное и жуткое. Повод для психической травмы. Точка.

Хочется наконец спросить, а сам автор — он что, так же обделен способностью вносить смысл в брожение бытия?.. Выходит, что так.

В конце концов Королеву обрыдло служить социуму, вертеться, как белка в колесе, в мире лишенных глубокого смысла забот и трудов. Нет у него призвания делать деньги или карьеру. Герой решает окончательно расстаться с социальными обременениями (благо, он одинок, как перст и ничем фатально не связан). Бросает свое жилье. Сначала блуждает в московских подземельях, а потом отправляется с парочкой бомжей скитаться по стране. Это его способ почувствовать себя свободным.

Вообще-то, такой сюжет не нов. Чем-то эдаким на рубеже веков пробавлялся *Олег Ермаков*, надорвавшись в итоге на эпопее скитаний своего героя и замолчав. Проза его была не менее мутна, хотя и не менее талантлива органически. Она успешно забыта.

У критиков (скажем, у Аллы Латыниной) были попытки возвести скитания героя Иличевского к архетипу русского странничества: «...странничество Королева — это путь, которым шли мудрецы и бродячие проповедники, основатели религий и сект, святые и юродивые».

Да, Иличевский актуализирует извечную русскую тему *ухода*. Боюсь, при этом духовное странничество и паломничество было спутано с простым бродяжничеством и попрошайничеством. Никакого духовного прорыва у Иличевского или его героев нет (как не было и у героя Ермакова). Есть — на фоне невразумительного бунта против лжи социума — нечленораздельно-томительное впадение в какую-то дочеловечность, звериность.

Рыхлый и бессмысленный роман Иличевского не лишен, разумеется, достоинств. Автор обладает каким-то звериным инстинктом изобразителя. У него хищный взгляд. Вербализация визуальных реалий, пластика деталей даются ему легко. Сумма их, увы, еще не дает романного качества. Он отлично схватывает облик реальности и не может остановиться, пытаясь нанизать впечатления на какой-то стержень. Но стержня нет.

Жутковато выглядит эта пронзительная зрячесть при полной духовной слепоте. Как будто дикая природа смотрит здесь сама на себя.

Вроде бы жюри выбирало между романами Иличевского и Малецкого. Выбор получился более чем симптоматичный. Увы.

Роман **Юрия Малецкого «Конец иглы»** являет собой опыт прозы, которая во всем противоположна сомнамбулическому визионерству Иличевского и беллетризации духовного опыта у Улицкой. Этот писатель чужд дидактики, у него нет героев того простодушно-праведного типа, который вошел в моду. Он осознанно пренебрегает и деталями наглядно-предметного мира, и панорамированием социальности. Его совсем не занимает внешняя оболочка реальности. Литература решает у него только ту задачу, которую помимо нее не может решить никто, задачу душеведения, анамнеза и диагностики душевных болезней. Малецкий извлекает из хаоса жизни и фокусирует только внутренний мир и опыт героя, именно жизнь души, бытие один на один с главными собеседниками или в кромешном одиночестве. И события, и вещи, чтобы получить право на присутствие в его прозе, должны пройти через душу персонажа.

Я уже писал, что, по моему твердому убеждению, Малецкий — лидер современной русской прозы религиозного горизонта. Значительность его главных вещей трудно переоценить. Это проза интенсивного духовного опыта, концентрированный сгусток смысла. Она похожа на перенасыщенный раствор, так что при чтении у тебя в душе выпадают смысловые кристаллы. Здесь мы имеем неразбавленный беллетристическими приправами концентрат неповседневного опыта, оригинальное свидетельство о современном человеке, реализацию смысложизненной коллизии — в традиции Достоевского и Толстого. И более того, писатель решается шагнуть в то пограничье, где мистически совершается встреча человека и Бога. Пожалуй, этот мистический вектор в его последней вещи максимально силен. Смерть советской старухи, зараженной атеизмом и агностицизмом, в изображении Малецкого становится опытом парадоксального обретения Бога. Беспредметное веяние духа, опознаваемое душой персонажа, автор передает с удивительной тонкостью. Так говорить сегодня об этом, об изнанке мирозданья и драме веры, может сегодня у нас только он.

«Конец иглы» — проза, заново написанная. В предваряющей этот небольшой роман заметке автор говорит, что четверть века назад он уже пытался осмыслить ту тему, к которой вернулся сейчас. Речь идет о его дебютной повести «На очереди», опубликованной под псевдонимом Юрий Лапидус в 1986 году в «Континенте» — журнале, в котором впоследствии были напечатаны едва ли не все главные произведения Малецкого[9].

Безбожная эпоха, по Малецкому, — это мир относительных и условных величин. В их кругу обитают его персонажи, в этом отношении вполне типичные для своего времени. Они просто забыли о Боге, даже если знали о Нем. Но однажды каждому из них предстоит в упор наткнуться на то, что в этом мире фикций и условностей видится единственным абсолютом: на смерть. И оказывается, что встреча советского человека со смертью — критический апогей его существования.

---

[9] Я тоже пишу по канве прежнего своего текста, потому как однажды уже разбирал роман Малецкого (см.: «Новый мир», 2007, № 9). Здесь, в кратком обзоре, ничего принципиально нового к тому довольно подробному разбору я не добавлю, моя задача — просто дать представление о событии в контексте премиальной прозы.

Главная героиня Малецкого, зубной врач Галя Атливанникова, — конформистка, согласившаяся с идеологическими догмами советской эпохи, принявшая их как факт веры. Это вполне искреннее приспособленчество, привычное и уютное согласие формировало строй ее сознания, позволяя чувствовать себя комфортно в том мире, который ее окружал, вопреки не самому стандартному происхождению и не самой удачной национальности. И вот, уже в глубокой старости, однажды ночью происходит мистическое событие — героиню навещает смерть. Так она это поняла. Пришла, побродила и отошла. И фетиши эпохи бледнеют и вянут только от одного студено-мрачного веяния внезапной гостьи.

Старуха Галя копает, как крот, пытаясь для себя понять, зачем же она жила — перед лицом утрат и одиночества, в канун окончательного небытия, личного холокоста. И оправданий у нее в итоге не находится. Однако по ходу своих мыслечувств она — с гимназических времен атеистка — самопально открывает вдруг для себя наличие некой одушевленной силы; Силы. Той, которая играет человеком, как слепым кутенком, и, наигравшись, отправляет его в помойное ведро. Вот здесь и начинается, здесь и происходит центральное событие в ее жизни. В ее духовном опыте. Она, эта закисшая в своей квартире провинциальная дура, эта проржавевшая гайка великой спайки, вдруг открывает в себе ресурс бунта. Всем остатком своего скудельного существования Галя восстает на неправедную, в ее понимании, Силу, обрекающую человека сначала на страдание, а потом на небытие.

По сути, его героиня, сама это не сразу поняв и оценив, восстает на Бога. Ее новый опыт — классический опыт богоборчества. И встречается она — впервые — именно с Богом. Смерть — только псевдоним. Героиня обманулась, ошибкой узнав в Боге дьявола. Но она не обманулась в мотивах, в содержании предъявляемого счета. Удивительный духовный сдвиг в том и состоит, что, восстав на Бога, героиня наконец хоть в чем-то обретает незыблемо прочную позицию. За жизнь против небытия, за добро против зла, за сострадание и милосердие. Восстание оказывается вариантом личной молитвы, способом веры.

Приближаясь к финалу романа, Малецкий создает ряд замечательных сцен. Не знаю, как пересказывать эту вещь. Дам просто финал, поневоле обширной цитатой: *Только теперь, отделившись от жизни, значит, и себя живой, она услышала впервые извне голос этой силы, столь сильно за долгую жизнь соединившейся с ее естеством, что старуха чувствовала ее своей и только своей, такой же частью себя, как сердце или мозг, и не умела увидеть ее отдельно. Для нее это была она сама, Галя Абрамовна, и это она своей силой сопротивления противилась силе своего врага — Смерти. И вот теперь старуха услышала донесшийся извне-изнутри голос этой отделившейся от нее силы, голос, не заглушаемый больше умолкнувшим навек шумом крови. И эта бывшая сила ее сопротивления сейчас вдруг странно и страшно соединилась не с ней, но с Силой Смерти. Обе тянули ее в Ничто Никогда, убивая по дороге. Но когда они взяли ее за обе руки, раскачали, кружа, и бросили туда,— сквозь тошноту и удушье, сквозь треск раздираемой земной материи,— тогда-то навстречу ей, брошенной с размаху в печь Смерти, уничтожающей тело и душу без остатка, чтобы их не испачкать (как и хотелось ей еще так*

недавно), навстречу ей — или изнутри ее? кто скажет? — раздался голос надежды, жившей, выходит, и в безнадежном отчаянии смертельного распада и вышедшей из него живой, хоть и поврежденной.

И ей открылась ее непостижимая, но властная принадлежность живой Смерти. Вопреки всему, что она знала о зле, та, которую она называла Высшей Злой Силой, та хотела ей помочь. Чувствуя, как незримые могучие руки ее тащат вверх из трясины разлагающегося гнилого тела, Галя Абрамовна успела все же ощутить — эта сдвоенная Сила, как ни странно, чуть ли не нуждалась в ней, Геле Абрамовне Атливанниковой! Ее не могли просто так прихлопнуть — коль скоро за ней пришли специально, значит, она на учете, она в исчисленном, известном поименно ряду. Ужасный, немыслимо ужасный уход ее в Ничто Навсегда был, откладывался там, у Нее, вертикально, подобно тени на стене, он был неслучайным, серьезно-важным, живым. Старуха думала, что жизнь это смерть, и так оно и было, стоило всего лишь поменять слова местами: смерть была жизнью.

Сердце перестало биться, кровь остановилась в жилах, а Галя все еще корчилась и глотала, и глотала, безуспешно пытаясь пробиться в смерть, в жизнь, сквозь узкий коридор, сам пробивающийся куда-то и оттого все более вытягивавшийся и сужавшийся. Она согласилась уже с правильностью происходящего, но хотела умереть поскорее — удушье превышало ее силы. Но Гелю никто не учил, как умереть по своему хотению, и, неумелая, она отдалась тем, кто умел умерщвлять, как надо.

Тогда горло ее поддалось вдруг; в несказанной тоске ее вынесло из себя, во что-то белесо-темное. Она выдохнула себя из себя с последним облегчением и падала теперь вверх, в разверзнувшуюся над ней бездну. Старуха поняла, что покинула наконец себя, когда увидела под собой свое маленькое детское тельце в зеленой шерстяной фуфайке поверх гимназического платья с белым воротничком, полулежащее в слишком большом для него кресле с черной резной спинкой, сплюснутое, словно оттиснутое печатью, подобно мышке, настигнутой мышеловкой, или, чтобы подыскать более приличное сравнение, хотя все приличия потеряли теперь всякую цену, — подобно печатному изображению на тульском прянике.

Увидела сосульку леденца, тающую на ложечке вывалившегося языка, остекленелые, выпученные от удушья глаза на бывшем своем лице, и поняла, что умерла и мертвые веки некому закрыть, и это неважно, потому что она умерла, умерла во веки веков, умерла сейчас, вне всяких сомнений уйдя в Ничто Навсегда. Выбыв из живущих, дыша смертью, она не удивлялась, что огонь, разведенный ею на столе ясно видимой из Смерти очень маленькой комнаты, перекинулся на скатерть, прожег ее, перекинувшись на дубовый стол, и дым от костра спаленной жизни потянулся за ней сквозь прозрачную крышу. Это был непорядок, но, бессильная устранить его, она не волновалась больше, зная, что дыму все равно не догнать ее; потом исчез и дым, и костер, и комната — все, кроме дыхания, изменившегося, забывшего о необходимости вдыхать и выдыхать: можно было обойтись и без этого, просто дыша самим дыханием. Оно было зримым, это второе дыхание: прямая нить прозрачного серебряного света. Оно и она стали едины, она ступала легко-легко по серебряной лестнице вверх, все дальше, все ближе, наконец, соединяясь на пересечении, как пе-

риферийная железнодорожная ветка с главной, с золотым лучом, исходящим от светящейся точки, тихой и малой, но неизмеримо большей, чем она, чем все-все-все, чем бесконечность, которую можно увидеть только когда нельзя и вообразить, когда увеличиться уже немыслимо и невообразимо — и все-таки увеличивающейся и, став уже больше бесконечности, выйдя за ее беспредельы, продолжающей, несмотря ни на что светить золотым лучом навстречу ей, маленькой Гале.

Такой силы и ясности, такой ответственной решимости *духовное письмо* — уникальное событие в нашей литературе последних десятилетий. И вместе с тем что-то из важного и главного Малецкий сознательно оставляет недоговоренным, не переступая грань Тайны и не присваивая себе прав на суд и милость.

Оценивая то, что случилось в романе, я могу предположить, что богословская интуиция автора фокусирует благодатность смерти. Малецкий запечатлевает ужасное содрогание естества, производимое в момент отхода. Но тотально страшна смерть у него только для усеченного сознания. Когда же это сознание раскрывается вечности, приходит иное знание. О нем нельзя сказать, но можно передать его наличие как факт. Да — героиня прощена. Думаю, что прощена. Почему? Может быть, потому, что, преодолев свое ничтожество, восстала. Может быть, в этом раскрылась та мера и степень веры, которых хватило для спасения. Может быть, Бог прощает всех... Что мы вообще про это знаем?.. И Малецкий знает не больше и не прибегает к домыслу. (Не случайно роман назван «неоконченной повестью».) Но он умеет дать словесный образ события с такой убедительно-победительной силой, которая говорит уже сама за себя.

Еще один ракурс прозы религиозного горизонта, отмеченный в премиальных списках, — свидетельства обретения веры молодым героем.

Так, **Александр Вяльцев** в своем лирико-исповедальном **романе «Круг неподвижных звезд»** делает по-настоящему отважную попытку вывести своего героя из мира фантомных величин, из страны имперских мнимостей к иному, надежному берегу, к личной вере. Никто не рассказал в нашей литературе лучше его (и, добавлю, его жены, прозаика и критика Марии Ремизовой — Маты Хари) о советских хиппи 80-х годов с их инфантилизмом и жертвенностью, надрывом и выбором свободы и веры.

Более скромным по совокупности достоинств и проблем выглядит **роман Майи Кучерской «Бог дождя»**. Его заметило и отметило студенческое жюри Букера. Первая версия романа появилась в 1996 году в журнале «Волга» («История одного знакомства»). Спустя 10 лет Кучерская переписала роман, значительно изменив первоначальный замысел. По ее словам, в новой версии «время зафиксировано, как мне кажется, с документальной точностью. Конец 1980-х — начало 1990-х, именно так все и было, так вот, тогда жили люди моего круга — студенты филфака МГУ. Кто-то ходил на сейшны, хипповал, ездил по трассе, кто-то просто прилежно учился, кто-то крестился и начал новую церковную жизнь, молился, постился, как сумасшедший, а некоторые, кстати, пытались все это соединять. И моя героиня именно из тех, кто хочет жить сразу всеми жизнями одновременно».

Любовь молодой студентки-неофитки и ее 37-летнего духовника иеромонаха Антония — неожиданный и, как говорится, «чисто женский» ракурс повествования. Одна читательница изложила в Сети свои впечатления в пассаже, который позволяет оценить суть книги: *Это женская книга, простая и ясная. Изюминка, приправа, высокие слова в исповеди не очень уместны. Мне кажется что, честно и прямо, как было, как есть, так и написала. <...> Мне было интересно, действительно интересно, как она справиться, как переживёт своё чувство, как избавиться от него и страшно и горько от того, что она от него не избавилась, а продолжала жить вместе с этим, может даже не с любовью, а с духовным надломом. Вначале, да похоже на переживание воцерковления, но ближе к концу нет уже никакого воцерковления, есть личная драмма и чувства которые заслоняют и церковь и Христа. И как же в дальнейшем Ане перешагнуть через это и бодрыми шагами зашагать к храму? Или, как в начале книги опять найти себя в глухом тупике, во мраке...* (http://kuraev.ru/smf/index.php?action=printpage;topic=28233.0)

Вещь Кучерской камерная, почти интимная. В ней нет провокации, нет пошлости. Только трепет чувств и зов вечности. Масштаб заявки здесь в основном соразмерен свершению.

Максимально пессимистичны авторы двух принципиальных книг, вышедших в 2006 году, небезызвестные Виктор Пелевин и Владимир Сорокин.

Виктор Пелевин создал очередную, парадоксально-щегольскую книгу-притчу об обществе и человеке, с очевидными здесь, как и в других его зрелых вещах, элементами острой социальной сатиры. Социально-философский роман **«Ампир V»** кажется иногда подзатянутым, но интеллектуальное напряжение неизменно оказывается достаточным, чтобы не заскучать.

Социум в понимании Пелевина неисправим. Так было, так будет. На сей раз, в соответствии с параболой замысла, миром у него руководит правительство вампиров, по сути — специфической касты. А человеку остается только с этим смириться. Он — кто-то типа шудры в средневековом индийском обществе.

Точнее, у главного героя, молодого москвича, который (по логике притчи) наделен вполне стандартным, среднетиповым устройством, есть личный выбор. Он искушаем и соблазняем властью, возможностью войти в правящую касту, стать почти что богом. И он отдается этому соблазну...

Если с долей легкого насилия убрать из книги фантазийный ореол, она станет похожа на публицистический памфлет, точно, как умеет это автор, схватывающий характерные черты современности. Впрочем, менять в книге ничего не нужно, конечно. Доля безумия, которая есть в прозе Пелевина, давно уже на каком-то ином, более глубоком уровне отвечает качеству нашего времени.

Антиутопия **Владимира Сорокина «День опричника»** проще и конкретнее. Автор от попсово-конъюнктурных опусов 90-х годов и начала нового века, по сути, возвращается к тому, с чего начинал когда-то еще в позднесоветские времена, к соц-арту «Очереди» и «Нормы», с неизбежным сатирическим нажимом. Он приземляет несколько умозрительные фантазии

Татьяны Толстой в ее «Кыси», адаптирует придуманный ею язык, изображая в своей антиутопии Россию будущего как Русь примерно так XVI века и выбирая в герои наследника опрично-карательной традиции в отечественной истории.

Наивность и простодушие, которые у многих в современной словесности маркируются позитивно, Сорокин сочетает с насилием, жестокостью, тотальным контролем.

Его роман это прогноз, в котором много фатального и почти отсутствует момент предостережения. Сорокину чужда логика искренней идейной борьбы с роком истории, с социальным безумием. Он просто не имеет этого ресурса в своем арсенале (в отличие от Пелевина, который по крайней мере пытается такую возможность нащупать). Нет у него, пожалуй, и претензий на философичность, которые слишком часто приводят (Быкова, например) к мысли о круговороте российской истории, где ничто не ново и все повторяется. Но за счет яркости деталей роман выигрывает у многих других вещей в популярных жанрах антиутопии и параллельной истории. Складывается ощущение, что Сорокина схватила и зачаровала изображенная им перспектива и он транслирует свои видения как некий медиум.

Кто ответит будущему и вечности в литературе минувшего года? Что в ней останется, что уйдет? Мы знаем не все, и можем только предполагать. Но если делиться личными ощущениями, то я назову несколько авторов, упомянутых в этом обзоре, и попробую дать формулу главного смысла, которая мне показалась убедительной.

Малецкий. Редкостный опыт фиксации экзистенциального прорыва на пороге небытия.

Пелевин. Умная попытка интеллектуального обобщения исторической ситуации в форме притчевого гротеска.

Маканин. Максимально чуткое сканирование текущего момента.

Вяльцев. История нашего современника как путь духовного роста.

Сорокин. Жутковато-убедительный сон о будущем.

Я ошибся? Угадал? Посмотрим.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И КРИТИКА

(Третий квартал 2007 г.)

1. Художественная проза

А. «Дружба народов», «Знамя», «Москва», «Наш современник», «Новый мир», «Октябрь»

Московские журналы в этом квартале публикуют пеструю прозу, которая нечто сообщает и о том мире, в котором мы живем, и о тенденциях в литературе. Но особой новизны в этом сообщении нет. Вследствие этого на сей раз мы приняли решение ограничить обзор журнальной прозы лишь наиболее заметными вещами[1].

Герман Садулаев в остроумной **повести «Учение Дона Ахмеда»** («Дружба народов», № 9; журнальный вариант) повествует о встречах рассказчика с крестным отцом чеченской мафии в Петербурге, воспроизводя модель повествования, когда-то освоенную Карлосом Кастанедой, но в совсем ином контексте. Дон Ахмед в пространных монологах делится мудростью хозяина жизни с героем-скептиком. Получился почти трактат. Любопытен этот чеченский криминально-политологический взгляд на давнюю и недавнюю историю страны. Надлежит ли эту мудрость принять всерьез? Трудно сказать. Во всяком случае прозаик явно многое придумал сам. Проект Дона Ахмета (сопровождаемый критическими комментариями рассказчика) состоит в следующем: *Чеченцы с их активностью, с их авантюризмом, должны стать новыми варягами для России и возродить величие ее государственности. Это будет не эксплуатация, а взаимовыгодное сотрудничество, симбиоз. Но есть другие силы в мире, они боятся возрождения России, поэтому постоянно хотят устроить в ней пожар, используя чеченцев, как запал. Уже было два пожара, две войны. Много чеченцев погибло. Но те, кто остались, должны понять — не в войне с Россией наше предназначение. У нас есть другой, общий враг, который притворяется нашим другом, а сам раздувает конфликты, вставая то на одну, то на другую сторону...* В конечном счете Дон Ахмед вступает в неравную схватку с передовыми отрядами китайских триад и гибнет. Финал повести таков: *Из дружины Дона Ахмеда никто не вернулся из боя. Они погибли, как спартанцы при Фермопилах, защищавшие античный мир от нашествия персов. Они смыли своей кровью все грехи, вольные и невольные, совершенные ими в своей неоднозначной жизни, и заслужили свой рай, свою Валгаллу. Я предлагаю почтить их память вставанием и минутой молчания... Спасибо, можете сесть.*

Дмитрий Новиков в отличном **рассказе «Беломор»** («Дружба народов», № 9) представил экстракт своих любимых тем. Наверное, главная из них —

[1] Читателям в этом номере также предлагается моя статья-обзор прозы, так или иначе отмеченной в 2007 году в премиальных списках. — *Е.Ермолин.*

опыт свободы от мелкого и пошлого существования, экстатический восторг при встрече с первозданно-подлинным бытием. Так трактуются свидание с Белым морем, с небом, с хлябями земными и небесными, рыбная ловля... Примерно вот так: *Утро на Севере, помимо прочих красот, хорошо еще тем, что не бывает похмелья. Вернее, оно есть, но посреди острых страхов, чудовищных предвкушений и сладости окрестностей чего оно стоит? Лишь легкий смурной оттенок в потоке нереально мощной жизни, в который ты попал, попав сюда и ничего до этого не зная. Словно в прошлом, городском, южном, похотливом и плясательном своем существовании ты был куриное яйцо — гладкое, самоуверенное, незамысловатое. И только здесь твоя скорлупа начинает покрываться легкой сеточкой трещин, которые с небольшого отдаления можно принять за морщины, — ты мудреешь на глазах, на ногах, на ноздрях — целиком. И через несколько дней, когда твоя тельняшка вдруг пахнет не гадким потом, а соленым ветром, ты вдруг поймешь всю цену слов, и запахов, и звуков...* Другая тема — наступившее в этих краях разорение и запустение как результат жестокого XX века. Цитатой из «Плотницких рассказов» Белова выведены два одиноких старика-аборигена: трудяга и бывший советский начальник.

Очень хороша и очерковая **повесть Новикова «Строить!»** («Знамя», № 9) — бесхитростное, но умное повествование о том, как рассказчик (автор) строил дом в деревне. Это стало поводом и для вдохновения, и для жизнепознания.

О плавании на самодельном плоту из пластмассовых бутылок по северной реке Вычегде рассказывает **Елена Холопова** в записках, названных именем плота — **«Не-Тикий»** («Знамя», № 8). Картины природы и жизни здесь напоминают то, что видит герой Новикова. Дикая красота первозданной природы, глушь и запустенье, разрушенные храмы, а там, где живут люди, — свалки, залежи мусора... Но по установке это скорее изложение произведенного опыта и журналистские наблюдения. *Подплыли к деревне Рябово. На высоком хорошем месте, откуда открывался прекрасный вид на широкую реку и безбрежные леса, стояла разрушенная (понимаю, что повторяюсь, но что ж делать, не врать же? — да, очередная разрушенная) церковь с удивительным, выложенным кирпичом куполом. Какие раньше были мастера! Почему такая тяжесть не упала вниз до сих пор, несмотря на обваленные углы и проломы в стенах? <...> Вокруг церкви как заведенная, с большой открытой кровавой раной на правой передней ноге бегала вороная лошадь. То появлялся в проеме несуществующей двери, то исчезал где-то в глубине развалин встревоженный жеребенок. А рядом равнодушно бродили коровы. В этот храм совсем не хотелось заходить. Не церковь, а конюшня, в которой страшно даже лошадям.* Автору эти места не должны казаться экзотикой, Елена Холопова живет в деревне Коквицы, в Республике Коми.

В **романе «Белая дыра»** («Дружба народов», № 6–7) алмаатинец **Николай Веревочкин** представил мир, заполненный яркими фантастическими гротесками. Реалистичный социальный посыл, взятый из сегодняшней действительности, трансформируется в причудливое круженье образов и смыслов. Люди выродились, мир запаршивел, власть зла и греховна, а простодушный герой то ищет счастье (или хоть золотой клад), то впадает в уны-

ние и отчаяние, то на пороге смерти вдруг получает какие-то чудесные средства насадить в пределах одного отдельно взятого села гармонически-утопический порядок... Что-то среднее между фэнтези и антиутопией. Веревочкин мастер на всякие придумки, он убедителен в деталях, но плохо держит интригу в целом и не контролирует объем повествования.

Свой вариант популярного ныне жанра антиутопии предлагает и молодой алмаатино-московский прозаик **Михаил Земсков**, ранее публиковавшийся под псевдонимом Иван Глаголев, в **романе-фантасмагории «Перигей»** («Дружба народов», № 8). Главный герой после многолетнего вынужденного отсутствия возвращается в Россию. Страна его не радует. Хотя смеются и радуются здесь едва ли не все поголовно. За годы его отлучки Россия стала цивилизацией «хихикающих дегенератов». Чтобы население не мешало реализации ее планов, власть нашла самое верное средство: разномастные развлечения. По словам сохранившего способность к критическому суждению аборигена, *когда люди смеются, у них что-то выделяется в мозгах — какой-то химический элемент, — и они чувствуют себя счастливыми. А счастливыми людьми проще управлять. Любой тоталитаризм держится либо на запуганных, либо на счастливых, которые всем довольны. Вот наши власти и строят гуманный тоталитаризм счастливых и смеющихся людей.* Земсков конструирует мир примитивных радостей, снаружи веселый, подспудно недобрый и страшный. В его вымысле есть убедительность деталей, есть подчас и черты искусственности.

О бестолковом хаосе современной провинциальной жизни в манере наивно-лукавого сказа с элементами фантастического гротеска (памятники, сходящие с пьедесталов, и пр.) поведала и **Наталья Арбузова** в **повести «Город с названьем Ковров-Самолетов и земли, кругом лежащие»** («Дружба народов», № 7).

Анатолий Клименко в **романе «Приговоренные к власти»** («Москва», № 8, журнальный вариант) представил современного государственного деятеля. Андрей Подрезов — прагматичный политик, при соввласти был партфункционером, после стал губернатором, заседает в Совете Федерации... Все у него на мази, все под контролем; не сам, так сыновья держат бизнес в руках. Ну а тут новые выборы, интриги, против героя зреет заговор... Очерково представлена панорама провинциальных событий в весьма типичной области. Сам автор то ли фаталист, то ли умело скрывает сарказм.

Пермяк **Сергей Трушников** в **повести «Государственная тайна»** («Наш современник», № 7) живо и ярко описал в дневниковой форме будни редактора независимой газеты в провинции. Его обвинили ни много ни мало в разглашении государственной тайны! ФСБ, губадминистрация, суд, журналисты, писатели... все это вперемешку с личными перипетиями.

Уфимец **Игорь Савельев** в рассказе **«Как вариант»** («Знамя», № 8) представил также довольно типичного, хваткого, преуспевающего москвича. *Андрею было тридцать два, и ему было хорошо. Креативный директор радиостанции. Успешный мужик. Сам себе хозяин. Высокий доход, как производные — дорогая еда, дорогое питье, эякуляции с дорогими женщинами, и все зашибись. Ему, мальчику из занюханных Люберец, все удалось. И можно было, руки раскинув — с «я король мира!», нестись перед такси, как свадебная кук-*

ла на капоте. Он навещает своих родителей, живущих на окраине подмосковного городка, и вдруг чувствует пустоту своего существования и ощущает вкус подлинности в старых домах и простых нравах осевшего тут простонародья. Бодрое, энергичное письмо; открытый финал.

Анатолий Найман в **рассказе «Тесный мир»** («Октябрь», № 9) связал в один узел несколько женских судеб. Итог неутешителен: богемная девочка Ада уехала из Питера в США, разбогатела, но счастья не нашла, а те, кому она хотела помочь на родине, стали жертвами мафиозного беспредела. Интонация автора энергически-саркастическая.

Правдоподобно-анекдотичен **рассказ Александра Цыганова «Окружная дорога»** («Москва», № 8). Тема: как страшно жить. Простые обыватели пребывают в непрестанном перепуге: между молотом и наковальней, бандитами и не менее страшным всевозможным ОМОНом. Вообще, по Цыганову, на страхе и основана современная жизнь. Простые милые люди — не в размер социуму.

Сибиряк **Михаил Тарковский** в **повести «Тойота-Креста»** («Октябрь», № 8) рассказывает о любви красноярского водилы Жени (перевозчика японских автомобилей) к заезжей московской дамочке Маше, с телевидения. Он в нее втрескался, а она не слишком. Сибирь — край простых, суровых, надежных мужчин. Москва — место всякой сложности и кривизны. Такую нехитрую и до оскомины привычную для него житейскую философию проверяет Тарковский отношениями своих героев. Машина, та самая «Тойота-Креста» — она, выходит, надежнее, чем самая лучшая барышня-гастролерка. Мыслей у Тарковского немного, но он хороший, старательный живописец, тщательно, как опытный ремесленник, работает с образом, с деталью. Живая пластика жизни в его исполнении вполне убедительна.

Причудливым любовным коллизиям в основном посвящены и некоторые тексты, публикуемые журналом «Дружба народов». В **повести** петербурженки **Аси Лавруши «Софико»** (№ 9) главная героиня — грузинка-музыкантша. Она и жизнь, и любовь воспринимает как музыкальную пьесу. Весьма культурная проза, сочиненная от большого безделья. У другой умелой беллетристки **Аллы Боссарт** в **рассказе «Marie d'elle»** (№ 9) ординарный муж мается рядом с женой — сумасбродно-гениальной поэтессой; а в рассказе **«Владыка»** автор поведала и вовсе странную историю о грузинском (опять же) священнике, который от живой жены постригся в монахи и вскоре стал даже архиереем. А жену не зря зовут Медеей... К чему все это придумала Боссарт? А примечталось так...

Еще более замысловат и игрив **Борис Горзев**. В **повести «Морфозы»** (№ 9) он придумал для героя-москвича средних лет компанию из Акакия Акакиевича и хемингуэевского старика, но в основном лишь затем, чтоб рассказать про то, как этот герой однажды в Кандалакше переспал с гулящей девкой, а потом не раз о ней вспомнил и наконец освежил знакомство уже в Москве и Коктебеле. Правда, провинциалка в Москве перековалась и стала вполне габаритной офисвумен.

Витиеват вымысел в **повести Арама Яврумяна «Игра воображения»** (№ 7). Молодой человек влюбляется в неприступную красавицу (и вроде бы немного ведьму), она приобщает его к таинственным искусствам: сначала

хиромантии, а потом и вовсе выходу из собственного тела. Довольно банальная беллетристика.

Схожего типа беллетристическая продукция обильно представлена и в других журналах. Скажем, в «Знамени» (№ 7) это два изощренно-щегольских, а la Бунин, **рассказа Андрея Кучаева** из цикла **«Темная сторона любви»** (героев тянет к женщинам по-разному: один покоряется жадной похоти партнерши, другой ищет свой любимый тип, угадывая его в повороте головы, изгибе локтя, пряди волос надо лбом).

Существенней по замыслу и ординарней по исполнению два **рассказа («Бескорыстная»** и **«Лорелея»**) **Александра Мелихова** в «Новом мире» (№ 7). В каждом из них главная героиня-женщина — существо бесстыдно-корыстное, хищное, эксплуатирующее мужчин и в этом отношении вполне адекватное характеру современной меркантильной эпохи (в то время как мужчины, даже успешные, наивны и несчастны). Он же в **рассказе «Новосветские помещики»** («Знамя», № 7) изобразил еврея, добившегося успеха при новых порядках и пустившегося во все тяжкие. Супруга его, верная спутница, не может понять и принять такие метаморфозы.

Игорь Штокман в **рассказе «Дальнее облако»** («Москва», № 8) дал очерк настоящей, тяжелой любовной страсти в антураже 50—60-х годов; этой страстью испепелен его герой, в котором автор напоследок предлагает увидеть себя самого. В **рассказе «Вот ляжет зима...»** литератор Стрельников в разводе чувствует себя неприкаянно, пока не понимает, что ему нужно вернуть душевный контакт с сыном-подростком, который остался у матери... Штокман, как обычно, значителен, жестко сентиментален, но многословен. ...*Хмель не брал его. Не брал и потом, уже за столом, когда пил вместе со всеми под гнусавое и щемящее душу магнитофонное нытье Окуджавы. Где-то в полстола, часа в три ночи, он кивнул ей, позвал... Вышли на крыльцо, прошли по застывшему в морозной тишине саду, сели у забора на старые бревна...*

Скорее изощренным этюдом на тему слепоты и зрячести выглядит и **рассказ Ильдара Абузярова «Вместо видения»** («Новый мир», № 8). *Это только кажется, что на ощупь жить тяжело. Не такая уж жизнь и неприятная штука, если прощупать ее со всех граней.* Слепой музыкант играет в крематории и наслаждается рецепцией мира, которая дана ему остальными органами чувств. Одно плохо — не знает утоления любовь его к некоей прекрасной даме. Неизвестно, впрочем, так ли уж и это плохо.

В замысле **повести Марка Харитонова «Ловец облаков»** («Знамя», № 8) любовь сопрягается с творчеством. Изображен смолоду витающий в облаках гениальный и непрактичный юноша Иннокентий, который неустанно пишет свою легкомысленную подругу и музу Веронику. Он умеет видеть «*в пространстве, пустом для других*», нечто свое, облачное, размывающее привычные координаты и контуры. Но мир суров и страшен, картины приходится продавать демонически-бессовестному дельцу... Харитонов по обыкновению пишет с большим избытком, страшно многословен, тавтологичен, постоянно на грани банальности, умело скрываемой, однако, за счет культурности, сюжетных причуд и высокоразвитого искусства вариации.

Анна Лавриненко в **повести «Время моей жизни»** («Новый мир», № 8) сопрягает любовь и творчество не менее интересно. Возможно, даже более.

Уже года два Лавриненко представляет в журналах тексты, которые служат чем-то вроде пособия для читателя, — о современной молодежи. Эта начинающая писательница идет нарасхват. Не уверен, что ее проза предназначена для молодых, но свидетельство о беспафосном, жестковатом мире молодых современников, ориентированном на искренность и честность, она дает. Или, по крайней мере, сообщает нечто об окружении юного автора. На сей раз перед нами — история студенческой рок-группы. Герои Лавриненко просты и, пожалуй, типичны. Они вообще даны скорее внешне. Персонажи не боятся никаких слов, не прочь пойти на житейский эксперимент, пьют и курят что попало, но серьезного жизненного выбора им не предъявлено. Жизнь их банальна и лишена сколь-то высоких духовных горизонтов. Что-то в них есть щенячье. В органичности очеркового свидетельства Лавриненко не откажешь. Глубины в ее прозе пока нет, как нам уже приходилось констатировать.

Евгений Эрастов в **рассказе «Вот оно, глупое счастье...»** («Москва», № 7) развел в разные стороны мужа-врача и жену-учительницу. Они вместе не могут, но и врозь не очень получается.

Собрание **рассказов Владимира Тучкова «Линии жизни»** («Новый мир», № 7) — запоздалое эхо постмодернистских литературных забав 90-х годов. Тучков тогда уже отметился со своими гладкими, тщательно выписанными, умело просчитанными фантазиями (иной раз казалось даже, что в них преломилась реальная жизнь; но, наверное, лишь казалось). Давно уже вышел им литературный срок, а Тучков не переменился, законсервировав свои умения и возвращая их время от времени к употреблению в изначальном виде. Нынешняя его тема — странности и причуды любви. Вплоть до тяжелых патологий. В рассказе **«Случай из частной практики»** пылкий муж, искренне любит жену, но в своих снах бьет ее смертным боем, и сны эти переворачивают в конце концов саму реальность. Любовь супругов в рассказе так велика, что муж должен убить жену... В рассказе **«Тот свет»** некий социальный аутсайдер и любитель кинохроники влюбляется в мелькнувшую на экране физкультурницу, участницу физкультурного парада 1939 года, и затем разыскивает ее, живехонькую, в современной Москве. Сделав обратную, «под старика», пластическую операцию, он даже женится на своем ветхом кумире... Едва ли можно воспринять всерьез эти беллетризированные страшилки и ребусы.

Вероника Капустина в **рассказе «Живите долго»** («Новый мир», № 9) попыталась дать экстракт-формулу жизни героини. Жизнь отчего-то представлена здесь практически исключительно как мученье и труд, с двумя подробно зафиксированными кульминациями, которые знаменуют момент трансформации девочки в женщину и женщины в старуху.

Рассказы Ирины Богатыревой публикуют «Новый мир» (**«Подводные лодки»** — № 8) и «Октябрь» (**«Сторонник»** — № 9). Нехитрые истории. Девочка в деревне у бабушки. Молодой квартирант в доме, населенном стариками. Там и тут познание, более полное узнавание людей, которые обитают в чужих мирах, примиряет с жизнью, как таковой. В этом есть, конечно, скромная правда.

ПРОШЛОЕ в современной прозе то старательно реконструируется, то становится предметом игровых манипуляций, подчиняется причудам вооб-

ражения. Ко второму полюсу, пожалуй, ближе нашпигованная сентиментальными вымыслами, хотя и лишенная фантастического колорита **«Закавказская баллада» Владимира Пестерева** («Дружба народов», № 8) — о воображаемой бабке рассказчика и разных романических перипетиях из ее жизни. Молокане, быт и нравы. Рассуждения автора на разные темы.

Роман-монолог Леонида Зорина «Выкрест» («Знамя», № 9) — история известного исторического персонажа Зиновия Пешкова, брата Якова Свердлова, усыновленного Максимом Горьким. Форма традиционна для прозы Зорина последних лет: сочиненный автором монолог персонажа. Культурная, хорошо укорененная в историческом контексте проза. Автор с позиции рассказчика, умудренного жизнью человека, дает оценки событиям и персонажам мировой истории первой половины XX века. Взгляд его на политику скептичен, он ценит человеческие отношения и недолюбливает идеи.

***Повесть клепсидры* Владимира Березина «Жидкое время»** («Новый мир», № 8) — этюд в новеллах, в быстро устаревшей манере 90-х. В конце 30-х некий гений изобретает чудесную машину, способную повернуть время вспять. Применить ее он, однако, не успевает... *Время — вот странная жидкость, текущая горизонтально по строчке, вертикально падающая в водопаде клепсидры — неизвестно каким законом описываемая жидкость. Присмотришься, а рядом происходит удивительное: пульсируя, живет тайная холодильная машина, в которой булькает сжиженное время, отбрасывая тебя в прошлое, светится огонек старинной лампы на дубовой панели, тускло отсвечивает медь трубок, дрожат стрелки в круглых окошках приборной доски. Ударит мороз, охладится временная жидкость — и пойдет все вспять. Сгустятся из теней по углам люди в кухлянках, человек в кожаном пальто, офицеры и академики.* Затем вокруг этого автор накручивает еще гору фантазий. Неплохо придуманная и умело выполненная постмодернистская конструкция оставляет чувство недоумения. Какое отношение это имеет к современной словесности?

Иначе смотрит на время один из самых интересных наших прозаиков религиозного горизонта **Владимир Курносенко**. В числе лучших публикаций сезона — его **цикл рассказов «Неостающееся время»** («Дружба народов», № 9). Рассказчик вспоминает о школьных, институтских друзьях и подругах, размышляет о том, как непросто и болезненно, бестолково и бесповоротно закручивается их жизнь. Прелесть этих незамысловатых историй в том, что автор ищет и находит глубокие основания и причины простых вроде бы событий и житейских обстоятельств, вдумчиво и тактично, без чрезмерной дидактики привлекая для них религиозные объяснения. Иные его афоризмы напоминают о важнейших истинах религиозного опыта. Например, такой: *Человек становится несчастным не в наказанье, не наказуемый Богом «за грехи», а отказываясь мало-помалу от Его участия в своей жизни.* Умеет Курносенко дать оценку и позднесоветской социальности, на фоне которой разворачивается у него драма и фарс человеческой жизни. К примеру, так: *Мысль не была высказана, не была сформулирована, а как-то вычувствовалась, сквозя в интонации, в междометиях и кратких обмолвках по близким поводам, и мысль была та, что жизнь наша окрест, буде она отчасти али всерьез интеллигентская, буде простонародная, она, сберегаясь до некоей чер-*

ты промыслом Божиим, сама-то давно, с почитай второго десятилетья течет не в Христовых заповедях и даже не по старозаветным Моисеевым, а осуществляется по понятиям, где воровское «западло» и «не западло» для уточнения слуха переделано в «порядочно» и «не...». Что все это одно долгоиграющее, самовоспроизводящееся недоразумение, все ***не то****, не то, чем считает себя и за что выдает, и, за вычетом двух-трех языческих идолов наподобье «Дом» и «Государство», сводится оно к животной и обреченно-абсурдной идее выжить.*

Ирина Василькова в **повести «Садовница»** («Новый мир», № 7) представляет героиню, которая вспоминает о своей матери и болезненно, ревниво собирает задним числом свидетельства нелюбви, равнодушия с ее стороны. С другой стороны, мать для нее воплощение женской тайны, женской сути... Подробная, умная проза с надрывом.

Про все подряд очередная **повесть Сухбата Афлатуни «Пенуэль»** («Октябрь», № 9). Ташкент, старики, девушки, девочки... История века, история жизни, зачем-то Ленин постоянно... В характерном для Афлатуни захлебе впечатлениями и композиционной невнятице. Неряшливый талант.

Повесть Вечеслава Казакевича «Охота на майских жуков» («Знамя», № 7) — колоритное, теплое, сентиментально-бытовое повествование о няньке, взятой в семью из деревни. Простовато-хитроватая, милая тетка Марьяна становится своего рода средоточием семейной жизни. «*Сала крошка да хлеба немножко» — таков был ее ответ на мучивший многих философов вопрос, много ли человеку в жизни надо.*

Еще один сентименталистского характера исторический текст — объемистый, написанный красиво и банально **роман Вацлава Михальского «Храм Согласия»**, который частями публикуется в «Октябре». Новая доза — в № 8. Две разлученные русской революцией сестры отправляются на поиски друг друга на фоне начинающейся мировой войны. Одна шпионит в Тунисе. Другая живет на полулегальном положении в СССР. Сентиментально-авантюрная обработка истории XX века приводит к засилью мелодраматических ситуаций.

Повесть калужанина **Юрия Убогого «Богимовское лето»** («Наш современник», № 8) — беллетризированная история фрагмента жизни Чехова. Левитан, Лика Мизинова... Много безмятежности, много благодушия, никаких нервов и судорог. Таков Чехов Убогого.

Заслуживает внимания **роман** вильнюсца **Григория Кановича «Очарованье сатаны»** («Октябрь», № 7). Это плод позднего опыта и искусства известного автора, отчасти эпическая сага, отчасти реквием восточно-европейскому (польско-литовскому) еврейству. Канович берет ключевой момент в истории народа — 1941 год. Сначала в еврейско-литовские местечки приходит советская власть, потом немцы... Время, когда евреи подчас оказывались заложниками или агентами жестокой власти, время Шоа, Холокоста. Но у автора нет описания террора, репрессий. Это — за сценой. Повествование в основном остается в пределах бытовых сцен. Теплый, наивный мир, простые чувства, повседневные заботы постепенно приходят во все более несовместимый контраст с большими обстоятельствами эпохи. Впрочем, Канович не чужд и символического укрупнения образов. К примеру, молодая еврейка Элишева Банквечер, которая батрачит на хуторе зажиточного

литовца Ломсаргиса и никому не делает зла, теряя всех родных, переживает глубокое потрясение и приходит к выводу о невозможности жить дальше, когда мир оказался сдвинут со своих оснований. Элишева кончает с собой, автор ее не судит. Словно бы душа народа переживает глубокий надрыв, умирая здесь и теперь вместе с самим народом... Но наиболее убедительно у Кановича звучит тема простой человеческой доброты и обнаруживаемой лучшими героями готовности помочь, спасти человека с риском для своей жизни. Плохое время, разные люди, но есть среди них и немало тех, кто не хочет уравнивать себя с подлой эпохой. Назван роман не сказать чтоб удачно.

Казарменный опыт рассказчика представляет критик и прозаик **Дмитрий Бавильский** своим повествованием **«Курс молодого бойца»** («Новый мир», № 8). Армейская проза не обещала больших открытий и не подарила их. Жестокий, полуабсурдный мир. Искры жизни. Хороший, отчетливый слог.

В том же примерно духе (с нюансами, которыми легко пренебречь) выполнены **рассказы** филолога **Олега Лекманова «Из дембельского альбома»** («Новый мир», № 9). *Уже на гражданке, запоздало обливаясь холодным потом, бывший младший сержант Гайнутдинов часто спрашивал у себя: Что меня все-таки спасло там?" Со временем он сформулировал и ответ: двухгодичное и абсолютно полное отупение всех чувств и как следствие — отсутствие страха перед завтрашним днем, перед следующим часом, минутой, секундой...* Дебют прозаика.

Беседная повесть **Ирины Поволоцкой «Жаворонок смолк»** («Новый мир», № 7) — с эпиграфом из Андрея Критского «*Яко соние, яко цвет время жития течет; что всуе мятемся?*» — это прихотливый поток речи старухи «из бывших», горожанки, рассказывающей про то, как текло и истекало ее «время жития» (30–40–50-е годы), оставляя нетронутым самое «житие». Старушка рассказывает историю своей жизни невнимательной дочери, не стремясь к членораздельности. Поволоцкая имитирует свободный поток речи, которая подчинена блужданию в потемках памяти, прихотям ассоциаций, излому синтаксиса... Эта задача порой выглядит самодостаточной. *Знаешь, Лизонька, мы вышли с Зюмой после «Большого вальса» на Театральную, смотрели этот фильм в «Метрополе», там был кинотеатр в три зала, и Зюма говорит, а настроение такое необыкновенное, в ушах Штраус, и еще лето, довоенное, солнце светит, а она — Асенька, сними шляпу! Пусть все видят твои золотые волосы! А я уже замужем была, я сняла шляпу, и тут ветер, и волосы мои дыбом. Теперь смешно. Но, вообще, мы с Нинкой, теткой твоей, обожали шляпы. И мамочка нам купила. Из соломки рисовой. С огромными полями. С цветами. И даже в Ташкенте, в войну, как сейчас вижу, моя сестра сидит на приступочке глиняной. В шляпе. Это когда ее еще не призвали как медичку. Хорошенькая. Глаза — две сливы. А мы с ней только из столовой вернулись, где по талонам эвакуированным давали затируху. Каша не каша, суп не суп. В жестяной миске темная мука комками, разведена водой, и кружок желтый с копеечку — масло хлопковое поверху плавает. Вонючее. А Нинон — Война кончится, сварю нам затируху из настоящей белой муки, на сливочном масле...* И так далее. Читать такое трудно, да и не очень ясно зачем.

Мемуарный **очерк Максима Осипова «Об отце Илье»** («Знамя», № 7) посвящен московскому священнику Илье Шмаину. Это записи из дневни-

ка (1998–2005), иногда с краткими комментариями и биографической справкой. Яркий и умный текст о незаурядном человеке. *Я вышел из церкви несколькими минутами раньше о. И. Потом появился он, окруженный благочестивыми прихожанками. На тротуаре сидело трое пьяниц. Один из них, увидев священника, поднялся и с трудом направился к о. И., двое других остались допивать. Дойдя до о. И., пьяница сложил руки для получения благословения. Надо было и благословить, и как-то выразить порицание. О. И. произнес: «Я тебя благословляю, но вполсилы, чуть-чуть». И благословил.* Нередко в тексте появляется и писатель Евгений Федоров. Например, в таком контексте, намекающем на противоречивость позднего творчества этого выдающегося прозаика: *Издал «Проклятие»* (сборник повестей и рассказов Е.Б. Федорова — *Е. Е.*). *О. И. говорит: отношения важнее общих идей. Всех, даже христианских. В этом, собственно, и состоит христианство — не так?*

Другой опыт мемуаров — довольно смачные воспоминания проживающего в США литератора **Александра Суконика «Вадим сквозь призму времени»** («Знамя», № 8). Речь идет о Вадиме Кожинове, с которым Суконик дружил в 60-х. *...Итак, вот был мой брат по духу, даже если с некоторым изъяном в смысле его странного (по первому впечатлению невежественного провинциала) национализма — что поделаешь. Однако постепенно я ощутил, что его национализм привлекает меня каким-то особенным, не дневным «толстовским», а ночным, «щекочущим», если можно так выразиться, образом...* А с другой стороны, *Лена Ермилова, жена Вадима, любила повторять: «Вадим несерьезный человек, таким его надо понимать и принимать», и она знала, что говорит (то есть какой говорит парадокс). Вадим был очарователен, может ли очаровательность быть серьезной? Я думаю, что Вадимова несерьезность была замечательным качеством именно потому, что прежде всего он сам себя не принимал всерьез, и его очарование состояло в его легкости и в том, как он непрерывно гулял (то есть как бы не жил плотной жизнью, но скользил вдоль нее).*

А **Станислав Куняев** в очерке **«Лейтенанты и маркитанты»** («Наш современник», № 9) разделал под орех поэта Давида Самойлова. Воспоминания у него свободно перемежаются с обильными рассуждениями, общий смысл которых в том, что Самойлов — фигура в русской литературе едва ли не случайная.

«Последний разговор с Назымом» («Октябрь», № 8) — пространные мемуары вдовы Назыма Хикмета **Веры Туляковой-Хикмет**. Турецкий революционер в 1951 году оказался в эмиграции в СССР, где революционный импульс давно иссяк в той номенклатурно-официозной среде, в которой Хикмет в основном вращался. Но Хикмет верил, что СССР — действительно страна счастья. Он принял «Кубанских казаков» за правдивое изображение прекрасной советской жизни, а увиденные по пути из аэропорта лачуги — за музей дореволюционного быта. Но потом ему многое пришлось понять.

«Выбранные места из дневников 2005 года» Сергея Есина («Наш современник», № 7) — пестрый сор писательской жизни. Есин все-таки органично русский писатель: реагирует на все, что происходит в стране, что попадается ему на глаза. Суждения его всегда пристрастны. С ним легко и просто спорить. Тем, очевидно, дневник и интересен.

Новый набор коротких воспоминательно-автобиографического характера **рассказов** филолога **Александра Жолковского «"Хорошо!" Виньетки»** предлагает «Новый мир» (№ 9). Занятно, без глубины, прочитал — и забыл.

Роман проживающего в Германии **Олега Юрьева «Винета»** («Знамя», № 8) — фантастико-феерическое словоизвержение. Замысловатый автор пишет, как и прежде писал, словно бы в пиитическом токовании, тормозя и остраняя происходящее различными изысками. Повествует же Юрьев о питерском мифе и о поисках недокандидатом исторических наук Веней по всему Балтийскому морю следов страны Винеты, некогда то ли вознесшейся, то ли погибшей в водах Балтики, как град Китеж в озере Светлояр. По ходу плавания на транспортном рефрижераторе под украинским флагом «Дважды Герой Советского Союза Атенов» оказывается, что если перевернуть его название, написанное по-украински («Атенів»), то оно и будет звучать как «Винета». Сюрприз. Есть подозрение, что Юрьев пытался идти по стопам мариниста-сатирика Виктора Конецкого, однако с юмором у него не все ладно. Не совсем уже и ясно, что там к чему и что первично по смыслу в этой рукодельной вещице, своего рода барочной стилизации.

Не менее странен и вполне барочен, хотя гораздо проще изложен **роман Владимира Губайловского «Камень»** («Новый мир», № 9). Автор пробует себя в прозе историей города, который стоит в пустыне на огромной скале, изрытой каменоломнями. Придумано много занятного, живописны персонажи, везде и всюду чувствуется намерение превзойти искусных латиноамериканцев и замысловатых европейцев. Фэнтези с философическим акцентом.

Триптих **Леонида Костюкова «Мало ли кто оттуда выйдет»** («Знамя», № 7) включает в себя небольшие **новеллы — «Начинать заново», «Поворот»** и **«Интересный сон»**. Это скорее эксперимент, сам автор во врезе пишет: *В последнее время я не сумел довести до конца довольно много прозаических начинаний. Возникло впечатление кризиса апробированных систем, тоска по чему-то новому, другому темпу, другому способу диалога с читателем. Вряд ли мне удалось с первой попытки создать это новое, но, может быть, получилось выразить тоску.*

Рассказ израильтянина **Алекса Тарна «Одинокий жнец на желтом пшеничном поле»** («Октябрь», № 9) — беллетристический этюд в лицах на тему вредоносности и тлетворности искусства (а конкретно — живописи Ван-Гога).

Обзор подготовил Евгений Ермолин

В. «Звезда», «Нева»

Нам и на этот раз не удастся узнать, чем же окончилась трагическая история любви врача Сергея Павловича и Ани, героев **романа Александра Нежного «Там, где престол Сатаны»** («Звезда», № 7). Хотя публикация и именуется «окончанием», верить этому, похоже, не следует. Повествование обрывается на самом своем пике. Сергей Павлович снова с Аней расстается, но, по всей видимости, не надолго. Она его предала: так, во всяком случае,

кажется ему в ослеплении горя. А она была просто не в меру искренна на исповеди, не подозревая, что ее духовный отец принадлежит к той самой организации, у которой герой давно на крючке... Роман и вообще сильно затянут, не слишком продуман, не особо пропорционален, но он исполнен подлинной боли и страсти в изображении России, которая на глазах героя превращается в *страну торжествующего зверя*, хотя события относятся к самым еще вроде бы розовым временам начала перестройки, когда только-только начинала еще брезжить заря долгожданной свободы, а горькие плоды ее еще не успели вызреть. И тем не менее герой романа, очищенный и обновленный любовью, с болью видит, как бездна бесстыдства и алчности заглатывает церковнослужителей, как ликуют палачи и купаются в достатке их дети, как вытаптывается, вырывается память о миллионах невинно убиенных... И прожженный чекист уже пророчествует: *Выйдет некто из нашей среды и стальной рукой наведет долгожданный порядок.*

Героиня **романа Наталии Галкиной «Пишите письма»** («Нева», № 7) — советская девушка-почтальон. Этот цветок советских прерий напоминает и «волго-волжскую» Стрелку, и романтических простушек, выводившихся соцреалистами в качестве образцовых «советских комсомолок». Впрочем, у автора к героине (а роман написан от первого лица) отношение скорее любовно-ироническое. Живет почтальонка, как птица небесная, понарошку как-то живет — скорее, по-детски играет в жизнь. Легкие мысли, летучие фантазии. В некоторой типичности этой советской дурочке не откажешь, и это в какой-то мере оправдывает интерес к подобного рода существованиям. Но не делает их более интересными и значимыми.

Очередная душераздирающая история поведана в **повести Людмилы Коль «Нефритовая черепашка»** («Звезда», № 7). Героиня ее — учительница, одинокая мать, вырастившая и воспитавшая единственную любимую дочку. Как положено, в холе и неге. Да и девочка в детстве хорошая была — прилежная, послушная, аккуратная. А выросло нечто непотребное — ни работать, ни учиться доченька и не думает, зато непрерывно меняющиеся и неизвестно куда исчезающие женихи — мужья — «партнеры». И во всем винит, естественно, мать: *Ты и мужа нормального не смогла найти, чтобы меня родить!* Вот такая вот история. Случается, конечно, — и нередко. Реально, узнаваемо. Но и только.

А в еще одной **повести** Людмилы Коль **«Единица условная»** («Нева», № 9) носит по всему свету трех человек — мужа, жену и сына, они уже вроде и не российские жители, и не иностранные. Дания, где поселилась жена, им всем *еще* чужая, а Россия — чужая *уже*. Уже и связи внутри семьи порываются, так что и семьей-то ее членов назвать трудно. Оживляют жизнь супругов разве что постоянные полулюбовные развлечения на стороне то у одного, то у другого. Словом, не жизнь, а сплошное броуновское движение. Одно только тут твердое и постоянное: вожделенные всеми «у. е.». Ну и что — тоже, конечно, бывает. Но ведь чего только не бывает на белом свете!..

Повесть «Три доли» Николая Крыщука («Звезда», № 9) — о беспредельном человеческом одиночестве. Таком жутком, что кричи — не кричи, а никто к тебе на помощь не придет. Сам выкручивайся, голубчик. Сам захотел семейной жизни — вот и получай ее вместе с одиночеством, из которого уже

выпрыгнуть некуда. Автору не откажешь в умении обрисовать, дать почувствовать такое вот труднопостижимое семейное и оттого бескрайнее одиночество, когда некто проживает «соломенное вдовство» на пару с человеком, что называется, близким, — а на деле давным-давно далеким. И кто сказал, что бывших супругов объединяют их дети? Никого они не объединяют. Три человека — три одиночества....

Старая, как мир, история возвращения давно взрослого человека в родные пенаты, где прошло детство, поведана в **повести Марины Тарасовой «Заплыв через Лету»** («Нева», № 8). Маленький среднерусский городок. Послевоенная неразбериха, повальный бандитизм и воровство в среде местной шпаны, голодной и жестокой. Первая потаенная любовь, обрушившаяся на девятилетнего мальчика, да к кому — отставной любовнице отца! Теперь, по прошествии многих лет, ему, скульптору, заказывает бюст утонувшего сына один из тогдашних блатарей...

Сдобренной изрядной иронией *задушевной повестью* (так поименован жанр) **«Родина любви»** делится в «Неве» (№ 8) известный петербургский рок-музыкант, спортсмен и путешественник **Владимир Рекшан**. Повесть представляет собой эдакое легкое, весьма приятное и для ума необременительное путешествие по *садам любви* всех времен и народов (ну, если не всех, то многих). Припоминаются Древний Рим с его строгостью нравов в первые столетия (обусловленной — отчасти — нехваткой женщин) и ведущейся на протяжении веков борьбой похоти с моралью. Припоминается и Франция как родина любви с ее поэзией безземельных трубадуров, порожденных жестокими правилами майората — наследования имущества исключительно старшим сыном, из-за чего младшие оказывались не у дел. Всюду автор отыскивает неизбежные любовные страдания, а то и межполовые побоища, которым нет конца и ныне, когда уже ни майоратов нет, ни крестовых походов. Даже денег — и тех нет. А любовь все не унимается! Потому одна из целей повести — утешить сколь возможно жестоко пострадавших в любовных поединках. Ибо в школах этого не преподают, а познавать уроки любви на собственной шкуре приходится всем.

Такой же иронически-саркастический характер носит и **повесть Алексея Шельваха «Приключения англичанина»** («Звезда», № 8). Написана она в жанре эдакого полупьяненького трепа, когда рассказчику уже все трын-трава. И плакать всерьез уже не над чем, а уж радоваться тем более нечему, и не отличишь, что на самом деле в жизни было, а чего не было. Просто повествователь уже допился до той кондиции, когда впереди — одна белая горячка. Так что всерьез ли, на самом деле он является сыном высокородного англичанина, журналиста, прозаика и поэта, получившего некогда политическое убежище в самой свободной и демократической стране (каковой, советские люди знают, был только СССР) или все это ему только рисуется в воображении, — сказать трудно. Так что сюжетом рассказчик вертит, как хочет. «*Я ведь Лидку еще в восемнадцатом веке полюбил*», — говорит он папеньке своей возлюбленной. Такие вот возвышенные страсти терзают его истомленную бесконечным питием душу. Правда, иной раз из этого трепа и проглянет что-то серьезное, что-то всамделишное, но тут же заволакивается туманом.

Нынче поиски истины пролегают, случается, где-то между пьяными фантазиями, с одной стороны, и предельным, можно сказать, супертрезвым реализмом — с другой. Так, **Владимир Захаров** в **повести «Сокровище Нибелунгов»** («Нева», № 8) предпринимает попытку внести отрезвляющую ясность в наше привычно-почтительное отношение к «Дон Кихоту» (и герою, и книге). Захаров убежден: чепуха все это умильная, интеллигентские нелепые выдумки — и только. На самом же деле Дон Кихот — типичный параноидальный шизофреник, больной человек с раздвоенной психикой, «абсолютное зло», и, если прочитать роман безо всякой предвзятости, станет ясно, что *Сервантес не устает это доказывать на сотнях страниц. «Не будь таким, как Дон Кихот! Бойся таких, как Дон Кихот»*. В повести придуман диалог Дон Кихота с Санчо Пансой, в ходе которого долговязый идальго убеждает верного оруженосца, что долг странствующего рыцаря убить Александра II — *и я его убью, даже ценой собственной жизни*. Таким вот Дон Кихотом, сказано в повести, был и Ленин; а сегодняшние Дон Кихоты — это Гарри Каспаров, *поцелованный Богом в шахматный выступ на темени*, «донкихотица» Валерия Новодворская, а еще ученый и переводчик Ефим Эткинд. Эткинд удостоился этой чести потому, что некогда, узнав о причастности переводчика Корнеева к КГБ, поразился, что тот и не думает этого стыдиться. Хорошо, что нашелся Захаров, поучил-таки покойного Ефима Григорьевича этике. Правда, при чем тут Дон Кихот — сказать затруднительно. Попутно досталось от Захарова и Владимиру Маяковскому, названному *гениальным и ничтожным*, и Франсуа Вийону — *крутому, отвязному поэту-уголовнику*. «Нева», как видим, продолжает свои революционные набеги на мировую классику, с этой целью привлекая, как правило, литераторов-неофитов, людей, в науках девственных. Повесть посвящена памяти переводчицы Элеоноры Шрайбер, а вкупе с ней — и уже упомянутого переводчика Юрия Корнеева, который, сказано у автора, *за жизнь раздавил не одну гниду* (видимо, имеется в виду — во время службы в «гэбухе», не в ходе же переводческой деятельности!). Приходится констатировать, что «Нева» уверенно выруливает на вполне идеологически четкий путь. Опробованный, многолетний, надежный.

Колоритный, живописный **рассказ** под заглавием **«Душегубица»** представляет **Дина Рубина** («Нева», № 9). «Душегубица» — это почти уже древняя старуха бабушка Берта, юность свою начавшая когда-то с того, что плеснула серной кислотой в лицо мужчины-обманщика. Но жизнь идет, и Берта прожила ее на полную катушку. «Светлейшая голова», «ходячий арифмометр», она была подмогой и опорой всему семейному клану. Тепло и жизненно.

Герой **рассказа Владимира Холкина «Застольники»** («Нева», № 9), встретившись в железнодорожном вагоне со своим старым знакомым-везунчиком, переживает целую гамму чувств. Тут и зависть, и стыд за нее, и злоба... Но — со всем этим герой справляется и остается вполне доволен собой.

А герой **рассказа Леонида Юзефовича «Путешествие в Эрдене-Дзу»** («Нева», № 8) оказывается в чужой, сверхстранной нищей стране, нашем недавнем друге-побратиме — Монголии, куда по сей день никто не хочет ездить в отпуск. Но доброжелательный путешественник обнаруживает в

Монголии, вместе с наследием советских времен — вроде разрушенных при коммунистах монастырей, массу интереснейших свидетельств древности.

Евгений Шкловский в **рассказе «Провал»** («Нева», № 8) попытался представить внутренний мир Чехова. Писатель под пером современного новеллиста переживает самое, вероятно, тяжелое время жизни — провал «Чайки» в Александринском театре. Воссозданны неуют чеховской души, тоска, осознание уходящих сил, настигающей болезни... *Так или иначе все пропускаешь через себя, через собственную душу...* — думает он. Вообще-то реконструкция внутреннего мира гения — штука опасная: вдруг выйдет не гений, а кто-нибудь другой, помельче... Всегда ведь возникает у читателя провокационный вопрос: а вы-то откуда знаете?

Образ странного человека-чудака, которому читать интереснее, чем жить, создан в **рассказе Светланы Мосовой «Василеостровские мечтатели»** («Нева», № 9). Герою и имя дано литературное, странное — Симон, и по профессии он книжник-архивист, от современной жизни оторванный. Собственную свою жизнь он проживает, как пишет книги. Мысленно, конечно. Сам себе он и Бальзак, и Пушкин, и Гоголь. И все ждет, что кто-то придет и погубит его. Но никто почему-то не приходит.

Рассказ Константина Мелихана «Ворон и дева» («Нева», № 9) — весьма странная история о мальчике, влюбленном в собственную учительницу. Штука нередкая, но дело-то в том, что этот мальчик вроде бы ее отравил. А теперь немолодой рассказчик встречает этого бывшего мальчика, своего одноклассника, с бывшей учительницей — женой! Но, если она осталась жива, ей должно быть уже за пятьдесят, а тут — молодая женщина... То ли любовь ее омолодила, то ли это — другая... Автор ставит тут жирный вопросительный знак. Схож с «Вороном и девой» и **рассказ** Мелихана **«Райская жизнь»**. Живет мальчик с бабушкой, горячо его любящей и оберегающей как только может, — а когда он вырастет и, занимаясь видеосъемкой, выпадет из вертолета, — спасут его все те же заботливые бабушкины руки. Но бабушки-то давным-давно нет на свете...

Свои поэтически-прозаические вольности **Евгений Звягин** называет **«Фиоритуры»** («Звезда», № 7). А как их действительно назвать? Рассказы не рассказы, миниатюры не миниатюры. Вспоминаются ему, например, бесчисленные советские халявы для тогдашних подпольных гениев из поколения дворников и сторожей, вроде работы по охране катеров или службы аквариумистом (редкое везение: знай себе меняй воду в аквариумах, а это делается не часто). Или псковская деревушка со странным названием Лямоны: видимо, искаженное французское «Ле Монт». Не в честь же лимона такое название!

На интересные ***МЕМУАРЫ*** питерские «толстяки» оказались весьма щедры.

О трагическом событии начала войны рассказывает **Евгения Фролова** в пронзительном очерке **«Лычково, 1941 год»** («Нева», № 8). Автор его, петербургская журналистка и писательница, была в числе детей, вывезенных из Ленинграда в июле 1941-го. Повезли их прямо навстречу немцам, в направлении Старой Руссы. (Советское командование считало, что на Ленинград пойдут не немецкие, а финские войска. Но финны не двинулись дальше

своей старой границы.) Дети, среди которых были и совсем крошечные, ясельные, попали под страшную бомбежку. Так в Лычкове появилась огромная братская могила. Автор усматривает тут невольные параллели и с жертвами нескончаемой «антитеррористической акции» в Чечне, и с детьми, погибшими в Беслане. А все это стало возможным потому, что так и не состоялся суд над коммунистической партией, *которая Главного* преступника *выпестовала и трусливо легла под его сапогом*. А с какими трудами оставшиеся в живых добивались установки памятника на месте гибели детей!

Три **«Литовские новеллы»** принадлежат перу **Маши** (таково ее полное имя) **Рольникайте**, многолетней узницы вильнюсского гетто и фашистских концлагерей («Звезда», № 7). Герой новеллы **«Спасенный мальчик»** — Кама Гинкас, известный режиссер, спасенный в детстве, во время войны, в своем родном Вильнюсе чужими людьми, хотя все знали, что за укрытие еврейского ребенка спасителей ждет расстрел. Знают ли об этой его истории сегодняшние зрители, приходящие на спектакли Гинкаса? **«Три жизни Льва Левицкого»** — о писателе, литературоведе, в детстве потерявшем родителей и усыновленном писательницей и критиком Тамарой Трифоновой. Новелла **«Учитель»** посвящена **Йонайтису**, школьному учителю, спасшему саму Машу Рольникайте и ее сестру. Теперь имя Йонайтиса выбито на отдельной плите музея Холокоста «Яд-ва-Шем» как имя одного из праведников.

Дочь известного художника **Елена Петрова-Водкина** публикует фрагменты из книги воспоминаний **«Прикосновение к душе»** («Звезда», № 9), перемежающиеся отрывками из отцовского дневника. Рассказывается о путешествии семьи во Францию 1924–1925 годах, об истории создания образа Богоматери в картине «Пробуждающаяся», о встречах К. Петрова-Водкина с В. Мейерхольдом и З. Райх.

«Запоздалые воспоминания» уроженки Праги Эвелины Мееровой («Звезда», № 9) относятся к временам гитлеровской оккупации Чехословакии. Автор рассказывает, что у евреев отобрано было тогда все имущество, заморожены банковские счета, им выдавались особые продовольственные карточки. Фашисты издали приказ, запрещающий евреям иметь телефоны, радиоприемники, домашних животных. Девочке пришлось лишиться даже своей любимой канарейки. Потом последовала депортация в польское гетто и концлагеря. В воспоминаниях оживают картины из жизни гетто в Терезине, где люди даже в тех нечеловеческих условиях заботились о детях и даже умудрялись ставить для них спектакли.

Об Андрее Ивановиче Шингареве, выдающемся русском общественном деятеле, земском враче, депутате Государственной думы, убитом пьяными матросами в Мариинской больнице, рассказывает в очерке **«А. И. Шингарев — "обходительный либерал"»** историк **Игорь Архипов** («Звезда», № 9). Герою очерка привелось жить в то время, когда *насилие превращалось в важнейший элемент государственной идеологии, в универсальный механизм властвования*, пишет автор. Шингарев, сын липецкого мещанина, никаким «министром-капиталистом», разумеется, не был. Он инициировал санитарную проверку школ, добился организации в них горячих завтраков, способствовал созданию в деревнях яслей-приютов при поддержке земств, выступал как противник столыпинской аграрной реформы, потому что она разрушает об-

щину по принципу: богатым прибавится, у бедных отнимется. Современники вспоминают этого выдающегося человека как милого, живого, даровитого русского интеллигента с совестью чуткой и требовательной. Но кому в ту кровавую пору нужна была совесть, становящаяся пережитком старины?..

В «Звезде» № 8 опубликован датированный 1973 годом «мемуар» **Александра Реформатского** (1900–1978) **«Борис Викторович Томашевский»**. Знакомство автора с ученым литературоведом произошло еще в 1937 году. Рассказывается о том, как с помощью Бориса Викторовича организован был — во время войны! — при ВТО кружок по вопросам орфоэпии и сценической речи, о сочинении веселых сонетов-акростихов, о тогдашней тяжелой обстановке в языковедческих науках.

Обзор подготовила Евгения Щеглова

2. Литературная критика

(Второй – третий кварталы 2007 г.)

А. «Арион», «Вопросы литературы», «Дружба народов», «Знамя», «Новое литературное обозрение», «Октябрь»

За круглым столом о ***ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*** рассуждают писатели, критики, культурологи и лингвисты (**«Язык как главный герой»** — «Знамя», № 7–8).

Владимир Елистратов отмечает, что сегодня слово утратило свое онтологическое измерение, перестав быть Словом и став товаром, а словесник превратился в ремесленника. Да, настоящая литература, *держащая равнение на Вечность*, сохранилась. Но ушла в «катакомбы», превратилась в герметичную тусовку и всерьез страдает аутизмом: *премиальный процесс, печатанье книг тиражом в две тысячи экземпляров, который распродается несколько лет, «перестрелка» критиков в толстых журналах — все это создает иллюзию жизни. Да это и есть жизнь. Но самое печальное, что читатель вовсе не в курсе этой жизни.* О читателе вообще никто не задумывается. Рынок толкает свой товар; в «катакомбах» же горделиво полагают, что срединного пути нет и быть не может: либо Бог, либо Мамона, — и потихоньку тоже кадят мамоне... Елистратов видит выход именно в нахождении срединного пути, в качестве образца указывая на классиков от Достоевского до Булгакова.

Всякое литературное направление вырабатывает собственный литературный язык, говорит **Андрей Дмитриев**. Появление же новых направлений обусловлено сменой точки зрения на главный объект литературы — человека. Таким образом проблема языка — это, по сути, проблема отношения к человеку. Так, реализм исходил из представлений о свободе, неисчерпаемости и тайне человеческой личности, о человеке как микрокосме. И, соответственно этому, здесь требуются поистине безграничные возможности слова, недаром же реализм решительно развил литературный язык, обогатив себя *едва ли не всеми приемами и находками предшествующих и сопутствующих литературных направлений.* В свою очередь, *отрицание реализма в кон-*

це XX века обусловлено угасанием интереса к человеку как постигаемому микромиру и к тайне его. Сегодня человек оказывается простым и понятным, легко раскладывается на хорошо всем известные составляющие и механизмы, которые можно играючи объяснить при помощи психоанализа, социологии, политологии, педологии и т. п. *Как только мир поверил, что вся эта патологоанатомия и есть достоверное знание о человеке*, утверждает Дмитриев, *человек сам по себе стал неинтересен.* Уплощенный взгляд на человека привел к отказу от реализма и, следовательно, к уплощению языка литературы. Развитие и обогащение языка перестало быть необходимым, превратившись в чистую игру или самолюбивое оригинальничание. Еще одним следствием механистического подхода к человеку стало *уплощение читательских ожиданий*: если читатель убежден, что и так все знает, он будет ждать от литературы не ответов, не разгадок и даже не наблюдений. Он будет искать подтверждения всего, что ему и так хорошо известно, — но подтверждения развлекающего, щекочущего нервы. Такому читателю нужен язык, на котором говорит он сам в пределах своего словарного запаса и в соответствии со своим словоупотреблением. То есть, по существу, в литературе он ищет *повод для самодовольства.*

Довольно мыслить критериями XIX века, считает **Мария Захарова**, *литература и язык напрямую связаны с мироощущением человечества, следовательно, эволюция их неизбежна.* Литература XXI века ни по формам, ни по стилю, ни по жанру не совпадает с образцами предыдущих эпох. Модернизм и постмодернизм покинули сферу реальности и ушли в иномирье. И здесь, в среде фантастики и фэнтези *работа со словом заметнее, стиль чище, слово звучнее.* Здесь нет ни сленга, ни брани, ни языковых ошибок; более того, активно используется *лексика пассивного словаря* (термины, архаизмы, историзмы), благодаря чему возникает *многоуровневое лексическое многообразие.* А «игровые тексты», язык которых *создает сложнейшую филологическую загадку*! Этот язык *насыщен интертекстом, аллюзиями, реминисценциями; постоянно работает с устойчивыми сочетаниями, фразеологизмами; разрушает речевые штампы, открывает новое в давно приевшихся звуковых моделях; заставляет читателя активно мыслить, включаться в языковую игру, думать над привычными и потому незаметными вещами...* Именно это, по мнению Захаровой, и есть язык настоящей литературы. И если *литературу грамотно отделить от беллетристики*, становится ясно, что язык ее *по-прежнему прекрасен.*

Игорь Милославский называет два источника, через которые происходит обогащение языка: богатство диалектов и творчество деятелей культуры. А поскольку народный родник языкового творчества на сегодня сильно замутнен, особая *ответственность за совершенствование языка ложится на выдающихся деятелей, говорящих по-русски, писателей, политиков, артистов, режиссеров, журналистов и всех публичных людей.*

Сегодня, в эпоху культурного слома, замечает **Ирина Левонтина**, *«творческая лаборатория» переехала*, — то есть в поисках новых слов (*упаковки для новых смыслов*) живой язык теперь обращается, как правило, не к писателям, а к дурным переводам сомнительных текстов и рекламе. *Но если отбросить высокомерие интеллигента*, полагает Левонтина, *то надо признать,*

что язык по-своему прав. Что делать, если сейчас царит культ молодости, культ политкорректности, культ «позитива».

В 1990–2000-е годы изменились ритм и грамматика всей современной прозы, она стала более динамичной и чуть более алогичной. Это касается в том числе и таких давно работающих и не склонных к экспериментам авторов, как Владимир Маканин или Людмила Петрушевская, считает **Илья Кукулин**. Он отмечает, что в отношении языка наиболее интересны те произведения, где предметом специального авторского внимания становится лексический охват. Словарь таких произведений может быть намеренно сужен, поскольку в него отобраны *те слова, которые остались не изолгавшимися и поэтому сохранили возможность интимного, доверительного смысла.* Правда, это больше относится к поэзии, в прозе таких образцов мало. Это и понятно. Литературное произведение, понимаемое как модель мира и общества, должно допускать сосуществование разных «штилей» и лексических пластов, соответственно разным, сообщающимся между собой уровням существования человека — от сексуального до религиозного, ведь даже один и тот же герой в разные моменты своей «жизни» в произведении может быть носителем разных типов мышления. А расширение словаря необходимо, чтобы увеличить количество сфер реальности, которые могут быть представлены в произведении. На фоне лексической сглаженности большей части современной русской литературы весьма выигрывает Алексей Иванов, вводящий в свои романы *архаическую профессиональную лексику, уральские диалектизмы, восточнофинские пласты русского языка*; однако отказ от психологизма и иных форм рефлексии, по мнению Кукулина, не на пользу Иванову, в чьх произведениях *лексика, относящаяся к внутренним состояниям человека, представлена довольно слабо.* Кукулин замечает, что в сфере ритмики современная проза пережила в последние 7–8 лет настоящую революцию. Возникла *популярная проза, основанная на быстром ритме речи и повседневной жизни городского человека* (тут названа сугубо коммерческая писательница Оксана Робски). На подобную стилистику повлияло общение в Интернете с его фрагментарностью и «пропуском звеньев». На фоне коммерческой, «быстрой», но часто весьма поверхностной словесности «другой» выглядит проза, следующая традиции «внутреннего говорения» — она может быть весьма ритмически разнообразной, так как внутри одного человека могут сосуществовать много «персонажей» со своей индивидуальной речью. Так пишут Михаил Шишкин, Анастасия Гостева, Александр Гольдштейн, Александр Бараш, Марианна Гейде.

Беда в том, считает **Михаил Эдельштейн**, что прозу сегодня пишут те, кто не удосужился прочесть даже учебник русского языка за 9-й класс. Язык выпал из сферы «общественного контроля», отсутствует цеховой консенсус по самым элементарным вещам: так не пишут, так не говорят, это непрофессионально, это ниже нижнего предела обсуждения. Фильтры не работают; рецензии, где доказывается, что тот или иной автор слабо владеет русским, не пишутся; и никакого нижнего предела уже попросту не существует. В качестве весьма убедительного примера приведены цитаты из премированных текстов: повести Михаила Тарковского «Кондромо» и романа Юрия Арабова «Биг-бит».

Подлинно важное и глубокое нельзя сообщить безликим и серым слогом, убежден **Максим Амелин**. Однако, отмечает он, стилевая и словесная глухота — характерная черта большинства новых писателей. Да и критики пишут исключительно о смыслах и содержательных особенностях, совершенно не касаясь языка и стиля. *Складывается впечатление: наступают времена нового РАППа и вот-вот начнут громить формалистов (если, правда, таковые найдутся).* Поэзия, по мнению Амелина, обнаруживает два стилевых направления — «гладкопись» и «плохопись». Те, кто принадлежит к первому, пишут в системе отживших поэтик на языке, *приближающемся к современному русскому литературному*, перепевая одних и тех же авторов; принадлежащие ко второму ставят целью пренебречь всем, что уже написано на *современном литературном русском*, что напоминает *такую стрельбу по мишени, когда нужно, намеренно изловчась, уверенной рукой во что бы то ни стало ни разу не попасть.*

Язык художественного произведения ничем не отличается от любого другого языка, замечает **Дмитрий Александрович Пригов**, единственная разница между ними — в *жесте назначения*. Иными словами, разъясняет автор, на свой лад пересказывая давно известные азы о роли рамки в искусстве, любой текст, помещенный в сферу художественного произведения, назначается художественным текстом, автор же в этом случае *вычитывается не на языковом, а на манипулятивно-режиссерском уровне.* Точно так же и воспринимаемый в качестве художественного объекта писсуар Дюшана обнаруживает в себе *неложное сходство с Венерой Милосской.* И дело вовсе не в самом писсуаре, а в *жесте переноса из одного контекста в другой*: поскольку невиданными достоинствами знаменитый писсуар заблистал не сам по себе, а лишь *для тех, для кого заблистал.* Однако, в отличие от визуального искусства, в литературе до сих пор, сетует Пригов, названные жесты не замечаются, просто пока что не разработана *оптика* их *опознания.* Переживания же, наслаждения и восторги по поводу того или иного текста — это читательские проблемы: кто-то ведь заходится восторгом и от стихов Асадова. Однако, претендуя на глобальные обобщения, литература, *онтологически положенная в XIX веке,* вновь и вновь воспроизводит известную модель — *образ автора, допытывающегося истины в глубинах языка.* Именно претензии на всеобщность и глобальность позволяют беззастенчиво использовать чужие художественные средства, ведь новаторство в языковой деятельности давно достигло критической массы. *И поныне туча стихотворцев пишет в общем пастернаковско-мандельштамо-ахматово-цветаево-бродском компоте.* А между тем то, что нынче определяется единым словом «литература», в действительности представляет собой совершенно несхожие, порой разительно отличающиеся друг от друга продукты. И рассматривать все это литературное пространство правильнее всего, исходя из горизонтальной схемы — каждое явление *в своей номинации.*

Язык литературы (не путать с *литературным языком*) характеризуется высокой степенью осознанности, заметил **Владислав Отрошенко**. Язык литературы именно тогда превращается в литературный язык, когда в нем исчезают такие существенные компоненты, как безотчетность, бессознательность, бездумность и бесцельность. Однако нацелен этот язык не на сооб-

щение, а на воздействие. То есть на то же, на что и какое-нибудь шаманско-хлебниковские *кыыт-кыыт, шалыр-шалыр, манч-манч, бобэоби, гзи-гзи-гзэо*. И осознанность далеко не всегда приносит ожидаемый плод, а нацеленность не гарантирует достижения цели. И кто знает, как угодить языку, этому хитрому и капризному барину.

«Новое литературное обозрение» посвящает две статьи ***СОЦИАЛЬНЫМ ФОБИЯМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ РОМАНЕ***. **Александр Чанцев** в статье **«Фабрика антиутопий: Дистопический дискурс[2] в российской литературе середины 2000-х»** («НЛО», № 86) рассматривает книги, написанные за последние два-три года, как тревожный симптом социальной жизни. Буквально на глазах, пишет автор статьи, возник и лавинообразно нарастает поток литературы, в которой *областью авторского вымысла становится близкое будущее российского общества, преимущественно — политические аспекты этого будущего*. Из романа в роман эпидемически распространяются *предвыборные мотивы*, «проблему 2008 года» так или иначе затрагивают книги самого разного направления и художественного качества от «ЖД» Дмитрия Быкова и «2017» Ольги Славниковой до «2008» Сергея Доренко и творения Сергея Минаева с говорящим названием «Mediasapiens. Повесть о третьем сроке». Характерно, что ни одна из книг этого потока не пытается предложить сколько-нибудь явный положительный проект будущего, зато все они явно отвечают читательской потребности в *фантазматическом катастрофизме*. Строго говоря, эти произведения не назовешь даже антиутопиями, поскольку речь в них, по сути, ведется не о будущем, а о том, что история кончилась (вариант: пошла по очередному кругу) и *будущее невозможно*; футурологические конструкции, созданные в этих романах, — не что иное, как продукт подмены: авторы подменяют их *критикой настоящего, экстраполируя его в будущее и занимая, по сути, эскапистскую позицию*. Всех сочинителей, без различия убеждений и партийной принадлежности, роднит неприятие наличной российской реальности, и главным в их книгах становится не позитивная программа перемен и даже не политическая окраска претензий, а *претензии, как таковые*. Первична тут именно ненависть к существующему, а качество мировоззрения определяется лишь степенью этой ненависти. Так что самыми показательными оказываются романы Захара Прилепина «Санькя» и «Россия: общий вагон» Натальи Ключаревой, где анархическое недовольство действительностью запечатлено ярче всего, поскольку действуют здесь совсем юные герои, чьи претензии к жизни носят не столько идеологический, сколько эмоциональный характер. Претензии же в общей сложности у всех одни и те же. И одна из главных — безликость и бездарная немощь власти, а зачастую и конкретно названного персонажа — *Президента* или *Путина* (так, к примеру, у Доренко выведен этакий фигляр, карикатура за гранью вкуса и литературного такта; у Ключаревой — «картонное существо», что-то вроде поручика Киже, почти фантом; популярным становится также «клонирование» президента, впервые описанное у Алексея Лукьянова в «Спасителе Петрограда»). Единственный роман, где фигура Путина представлена положительной, — «Заложник»

[2] Под «дистопией» в данном случае проще всего понимать место, где все плохо.

Александра Смоленского и Эдуарда Краснянского, зато в этом тексте вовсю раскручивается миф о «плохих советчиках»: *бедный Президент,* — соболезнуют авторы, — *если у него такая наглая свита и такие тупые губернаторы...* Государство, смачно агонизирующее, умирающее или вовсе мертвое — но от этого лишь более властное, поскольку мертвому уже ничто повредить не может... Россия, которой пытаются управлять (или уже управляют) некие силы из-за границы; Россия, пребывающая в состоянии гражданской войны; Россия на грани новой революции или уже в гуще революции; «бунт нацболов», кочующий из романа в роман; война как самое наглядное выражение всеобщего разлада и одновременно как элемент успешного функционирования системы... Страх перед «террористическим Чернобылем»; коллективные страхи как часть культуры, даже как *особая культура* и логически следующая отсюда театральность мазохизма; неспособность власти что-либо исправить; неспособность человека повлиять хоть на что-то; массовое обращение к иллюзорному прошлому; иллюзорность настоящего; иллюзорность России, «Апокалипсис сегодня»... Всё это — повторяющиеся вещи. Еще одно общее свойство рассматриваемых книг — их изоляционистский характер: все они — будь то даже авторы диаметрально противоположных взглядов, скажем, Владимир Сорокин («День опричника») или Александр Проханов («Теплоход "Иосиф Бродский"»), — изображают Россию окончательно и безнадежно оторвавшейся от всего мира, а зачастую и отгороженной высоченной стеной. В «Эвакуаторе» Быкова возникает картина обреченного общества, где все взрывается *само по себе,* — гибнет *скорее от слухов, чем от терроризма.* Тема *пустоты, виртуальности и садомазохистской репрессивности всех национальных символов и институтов* достигает апогея в его же «поэме» «ЖД». Но точно так же виртуальны и силы, противостоящие государственной цензуре, произволу, распаду и насилию. *У всех авторов анализируемых нами произведений,* пишет Чанцев, *нет не только намека на какую-либо положительную программу построения будущего, но отрицается даже возможность в нынешних условиях выработать эту программу. Если верить «message'ам» новейших дистопий, в стране нет, по сути, ни одного социального актора (от пенсионеров до олигархов), кого удовлетворяло бы существующее положение вещей. Но все они оказываются полностью дезориентированными, находятся в вакууме и отчуждены от участия в истории, какой бы политический путь они ни выбрали.* Статья констатирует крайний исторический пессимизм общества, раздробленность интеллектуальных и общественных групп, а также невозможность и нежелание политических акторов не то что что-либо предпринять, но даже банально договориться между собою. Чанцев к месту приводит здесь цитату из Хайдеггера: *...не просто все прежние ценности падают жертвой обесценивания, но прежде всего лишается корней сама потребность в ценностях прежнего рода на их прежнем месте.* Финал статьи горек: общество разрознено, лишено единых ценностей и не способно выработать свой проект будущего, а литературная «фабрика антиутопий» тем временем продолжает фиксировать этот распад.

Под тем же углом социальных фобий **Илья Кукулин** рассматривает прозу Алексея Иванова (**«Героизация выживания»** — «НЛО», № 86). Шумный

успех пермского писателя (*огромные, по 500–700 страниц убористого шрифта, опусы Иванова обсуждались критиками, во-первых, как идеологические высказывания, во-вторых, как поворотный пункт в развитии современной русской литературы*), по мнению Кукулина, свидетельствует о том, что своими романами Иванов *задел «болевые точки» общества* и критики воспринимают его как автора, осуществляющего традиционную миссию русского писателя — отвечать своими произведениями на «проклятые» или «последние» вопросы, тревожащие современников. Вызывает недоумение, однако, что на эти самые вопросы Иванов дает диаметрально противоположные ответы: и если из его романов недвусмысленно следует безальтернативность «новой имперской идеи», то в ряде интервью и в историко-краеведческой книге «Message: Чусовая» писатель высказывается с резко антиимперских, а иногда и антиэтатистских позиций. В подобной непоследовательности Кукулин склонен видеть не раздвоение личности Иванова, а то обстоятельство, что прозаик *уловил тренд, основное направление психологической и социальной эволюции современного российского общества,* тем самым сделавшись *самым ярким и самым характерным выразителем социокультурных симптомов* российской современности. Во всех трех зрелых романах Иванова («Золото бунта, или Вниз по реке теснин» (время действия — 1770-е годы), «Сердце Пармы» (эпоха Ивана III), и «Блуда и МУДО» (начало XXI века)) метафорически представлен опыт одного и того же исторического перехода — от 1990-х к 2000-м годам в России, — времени, породившего те коллективные фобии, из-за которых в обществе возникла почти паническая жажда *стабильности любым путем*, лишь бы не стало хуже. В своих романах, пишет Кукулин, Иванов транслирует *коллективную депрессию* конца 90-х, *фрустрацию и потребность в символической поддержке со стороны государства, которое одновременно воспринимается как опасное и отчуждающее.* Именно поэтому ностальгия по «великой державе» в высказываниях Иванова легко уживается с резким антиэтатизмом, что в центре усилий писателя — *не идеология, а попытка показать историческую структуру сознания с постсоветской и «постколониальной» точки зрения.* На уровне идеологического послания, считает критик, книги Иванова воспроизводят и даже, подобно рупору, усиливают коллективные страхи и фантазмы. По наблюдению автора статьи, все романы Иванова изображают *мир, из которого только что ушла история*, точнее, как формулирует Кукулин, сюжет его романов и составляет неотвратимый *уход истории*, переход *от истории к постистории* (где фаза истории — фаза страха и хаоса, период существования вне правил, а фаза постистории — «затвердевание», паническая «стабильность» и необходимость вновь жить по отчуждающим и пустым правилам). Повседневная жизнь частного человека сводится к поддержанию физического существования (с минимальными дополнительными удовольствиями); всеобщее ощущение оборотничества и цинической подмены не позволяет строить планы и думать о будущем; в этих условиях становится нежизнеспособной и традиционная семья (ведь двоим супругам не прокормить двоих детей), которую герой одного из романов предлагает заменить *фамильоном* — новейшей ячейкой общества, объединением друзей и любовниц. По собственному признанию писателя, его социальным манифестом стал роман «Блуда

и МУДО», где во внешне шутливой форме излагается нешуточная *философия современности*: мир поражен «кризисом вербальности», а потому слово в нем заменяется сексом или насилием. Как отмечает автор статьи, Иванов и в этом случае не стал первооткрывателем, а лишь уловил витающее в воздухе; подлинные же творцы этой теории — Владимир Сорокин и Людмила Улицкая. Однако безответственность героя «Блуда» много превосходит даже и безответственность «Искренне вашего Шурика»; к тому же у Иванова его протагонист (от романа к роману меняющий только имена, но не меняющийся по существу) предстает как *единственно возможный* современный герой, как герой романтический, а то, что у Сорокина и Улицкой подано более или менее иронически, в прозе Иванова превращается в *героическое* (*Мой герой ведет себя как «браток»*, — говорит писатель в интервью, — *но у него душа болит*). Стоящую за всем этим этическую и эстетическую идею Кукулин называет ***героизацией выживания***, напоминая, как опасен подобный *менталитет «выживающего»,* описанный послевоенными немецкими философами как «*Веймарский симптом*» — своего рода архетип общества, потерявшего ориентиры, — «питательную среду» для гитлеровского режима.

Игра архетипами, попытка проникнуть в глубинные слои *национального коллективного бессознательного* — эти особенности русского постмодерна отмечает и **Наталья Иванова**, усматривающая первопричину всего этого в *поисках новой идентичности*. Со статьи Ивановой **«Ускользающая современность. Русская литература XX — XXI веков: от «внекомплекстной» к постсоветской, а теперь и всемирной»** «Вопросы литературы» (№ 3) начинают разговор на тему, ***СОВРЕМЕННА ЛИ СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА***. Эта обширная статья содержит подробный очерк отечественной литературы, — в частности, последнего двадцатилетия. Автор показывает, что постмодернизм (а именно его Иванова полагает *метастилем русской литературы конца века*) латентно присутствовал в отдельных произведениях еще с 60–70-х годов (Валентин Катаев, Юрий Трифонов, Венедикт Ерофеев, Андрей Битов, Саша Соколов). Попытка же ответить на вопрос, *чем современна современная литература*, в чем заключается это особое качество, особый *ген современности*, дает возможность автору статьи высказать несколько любопытных суждений о текущем состоянии литературы. Так, замечает Иванова, современным можно считать то, в чем читатель видит адекватность своим ожиданиям, однако даже и самая новейшая тематика (проблематика) и самоновейший герой — вещи скоропортящиеся, поскольку носят *сезонный характер* и быстро исчерпываются. Так, мгновенно устарели тексты Ирины Денежкиной вместе с описанными в них реалиями сверхнового поколения и молодежным сленгом (*сленг*, замечает Иванова в скобках, — *самое быстро устаревающее в языке*). Так, в погоне за стремительно меняющимся временем печет — один за другим — *свои горячие — с пылу, с жару — романы* Александр Проханов. Так, на протяжении чуть ли не полувека неизменно адекватен современности оказывается Владимир Маканин, который *проблематику, цвет, запах и вкус времени чувствует хищным зрением и обонянием и так же хищно и точно... выхватывает — буквально из толпы — «героя» (или «антигероя») времени*, а в итоге *нарабатывает целую галерею «посто-*

янно уходящей натуры». Но ведь, пишет Иванова, это только актуальность быстро устаревает, современность-то — качество долгоиграющее: и Пастернак или Ахматова современны до сих пор. Не делаются современнее литературные произведения и оттого, что в них используются реальные сюжеты, — как в «Призраке театра» Андрея Дмитриева (захват заложников на Дубровке) или в «Цунами» Анатолия Курчаткина (бедствие в Таиланде), где страшная правда реальности вступает в конфликт с надуманностью литературы. В этом случае получается *несовременная современная проза.* Впрочем, замечает Иванова, проза мейнстрима по большей части относится именно к этой категории. Подобная литература — вплоть до *самых ничтожных текстов* вроде Сергея Минаева или Оксаны Робски строится по общему лекалу: *берутся факты... — как из ТВ и газет, так и из личного опыта — и разыгрываются при помощи фигурок-амплуа, вырезанных из той же газетной бумаги.* Истинная же, непреходящая современность, пишет Иванова, современникам, как правило, непонятна и даже высмеиваема ими, поскольку истинная современность — современность *опережающая* — то есть, в контексте статьи, та самая, которая латентно содержалась в литературе с конца 60-х.

Нарочно быть современным невозможно, добавляет **Алексей Алехин** (**«Кое-что о движении поэзии»** — «Вопросы литературы», № 3), и, в сущности, *современно то, что станет будущим.* И при этом, замечает он, в искусстве ничто подлинное «вчерашним днем» не становится, практически ни один творческий метод, прием или способ выражения, однажды попав в арсенал поэзии, потом из нее не выпадает. И Ломоносова сегодня читать не менее интересно, чем Бродского.

По мере своего культурного взросления, утверждает **Леонид Костюков**, любое из искусств усложняется, утрачивая демократизм, становясь в конце концов совершенно непонятным *наивному ценителю,* и если Моцарт хорош и для дилетанта, то уже Скрябин воспринимается неподготовленным ухом как *«сумбур вместо музыки»* (**«Прочь от Бальмонта»** — «Арион», № 2). Так произошло и с поэзией. За столетие, протекшее со времени Серебряного века, она постепенно расширяла свою территорию, понемногу уйдя не только от «красивого письма» *с его соловьями, розами, закатами, кровьюлюбовью* на более заземленные *прозаические* просторы, но и в конце концов попала в некогда вовсе чуждые ей пределы, оказавшись в совершенной изоляции ***ВЕРЛИБРА.*** Парадоксальная ситуация: покинув пределы собственно поэтические и захватив территорию прозы, поэзия тем не менее очутилась в именно внутрицеховой изоляции, где она доступна только искушенным знатокам. *Наивный* же *ценитель* в свою очередь столкнулся с парадоксальной ситуацией: с одной стороны, верлибр до смешного прост и демократичен — ни тебе силлаботоники, ни рифмы/ритма, — всякий такое напишет; с другой же стороны *наивный ценитель трагически неспособен отличить хороший верлибр от плохого* именно в силу того, что верлибр — слишком сложная вещь. Таким образом, резюмирует Костюков, на определенной стадии развития поэтического искусства поэт вынужденно отказывается от *наивного ценителя,* и дальше художник и толпа существуют раздельно, так что и детская резвость утрачивается, да и треножник уже никто более не колеблет...

О судьбах отечественной ***СЕМЕЙНОЙ САГИ*** размышляет **Ольга Лебедушкина** (**«Выжить и наблюдать»** — «Дружба народов», № 7). Жанр этот, пишет критик, востребован сегодня едва ли не больше, чем литературная футурология, ведь область семейной хроники — та болевая точка, где горизонталь частной судьбы пересекается с вертикалью истории, а к прошлому люди обращаются, чтобы понять самих себя. Однако, несмотря на обоюдный интерес и читателей, и авторов, несмотря даже на фактический *госзаказ на семью, армию и здоровый образ жизни*, жанр переживает далеко не лучшие времена. И причины тут не столько литературные, сколько социокультурные: современная семья из трех человек (а то и из двух — *«одинокая мама с дитём»*) не особо соответствует монументальности замысла — ни тебе Пряслиных, ни Артамоновых, ни тем более Будденброков-Болконских. Современная сага уменьшилась и по объему, и по глобальности охвата. В истории жанра за последние полтора десятилетия Лебедушкина различает три поворота сюжета. В 1992 — 2001 годах в центре романов о семье — суд над прошлым и поиск ответа, как, благодаря чему люди сумели это прошлое пережить, как прошли испытание XX веком и с чем из него вышли («Московская сага» Василия Аксенова, «Казус Кукоцкого» Людмилы Улицкой и др.). В первые годы нового столетия появились «Нежный театр» Николая Кононова, «В безбожных переулках» Олега Павлова, «Петрович» Олега Зайончковского. Все эти книги отличает смена оптики — резкий уход из глобального в частное, от объективно-внешнего к внутреннему, *«замена телескопа на микроскоп»*. Не случайно повествователем в семейной прозе этих лет часто становится ребенок. Самые же недавние произведения жанра вновь свидетельствуют о выходе вовне, внимание снова приковано к объективной логике истории (в этом ряду Лебедушкина рассматривает «Дневник отца» Николая Крыщука, «Энтропию» Дарьи Даниловой, «Запас прочности» Татьяны Щербины, «Семейный архив» Бориса Херсонского, «Дом на Луне» Марины Москвиной и др.).

Своей основательностью и масштабностью охвата двухтомник Сергея Чупринина «Русская литература сегодня»[3] не мог не обратить на себя внимание коллег, но внимание это не всегда благосклонно. Так, **Игорь Шайтанов** высказывается с убийственным лаконизмом: *Поразила широта замысла... Поразило и обилие ошибок. Подумалось, что одному человеку такое не под силу* (**«Профессия — критик»** — «Вопросы литературы», № 4). И хотя Шайтанов авторитетно утверждает, что *достаточно открыть какую-нибудь статью, содержание которой тебе известно, что называется, изнутри, чтобы натолкнуться на ошибку, пропуск, неточность*, перечисление допущенных Чуприниным ошибок совершенно не впечатляет: карта материка может быть сколь угодно неточной; главное — ее составили, то есть она есть и, стало быть, есть чему уточняться.

[3] Первая книга, «Большой путеводитель», включает 20 тысяч имен; тут персоналии, хроника событий, информация о творческих организациях, премиях и т. п. Вторая книга, «Жизнь по понятиям», как явствует из названия, — справочник, где раскрываются основные термины (понятия) современной словесности.

А потому гораздо более убедительными кажутся размышления **Александра Мелихова**, обнаружившего, что грандиозная карта, составленная Чуприниным, обрисовывает очертания материка, в действительности не существующего (**«Острова, которых нет на карте»** — «Октябрь», № 6). *Во втором томе*, — пишет Мелихов, — *обнаруживается изрядное количество школ и деклараций, которым никакие имена из первого тома не соответствуют: обозначено в меню, а в натуре нету.* Автор статьи объясняет это тем, что *в русскую литературу ныне легче попасть не через произведения, а через пышные, желательно малопонятные заявления и жесты, иногда затягивающиеся до целого образа жизни, но иногда сводящиеся к отдельным выходкам по нарушению или порче чего-либо почитаемого.* Так что же получается, вопрошает Мелихов, — *если Бога нет, то все позволено*? Такой, во всяком случае, вывод напрашивается из либеральной декларации критика Чупринина, считающего своей прямой обязанностью *как эксперта* скрывать собственную точку зрения, *все время сознавая всю условность, относительность и изменчивость и законов литературы, и собственного миропонимания.* Стало быть, пишет Мелихов, если нет высшей Истины, то любое деструктивное суждение имеет право существовать, считаться новаторским и быть описанным в справочнике по современной словесности? Однако, замечает автор статьи, критиков прошлого хватает повсюду — в том числе и в науке. И тем не менее ученое сообщество идет не за разрушителем, а за творцом, и новатором в науке становится не ниспровергатель, а тот, кто создает единство более безупречное, нежели прежнее. А разве, спрашивает Мелихов, не такова главная функция культуры, разве она заключается не в создании единства? А *если это так, то плюралистическая, «мультикультурная» культура* (которую с максимальной политкорректностью описывает Чупринин) *так же невозможна, как невозможен треугольник с пятью углами... Вернее, доминирование такой культуры означает отсутствие культуры, означает распад общества на не связанные друг с другом социальные группы, внутри которых снова царит универсализм ничуть не менее жесткий, чем тот, против которого они восстают.*

Статья **Виолетты Гудковой «Старинные шуты в социалистическом сюжете: образ "другого народа"»** («НЛО», № 85) посвящена советской драматургии 20-х — начала 30-х годов. Критик показывает, как в годы каменно отвердевшей официальной идеологии и марксистской риторики в творениях драматургов (а влияние пьес на умы того времени трудно переоценить: театры и театрики заменяли неграмотным и полунищим людям и печать, и радио) находилось место и для пародии на советский новояз, и для иронии, и для высмеивания «святая святых» — марксистской точки зрения. Все это запрятывалось на периферию сюжета — в речь второстепенных комических персонажей. Гудкова выделяет три типа таких советских шутов. Во-первых, это артистичные плуты, ловко, будто ключом, пользующиеся новейшими словесными клише, с помощью которых легко отпирается неповоротливое сознание соотечественников. Собственно говоря, этот тип персонажей легко узнаваем. Вот цитата из комедии Д. Смолина: *Да, я состоял в партии, но потом фьюить... то есть вышел. Меня и теперь сам Ленин каждый день уговаривает: «Да войди же ты,— говорит,— голубчик, Иван Александрович, в партию». — «Нет, говорю, я не могу. Это меня свяжет».*

«Ну тогда, — говорит Ленин, — дай хоть, пожалуйста, руководящие указания»<...> Тут же ему все и написал: и советскую конституцию, и сборник декретов, и о продналоге. Я теперь захожу в Совнарком только, чтоб сказать: «Это вот так, это вот так, а это вот так»... Второй тип — полуграмотные крестьяне, нахватавшиеся словечек из лексикона партагитаторов и к месту и не к месту эти словечки употребляющие, отчего эффект порой мог быть довольно рискованным. Да, по сути, абсурдный язык эпохи понять без переводчика было невозможно и для человека образованного вроде героя Т. Майской, невесело иронизирующего: *«ЦЕКТРАН, ЦУСТРАН, ЦУС, ЧУС, ГЛАВХОЗУПР, ГЛАВСНУПР, ОБМОХУ, СЭП, НЭП... Изучаю русский язык»...* А вот наставления персонажа В. Ардова и Л. Никулина: *Молодой гражданин имеет понятие, как важно теперь знать ихнюю политграмоту? Если вы приходите в самое заурядное учреждение, как, например, Устрах, то вы даже не знаете, кого надо называть «гражданин», кого «товарищ», кого «барышня» и что такое местком, ячейка, авиахим, мопр и стенгаз. Вы даже не подозреваете, что бытие определяет сознание.* Забавно и сочетание несочетаемого — например, в *коммунистическом романсе*, который разучивает жена нэпмана в пьесе В. Киршона: там красавец Джон сделался членом РКП, —

и теперь, лаская Кэт, вынимает партбилет.

Однако художественным открытием ранней советской драмы стала третья группа персонажей, шутов уже не комических, а трагикомических. К этой группе относятся новые юродивые и калеки — инвалиды Гражданской войны. Им, контуженным, зачастую озлобленным и психически ущербным, позволялось говорить то, что ни при каких условиях не мог бы произнести «здоровый» герой.

Процессы, идущие в ***МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ***, связаны с жизнью общества гораздо теснее, чем ситуация в «высокой» культуре, пишет **Наталья Иванова** (**«Сюжет упрощения»** — «Знамя», № 6). *Пока боролись идеологии неопатриотизма и либерализма, победила демократия в виде глянцевого журнала «Семь дней».* Масскульт чрезвычайно агрессивен, у настоящей литературы он отбирает не только читателя, он стремится «выдернуть» у нее и сюжеты, и темы, и персонажей, а самих классиков — от Пушкина до Булгакова — превратить в бренды, чему способствуют и поставленные на конвейер кино- и театральные постановки, и Б. Акунин — гомункулус, созданный Г. Чхартишвили. Масслит не желает довольствоваться скромной ролью *эстетики для бедных*, претендуя на иной литературный статус и место в высшем обществе — а иной раз даже демонстрируя *гламурную позицию неприятия гламура* (примером чему — «Dyxless» С. Минаева). Масслит упрощает культуру, превращает ее в предмет сомнительной игры, подминает под себя. При этом профессионалы, чье прямое дело — заботиться о качестве литературы, отмалчиваются и либо аристократически не замечают происходящего, либо демократически заявляют: литератур много, одна другой не мешает. И единственное, что, по мнению критика, сопротивляется сегодня процессам упрощения, — это актуальное искусство, выворачивающее поп-культуру наизнанку.

Массовая литература — индикатор общественных ожиданий и стереотипов, пишет **Ольга Бугославская** (**«Образ олигарха»** — «Знамя», № 8). Наше

время породило новые мифы, одним из центральных героев которых стал олигарх. Для сочинителя образ этот привлекателен прежде всего тем, что не допускает к себе нейтрального отношения: олигарх — это либо абсолютный плюс, либо абсолютный минус, в редчайших случаях — единство и борьба двух этих крайностей. В литературе фигуре олигарха сопутствует целый ряд типовых коллизий, а сам образ наделяется некоторыми типовыми же чертами. Бугославская показывает это на примере романов «Кот» Сергея Буртяка, «Влюбить в себя олигарха» Ольги Черных, «Олигарх с Большой Медведицы» Татьяны Устиновой и рассказа Михаила Барщевского «Игрок». Во всех этих сочинениях воспроизводится миф, конструирующий идеального мужчину: олигарх предстает самородком, вышедшим из толщи народа (или потомственным интеллигентом, или интеллигентным выходцем из той же толщи); он широко образован и имеет творческие увлечения; стать олигархом позволил ему либо природный талант, либо сумма уникальных человеческих качеств; олигарх умен, смел и предприимчив, благороден и невероятно работоспособен; а кроме того, он стремится к высоким и незамутненным чувствам и чурается разврата и пошлости. Малиновые пиджаки, перстни, «мерседесы», бани-бордели и прочее *настоящему* олигарху не свойственны. В свою очередь, настоящая женщина — умная, красивая, деловая и к тому же мечтающая об истинной любви (а именно такая обнаруживается в романе Устиновой) не станет набиваться в подруги к олигарху, когда тот находится в зените славы и успеха (впрочем, замечает Бугославская, в этот момент к нему не очень-то и подберешься); она предпочла бы встретить олигарха бедного, всеми покинутого, нуждающегося в ее помощи; она доказала бы ему свою любовь, верность и бескорыстие, а уж когда он вновь разбогатеет... (Вариант мифа, в котором разорившийся олигарх остался бы нищим, а его возлюбленная не получила бы заслуженного вознаграждения, по наблюдениям автора статьи, почему-то не сложился.) Критик полагает, что в сказочной фигуре современного делового человека (в пределе своем — олигарха) наше коллективное сознание пытается совместить американскую мечту с традиционными русскими представлениями об интеллигенте, — что являет собой *своего рода message общества своей элите с высказыванием пожеланий*. Единственный автор, не конструирующий прекрасный образец, а скорее следующий за общественным стереотипом и деромантизирующий образ олигарха, — это Оксана Робски (роман «Casual»), рисующая не идеального возлюбленного и не пример для подражания, а весьма узнаваемый образ, сомнительный во всех отношениях, но зато всегда имеющийся перед нашими глазами в реальности.

В центре внимания **Константина Богданова («Право на сон и условные рефлексы»** — «НЛО», № 86) — советская ***КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ***. Оказывается, простой этот жанр имеет свою историю, не отделимую, впрочем, от истории страны, т. к. на примере колыбельной (*семейного нарратива*, — сказано в статье) особенно отчетливо видятся и *идеологизация интимного*, и *интимизация идеологического* в СССР. Патернализм власти, персонифицированной в образе Отца Народов, и образ самих этих народов, которые «будут петь и смеяться, как дети» (*а детский смех и детский сон*, сказано в статье, *равно выражают удовлетворение элементарных потребностей и*

торжество здоровой физиологии), — весь этот пропагандистский контекст изумительно ложится на нехитрый колыбельный материал. Замечательны цитируемые Богдановым тексты — да и не только тексты: любопытнейшее представление об эпохе дает уже простое перечисление песенников и поэтических сборников. Так, в первые послереволюционные десятилетия, для которых мотивы убаюкивания как раз совсем не характерны, когда политики и деятели культуры активно разоблачали «усыпляющий» характер дореволюционной и буржуазной культуры в противовес декабристам, которые, как все помнят, *разбудили* Герцена, когда с киноэкрана звучало: «*Не спи, вставай, кудрявая!*», — в издательствах выходили книги вроде сборника В. Азарова «Спать воспрещено». Оживление колыбельного жанра пришло вместе с Конституцией 1936 года, гарантировавшей право на отдых (в нашем случае — *право на сон*), и вышедшим в том же году фильмом «Цирк», где колыбельных — сразу две. Впрочем, еще раньше, 28 февраля 1935 года — как раз в день рождения дочери Сталина Светланы, — в «Известиях» вышла колыбельная Сергея Михалкова, по странному совпадению (а удивляться этому совпадению автор, как кажется, не устает и по сей день), называвшаяся «Светлана». А там — как плотину прорвало: колыбельные пошли десятками, и основной мыслью их было: спи спокойно, малыш, о тебе есть кому позаботиться. Еще в 1922 году Николай Тихонов писал:

Улицы пусты — тиха Москва,
Город просыпается едва-едва.
И Кремль еще спит, как старший брат,
Но люди в Кремле никогда не спят.

К середине 30-х эти *люди в Кремле* обрели конкретное имя. Вот отрывок из «Колыбельной» Джамбула (1937):

О тебе — отца ревнивей —
Сталин думает в Кремле,
Чтоб ты вырос всех счастливей,
Всех умнее, всех красивей,
Всех отважней на земле.

Вот — из стихотворения В. Луговского «Сон» (1939):

Дочка дышит в теплой дреме.
Сталин смотрит со стены,
Охраняя в этом доме
Все спокойствие страны.

А вот — из «Колыбельной» Маршака (1950):

Оберегают жизнь твою
И родину и дом
Твои друзья в любом краю —
Их больше с каждым днем.
Они дорогу преградят
Войне на всей земле,
Ведет их лучший друг ребят,
А он живет в Кремле!

В эту гимнографию успевает внести скромную лепту даже совсем юный Евгений Евтушенко (1951):

...В бессонной ночной тишине
Он думает о стране, о мире,
Он думает обо мне...
А я засыпаю, и мне приснится
Самый хороший сон...
Я знаю: грядущее видя вокруг,
Склоняется этой ночью
Самый мой лучший на свете друг
В Кремле над столом рабочим.

Бессонное окно сталинского кабинета над погруженной во тьму столицей понемногу становится символом недреманной властной заботы. (По мнению мемуаристов, причиной ареста Николая Эрдмана стали вирши того же рода: поэту выпало несчастье предугадать и спародировать эту формулу в 1933 году, когда ей еще только предстояло сложиться. Через каких-нибудь пару-тройку лет такой текст пародийным уже не показался бы:

...В миллионах разных спален
Спят все люди на земле...
Лишь один товарищ Сталин
Никогда не спит в Кремле.)

А потом бессонные будни вождя окончились, и хор некрологов разнес весть о том, что *товарищ Сталин спит.*

Среди цветов товарищ Сталин спит.
Сон нашего отца величествен, спокоен:
Уверен вождь, что тверд, как монолит,
Народ советский — труженик и воин.
(Евгений Долматовский, 1953).

Однако все в порядке, и сон вождя мирен, потому что теперь бессонную кремлевскую вахту несут другие:

...И если наступает тьма ночная,
В заветных окнах виден тот же свет.
По-сталински, усталости не зная,
Работает Центральный Комитет.
(С. Смирнов, 1953);

Свет в заветных окнах продолжает гореть, оставаясь символом надежности и покоя:

И станут родителей спрашивать дети:
«Горит ли свет в его кабинете?»
Да, свет тот горит, не погаснет свет,
Зажженный им на тысячи лет.
(Н. Асеев, 1953).

В общем, мало что меняется на вечных кругах жизни. И вот уже тот же Евтушенко в оттепельные годы пишет:

Все мертвые спят непробудно,
Но Ленин не спит никогда...
Он слышит все стоны и вздохи
И даже молчанье твое...

Или, как было сказано никем еще не превзойденным анонимом:

Спи, Ильич ты наш прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц красный
В Мавзолей твою...[4]

Заканчивается же статья о бессонных кремлевских окнах следующим мало-профессиональным, но много-обещающим опусом:

Пришел ты из второго эшелона
Чиновников на главный пост страны.
Техасских злопыхателей колонны
Надеялись, гордынею полны,
Что скромный человек из Петербурга
Лакейски станет проводить свой курс.
Но ты сквозь поэтическую вьюгу
Услышал наш гиперборейский пульс...
Престиж, авторитет, доходы с нефти
Растут, и человек в ночном Кремле
Глядит, как прячут в страхе свои плети,
Ковбои, посрамленные вполне.
Ты протянул порядку свою руку
И прекратил нас с гордостью разлуку.
(Алексей Завидов, врач из Серпухова, 2006)[5].

И можно не сомневаться: это — не пародия.

* * *

А напоследок и специально — о заметке **«Количество свободы»**, помещенной в традиционном для «Знамени» разделе «Наблюдатель» («Знамя», № 10). **Александр Агеев**, автор заметки, не в первый раз выступает в роли такого вот *наблюдателя,* несущего неусыпную вахту на страницах самого либерального из наших толстых журналов. Он известен (да и сам себя так постоянно квалифицирует) как литератор тоже вроде бы вполне либеральный. То есть, по определению, всяческий сторонник и любитель свободы. И вот, оглядываясь вокруг, чего бы такое в очередной раз *понаблюдать* со знаменской вышки, он обнаруживает вдруг в поле своего зрения Виктора Шендеровича. И — его «Комментарий к событиям российской жизни»,

[4] Цитирую эти строки не в том варианте, который со ссылкой на Льва Рубинштейна приведен в статье, а так, как уже скоро тридцать лет помнятся они мне.

[5] Опубликовано в подборке любительских стихотворений о Путине в журнале «Esquire».

очередной выпуск которого *вольготно располагается* в очередном номере *славного,* как аттестует нас г-н Агеев, *журнала «Континент»*.

Быть может, кто-то, с ходу не разобравшись, и подумает, что вводная эта аттестация стилистически как-то не вполне соответствует, что ли, накалу той яростной язвительности, которую вызывает затем у г-на Агеева В. Шендерович. Но только не мы. Мы как раз иронию понимаем и ценить умеем. Даже и такую вот непритязательную. А уж обижаться на подобного рода пустяки — тем более не в наших правилах. Как, вообще-то говоря, совсем не в наших правилах и откликаться всякий раз, едва кто-то выступит с критикой того или иного нашего автора. Даже когда эта критика, мягко выражаясь, далека от всякой порядочности. Нам в таких случаях куда более уместным представляется просто пожать плечами, отвернуться да и пройти себе мимо.

Однако на этот раз перед нами случай, к самому по себе Шендеровичу отнюдь не сводимый, хотя и к нему имеющий самое прямое отношение. Случай особый, можно сказать даже — знаковый. А потому вполне стоящий того, чтобы на нем особо же и остановиться. И достаточно подробно. Тем более, что некоторые читатели (не только наши, но и как будто бы дружественного нам «Знамени») нас об этом уже и просили.

Итак, чем же не устраивает г-на Агеева В. Шендерович?

Не будем особо задерживаться на таких в общем-то побочных порциях полемического яда, как, скажем, вот эта: Шендерович *избрал себе интонацию кухонного ерника... и эксплуатирует ее в хвост и гриву,.. стебается как хочет*. Не станем сосредоточиваться и на неоднократно и с нажимом повторяемых намеках на то, что Шендеровичу хочется лишь *славы и денег,* а *стебается* он лишь из зависти, мечтая быть поближе к кормушке, — чтобы, во-первых, *везде пускали,* а во-вторых, обеспечивали *хорошо оплачиваемую свободу слова*... Тут ведь можно только пожалеть г-на Агеева, который вот уже, кажется, тридцать лет все осваивает и осваивает профессию журналиста, но так и не осилил до сих пор даже тех двух поистине азбучных табу, о которых предупреждают чуть ли не на подготовительных курсах любой приличной журналистской школы. Во-первых, что крайне опасно клеймить своего противника эпитетами такого достоинства, как *«кухонный ерник»*, *«стебается»* и т. п., — по той простой причине, что они тут же, бумерангом, немедленно возвращаются и прилипают к самому обличителю, становясь неопровержимым свидетельством и несмываемым опознавательным знаком его собственного полемического уровня и стиля. Во-вторых же, — что ни одно обличение ни в коем случае нельзя строить лишь на основе той опасной методологии, которая называется *«чтением в сердцах»*. И не только по мотивам нравственной чистоплотности (если она имеется), но даже и по соображениям чисто прагматического свойства. Потому что первое, к чему сразу же понуждается читатель, которого вы настойчиво пытаетесь заверить, будто обличаемый вами автор втайне только и мечтает, что о славе и деньгах, — это законный и немедленный вопрос: а вы почему так уверены в этом? Не потому ли, что просто и представить себе не можете, что у пишущего человека могут быть какие-то другие мотивы? Но народная мудрость недаром предупреждает — не мерь других на свой аршин. Иначе

ведь непременно окажешься в положении той самой гоголевской унтерофицерской вдовы, которая сама себя и заголила, и высекла...

Нет, право же — только диву даешься: неужели никто до сих пор не объяснил г-ну Агееву таких элементарных вещей? Выходит — нет. И вот и летают по его тексту подобного рода полемические бумеранги так густо, что просто вчуже страшно становится всякий раз, как только в очередном торжествующем замахе поднимает он на Шендеровича свою обличительную длань. Взять вот хотя бы красочную сатирическую зарисовку В. Шендеровичем номенклатурной VIP-овской жизни с мерседесами, мигалками, ресторанами, VIP-залами и т. п., которую подробно и со смаком начинает вдруг цитировать А. Агеев. Для чего бы это, спрашивается? Да с единственной целью — тут же ехидно добавить: *Это со знанием дела пишется — человек во всех этих местах был, видел все это, но кто ж его, оппозиционера, туда пустил? Загадка.* И даже в голову не приходит нашему простодушному полемисту, что ведь тут же его и спросят: а сам-то ты откуда знаешь, дружочек, что Шендерович описывает все это *со знанием дела*? Никак и тебе в тех краях бывать доводилось? Ну и в качестве кого же? Тоже оппозиционера? Или, наоборот, в порядке компенсации за смену флага?.. Словом, мастер, ничего не скажешь. *Большая медведица пера*, как совершенно по другому поводу сказал поэт.

Но оставим г-на Агеева самого разбираться со всеми этими, в общем-то и в самом деле всего лишь добавочными, совсем не главными, хотя и впечатляющими сюрпризами его полемического профессионализма. И попробуем, наконец, разобраться в самой сути того счета, который он предъявляет Виктору Шендеровичу.

Вот как начинается эта спецоперация. Шендерович, сказано в заметке, *этак с большим аппетитом доказывает, что никакой свободы слова, как и многих других свобод, в России нет. А есть сплошное безобразие, произвол и гнет коррумпированного государства. Чудно как-то получается, дурная какая-то стереофония: сижу себе свободно и читаю свободные слова Шендеровича о том, что свободы слова нет. То есть свобода нужна для того, чтобы сказать, что свободы нет?* <Только вот...> *свобода — это такая штука: либо она есть, либо ее нет, и всякий нормальный человек ее наличие/отсутствие просто шкурой чувствует. Так вот — пока есть. Я могу в нынешней России (ужасной, ужасной, по мнению Шендеровича) сказать все, что хочу, хотя бы и самую несусветную глупость, и ничего мне за это... не будет. Не пускают тебя с твоим свободным словом в газету, журнал, на ТВ? Ничего страшного, есть Интернет. Заведи себе сайт и болтай, сколько хочется. Ежели, конечно, тебе хочется именно свободы, а не славы, денег и влияния.*

Итожит же свое выступление г-н Агеев следующими словами: *Но я, собственно, только про то, что свобода слова — есть. А есть ли у вас слово, которому нужна свобода?*

Что ж, это, по крайней мере, хотя бы уже по существу: *а есть ли у вас слово?* И, казалось бы, тут-то, в ответ на коварный этот вопрос, именно и нужно было бы объяснить г-ну Агееву, почему тексты Шендеровича кажутся нам куда более содержательными, нежели его собственный. Да только стоит ли тратить на это время? Ведь проблема тут не просто в разнице

вкусов, о которых, как известно, не спорят. А прежде всего в том, чем заполнен менталитет, из глубин которого выносится то или иное суждение вкуса, голым понятиям рассудка вроде бы, как мы знаем, и неподвластное. Но, похоже, наши с г-ном Агеевым менталитеты представляют собою тоже слишком плохо сообщающиеся сосуды. К тому же «Континенту» уже и приходилось писать на эту тему. А потому — раз косвенно про нас все равно уже объявили, что сказать нам особенно нечего, — воспользуемся оставленным нам правом не говорить ничего свежего. И всего лишь повторим вкратце то, что три года назад, осенью 2004-го, уже было сказано в «Континенте». Причем забавно, что по очень схожему поводу.

Вот уже два года, — писали мы тогда, — *как Виктор Шендерович стал нашим постоянным автором. Мы любим этого писателя, высоко ценим злость его сатиры, изумительную остроту и точность его слова и присущее Шендеровичу безошибочное чутье — настоящий нюх на всяческую фальшь. Так что статья, посвященная нашему любимому сатирику, не могла нас не порадовать: ведь критика (и критика — особенно!) — свидетельство популярности, а антиреклама — едва ли не лучший вид рекламы. Однако нам пришлось огорчиться: из статьи оппонента мы не поняли почти ничего. Поняли, конечно, что Шендеровича ругают — не поняли только, за что. На беду, для своей статьи критик выбрал тот же самый жанр сатиры, но, не в обиду ему будь сказано, до уровня Шендеровича не дотянул. Тот все-таки обладает достоинствами, которые, к несчастью, отсутствуют у его ругателя, — это полная вразумительность и доказательность текста и фирменное отсутствие мелкой злобности. Так что предоставим читателю самостоятельно судить, кому в данном случае сделана антиреклама* («Континент», № 121, с. 484).

Конечно, это было в прошлом. А времена меняются, — и в последние годы меняются как-то особенно резво. Но ведь и преемственность какая-то между поколениями одной крови и страсти должна же сохраняться! Так что своему предшественнику в праведном деле обличения В. Шендеровича г-н Агеев вряд ли уступит, например, по части вразумительности. А уж по уровню своей подготовленности к полемике — тем более. Причем применительно отнюдь не только к целям более или менее локальным, дополнительным, в поражении которых, как мы видели, он так изощренно ловок, но даже и при обращении к тому, что г-н Агеев и сам вроде бы считает главным. И с чего недаром так прямо и начинает свое разоблачение В. Шендеровича — что тот-де все жалуется *на отсутствие в России свободы слова и других свобод, а сам вот свободно болтает об этом сколько хочет*. В самом деле: тут ведь опять просто оторопь берет — что это с г-ном Агеевым? То ли он почему-то только вид такой делает, то ли и вправду так удивительно, так девственно невинен в отношении всего того, что принято понимать под *свободой слова* в современной политической культуре? Настолько, что его политологическая грамотность никак не может справиться даже с самым простеньким и вполне банальным российским парадоксом. А именно, — как это может быть, чтобы, с одной стороны, какой-нибудь Шендерович мог вполне *свободно болтать* обо всем, о чем ему только вздумается *постебаться*, где-нибудь на своем сайте или еще в двух-трех сходного типа резервациях, сохраненных потемкинского имиджу для, а с другой стороны — чтобы никакой

свободой слова при этом вовсе тем не менее и не пахло? Но ведь тогда, прежде чем ловить В. Шендеровича на провалах собственной логики, хоть заглянул бы в какое-нибудь популярное пособие по современной политологии! Чем черт не шутит — может быть, в результате г-н Агеев, наконец, уразумел бы даже и то, что, когда державный Васька охотно предоставляет так называемой *четвертой власти* роль крыловского повара, кроющего ее на каких-нибудь своих, по определению г-на Агеева, *кухонных* задворках почем зря, а Васька и ухом, понятно, не ведет, урча над своим счастьем, это тоже никакого отношения к свободе слова не имеет.

Нет, мы, конечно, вполне отдаем себе отчет в том, как трудно поверить в реальность до такой уж степени первозданной политологической невменяемости. Но мы — готовы, у нас просто нет другого выхода. Ведь не можем же мы, не имеем ни малейшего права заподозрить г-на Агеева в том, что он всего лишь, как говорят в народе, *ваньку валяет*, а сам обо всем прекрасно осведомлен и в полном сознании, здравом уме и ясной памяти занят просто очевидной (хотя и не слишком ловкой) наперсточной игрой в подходящие к теме свободы слова понятия и термины? Нет, нет, что вы! — мы верим в искренность г-на Агеева — в то, что он и в самом деле ни о каких принятых во всем цивилизованном мире способах, которыми проверяется наличие или отсутствие в каком-то месте Земли свободы слова, даже и не подозревает. Иначе зачем бы так вдруг потребовалось ему рекомендовать в качестве универсального пособия свое собственное, доморощенное средство ее определения и распознавания? *Свобода*, — говорит он (помните?), — *это такая штука, что всякий нормальный человек ее наличие/отсутствие просто шкурой чувствует...*

Что ж, мы, разумеется, охотно верим г-ну Агееву, который, понятно, себя-то уж точно считает *нормальным человеком*. Верим, что именно собственной своей *шкурой,* этим персональным своим дозиметром, он и пользуется обычно, чтобы определить *наличие/отсутствие* вокруг себя свободы. И что этого ему вполне достаточно.

Но ведь для других-то опять получается как-то не слишком убедительно! Согласимся, — не все же люди считают себя *нормальными* в том же самом смысле, что и г-н Агеев! То есть не у всех же именно такая же *шкура*, как у него! А стало быть, им, чтобы они могли оценить ноу-хау г-на Агеева и решить, уж не принять ли на вооружение именно г-ном Агеевым открытое и лично им опробованное средство, уж не поработать ли поскорее и над своим кожным покровом, — надо было бы все-таки хоть как-то пояснить публике, какая же именно *шкура* у таких *нормальных людей*, как г-н Агеев? И что именно можно уловить именно *их шкурным* способом? Без таких пояснений совершенно и не поймешь ведь, что же имеет в виду г-н Агеев, когда говорит, например, что свобода *пока есть*. В каком смысле — *есть*? И в каком смысле — *пока*?.. И главное: в каком смысле — *свобода*?..

И все же, объективности ради, мы должны признать, что очень большой ошибкой было бы тем не менее вывести об опусе г-на Агеева то окончательное суждение, что из-за всех этих невразумительностей в нем вообще ничего невозможно понять. И даже то, ради чего же, собственно, затеян весь этот шумный поход против В. Шендеровича (а заодно и против *славного журнала «Континент»*).

Господи, вот уж поистине секрет за семью печатями! Тайна мадридского двора. Да для этого и никакого «чтения в сердцах», даже и на новейших современных методах г-на Агеева основанного, не требуется. Достаточно просто уметь читать, как принято выражаться ныне, *тексты*. То, что написано в них черным по белому. Вам неясно, почему это г-н Агеев так оживился, увидев со своей наблюдательной вышки В. Шендеровича? И не нашел себе лучшего занятия, чем именно от него и потребовать, согласно названию своей авторской рубрики, *предъявить контекст*? Как неясно! Да вы посмотрите только на Шендеровича, этого *комментатора событий российской жизни*!!! Ведь он же, заверяю вас, *народ презирает!* И только то и делает, что какое-нибудь очередное свое *интеллигентское «фе» власти* норовит высказать! И все выискивает и выискивает в нашей *ужасной, ужасной России* какое-нибудь *безобразие, произвол и гнет коррумпированного государства*! И *покрывает все общественно-политическое пространство страны* именно таким вот *тотальным стебом*!

Ну и что? Требуется ли к этому, скажите, еще что-то добавлять, чтобы без всяких затруднений понять, наконец, смысл того итогового ехидного вопроса, который г-н Агеев задает в конце своего «контекста» — *а есть ли у вас слово, которому нужна свобода*? То есть понять, наконец, *какому* именно «слову», по г-ну Агееву, свобода вовсе как раз не нужна. Даже — *пока*.

Но если так, то, думается, ничего больше не нужно и для того, чтобы понять, почему при всех нелепостях и ляпах, уснащающих текст г-на Агеева, текст этот все-таки и в самом деле вполне заслуживает того, чтобы называться *знаковым*. Потому что невооруженным же глазом видно ведь, что по крайней мере одним, но зато важнейшим талантом, перевешивающим недостаток многих других, г-н Агеев все-таки обладает. А именно — острейшим и безошибочнейшим чувством современности, так впечатляюще им демонстрируемым. Настолько впечатляюще, что порою невольно и себя ловишь — а не пора ли уж и в самом деле пересматривать собственные позиции? И если прежде, скажем, тебе казалось, что нет ничего вернее древнего: «*И познáете истину, и истина сделает вас свободными*», — то не настало ли время, наконец, понять, что куда вернее (и уж куда полезнее) считать, как в благословенные советские времена, что *свобода* никакого отношения ни какой истине не имеет, поскольку *есть* всего-то — навсего *познанная необходимость*? Да и научиться, наконец, осуществлять эту необходимость загодя, не дожидаясь, пока тебе совсем уж впрямую объявят, какой поступил социальный заказ, — то есть именно *пока еще есть свобода*?..

Конечно, это можно делать разными способами. Можно простенько и в открытую встать поскорее в затылок тем многочисленным своим собратьям по всяческому либерализму и всяческому художеству, кто успел уже выстроиться в длинную очередь, чтобы поцеловать в плечико гаранта нынешнего российского порядка. Но чем хуже, в сущности, не столь, может быть, лобовой (или, скорее, плечевой), но, право, не менее изящный и даже как бы индивидуально-самостоятельный способ продемонстрировать свою современность, начав гневно и страстно, от всей своей независимой искренней души шельмовать кого-нибудь из тех, кто этот порядок и этого гаранта выставляет на свет Божий в их натуральном виде? Это тоже ведь будет вполне

знаковым жестом, значения которого разве совсем уж только дебилы не поймут. Так что г-на Агеева и в самом деле можно, следовательно, только поздравить с успешным освоением одного из двух главных новейших способов творческой отзывчивости на требования современности.

Поздравить ли с этим и «Знамя»? Полагаем все же, что нет. Полагаем, что тут все дело даже, может быть, не столько в слишком широко-либеральном понимании толерантности, сколько в банальной журнальной накладке. По себе ведь знаем: в редакционной круговерти иной раз и сам не заметишь, как пропустишь на страницы такое, от чего потом только глаза на лоб лезут. Ну если так, то и ладно, цепляться не будем, лишь бы итоговая рефлексия успешно состоялась. И на пользу пошла.

Ну а тем, у кого, может быть, остались еще какие-то неясности на тот счет, почему же мы сами-то так *нетолерантны* к безусловному праву г-на Агеева свободно высказывать то, что он высказывает, поясним напоследок уже совсем на пальцах. И — без обиняков.

Во-первых, уже потому, что всякая истина остается истиной только в пределах своей применимости. Нет ни авторов, ни тем, неприкасаемых для критики. Но именно критики — то есть полемики серьезной, по существу и предметно. И того же В. Шендеровича мы никогда от этого не оберегали, не оберегаем и оберегать не собираемся. Но разве, скажите, во всем отнюдь не хилом потоке обвинений, обрушенных на голову В. Шендеровича, найдется хоть одно, когда г-н Агеев решился бы разобрать и опровергнуть хотя бы один конкретный реальный случай из числа тех, приводимых В. Шендеровичем, бесчисленных примеров *безобразия, произвола и гнета коррумпированного государства,* к которым вполне предметно и конкретно всегда именно и обращен его «Комментарий»? Вот тогда, даем честное слово, мы бы вполне *толерантно* г-на Агеева выслушали, даже и не соглашаясь с ним. И совсем по-другому — тоже предметно и конкретно — об этих случаях с ним и поговорили.

Ну а во-вторых (и это главное), все дело в том, что громадная разница между свободой высказывать то, что высказывает г-н Агеев, и свободой *покрывать пространство страны* тем *тотальным стебом*, которым, согласно его поэтическому определению, покрывает страну В. Шендерович, заключается именно в *качестве* этих принципиально очень разных *свобод.* И в характере готовности каждого за качество своей свободы платить адекватную ей цену. А сколько это стоит сегодня в случаях, когда приходится платить за то, что г-н Агеев называет *тотальным стебом* и *интеллигентскими «фе» власти*, вряд ли нужно напоминать соотечественникам Анны Политковской, Юрия Щекочихина или Михаила Ходорковского (не будем приводить то, что об этом последнем сказано у г-на Агеева, кто захочет — и сам прочтет).

Не приходится сомневаться, что и г-н Агеев, сочиняя свое *«количество свободы»*, тоже готовил себя к тому, что за эту свою свободу ему тоже придется, вполне вероятно, отвечать. И даже, может быть, и в суде — учитывая то ее специфическое качество, которое выразилось в изысканных намеках г-на Агеева на то, что В. Шендерович мечтает лишь о кормушке, славе и деньгах.

Но мы не будем советовать В. Шендеровичу подавать иск. Мы слишком хорошо знаем, что такое наше басманное правосудие (уже готовящееся, как известно, впаять Михаилу Ходорковскому, попытавшемуся когда-то не уважить нашего гаранта, еще 20 лет). Так что г-н Агеев может оставаться таким же спокойным, каким, полагаем, и был, когда принимался за свое либеральное дело, отлично зная, что из любого нашего суда он наверняка выйдет в полном своем профите.

Или, что то же, — в своем привычном *либеральном профиле.*

Обзор подготовила Ирина Дугина

В. «Звезда», «Нева»

Светлана Друговейко-Должанская рассказывает о созданном в Интернете пять лет назад сайте «Культура письменной речи»[6] (**«Я к вам пишу...»** — «Нева», № 7). Никто из создателей его не предполагал, сколько на них обрушится проблем — и филологических, и этических. А посетили сайт более 10 миллионов, и вопросов задано более 10 тысяч. И поди разгадай, о чем спрашивает человек вот этаким языком: *Как правильно пишется слово пелалодержатель, что такое не на вящево...* То ли плакать остается, то ли смеяться. Словом, авторы вдоволь наглотались и глупостей, и грубостей, и даже хамства, но что поделать: просветительская работа легкой не бывает.

Интересную и в общем-то не стареющую тему затрагивает **Алексей Семкин** в статье **«Так был ли Антон Павлович Чехов моралистом?..»** («Нева», № 9). Рассматривается здесь чеховский рассказ «Враги» с его конфликтом, издавна обозначенным как столкновение подлинного героя доктора Кирилова с самовлюбленной пошлостью несостоявшегося музыканта Абогина. Пройдясь по современной писателю критике, как правило, недалекой и узкой, а потом — по критике советской, угрюмо-социалогической, Семкин убеждает читателя, что Абогин тоже заслуживает нашего сочувствия. Хочется возразить: чуткий читатель в этом никогда и не сомневался.

Статья **Александра Горянина «Как первую любовь...»** («Звезда», №7), посвященная Владимиру Набокову, — не столько аналитическая, сколько пламенно-любовная. Познакомившийся с романом «Дар» в конце 60-х, Горянин был настолько покорен, ошарашен и потрясен необыкновенной красотой слога, наблюдательностью, брызжущим талантом автора, что просто не поверил в существование *такого писателя. Временами,* — сказано в статье,- *я прямо-таки выл от восторга, хохотал, как гиена. Наслаждение от чтения росло, становясь почти невыносимым...* Разумеется, восторженный почитатель «Дара», чуть только представилась возможность, написал автору романа огромное сумбурное письмо. И — удивительное дело! — оно нашло адресата. И стало для Набокова первым читательским откликом с родины. «Дар» произвел настоящую революцию в сознании Горянина. Он выучил английский язык, сменил профессию, став вольным литератором, перебрался из Ташкента в Москву... *Мне никогда не оплатить своего долга перед*

[6] www. gramma. ru

Набоковым за все прекрасности моей новой жизни, — пишет он. Однако столь пылкая любовь к кумиру не заслонила от автора статьи некоторые изъяны позднего творчества Набокова. С горечью он признается, что заметил преувеличенное эстетское высокомерие русского англичанина, *исчезновение живых людей, сужение кругозора, повтор одних и тех же мотивов... излишнее увлечение игрой*. Но Бог с ними, с изъянами. Не в них суть. Главное — что *памятник Набокову давно стоит близ памятника Пушкину и по мрамору его руки колеблется тень русской ветки*.

А для **Виктора Олейника** — автора двух статей, посвященных столетию со дня рождения Варлама Шаламова (**«В. Т. Шаламов. Талант. Судьба. Подвиг»** — «Нева», № 9 и **«Талант. Судьба. Подвиг. К 100-летию со дня рождения В. Шаламова»** — «Звезда», № 7), потрясением было знакомство с обжигающей прозой знаменитого колымского узника: м*ир внезапно изменился... Словно универсальное лекало, приложенное к событиям прошлого и настоящего, отсекло всё преступно-лживое, отвратительно-циничное, угодливо-бездарное, оставив лишь правду, истину, талант*. Обе статьи, чрезвычайно между собой схожие, как и их названия, выдержаны в таком сдержанно-почтительном и вместе с тем пафосном тоне. К сожалению, серьезного анализа в них нет: автор — не профессиональный критик, а врач. Но Шаламов — достойное имя для панегирика, хотя анализ — тоже вещь не лишняя. И столетие писателя — тоже повод воздать должное выдающемуся человеку, сверх всякой меры хлебнувшему лиха в родной стране-мачехе.

«Умру — вы вспомните газеты шорох... Сорок лет без Ильи Эренбурга» — так назвал свою статью **Александр Рубашкин**, хорошо знавший писателя («Звезда», № 8). Автор вспоминает давнюю — 1961 года — страстную речь Ильи Эренбурга в переполненном зале ЦДЛ. Эренбург бросал вызов тем влиятельным силам, написано в статье, *которые разжигают в обществе низменные страсти*, и вслед за своим другом Юлианом Тувимом говорил: *Покуда на свете будет существовать хотя бы один антисемит, я буду с гордостью отвечать на вопрос о национальности — еврей*. Да, при жизни Эренбург действительно, как говорил Александр Твардовский, *недополучил*. Но что правда, то правда: *лучше, чем быть Героем в одной компании с Н. Грибачевым, Г. Марковым (дважды!) и А. Софроновым, не быть им вместе с Паустовским, Чуковским, Кавериным*.

Статью **«Возвращение Нонны Слепаковой»** («Нева», № 7) **Александр Кушнер** посвятил памяти замечательной петербургской поэтессы, скончавшейся почти десятилетие назад. Она не только наделена была настоящим талантом; главное, пишет Кушнер, она смогла уберечься от подражания своим великим предшественницам — Ахматовой и Цветаевой, что погубило многих поэтесс. Нонна Слепакова, *поэт бесстрашный и самостоятельный*, ориентировалась скорее на Некрасова и Блока. Критик в этой связи замечает, что *предшественников следует выбирать не ближайших, живущих «на устах у всех», а удаленных от себя на большое расстояние: в этом случае возникают более непредсказуемые и продуктивные «сцепления»*. С Александром Блоком поэтессу роднят типично городские мотивы, связанные с окраинными, полупровинциальными улочками Петроградской стороны — Гатчинской, Плу-

таловой, Бармалеевой, Подковыровой, где царствует *нарядный, но запущенный модерн начала века.* Но и другой мотив характерен для Слепаковой — это то, что связано *с чудовищно-прекрасным* сталинским мифом, *доверчиво воспринятым детским сознанием* и ярче всего воплощенным в живописи Самохвалова и Дейнеки. А *время*, сказано в статье, *надо изучать не только по книгам, документам и воспоминаниям взрослых людей, но и по детским впечатлениям: это свидетельство имеет свой неожиданный и не учтенный историками смысл.*

Нина Королева в статье **«О Викторе Сосноре и его стихах»** («Звезда», № 9), рассказывая об этом *ни на кого не похожем, совершенно удивительном поэте*, вспоминает, что детство его (а родился Виктор Соснора в 1936 году) было фронтовым — это у восьмилетнего мальчика! Оказавшись в оккупации на Украине, он стал связным партизанского отряда. В одном из интервью Соснора рассказывает: *Мне достали легкую английскую винтовку, и я стал снайпером, и войну прошел не при штабе, а в окопах, с солдатами. Этих немцев я много прихлопнул.* Правда, Н. Королева считает, что в словах этих отобразилась буйная фантазия поэта. Но зато *какого* поэта! Того самого, о котором Николай Асеев сказал: *Все* (молодые поэты. — *Е. Щ.*) *очень интересные, а Соснора — Лермонтов!* Соснора, отмечает критик, главным образом шел *путем Маяковского, Хлебникова, Асеева, Крученых, Кирсанова*, в нем чувствовался огромный багаж авангардистской культуры. Но вместе с тем — и русского раешника, былинного рассказа, частушки. В молодых, озорных, а порой хулиганских его стихах была, как ни странно, *великая патриотическая гордость за свою страну, за воинов ее, князей и селян, скоморохов и мятежников...* Впрочем, Соснора ощущает себя *наследником разнонациональных кровей, враждующих сил и личностей*, ведь в нем смешались польская, украинская, русская, еврейская кровь, к тому же он — потомок рода Барклаев-де-Толли. Удивительный, необычайно самобытный поэт! Правда, в последние годы, пишет Королева, он отошел от чеканной ясности стиха, его поэтическая мысль уведена в подтекст. Сегодня он *записывает ход своей мысли, течение своей внутренней жизни — и этого ему достаточно.*

Обширную аналитическую статью **«"Мир вещей" и "мир идей"»**, посвященную творчеству Игоря Ефимова, публикует **Лариса Шушунова** («Звезда», № 8). Примечательно, что большинство тем и идей, питающих прозу этого большого писателя, критик связывает с его философскими трудами, главным образом «Практической метафизикой», «Стыдной тайной неравенства» и «Метаполитикой». Даже ранняя повесть «Смотрите, кто пришел!» (1965), сюжетом которой служит *перевернутая с ног на голову история «Федры»*, как бы отсылает читателя к метафизике Ефимова, *к его пониманию любви как стремления присоединить чужую свободу, чужой мир к своему.* Отсюда — преломляющаяся в каждом его романе тема внутренней свободы человека. Отсюда же — и основная черта, которой писатель наделил героиню своего романа «Неверная» (2006), которая боится не того, что ее бросят, а — *крушения идеала и поэтому всегда спешит взять от любви все, что можно.* Анализируя «Неверную», Шушунова не удерживается от страстного восклицания: *Наконец-то хоть один русский писатель-мужчина открыто встал на нашу сторону, так близко приняв к сердцу ту чудовищную несправедли-*

вость, которая на протяжении всего существования отечественной словесности чинилась в отношении женщины!

О своем друге, странном и очень талантливом писателе Федоре Чирскове рассказывает **Дмитрий Бобышев** в статье **«Мстительные овощи»** («Звезда», № 4). Писатель был сыном Бориса Чирскова — с одной стороны, нарымского ссыльнопоселенца, а с другой, — заласканного лауреата всяческих премий, сценариста фильмов «Валерий Чкалов», «Великий перелом» и «Хождение по мукам». И мог ли сын такого человека, *зачатый и выношенный в проклятом 1941 году*, вырасти нормальным? Раздвоение личности было, пишет автор статьи, в воздухе той эпохи. Безусловно, рассказы Ф. Чирскова отмечены печатью душевной болезни, есть в них следы заторможенности, есть и определенная невнятица, но пленителен их герой, зачастую — благородный неудачник. По словам Бобышева, *герой Чирского — это, в сущности, Адам, вкусивший яблоко, кусок которого застрял у него в горле.* Кстати, роман «Маленький городок на окраине Вселенной», который Ф. Чирсков считал делом всей своей жизни, скоро выйдет в издательстве журнала «Звезда».

Начав с размышлений о феномене вездесущей «гламурной львицы» Ксении Собчак, **Ольга** и **Владимир Новиковы** в статье **«Черубина де Собчак»** («Звезда», № 5) переходят к более широкому разговору о литературном трэше наших дней — писателе Сергее Минаеве, авторе книг «Dyxless. Повесть о ненастоящем человеке» и «Media sapiens». Критики приходят к выводу о том, что *книги Минаева написаны топорным языком, фабульно элементарны и схематичны, примитивны по мысли*, но — не так уж просты. Эти книги — точнее даже и не книги, а *приборы для манипулирования массовым сознанием* — есть по существу социальный заказ нового времени, поданный под соусом *морализаторства и легкой ностальгии по советским идеалам*, по эпохе «*настоящих людей*». Стилистика — не то из романов Всеволода Кочетова, не то из пьяной исповеди номенклатурного карьериста 70-х. Словом, *эстафета ханжества и пошлости передана одним поколением циников другому.* Все вроде бы в статье верно, за исключением рассказа о подлинной Черубине де Габриак — Елизавете Дмитриевой (Васильевой). Тут хочу поправить авторов. Черубина была писательницей отнюдь не *нормального вторичного уровня*, как сказано у Новиковых, а писательницей замечательной. После развенчания знаменитой мистификации она не «замолчала», как утверждается в статье, а продолжала писать, причем даже после революции, работая в 20-е вместе с Маршаком в Краснодарском детском театре. Наконец, С. Маковский не посылал тексты в «Аполлон»: он был учредителем и сотрудником этого журнала. Не писал же он писем самому себе! Последнее. Вряд ли уместно писать о поэтах Серебряного века в терминах нынешней литературной тусовки: «*поэтический бренд*», «*креативная акция*», «*медийный проект*», «*сработавшая фишка*»... Это скорее из того самого квазиэстетического ряда, который обличают Новиковы.

Спор **Ольги** и **Владимира Новиковых** в их персональной рубрике «Дневник двух писателей» назван **«Experto credite, то есть верьте эксперту»** («Звезда», № 7). С большим интересом спорщики прогулялись по садам и паркам современной словесности. Жаль, отмечает Вл. Новиков, что филолог Алексей Варламов, создавая книгу об А. Н. Толстом, почти не воспользовался

услугами Варламова-беллетриста. *Даже в языке себя сковал, газетными штампами заговорил.* Беседа главным образом ведется вокруг книг Виктора Пелевина, которого чрезвычайно любит молодежь, а вот критики не балуют. Касается спор и литературного русла non fiction, которое *не загниет, если в нем усилится динамика.*

А в статье тех же **Новиковых «Эмоции не забудь!»** («Звезда», № 9) речь ведется о невольном состязании серьезных писателей с творцами тривиальной литературы, заполонившей магазины. Но как ей, словесности вульгарной, не покорить читателя, если современная литература, именующая себя «серьезной», страдает *дефицитом первичной эмоциональности*? *Она эгоистична и гедонистична*, — утверждают авторы.

Ирина Чайковская в статье **«Жизнь и приключения человеков»** («Звезда», № 6) рассказывает об актере и писателе Владимире Рецептере, авторе книги «Жизнь и приключения артистов БДТ». Несмотря на подлинность фамилий, книга эта — отнюдь не мемуарная. Скорее, это *некий срез, некий микрокосм, отражающий всю вообще нашу жизнь* советского, сегодня почти мифологического времени. Во главе Ленинградского Большого драматического театра, о котором пишет Рецептер, стоял, естественно, монарх — просвещенный, талантливый, знающий, но — самодержец. Георгий Александрович Товстоногов. «Артист Р.» все-таки бескорыстно его любил. Но поскольку писатель и артист Р. причислял себя к шестидесятникам — по духу, мыслям и поступкам, — он был человеком абсолютно свободным.

Другая статья **Ирины Чайковской** — **«Бегство от пустоты»** («Нева», № 6) — посвящена поэтической антологии, куда вошли стихи поэтов — выходцев из России, сегодня живущих в Америке. Да, они американцы, но тоска, неумолчная русская тоска не дает им, ставшим чужестранцами, покоя. Камертоном книги становится стихотворение Бродского — такое, написано в статье, что кажется, *попадись оно на глаза нелюбителю* поэзии, — *полюбит*. Здесь, в антологии, отмечает Чайковская, нет зазора между авторами и их стихотворными образами. В стихах — и тема возвращения в прошлое, и культурные реминисценции, и горькое предупреждение о том, что *идет процесс превращения Евы в Адама*, и разговор с Богом... Словом — замечательный сборник.

Вечно острую тему взаимодействия русской и еврейской культур затрагивает **Владимир Елистратов** в статье **«Больше евреев, хороших и разных!»** («Нева», № 4). Автор ее, по собственной характеристике чистокровно русский *с густопсовыми крестьянскими корнями*, убежден, что еврейская тема — это тема, с одной стороны, глубоко трагическая (Холокост, Освенцим), с другой же — комическая (еврей Райкин, озвучивавший тексты еврея Жванецкого, Одесса, еврейские анекдоты). Кроме того, еврейская культура а) сложна, и б) сложна настолько, что сами евреи, пытающиеся осмыслить «еврейскую историю» и «еврейский дух», не дают исчерпывающего ответа на этот «вечный» еврейский вопрос. Конечно, простых культур не бывает. Но еврейская относится к такому типу, который *сочетает в себе установку на перманентное внутреннее усложнение... и перманентную этнокультурную рефлексию,* и накладывается это на *перманентное усложнение внешнее*. Впрочем, точно такое же бесконечное самокопание в сочетании со *всемирной отзывчивос-*

тью Елистратов обнаруживает и у русских, разве что их история в несколько раз короче. Условия истории и пресловутая „ментальность" евреев таковы, что *внешние элементы постоянно противоречат внутренним. И наоборот.* Все это, по мнению автора статьи, привело к расколу в сознании еврейского народа, к бесконечным и мучительным вопросам. Рациональным построениям еврейская культура упрямо не поддается. Но для искусства ужасно, по мнению автора, то, что еврейская тема в русскоязычной культуре сейчас стремительно сужается, схематизируется. А между тем смысл всякой национальной идеи — в вечном поиске этой идеи, как смысл жизни — в самой жизни.

Александр Мелихов считает, что *суть национальной идеи не просто в вечном поиске, но в вечном поиске воображаемой картины мира, в которой народ представляется себе уважаемым, красивым и бессмертным,* еврейская же греза в России иссякает на глазах (**«Евреев все меньше — и хороших, и ужасных»** — «Нева», № 4). А Россия без евреев — все равно что Америка без негров. Возрождение же русской еврейской культуры *может осуществиться лишь очень дорогой ценой — ценой катаклизма настолько масштабного, чтобы привязанность евреев к России и обида на нее снова столкнулись в их (в наших) душах в новой захватывающей драме.*

Тему подхватывает **Михаил Юдсон («Река Проза, или Другой берег Губермана»** — «Нева», № 4). Уж если поэтические строчки еврея Губермана появляются на этикетках водочных бутылок, — перед нами истинно национальный поэт. То есть поэт, принадлежащий, как говорит один довлатовский герой, *русской еврейской нации.* Рассуждая о недавней книге Губермана «Вечерний звон», Юдсон обнаруживает, что поздняя губермановская проза структурно, *ежели под мелкоскопом, сложена из множества жизнеспособных клеток (можно даже хвост оторвать) — она читается отовсюду.*

Очередной новаторский экскурс в историю литературы предпринят **Натальей Гранцевой («Шекспир и проблемы офтальмологии»** — «Нева», № 7). В этой связи вспомним интервью, не так давно данное Гранцевой журналу «Огонек» и перепечатанное петербургским дайджестом «24 часа» (4 октября 2007 г.). *Известная писательница*, как названа там Гранцева, заместитель главного редактора «Невы», призналась тогда, что повинной в разрушении Российского государства считает русскую классику. Ведь именно классика сформировала *мировоззрение русских народовольцев и бомбистов* и по сей день продолжает учить детей, как еще раз *подложить идейную мину под новую государственность.* В интервью имеется много любопытного: в частности, классическая литература наша названа *бесплодной смоковницей*, а Достоевский, оказывается, ставил в литературе *наполеоновские эксперименты с помощью топорика, опущенного на старушечью голову.* Зато истинные *государственники*, писатели-державники Екатерининской эпохи, радевшие о процветании России и, что не последнее, занимавшие при этом немалые государственные посты, — они и есть подлинная наша гордость и литературная сила. Ну, понятно. Госпожа «известная писательница», ничего не скажешь, прытко уловила политические веяния нашего грустного времени. Кстати, о чем-то подобном писал и нестареющий Козьма Прутков, предполагавший, что ежели бы писатели чего-то знали, их призвали бы к службе!

На сей раз жертвой анализа госпожи Гранцевой стал ни много ни мало сам Шекспир со своим «Королем Лиром». Поскольку в трагедии не раз и не два упоминаются человеческие глаза, к тому же, в знаменитой сцене ослепления Глостера, вырванные, — перед нами встает, как тонко подмечено в статье, *проблема офтальмологии*. В этой связи Гранцева задается целым рядом специфических вопросов, в частности — можно ли голыми руками вырвать глаза у человека? И если можно — то зачем их потом растаптывать? И если король Лир в доме Гонерильи говорит о себе: *О, не плачьте вы, старческие глупые глаза, А то я вырву вас и брошу наземь*, — то не становится ли вырывание глаз *обычной процедурой, к которой может прибегнуть любой обиженный человек?* И в самом ли деле в те времена *открытые раны врачевали яичными белками? Прямо в глазницу заливали, отделив от желтка? И заматывали льняными бинтами? Чтобы эта адская смесь крови и яйца поскорее протухла и взорвала мозг накопившимся сероводородом?* Все эти, как мы видим, чисто литературоведческие вопросы имеют совершенно серьезной целью подвести читателя к выводу, что в *клетке трагедии содержится буйвол*, то есть трагедия Шекспира требует совершенно нового прочтения! Тогда *картина происходящего в трагедии полностью преображается. Тогда мы обращаем внимание на то, что основные действия в трагедии связаны не только с переодеваниями, но и с изощренными манипуляциями «условными» вещичками, с перемещением записочек, посланий, с «тайными» встречами, любовными интрижками, обменом паролями (несомненные комедийные маркеры!). А вовсе не с проблемами власти и государственного строительства...* Напомним, если кто подзабыл: речь по-прежнему идет о «Короле Лире». Но вернемся к трактовке Гранцевой. Не изобразил ли Шекспир, спрашивает она, собрав перед очами Лира трех дочерей, *некий литературный конкурс? Турнир мастериц красноречия? А король, как профессор риторики, и судил о выразительности и красоте слога дочерей, оценивал искусство Реганы и Гонерильи?* Словом, Шекспир, как утверждается в статье, просто взял попавшийся ему на глаза древний сюжет и написал пьесу на современную ему тему, а именно *комедию из жизни филологов* (почему не офтальмологов? — *Е. Щ.*), *обладающих вдобавок к своим литературным дарованиям еще и незаурядными сценическими талантами*. И это к тому же не просто комедия, а *комедия масок*.

Стоит ли углубляться в теоретические дебри относительно продемонстрированного здесь аналитического уровня, а также явного отсутствия у исследовательницы таких качеств, как образное поэтическое мышление, воображение, сострадание, наконец? Стоит ли задавать «известной писательнице» риторический вопрос: как, не обладая этими качествами, позволительно о литературе писать? Или, не дай Господи, самому литературой грешить?

Возможно, объяснение феномену Гранцевой мы найдем в неизменно замечательных, острых и мудрых рецензиях-эссе постоянного автора «Звезды» **С. Гедройца**. О книге Дины Хапаевой «Готическое общество: морфология кошмара» («Звезда», № 7) С. Гедройц, отметив, что и со временем нынче что-то не то, — *без сомнения оно летит, но явно не вперед*, — далее говорит: автор книги разглядел в нашем обществе новую формацию, уже

сложившуюся вокруг нас. Это готическое общество. В прошлом оно породило Аушвиц и ГУЛАГ, сейчас порождает отсутствие морального чувства. В результате этого *Аушвиц и ГУЛАГ по-прежнему возвышаются посреди нашей жизни, умышленно невидимые, источая заразный смрад. Страна празднует амнезию. Но в миллионах живет — передаваясь от поколения к поколению, — постоянно вытесняемая память «о злодеяниях, соучастии в преступлениях, страданиях и страхе. Тайная память, которую скрывает от себя каждый, но с последствиями которой приходится иметь дело в масштабах всего общества»*. И вот как С. Гедройц заканчивает рецензию: *Оглянитесь: как стремительно темнеет. Отовсюду, злорадно ухмыляясь, надвигаются какие-то странные, страшные существа. Вот-вот бросятся. Бежать бесполезно.*

Познакомившись с книгой Семена Франка «Саратовский текст» («Звезда», № 9), С. Гедройц отмечает, что, разумеется, история за нами стоит героическая, кто ж про это не знает; но за ней, героической, мерещится *такая беззаветная храбрость, на которую способны только люди настоящей культуры*. Франк, выдающийся философ, как раз был из числа таких людей.

Господи, какое это счастье — прочитать после *офтальмологических проблем* в «Короле Лире» такие изумительные слова: «*люди настоящей культуры*»!

Обзор подготовила Евгения Щеглова

Игорь ВИНОГРАДОВ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СВЯЩЕННИКУ ЯКОВУ КРОТОВУ

Нет, пора, наконец, припрячь и подлеца.
Итак, припряжем подлеца!

Н. В. Гоголь. Мертвые души

Ваше преподобие!

После прекращения в 2002 году Ваших отношений с «Континентом» и моих отношений с Вами у меня никогда не было нужды, тем более потребности следить за Вашими творческими успехами. Ни на радиостанции «Свобода», ни где-либо еще.

Но недавно сотрудники редакции сообщили мне, что в Интернете появился Ваш отклик на напечатанный в № 133 «Континента» *роман о романе* Юрия Малецкого «Случай Штайна», а Ю. Малецкий хочет в «Континенте» же Вам и ответить. В связи с этим я счел необходимым познакомиться с Вашим текстом и впервые включил в Интернете поиск на Ваше имя.

Настоящее письмо вызвано, однако, вовсе не Вашими суждениями о работе Юрия Малецкого, с которыми я там познакомился. Для читателей «Континента» вполне достаточно будет, я думаю, и того, что высказано на этот счет в этом же номере журнала самим Малецким. Но, перелистывая в поисках Вашего текста страницы Ваших интернетских размещений, я наткнулся вдруг на «Роспись содержания журнала “Континент” за 1974–2000 годы (№№ 1–105)», которую Вы делали когда-то по заданию редакции и которая (до 1999 года) была напечатана в юбилейном сотом номере журнала (№ 2 за 1999 год). Это немало удивило меня — с какой это стати она до сих пор висит и на Вашем сайте? И я заглянул в нее. А заглянув — обнаружил следующий сопроводительный к «Росписи» текст, относящийся, судя по всему, к началу 2001 года, дополненный затем в феврале 2001 года и, следовательно, провисевший в Интернете вот уже семь лет!

Вот этот текст, цитирую:

Составитель (т. е. — Вы) *не получил ни копейки из денег, обещанных за данную работу, не работает в редакции журнала «Континент» с 1998 года, не несет никакой ответственности за содержание журнала.*

***Примечание февраля 2001 года**. Дальнейшее пополнение библиографии считаю нецелесообразным. Видимо, начиная с № 102 или 103, журнал издается количеством в 20–30 штук, только для предъявления экземпляров жертвователям из США. Он не поступает в продажу и в библиотеки, даже авторы не могут приобрести экземпляра. Подписка, и ранее не превышавшая нескольких десятков человек, теперь, видимо, прекращена. Поощрять «туфту», делая вид, что перед нами — «настоящий журнал», вряд ли разумно и нравственно.*

Должен признаться: как ни был я подготовлен всей историей моего знакомства с Вами к тому, что Вы способны на очень многое, текст этот меня поразил. Все-таки такой степени отваги я в Вас не подозревал.

Ваше преподобие! Беру на себя полную ответственность сказать Вам в лицо, что Вы — лжец. Самый прямой, настоящий и бессовестный. Во всей Вашей сопроводительной к «Росписи» «информации» только два сообщения как-то соответствует действительности. А именно: что Вы не работаете в редакции «Континента» с 1998 года и что Вы не несете никакой ответственности за содержание журнала.

Все остальное — прямая и бессовестная ложь. А учитывая, что Вы эту ложь предъявляете для того, чтобы обосновать ею не что-нибудь, а свою «*разумность*» и «*нравственность*», — еще и наглая.

Нужно ли Вам напоминать и разъяснять, почему я беру на себя ответственность за полную адекватность любого из этих определений?

Вам — я думаю, не надо. Но мое обращение к Вам не случайно носит характер ***открытого*** *письма.* И без некоторой дополнительной информации с моей стороны возможные его читатели вряд ли сумеют по достоинству оценить, насколько каждое из моих определений справедливо. Поэтому объясняю.

Ложь — и бессовестная, что за составление «Росписи содержания "Континент"» Вы не получили ни копейки. Получили — и сполна. По высшей ставке толстых журналов 2002 года, о чем имеется соответствующая ведомость и Ваши в ней подписи. И они свидетельствуют, что с Вами в 2002 году рассчитались не только за «Содержание», но и вообще за все, что задолжал Вам «Континент» после 1998 года, когда, лишившись финансовой поддержки разоренного дефолтом «Инкомбанка», своего спонсора, на долгое время потерял возможность выплачивать не только гонорары, но даже и зарплату сотрудникам редакции. Тем не менее даже и в начале 2001 года вывешенное Вами сообщение, что за «Роспись» Вы не получили ни копейки (сообщение, которое было, понятно, более чем прозрачным обвинением «Континента» в непорядочности) не имело, при всей своей формальной тогда еще правомерности, никакого отношения к тому, что называется *нравственностью* и *совестливостью.* Разве лишь в Вашем только понимании. Но в моем компьютере (как, вероятно, и в Вашем) полностью сохранилась вся та тягостная переписка, которую пришлось мне с Вами вести, когда с июня 2000 года Вы стали настойчиво напоминать мне (на что имели, разумеется, полное право) о все еще не выплаченном Вам «Континентом» после дефолтовского краха долге за выполненные Вами работы, а я вынужден был только еще и еще раз письменно гарантировать Вам, что долг этот мы непременно Вам выплатим, как только получим к тому малейшую возможность (на что реальная надежда была уже и тогда). Так вот — не помните ли Вы, как после предпоследнего в этой переписке Вашего письма (от 02.01.2001) Вы через два дня, сами же назвав его *хамским*, принесли мне за него свои извинения? И не припомните ли, что́ именно писали Вы мне в этом письме, так и озаглавленном — *izvinenija*?

А писали Вы, объясняя эти свои *izvinenija*, следующее: *И дело даже не в хамстве (хотя и в нем), а в том, что совесть меня грызет: все-таки в конечном счете я Ваш должник, а не Вы мой.*

И, вновь обозначив объем выполненной Вами и пока еще не оплаченной работы, добавляли: *но и Вы сделали для меня много чего разного. Будем считать, мы квиты — по нулям* (письмо от 04.01.2001).

Я, как Вы знаете, ответил Вам на это, что никогда ни за кем не числил в качестве долга и никогда ни в каких суммах не оценивал то, что делал для других, и просто еще раз письменно гарантировал Вам безусловную и полную выплату всего, что Вам причитается.

Но ведь и Вас никто за язык не тянул с этим Вашим предложением считать все «*по нулям*». Кроме Вашей собственной *совести*, которая Вас в тот момент еще *грызла*. Значит, тогда она еще была.

Но куда же, скажите, она в таком случае делась, если чуть ли не на следующий день после этого Вашего «*будем считать, мы квиты — по нулям*» Вы как раз и вывесили свое объявление в Интернете о неуплате Вам долга за «Роспись»? Или вот здесь-то мы и присутствуем как раз при том историческом моменте, когда изгрызшая Вас совесть избавила Вас, наконец, от своего неудобного присутствия? И потому Вам ничто не помешало уже отставить это сообщение висеть в Интернете даже и после того, как «Континент» полностью с Вами расплатился?

То есть до сих пор, вот уже семь лет, Вы оповещаете весь свет о том, как постыдно я Вас ограбил.

Но мало и этого — Вы повесили на «Континент» еще и новую порцию столь же специфической «информации», заявив, что *начиная с 102 или 103 номера журнал издается в количестве 20–30 штук, только для предъявления экземпляров жертвователям из США*. Не говоря уж о ее редкостной политической выразительности, информация эта опять же была ни чем иным, как самой грубой и бессовестной ложью уже и с фактической стороны. Потому что даже сразу после дефолта (№№ 98–101) тираж журнала держался на уровне 3500–4000, тираж и 102-го, и 103-го номеров, Вами помянутых, был по 3200 экз., да и на протяжении всех последующих лет он ни разу не опускался ниже 2500 экз.

Ложь — и чудовищно злостная даже для первых последефолтовских лет, — что журнал *не поступает в продажу и в библиотеки,* что *даже авторы не могут приобрести экземпляра*, что *подписка, и ранее не превышающая несколько десятков человек, теперь, видимо, прекращена* и что, следовательно, нечего относиться к «Континенту» как к *настоящему журналу,* а не как к *туфте.*

Опять же исключительно для читателей, чтобы они смогли по достоинству оценить специфическое качество и этой Вашей «информации»: на протяжении всех лет своего существования (в том числе и *начиная с 102 или 103 номера*) журнал всегда был в продаже во всех т. н. элитных магазинах Москвы («Ад Маргинем», «Графоман», «Эйдос» и т. п.). А в 90-е годы — даже и в «Библио-Глобусе», и в «Доме книги», позднее прекративших продажу толстых журналов. По грантам ли Фонда Сороса, Министерства ли культуры, по самостоятельной ли благотворительной инициативе, но журнал всегда, в каком бы трудном положении он ни находился, снабжал библиотеки всей России не менее чем 1800 экземплярами. И даже личная подписка на него внутри страны и за рубежом никогда не опускалась ниже 1000 экземпляров.

А теперь опять уже только для Вас, персонально.

Не знаю — и мне совершенно это безразлично, — из какого мутного источника извлекли Вы в 2001 году все эти выложенные Вами миру «сведения» о журнале, в котором к тому времени уже два года как не работали. Но заверяю Вас, что если бы уже в 2001-м, и тем более в 2002 году я увидел все это на Вашем сайте в Интернете, я немедленно подал бы на Вас в суд. С тем большей, кстати, на это решимостью, что Вы еще не были тогда священником. И должен признаться, что видя, как Вы вертитесь перед судьей, у которого на столе лежат документы из типографии, накладные из магазинов и библиотек, сводки «Роспечати» и пр., в то время как Вы обязаны доказывать правдивость своей клеветы, я вряд ли сумел бы удержаться от чувства удовлетворения. Для этого я слишком плохой христианин. А потому должен признаться и в том, что, пожалуй, испытал бы то же чувство, подав на Вас в суд и сегодня. Что было бы, кстати, тоже совершенно правомерно и справедливо.

Но я хоть и плохой, а все-таки христианин. И мне было бы просто стыдно видеть в суде в качестве ответчика по обвинению во лжи и клевете *священника*. Причем священника пусть вроде бы и какой-то там сомнительной и микроскопической православной «конфессии», но все-таки пытающегося прислониться именно к православию, для меня совсем не чужому. Поэтому и ограничиваю себя лишь тем, чтобы выполнить хотя бы процитированный мною завет Гоголя — писателя пусть и не самого, может быть, непогрешимого, но зато, несомненно, одного из самых как раз христианнейших.

Но вот уж этот завет я просто должен, обязан выполнить. И, значит, пришло время объяснить — опять, разумеется, не Вам, а читателям, — почему.

Нет, вовсе не потому, что Вы оскорбили лично меня, главного редактора «Континента», уже тем, что журнал якобы не заплатил Вам за проделанную работу. Хотя уже и это — деяние именно того самого сорта, способность к которому делает человека вполне достойным того, чтобы как следует его *припрячь*.

Но Вы заявили — и мне еще раз придется воспроизвести этот заключительный аккорд Вашей *разумности* и *нравственности,* что «Континент» — это не *настоящий журнал*, а *туфта,* что *издается* он *в количестве 20—30 экземпляров только для предъявления жертвователям, не поступает в библиотеки, не продается* и т. п. Но ведь тем самым Вы посмели бросить не только мне, но и всем, кто даже в самые трудные последефолтовские годы продолжал делать журнал, обвинение в том, что мы, стало быть, занимались очковтирательством и обманывали весь свет, печатая в журнале сведения о наших тиражах, о магазинах, где нас можно купить, об обеспечении журналом российских библиотек и т. д.!

И вот это уже такая наглость, которую я ни при каких условиях не имею права Вам спустить. Не имею права прежде всего именно перед лицом тех сотрудников тогдашней редакции, которые после катастрофы 1998 года не позволили журналу погибнуть и самоотверженно, не получая за это ни копейки, а лишь терпеливо ожидая, когда наши невзгоды будут преодолены, продолжали делать все, чтобы «Континент» мог приходить к читателю в полноценном своем формате. И не только сотрудники — такую же благородную

преданность журналу проявили тогда и наши постоянные авторы, терпеливо работавшие для нас в кредит почти три долгих года, пока мы не обрели, наконец, под ногами твердую почву. Это в наш век стоит самого дорогого.

Вам никто никогда не бросил и не мог бросить ни малейшего упрека, когда Вы, семейный человек, проработав до этого в «Континенте» несколько лет, но потеряв после дефолта возможность заработка в нем, приняли понятное всем решение искать какие-то новые источники средств к существованию, не увидев для себя реальных перспектив продолжить в журнале сколько-нибудь регулярную редакторскую работу на «общественных», как это называется, началах. Какие упреки! Напротив, позвольте уже мне не умолчать об этом, ведь это именно я, хорошо понимая Ваше положение, и направил Вас к А. И. Стреляному, когда он попросил меня порекомендовать ведущего для создававшейся им тогда на радио «Свобода» программы «С христианской точки зрения». Где Вы и подвизаетесь до сих пор.

Так как же Вы, покидая журнал, не удержались и плюнули-таки себе за спину — в лицо бывшим своим коллегам, товарищам по работе — Маше Ремизовой, Жене Ермолину, Гале Великовской, Саше Кырлежеву, посмев «разоблачить» их как мошенников — изготовителей *туфты* и обманщиков читателей?! За что? Всего лишь за то, что они поступили иначе, чем Вы? Но как же Вы-то, раз уж Вы так уверены были в том, что туфта эта и обман читателя совершаются, начиная уже с 102-го номера, продолжали тем не менее числиться на титуле этого «липового» журнала членом его редколлегии? И, следовательно, покрывать своим именем все это безобразие еще целый год, вплоть до номера 105-го, ни разу даже не заикнувшись о том, чтобы Вас вычеркнули из этого списка? Или, может быть, боялись, что если так, впрямую, — то тогда, может, денег, которые Вам задолжали, со зла Вам не заплатят? А потому лучше уж так — на фасаде не шелохнуться, а за спиной, на сайте, потихоньку обвалять их всех как следует — авось не сразу (как, увы, и случилось) заметят?..

Но ведь это чистой воды (если только так можно выразиться) пакостничество. И совсем даже не мелкое. Потому что, видите ли, Ваше преподобие, Ваш плевок в нашу сторону — и как раз тогда, когда нам было особенно тяжело, — это и есть именно то, что называется *подлостью*.

И вот об этой подлости я считаю себя тем более обязанным известить всех, до кого это известие дойдет, что Вы, Ваше преподобие, даже в состоянии сегодняшнего своего преподобия так и не почувствовали потребности хотя бы как-то приглушить эту совершенною Вами когда-то подлость, сняв свою грязную клевету со своего сайта. А, значит, она и сегодня вполне адекватна Вашей вроде бы новой — *рукоположенной* — природе. И, значит, тем более делом прямой общественной безопасности является предупредить об этом всех, кто вступает или может вступить с Вами в какие-либо отношения. Чтобы на всякий случай поостереглись все-таки.

Ну а все остальное — это уж исключительно Ваши личные проблемы Ваших личных отношений с тем богом, в которого Вы веруете. Или, вернее, в которого Вам удобнее верить. Мне же остается только молиться за Вас нашему общему Спасителю. Что, должен опять честно признаться, я делаю и буду, наверное, долго еще делать через силу.

Готовый ответить на все Ваши вопросы, возмущения, протесты и т. п., ежели Вы на таковые решитесь. Я ведь и десятой доли не рассказал еще из истории наших с Вами отношений, и, честное слово, не поленюсь, как это ни утомительно, дать Вам еще один урок. И еще один раз показать, чего стоят Ваши всегдашние самовлюбленность, самонадеянность и самоуверенность, позволяющие Вам думать, что персональная Ваша «нравственность» всегда сойдет Вам с рук. Не сойдет.

Уверен, впрочем, в том, что вывесить этот мой текст на Вашем сайте духа у Вас все же не хватит. Хотя безумству храбрых и нет, как известно, предела. Так что, может, и попробуете? То-то будет еще один поучительный гоголевский сюжет!..

Глубоко сострадающий Вам
И. Виноградов

Корректоры *Т. Горячева, А. Лазуткина*

ЛР № 066469
Подписано в печать 11.02.2008. Формат 60x90/16. Бумага типографская.
Гарнитура «Таймс». Печ. л. 33,00. Тираж 2800 экз. Заказ № 2414

Электронный вывод и печать в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«КОНТИНЕНТ»

принимается во всех отделениях связи России.
Наши подписные индексы

71682 *(годовая подписка)*, 73218

в красно-бело-синем каталоге «Роспечати»

В помещении редакции «Континента» (ул. Плющиха, 27, кв. 1) можно оформить льготную подписку на журнал с любого номера и на любой срок – при условии получения выходящих номеров в редакции.

В редакции «Континента» можно приобрести также отдельные номера журнала прошлых выпусков.

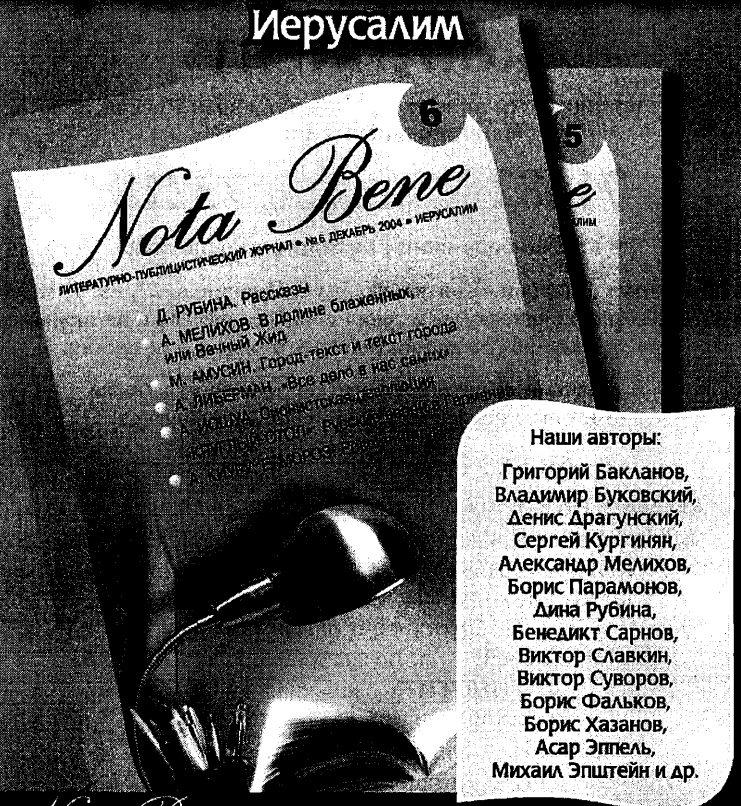
В МОСКВЕ журнал «Континент» продается:

"AD MARGINEM" – 1-й Новокузнецкий пер., 5/7; тел. 951.93.60
"BILINGUA" – Кривоколенный пер., 10 стр. 5; тел. 623.66.92
"КНИГА" – Нижняя Радищевская, 2; тел. 915.27.97
ЖУРНАЛЬНЫЙ КИОСК "НОВОЙ ГАЗЕТЫ" –
Страстной бульвар, 8
"ЛЕТНИЙ САД" – ул. Воздвиженка, 3; тел. 622.83.53
ЛИТИНСТИТУТ книжная лавка –
Тверской бульвар, 25; тел. 694.01.98
"ПИРОГИ" – Никольская, 19/21; тел. 621.58.27
"ПРОЕКТ ОГИ" – Потаповский пер., 8/12 стр. 2; 627.56.09
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ЗНАМЯ" – Б. Садовая, 2/46; тел. 699.52.83
СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ИНСТИТУТ книжный киоск –
ул. Покровка, 29, офис 38; тел. 623.03.80
"УМНАЯ КНИГА" – ул. Покровка, д. 27, стр. 1; тел. 916.28.14
"ФАЛАНСТЕР" – Мал. Гнездниковский пер., д. 12/27; тел. 504.47.95
ХРАМ КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ –
Столешников пер., 2; тел. 629.52.62
ХРАМ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ
НА УСПЕНСКОМ ВРАЖКЕ – Газетный пер., 15; тел. 962.05.63

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

КНИЖНЫЙ КЛУБ НА АВСТРИЙСКОЙ ПЛОЩАДИ –
Каменноостровский пр., 13/2; тел. (812)232.33.07
"ЛЕТНИЙ САД" – Большой Проспект ПС, 82; тел. (812) 232.21.04

Литературно-публицистический журнал. Иерусалим

Наши авторы:

Григорий Бакланов,
Владимир Буковский,
Денис Драгунский,
Сергей Кургинян,
Александр Мелихов,
Борис Парамонов,
Дина Рубина,
Бенедикт Сарнов,
Виктор Славкин,
Виктор Суворов,
Борис Фальков,
Борис Хазанов,
Асар Эппель,
Михаил Эпштейн и др.

Nota Bene выходит 6 раз в год; объем - 350 стр.

СТОИМОСТЬ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ:

В России - $65 • В Европе - €55 • В США - $70

Тел. редакции: 972-2-5325931; факс: 972-2-5324863
E-mail: omegag@bezeqint.net
Адрес: POB 45156, Har-Hotsvim, Jerusalem 91450 Israel

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ КУЛЬТУР

Год основания – 1990

Государственная аккредитация
Отсрочка от армии
Диплом государственного образца

КЛАССИЧЕСКОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В программе обучения по специальности

КУЛЬТУРОЛОГИЯ:

мифология, литература, история искусств,
история театра, философия, риторика, религии мира,
эстетика, философия культуры, семиотика,
всеобщая история;
древние и современные европейские языки.

ОЧНАЯ, ДИСТАНЦИОННАЯ, ЗАОЧНАЯ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ ВТОРОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

экзамены с 20 по 30 мая и с 1 по 30 августа

РАБОТАЕТ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Телефон: 968-69-21

E-mail: unic@dol.ru www.unic.edu.ru

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

литературно-публицистический журнал

Основан М. Алдановым и М. Цетлиным
Издается с 1942 года
Выходит 4 раза в год
Издается в Нью-Йорке
Главный редактор — Марина Адамович
Автор обложки — М. Добужинский

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ» — старейший журнал Зарубежья. Нашими авторами были И. Бунин, М. Карпович (гл. редактор), Г. Иванов, Г. Адамович, Р. Гуль (гл. редактор), А. Ремизов, В. Набоков, А. Керенский, Б. Зайцев, Ф. Степун, Г. Федотов, И. Чиннов, И. Елагин, А. Солженицын, И. Бродский и другие представители Зарубежной России. 66 лет «Новый Журнал» формирует литературный процесс Зарубежья. Наши подписчики живут в 32 странах мира.

Основные разделы журнала: ПРОЗА, ПОЭЗИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, РЕЛИГИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ.

Журнал публикует:

- повести и рассказы современных русскоязычных писателей Зарубежья и России
- современную русскую поэзию
- неопубликованные произведения классиков русской литературы
- историко-культурологические труды, посвященные культурной и литературной истории России и Русского Зарубежья, включая большой корпус архивных документов
- статьи по проблемам теории литературы
- статьи, рецензии, интервью, посвященные современной русской литературе Зарубежья и России, в том числе – обширные ежеквартальные библиографические обзоры.

Годовая подписка (за 4 книги):

для университетов и организаций — $ 134.00
(включая пересылку из США);

индивидуальная подписка — $ 90.00
(включая пересылку из США);

Дополнительная информация:

по телефону в Нью-Йорке: (212) 353-1478
по E-mail: newreview@msn.com
internet: http://magazines.russ.ru/nj

Адрес редакции: The New Review
611 Broadway, #902, New York, NY 10012

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ИМ. МАРКА АЛДАНОВА

присуждается с 2006 года. Премия учреждена Корпорацией «НОВОГО ЖУРНАЛА» в память выдающегося писателя русской эмиграции, одного из основателей «Нового Журнала». Учредители премии ставят своей целью сохранение и развитие традиций русской литературы в контексте мировой культуры. Премия им. Марка Алданова призвана поддержать писателей русскоязычной диаспоры, живущих в рассеянии по всему миру.

Она присуждается прозаикам, создающим свои произведения на русском языке и живущим вне Российской Федерации.

Литературная премия им. Марка Алданова присуждается за лучшую повесть года (2008). Премия присуждается одному соискателю и состоит из диплома и денежного вознаграждения в размере одной тысячи долларов США ($1000.00). Звание «Лауреат литературной премии им. Марка Алданова» присваивается соискателям, занявшим 2-е и 3-е призовые места.

Условия и порядок подачи рукописей

1. На соискание литературной премии им. Марка Алданова могут быть присланы тексты на русском языке на тему истории пореволюционной России, истории русской эмиграции, жизни современной русскоязычной диаспоры. Жанр — повесть (до 130 тыс. знаков).

2. Рукописи, присланные на конкурс, не должны быть нигде опубликованы (включая литературные сайты Интернета). Рукописи не возвращаются. Оргкомитет в переписку с авторами не вступает.

3. Рукописи могут быть присланы в бумажном виде или по электронной почте на адрес редакции:

   The New Review
   611 Broadway #902
   New York, NY 10012
   newreview@msn.com

4. Рукописи принимаются до 31 марта 2008 года. Имя победителя будет объявлено в сентябрьском номере «Нового Журнала» (2008) и в Интернете (см.: http://magazines.russ.ru/nj). Текст повести, признанной жюри НЖ «лучшей повестью русского зарубежья» (2008), будет опубликован.

В РЕДАКЦИИ «КОНТИНЕНТА» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ СЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ:

Двухтомник Ольги СЕДАКОВОЙ «Стихи. Проза»

Двухтомник издан издательством «Эн Эф Кью». Издание вышло ограниченным тиражом и состоит из тома стихов (574 стр.), в который включены также и поэтические переводы, и тома прозы (959 стр.), содержащего разделы: заметки и путешествия, эссе, исследования, очерки словесности, воспоминания, вместо заключения (в этот раздел, в частности, включена речь при вручении премии Владимира Соловьёва). Вступительная статья Сергея Аверинцева, художник А. Райхштейн.

Книга Ольги СЕДАКОВОЙ «Музыка»

В книгу, изданную в «Русском міре» в 2006 году, вошли стихи, филологические и религиозно-философские эссе. Книга выпущена в серии «Литературная премия Александра Солженицына».

Книга сестры ЭММАНУЭЛЬ «Меджугорье, девяностые годы. Торжество сердца»

Издание общины «Беатитюд». Перевод с французского, 284 стр. В книге собраны свидетельства, а также наблюдения и размышления о Меджугорских событиях. Автор — сестра Эммануэль Майар — живет в Меджугорье с 1989 г.

Книга Нелли БИУЛЬ-ЗЕДГИНИДЗЕ «Литературная критика журнала "Новый мир" А.Т. Твардовского (1958-1970 гг.)»

Издание Культурно-просветительского центра «Первопечатник», 439 стр. Докторская диссертация автора, защищенная на факультете славистики Женевского университета. Исследуется творчество ведущих критиков «Нового мира»: В.Я. Лакшина, Ю.Г. Буртина, И.И. Виноградова, А.Д. Синявского в контексте журнальной политики.

Книга Игоря ВИНОГРАДОВА «Духовные искания русской литературы»

Издательство «Русский путь», 2005 г., 672 стр. Автор предлагает галерею масштабных мировоззренческих портретов русских писателей и мыслителей XIX-XX веков от Лермонтова и Писарева до Солженицына и Искандера. Книга обращена к духовным проблемам нашего времени — прежде всего к проблемам того «открытого сознания», которое свойственно современным людям, в подавляющем большинстве своем живущим вне мира религиозной веры. Книга для всех духовно вменяемых наших современников, которые не утратили способности терзаться высшими загадками бытия.

Книга «ХРОНИКА КАЗНИ ЮРИЯ ГАЛАНСКОВА (в его письмах из зоны ЖХ-385, свидетельствах и документах)». *Составитель, автор вводной статьи и комментариев — Геннадий Кагановский.*

Книга выпущена издательством «Аграф». Поэт, мыслитель, подвижник Ю. Галансков погиб в мордовском лагере строгого режима в возрасте 33 лет на шестом году заключения. Его письма из-за колючей проволоки, а также другие материалы, сопряженные с кульминационным периодом жизни Галанскова (пребывание под следствием в Лефортовском изоляторе, судебный процесс, лагерные хождения по мукам), позволяют читателю составить представление об этой яркой неповторимой личности, о том времени и о том режиме, которые предопределили его мучительный путь.

Также имеются в продаже
остатки тиража некоторых номеров «КОНТИНЕНТА» с 1993 года

Звоните и приходите!

Тел. 248.62.35 **Адрес:** ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

2007
№4

«КОНТИНЕНТ» № 134. 528 стр.. подписные индексы в каталоге Роспечати 73218. 71682 и 18047 (для библиотек)